

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ПРЕМИЯ
ПОЛИТ
Просвет
2014 год

Леонид Бершидский

Лев Гудков,

лауреат премии

Андрей Зубов

Федор Лукьянов

Григорий Ревзин

проект «Диссернет»

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
ПРЕМИЯ

полит
Просвет

2014 год

МОСКВА
2014

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

П88

П88 **Публицистическая премия «ПолитПросвет». 2014 год.** — Москва :
Фонд «Либеральная Миссия», 2014. — 648 с.

В книге собраны работы финалистов публицистической премии «ПолитПросвет». То есть тех, кто просвещает наше политическое сознание, всячески мешает верить в плоскую картину мира, показывает кривизну истории, роль личности в ней. Но личности не в том советском смысле, который на глазах реанимируется в нулевых; не личности вождя, а личности самодостаточного гражданина.

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

© Фонд «Либеральная Миссия», 2014

Оглавление

Леонид Бершидский

Кому нужны бандеровцы	9
Крым, который мы потеряли	13
Так я стал предателем	20
Золото эмигрантов	22
Не вполне позор России	25
Гитлер и хипстеры	27
Город, где пролилась кровь	29
Плохие новости — только бесплатно	32
Лобби лицемеров	35
Путин и гадрозавр	37
Следите за руками Януковича	41
Скупая слеза за миллиард	44
Революция вопросов	47
Общая история двух городов	50
Его величество царь СССР	53
Европейский поступок	55
Публь побеждает	58
Кремниевая долина смертной тени	60
Пора бить в корень	63
Овощная проблема Бирюлева	65
Пьян как дипломат	68
Вуду off the record	70
Путину нужна женщина	72
Хороним Капкова с музыкой	75
Переменная Ройзмана	77
Рост на идиотизме	81
Сперва стреляй, потом спрашивай	83
50 оттенков коричневого	86
Горящее сердце Дмитрия Киселева	88
Право осквернять	91
Ловцы не щук, но человекоев	93
Единая Линия, она же Безысходная Хрень	95
Хит-парад русского протеста	97
Неизбежность коллаборации	103
Академическая гребля	105
За что они так Сильвио	108
Куда делась московская магия	110
ЕГЭ как мертвый сферический конь	113
Непекинская утка	116

Почему Собянин не подходит Москве	119
За Кадыровым тоже прилетят инопланетяне	122
Пора забыть об эмиграции	125
Мордор-2013	128
Почему мы не благодарим ментов	131
Победа живого леса	133
Десять песен, которые пережили Тэтчер	136
Ноль промилле доверия	139
Есть ли у «Ведомостей» и «Коммерсанта» лояльная аудитория.....	141
Возможно все: чему нас научил украинский кризис	144
Лента и маятник: почему не стоит терять надежду	146
Крым: цена империализма	149
Как взять с богатых больше денег и не повредить экономике	151
Олигархи, геть: чем отличились участники украинского списка Forbes	154
Украина: эмиграция надежды	156
Почему сланцевая революция ничем не грозит Владимиру Путину	158
Почему российским СМИ можно путать прибыль и выручку	160
Падение рубля: не только конъюнктура.....	163
Рейтинг от майдана: заплатит ли Украина России?.....	165
Электронные кошельки: как депутаты опять сыграли на бирже	167
Правила авиадосмотра: не спешите жаловаться	169
Сколько денег у Ходорковского: попытка оценки	172
Почему Европа тянет с отменой виз для россиян	174
Послание Путина: цена вопроса	177
Китайская рулетка: почему частным инвесторам не стоит покупать биткоины	179
Площадь чемодана: как владельцы брендов покушаются на святое.....	182
Национальные чемпионы: как российские госменеджеры обогнали западных	184
Почему доверие американских подростков стоит дороже \$3 млрд.....	186
Красивая история: в чем секрет привлекательности Twitter	189
Кто и сколько заработает на IPO Twitter	191
Уход провинциалов: что разрушило глобальный бизнес Sanoma	191
Горькая правда: шесть мифов о мигрантах	194
Сказка о дефолте: как спорятся и договариваются американские политики.....	197

Риски кредитного бума: почему «Авангард» и ТКС пошли разными путями	200
Ответ Сергею Иванову: что производит Москва	203
Свободная профессия: как зарплаты топ-менеджеров оторвались от реальности	205
Почему реформа РАН ничего не изменит, а Церетели продолжит получать больше генетиков	207
Классовый выбор: как цены на жилье предрешили исход голосования в Москве	210
Иллюзия поражения: почему Nokia выиграет от сделки с Microsoft	214
Почему у стран Восточной Европы получается развивать экономику, а у России — нет	216
Скрытая угроза: как шпионские скандалы меняют мировые медиа	218
Иллюзия обмана: как хитрый воронежец выставил на посмешище всех банкиров	220
Может ли Навальный стать хорошим мэром	224
Единогласное одобрение: как Лукашенко сыграл в пользу рынка	227
Пять ошибок избирательной кампании Алексея Навального	229
Приговор Навальному: теперь посадить можно любого	232
Грешный рейтинг: где надо жить, чтобы попасть в ад	235
На нефтяной игле: как дешевый бензин привел к перевороту в Египте	238
Почему покупка СМИ не может обелить репутацию владельца	240
Как система PRISM поможет российским депутатам	243
Хребет семейного хозяйства: почему «Газпром» мегаэффективен ...	245
Почему неважно, где живет Сергей Гуриев	248
Призрак подставы: почему сложно поверить в виновность главы Росбанка	251
Почему «ВКонтакте» сможет обойтись без Павла Дурова	253
Как частным СМИ выжить на рынке, на который пришли шальные деньги	255

Лев Гудков

Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе	258
---	-----

Андрей Зубов

Это уже было	370
Вождей нет, потому что они не нужны	373
Украина не расколота	379
Перспективы гражданского общества в сегодняшней России	384
Вернуться на путь, прерванный большевиками	388

Федор Лукьянов

Украина как искушение	394
Исчерпанная Украина.....	399
Контур замыкается	401
Человек, который не стоял на мести	404
Нечего терять, кроме своих	408
В выжидании будущего	411
Мы и новая Азия	414
Как жить нельзя?	418
Самоутверждение от противного	421
Будь что было.....	424
Парикмахерская для поросят	427
Ни надежд, ни разочарований	430
Клубная карта	433
Перестройка-2014	437
Принуждение к новому миру.....	441
Чем ситуация в Крыму напоминает конфликт с Грузией в 2008 году.....	444
Риски «национальной революции»	448
Россия нащупает свой путь.....	451

Григорий Ревзин

Да, евразийцы мы!	456
«Господи,— думал я,— ну как он не боится так подставляться!»	458
Берегись велосипедиста.....	461
Сокрушительная память	465
Сундук народного единства	468
Шесть портретов Путина над оркестровой ямой.....	473
На «Титанике» проектируют айсберги.....	478
Судный день	481
Люди хотят убивать	485
Монетизация людоедства	490
Может, черт с ними, с 300 миллионами?	494

Работать по мере символов	498
Этический прогресс	502
Кто не работает, тот не сеть	506
Что бывает от борьбы с курением	510
Новый курс Москвы	512
Язык сам себя говорит	517
Один в поле волен	521
Воплощение и обмен	524
Военный космодром	528
Пейзаж после банкротства	534
Напрасно в годы хаоса искать конца благого	538
Ужас обмана	541
О либералах и националистах	544
Три года спустя	547
Ответ Виктору Шендеровичу	550
Клуб на сотню тысяч человек	551
Принуждение к компромиссу	553

Диссернет

Михаил Гельфанд

Зараза	557
С другой стороны	562

Сергей Пархоменко

Министр Ливанов никак не относится	572
«Диссернет» еще раз попробует поверить в чудо... ..	579
Операция губер-диссер. В поисках абсолюта	581

Андрей Заякин

Игра в «диссер»: итоги года	591
-----------------------------------	-----

Мефодий Волихамов

МГУ и диссергейт: опасные связи	593
Диссерграф: сказание о королеве фальсификаций	598
Сага о бывших ректорах	603

Андрей Ростовцев

Без права быть «другим»	606
Воровство высшей степени	609
Институт липовой учености	612
Дело Ситникова	615
Винно-диссертационная история	617
Диссернет и правосудие	619
Диссернет на карте страны	621

Взрывной ландшафт	624
Чьи в лесу шишки?	626
Диссернет. Запрос на консерватизм.....	628
С чего начинается Родина?.....	630
Организаторские способности.....	632
Диссернет. Трещина в Доме Пашкова.....	633
Мифология Ливанова	636
Реакция Диссернет	639
Диссертация с ушами	641
Воинствующий пациент Диссернета	643
Дорога в никуда.....	645

Кому нужны бандеровцы

Snob.ru, 20.03.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/73881>

Никто так не помогает Владимиру Путину, как радикальные украинские националисты, которых он именует «бандеровцами» — в честь то ли Остапа Бендера, то ли приднестровских Бендер. Эти последователи Степана Бандеры сейчас наносят делу украинской независимости гораздо больше вреда, чем их герой сумел принести пользы.

Глядя, как депутат Верховной Рады Украины от националистической партии «Свобода» Игорь Мирошниченко орет главе Национальной телекомпании Украины Александру Пантелеймонову: «Пиши заявку, москалюга» — и силой усаживает его в кресло, я не мог отделаться от ощущения, что и сам Мирошниченко — известный сумской антисемит, — и тот, кто снимал происходящее на видео, не могли сами такое придумать: только рука Кремля могла вписать такое в их не обезображенные извилинами мозги. (Впоследствии Мирошниченко, зная о наличии видео, утверждал, что к Пантелеймонову не применяли силу.)

В самом деле, может ли Украина считаться государством, пока такие ребята открывают ногами двери в кабинеты? Путин говорит, что в Киеве «многие госорганы узурпированы самозванцами, при этом они ничего в стране не контролируют, а сами — хочу это подчеркнуть, — часто сами находятся под контролем радикалов». И вот в кабинет к временному главе государственной телекомпании врывается группа «свободовцев» и начинает тузить его и понуждать к отставке. И сами же это снимают, чтобы выложить в интернет! Разве бывают такие совпадения?

Вопрос о том, не путинские ли придумали и используют этих ребят, должен обсуждаться не менее серьезно, чем неоднозначный вопрос о степени сотрудничества Бандеры с нацистами.

Бандеру в последнее время «раскрутили» как символ пришедшего к власти в Украине «фашизма». С его биографией люди, неправильно выговаривающие фамилию лидера ОУН, вряд ли знакомы. А это поучительная история для всех националистов, не только украинских: если уж пошел ты такой дорогой, то представители всех прочих народов тебе не союзники, а враги. А своему народу — и сам ты, по результатам деятельности, враг.

Сын греко-католического священника, с пятого класса гимназии Бандера участвовал в деятельности украинского националистического

подполья, действовавшего на тогдашней польской территории. Это был цепкий, умный молодой человек, игравший в шахматы, на гитаре и на мандолине и мечтавший стать гетманом независимой Украины. Как многие вожди, тогдашние и нынешние, он был маленького роста.

К исполнению мечты лишенный вредных привычек, одаренный лошадиной трудоспособностью Бандера шел уверенно и не оглядываясь: в могущественной Организации украинских националистов, созданной, когда Бандере было 20 лет, он отвечал не только за пропаганду, но и за организацию громких терактов. Старавшиеся дестабилизировать Польшу немцы дорожили такими кадрами. Еще до прихода к власти Гитлера немецкая разведка, абвер, создала несколько специальных школ для украинских подпольщиков. В одной такой, в Данциге, учился и Бандера.

За участие в подготовке убийства польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого — вполне либерального, но все равно «оккупационного» с точки зрения украинского подполья — в 1934 году Бандера, подпольная кличка Лис, угодил в тюрьму. Его приговорили к повешению, но после заменили смерть на пожизненное заключение. Освободился он из Брестской крепости — тогдашней польской тюрьмы — после того, как нацисты захватили Польшу, в 1939-м.

С нацистами Бандера активно сотрудничал только в следующие два года (украинские националисты любят вспоминать, что тогда и Сталин был союзником Гитлера, и это правда). В апреле 1941-го сторонники Бандеры созвали II Большой Сбор ОУН, который расколол организацию. Бандера стал лидером «революционной» ее части, провозгласившей своей целью вооруженную борьбу с СССР, в то время активно «чистившим» захваченные у Польши западноукраинские территории от националистов. Вот и отца Бандеры вывезли в Киев и там расстреляли.

На II Большом Сборе вроде бы утвердилось часто звучащее ныне приветствие «Слава Украине!» с отзывом «Героям слава!».

В одной из резолюций Сбора высказывалось недвусмысленное отношение бандеровской организации к евреям, большевикам и Москве: «Жиды в СССР — преданнейшая опора господствующего большевистского режима и авангард московского империализма в Украине. Противожидовские настроения украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от тех, кто на самом деле творит зло, чтобы в момент срыва направить их на погромы жидов. Организация украинских националистов борется с жидами как с опорой московско-большевистского режима, разъяряя одновременно народным массам, что Москва — это главный враг».

Врагами Бандеры и его сторонников были все вокруг — кроме, на тот момент, нацистов, которые помогли бандеровскому крылу ОУН сформировать Легион украинских националистов, призванный войти в За-

падную Украину вместе с немецкими войсками. Легион делился на два батальона — Roland и Nachtigal («Соловей»: у него был свой хор; украинцы любят петь). «Нахтигалем» командовал сподвижник Бандеры сотник Роман Шухевич. Легион был детищем абвера: в нацистской партии украинцев считали недочеловеками и сотрудничать с ними не считали нужным.

Бандера писал уже после войны: «Политический смысл создания украинского военного отряда в сотрудничестве с немецкой армией был в том, что он должен был закрепить свободу и положение Украины, которая во время войны на ее территории не предается пассивному ожиданию, но и сама борется за свою независимость. Военные отряды Дружин украинских националистов должны были официально доказать, что Украина готова, кроме собственной революционной борьбы, поставить на фронт против Москвы свое войско в союзе с Германией, если последняя подтвердит государственную независимость Украины и будет официально считать ее союзником».

Ставить Гитлеру какие-то условия было, однако, нелепо. Когда 30 июня Бандера и его соратники выпустили «Акт возрождения украинской государственности», объявлявший националистов новыми правителями освобожденной нацистами страны, немцы совсем перестали понимать Бандеру и уpekи его в тюрьму, а его сторонников принялись уничтожать. Некоторые, однако, продолжали сотрудничать с Гитлером, служить в полиции и в частях, уничтожавших евреев и партизан. Впрочем, те части нельзя называть в полной мере «бандеровскими» — в них уже были украинцы из самых разных организаций, да и вообще не из организаций.

В 1944 году нацисты освободили Бандеру из «элитного» концлагеря Заксенхаузен, где содержался, среди прочих, и сын Сталина Яков Джугашвили. Его снова хотели использовать, но судьба Гитлера была уже предрешена, и никакой выгоды для Бандеры в таком сотрудничестве уже не было. Он отказался. Жить, однако, остался в Германии, и в 1956 году в Мюнхене его убил агент КГБ Богдан Сташинский.

Это короткое жизнеописание Бандеры почерпнул я из нескольких его биографий, написанных как сторонниками советской версии истории ОУН, так и украинскими националистами. Одна из этих книг, харьковского автора Руслана Частия, запрещена в России как экстремистская. Думаю, с изложенными выше фактами не станут спорить ни ненавистники, ни сторонники Бандеры: практически все спорное я отсеял.

А вот с моей оценкой его вклада в историю украинской нации многие наверняка не согласятся.

Жертвенность у украинцев в крови. В гимне ОУН поется:

*Не треба нам ні слави, ні заплати,
Заплатою нам радість боротьби,
Солодше нам у бою умирати,
Ніж жити в путах, мов німі раби.*

Бандера, безусловно, следовал этим словам — и неизменно оказывался жертвой, сперва поляков, затем советских, убивших его отца и разметавших семью, а затем и немцев. Для многих украинцев уже это повод его героизировать.

Но Бандера ничего не добился не только для себя, но и для своей Украины. Никакой независимости не вышло, и немцы, и сталинский НКВД прошли по родным местам лидера ОУН неотвратимыми катками. Участие националистов в уничтожении евреев и сотрудничество их с Гитлером навсегда запятнало их движение, — эти пятна уже не свести, и в Восточной Украине, до Второй мировой находившейся в составе СССР, националистов никогда не будут считать своими, пока они чтут память Бандеры.

По сути, он нанес единству страны труднопоправимый вред. Даже мертвый он продолжает приносить Украине несчастья: на его имя реагируют как на красную тряпку не только в Москве, но и в иных украинских городах.

«Свобода», меж тем, чтит его открыто и широко. 1 января этого года, в 105-й день рождения Бандеры, «свободовцы» — эти ярые борцы с гееми, легкими наркотиками, абортами, Россией и запретом на употребление слова «жид» — провели в Киеве факельное шествие. Мирошниченко тоже там был, гордился тем, что каждый год к шествию присоединяется все больше людей.

Последователи Бандеры продолжают приносить украинской нации только зло — как бы во имя ее блага. Эти ребята не нужны в Европе, где нет ни одной страны, не открестившейся от фашистского или нацистского прошлого. Эти ребята нужны только Путину — как козырь, как жупел, как наемные ли, добровольные ли злые скоморохи.

Теперь уже безразлично, понимают они это или нет. Украина сейчас в меньшей степени государство, чем до свержения воровского режима Виктора Януковича. Может быть, строить удобнее с нуля. Но не упасть бы ниже.

Крым, который мы потеряли

Snob.ru, 13.03.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/73480>

Моя любимая русская книга, «Остров Крым» Василия Аксенова, теперь главный бестселлер в Litres.ru, самом большом в России легальном магазине электронных книг. Недаром, выходит, я перечитал ее раз пять или шесть с тех пор, как впервые завелась в нашем доме бледная ксерокопия романа, выпущенного в Америке в 1981 году издательством Ardis.

Шпыняйте меня теперь за попсовый вкус — эта книжка предсказала крупнейший политический кризис 2010-х. Если не всей постсоветской истории. И скорей бегите в книжный магазин (или набирайте адресок в поисковой строке).

Совсем не потому, что нового лидера Крыма зовут не только Гоблином (по пацанской линии), но и Аксеновым (к счастью, не Василием, а Сергеем). Не ждите буквальных совпадений. Аксеновский Крым, отделенный от СССР проливом, а не перешейком, и потому не захваченный красными — английский лейтенантишка разбил снарядами лед, по которому шла рабоче-крестьянская армия, — ничем не напоминает Крым реальный, нынешний.

«После экономического бума ранних сороковых Городская Управа объявила Симферополь полем соревнования самых смелых архитекторов мира, и вот теперь столица Крыма может поразить любое туристское воображение. Площадь Барона, несмотря на ранний час, была забита богатыми автомобилями. Уик-энд, сообразил Лучников и стал тогда активно “включаться” на своем “питере-турбо”, подрезать носы, гулять из ряда в ряд, пока не влетел в привычную улочку, по которой обычно пробирался к Подземному Узлу, привычно остановился перед светофором и привычно перекрестился. Тут вдруг его обожгло непривычное: на что перекрестился? Привычной старой Церкви Всех Святых в Земле Российской Воссиявших больше не было в конце улочки, на ее месте некая овальная сфера».

Я смеялся, читая это в первый раз в 1984-м. Смеюсь — сквозь слезы — и сейчас.

«Остров Крым» — это вообще не про Крым. Это про русскую мечту, тонущую в черном море безнадеги. Про то, какой могла бы стать наша страна, не будь у нее так тягостно осознаваемой многими исторической миссии.

Читатель аксеновского романа быстро замечает: Крым, избавленный от общей судьбы с Россией, то есть от ее гигантизма, тирании, имперских комплексов, — это ловкая, нейтральная, похожая сразу на Гонконг, Сингапур и Монако страна со слабым и не очень нужным ей правительством; изобретательной, но комичной дипломатией; абсолютной политической свободой; мощными и технологически продвинутыми медиа;

полностью открытой экономикой, опирающейся отчасти на ресурсные (нефтяные) богатства, отчасти на высокотехнологичную промышленность, отчасти — на экспорт услуг: здесь и туризм, и обслуживание иностранных киноиндустрий, и средиземноморская торговая культура. В Крыму живы бренды старой России — «Руссо-Балт», «Мюр и Мерилиз» — и появились новые, гибридные: «Елисеев и Хьюз», к примеру.

Это страна беззаботная, многоязыкая, разноцветная и богатая. Встроенная в мир. Не имеющая яркой национальной идентичности. Их тут уживается, пусть не без конфликтов, несколько: традиционная русско-дворянская («врэвакуанты», потомки белогвардейцев), татарская, новая смешанная («яки» — от «якши» и «окей»).

Большие страны не бывают такими. Аксенов в конце 1970-х понимал это. Его путешествие в мечту было ироничным и провокационным, пусть и сентиментальным.

Но я, знаете ли, проникся. Мне хотелось делать русскую газету, которая будет лежать в парижских киосках рядом с Le Figaro и The Times; я хотел, чтобы ее редакция занимала пусть не небоскреб, но хотя бы домик посреди фантастической Москвы с головокружительными развязками, смелой архитектурой, джазом, «Елисеевым и Хьюзом» и голливудскими киносьемками. Пусть все это невозможно устроить по всей России, но хотя бы в Москве и, может, Питере — почему нет?

И, вы не поверите, все это почти получилось. Даже еще год в 2007-м иногда казалось, что к этому идет. Если не ошибаюсь, некоторым казалось и позже.

Нет, все в порядке, я много ездил по России и знаю, какая она за МКАД. Знаю также, чем Москва не похожа на аксеновский остров. Но жизнь не может в точности воспроизводить искусство. Я и десятки тысяч таких, как я, работали над этим и сделали то, что сделали. Василию Павловичу местами даже нравилось, хотя он много ворчал.

А в «Острове Крыме» московский партийный функционер Марлен Кузенков думал так:

«Я люблю этот Остров, память о Старой России и мечту о Новой, эту богатую и беспутную демократию, порты скалистого Юга, открытые на весь мир, энергию исторически обреченного русского капитализма, девчонок и богему Ялты, архитектурное буйство Симфи, тучные стада восточных пастбищ и грандиозные пшеничные поля Запада, чудо индустриальной Арабатской зоны, сам контур этого Острова, похожий на морского кота. Я столько лет отдал этому чуду природы и истории, и неужели все это может пропасть по велению какого-нибудь “Пренеприятнейшего”, вопреки всем смыслам и против выгоды всей нашей страны, даже без определенного мнения руководства? О, Боже, я не переживу этого, о, Боже, я должен этому помешать!»

Многие в Москве думали что-то подобное, выходя на Болотную в 2011-м. Поскольку большие страны не бывают такими, как аксеновский Крым, остальная Россия смотрела на нас с недоумением.

А потом начался «военно-спортивный праздник под общим названием "Весна"». Так в романе называется операция по захвату Крыма, который и сам согласен, распропагандированный сторонниками Идеи общей судьбы, войти в состав СССР и придать новый импульс его развитию. Аксенов гораздо лучше знал советскую систему, чем то безбрежное море, которым она была окружена, — и в последней главе «Острова» уже есть буквальные совпадения с нынешним крымским кризисом. Главное из них — силовое поглощение не сопротивляющегося острова. Законное волеизъявление жителей было ни к чему Советскому Союзу из книжки, ни к чему оно и путинской России.

Но «военно-спортивный праздник» — он ведь на самом деле не в Крыму, а в Москве. По полной программе: с закрытием «Дождя» (у Аксенова оно описано как разгром мгновенно реагирующего на все новости «Ти Ви Мига»), с письмами деятелей культуры (джаз, говорите? Кино? Вот вам подпись Игоря Бутмана в поддержку политики нашего президента, а вот — Павла Лунгина), с возрождением программы «Время» в памятном мне с детства виде (про нее в «Острове» есть отдельная глава), с дружинниками и выборами «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», с русским национализмом советского разлива (точь-в-точь как в главе «...уемотина»).

Аксенов не так прост. Он предсказал не локальное бодание за кусок земли в северной части Черного моря. Он предсказал конец нашей Москвы, ее воссоединение со всем, от чего она пыталась оторваться, ее общую судьбу не с остальной Россией — с тем, что в ней умерло и сгнило еще 30 лет назад.

Для кого как, а для меня это и есть крупнейший политический кризис 2010-х. Все, что строило наше поколение после 1991 года, сметено этой «Весной» если не окончательно, то основательно.

А Крым — он тут для красоты, бантик на ленте, которой перевязан гроб.

Хватит. Достаточно следить за происходящим в Украине, будто это интерактивный сериал про наших друзей и родню в знакомых пейзажах и интерьерах. Этакая приближенная к нам версия «Игры престолов», в которой мы болеем за Старков или за Ланнистеров с украинскими фамилиями и даже имеем возможность им советовать, задавать каверзные вопросы, хвалить и ругать по ходу действия.

Как нам постоянно и справедливо напоминают украинцы, у них там другая страна. С их точки зрения, нам их до конца никогда не понять, можно только поверить и поддержать — или записаться в «воріженьки», которые рано или поздно «згинуть, як роса на сонці».

Нам говорят из Киева: о себе лучше подумайте. Один фейсбук-френд вывесил у себя две фотографии: вот украинцы с дубинками и самодельными щитами теснят «Беркут», а вот московские омовцы скрутили и ведут активистов в плюшевых костюмах лосей. Подпись:

«За последние несколько дней мы опередили Россию в ментальном смысле ровно на 30 лет. Все просто: россияне остались у Оруэлла в 1984 году, мы у себя в 2014-м».

Не стоит обижаться. Ну да, у нас вообще-то 4G-интернет по всему городу, а в Киеве и 3G не очень-то есть — ну и где 2014-й на дворе? Но правда и то, что в России «винтят» сотни людей за сбор на улице без спроса, а других сажают на четыре года за то, что в нынешнем Киеве и дракой не сочли бы. И не выходят на следующий день на улицы сотни тысяч людей, как, я сам видел, было в Киеве. И не возникает внезапно реальная угроза винтящей власти.

Долой эмоции. Бессмысленно ввязываться в споры о том, кто кого и в чем обогнал. Пора осмыслить случившееся применительно к нашей стране, России. Вот некий несовершенный набросок повестки, которая здесь возникает в связи с украинскими событиями.

1. Какие причины для революции наподобие украинской есть у нас?

Сходство между Партией регионов и «Единой Россией» бросается в глаза. Обе структуры — объединения ворующих временщиков, для которых любая идеология служит лишь прикрытием. Коррупция — объединяющая черта свергнутого украинского и правящего российского режимов. Если бы многим российским чиновникам пришлось в спешке бежать и революционные массы захватили их резиденции и офисы, они, без сомнения, нашли бы не менее интересные бумаги, чем те, что выловили журналисты из воды в Межигорье.

Золоченые интерьеры чиновничьих квартир здесь многих, как и в Украине, распалаяют. Чиновники и депутаты, здесь тоже, бравируют труднообъяснимыми доходами, заметно превышающими средние по стране. С особым цинизмом используемые и никем не скрываемые привилегии и безнаказанность чиновников, их детей и прочей родни, а также силовиков вызывают возмущение у всех, от небедных бизнесменов до пенсионеров.

Искать справедливости в судах бесполезно: ими командуют чиновники, а когда чиновникам это ни к чему, судей покупают оптом и в розницу.

Деятельность законодателей никак не связана с запросами общества. Что их Рада, что наша Дума много лет как улетели в космос и регулируют вещи, которые никто их регулировать не просит.

Оба режима, их бывший и наш нынешний, brutальны и нацелены на подавление свободы самовыражения. Для обоих режимов типично восприятие «населения» как тупой биомассы, которой можно управлять, как стадом, с помощью немудрящей телепропаганды и подачек из бюджета.

2. Каких украинских причин для революции нет у нас?

У России никто не отбирал «европейскую мечту»: максимум, о чем мы здесь мечтаем в связи с Европой, — это о безвизовых поездках в Париж и Лондон. Украинцы хотят, чтоб их страна была, как Польша, еще одним нормальным европейским государством в составе ЕС. Жителей России, которые хотят того же для своей страны, раз-два и обчелся.

Среди нас лишь меньшинство считает национальную идентичность России попранной. В Украине это распространенная точка зрения хотя бы из-за того, что национальный язык много где не употребляется, а в других местах изуродован.

Россией не правит некий региональный клан, который без уважения относится к традициям остальных регионов. Наши «питерские» — это не «донецкие», они не воспринимаются даже в Москве как чужаки, что уж говорить об остальных регионах России, где к питерцам относятся лучше, чем к москвичам. Чувство, с которым львовяне говорили «спасибо жителям Донбасса», жители российской провинции испытывают разве что к кавказцам.

Россия, в отличие от Украины, не просто богатая страна, а страна с богатым государством. У нас порядка четверти населения занято в госсекторе, в Украине — примерно 22%. Но платят нашим бюджетникам и работникам всяческих госструктур намного больше. Средняя зарплата врача в России в прошлом году превысила 39 000 рублей, а в Украине она перед самой революцией составляла 3227 гривен, или, по тогдашнему курсу, 12 600 рублей. Хотя и цены в Украине ниже, это огромный разрыв в благосостоянии, из-за которого социальное неравенство с вооруженными чиновниками украинцы воспринимают острее русских. В России и пенсии выше, и сеть социальной поддержки прочнее, чем в Украине. Власть у нас больше тратит на создание базы поддержки — и потому что у нее есть нефтегазовые доходы, которые это позволяют, и потому что Путин умнее и дальновиднее Януковича.

3. Хотим ли мы такой же революции, как в Украине?

Если отмести эмоции, ответом, пожалуй, будет однозначное «нет». Мой список, чего именно не нужно, примерно вот такой:

Крови и стрельбы. «Лес рубят — щепки летят» — это для России, с ее историей, особенно неприемлемая идея. У нас, если начнут стрелять, восемью десятками жертв не обойдется.

Жажды мести, люстраций и проскрипционных списков. Даже некоторые мои коллеги такие составляют: мол, нижеперечисленным надо запретить работу по профессии за поддержку режима. В Украине пытаются грабить дома приспешников Януковича, ранили его бывшего главу администрации, Андрея Клюева, подозреваемого в том, что это он приказывал разгонять Майдан. Самого Януковича, если поймают, мо-

гут и на куски разорвать, как Каддафи, — это следствие пролившейся на улицах крови.

«Народного правопорядка». Вернуть милицию на улицы с первого дня революции не удалось, потому что к ней было многовато ненависти, а с отрядов самообороны, взявших на себя полицейские функции, спрос небольшой: это слишком молодая и не обремененная профессионализмом система. Киеву еще повезло: он изначально спокойный, безопасный город. В жесткой и недружелюбной Москве добровольцев вместо полиции больно даже воображать. Имеет смысл также представить себе вооруженных футбольных фанатов и борцов за национальное самосознание, патрулирующих улицы нашего «разноцветного» мегаполиса, а не лилейно-белого Киева. Не знаю, как вы, а я этого категорически не хочу.

Нынешней оппозиции у власти. Наблюдая, как грызутся за портфели в новом украинском правительстве представители недавних оппозиционных партий, понимаешь, что, даже если народ на улицах этим политикам не доверяет и видеть их у власти не очень хочет, выдвинуть кого-то вместо них он не очень-то и способен. Политик — это профессия, и заниматься управлением все равно будут те, кто ей владеет. Но при репрессивных режимах не только во власть, но и в оппозицию идет отрицательный отбор: в ней оказываются и люди, чья смелость — оттого, что нечего терять. Александр Турчинов в роли спикера и и.о. президента — это все равно что у нас какой-нибудь Борис Немцов. Те, кто сейчас как бы власть в Киеве, — Ukraine's de facto leaders, как их называет The Wall Street Journal, — это как если бы у нас взял власть приснопамятный Координационный совет оппозиции и сейчас пытался бы распределить министерские посты по «куриям», каждая группка — среди своих. Хотелось бы более разумного варианта.

4. Тогда чего мы, собственно, хотим?

Лично я — мирной смены власти на нерепрессивную. Украинцы ведь тоже этого хотели, но, слово за слово, вышло то, что вышло.

Пока наметившийся экономический спад еще не озлобил достаточное число российских граждан, у противников путинского правления есть время на партийное строительство и участие в выборах, — сперва в Мосгордуму, а потом, видимо, и в Госдуму. Нужна организация и нужно представительство в действующих органах власти — украинский опыт четко указывает нам на это. В 2012 году в Украине состоялись довольно честные парламентские выборы, и если бы не избранная тогда Рада, власти в Киеве сейчас не было бы совсем. К выборам надо готовиться и уже сейчас выдвигать фигуры, способные возглавить конкретные ведомства, а пока — стать депутатами и войти в профильные комитеты. Надо еще учиться контролировать выборы не только в Москве, но

и по всей России, чтобы их не украли снова, как в 2011 году.

Все это скучно — не баррикады и не «коктейли Молотова», — но иначе ерунда получится.

5. Чем чревата украинская революция в краткосрочной перспективе?

В первую очередь — репрессиями, конечно. Любые проявления протеста в России сейчас будут особенно жестко подавляться, потому что Путин должен непременно показать, что он не Янукович какой-нибудь и ноги об него не вытрешь.

Репрессии непременно последуют — и уже начались — против «сомнительных» СМИ, но также против блогов и мелких сайтов оппозиционной направленности. Украинскую поляну Янукович и его «семья» основательно вытоптали, но всякая мелочь осталась и пригодилась революционерам. Давить будут без особой изобретательности, и ужесточение цензуры в интернете — это неизбежность. Всем, кто делает что-либо неподцензурное в Рунете сейчас, нужно думать о переезде в неместные доменные зоны, переносить информацию — хотя бы резервные копии — на серверы за пределами России. Всем, кто хочет иметь доступ к неподцензурной информации, — скачивать Тог: возможно, скоро он пригодится.

Спасибо украинским братьям за все это, — но надо понимать, что они, замерзая на улицах Киева, а то и воюя со спецназом, решали свои проблемы и вовсе не обязаны были думать о наших.

6. Что может украинская революция значить для нас в долгосрочной перспективе?

Сейчас трудно представить себе, что у них получится что-либо путное: страна в руинах, а людей, способных на жесткое и при этом качественное антикризисное управление, на горизонте пока не видно; даже если они появятся, не факт, что их подпустят к власти. Скорее, политики побоятся действовать жестко, отказываться от социальных обязательств, набранных при прежних режимах ради голосов на выборах. И чуда не будет.

Но украинцы не раз удивляли в последние три месяца, пусть и не всегда приятно. Это безбашенный, непредсказуемый, способный на подвиги народ. Поэтому есть вероятность, что они сумеют предотвратить экономический коллапс, получат международную помощь и начнут проводить разумную политику — а не такую, как та, из-за которой в Египте за революцией последовал военный путч. Показать сияющий пример — лучшее, что украинцы сейчас могут сделать для нас, соседей.

Если у них все выйдет, необходимость смены режима станет более очевидной и у нас. И можно будет говорить не только об учете украинс-

ких ошибок, но и о копировании тамошнего опыта.

Держу за вас пальцы, друзья.

Так я стал предателем

Snob.ru, 19.02.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/72126>

Они таки заставили себя смотреть. Нет, я, конечно, понимаю, что «Вести недели» с Дмитрием Киселевым — одна из самых популярных в России телепередач и смотрит ее под 6% россиян старше 4 лет. Но теперь уже и мои знакомые, в жизни и по фейсбуку, тоже смотрят Киселева. Иные, у кого телевизора нет, смотрят в интернете — словно это не «Дождь» отключили от спутниковых и кабельных сетей, а канал «Россия 1».

Ну и фильм «Биохимия предательства», который рекламировал Киселев в последних «Вестях недели», тоже много кто посмотрел из обычно игнорирующих «Россию 1». Культурный сайт Colta.ru дал рецензию на этот фильм, будто его снял как минимум Ларс фон Триер.

Что там говорить, я тоже его посмотрел. Уж очень зажигательно Киселев этот фильм анонсировал. Ежели взялся смотреть Киселева — дальше по цепочке.

Зачем мы это делаем? Как минимум по трем причинам:

1. Хотим поплакать над утраченной свободой, почувствовать себя жертвами угнетения и потом написать про это в фейсбук.

2. Интересуемся мерзостью и любим ненавидеть. По этой же причине мы не отворачиваемся в кино, когда нам показывают изнасилование.

3. Хотим знать официальную позицию. Это как второе место габреляновских «Известий» в рейтинге цитируемости «Медиалогии»: в этой газете находят позицию доверяющих ей силовиков и единокороссов, на нее и ссылаются.

Первые две причины предлагаю не обсуждать: в темных сторонах человеческой природы пусть копаются психологи. А вот третья причина — она не про темные стороны, а про нормальную бытовую осторожность.

Пока Киселев был просто Киселев, обычный государственный псевдожурналист, довольно удачливый и наделенный правом вести какие-то передачи на существующем в параллельной реальности канале, его можно было игнорировать. Но президент Владимир Путин объяснил, понятнее некуда, что Киселев — это не просто так. Сперва назначил его гендиректором агентства «Россия сегодня», создаваемого вместо огромной пропагандистской структуры РИА «Новости». Теперь вот наградил его

орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Я понимаю, конечно, что у Валентина Юдашкина тоже есть такой орден, и это вовсе не дает повода воспринимать его точку зрения как официальную, но с Киселевым все по-другому: он осыпан милостями в короткий срок и демонстративно, чтобы народ понял, от чьего имени он жжет глаголом.

Правдивой информации от власти сейчас не поступает. Попробуйте, к примеру, выяснить, какие у нее планы относительно курса рубля, возврата олимпийских кредитов, коррупционных дел, Украины — и официально вы получите унылые и бессмысленные ответы, а от источников внутри власти — противоречащие друг другу и строго анонимные. Поскольку информация о том, что себе думает власть, все-таки нужна, приходится догадываться об этом по косвенным признакам, как это делали кремленологи в советские времена.

То, что изрыгает Киселев, — не буквальное выражение реальных взглядов и планов Путина, потому что и те и другие представляют собой государственную тайну. Но это взгляды, намеки и предложения, за которые дают куски госбюджета и ордена.

Вот Киселев глумливо произносит: «поэт Иртеньев (в миру Игорь Моисеевич Рабинович)» — «раскрывает скобки», как делали его коллеги в последние пять лет жизни Сталина, во время борьбы с космополитизмом. За это его не одергивают, а награждают.

Трактует Киселев незасчитанную российскую шайбу в ворота американцев как политический демарш — мол, американцы везде пытаются устанавливать свои правила, покупают победы, — и за это, выходит, орден на грудь.

Называет он Виктора Шендеровича подонком (пусть и с издевательским знаком вопроса), рекламирует фильм, в котором разномастные оппозиционеры именуются предателями, — и за это он обласкан и наделен новой должностью.

Услышанное от Киселева — вовсе не прямые предупреждения. Выпад про Рабиновича — не сигнал к началу погромов или даже к увольнению евреев со всех значимых должностей. Наезды на Америку — не признак возвращения настоящей холодной войны, как при Брежневле. Слово «предатели» в сумбурном фильме, снятом, кажется, ради поездки в проклятую Америку, — не предвестник чисток, нового ГУЛАГа или даже «философского парохода». Но — показатель, что все эти вещи есть во властных головах, а значит, могут быть так или иначе претворены и в жизнь, когда головы их додумают до конца.

Для такой демонстрации возможностей хорошо использовать Киселева: он вроде бы радикальнее Путина, и потому воображаемые блюда получаются острее, чем кремлевский повар хотел бы их приготовить.

Публике, которая обычно смотрит «аналитические» программы на государственном телевидении, давно ничего объяснять не надо: она

и оппозиционеров уже считает предателями, и евреев недолюбливает, и про американцев знает, что они пиндосы. Функция Киселева — донести до тех, кто вообще-то не должен бы его смотреть, простое президентское послание: «Вы здесь не у себя дома. Помалкивайте, а лучше валите — мешать не стану, — а то ведь всякое может случиться».

И вот послание наконец начинает достигать адресатов. Они, то есть мы, заволновались. Вспомнили кто начало 80-х, а кто и конец 40-х. Задумались о детях, начали мысленно собирать чемоданы. Того от нас и хотят.

Велик также соблазн не услышать, сказать, что посмотрели случайно, как Киселев ломает комедию для усталых работяг, под пиво, ну и забыли. Не нравится телевизор — выключи его, а еще лучше снеси на помойку. Не нравится госпропаганда — не ходи на сайты, где кроме нее ничего нет. Ведь это ж и есть свобода слова: пусть все говорят что хотят, а мой выбор — слушать или не слушать. Но выключать Киселева можно только на свой страх и риск. Это с нами разговаривает государство, это нам адресованы его толстые намеки на очевидные обстоятельства.

«Слушать или не слушать» — из этих вариантов только один умный, хотя оба требуют определенной смелости. А вот какие практические выводы делать из услышанного — это уж *jedem das Seine*. Лично я сию и напеваю:

*«Дальние страны шлют телеграммы — рады за нас,
Только они далеко.
На улице очередь длинная, хотя еще час.
Танец метели, на дворе все зима,
И уже полвека
Вьюга, вьюга, ожидание долгожданной весны.
Но это сны.
Так я стал предателем...»*

Золото эмигрантов

Snob.ru, 13.02.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/71809>

Никогда еще концепция «глобальной русскости» не была представлена так ярко, как на сочинской Олимпиаде. На конец дня 12 февраля Россия была на седьмом месте в медальной таблице зимних Игр с двумя золотыми медалями — обе за фигурное катание, а могла бы быть на втором после Германии, если бы ей зачли три золотых медали, выигранных

несостоявшимися членами нашей сборной.

Юрий Подладчиков родился в Подольске и выступал за Россию до 2006 года, когда у него ничего не вышло на туринской Олимпиаде. Его золото в хаф-пайпе — подарок новой родине, Швейцарии. Биатлонистка Анастасия Кузьмина, когда-то выигрывавшая для России чемпионаты Европы, принесла Словакии уже вторую в истории страны золотую медаль. Ее «коллега» Дарья Домрачева, экс-чемпионка России среди юниоров, выиграла гонку преследования для Белоруссии.

Я не собираюсь ныть о том, что в России не ценят таланты. У каждого из трех чемпионов были свои причины не выступать за команду Российской Федерации. Подладчиков, выросший в Европе, не ужился с авторитарными тренерами. Кузьминой никто не помог после рождения сына вернуться в сборную, где в ней не видели лидера. Домрачева просто любит родную Белоруссию и хотела выступать за нее.

С российским начальством многим неуютно, и в спорте, и вне его. Тут вообще довольно жесткая страна: пока ты не стал кем-то важным, ты не нужен здешним институциям, и они не видят смысла под тобой подстраиваться. Для многих это приемлемо: сверхжесткая конкуренция за немногочисленные места под солнцем не пугает, а равнодушные окружающих только мотивирует на борьбу. Другие не видят смысла проламывать стены головой: просто тренироваться и побеждать интереснее. Не то чтобы они искали легких путей: в большом спорте их нет. Скорее, они ищут более человеческую среду.

Я о другом — о том, что, если имеет право на существование так впечатлившее многих видео «Азбука» с открытия Олимпиады, то и золото Подладчикова, Кузьминой, Домрачевой надо засчитать России.

«Азбука» записывает в русские достижения и вертолеты Сикорского, созданные в Америке, и американские же телеизобретения Владимира Зворыкина. На букву «К» в ней Василий Кандинский, предпочитавший работать в Германии и умерший французским гражданином. На «Н» — Владимир Набоков, при жизни почти ничего на родине не опубликовавший. На «Ш» — Марк Шагал, который, конечно, бывал и даже учился в России, но в 1937-м принял гражданство Франции и прожил с ним почти полвека.

Если считать нынешнюю Россию пусть не правопреемницей, но все же духовной наследницей Российской империи, все они русские гении. Витебск Шагала, Киев Сикорского — в этой парадигме наши города. И Зворыкин, и Кандинский, и Набоков, и Сикорский оказались за границей из-за небольшого сбоя в имперской программе, но ведь и гены, и ранний опыт были у них русскими!

Сумма человеческого опыта плохо раскладывается на слагаемые: не поймешь, какие из них должны быть со знаком минус, а какие — со знаком плюс. Стали бы уехавшие из России инженеры, писатели, ху-

дожники великими, если бы остались? Или погибли бы в войнах, умерли от голода, сгнили в лагерях, прожили бы тихие жизни непризнанных, отброшенных на обочину чудаков? Или совершили бы еще более великие прорывы? Кто знает.

Так и со спортсменами. То, что Подладчиков вырос в Европе внутренне свободным человеком, наверняка помогло ему стать чемпионом — но наверняка помогли и гены, и даже недовольство русских родителей-интеллектуалов его увлечением. А Кузьмина и Домрачева здесь выросли, выбрали биатлон и тренировались — очевидно же, что если бы не их первые тренеры и не здешняя школа, они бы сейчас не побеждали. По «шкале Эрнста» это всё наши.

Российские паспорта выдают чиновники. Теперь, кажется, начнут и продавать. К «русскости» это не имеет никакого отношения. «Русскость» — это язык, культурные и поведенческие стереотипы, семейная среда, а иногда — благоприобретенное свойство, следствие опыта. В той же «Азбуке» есть немка Екатерина II и Казимир Малевич, все детство говоривший по-польски, но все-таки именно русский художник.

Мастер шорт-трека Виктор Ан, чья медаль пошла в российский зачет, — такой же наш, как Екатерина и Малевич.

Даже в советское время, когда никого отсюда старались не выпускать, Россия ухитрялась оставаться донором талантов. Той страной, которая у нас в крови, в головах и, да, в ногах, которые умеют очень быстро скользить на лыжах, никто не управляет, кроме нас самих. Благодарить за эту страну нам тоже некого: она наша, потому что мы ее часть.

Стоит ли принимать за систему координат пропагандистский фильм, изготовленный людьми, чья задача — «продавать» миру Россию, которой управляет Владимир Путин? В этих целях выгодно кооптировать людей, которые и в нынешней России, вероятно, не прижились бы. Такая кооптация возможна только посмертно: у живых, неуклюже притянутых к олимпийскому действию, возникли бы, возможно, вопросы, как возникли они у Земфиры и композитора Евгения Доги, чей вальс кто-то без спроса обработал для церемонии открытия.

Дело в том, однако, что координатная сетка шире пропагандистских рамок. Наши — это и Керенский, и Троцкий, и Корчной, и Могильный, и Буковский, и Ходорковский, где бы они ни жили и где бы ни суждено было им умереть. Хорошо, что во время Олимпиады нам не дают забыть об уехавших наших. Глядя на них, проще жить здесь во внутренней эмиграции.

Не вполне позор России

Snob.ru, 06.02.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/71451>

Вы уже перепостили текст с сайта The Washington Post — сборничек бытовых жалоб журналистов, приехавших в олимпийский Сочи? Ну, там, то в кране нет воды, то течет желтая, как моча, в номера заходят бродячие собаки, а на ресепшн нет пола, зато есть портрет Путина?

Возможно, вы видели в ленте удивительные образчики англоязычной продукции из Сочи: cakes in ass, language in the test, a gun in the tank? Хватались за голову: что же, целый город перестроить замахнулись, а на перевод денег не хватило, и теперь в заднице пироги, в танке пистолет, а в контрольной — язык?

Или, возможно, вы с замиранием сердца следили (я следил) за эпопеей с парными туалетами, про которые организаторы начали рефлексивно врать, отчего тема попала в ту же The Washington Post, The New York Times, The Guardian и разные другие важные СМИ?

У вас постоянно открыта на экране выдача по хэштегу #Sochi-Problems?

Тогда вам, наверное, кажется, что Россия опозорена еще до начала Олимпиады, а весь мир только и говорит о том, как в Сочи все погано, \$50 млрд разграблены, а у русских самые кривые на свете руки.

Как ни странно, нет.

Из самых «трендовых» ссылок в Твиттере на момент написания этого текста три — про Сочи. Самая популярная — на весьма позитивный текст с сайта The Verge про то, как субтропический Сочи превратили в зимнюю страну чудес. Вторая — про удивительные машины Volkswagen, с очень большими колесами, сделанные специально к Олимпиаде. И только третья — сотая в общем списке — про недостроенные гостиницы, да и та не с [washingtonpost.com](http://www.washingtonpost.com).

В топ-100 ссылок на Фейсбуке (глобальном, не российском) есть первые два линка и нет третьего.

Единственный «трендовый» сочинский хэштэг в Твиттере — самый безобидный, #Sochi2014, хотя и по нему, конечно, имеются рассказы о страшных гостиницах и фотки сортиров.

Скоро начнутся соревнования, и журналисты займутся их освещением: про гостиницы больше ничего писать уже нельзя, будет выглядеть нитьем. А спортсмены — народ бодрый и оптимистичный до первого поражения — уже и сейчас склонны скорее восхищаться красотой увиденного, чем жаловаться на неудобства вроде слишком узких кроватей.

Во время больших спортивных соревнований стране не так-то просто опозориться на весь мир. Помню, как украинцы перед чемпионатом Европы по футболу 2012 года тоже опасались позора, массово репостили

жалобы каких-то немецких журналистов на грубость таможенников и плохие дороги, плевались по поводу распила и недостроя (в Киеве некоторые гостиницы, затеянные к чемпионату, открыли через много месяцев после него). Гости, однако, были рады дешевому пиву и красивым женщинам. Шведские болельщики, отправленные, по сути, на пустырь посреди Труханова острова в Киеве, сами взялись за молотки и пилы, обустроились — и пировали, как умеют только викинги.

Путешественники, гости, туристы вообще многое прощают странам, в которые приезжают ненадолго. Экскурсия — это вам не эмиграция.

Вопреки расхожему представлению, бренд «Россия» и без всякой Олимпиады не так уж низко котируется. Компания Bloom Consulting, рейтингуя страновые бренды, учитывает показатели туристической экономики, то, насколько часто в интернете ищут достопримечательности и прочие сильные стороны страны, активность государства в привлечении туристов и имидж в соцсетях. В ее рэнкинге Россия — 30-я в мире и 13-я в Европе, впереди, к примеру, Чехии, Ирландии, Финляндии, Дании, Мальты.

А в рэнкинге национальных брендов Anholt-GfK, который учитывает привлекательность страны для иммигрантов и инвесторов, а также уровень образования, медицины, экономического развития, — Россия на 22 месте из 50 крупных стран, впереди большинства развивающихся, в том числе Китая и Индии.

Иными словами, Россия в восприятии иностранцев — крепкий середняк. Не помойка, но и не сияющий пример «как надо». Олимпиаду, когда она закончится, будут оценивать с поправкой на этот статус. Построили русские с нуля целый город в субтропиках — ну, понятно, что деньги украли, а кое-что сразу сломалось, так это ж и не Америка, а Россия. «Пирожные в заднице»? Ну так чего вы хотели от русских, они народ дикий, но в целом приветливый. Культ Путина? Ну, бывали мы в Таиланде, там культ короля. Бывает в развивающихся странах. Гомотофия? Арабы вон женщин в черную занавеску заворачивают с ног до головы, но мы и там бывали, небоскребы их видали да искусственные острова. Нефтяные страны, что с них взять.

Восприятие страны — штука неэластичная. Какие бы надежды ни возлагали в Кремле на госпропаганду, вряд ли она приносит ощутимый эффект. Канал Russia Today в Британии, к примеру, — 182-й по охвату аудитории среди 254 каналов, имеющих хоть какой-то охват, а в интернете, где у RT с виду отлично идут дела, публика смотрит не столько пропаганду, сколько смешные ролики про челябинский метеорит и журналиста-гея, который неожиданно отругал в эфире Путина и Госдуме. Едва ли миллиард просмотров на Ютьюбе, которым хвастается канал, хоть что-то изменил для бренда «Россия» — по крайней мере, в упомянутых рэнкингах никакого такого движения с момента его открытия не отмечено.

С вложениями в Олимпиаду — то же самое, что с тратами на Russia Today. Масштаб расходов тут не слишком важен. Если кто-то надеялся, что за \$50 млрд можно купить иное восприятие России, — это была иллюзия. Наша страна и с деньгами покажет себя миру такой, какая она есть: увидят, как масштабно мы умеем мыслить и как вечно проигрываем в исполнении; увидят и воров, и хамье, и добрейших волонтеров, и блестящих спортсменов. Сколько ни уничтожай в Сочи дворняжек, все равно сбегутся они в новые гостиницы выпрашивать колбаску — и получают ее от сердобольных тетушек с ресепшн. Сколько ни депортируй таджиков, а они останутся до последнего момента, потому что кто же будет унитазаы-то устанавливать?

Не купишь ни за какие деньги такой морок, чтобы гостям почудилась другая страна.

Чтобы изменилось восприятие, России нужно и самой меняться. А она этого ох как не любит. Делает это, прямо скажем, крайне неохотно, когда меняться приходится быстро. И очень уж неторопливо, когда никто особенно не заставляет.

Власть-то изменится еще на нашем веку. А страна — она еще долго будет, как этот Сочи. Может, и не застанем никакую другую.

Гитлер и хипстеры

Snob.ru, 29.01.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/71108>

Вторая мировая война закончилась. Давно. Продолжать ее опереточной баталией против убыточного кабельного телеканала, которую сейчас мы наблюдаем и в соцсетях, и на стрелке Москвы-реки, где какие-то идиоты водрузили над зданием бизнес-центра советский флаг, нелепо. Но в некотором смысле логично: телеканал «Дождь» намозолил глаза охранителям и путинским пропагандистам, так что любой повод прижать его к ногтю для них хорош. Существование в нынешней России канала, который вещает не так, как ему диктуют, — анахронизм и случайность, и вот где положено занялись унасекомливанием оборзевшего «Дождя». Не было бы истории с опросом про Ленинград — нашли бы другой повод, долго бы тянуть не стали. Кремль терпит чужие медиа до первой возможности перестать их терпеть. По-другому будет, когда мы сменим состав кремлевской команды.

Так говорит Капитан Очевидность. Но история с опросом — и о более тонких материях.

Главный редактор сайта «Дождя» Илья Клишин родился в сентябре 1987 года. В 2010 году он опубликовал на сайте Lookatme текст под названием «Хипстеры наносят ответный удар». Хипстеры, писал он, «это за-

падные люди: развлекаются в клубах, слушают неплохую музыку, одеваются со вкусом, читают не самые глупые книги». Манифест русского хипстеризма завершился предсказанием: «Годы, впрочем, берут свое. Мы, сегодняшние хипстеры, через десять-двадцать лет станем топ-менеджерами, известными журналистами, архитекторами, музыкантами и прочими не последними людьми в этой... в нашей стране. И именно неизбежность того, что власть в 2020 году отойдет хипстерам, и страшит свору кремлевских шавок-блогеров... Потому что нормальному хипстеру не впаришь православно-националистическую шизофрению. Потому что нормального хипстера не научишь ненавидеть Запад».

Своре либерастических еврейских шавок, включая меня, на самом деле тоже надо бояться. Хипстеру вообще никакую шизофрению не впаришь. Потому что хипстер — упорный и сознательный постмодернист. И история Второй мировой войны для него — это такая игра.

Вот так смеялись над Гитлером при его жизни: стоят, например, Гитлер с Гиммлером на фоне виселицы, на которой болтаются трупы, и Гитлер спрашивает: «Почему они не любят нас, Генрих?» А вот так смеются над ним теперь. Гитлер-хипстер показывает своему врачу таблетку: «Конец близок, Вернер. Я получил эти таблетки от Гиммлера». Врач: «Это же экстази». Гитлер: «У-упс. Извини, был на рейве прошлой ночью. Вот нужные таблетки».

В Азии местные хипстеры используют нацистскую униформу для косплея. Не знаете, что это такое? Стыдно! А вот принц Уэльский, 1984 года рождения, наверняка знает.

В ноябре прошлого года тату-студии по всему миру делали бесплатные татуировки со свастикой — как часть кампании по возвращению этому символу первоначального, индуистского значения. Некоторые рисунки были очень даже миленькие.

В игре World of Tanks, создатель которой не так давно приобрел банк у Кипрской православной церкви, можно, как известно, играть за немцев. На сайте сверхпопулярной белорусской разработки о немецких танках говорится: «В игре немецкие танки ценятся за свои очень точные пушки. Они — снайперы». Примерно 42% игроков в World of Tanks — люди в возрасте от 12 до 30 лет. Наверняка многие из них никакие не хипстеры — просто люди того же поколения. Рискну предположить, что и за пределами хипстерской субкультуры, но в пределах демографической категории, которая ее включает, Вторая мировая — это уже в некотором смысле компьютерная игрушка.

Я родился в 1971 году. Хотя я далек от «православно-националистической шизофрении», меня коробят добродушные фантазии про Гитлера, я никогда не надену никакой гитлеровской символики, не сделаю себе даже самую милую татуировку со свастикой и даже понарошку не окажусь на стороне нацистов. Когда мы играли во дворе в войну, никто

не хотел быть немцем. Все эти штуки, в сущности, такие же поколенческие тесты, как картинка с аудиокассетой и ручкой ВІС: знаешь, как их использовать вместе, — значит, тебе за...

Мы росли среди людей, которые помнили войну. Мы знали о ней из рассказов еще довольно энергичных стариков-дедов и даже наших родителей (моя мама, например, родилась в эвакуации в Омске). Именно по этой причине мы читали непропорционально много «не самых глупых книг» про Вторую мировую: интересовались ею, потому что это была история про хорошо знакомых людей.

Мало кому из относительно начитанных людей моего поколения пришел бы в голову вопрос, за который пинают «Дождь». Мы знаем, что Гитлер планировал смести Ленинград — который он обычно называл Санкт-Петербургом — с лица земли, чтобы показать, что и вся советская империя будет разрушена. Что он стремился взять в первую очередь Ленинград, а не Москву, которая была для него «просто географическим понятием». Что план «Барбаросса» включал в себя уничтожение не только евреев и комиссаров, но и всей тогдашней интеллигенции, чтобы вытравить на завоеванных территориях коммунистический дух. Понятно, кого в первую очередь перебили бы в сданном Ленинграде. (И нет, я не в советских учебниках все это вычитал. См., к примеру, двухтомную биографию Гитлера в исполнении британского историка Иэна Кершоу.)

Ну, а следующее поколение, и конкретно хипстерская его часть, не подверглось тому 3D-эффекту войны, который достался еще на нашу долю.

Годы берут свое, как верно подметил Клишин в своем манифесте. На 1 января 2013 года в Петербурге жило 122 600 человек, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда». Через год — 119 000. Скоро даже нарочно нельзя будет организовать 3D-эффект. Можно будет — только унылую, вызывающую отторжение пропаганду в духе всяких там мединских.

Я не вижу, что с этим можно сделать.

А пока, уважаемые владельцы медиа, наймите каждый по консультанту в возрасте 40+ и показывайте ему все, что пишется и снимается о Второй мировой. Это поможет найти выверенные формулировки.

Город, где пролилась кровь

Snob.ru, 23.01.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/70831>

Макс Каменев, корреспондент «Инсайдера», одного из буквально двух киевских изданий, из которых можно почерпнуть сравнительно точ-

ные сведения о происходящем в городе, усевшись за столик, сразу заводится в мобильный телефон. «Тут пропускаешь столько важных новостей», — жалуется он. Тут — это на улице Грушевского, в эпицентре нынешних украинских событий. Макс там уже несколько дней и ночей дежурит посменно с коллегой. Все точки известны: откуда лучше видно, где опасно. Известно также, когда стоять, а когда бежать. Вот как «Беркут» начнет стучать дубинками по щитам — значит, начинается и надо вести себя осторожно. В безопасные точки иногда залетают шумовые гранаты, но это нормально.

Макс цел. Руки и глаза при нем. Он не ходит с фотоаппаратом, потому что знакомый в МВД предупредил: есть приказ стрелять по камерам. Действительно, по фотографам и особенно по операторам прицельно стреляют невзирая на принадлежность к «семейным», иностранным и оппозиционным СМИ. Красная жилетка с надписью «пресса» — мишень, поэтому Макс ее не носит. Те, кто командуют «Беркутом», не хотят качественных записей происходящего.

В том числе и по этой причине главный дефицит в нынешнем Киеве — информация. Даже собрав данные из всех имеющихся источников, невозможно определить, сколько человек погибло в среду, когда у украинской революции появились первые за два месяца жертвы. Вроде бы двое, армянин и белорус. Коллеги спорят:

— А вот я разговаривала с начальником медпункта, и он мне точно сказал: пять трупов с огнестрелом у нас было. Двоих пытались спасти, но когда «Беркут» медпункт громил, они умерли.

— А я тоже с ним разговаривал, и он сказал, что когда пришли громить, все раненые забрались на второй этаж, никого внизу не осталось.

Крупницы важной информации тонут в потоках слов, которые льются отовсюду — из соцсетей, с телеканалов, с новостных сайтов с непонятными спонсорами и мутными репортерами, из уст в уста, со сцены на Майдане Незалежности. Проходя мимо сцены и слыша очередного оратора, Макс стонет: «Кля, а можно как-нибудь без этого чудака?» Но без него нельзя: со сцены постоянно фонит. Вот и лидеры оппозиции Виталий Кличко и Арсений Яценюк приходили, говорили про войну, а Яценюк дал ничего не пообещавшему оппозиционеру Виктору Януковичу 24 часа на сборы, — не уйдет, Майдан двинется на силовиков.

Однако Майдан никуда не пойдет за этими людьми: здесь каждый и так делает, что считает необходимым. Одни, как в детстве, строят снежную крепость на краю площади, думая, что это баррикада. Другие деловито тащат связки шин на Грушевского: их там жгут, отчего на пятачке перед выгоревшими милицейскими автобусами стоит сизый воющий туман. На головах у собравшихся оранжевые каски, мотоциклетные и велосипедные шлемы, в руках бейсбольные биты, черенки от лопат и просто дрыны. В единственном открытом заведении на Креща-

тике в районе Европейской площади — сетевой забегаловке «Два гуся» — боец переминается с ноги на ногу в очереди в туалет, не снимая противогаза.

Из важных оппозиционных лидеров на Грушевского заглядывали бывший министр, миллиардер Петр Порошенко, погревший руки у костра, и Кличко («Стоял, разговаривал с людьми. Тут кто-то крикнул: «Штурм!» — я оглянулся, а Кличко уж нет», — рассказывает очевидец. Я ему верю, но всем рассказам здесь грош цена). Главного вроде бы националиста — Олега Тягнибока из партии «Свобода» — никто здесь не видел. Воюют — кидают неумело сделанные коктейли Молотова, выворачивают булыжники из мостовой, машут дрынами — разные люди: и нацики, и футбольные фанаты, чья цель — добыть трофей, «беркутовский» щит или шлем, и просто озверевшие мужики. Большинство из этих людей не входят ни в какую организацию, ни в какой «Правый сектор». Они действуют по ситуации, которую отчасти сами и создают. Никаких лидеров они не видят и потому ни за кем не идут. Просто надо было что-то делать, задолбало два месяца стоять просто так, и они сделали единственное, что смогли.

По ночам на улицы Киева выходят нанятые какими-то клеветами Януковича гопники из провинции, которым заплатили по 200 гривен (\$25 примерно) «за постоять». Они тоже машут палками, пытаются пугать, ловить в подворотнях людей с Майдана. Их ловят в ответ.

Мирный, сладкий, вальяжный Киев потерял лицо. Улицы теперь не чистят ни коммунальные службы — их след простыл — ни, толком, протестующие, в декабре старательно наводившие порядок на своей территории свободы: самые активные из них на войне. В центре города анархия — здесь никто даже не пытается править, а драка на Грушевского если и трансформируется в результате каких-то приказов, то в любом случае протекает и в каком-то не зависящем от них русле.

Политики тем временем ведут позиционную борьбу. Оппозиционеры следят друг за другом, чтобы ни один не стал главным, появляются в горячих местах один за другим: отметился товарищ-конкурент, надо и мне зачеканиться. В окружении Януковича делаю свои ставки, делаю постреволюционную страну, которой и на горизонте пока не видно. Олигархи, кроме Порошенко, играющего роль четвертого в оппозиционной тройке, затаились. Молчит и самый богатый постсоветский человек, Ринат Ахметов, в чьей власти, говорят, единолично перекроить парламентское большинство, отобрать у Януковича законодательную власть, сменить правительство, ограничить президентские полномочия.

Есть ли люди, действительно знающие, что будет завтра? На этот вопрос мне неизменно отвечают: «Янукович». Этот ответ кажется мне неверным. Что будет завтра, не может толком представить себе никто.

Даже Владимир Путин, которого здесь подозревают в том, что это он руководит Януковичем, как марионеткой.

Стихия ненависти и тоски поглотила город, в котором я еще недавно жил и который полюбил больше, чем родную Москву. Город, который до последнего отказывался воевать, даже когда его били и давили щитами — но в конце концов не устоял перед мрачным соблазном, просто за неимением других вариантов. Город, где, наконец, пролилась-таки кровь и где стало слишком много людей с палками в руках.

Из Москвы просто рассуждать о будущем Украины, о националистах-русофобах, об общей судьбе с Россией, о превратностях европейского выбора. Из Киева рассуждения эти кажутся бредом от первого до последнего слова. Возможно, из Москвы даже проще следить за здешним мутным информационным потоком, но отсюда видно, может быть, главное: Киевом управляют животные рефлексy. Страх, ненависть, боль, и, да, любовь — к чему-то чистому и несбыточному, выраженному в мелодии национального гимна, который до сих пор выводят здесь неохрипшими, верными голосами: «Ще нам, браття-українці, усміхнеться доля».

Это не про доводы разума, ребята. Это про бандитов, захвативших и не отдающих власть в большой и пестрой стране, и про то, что как бы ни было по-другому — все будет лучше. И про то, что нельзя останавливаться, пока не станет по-другому. А не выйдет... Думает ли кто-нибудь об этом? Стараются не думать.

И ждут нового штурма.

Плохие новости — только бесплатно

Snob.ru, 17.01.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/70536>

Вот и утих плач по РИА «Новости», и народ начинает привыкать к мысли о том, что сообщения с заголовками вроде «На выборах в Мосгордуму ЕР готова выдвинуть кандидатов по всем одномандатным округам» можно читать и на другом бесплатном сайте, по адресу itar-tass.com. О том, что сайты могут также быть платными, никто в России всерьез не думает, кроме горстки фанатов онлайн-версии «Ведомостей» и тех, у кого на работе есть подписка на «Интерфакс». За что платить, когда все есть даром в исполнении РИА... простите, ТАССа, а также сотни другой копипастеров, переводчиков и микролучшайзеров чужого контента?

Тем временем девятая по размеру в Америке газета, The Chicago Sun-Times, вводит платный доступ нового типа: 1 февраля, чтобы прочесть статью на ее сайте, надо будет заплатить биткоинами или ретвитнуть

ссылку на текст. Доходы от текста пойдут в благотворительный фонд, но впоследствии систему могут сохранить. Логика в том, что, если брать деньги за каждый текст, а не за годовую или, скажем, месячную подписку, комиссия за каждую мелкую транзакцию будет слишком высокой. В случае с биткоинами этих издержек нет. Использование криптовалюты позволяет газете получить все деньги, которые ей заплатят читатели. Ну, а твиты — это кивок в сторону старой модели, в которой трафик продается рекламодателям.

Я пишу это в Нью-Йорке, в офисе Bloomberg, одной из ровно двух глобальных информационных компаний, у которых есть устойчивая, непробиваемая бизнес-модель. Вторая — конкурент, Reuters. Обе компании продают терминалы, через которые клиент получает доступ к информации и аналитике, отсутствующей или трудно собираемой в интернете. Эта модель предполагает самый надежный paywall: терминалы — замкнутая программная вселенная, в которую вход «строго по пропускам» за \$25 000 в год. Остальные издатели здесь строят стены, как умеют. Старинная чикагская ежедневка вот, к примеру, экспериментирует с биткоинами.

Еще недавно казалось, что издатели трусят вводить платный доступ, пока этого не сделали многие конкуренты. Теперь в индустрии фактически достигнут консенсус: платность будет у всех, кроме немногочисленных игроков вроде BuzzFeed, пытающихся придумать новые вариации рекламной модели. Вариации эти подходят далеко не для всех: в западных новостных организациях, да и среди здешних читателей, не так уж мало пуристов, не желающих, чтобы реклама окончательно смешалась с собственным контентом.

В апреле прошлого года консалтинговая фирма Simon-Kucher & Partners пришла к выводу, что в течение трех лет 90% медиаконтента будет только в платном доступе, за paywalls. Даже левацкая The Guardian, которая до сих пор уклонялась от введения платного доступа (paywall), рано или поздно «сломается»: надо же что-то делать с огромными убытками (ЕБИТДА за прошлый год — минус \$45 миллионов). Какие результаты даст повсеместное введение платности, пока невозможно предсказать, но интуитивно кажется, что, как только она станет самой распространенной моделью, читатели согласятся платить The New York Times (и уже вовсю платят: в 2013 году подписчики принесли компании 52% выручки).

Сидя в напичканном электроникой стеклянном горшке в дорогой части Манхэттена, на пересечении Лексингтон-авеню и 55-й улицы, невозможно не думать, почему глобальные процессы минуют Россию. Если сбудется прогноз Simon-Kucher & Partners, она ведь так и останется островом халявы в море платной информации. «Ведомости» и «Интерфакс» не в счет из-за сравнительно небольшого числа подписчиков.

А потуги на платность, к примеру, телеканала «Дождь» вряд ли стоит засчитывать: для подписчиков перечисление денег каналу — скорее способ поддержать неподцензурное СМИ, благотворительный взнос, чем покупка необходимой информации.

Очень просто сказать: ну, где Америка, а где Россия. В Москве у репортеров не стоят на столах по два 27-дюймовых монитора, как здесь. Им не раздают, как здесь, бесплатных кумкватов и яблочно-малинового сока. Их презирают, считают недоучками и недоумками даже иные издатели. Здесь владелец компании Майкл Блумберг, экс-мэр Нью-Йорка, зайдя на планерку, уважительно молчит, пока редакторы обсуждают новости. У нас какой-нибудь Арам Ашотыч Габрелянов, скажем прямо, не молчит.

С другой стороны, наши журналисты обычно и не приходят на работу еще до 9 утра, как здешние: ну нету в Москве американской рабочей культуры, которая заставляет ограничивать обеденный перерыв 20 минутами, а планерки получасом и исключает многочасовую праздную болтовню, так распространенную в московских редакциях.

Понятно, почему никто не станет платить деньги за продукцию российских журналистов: не то качество.

Я, однако, знаю не понаслышке, что лучшие московские журналисты могут работать и часто работают лучше американских коллег. В конце 90-х — начале 2000-х таких в Москве были сотни. С тех пор многие из них ушли из профессии: кто — в поисках денег, кто — за приключениями, кто в семейную жизнь и комфорт. Но раз были, значит, и опять могут быть. Проблема не в качестве людей и не в рабочей культуре.

Огромный интеллектуальный, технологический и коммерческий разрыв между американскими и российскими медиа не сократится до смены власти в Москве: ведь никто в здравом уме не станет при нынешнем режиме вкладывать деньги в этот бизнес, а значит, вприпрыжку за Америкой он не побежит. Возможно, это и правильно: в нынешней России нет новостей, за которые стоило бы платить, даже не потому, что информация, на которой можно заработать деньги, вся непубличная, а потому что зарабатывать деньги на ТАКОЙ информации могут только специфические люди. А для всех остальных новости настолько неприятные и однообразные, что отдавать за них деньги обидно.

Кроме того, российский рынок долго портили — и продолжают портить — госагентства, тратящие огромные деньги на создание потоков пропаганды, замаскированной с переменным успехом под информацию. По понятным причинам эта субстанция раздается бесплатно. К ней привыкли, многие даже готовы считать ее новостями. В Америке такое рыночное искажение пространства отсутствует.

Уговорить людей платить за новости можно только в эпоху перемен, когда новости не просто интересны, а жизненно важны. В Америке пе-

ремены не прекращаются никогда. Кризисы, экономические взлеты, технологические революции, бурная поп-культурная и контркультурная жизнь — все это красиво упаковывается в новости. То, что происходит сейчас в России — плавное, нудное соскальзывание страны в экономическое и интеллектуальное болото, — как ни упаковывай, за деньги не продашь: желающих заткнуть уши больше, чем стремящихся услышать. Платный доступ к разочарованиям — это для мазохистов.

Зато, пока Россия затаилась в ожидании следующей встряски, американские коллеги испытывают модели, которые потом можно будет позаимствовать в готовом виде. Чем дольше прождем, тем сильнее нас обгонят — но и тем яснее будет, как именно брать у читателей деньги за контент.

Лобби лицемеров

Snob.ru, 09.01.2014

<http://www.snob.ru/selected/entry/70251>

Смельчак-диссидент вызывает рефлекторную симпатию. Так что понятно, почему многие уважают протодиакона Андрея Кураева за его внезапно активизировавшуюся после увольнения из Московской духовной академии борьбу (см. diak-kuraev.livejournal.com) с «голубой системой» внутри Русской православной церкви. На мой взгляд, он этого не заслуживает, а иерархи Русской православной церкви напрасно дали ему возможность напялить неуместный терновый венок.

Для начала нужен дисклеймер. Я не православный и церковь рассматриваю просто как дипломированный управленец — как организацию с понятными задачами вроде репутационного менеджмента и поддержания лояльности членов. Но ниже речь пойдет и о материях, дискутировать о которых я, строго говоря, никакого права не имею. Если кого-то оскорбляет сам факт, что я беру на себя смелость говорить о библейских доктринах, просто не читайте дальше.

Можно найти список библейских цитат, осуждающих гомосексуальные отношения. Ветхозаветные сразу надо отбросить: христиане не соблюдают весь свод правил, существовавших для древних иудеев, почему тогда они должны учитывать тот факт, что когда-то однополые сношения карались смертью?

В Новом Завете всего несколько цитат, в которых упоминается «мужеложество», все из посланий апостолов Петра и Павла. В них секс между мужчинами упоминается в ряду других грехов. Например, в Первом послании к Коринфянам: «Или не знаете, что несправедливые Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни

пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют».

То есть гомосексуальность — это, с точки зрения греховности, то же самое, что любой внебрачный секс, пьянство или злоречие.

Сам Иисус о гомосексуальности не говорит ничего. Впрочем, некоторые считают иначе, приводя в пример строки из Евангелия от Луки (Лк 17:34 и 17:35):

«Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется».

Некоторые исследователи считают, что, поскольку в греческом оригинале «один» и «другой» — мужского рода, речь идет именно о гомосексуальном контакте. Другие считают, что речь о возлежащих рядом на пиру, а мужской род, чтобы не подчеркивать половую принадлежность, а то получится, что мужчину обязательно возьмут в царство Божие, а женщину нет, или наоборот. Насчет строфы 35 тоже спорят: выдвигалось мнение, что речь не о молотье, а о сексе, к которому может относиться греческое слово в исходном тексте. К тому же дело вроде бы все еще происходит ночью, упомянутой в строфе 34.

Этот евангельский пассаж, в общем, открыт интерпретациям. Но духу высказывания Христа вполне соответствовала бы возможность спасения для одного грешника и низвержения в ад для второго, в зависимости от искренности душевных мук и раскаяния. «Господь не ищет от нас безгрешия, а ищет от нас покаяния, с сознанием своей греховности и с самокорением», — писал преподобный Иосиф Оптинский.

В рамках христианского вероучения священник-гомосексуалист не более грешен, чем священник-пьяница или монах, лежащий в постель с женщиной. Или чем протодиакон, который злословит о других клириках. Все они могут быть прощены или, наоборот, отвергнуты как нераскаявшиеся.

Постепенно католики начинают произносить вслух что-то подобное. «Кто я такой, чтобы осуждать гея — человека доброй воли, ищущего Господа? — сказал в прошлом году папа Франциск. — Этих людей нельзя маргинализировать». Говорил он, кстати сказать, именно о католических священниках, не о мирянах. Имея в виду, что им, как и гетеросексуалам, нужно отказываться от предпочитаемой сексуальной практики, потому что она для них греховна, но и предполагая возможность отпущения грехов.

Православная церковь же предпочитает лицемерить. Официально — и потому в головах прихожан тоже — священник с гомосексуальными наклонностями так ужасен, что просто невозможен. Церковь не признает открыто, что люди бывают разные, и внутри нее тоже. Именно это дает людям вроде Кураева возможность «дуть в свисток», изображая диссидентов. Мол, один епископ кого-то «лапал», другой замечал

других гомосексуалов своим «гей-радаром» и продвигал по службе, третий спроектировал резиденцию так, чтобы можно было безобразничать с иподиаконами.

Иерархи закрывают глаза на гомосексуальность внутри церкви, и это первая степень лицемерия. Вторая — нетерпимость, чуждая исконному духу организации. Кураев — лицемер второй степени. Поэтому он сейчас на коне: он радикальнее и оттого красивее выглядит.

Тут, наверное, имеет смысл напомнить, что протоиерей — не только гомофоб, но и антисемит. Кому мало видео, может прочесть его работу «Как делают антисемитом». Во Франции после таких текстов Кураеву запрещали бы выступать публично, как сейчас запрещают комику Дьедонне М'бала М'бала. Но у нас, слава богу, не Франция и всякий имеет право изрыгать антисемитскую чепуху: на то и свобода слова. Это «пропаганда нетрадиционных половых отношений» у нас запрещена. (На мой взгляд, логично было бы не запрещать ни того, ни другого).

Если бы церковь спокойно и открыто признавала, что гомосексуальность — это не болезнь и не извращение, если бы (скажу, зажмурившись) тем священникам, на которых не распространяется целибат, можно было жить в однополном браке, организацию вряд ли было бы можно атаковать с кураевских позиций. Да, кстати, и гомофобных законов в стране бы не принимали, и в президентских посланиях не было бы сентенций про «бесполоую так называемую толерантность».

Но тут всегда есть опасность: паства-то не поймет. Она же дремучая у нас, не то что в Польше или Аргентине. Поэтому у иерархов РПЦ не хватит смелости даже на мягкий пересмотр позиций а-ля Франциск. И поэтому более радикальные лицемеры, пещерно-нетерпимые, вечно кем-то обиженные — то евреями, то геями — люди будут ходить в революционерах и очистителях. Больше того, немалая часть воцерковленных будет лояльна именно им, а не официальной иерархии. И репутацию организации будут формировать они, люди, может, и искренние, но диковатые.

Путин и гадрозавр

Snob.ru, 26.12.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/69890>

В газете The Guardian — пожалуй, главном СМИ этого года — есть такой знаменитый формат-долгожитель, Pass Notes — серия вопросов, на которые даются полусерьезные ответы. Таких колонок вышло уже больше 3200. Недавний выпуск Pass Notes помогает читателям вспомнить 2013 год. Я попробовал ответить на те же вопросы с российской точки зрения и сравнил результат с мнением лондонской редакции.

Вопрос	В The Guardian	В России
Важные темы	Электронный шпионаж, однополюе браки, конина, татуировки, сланцевый газ, барсуки [Не спрашивайте, почему. — ЛБ], отречение	Мигранты, выборы губернаторов, электронный шпионаж, усыновление, Майдан, метеорит, олимпиада, Академия наук, гомосексуальность
Кто отрекся	Папа Бенедикт XVI, королева Нидерландов Бетатрикс, король Бельгии Альберт II, Алекс Фергюсон	Ну да, Бенедикт XVI (про королей здесь лишь краем уха слышали). Еще Сулейман Керимов (от футбольного клуба «Анжи»). А так — у нас отречься не принято.
Кто еще нас покинул	Нельсон Мандела, Маргарет Тэчер, Уго Чавес, Шеймас Хини, Лу Рид, Питер О’Тул, Ронни Биггс [знаменитый грабитель], Мэтт Смит (в роли Доктора Кто), Абу Катада [террорист из Аль-Каеды] (уехал в Иорданию), Гэрет Бейл (продан в Реал Мадрид)	Нельсон Мандела, Маргарет Тэчер, Уго Чавес, Рэм Вяхирев, Борис Березовский, Алексей Герман, дед Хасан, Борис Васильев, Владислав Мамышев-Монро, Валерий Золотухин, Юрий Яковлев, Андрей Панин, Александр Лившиц, Алексей Балабанов, Петр Тодоровский, Илья Сегалович, Михаил Калашников. Геннадий Онищенко (в роли главного чиновного клоуна), Сергей Игнатьев (в роли самого нерешительного в истории России главы ЦБ), Владислав Сурков (в качестве министра), Анатолий Иксанов (в качестве директора Большого театра), эмигранты-гуманитарии вроде Сергея Гуриева, Олега Кашина и Маши Гессен
Кто появился	Папа Франциск I, Джастин Уэлби, Марк Карни [глава Банка Англии], Мишал Хусейн [ведущая BBC], Питер Капальди (в роли Доктора Кто), младенец в королевской семье	Папа Франциск I, мэр Евгений Ройзман, председатель ЦБ Эльвира Набиуллина, Владислав Сурков (в качестве помощника президента), Дмитрий Киселев (в качестве главного госпропагандиста), Жерар Депардьё (с российским паспортом в руке), двойняшки Аллы Пугачевой и Максима Галкина

Кто неожиданно вернулся	Жозе Моуринью, Дэвид Боуи, «Монти пайтон»	Михаил Ходорковский, Pussy Riot
Человек года	Эдвард Сноуден (призовые места: командор Крис Хэдфилд в качестве поп-звезды и метамфетаминовый проповедник Пол Флауэрс	Михаил Ходорковский (призовые места: Эдвард Сноуден и Владимир Путин, названный Forbes самым влиятельным человеком года)
Политик года	Роберт Мугабе, переизбранный президентом Зимбабве в 48-й раз	Алексей Навальный: он даже не выиграл выборы мэра в Москве, зато показал, что в России все еще можно вести настоящие политические кампании — было бы желание
Спортивное достижение года	Энди Меррей выиграл Уимблдон в мужском одиночном разряде	Сборная России по футболу впервые с 2002 года едет на чемпионат мира
Спортивный провал года	Тоттенхэм Хотсперс и английская команда по крикету	Александр Поветкин и сборная России по хоккею
Судебная тяжба года	Суд над Крисом Хьюном и Вики Прайс [бывший депутат и его бывшая жена осуждены за препятствование правосудию в дурацком деле о штрафных баллах за нарушения ПДД]	Суд над Навальным в Кирове
Развод года	Руперт Мердок — Венди Денг	Владимир Путин — Людмила Путина
Глупость года	Джастин Бибер, посетив музей Анны Франк, написал в гостевой книге: «То, что удалось попасть сюда, очень вдохновляет. Надеюсь, она была бы моей фанаткой».	Бывший боксер, а ныне депутат Госдумы от «Единой России» поделился своим мнением о происхождении видов: «Я бы спросил у Чарльза Дарвина, с какого перепоя у него родилась идея о его теории эволюции».

Динозавр года	Гадрозавр из северной Мексики, живший 72 млн лет назад	Владимир Путин, заявивший: «Берлускони судят за то, что он живет с женщинами. Если бы он был гомосексуалистом, его бы пальцем никто не тронул».
Динозавр года (второе место)	Барон Норман Теббит, который после принятия закона об однополых браках задался вопросом: «Когда у нас будет королева-лесбиянка и она женится на другой женщине, а чтобы родить ребенка, воспользуется донорской спермой — этот ребенок будет наследником престола?»	Елена Мизулина и Виталий Милонов, которых можно уже и не цитировать.
Слово года	selfie (фотка-самострел)	В тусовке — «скрепы». А по версии «Яндекса» — «мультиварка»
Самый популярный вопрос к Google, начинающийся словами «что такое...»	Что такое twerking?	Что такое епандос?
Ну и что это такое?	Сами загуглите.	Сами загуглите.
Следует говорить	Слава богу, 2013-й почти закончился	Слава богу, амнистировали.
Не следует говорить	Думаете, 2014-й будет лучше?	Думаете, в 2014-м не посадят?

В таком формате Россия даже становится немного похожей на Соединенное Королевство. Им больно за крикет — нам за хоккей. У них королевская семья — у нас Пугачева с Галкиным. У них умер О’Тул,

у нас Золотухин. У них таинственный twerking, у нас умопомрачительный эпандос. У них дискуссия про однополые браки — у нас про «пропаганду гомосексуализма». У них Ронни Биггс — у нас дед Хасан. У них сменился председатель центробанка, и у нас тоже. У них процесс года — над политиком; смотрите, а ведь и в России тоже. У них Сноуден — впрочем, погодите, он же у нас!

На самом деле это был год, когда Великобритания стала одним из лидеров экономического роста (с показателем 2,4%), а Россия скатилась в стагнацию, и экономика вырастет лишь чуть больше чем на процент. В Британии динозавр года — это динозавр и есть, его нашли в Мексике; старикан, который на втором месте, давно ни на какую политику не влияет. У нас динозавры правят страной, заседают в Кремле и Думе. Здесь обсуждают гомосексуальность, потому что ее пытаются запретить, в Британии — потому что разрешили однополые браки. Сноуден стал героем года, потому что его явила миру британская газета, та самая The Guardian (оттого она и СМИ года); зато здесь ему предоставили убежище — не во имя справедливости, а чтобы досадить Америке. У нас судят оппозиционера, еще не выигравшего ни одних выборов, за крупную кражу, которой он не совершал, у них состоявшегося политика — за нарушение, которое у нас таковым и не сочли бы.

И есть еще этот наш длинный список умерших, из которого никого не выбросишь.

Таблица, приведенная выше, — про огромный и продолжающий расти цивилизационный разрыв между Западом и Россией. В этом году он стал еще шире и глубже. Дай нам бог самоиронии, чтобы мы могли маскировать наше отставание так, как маскируют свое опережение англичане.

Следите за руками Януковича

Snob.ru, 18.12.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/69539>

Я сейчас собираюсь защищать двух глубоко несимпатичных мне людей — президентов Владимира Путина и Виктора Януковича. Дело в том, что сделка, которую они заключили, ничего не будет стоить российским налогоплательщикам, а жителям Украины она поможет ровно в той степени, до которой вороватая донецкая верхушка не растащит, как ей это свойственно, госбюджет — главный источник благосостояния богатых украинцев.

Я стоял рядом с украинскими друзьями и коллегами на Майдане, понимаю и разделяю их чувства. Они и их идеалистический Майдан заслуживают лучшей власти. Но лучшая власть, видимо, все же не случится до президентских выборов 2015 года. С тех пор, как в начале дека-

бря я написал колонку со скептическим прогнозом на исход украинских протестов, я несколько раз порывался исправиться. Майдан оказался более стойким, последовательным, лучше организованным, чем мне казалось поначалу. Но поправки теперь вряд ли требуются, как бы ни ругали в Украине кремлевскую сделку, с каким бы подозрением ни относились к ней. Потому что в доме, где на стол вдруг вываливают «котлету» денег, тема разговора мгновенно меняется.

Ниже следует разговор как раз про деньги и немного про политику, но совсем не про национальные чувства и наши эстетические претензии к правителям, представляющим по стечению обстоятельств иной, чем мы, биологический вид.

Россия вроде бы обязалась потратить \$15 млрд из Фонда национального благосостояния на покупку украинских гособлигаций, хотя их преддефолтные рейтинги слишком низки, чтобы ФНБ мог законно в них вкладываться. Ну, правила, допустим, оперативно поменяют. Но плоха ли в целом такая инвестиция?

На 1 декабря 2013 года в Фонде национального благосостояния, призванном покрывать дефицит Пенсионного фонда из нефтяных сверхдоходов страны, содержалось \$88,06 млрд — на полмиллиарда меньше, чем на 1 января. То есть в украинские бумаги планируется вложить 17% фонда.

Согласно отчету об управлении средствами фонда за прошлый год, на 1 января 2013 года почти \$22 млрд из средств фонда находились во Внешэкономбанке, который заработал для ФНБ 5,64% годовых. Инвестиции в высокорейтинговые иностранные долговые бумаги — то есть все остальные вложения фонда — принесли только 1,9% годовых.

Украинские бонды, конечно, актив рискованный. Но доходность облигаций с погашением в 2023 году на момент написания этого текста составляла 8,77%. Это, конечно, уже с учетом поправки на российскую поддержку. Ее эффект, похоже, принес хорошую прибыль инвесторам паевых фондов американской компании Franklin Templeton, управляемых хладнокровным Майклом Хейзенстабом. В портфелях этих фондов было больше чем на \$3 млрд украинских бумаг. Хотя сейчас невозможно точно установить, по каким ценам Хейзенстаб скупал их, цены эти были гораздо ниже нынешних. Ведь еще недавно риск дефолта Украины был третьим в мире после Аргентины и Венесуэлы, и, соответственно, доходность ее облигаций подбиралась к 20%.

Мы ничего не знаем о параметрах украинских облигаций, которые купит ФНБ, но теоретически у России есть возможность заработать не хуже Хейзенстаба, причем отчасти благодаря второй половине сделки Путина с Януковичем, касающейся цены на газ.

Цена эта снижается с \$406 за 1000 кубометров до \$268,5. Но «Газпром», а тем более российский бюджет, получающий от «Газпрома» логи, мало что от этого потеряет.

До сих пор поставки газа Украине регулировались соглашением 2009 года, за которое бывший премьер-министр Украины Юлия Тимошенко сейчас сидит в тюрьме. В соглашении есть формула ежеквартального расчета цены на основе рыночных цен на газойль и мазут. По этой цене Украина обязана каждый год до 2019 года покупать у «Газпрома» 52 млрд кубометров газа, но имеет право, предупредив «Газпром» заранее, брать на 20% меньше или больше. Иначе говоря, платить Украине следует минимум за 41,6 млрд кубометров. Де-факто, однако, Украина берет меньше газа и всеми силами старается не платить за остаток. В 2012 году она импортировала 32,9 млрд кубометров, а в этом, если экстраполировать данные за 9 месяцев, заберет не больше 25 млрд.

Если и в следующем году импорт будет таким же, «Газпром» теоретически потеряет от снижения цены \$3,4 млрд. Но очевидно, что высокая цена давит на покупателя, и он снижает потребление.

Ни одному продавцу не нужен такой результат: он заинтересован в сохранении клиента. «Газпром» и без того сталкивается со снижением экспорта в дальнее зарубежье и вынужден опускать там цены. Ему выгодно остановить падение экспорта в Украину.

Для самой Украины газовое послабление означает возможность снизить субсидии населению, которые Международный валютный фонд оценивает в 5% ВВП.

В прошлом году это было \$8,8 млрд. Понижение цены на российский газ теоретически позволит уменьшить сумму на те самые \$3,4 млрд, то есть на 39%, причем население не заметит снижения господдержки: для него цены на газ останутся прежними, одними из самых низких в регионе.

Так Украина сумеет выполнить одно из ключевых требований МВФ, который тоже обещает предоставить стране \$15 млрд. Правда, деньги она получит не все и не сразу — еще одно требование, не держать курс гривны к доллару, политически невыполнимо до президентских выборов 2015 года, — но шансы на договоренность с фондом возрастают. А значит, уменьшается вероятность дефолта, и покупатели украинских облигаций, такие как Хейзенстаб и Россия, имеют шансы заработать.

Будь вы частным инвестором с такой возможностью повлиять на рынок некоей ценной бумаги, какая есть у Путина в случае с украинскими бондами, вы согласились бы вложить в эту бумагу 17% капитала? Я бы, пожалуй, согласился. А Путин к тому же играет на чужие деньги — в некотором смысле, почти как Хейзенстаб.

Есть, конечно, проблема с тем, что деньги попадают в руки Януковича, который не только кормит свое вороватое окружение, но и должен переизбираться в 2015 году и потому не собирается резать госрасходы. Но никто кроме него вообще не смог бы получить эти деньги и, таким образом, предотвратить дефолт Украины. Путин просто не стал бы

договариваться с нынешними лидерами украинской оппозиции, имея они смелость и достаточную популярность, чтобы попытаться сместить Януковича. У этих людей ведь вся агитация построена на том, что с Путиным нельзя иметь дела ни при каких обстоятельствах.

Да и кто дал бы денег этим лидерам? Самый экономически подкованный из троицы, которая руководит оппозицией в Верховной раде, Арсений Яценюк сразу после сделки с Россией потребовал... понизить на треть тарифы на газ для населения. И на Майдане его поддеждали. Ну с кем так можно договориться? Точно не с МВФ и не с ЕС.

Почему Путин дал деньги Януковичу, не раз пытавшемуся его обмануть? Может быть, существует некий секретный протокол, как считают многие на Майдане, и деньги — это российский сыр в мышеловке? Думаю, что если такой протокол и подписан в Кремле, толку от него никакого: Януковичу все равно нельзя верить. Путин это знает. Он считает, что сможет использовать свою украинскую инвестицию в текущем, конъюнктурном режиме, добываясь от Януковича тех или иных тактических решений, водя его на не слишком длинном поводке по крайней мере до выборов. Сорвется с поводка — потеря для России, по вышеописанным причинам, может и не быть. В любом случае, Путин — человек хитрый и самоуверенный — ввязался в игру, сделал ставку.

А вот если бы он не дал денег, игра проходила бы без него. Девальвация гривны и почти неизбежный дефолт Украины, вероятная досрочная, и уже кровавая, смена власти после этих событий — так можно было бы окончательно упустить контроль над ситуацией.

Два паука, оказавшись в одной банке, решили не враждовать. Что с этим делать протестующим? Да то же самое, что и нам здесь: готовиться к следующим выборам. Никаким другим способом перехватить власть невозможно. Украинцы будут выбирать первыми; им по-прежнему нужен лидер, который сможет убедительно разговаривать и с Путиным, и с ЕС и МВФ. А пока его нет, остается только следить за руками Януковича, чтоб не пропала «котлета» со стола.

Скупая слеза за миллиард

Snob.ru, 11.12.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/69154>

Примерно в середине прощальной речи главного редактора Федерального государственного унитарного предприятия Российское агентство международной информации «РИА Новости» Светланы Миронюк одно слово заставило меня поставить видео на паузу. Слово это было — «кредиты». Миронюк говорила, что не понимает пока, можно ли будет при-

глашать людей на договор во время ликвидации ФГУПа или все деньги придется направлять на выплаты сотрудникам — и кредиторам.

Когда перед этим Миронюк сказала, что государство за предыдущие 10 лет потратило «на создание лучшего СМИ в стране» почти \$1 млрд, я не удивился, хотя ни одно СМИ в России, кроме больших телеканалов, никогда не получало подобных инвестиций, ни частных, ни государственных. Но что ФГУПу этого миллиарда не хватило и он еще занимал деньги — это как-то не укладывалось у меня в голове.

Я раздобыл бухгалтерскую отчетность ФГУП РАМИ «РИА Новости» за 2012 год и, действительно, обнаружил среди долгосрочных обязательств заемные средства — 439 млн рублей. Мизерная сумма для структуры, оперировавшей в таких масштабах. Но почему-то именно над ней захотелось мне пролить не менее искреннюю слезу, чем та, что навернулась во время прощания с «лучшим СМИ страны» на глаза Миронюк.

Остальную отчетность ФГУП РАМИ надо читать с сухими глазами.

В том же 2012 году убыток ФГУП от продаж — то есть тот отрицательный финансовый результат, которого достигло бы это предприятие, будь оно настоящей компанией, — равнялся 2 999 954 000 рублей. То есть \$96,6 млн по среднему курсу за 2012 год. Предприятие продало рекламы и прочих своих услуг на 1,23 млрд рублей, а потратило вот на столько больше.

У учреждения, однако, имелись «прочие доходы» на сумму 3 425 565 000 рублей. Угадайте какие.

Эти «доходы» — по сути, наша с вами дань Лучшему СМИ Страны — позволили ФГУП РАМИ «РИА Новости» показать в прошлом году чистую прибыль (!) в 52 559 000 руб. Вы ведь не думаете, что оно вернуло эти деньги в бюджет, то есть нам?

В докладе о финансово-хозяйственной деятельности ФГУП содержится следующий пассаж:

«В 2012 г. по результатам комплексного обследования центральной тепловой подстанции (ЦТП) специалистами 7-ого района тепловых сетей ОАО «МТК» был подготовлен Акт состояния оборудования, свидетельствующий об аварийном состоянии ЦТП с предписанием принять незамедлительные меры по замене оборудования. В связи с нарастающей необходимостью проведения срочного капитального ремонта ЦТП, расположенного в здании, занимаемом «РИА Новости», в 2013 году «РИА Новости» планирует произвести капитальный ремонт ЦТП. Это обусловлено угрозой полной остановки работы ряда федеральных СМИ, работающих в здании, в случае выхода из строя из-за аварии действующего ЦТП. В результате проведенного обследования стоимость необходимых мероприятий по капитальному ремонту ЦТП «РИА Новости» составит около 45 млн. руб. В связи с тем, что соответствующая заявка на финансирование данного проекта за счет дополнительных бюд-

жетных средств направлялась, но не была поддержана, единственным источником реализации данного важного проекта является остающаяся в распоряжении «РИА Новости» прибыль.

В связи с вышеизложенным, перечисление в федеральный бюджет части прибыли по итогам деятельности предприятия в 2012 году запланировано в размере 5% от чистой прибыли предприятия за 2012 год, что составит 2 628 тыс. руб.»

Иначе говоря, государство так щедро профинансировало то самое Лучшее СМИ, что у него осталось чуть меньше \$1,7 млн — деньги, которые не смогли потратить, как ни старались. Но отдавать их было никак нельзя, и решено было пустить их на ремонт отопления. Чтобы трубы не текли и чтобы грело.

Вообще с ремонтом и матчастью во ФГУПе все было нормально. Еще до того, как «прибыль» утекла по трубам, предприятие вложило в 2012 году 690 млн рублей в «создание, модернизацию, реконструкцию и подготовку к использованию внеоборотных активов». То есть в интеллектуальную собственность вроде софта, а также в здания и оборудование. Зал, в котором произносилась прощальная речь, выглядел достойной сценой для исторического события.

Но главным активом упраздненного ныне предприятия были, конечно же, люди. Их в 2012 году числилось в «РИА Новости» 1706. Их средняя зарплата составляла 86 926 рублей в месяц. В отчете руководителя за 2012 год гендиректор ФГУП и заместитель Миронюк Николай Бирюков так объяснил, почему эта зарплата на 13% выше предусмотренной целевыми показателями: «Приняты в штат высококвалифицированные специалисты».

Открою страшную тайну: в Москве нет ни одной частной редакции, в которой средняя зарплата — с учетом всегда низкооплачиваемых корректоров, курьеров, секретарей, верстальщиков — достигает \$2800 в месяц. В частном СМИ это зарплата сильного корреспондента.

Во ФГУП РАМИ «РИА Новости», однако, для «высококвалифицированных специалистов» имелись вкусные печенки, за которые я заплатил налогами с гонораров за колонки, написанные для частных СМИ. Вы тоже заплатили, многие — побольше моего.

Я намеренно не касаюсь ни качества контента «РИА Новости», ни цитируемости его продуктов, ни общественно-политической позиции Светланы Миронюк или ее подчиненных. Больше того, я ничего об этой позиции не знаю. Скучно рассуждать про путинских и медведевских — все это оттенки одного базового цвета. Скучно говорить о качестве, если использовать сообщения РИА все равно можно только для того, чтобы сослаться на официальный государственный источник. Для любых других надобностей его продукция не подходит просто в силу одной из уставных целей ФГУП, которая сформулирована так: «Обеспе-

чение... информационно-пропагандистского сопровождения внешней и внутренней политики Российской Федерации в рамках единого информационного пространства». Хорошо ли, плохо ли Миронюк и ее команда справились с поставленной задачей, потребителю информации, и профессиональному, и «любителю», безразлично. Как говорится, по крайней мере они пытались. Владимиру Путину вот не нравилось; он хочет, чтобы «сопровождение» осуществлялось так, как умеет Дмитрий Киселев.

Я только о деньгах. Если бы миллиард, который потратила команда Миронюк за 10 лет и которого ей все время не хватало, не был собран в виде налогов и израсходован на нужды предприятия, которое теперь ликвидируется, частные инвесторы могли бы построить на него не какое-нибудь одно СМИ, а целую свободную прессу. Инвестиции в создание газеты «Ведомости» к моменту выхода ее на прибыль составили меньше \$5 млн. Двести таких изданий, как «Ведомости», — и не надо было бы свободной России никакого «лучшего СМИ», беспросветно сидящего на огромной госдотации.

Ну, а потребление печенек, конечно, несет некоторые риски. Например, риск нежданного указа. В частных СМИ главреда хотя бы вызывают, чтобы объявить о закрытии проекта. Но и кормят его, надо сказать, намного хуже.

Революция вопросов

Snob.ru, 05.12.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/68852>

Премьер-министру Украины, дислексику Николаю Азарову, вставляющему в русские слова і, чтобы сделать их «украинскими» (например, так он создал слово «кровосісі»), Евромайдан имел сказать только одно: «Азірів, іді на хій». Однако во вторник Азаров без особых проблем пережил голосование о недоверии правительству, а в среду симметрично ответил Майдану, в том числе и девушке с расставленным точкой над і плакатом: «Я хочу ответственно заявить, что то, что стало поводом для уличных протестов, на сегодня исчерпано».

Исчерпана, выходит, и тема отказа Украины от самого всеобъемлющего торгового пакта, который ЕС когда-либо заключал с не входящей в него страной. И тема ночного избиения студентов, мирно тусовавшихся на Майдане, спецназом из Днепропетровска, Луганска и Крыма. Расходитесь по домам; как раньше сказал Азаров по другому поводу, «не треба скиглити, треба брати лопату и годувати свою семью».

И ведь скоро разойдутся-таки: в центре Киева все меньше митингующих, а среди них все больше доля приехавших из других регионов —

тех, кто ночует в машинах, в захваченной мэрии, в Доме профсоюзов и Октябрьском дворце на Майдане. На площади стоят нынче — и поют в два часа ночи национальный гимн — люди без айфонов, в практичной, поношенной темной одежде, с большими руками и наивно-недоверчивыми взглядами провинциалов. Недовольные киевляне, революционные интеллигенты, только «заходят» на Майдан, потом часами сидят в окрестных барах, обсуждая конспирологические теории. Я тоже с ними сидел. Стоять на площади было незачем.

Самая, пожалуй, распространенная из теорий такая. «Семья» президента Виктора Януковича, то есть друзья его старшего сына Александра, стремительно богатеющего в правление отца, захватила слишком много власти, оттолкнув от кормушки (в Украине это в первую очередь бюджет: госрасходы составляют 50% ВВП) олигархов: Дмитрия Фирташа, Игоря Коломойского, даже Рината Ахметова, мультимиллиардера, превосходящего богатством самого состоятельного россиянина Алишера Усманова. Фирташ начал даже ощущать конкуренцию со стороны прихлебателя «семьи» — молодого выскочки Сергея Курченко. Олигархи, приведшие Януковича к власти в 2010 году в результате закулисного компромисса, — им нужен был кто-то, кто оградил бы их от левачества и популизма Юлии Тимошенко и избавил страну от неумелого президента Виктора Ющенко, — почувствовали себя ущемленными и срежиссировали массовые протесты. Благо имелся повод — отказ правительства от евроинтеграции.

Мало кто в Киеве сомневается, что разгон студентов в ночь на 30 ноября был провокацией. На площади было совсем малоллюдно, ситуация не требовала применения силы.

Видео избиваемых дубинками юношей и девушек показали вчерашние пропагандисты власти: телеканалы «Интер» Фирташа, «1+1» Коломойского, «Украина» Ахметова. Они и потом освещали протесты без прикрас и купюр, и казалось, что они на стороне демонстрантов, требовавших отставки Януковича и правительства.

Подозрения, что дело нечисто, усугубились, когда одним из первых политиков,отреагировавших на разгон студентов, стал близкий к Фирташу глава президентской администрации Сергей Левочкин: он подал в отставку. Другие «олигархические» политики — Давид Жвания и Инна Богословская — покинули правящую Партию регионов. Все это еще до того, как на улицы Киева вышел 1 декабря едва ли не миллион людей, чтобы показать власти: бить «детей» вольный город больше не даст.

Когда на улицах было не протолкнуться, кто-то устроил еще одну провокацию напротив президентской администрации на Банковой. Затеяли «штурм» и метание булыжников явно не демонстранты. Впоследствии они сами устанавливали кордоны между толпой и шеренгой

спецназа перед зданием. А ребята, начавшие потасовку, легко проходили через милицейский кордон в обе стороны.

Оппозиционные лидеры — заместитель сиделицы Тимошенко Арсений Яценюк, боксер-либерал Виталий Кличко и украинский фюрер Олег Тягнибок — осознали в какой-то момент, что назавтра у них может образоваться большинство в Верховной раде, если за Жванией и Богословской последуют другие регионалы. Это позволило бы им свергнуть правительство. Но ничего подобного не случилось: согласно главной конспирологической теории, олигархи, показав свою силу, заключили новую сделку с Януковичем. Теперь «семья» умерит амбиции, президент и премьер останутся на постах, власть вернется к конфигурации 2010 года. Людьми, вышедшими кричать «Банду геть», попользовались пару дней, и теперь им пора назад в хижину: во дворцах обо всем договорились.

Верна эта теория или нет, для меня киевская история последних дней — не про закулисный сговор, не про хитрость Януковича, иезуитство Левочкина (отставку которого президент не принял) и цинизм олигархов. Она про то, что оппозиция не сумела взять власть. Тягнибок, Кличко и Яценюк десятки раз выступали перед собравшимися, встречались с послами и крупными еврочиновниками, разъезжали на крыше микроавтобуса, раздавали интервью. Их соратники циркулировали в толпе. Но никто не следовал их призывам. Киев, например, не стал бастовать, как требовала троица. За пределами небольшой зоны в центре, захваченной протестующими, город функционировал в обычном режиме. Даже толпа на площади воспринимала троих скорее как коверных со стажем, чем как лидеров, за которыми она куда-нибудь пошла бы — например, на настоящий штурм правительственных зданий. Люди самоорганизовывались: принимали и распределяли помощь, устраивали дежурства, строили баррикады из разобранной главной елки страны, поддерживали порядок в захваченных зданиях. Если и участвовали в этом оппозиционные партии, то не как направляющие силы.

Зная ограниченность своего влияния, оппозиционеры и не призывали ни к каким по-настоящему революционным действиям. Мало того что они не попытались перехватить бразды правления на гребне протеста, они не использовали и самое мощное свое политическое оружие: не сдали депутатские мандаты. Это привело бы к досрочным выборам, но оппозиционеры явно не были уверены, что протестные настроения продержатся еще три месяца и что их не переиграют снова, как в октябре прошлого года, когда Партия регионов обошла их на парламентских выборах без особых злоупотреблений. Насчет олигархов не знаю, а вот лидеры оппозиции точно не сумели воспользоваться энергией толпы. Это был не их город, они не были в нем властью.

Может быть, для них это и к лучшему. Янукович и Азаров сохранили власть в стране-банкроте. Вероятность дефолта Украины — третья в мире после Аргентины и Венесуэлы. Доходность ее облигаций подскочила во время киевских событий почти до 20%. Standard & Poor's уверенно предсказывает девальвацию гривны в следующем году. Раздобыть деньги стране по большому счету негде: выход на рынки закрыт, Китай, куда полетел невозмутимый Янукович, может, и даст несколько миллиардов, но разворованный бюджет они не спасут, МВФ требует отменить субсидии на газ для частных потребителей, но это вызовет настоящую революцию. Россия, может, и подкинет денег, но Владимир Путин явно не спешит помогать Януковичу, который долго пытался водить его за нос и попытается снова, получив хоть что-то.

Какую страну получили бы оппозиционеры, если бы взяли власть сейчас? Долго ли смогли бы они продержаться у руля? Еще одна конспирологическая теория, в которую укладывается скучная развязка бурных событий Евромайдана, предполагает сознательный отказ оппозиционеров от решительных действий. Пусть плохо станет при Януковиче, да поближе к президентским выборам 2015 года. Тогда даже такие, как троица коверных, покажутся адекватной заменой. И с них не спросят за почти неизбежный экономический крах: это все «попередники», предшественники, которых так любит сейчас обвинять во всех бедах Украины Азаров.

Править Украиной возьмется сейчас только камикадзе. Трудно себе такое представить даже в рамках барной конспирологии, но — вдруг Янукович хотел, чтобы его свергли, и потому сам приказал побить студентов? А потом его уговорили или даже заставили остаться?

Люди, оккупировавшие и засыпавшие мусором площади и улочки центра Киева, не нужны никому из политиков. Украина — это, определенно, страна: ее населяют вот эти люди, грязные, невыспавшиеся, голодные (дорого для них есть в здешних заведениях), нестройно поющие гимн. А вот государства у этой страны нет — ни с той, ни с другой стороны политического водораздела. Взять ответственность за то, что будет с Украиной дальше, слишком мало желающих, а может быть, и вовсе нет.

Общая история двух городов

Snob.ru, 27.11.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/68501>

Гигантский Louis Vuitton на Красной площади и толпа демонстрантов в тысяче километров, на Европейской, — это выглядит так, будто какой-то анти-Диккенс пишет поповскую версию «Истории двух городов»,

только не про Лондон и Париж, а про Москву и Киев.

Много кто уже сравнивал два славянских города в этом духе. В Москве, мол, в 2011-2012 гг. очкарики вышли на улицы, собрав предварительно много денег на биотуалеты, да разбрелись по домам, занялись своими хомячьими делишками, а про пострадавших за них политических узников — забыли. В Киеве сейчас — другое дело: там и по ночам не расходятся тысячи протестующих, и нужду справляют где придется: и. о. мэра только на шестой день Евромайдана пообещал поставить для них биотуалеты бесплатно. И с полицией в Москве дрались как-то неуверенно, «космонавтам» потом даже врать пришлось, что их побили сильнее, чем на самом деле. А в Киеве-то все по-настоящему, не надо будет, если что, «беркутам» ничего приукрашивать на суде, которым нынче грозят участникам неудавшегося штурма Кабмина.

Между тем Евромайдан — и по сути, и по результатам повторение нашей осмеянной и оплаканной «Снежной революции». Главные его свойства те же:

1. В первую очередь это бунт умного меньшинства. Ночью 21 ноября, сразу после того, как украинское правительство приостановило подготовку к подписанию пакта с ЕС, на улицу первыми вышли журналисты и прочие интеллектуалы. Для этих людей европейский выбор — не экономический, он не про свободную торговлю, не про отмену виз в каком-то отдаленном будущем, не про вступление в организацию под названием ЕС; это культурный выбор. Подтверждение их жизненных установок. Как писала коллега Катерина Коберник, участница Евромайдана, «примерно половина страны давно строит Европу у себя дома. Начиная с мелочей: не бросают окурки из окон, сажают цветы на балконах, сразу по многим причинам пересаживаются на велосипеды, учат детей нескольким иностранным языкам и терпимости. Они с настойчивостью шизофреников не дают взяток милиционерам и судьям, расплачиваясь за это проигранными делами и огромными штрафами».

Вот так эти люди представляют себе Европу.

Есть у них и представление о России: они пытаются следить за нашими новостями. Это так же трудно, как из Москвы отслеживать украинские события: в обеих столицах большинство СМИ погрузились в околосударственный сумрак. Но и сам этот факт уже пугает умных украинцев: они категорически не хотят, чтобы у них стало как у нас.

Но поздно им пить «Боржоми». Уже стало.

Коберник вместе с другими коллегами уволилась из медиахолдинга УМН, когда новые владельцы ввели там цензуру в пользу президента Януковича и его семьи, но такие, как она, — белые вороны в Киеве. Их и там, как в Москве, меньшинство. Не половина.

Видимость более жесткого протеста, чем наши «снежные», Евромай-

дану придали драчливые ультрас и прочие радикалы с газовыми баллончиками. По уровню насилия их действия где-то на полпути между московской мини-потасовкой 6 мая 2012 года и стамбульскими беспорядками, имевшими место годом позже и тоже не принесшими серьезных результатов. Не Тахрир, без шансов.

2. У Евромайдана, как и у московских митингов, нет внятных и достаточно радикальных требований. Ну да, кто-то за отставку правительства, свернувшего с европути, кто-то просто за немедленное подписание договора об ассоциации с ЕС. Но как московские демонстранты не верили в то, что существенный прогресс — например, переход к честным выборам — возможен, пока во главе страны Владимир Путин, так и «европейские» украинцы понимают, что их страна едва ли изменится при президенте Викторе Януковиче. Один киевский знакомый даже сказал мне, что не хочет, чтобы Янукович подписывал договор с ЕС: он никакой на самом деле не европеец, будет одно притворство. На самом деле и участники московских митингов, и киевские демонстранты хотят одного — смены режима. Им нужен более европейский. Но по-настоящему биться за эту цель они не могут, потому что...

3. Как и у московских, у киевских протестов нет лидера. Причем у украинцев эта проблема даже серьезнее, чем у нас. Майданов до последнего времени было два: один с политиками, другой без. Умная Украина не доверяет никому из политических лидеров: не только Януковичу, но и Виталию Кличко, которого многие считают связанным с бандитами, и Арсению Яценюку, над которым подтрунивают как над слабаком. А Юлия Тимошенко слишком давно в тюрьме, и сейчас тоже не может присутствовать на митингах лично. В 2004 году победоносных украинцев объединяли фигуры Тимошенко и Виктора Ющенко (как в 1991 году Москва верила в Ельцина). Сейчас нет таких фигур и не предвидится: резерв исчерпан, даже Навального своего нет на горизонте. А для победы народному протесту нужен лидер, равновеликий правящему. Вот и у турок ничего не вышло: некого было противопоставить премьер-министру Эрдогану.

Можно, конечно, концентрироваться не на сходстве, а на различиях. Украинская безбашенность и правда контрастирует с московским прагматичным эгоизмом, а подчеркнутая мягкость Януковича в обращении с протестующими — с саркастической презрительностью Путина (для украинского президента они заблудшие дети, которым папа даст любимую игрушку, но попозже; Путин же видел в «болотниках» врагов, подлежавших разгрому). Но это все частности. Евромайдан закончится пшиком из-за слишком большого сходства с несостоявшейся «Снежной революцией» в главном. Ни один режим еще не пострадал от сопротивления со стороны людей, которые вроде бы умнее его, но хуже понимают, чего хотят и кто представляет их интересы. Как и в Москве

год назад, в Киеве власти не с кем вести переговоры, не перед кем капитулировать, если бы она вдруг этого захотела.

Настоящая битва предстоит Украине в 2015 году. Тогда, на президентских выборах, у украинцев будет шанс, который не использовали русские в 2012 году, — если до тех пор появится всенародно признанный проевропейский лидер. Тогда же и будет повод для настоящего Майдана, такого, как девять лет назад, — если голоса посчитают нечестно.

А то, что сейчас, — только репетиция. Время еще есть, хоть его и немного.

Его величество царь СССР

Snob.ru, 21.11.2013

<http://www.snob.ru/profile/25023/blog/68128>

Вообще-то я шел посмотреть на голландский дизайн. Знаете, кресло из ношенной одежды, парковая скамейка с динамиками, через которые можно слушать музыку со своего телефона через Bluetooth, мягкая ваза из полиуретана. Милые штучки из другого мира, сделанные из дешевых материалов, но одушевленные мыслью авторов.

На Манежной площади стало понятно, что с моим планом что-то не так: от самого памятника Жукову на иноходце извивалась очередь, какой не видал я уже много лет. «Кроссовки выбросили», — вспомнилось из детства.

Человек, выросший в СССР, не может не подойти к очереди с вопросом «что дают?». Я тоже не сумел преодолеть рефлекторный позыв. И другие советские люди ответили мне без улыбки: «Это в Манеж, на выставку Романовых».

Было около ноля. Шел дождь. Очередь петляла, колыхались зонты. Я приблизился к Манежу, надеясь, что к голландцам есть отдельный вход. Его не было. Милиция, охранявшая проходы в отгороженное металлическими барьерами пространство перед выставочным залом, и не подозревала, что одновременно с царским аттракционом, организованным Московским патриархатом, в Манеже показывают что-то еще.

Но человек, выросший в СССР, не сдастся так просто. Рекогносцировка показала, что из пролегающего под Моховой подземного перехода можно попасть напрямик к Манежу, предъявив билеты, заранее купленные через интернет. Выбравшись наружу, к 3G-покрытию, я купил билет с телефона и получил его на почту.

Теперь я отягощен новым знанием. Я знаю, что декабристы были связаны с основанной в 1948 году Менахемом Бегиним партией «Херут». (А о том, что первый самолет отправил в небо Можайский, а не братья

Райт, меня еще в советском детстве информировали. Правда, самолет этот рухнул через 200 метров.)

Но я забегаю вперед. Голландская выставка обнаружилась на подвальном этаже. Было пусто и гулко. Охранник поймал двух девушек-хипстеров, которые карандашом исправили грамматические ошибки на стенде с описанием происходящего. Он заставлял их стирать исправления маленьким ластиком на верхушке того же карандаша. Девушки громко жаловались, но стирали, словно призывники, драящие зубными щетками сортир.

Тетушка-смотрительница подошла: «Птичку уже видели?» И правда, цветное пятно на фаянсовой тарелке, отражаясь в зеркальном графине, превращалось в изображение птички. Отец с двумя маленькими детьми остановился возле Bluetooth-лавочки, подключил телефон. Двухлетняя девочка в розовом комбинезоне пустилась в пляс под песенку про автобус.

Этажом выше колыхалась толпа. Протиснувшись между пузом священника и оттопыренным задом широкой тетки с прической, я оказался в зале, освещенном адским красноватым светом и увешанном баннерами. Полумрак скрывал некоторые недостатки распечатанных в низком разрешении коллажей, выполненных человеком, который явно учился графическому дизайну в духовной семинарии. Изображения сопровождалась найденными в интернете фактоидами: мол, первое упоминание о балалайке имело место при царе Федоре Алексеевиче.

Сотни людей переминались перед баннерами и большими телевизорами, озарявшими сумрачный зал сполохами мультимедиа-контента. Быстро проталкиваясь в сторону выхода, я испытал несколько приступов клаустрофобии. Глаз выхватывал какой-нибудь «Херут» или цитату из Ивана Ильина, впереди смыкались спины в пушистых кофточках, рясах, серо-зеленых акриловых свитерах. Плакал ребенок: песенка про автобус ему здесь не предлагалась.

Уже у выхода я увидел на баннере с цитатой лицо без бороды. Цитата была такая: «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкивались с оппозицией самой России. И мы знаем, чем это заканчивалось: сносом государства как такового. В.В. Путин».

Если вам интересно, какую выставку Первый канал описал как «настоящее путешествие во времени», во время которого «к истории можно буквально прикоснуться», посмотрите отчет коммунистки Дарьи Митиной. Но если хотите понять, что за 13 000 человек приходят туда каждый день, стоят часами в очереди, а потом по полдня не выходят из зала в 4000 квадратных метров, купите в интернете билет — и идите смотреть на то, что вам уже не удастся развидеть. Заходите из подземного перехода. Время есть до 26 ноября — выставку два раза продлевали, хотя ее гастролей уже ждут в регионах.

Да, кстати: билет нужен только на голландцев. На Романовых пускают бесплатно.

Я далек от мысли, что у тех, кто выстаивает очередь, нет доступа в интернет или 250 рублей за взрослый билет (для детей и пенсионеров льготы). Стоя в очереди, а потом разглядывая корявые коллажи, люди испытывают чувство единения и гордости за национальную историю. Потом они фотографируются на ее фоне, хотя для этого в зале явно недостаточно света.

Более того, я уверен, что если бы Путин, министр Мединский и любитель швейцарского дизайна патриарх Кирилл спустились этажом ниже, к голландцам, и репортаж об этом показал Первый канал («президент высоко оценил современные образцы утилитарного голландского искусства, которое еще Петр I...», далее по тексту), на эту выставку пришло бы лишь чуть больше народу, чем приходит сейчас. Не наше это. А на романовскую развесистую клюкву и сарафанное радио пригнало бы тысячные толпы. Так в моем советском детстве давились в тот же Манеж на выставку Ильи Глазунова, еще не вполне официального живописца, как бы критика советской власти справа (в тогдашней системе координат).

Эти люди никогда не переставали жить в империи с ее мифами, красным сумраком, мучениками, жидомасонами и неизбежным Ильиным. Это им нужен царь — он у них всегда и есть.

Москва, однако, большой город. Что для нее 170 000 побывавших на выставке? Они, как и мы, меньшинство, пусть чуть более многочисленное. А клаустрофобия — просто мимолетное малодушие.

Европейский поступок

Snob.ru, 14.11.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/67820>

Многие сейчас сомневаются, что Украина в конце этого месяца подпишет, как собиралась, договор об ассоциации с Евросоюзом. Что-то, как водится, пошло не так.

Что именно, долго перечислять. Пожалуй, главную мысль изложило еще в сентябре агентство Moody's, понизив кредитный рейтинг Украины до преддефолтного: мол, в долгосрочной перспективе интеграция в ЕС для Украины хороша, но прямо сейчас враждебное отношение России к этому проекту перевешивает все плюсы. Доходность украинских гособлигаций превышает 13%, страна не может более занимать деньги на рынке. Дефолт близок, и скорее уж Россия, чем ЕС, поможет президенту Виктору Януковичу предотвратить его, а значит, сохранить власть.

Так уж получается, что сколько бы Украина ни шла в Европу, приходит она все равно в Россию. Это вопрос концепции.

Экс-главред журнала «Власть» Максим Ковальский, изгнанный полтора года назад из «Коммерсанта» по цензурным соображениям, а теперь туда вернувшийся, говорит так: «По поводу детей и глаз существуют две широко распространенные концепции. Одна: как смотреть в глаза детям, если я живу нечестно? Вторая: как смотреть в глаза детям, если я не могу их прокормить? В разные периоды побеждает то одна концепция, то другая. Но если у людей возникает альтернатива: быть бескомпромиссным и быть без копейки или не быть бескомпромиссным и быть с копейкой, то большинство выбирает второе».

Собственно, перед Украиной стоит именно такой выбор. Можно подписать договор об ассоциации, объявить себя недвусмысленно европейской страной, попытаться разорвать прочную связь между криминалитетом, политикой и бизнесом, отпустить, в конце концов, несчастную Тимошенко — но испытать серьезные экономические перегрузки. В этом варианте Янукович, вероятно, потеряет власть в 2015 году. А можно договор не подписывать, ничего не менять в установленных бандитских порядках, выпросить у России денег, оттянуть финансовый коллапс, остаться у власти.

Красота и бедность или мерзость и печенки. Назовем эти две концепции — условно — европейской и российской, соответственно.

Я проработал в Украине чуть больше года, делал сайт forbes.ua. Перед сотрудниками украинского Forbes недавно встал такой же выбор, как перед всей Украиной. Холдинг УМХ, в который входит Forbes, купил олигарх Сергей Курченко — человек, сколотивший состояние на сомнительном с таможенной точки зрения импорте нефтепродуктов и госконтрактах. Вскоре после завершения сделки нынешнему редактору сайта Александру Рубану объяснили: теперь у нас будут темы, на которые писать нельзя. Какие именно? Дадим знать по ходу дела.

Список начал проясняться на первой же планерке после этого разговора. Главред Forbes Михаил Котов, выписанный командой Курченко из Москвы, прямиком из госагентства РИА «Новости», «завернул» тему про советников первого вице-премьера Сергея Арбузова. Это важный человек: Арбузова считают главным финансистом президентской семьи. Мать первого вице-премьера — председатель правления банка, принадлежащего сыну Януковича.

Про другие политические темы Котов обещал «подумать».

Новые правила несколько прояснились, и тринадцать журналистов украинского Forbes, сайта и ежемесячного журнала, — нескольких из них я брал на работу в 2012 году, других нанимал мой друг Владимир Федорин, бывший главред журнала, — написали заявления об уходе по собственному желанию.

Это был, прямо скажем, довольно европейский по концепции поступок. И вот почему.

Импортированный опять-таки из Москвы гендиректор «Украинско-го медиахолдинга», в который входит Forbes, Юрий Ровенский назвал массовый исход «провокационным поведением бывших и нынешних журналистов и редакторов, нацеленным на получение личных PR-дивидендов». Эти самые дивиденды будут у ребят вместо зарплаты. Журналист в нынешнем Киеве лишь по счастливой случайности может найти работу, на которой не будет «правил» вроде предъявленных Рубану. Украина, пожалуй, единственная в мире страна, в которой открываются новые общенациональные бумажные газеты и еженедельные журналы. Открываются они под президентские выборы 2015 года, и стоят за ними специфические люди — тот же Арбузов или кум Путина Виктор Медведчук. В Киеве исчез медиарынок, остались только предвыборные деньги и предвыборные правила. Идти, в общем-то, некуда.

Зная об этом, журналисты Forbes все же уволились. Хотя могли сидеть и делать, что сказано, за неплохие зарплаты.

Но есть еще те, кто остался. Выбрал российскую концепцию, в которой не приходится краснеть перед детьми за то, что плоховато их содержишь. Надо сказать, что редакция Forbes (если считать и технических сотрудников) разделилась примерно в такой же пропорции, как делится Украина по отношению к евроинтеграции.

В Москве сторонники второй концепции — в которой печеньки — теперь составляют подавляющее большинство даже в «креативной» среде. Начинаешь агитировать за первую, и на тебя шикают, считают святошей-лицемером, говорят, как Ровенский: «Пиарисься!» Попробуйте, и сразу услышите в ответ: «Шляпа д'Артаньяна не жмет?» Когда большинство выбрало печеньки и ест их, сидя за одним с тобой столом, не угоститься как-то неприлично. Стыдно вато признавать, что сделал другой выбор.

В Украине и в Киеве в частности думающие люди пока не определились так бесповоротно. Вот и власть с трудом принимает окончательное решение. И для приведения прессы в московское состояние ввозятся из России специалисты по этой части.

Глядя из Москвы, правоту Ковальского по поводу привлекательности концепции с печеньками для большинства нельзя не признать. Отсюда кажется, что ни в какую Европу Украина не пойдет. А если из Киева посмотреть — не так уж все и однозначно.

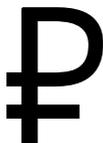
Публь побеждает

Snob.ru, 07.11.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/67497>

Кажется, у российской валюты скоро появится, наконец, собственный символ. На сайте Центробанка с 5 ноября проводится народное голосование. Когда оно закончится 5 декабря, ничто не должно помешать ЦБ принять окончательное решение, на что он уполномочен еще в 2006 году специальной поправкой к регулирующему его деятельность закону. И завершится эпопея, тянущаяся с 1998 года, когда основатель студии «ДизайнДепо» Петр Банков с группой коллег-дизайнеров впервые решили провести конкурс на знак рубля.

Я удивлюсь, если примут не вариант, проходящий у ЦБ под вторым номером. Вот этот:

Эмиль Якупов, директор компании «ПараТайп», крупнейшего в России производителя шрифтов, написал мне: «Там 4 совершенно непригодных знака и де-факто действующий знак рубля. Такое впечатление, что Центробанк хочет принять существующий знак, но для чистоты процедуры проводит голосование, поставив рядом с нормальным знаком заведомо непроходных кандидатов. Довольно логичное поведение, на мой взгляд. Выглядит, правда, грубовато».

Авторство «де-факто действующего» знака приписывают одному из лучших российских шрифтовиков Александру Тарбееву (он и вправду предложил его среди первых, но идея носилась в воздухе, — в комментариях к своему посту основатель студии «Леттерхэд» Юрий Гордон говорит о дюжине сходных вариантов). Московское дизайнерское сообщество, по сути, договорилось его принять в 2007 году. С тех пор студии пропагандируют его, а шрифтовики включают знак в разрабатываемые шрифты.

Гордон, Артемий Лебедев и Якупов напомнили об этом Центробанку в недавнем письме: «Вопрос о дизайне знака нам представляется решенным, и Центробанку достаточно просто утвердить то, что де-факто уже существует».

Так и произойдет после имитации общественного обсуждения. В конце концов, кто лучше дизайнерского сообщества вообще и «ПараТайпа» в частности понимает про символы? Как только формальности закончат-

ся, ЦБ пошлет заявку в консорциум Unicode, который сможет после этого включить символ в свои стандартные для всех разработчиков шрифтовые таблицы. «ПараТайп» несколько лет назад хотел сам подать заявку, но в консорциуме объяснили, что она, скорее всего, была бы отвергнута — надо, чтобы инициатива исходила от официального органа.

Казалось бы, надо радоваться: скоро рубль будет ничем не хуже гривны (U+20B4 в таблицах Unicode) и тенге (U+20B8), а также других валют, у которых есть символы.

Но я проголосовал против всех предложенных вариантов. И хочу сейчас напомнить — пусть, наверное, и слишком поздно — о том, что два шрифтовика, не менее признанных сообществом, чем Тарбеев и сторонники «общепринятого» знака, предложили более приемлемые варианты. Я сейчас не о дизайне, а об идеологии символа. Знак ведь должен отражать место России в финансовом мире, а это вам не семечки лузгать.

Тагир Сафаев выполнил не только множество шрифтов для «ПараТайпа», но и — по заказу русского Newsweek — дорогую мне как память гарнитуру, которую использовал этот журнал. Владимир Ефимов делал кириллизацию Adver Gothic, используемого на российских купюрах. В общем, не последние люди в замкнутом, вполне средневековом по духу сообществе художников шрифта.

Оба их варианта лучше того, который вот-вот будет принят, потому что в их основе лежит латинская буква R. Если у России остались хоть какие-то надежды на важную роль в мировой экономике, на то, чтобы сделать рубль одной из резервных валют, нужен символ, который будет понятен в Лондоне, Нью-Йорке, Сингапуре. У китайского юаня, который дальше рубля продвинулся по пути превращения в мировую резервную валюту, латинский символ, так же как у японской иены. Не иероглиф.

Тот же Гордон писал незадолго до того, как согласился с «кирилличным» знаком: «Иностранец прочитает знак как латинскую П. Наша валюта, соответственно — Публь, Puble. (Впрочем, неплохое название. В переводе с кухонной латыни «народный». А вовсе не «путинский рубль», как все подумали)».

Публь? Ну и ладно, решили дизайнеры. Снова Гордон: «Поставив знаки рядом с числами (и представив их на ценниках в городе N), понял, что латиница там абсолютно не к месту. Мы живем в закрытой стране с закрытой культурой. Приходится это признать, пусть мне лично сей факт глубоко несимпатичен. Во внешнем обороте придется признать, что наша валюта — песо, или публь».

Между тем знак Ефимова решает проблему «нерусскости» — он нарисован так избрательно, что его можно читать и как латинскую R, и как русскую Р:

При всей моей любви к дизайнерам, для них буквы — это картинки, не несущие никакого особенного смысла. Эти люди оценивают их в первую очередь с точки зрения внешней привлекательности: радует глаз или нет. То, что они смогли о чем-то договориться, — случай редкий и приятный. Результатом его стал распропагандированный знак «публя» — благо, у дизайнеров возможности по его распространению такие, каких ни у кого больше нет: им же заказывают и шрифты, и дизайн ценников, к примеру. Но окончательный выбор все-таки вряд ли стоит оставлять за ними: профессиональные пользователи рубля — не они.

Дизайнеры могли бы быть прекрасным жюри для первичного отбора: отсеяли бы все неприемлемые с художественной точки зрения варианты, например, все четыре «лишних» на страничке ЦБ. Сформировали бы шорт-лист, в который, наверное, вошли бы качественно исполненные работы Сафаева и Ефимова. А окончательный выбор ЦБ мог бы предоставить хоть народу, хоть — и, на мой взгляд, лучше бы — еще одному жюри, состоящему из финансистов, чиновников, представителей розничного бизнеса. Если уж собрались принимать решение, которое так много лет откладывали, почему бы не сделать все как следует, наконец?

Да, а те, кому нравится «тарбеевский» знак рубля, могут всюю им пользоваться — незачем ждать ЦБ. Похожая графема уже есть в Unicode: U+03FC, р, перечеркнутая снизу греческая «ро». Вообще-то греки ее используют в сокращениях, содержащих эту букву. Граммы, например, сокращаются вот так: ρρ. Но русским византийцам для их провинциальной, сугубо внутренней валюты этот знак вполне подойдет.

Кремниевая долина смертной тени

Snob.ru, 31.10.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/67190>

Помните, с чего начиналось «Сколково»? С интервью Владислава Суркова «Ведомостям» в феврале 2010 года. С комсомольско-предпринимательским задором тогдашний первый замглавы администрации президента призывал читателей «придумать название и спроектировать нашу Кремниевую долину методом краудсорсинга (crowdsourcing), или, как говорили раньше, “народной стройки”. Присылайте ваши

идеи, планы, концепты на сайт газеты. Мы все их изучим. Лучшие в обобщенном виде лягут в основу проекта, который будет утверждаться на самом высоком уровне».

У Суркова были большие планы — не столько собственно научно-технические, сколько общественно-интеграционные: он же был демиургом. «На формировании такого спроса [на инновации] возможна реинтеграция бюрократии и бизнеса, — уверенно вещал Сурков. — Предыдущая эпоха была реваншем бюрократии за ситуацию 1990-х. Бизнес чувствовал себя несколько отодвинутым от реальных проблем. Шел справедливый процесс отслоения бизнеса от власти, потому что эти функции смешивать ни в коем случае нельзя. Но сейчас возможно объединение сил государства и бизнеса в конструктивном сотрудничестве для общего блага».

В эту риторику поверили тогда некоторые сугубо деловые люди. Например, мой знакомый Алексей Бельтюков.

Алексей окончил ту же, что и я, бизнес-школу — INSEAD во французском городе Фонтенбло. Только за шесть лет до меня, в 1997-м. Когда я заканчивал учебу, мы с ним встретились: он меня беседовал. Тогда почти все будущие выпускники INSEAD подавали заявления в консалтинговую компанию McKinsey: кто-то и правда хотел там работать, кто-то — посмотреть, сколько туров известного своей жесткостью отбора сумеет пройти. Я относился скорее ко второй категории: понимал, что для управленческого консалтинга у меня нет многих нужных качеств, например, молниеносной интеллектуальной реакции на любую бизнес-ситуацию. У Бельтюкова, бывшего врача, работавшего тогда в McKinsey, эти качества явно были: он в свое время блестяще прошел через сито отбора.

На собеседованиях в McKinsey надо решать кейсы, бизнес-задачи. Бельтюков ставил их передо мной и на удивление терпимо относился к моим кривоватым рассуждениям. У него явно не было желания продемонстрировать превосходство: он хотел помочь, показать, с чем мне придется столкнуться дальше. Я срезался уже потом, в третьем туре, после того как McKinsey купила мне билеты в Москву. Там со мной разговаривали совсем по-другому; один из партнеров компании дал понять, что с моими аналитическими способностями мне у них делать нечего. Не сильно обидевшись, я пошел работать по своей медийной специальности. А Бельтюков, уволившись из McKinsey, занялся прямыми инвестициями — сферой бизнеса, в которой умение вовремя «вычислить» работающую идею имеет решающее значение. До меня периодически доходили вести о нем, мы пару раз пересекались. Общие знакомые отзывались о нем как об умном, обязательном, приятном человеке.

Честно говоря, когда он «всплыл» в «Сколкове» вице-президентом и директором по развитию, я был немного разочарован.

Теперь Бельтюков от должности отстранен. Он под следствием за то, что якобы сильно переплатил депутату Госдумы Илье Пономареву за работу по продвижению сколковского проекта. Один общий знакомый так описал его ситуацию: «Вы сидите в своем офисе, и вам звонит начальник, а потом начальник вашего начальника, и они просят вас заключить одну сделку. Тривиальную и юридически абсолютно правомочную сделку. Особо быстрый из вас сделает ее на месте, особо осторожный перепроверит все несколько раз и, удостоверившись в отсутствии каких-нибудь вопросов, сделает ее днем позже. Но никто и никогда не скажет “нет”».

Кто же мог знать, что Пономарев делается вскоре видным оппозиционером, и все с ним связанное, все, что казалось только что совершенно безопасным и рутинным, вдруг делается крамолой? Бельтюков, несмотря на INSEAD, McKinsey и неплохую карьеру в бизнесе, не знал — и заплатился за это, после того как глава фонда «Сколково» Виктор Вексельберг отступился от него и тоже стал требовать уплаченные Пономареву деньги назад.

Теперь «Сколково» проверила Генпрокуратура и пишет: «Около 2,1 млрд. руб. в нарушение условий грантовых соглашений было отвлечено от научной деятельности и в целях извлечения дохода размещено на депозитных счетах. Полученные в виде грантов денежные средства перечислялись в виде беспроцентных займов, в том числе аффилированным организациям... Без экспертизы обоснованности заявок выделено 17 грантов на сумму 3,6 млрд. руб., по 3 из которых члены грантового комитета, в т. ч. президент Фонда имели личную заинтересованность... Несмотря на сомнения экспертов в инновационности и рыночном потенциале проекта, инвесткомпания выделен грант 21,5 млн. руб. При этом участником учредителя инвесткомпания грантополучателя является советник Президента Фонда».

Очень даже может быть, что все это мелочи, что на самом деле «Сколково» — полезная организация, из которой вырастет настоящая Кремниевая, а не Силиконовая, долина. Возможно, в «городе будущего» станут жить молодые перспективные ученые и технологические предприниматели. И воцарятся в «Сколкове» «дерзость, вера и воля», как завещал Владислав Сурков. Не буду спорить, тем более что все аргументы против, предъявленные комментаторами знаменательного интервью за то короткое время, что редакция «Ведомостей» провела в статусе почтового ящика первого замглавы администрации, актуальны до сих пор.

В одном провал идеи очевиден и бесспорен: «реинтеграции бюрократии и бизнеса» не вышло. Вместо нее случилось обычное: хлынувшие в проект государственные деньги начали вытекать через щели, а вскоре поджидавшие снаружи силовики — ненавидящие бизнес, ког-

да он чужой, — со вкусом выломали сапогами дверь и принялись топтаться в помещении, уложив бизнес на пол. Не утечки они не могут простить, а сам поток, который понесся мимо них ради сурковской интеграционной идеи.

Сколковская ситуация — урок для тех из нас, кого пытается кооптировать государство. Играть по его правилам, постоянным в своей враждебности к любой инициативе, но все время меняющимся в мелочах, может только человек с талантом Суркова. Да и он, бывает, проигрывает. Нормальному человеку там делать нечего. Бельтюков вот не прошел третий тур, о котором его даже не предупредили.

Пора бить в корень

Snob.ru, 24.10.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/66923>

Бирюлевские погромщики победили. Это очевидно. Ради них не только закрыли овощебазу — к ним присоединилось все начальство, от Путина до последнего думца, а там и почти вся моя (а не только Евгений Пищиковой) фейсбучная лента. Наконец-то найдено что-то, чего равно опасаются и Собянин, и Навальный, и Юлия Латынина, — это засилье нерусских приезжих!

Это опасность, которую — правда ведь? — инстинктивно чувствует каждый «белый»: недобрый взгляд в подворотне, волосатые руки в автобусе, говорящие с акцентом дети в школьном классе. И вот вдруг о своем страхе можно заявлять не стесняясь, без опасения, что заподозрят в протофашизме.

Спасибо за это героям Бирюлева.

Теперь осталось разобраться, кто виноват и что делать.

Власть говорит: это все частный бизнес, он ввозит проклятых азиатов. «Мигранты экономически выгодны. Они не платят страховых взносов, отчислений в Пенсионный фонд, медицинскую страховку. А это 35-40% фонда оплаты труда. Плюс сама заработная плата выплачивается вчерную, подоходный налог не платится» (Собянин). И поди еще накажи этих подлых бизнесменов: норовят юристов нанять, чтобы защищаться! (Глава ФМС Ромодановский недавно жаловался.)

Оппозиционеры отвечают: все дело в коррупции и в том, что бизнес не очень-то частный.

«Труд мигрантов в России распространен не столько там, где есть спрос на неквалифицированный труд, сколько там, где речь идет о массовом найме несамостоятельных работников организациями, имеющими административный ресурс» (Латынина, с которой согласен и Навальный).

Бизнес, он, понимаете ли, 1) использует рабский труд мигрантов, платя им копейки мимо кассы; 2) побеждает чиновников с помощью ушлых юристов, административного ресурса и взяток.

Бизнес, чтобы он не безобразничал, надо атаковать с трех сторон: с чиновничьей — обложить штрафами по миллиону рублей за каждого пойманного «нелегала», а адвокатов прищучить обычными для нашей гуманной судебной системы средствами; с оппозиционной — заклеить в «повязанности» с коррумпированным чиновничеством; наконец, с народной — объяснить героям Бирюлевской Самообороны, что переворачивать не страшно не только «жигули» узбеков-извозчиков и «газели» торговцев овощами, но также и «мерседесы» больших дядь: это они понагнали в город хачей и черноты.

В колыбели чистогана — Америке — ведь такая же история. По данным американского министерства труда, 68% посудомоек, 69% домработниц, 74% садовников и озеленителей, работающих сейчас в США, родились за пределами Штатов. Бизнесмены и там берут на работу, не требующую высокой квалификации, иммигрантов, в том числе незаконных. По данным авторитетного Pew Research Center, этих последних в Америке сейчас 11,7 миллиона.

Латынина с Навальным говорят, что у нас все дворники — таджики, потому что местные бюрократы платят им, безответным, только часть дворницкой ставки, а остальное забирают себе. Если бы, мол, не эта практика, были бы дворники не таджики. Но у мексиканских дворников в Штатах такой проблемы нет, а все равно их — хоть отстреливай. Мерзавцы бизнесмены все равно их нанимают (впрочем, наверняка тоже откупаются от проверяющих, так что и там, конечно, коррупция).

Бить надо богатых, все согласны? От них все зло. Вот от этого ресторатора, который нанял узбечку официанткой за 10 000 рублей, 35% налога с ФОТ платить не желает, а от ментов откупился. Вот от этого застройщика или владельца управляющей компании в области ЖКХ, у которого административный ресурс — и он набрал таджиков, которые черт знает где живут и черт знает что едят. Надо же смотреть в корень, не наказывать рабов за их угнетенное положение, а мочить работодателей!

А хачам и прочим черножопым в процессе прилетит. Или они просото в страхе разбегутся.

Несмотря на сложившийся антииммигрантский консенсус, который непременно приведет к таким выводам, нам едва ли предстоит жить в городе, в котором чиновники, борцы с коррупцией и гопота совместно наводят социальную справедливость. Этот ненаписанный роман братьев Стругацких — не про нашу Москву. Она всегда знала, с какой стороны намазан маслом ее хлеб.

В 1988 году я, еще подросток, нанялся токарем на Завод имени Лихачева. Когда я пришел в отдел кадров, на меня странно смотрели: что,

правда москвич? Потом я понял, в чем было дело. На конвейере, к примеру, в то время работали сплошь вьетнамцы. Заводское начальство не очень-то могло ими управлять — например, в свой новый год они просто не выходили на работу, — но даже в те социально справедливые времена набрать на конвейер ЗиЛа местных работников, пусть и «лимитчиков» (помните такое понятие?), не представлялось возможным.

Нет, не будут москвичи работать дворниками и посудомойками, даже если уволят всех гаишников и бухгалтеров разом. Не станут бывшие пожарные инспекторы переключившись на ручную пресловутую плитку. А вот затеять какой-нибудь бизнес, в котором этим займутся иммигранты, — это для них, пожалуй, будет вариант.

Приток неквалифицированных работников из бедных стран — объективная реальность в любом сравнительно богатом обществе. И в американском, где до сих пор ищут баланс между потребностями бизнеса и правами родившихся в США. И в австрийском или норвежском, где все больше избирателей поддерживают антииммигрантские партии. И в греческом, где ультраправая партия «Золотой рассвет» прошла было в парламент, размахивая фашистским флагом, да теперь ее лидер сидит в тюрьме по обвинению в создании преступной организации.

И в московском обществе тоже. Бедные люди всегда будут стремиться туда, где больше возможностей заработать — и, да, выпросить или украсть. Они будут ехать сюда, невзирая на визы и прочую бюрократическую муть, на неискренние причитания по поводу их рабской доли, на «молодежные дружины» и махровую, животную ксенофобию. Дома они видали и похуже, так что спрячутся или, если надо, повоюют.

Бороться с иммиграцией — все равно что с законом сообщающихся сосудов.

Жить в мире объективных законов бывает некомфортно. Земля, когда падаешь, встречает болью. Огонь жжется. В воде не получается дышать без жабр. Сосуществовать с иммигрантами тоже бывает непросто для местных. Единственный способ бороться с этим дискомфортом — работать над собой. И иногда представлять в роли иммигранта — себя. Сбежавшего, к примеру, от тотальной социальной справедливости в исполнении ровных пацанов с района.

Овощная проблема Бирюлева

Snob.ru, 14.10.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/66530>

Наутро после того, как толпа погромщиков в Бирюлеве крушила местную овощебазу и топтала арбузы на развале, министр внутренних дел Владимир Колокольцев потребовал «с зачинщиками и активистами

этих беспорядков» «работать в рамках уголовных дел». Но погромщиков, задержанных за кидание урн в омоновцев, наутро отпустили «после профилактических бесед» — почти все четыре сотни человек, двоих только оставили на 48 часов. И вроде никто не отменил создание при управе Бирюлева Западного молодежной дружины из 150 человек, которая «будет совместно с представителями ФМС и участковыми ходить по квартирам и выявлять нелегальных мигрантов».

Но Колокольцев дал и другое указание, выполненное с гораздо большим рвением. Страна услышала начальственный рык министра: «Я хотел бы напомнить о своем поручении разобраться с этими плодоовощными базами. Или вы разберетесь, или вместо вас будут разбираться другие руководители».

Был ли человек, зарезавший в Бирюлеве в четверг 25-летнего Егора Щербакова, нелегальным мигрантом, работал ли он на овощебазе, имели ли ее владельцы какое-то отношение к преступлению — какая, к черту, разница? Теперь базу закрыл Геннадий Онищенко: «Там выявлены недостатки». Полицейские тоже нагрянули и увезли с собой с базы 1200 человек — вчетверо больше, чем после погромов.

Так с чем у нас проблема? Конечно, с овощами, не с погромами же, в самом деле. Народ как раз был в своем праве: осерчал на «зверьков», которые развели на районе свой мерзкий арбузно-зеленой бизнес. И вот милиции сказали: завязывайте брать с «нерусских» деньги, давайте, волочите их в участок. Чего людей сердить.

Погромщики добились вроде бы своего. Однако Бирюлево Западное (и Восточное тоже) осталось на месте. И главная его проблема тоже осталась.

Проблема эта заключается в том, что Бирюлево населено по преимуществу бедными по московским меркам людьми. Здесь самая дешевая внутри МКАД недвижимость: квадратный метр жилья в среднем стоит \$3800 при среднемосковской цене \$5100. Снять однокомнатную квартиру на Востряковском проезде, где убили Щербакова, можно меньше чем за 30000 руб. в месяц. Всякий, кто знаком с московскими арендными ставками, поймет, какое это уникальное место.

Уровень высшего образования в Бирюлеве на 13% отстает от среднемосковского и составляет 27%. Только в двух районах — Капотне и Лианозове — это отклонение больше.

Если представить себе Москву как гигантский овощ — например, подгнивший кочан капусты, — жители Бирюлева, и русские, и не очень, едва зацепились за открытый ледяным ветрам внешний лист. Живется им здесь так себе, и многие из них злы. На скотский московский рынок труда, на котором начальникам все равно, как и на что живут их работники: вокруг ведь еще миллионы людей, уйдут эти — придут другие. На цены, которые непонятно для кого такие, — точно для

кого-то другого. На озверевших ментов, которые шагу не ступят бесплатно, разве что из природной жестокости. На власть, которой плевать на Бирюлево, плевать, есть оно вообще или нет его.

Кстати, Бирюлево Западное на недавних выборах мэра проголосовало за «крепкого хозяйственника» Собянина: он получил тут 64% голосов. А «националист» Навальный получил 19%. Из этого можно было бы делать далеко идущие выводы — мол, какой же национализм тогда в Бирюлеве, — если бы явка не была здесь 26%. Из всех районов, где проходили мэрские выборы, только во Внукове явка была ниже. Бирюлеву тоже плевать на власть.

За Бирюлево, этот внешний капустный лист, цепляются приезжие и из-за пределов России, и из ее кавказских регионов. Здесь дешевое жилье, и здесь легко договориться с ментами. Но приезжие часто еще беднее местных, и им никто здесь на рад, так что и они озлоблены на все вокруг.

Вот «нерусский» пристаёт к девушке у подъезда и, упустив ее, ввязывается в драку с вернувшимся с девушкой из боулинга Щербаковым. А вот русские идут громить овощебазу. Хроники внешнего капустного листа.

Это не национализм, а отголоски борьбы за выживание в городе, который для выживания бедного человека не приспособлен. Наш капустный кочан, возможно, самый жестокий и бесчеловечный мегаполис в Северном полушарии. Но чем ближе к кочерыжке, тем теплее, тем надежнее люди укрыты от пробирающего до костей ветра.

Бунт, подобный бирюлевскому, едва ли возможен в любом из районов, где цена квадратного метра жилья выше среднегородской. Это неудобная мысль, но вы проникнетесь ею, если вообразите дом, в котором живут «нерусские» Тина Канделаки, Сулейман Керимов, Алишер Усманов, Маргарита Симоньян, Искандер Махмудов — а все их соседи русские с таким же примерно уровнем жизни. Теперь представьте себе, как эти соседи скандируют: «Россия для русских, Москва для москвичей! Скоро, очень скоро мы вырежем хачей!»

Не получается?

«Национализм», «межэтническая напряженность», «проблема нелегальной иммиграции» и прочие якобы тревожные явления в нынешней Москве — это все светофильтры, мешающие увидеть социальное расслоение. По районам. По улицам. По типам домов.

Кто-то всегда должен быть виноват. И в бедных районах — да, в образах гетто — люди идут войной друг на друга. Небедные, укрывшись своими дополнительными капустными листьями, у кого сколько их есть, пока чувствуют себя в безопасности: им незачем ехать в Бирюлево, они его видели только из окон машины или «Аэроэкспресса». Но повернуть агрессию можно, при желании и умении, в любую сторону.

Пока очевидно, что власть боится погромщиков куда сильнее, чем оппозиционеров с Болотной. Их не трогают, по их наводке усиливают борьбу с овощами. Любой, кто сможет стать для этих ребят авторитетом, будет в Москве круче власти. А там — почему бы не направить их энергию в сторону кочерыжки? Переворачивать дорогие машины куда веселее, чем «газели».

У нашего большого овоща начинаются проблемы.

Пьян как дипломат

Snob.ru, 10.10.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/66343>

В субботу, 5 октября, жена российского дипломата Дмитрия Бородина не справилась с управлением своей машиной — судя по видеосъемке, «Фольксвагеном Пассат» — в голландском Шевенингене, разбила три других автомобиля и попала в больницу с повреждениями шеи и спины. Правда, изначально ехать на скорой она отказывалась: вроде бы, была сильно нетрезва. Вскоре соседи Бородина вызвали полицию, утверждая, что тот плохо обращается с детьми. Полицейские, войдя в квартиру, увидели, что он пьян, и оценили ситуацию как опасную для детей — четырехлетней девочки и двухлетнего мальчика: напившийся русский, мол, таскал девочку за волосы и бил по голове. Это версия голландских СМИ.

Русская официальная версия на эту не похожа. Мол, неизвестные в полицейской форме вломилась в квартиру советника-посланника Бородина. Навалились, по словам Бородина, вчетвером на одного, повалили на пол, прижали голову к полу ногой в тяжелом ботинке, стукнули дубинкой. Четырехлетнюю девочку, которая попыталась вмешаться, оттащили за волосы. Надели на дипломата наручники, продержали три часа в участке вместе с детьми. И все это месть за задержание ходившего под флагом Нидерландов гринписовского судна Arctic Sunrise, так что пусть голландцы теперь извиняются за, как сказал президент Владимир Путин, «грубейшее нарушение Венской конвенции».

Как там было дело в Голландии, поди теперь разберись. Но вот несколько случаев из истории.

В 2001 году машина российского дипломата Андрея Князева выехала на тротуар в канадской столице Оттаве и сбила двух подруг, которые гуляли с собакой. Одна из женщин погибла, Князев отказался пройти тест на алкоголь и сразу заговорил о дипломатическом иммунитете. Канадцы Князева выдворили, а российский суд приговорил к четырем годам колонии-поселения. После этого случая в Оттаве у дипломатов отбирают права, если ловят пьяными за рулем в первый раз, а во второй — высылают.

В 2003 году первый секретарь посольства России в Таллине Николай Щербаков врезался на своем «Фольксвагене Бора» в припаркованный «Ниссан», а потом в дерево. Едва выбравшись из-за руля, представился дорожному полицейскому Урмасу Лайдвее полковником, мешал полицейскому видеооператору снимать инцидент, а потом публично помогился, пока оператор продолжал снимать. Все это происходило недалеко от российского посольства, и его сотрудники выбежали, сняли с машины Щербакова дипломатические номера и попытались увести коллегу, но он еще дважды возвращался, чтобы сказать собравшимся пару ласковых. Щербакову оставалось работать в Эстонии три дня.

В 2006 году российский военный атташе в Праге, полковник Александр Скетин, в городе Прибраме пригласил на обед бывшего директора чешского Национального института ядерной, химической и биологической защиты Станислава Брэдку. За обедом он напился, стал кричать, что чехи предали Россию, и подрался с двумя полицейскими, одному из которых нанес телесные повреждения. Похоже, Брэдка, которого Скетин расспрашивал про институт, не захотел рассказать полковнику ничего интересного, чем его не на шутку разозлил.

В 2009 году российский дипломат Сергей Сухарев неровно вел свою «Тойоту Короллу» по улицам Таллина. Дважды останавливали его вежливые полицейские и на хорошем русском объясняли, что лучше бы ему пойти домой пешком. Во второй раз Сухарев, упрямо сжав губы, выехал из «коробочки», в которую его взяли, — при этом слегка поцарапал полицейскую машину — и покатил дальше. Копы поехали следом. Сухарев остановился у винного магазина, но магазин был закрыт, и полиции пришлось провожать его к следующему. Наконец, Сухарев купил-таки бутылку водки и добрался до дома со своим полицейским эскортом. Эстонцы молча смотрели, как он две минуты не может попасть ключом в замок.

Каждому из нас, кто когда-либо выпивал за рулем или, к примеру, скандалил по пьяни в кабаке, хотелось бы иметь на такой случай дипломатический иммунитет. Пьют и буянят, подвергая опасности окружающих, не только русские дипломаты, конечно. Швейцарские, американские, парагвайские. Даже такие, которым Аллах запрещает пить. Весной этого года в Тегеране поймали пьяного саудовского дипломата — тот устроил аварию, в которой погиб один иранец и был ранен другой. Его отказались выпускать из страны до вердикта суда.

В этом году заместитель американского представителя в ООН потребовал, чтобы коллеги из разных стран перестали приходить на обсуждение бюджета международной организации пьяными. Дебаты пришлось на рождественский сезон, и не все их участники твердо стояли на ногах.

Что со всем этим делать? Венская конвенция же.

С другой стороны, по-своему неприкосновенный депутат Госдумы Андрей Исаев давеча тоже размахивал удостоверением перед носами аэрофлотовских стюардов, когда его пьяного помощника попытались ссадить с самолета, — но обоих все-таки, пусть и после долгих разбирательств, с борта выдворили.

С конвенцией и всяческой там неприкосновенностью можно и потом разобраться, если что. Даже извиниться, если потребуется. Но будет неплохо, если каждому обладателю иммунитета станет ясно, что до выяснения обстоятельств с ним может ненароком произойти то же самое, что в таких случаях бывает с обычным гражданином.

Вуду off the record

Snob.ru, 02.10.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/65960>

Президентский пресс-секретарь Дмитрий Песков пришел читать слушателям частных курсов — Академии журналистики «Коммерсанта» — лекцию на тему «Новостная журналистика в России». Договорились, что лекция будет off the record, то есть не для цитирования.

Если бы я рассказывал вам анекдот, уже пора было бы смеяться. То, что знает о новостной журналистике кремлевский пиарщик, конечно же, нельзя распространять. Растекшись по городу, это тайное знание может добить наконец московский медиарынок.

Но жизнь приделала к анекдоту другую концовку. Спустя минут двадцать после начала встречи в зале появилась некая «девочка с сайта» kommersant.ru, не подозревавшая о незримом грифе «Секретно», витавшем над головой лектора. Наивная «девочка» принялась записывать полные темного каббалистического смысла цитаты Пескова и отправлять их посредством SMS другой «девочке», также работавшей на сайте «Коммерсанта». Дальнейшее известно кэшу Google и всей Москве. А именно: Песков считает, что, если Владимир Путин произнесет имя Алексея Навального, «он отдаст ему часть своей популярности». Но на самом деле знать об этом никому нельзя, поэтому «Коммерсант» убрал цитату со своего сайта и с лент всех успевших сослаться на сайт агентств, а «девочек» уволил. Теперь они совсем off the record, потому что имена их не называются — вероятно, чтобы не упал на них солнечный зайчик популярности Путина, отраженный волшебным зеркалом Пескова.

Кремлевские любят прикрываться мировой практикой, из которой неизменно берут все самое удобное, то есть все худшее, животное, гордости за морем не вызывающее. Что ж, с точки зрения этой самой мировой практики в песковском off the record нет ничего необычного.

В 2007 году один из почтеннейших американских редакторов, Норман Перлстин, издал книгу под названием *Off the record*. В ней он писал: «В особенности в Вашингтоне бэкграундные брифинги [не для печати] до такой степени заменили разговоры под запись, что многие журналисты исходят из того, что каждое интервью — не для публикации, если источник не скажет иного».

Москва мало чем похожа на Вашингтон, но некоторое сходство все же есть. Перлстин цитирует Джека Шейфера, медиаколумниста *Slate*: «Переизбыток журналистов и недостаток осведомленных источников позволяет источникам диктовать правила игры». Вот Песков и диктует. Он решает, когда вещать для публики, а когда — тонко влиять на умы будущей журналистской элиты, припавшей к такому роднику профессиональных ценностей, как легендарный «Коммерсант».

Звезда «Коммерсанта» Андрей Колесников излагает эти ценности так (не забывая сослаться на мировой опыт): «Разговор был такой откровенный, потому что с самого начала и я, как куратор академии, и господин Песков предупредили присутствующих в зале, что это будет разговор *off the record*. Понимаете, такие разговоры довольно часто происходят с ньюсмейкерами в закрытом режиме, это общемировая практика, ньюсмейкерам они тоже нужны, потому что они заинтересованы в том, чтобы журналисты не писали ахиною про них, а говорили, так сказать, хоть с некоторым знанием дела».

Мнение Перлстина на этот счет несколько иное: «Большинство журналистов считают, что информация из анонимных источников более достойна доверия, чем консервированные цитаты для публикации, содержащиеся в пресс-релизах и произносимые на пресс-конференциях чиновниками, бизнесменами и звездами. Если репортер берет интервью для публикации, обе стороны предполагают, что источник старается подать каждый факт в наиболее выгодном для себя свете. Поэтому если в какой-то момент интервью источник просит перейти в режим *off the record*, то естественная реакция репортера: «Ага! После десяти минут бессмысленного трепа мне наконец-то дадут что-нибудь сочное, что мне пригодится!» Репортеру редко приходит в голову, что источник может «подкручивать» факты, а крутить репортером в режиме «не для печати» проще, потому что источник не несет ответственности за свои слова».

Перлстин, работая репортером, и сам пользовался неназванными источниками. Например, когда он писал о мафиозных поборках с казино, его информатором выступала красавица, подсаживавшаяся в игорных залах к богатым игрокам, чтобы они просадили побольше денег. Ее настоящее имя Перлстин и в книге не назвал — понятно почему.

Но какая опасность грозит Пескову, если хоть вся Москва, хоть весь мир, хоть даже сам Алексей Навальный узнает о кремлевских вудуист-

ских практиках? Соблюдение его нелепого условия — это профессиональная ценность или скорее издержка как-бы-журналистской деятельности в нынешней Москве? Не имело ли смысла сказать человеку, который вообще не существует вне пиара, что нет, off the record в его случае — это неинтересно, необоснованно, нелепо? Кстати, журналисты в Вашингтоне периодически говорят так президентским пресс-секретарям, см. все ту же книгу Перлстина.

Сам Перлстин, кстати, работает сейчас директором по контенту компании Bloomberg. Я пишу для нее колонки. Сейчас я сообщаю об этом не только для того, чтобы указать на потенциальный конфликт интересов (в некотором смысле я хвалю работодателя), но и еще по одной причине.

В конце 1980-х я начинал журналистскую деятельность подмастерьем в московских бюро западных СМИ. Потом участвовал в попытках построить качественные СМИ на русском языке. А теперь — снова перехожу на английский (кстати, и многие из моих наиболее умелых коллег оказались в последние годы в западных новостных организациях вроде того же Bloomberg). Как и в последние годы советской власти, и раннеельцинские тоже, московские СМИ в большинстве своем работают в ценностной системе Пескова, а не Перлстина. Отсюда увольнение безвестных «девичек» из «Коммерсанта», отсюда же и «эксклюзивное интервью» главы президентской администрации Сергея Иванова сразу четырьмя изданиями, и прочие гнусные компромиссы, а скорее — прогибы, перечислять которые нет нужды.

Да, в жизни и в профессии полно дерьма, но им, господа, нечего гордиться. Его изготовление — не предмет изучения в академиях. Оно пусть и представляет собой часть мировой практики, но как раз ту, от которой приличные новостные организации стараются избавиться. У нас избавление поставлено на паузу по политическим причинам, которые ни для кого не тайна. Но сколь бы долгой эта пауза ни была, люди — и журналисты, и читатели — не перестанут чувствовать характерный запах и обрадуются, когда он начнет понемногу выветриваться.

Путину нужна женщина

Snob.ru, 26.09.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/65696>

Бывший премьер-министр Петр Нечас только что женился во второй раз. Интересен этот факт в первую очередь потому, что о разводе с первой женой Нечас, тогда еще действующий премьер, объявил 11 июня этого года, а Владимир Путин — 6 июня.

Что, собственно, случилось у Путиных, мы так и не знаем — слыша-

ли только сбивчивые объяснения бывшей первой леди, которая, мол, почти не видела мужа из-за его государственных дел, а еще боится летать на самолетах, хоть она и бывшая стюардесса. А что случилось у Нечасов, мир узнал доподлинно вскоре после развода. Выяснилось, что премьер уже некоторое время жил с начальницей своего аппарата Яной Надевой, которая благодаря этому обрела не свойственные ей должности полномочия. Например, как утверждает чешская полиция, поручила военной разведке следить за тогда еще женой Нечаса Радкой. Или, скажем, подкупила несколько строптивых депутатов парламента, протестовавших против нечасовской налоговой реформы, должностями в госкомпаниях.

По российским меркам — сущая ерунда, но Чехия все же член ЕС, и Надева месяц провела в тюрьме, а сейчас все еще ждет суда, который может отправить ее за решетку на пять лет. Тем временем в конце прошлой недели Яна и Петр тайно поженились. Некоторые в Чехии считают — чтобы не давать показаний друг на друга. Впрочем, они и раньше этого не делали, резонно объясняя следствию, что они и без записи в регистрационной книге — близкие люди.

Одновременно с женитьбой Нечаса поползли слухи о том, что и Путин обзавелся новой женой — обвенчался с Алиной Кабаевой в одном валдайском монастыре.

Нежданная литературная симметрия не так уж и исключительна в нашем мире. Желющие могут поискать рифмы между историями Надевой и подруги экс-министра обороны Анатолия Сердюкова Евгении Васильевой. Последняя даже одно время занимала ту же должность при министре, что первая — при чешском премьере. Обе любят пройтись по бутикам: при обыске у Надевой нашли чеки на сумочки Louis Vuitton больше чем на \$120 000, а Васильеву шпионы всевидящего Арама Ашотыча Габрелянова поймали за изучением платьев в Donna Karan. Надева на 15 лет старше Васильевой, но они даже немного похожи внешне: высокие скулы, мягкие щеки, слегка циничное выражение глаз, привычка краситься в блондинок.

Путин, однако, рифмоваться с Нечасом не желает: одного раза достаточно. Его верный пресс-секретарь Дмитрий Песков объявил слухи про венчание «субботними интернет-упражнениями». А потом заявил в интервью «Известиям»: «Давайте обращать внимание на то, какой он президент. А какой он мужик, есть у него жена или нет — давайте оставим это ему, не будем вмешиваться... Могу лишь сказать одно, что я, честно говоря, затруднился бы ответить на вопрос о его личной жизни. Он столько работает, что я не могу понять, откуда ей взяться».

Про «очень много работы» мы слышали не только от Людмилы Путиной и Пескова, но и от Нечаса. Как-то раз, объясняя, почему он платит Надевой такие большие премии, премьер-министр заявил (под смеш-

ки), что она «работает как лошадь». Но это ведь ничему не мешало, даже в некотором смысле способствовало. «Постоянный стресс, жизнь под высочайшим давлением, — так чешский политик оправдывал свою связь с Надевой. — Просто так получилось».

В целом занятость на работе — не такое уж непреодолимое препятствие для отношений и тем более для секса. Сердюков ведь тоже не был бездельником на посту министра: горы сворачивал, армию огромной державы перекраивал. Васильева, конечно, скучала и писала грустные и страстные стихи — отрывала и она минуты от распоряжения военной собственностью! — но все же виделась с любимым иногда, вот и следователям, пришедшим к ней делать обыск, открыл дверь именно он.

В общем, если все дело у Путина в нехватке времени, нужно просто немного поработать над тайм-менеджментом.

Любой мужчина подтвердит, что наличие рядом женщины смягчает, помогает принимать более взвешенные и социально ориентированные решения, заставляет задумываться о вечных ценностях. Может быть, дело в устойчивом гормональном балансе, который обеспечивают стабильные отношения: агрессивного тестостерона у мужчины становится меньше, провоцирующего нежность окситоцина — больше. А может, просто в женской любви и ласке, полезных даже в небольших дозах. Нечас рассказывал, что тяготился «неправильными» отношениями с подчиненной и потому собирался — нет, не бросить ее, а уйти в отставку, досидев до следующих выборов. А Путин — только что не стал отрицать, что планирует выдвигаться на еще один срок.

Лучше бы у него была личная жизнь. Четыре срока — даже пять, не считать же Медведева отдельным президентом, — многовато для «постоянного стресса, жизни под высочайшим давлением». К тому же в огромной России, а не в махонькой Чехии.

Ну да, я тут подсовываю неудачливого либерального политика из небольшой европейской страны в качестве примера для нашего непобедимого, царственного национального лидера. При лузере Нечасе доверие к правительству как к институту упало в Чехии с 32 до 13%. У нас доверие к президенту — полное и частичное — на уровне 63% — тоже мне образец для подражания, этот неразумный чех.

Но скажите, положила руку на сердце, какой руководитель вам понятнее: тот, у которого есть любовница (и с ней он хочет мирно возделывать огород, когда закончится его премьерский срок), или тот, у которого нет женщины, потому что нет времени?

Вы уж передайте президенту, г-н Песков, что надо бы с этим что-то делать. Не обязательно ведь с подчиненной роман заводить (хотя у нас в Восточной Европе это не так уж страшно: заодно девушка прикроет, если надо. И Васильевой, и Надевой предъявлены обвинения. Ни Нечасу, ни Сердюкову — нет). Не обязательно жениться и на Кабаевой, хотя

все уговаривают. Но надо срочно что-то делать с бронзовым панцирем, который и самого Путина, кажется, иногда тяготит.

На спид-дейтинг, что ли, сводили бы его. Некоторые занятые люди очень хвалят.

Хороним Капкова с музыкой

Snob.ru, 19.09.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/65364>

Три дня между появлением в газете «Ведомости» статьи «Капков устал от культуры» и выходом в той же газете текста «Капков устал, но не уходит» — проиллюстрированного, кстати, той же фотографией, что и исходная сенсация, — прошли под песню Александра Лаэртского «Дети хоронят коня».

Капков не ушел из московского правительства, зато узнал, что он:

— «парки, фестивали, обновленные музеи и театры, модернизированные библиотеки, велосипеды напрокат, уличные театры и модные группы на день города; одним словом, Москва без Газманова» (Ю. Сапрыкин);

— создатель «хрупкой иллюзии Европы» (А. Носик);

— «абсолютно несоветский человек» (Д. Бутрин);

— «куда больший западник, чем большая часть наших театральных деятелей» (М. Давыдова);

— «молодой, живой человек, абсолютно отвечающий современному представлению о стратегии» (М. Лошак);

— «сильный политик, [какого] либо с треском убирают, либо отправляют на повышение, чтобы не держать рядом с собой сильного соперника» (Т. Олевский);

ну и, до кучи, что он:

— «вернул обществу... социальную роль конформистов с репутацией и самоощущением конформистов» (О. Кашин);

— «добрый надзиратель, на радость заключенным украшавший жизнерадостными рюшечками колючую проволоку и поставивший в карцеры горшки с цветами» (В. Варфоломеев).

Я в детстве, когда дулся на весь мир, представлял, как умру и над могилой станут говорить всякие хорошие слова, и даже недруги скажут что-то пусть не приятное, но лестное, вроде того, что написали о Капкове Кашин и Варфоломеев. Потому что о мертвых или хорошо, или ничего.

Если была у Капкова такая же детская фантазия, она сбылась. Дети вроде бы хоронили коня, но конь все это время был жив и слушал, как

*Средь сучьев из леса сиротливо стучит
По стволам деревянным птица тупая.
Имя ей Дятл, и стуки его
Заглушают рыдания детских глаз.*

Возможно, он вместе с шефом, Сергеем Собяниным, песню и заказал. Ведь, кроме них, никому не было выгодно распускать слухи о его грядущей отставке.

Если бы никто слухов этих не распускал, откуда бы взялись анонимные московские чиновники и даже один кремлевский, рассказавшие об «усталости» Капкова «Ведомостям»? Просто так эти дятлы не стучат никогда.

Плач по Капкову заглушил стенания по поводу не-вполне-поражения Алексея Навального. Для Собянина, знавшего, что он Капкова переназначит и тем вызовет у его многочисленных поклонников вздох облегчения, это было весьма удобно. А самому Капкову полезны были разговоры об «усталости». Прогрессивная общественность должна была как следует прочувствовать возможную утрату.

Как же она будет без:

— прокатных велосипедов, почти как в Париже (которые вообще-то проект департамента транспорта, а не капковского департамента культуры);

— новых музеев с мультимедийными инсталляциями, почти как в Берлине;

— прогрессивных театров, почти как в Нью-Йорке;

— парков без детских аттракционов, но с вай-фаем — почти как в квартире — потому что ведь затопчет кто угодно другой все это прекрасное и повсюду включит Газманова (а не группу «Город 312», как на концерте для Собянина на Болотной площади в ночь с 8 на 9 сентября, организованном, конечно же, департаментом культуры)?

Все два дня, что тихонько звучала невозможная на любом официальном концерте — хоть лужковском, хоть капковском — песня про коня и дятла, Капков ничего не опровергал. Слушал музыку. Было, наверное, приятно.

Все слезы уже пролиты авансом, а сколько еще таких концертов на Болотной предстоит организовать, в скольких библиотеках открыть «медиацентры», чтобы про них написала газета «Вечерняя Москва», сколько отличных детских театров оптимизировать.

Когда культура, как в Москве, почти полностью зависит от госдотаций, неизбежно зависит она и от вкуса чиновника, который дотации распределяет. Многим из тех, кто проливал слезы, пока дятел долбил «по стволам деревянным», вкус Капкова — отражение вкуса московской тусовки, нахватавшейся впечатлений в европейских турпоездках, — ближе, чем откровенное лужковское варварство. Прикинувшись нена-

долго мертвым, ловкий чиновник Капков напомнил, насколько ближе.

А я давно тут живу. Я видел, как в Манеже экспонировались картины членов МОСХа, потом мед и парадные портреты блондинок с собачками, теперь вот — советские холодильники (артефакты эпохи) и фотографии Картье-Брессона. И то, и другое, и третье было весьма познавательно.

Я также помню, что Пьера и Жилия в Манеже выставлял еще комитет по культуре Москвы, а не департамент, а никаким Капковым в том ужасном, гомофобном городском правительстве и не пахло. С другой стороны, уже капковский департамент запрещал концерт Noize MC в Зеленом театре с формулировкой «не вписывается в концепцию ЦПКИО имени Горького как парка культуры и отдыха».

Кто помнит, как звали бесстрашного главу комитета по культуре, развернувшего у самых стен Кремля гомосексуальную пропаганду (когда она, впрочем, была еще технически легальна)? Память города коротка, а культурные пласты в нем наслаиваются быстро. Вот двадцать сантиметров церетелиевского периода, вот шестнадцать с половиной — псевдоевропейского, и копается в этом всем не археолог с кисточкой, а экскаватор.

Хитрый Капков заставил рыдать по себе «при жизни» — и лучше выдумать не мог. Потом будет поздно.

Москва, она не только слезам не верит. Она и плачет только в детских мечтах, а не в исторической перспективе.

Переменная Ройзмана

Snob.ru, 12.09.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/65054>

Кто из нас никогда не писал плохих стихов? Даже с теми, кто обычно пишет хорошие, это случалось.

Нас пробивает на поэзию в моменты волшебной влюбленности, под воздействием веществ, просто при виде красивого заката и по прочтении текстов настоящих поэтов. Наутро самым совестливым из нас бывает стыдно. Менее критично настроенные к себе показывают стихи любимому человеку: он поймет и простит.

Любителю простых рифм (плыли-забыли, станут-настанут, сугроб-гоп) Евгению Ройзману во время его предвыборной кампании в Екатеринбурге припоминали старую, советских еще времен, давно погашенную судимость — вроде бы за то, что он по мелочи обворовывал своих подружек. Я свечку не держал. Ройзман отсидел, и в любом случае не может быть наказан снова за те же дела. Но, читая его тексты, я не могу не думать о дурехах, которым он их наверняка декламировал.

С тех пор автор бессмертных строк «Поэту не к лицу спастись бегством / Но все же крикнуть хочется: «Ложись!»» — опубликовал две книги стихов и вступил в Союз писателей.

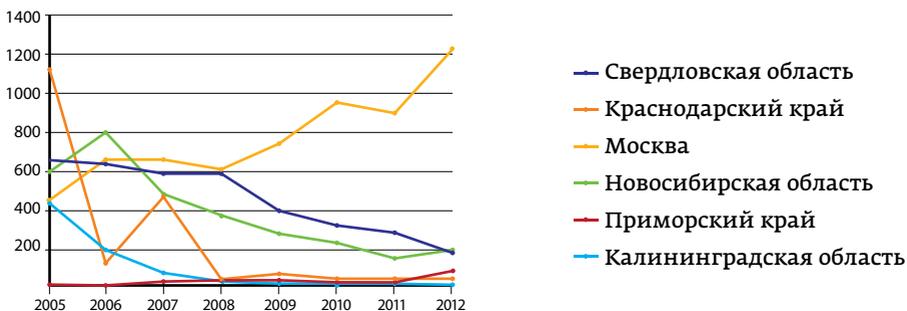
Это само по себе преступнее любого гоп-стопа. И этого было бы вполне достаточно, чтобы я не радовался победе Ройзмана на выборах мэра Екатеринбурга, хотя многие мои вроде бы единомышленники — российские оппозиционеры — ей радуются.

Но у меня не только эстетические разногласия с Ройзманом. «Борьба с наркотиками», на которой он сделал себе имя и благодаря которой стал сперва депутатом, а теперь вот и избранным мэром, — фикция и пиар.

Недавно Ройзман предоставил РИА «Новости» статистику смертности от наркотиков по регионам России, подготовленную Бюро судмедэкспертизы. «В целом я этой статистике не очень доверяю, но другой все равно нет», — сказал государственному агентству Ройзман. На самом деле он этими данными оперирует и гордится — считает, что смертность от передозировки (никакая другая, по мнению Ройзмана, в статистику не попадает) снижается благодаря деятельности его фонда «Город без наркотиков». А растет, когда фонду не дают проводить «рейды» по чужим квартирам, в которых что-то употребляют.

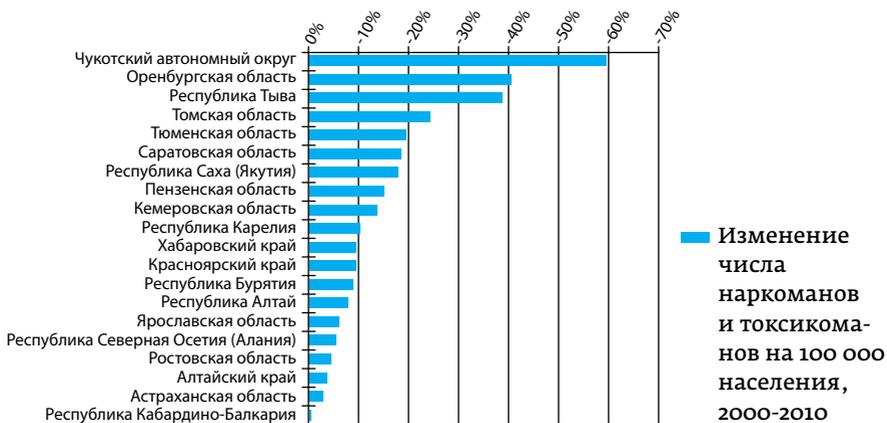
Берем с сайта РИА «Новости» статистику и сравниваем динамику числа смертей в шести регионах, находящихся в разных концах страны. В одном из них живет Ройзман, а в остальных пяти — не живет.

Число смертей от наркотиков (данные бюро судмедэкспертизы)

Как вы думаете, показывает ли этот график какую-либо связь между переменной «Ройзман» и смертностью от передозировки наркотиков? Я думаю, не показывает никакой.

Кроме статистики Бюро судмедэкспертизы есть еще минздравовская — по числу зарегистрированных наркоманов и токсикоманов. Ее сводит Росстат. Переменная «Ройзман» не влияет и на эти данные. Вот, например, полный список регионов, в которых число наркозависимых на 100 000 населения снизилось с 2000 по 2010 год:

Как можно заметить, Свердловской области среди этих регионов нет. Она — крепкий середняк: рост наркозаболеваемости в ней за последние 10 лет составил 4,46%. Это намного меньше, чем по России в целом, — тут отмечен 24-процентный рост, — но в 23 регионах ситуация формально лучше, чем в Свердловской области.

Да, очевидно, что государственная статистика по злоупотреблению веществами изначально ущербна. Наркозависимые не идут строем, как пионеры, регистрироваться в диспансер. Когда они умирают от передозировки, от врачей в некоторых регионах наверняка требуют придумать другой диагноз. Вот, например, данные Бюро судмедэкспертизы по Краснодарскому краю вызывают много вопросов: как это, 1104 смерти в 2005 году и 45 — в 2008-м? Что такое могло случиться на Кубани, чтобы от передозировки наркотиков перестали умирать?

Однако, как правильно говорит Ройзман, другой статистики у нас нет.

Тут сторонник Ройзмана возразит: ну вот, раз цифры кривые, почему бы не прислушаться к тем, кому Ройзман помог? Ведь это живые люди со своими реальными историями. Родители, чьих детей Ройзман — якобы — отучил от веществ. Бывшие наркоманы, вернувшиеся в социум.

На это можно только сказать, что «истории из жизни» — еще менее надежные данные, чем даже кривоватая статистика. Что происходило в голове у каждого потребителя героина, решившегося прекратить употреблять героин, не всегда известно даже ему самому. Ясно одно: в какой-то момент он принял решение «слезть». Иначе прекратить употреблять наркотики невозможно. Я знаю это по собственному опыту, который излагать здесь не стану, потому что это была бы лишь еще одна «история из жизни», ненадежная, как и все прочие.

В скольких случаях «соскока» переменная «Ройзман» стала решающей, а в скольких эпизодах, когда героин победил, не стала, мы никогда не узнаем.

Говорят, Ройзман многим помог в Екатеринбурге, потому его там уважают и любят, сколько бы ни талдычили продажные менты о его связях с оргпреступностью. Ну да. В фильме Ридли Скотта «Американский гангстер» есть сцена: бандит Фрэнк Лукас, будущий героиновый король Нью-Йорка, раздает жителям своего района праздничных индексов. Прямо из грузовика. Улыбается им, жмет руки. За такую помощь народ полюбит и торговца наркотиками, и «борца» с ними, и «Братьев-мусульман», которые в Египте тоже много кому помогли — и пришли в результате к власти. Ненадолго. Это был, как теперь ясно, не прогресс, а триумф старорежимного, упрямого невежества.

Теперь и в Екатеринбурге.

Я говорю о невежестве не потому, что Ройзмину никто не объяснил паскудства глагольных рифм. А потому, что смертность от наркотиков падает не благодаря «рейдам», а после декриминализации веществ. В Португалии после того, как наркотики в 2001 году декриминализировали, упали и потребление, и смертность от передоза, и даже уровень ВИЧ-инфекции. Жесткая «борьба» только взвинчивает цены, заставляет зависимых идти на преступления, кормит тех самых продажных ментов и наркоторговцев.

Ройзман называет потребителей марихуаны «говнокурами» и утверждает, что от передозировки марихуаны (?) можно умереть. Над ним смеялись бы в американских штатах Колорадо и Вашингтон, легализовавших недавно марихуану в результате референдумов, и в Уругвае, где ее скоро будут выращивать и продавать абсолютно свободно. Мир постепенно приходит к пониманию нелепости «борьбы». Но в городе Екатеринбурге никто не смеется: там считают, что Ройзман молодец — гоняет черномазых цыган и таджиков, которые подсадили молодежь на иглу!

Да, Ройзман с его нелепыми стихами, судимостью, робингудством не похож на традиционного Гражданина Начальника. А те, кто пытались не дать ему выиграть выборы, похожи. Толстомордые, жуликоватые, до смерти надоевшие. Этот — другой. Он не похож на них, как шило не похоже на мыло.

Мы имеем дело, конечно, с триумфом демократии, но не такой, как в Сизтле, штат Вашингтон. Скорее как в Каире весной 2011 года. Ура.

Рост на идиотизме

Snob.ru, 05.09.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/64758>

Средний трудоспособный житель России должен банкам больше 113 000 рублей. То есть почти пять своих зарплат. А москвич — почти 400 000, или девять зарплат.

Когда я свел статистику Центробанка по кредитам частным лицам с данными Росстата о численности трудоспособного населения и средних зарплатах, получились вот такие цифры. Я кинулся было пересчитывать: наверняка где-то ошибся на порядок. Но нет, хотите верьте, хотите проверьте.

Вот вы, к примеру, набрали кредитов на девять месячных зарплат? Или хотя бы на пять? Нет? Между тем кто-то из ваших соседей взял в долг вот эти деньги, которых не брали вы. И этот человек, с одной стороны, опасен, а с другой — ну как не дашь ему денег?

Конечно, российская статистика особенной точностью не радуется. У того же ЦБ, если сложить в августовском «Обзоре банковского сектора Российской Федерации» данные по всем регионам, на 1 июля 2013 года выйдет общая сумма кредитов в 8,54 трлн руб. Отдельно ЦБ указывает данные по всей стране — почему-то 8,39 трлн. Но это мелочи, издержки методики сбора данных. Так или иначе, жители России набрали кредитов почти на 14% ВВП.

Это вроде бы мизерная доля: в Штатах или, скажем, Южной Корее — под 90%. Почему же тогда наш Центробанк чуть ли не каждый месяц публично выражает беспокойство по поводу излишней закредитованности населения? Глава ЦБ Эльвира Набиуллина недавно объяснила: «Нас беспокоит не просто рост потребительского кредитования в целом, а рост беззалогового потребительского кредитования».

И правда, 5,2 трлн от общего объема кредитов частным лицам — больше 60% — это именно беззалоговые кредиты: долги по карточкам и кредитам наличными, выдаваемым банками на покупку всяких там холодильников или вообще на любые нужды. В Штатах беззалоговые долги — только 30% от общей задолженности домохозяйств.

Из 113 000 рублей, которые трудоспособный русский должен по кредитам, 68 000 — необеспеченный долг. Пока он в целом неплохо его гасит. Хотя каждый знает несколько страшных историй про кредитную зависимость и самоубийства из-за неоплатных долгов, всего 4% частных долгов в России просрочены. В Ингушетии, правда, почти 10%, но Кавказ — дело тонкое. Средний трудоспособный житель Магаданской области вообще занял в банке полмиллиона рублей, но там просрочка всего 1,6%.

Правда, абсолютная сумма просроченных долгов с 1 января 2012 года до 1 июля 2013 года выросла на 29%. И люди, пристрастившиеся к жизни

в долг, продолжают занимать даже тогда, когда банки перестают давать им деньги. Они отправляются к ростовщикам, готовым одалживать под несколько процентов в день. Статистики по таким кредиторам в России вообще нет.

Сколько на самом деле должен средний трудоспособный русский, ни Центробанк, ни кто-либо еще в стране понятия не имеет. Если вас не напугали цифры, с которых начиналась эта колонка, бойтесь неизвестности.

Во многих американских штатах небанковское ростовщичество с огромным трудом изжили. Законы там устанавливают предельные ставки, по которым можно давать в долг «до полочки», а кое-где и вовсе запрещают этот тип финансового бизнеса. Банки, выпускающие кредитные карты международных систем, под антиростовщические законы не подпадают, но ни одному из них не придет в голову кредитовать по этим картам под 40 с лишним процентов годовых. А у нас это норма жизни.

Работая в банке — который потребительским кредитованием принципиально не занимался, — я много раз слышал от коллег, для которых этот прибыльный бизнес был главным: мол, заемщики сами виноваты в собственной безграмотности. Кто мешает этим людям внимательно прочесть условия, во всем разобраться, прикинуть свои возможности и только тогда подавать заявку на кредит? Этот аргумент всегда казался мне лукавым. Сами банкиры и мешают: недавно я уже описывал, как это делает, например, банк Олега Тинькова «Тинькофф кредитные системы». Клиентов сбивают с толку разнесением условий по нескольким документам, психологическими играми с мелким шрифтом, предложениями никому не нужных (и нигде толком не описанных) страховых услуг за дополнительные деньги, рекламой низких ставок, которые действуют лишь при определенных условиях. Среди моих знакомых много неглупых людей, которые, скорее всего, запутаются в этой паутине недомолвок и полуправд, просто потому что никогда не работали в банке.

Если бы банкирам действительно было нужно, чтобы заемщики понимали, что делают, они разработали бы тест по каждому из своих кредитных продуктов с вопросами типа «В каком из перечисленных случаев действует ставка 12% годовых?» и «Какую сумму вам потребуется платить по кредиту каждый месяц?» — и выдавали деньги только в том случае, если потенциальный заемщик правильно ответил на все вопросы. Но нет, банкиры прекрасно знают, что многие клиенты, если не большинство, не понимают условий, под которыми подписываются, — и все равно кредитуют. Потому что в процентную ставку уже «защит» риск невозврата. За тех, кто не вернет долг, расплатятся добросовестные заемщики.

При таких ставках, какие действуют в России по потребительским кредитам, оценивать платежеспособность клиентов банкам вообще ни к чему. Поэтому математические модели, рассчитывающие риск невозврата, в русских банках ни к черту не годятся. Но если наступят тяжелые для экономики времена, людей, способных платить ростовщические проценты, в одночасье станет меньше. Вот Центробанк и тревожится так: 14% ВВП — это мало, только пока по долгам дисциплинированно платят. А перестанут — и рецессия усугубится.

Многие запутавшиеся заемщики винят в своих бедах государство — возможно, по глупости: иные из них, вообще ничего вокруг не понимая, воспринимают кредиты как господомощь. Но государство и в самом деле виновато в том, что кредиты дают не просто тем, кто не в состоянии их выплатить, но даже клиническим идиотам.

Чиновники и законодатели вполне могли бы ограничить максимальные ставки по потребительским кредитам, вынудив банкиров всерьез заняться совершенствованием скоринговых моделей. Они могли бы и заставить банки внятно излагать условия кредитования, навязав стандартные формы договоров. В этом конкретном случае государственное вмешательство в бизнес было бы благом: ведь невежество заемщиков и угроза, которую оно несет, очевидны и властям, и рынку, а излечить народ от невежества — задача едва ли быстро решаемая.

Но реальной борьбы с ростовщичеством мы в ближайшее время не увидим. Иначе что же будет с экономическим ростом? За первую половину 2013 года объем кредитов частным лицам в России вырос на 1 трлн руб. Если бы эти кредиты не были выданы, торговцы, а следом за ними производители и импортеры недосчитались бы триллиона — 1,6% прошлогоднего ВВП России.

Россия — страна дураков ровно в той степени, в которой безудержное ростовщичество обеспечивает ей рост.

Сперва стреляй, потом спрашивай

Snob.ru, 29.08.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/64432>

Невероятно, но, похоже, Америка и ее британские и французские союзники действительно собираются снова наступить на грабли, по которым уже гуляли в 2003 году: ввязаться в войну в Сирии по тем же причинам, по которым десять лет назад вторглись в Ирак.

Нынешний госсекретарь Джон Керри в 2002 году произнес целую речь в сенате, в которой утверждал, что у Саддама Хусейна есть оружие массового поражения, и призывал Саддама раздавить.

Теперь он с таким же пафосом обвиняет сирийского диктатора Башара Асада в применении химического оружия, будто и не было этих десяти с лишним лет, будто не сказано черным по белому в отчете Iraq Survey Group — группы из 1400 экспертов, отправленной Пентагоном и ЦРУ в Ирак после его завоевания: «ISC не обнаружила доказательств, что у Саддама Хусейна имелись запасы оружия массового поражения (ОМП) в 2003 году, но имеющиеся у нас в результате расследования сведения, включая показания задержанных и документы, допускают возможность, что некоторое количество оружия в Ираке существовало, хотя и не имело значительной военной ценности».

Доказательств у Керри и в этот раз нет. Он признается, что насмотрелся Ютьюба и был потрясен масштабами человеческого горя. И продолжает: «Число жертв, о котором сообщается, симптомы, отмеченные у погибших, рассказы очевидцев из гуманитарных организаций на месте событий... — все это указывает... что в Сирии было применено химическое оружие. Более того, мы знаем, что сирийский режим обладает этим химическим оружием. Мы знаем, что сирийский режим обладает возможностью его доставить с помощью ракет. Мы знаем, что режим упорно старался изгнать оппозицию из тех самых мест, где имела место [химическая] атака».

То есть: 1) в Сирии было применено химическое оружие; 2) у сирийского режима есть химическое оружие; следовательно, 3) сирийский режим применил химическое оружие.

Даже первокласснику тут заметен был бы логический изъян.

В Сирии за время тянущейся два года войны уже были случаи применения химического оружия. Четыре из них — в марте и апреле этого года — зафиксированы в июньском докладе Независимой международной комиссии по расследованиям в Сирийской арабской республике, созданной Советом ООН по правам человека. Там сказано: «Доступная нам информация не позволяет определить, какие конкретно химические соединения использовались, как они были доставлены и кем».

С этим отчетом связана одна свежая идиотская история. 28 августа российское государственное агентство ИТАР-ТАСС сообщило из Каира (!) со ссылкой на «сирийский информационный портал Сурия аль-Эн» (!): «Показания свидетелей и пострадавших в Восточной Гуте под Дамаском «со всей очевидностью говорят о том, что нервно-паралитический газ зарин был применен боевиками оппозиции». Об этом заявила сегодня швейцарскому телевидению член комиссии по расследованию возможных нарушений прав человека в Сирии Карла дель Понте».

Бывший швейцарский генпрокурор дель Понте и правда говорила про химическое оружие в Сирии — в мае, про одну из перечисленных в докладе атак: «Меня немного ввели в ступор первые свидетельс-

тва, которые мы получили... касающиеся использования нервно-паралитического газа оппозицией».

На ту же удочку, что и ИТАР-ТАСС, попались и некоторые другие издания — например, газета Las Vegas Guardian Express, которая написала о словах дель Понте на день раньше российского госагентства и вскорее поправились: мол, ну да, речь шла об апреле.

К моменту выхода июньского отчета уже и дель Понте говорила, что с уверенностью заключить, которая из сторон применяла газы, пока не представляется возможным.

Одно прямое доказательство, что газ 21 августа применила все же сирийская армия, кажется, существует, хоть оно и не предъявлено обществу. Американцы перехватили телефонный разговор сотрудника министерства обороны в Дамаске с офицером химических войск, чье подразделение вроде бы применило газ. Однако из разговора неясно, приказывал ли кто-либо офицеру это делать. Так что на основании этой информации бомбить Асада вроде бы ни к чему.

На обеих сторонах конфликта клеймо негде ставить. В нынешней гражданской войне на помощь Асаду пришла «Хезболла», организация радикальных исламистов, регулярно устраивающая бунты в Ливане. Я один такой видел близко в 2007 году: бородатые люди с калашниковыми захватили бейрутский аэропорт и затеяли перестрелки с правительственными войсками в городе, а штатские сторонники бородачей тем временем перекрыли автотрассы и стали жечь на них шины. Чудом объехав несколько баррикад на дорогах и покатавшись по Бейруту под пулями, мы с женой вынуждены были эвакуироваться в Сирию, границу с которой «Хезболла» не перекрыла. Страна Асада внешне живо напомнила мне Таджикистан незадолго до развала СССР. Надо сказать, что и уклад жизни президент, унаследовавший власть от отца, поддерживал вполне среднеазиатско-советский.

Сирийская оппозиция — тоже исламские радикалы, «Братья мусульмане». Итоги их деятельности после прихода к власти наблюдал каждый, кто был в Каире в последние год-два.

С тех пор как «Хезболла» решила подсобить Асаду, он теснит оппозиционеров. Здравый смысл подсказывает, что, выигрывая войну, он не стал бы травить врагов газом и тем провоцировать Запад на интервенцию. Но говорить о здравом смысле применительно к сирийскому конфликту нелепо. В этой войне уже погибло около 100 000 человек, и в ней нет правых, одни виноватые.

Столь же нелепо и настаивать, что химическое оружие не могла применить оппозиция — у нее, мол, нет ни газа, ни ракет. На войне оружие можно захватить у противника. А Башар Асад уж точно не скажет Западу, что его врагам удалось обзавестись химией, запрещенной международными конвенциями.

Американским консерваторам хочется засунуть руку в эту банку с паками, потому что Асад и «Хезболла» — союзники Ирана, а Иран для республиканцев — воплощение зла, которому надо непременно показать большую дубину. У либерала Обамы нет никаких причин с ними солидаризироваться, но что-то заставляет его, а заодно британского премьера Дэвида Кэмерона и французского президента Франсуа Олланда готовиться к атаке. Наблюдать за всем этим больно и страшно: у людей, даже у лидеров, нынче слишком короткая память и напрочь отсутствует терпение. Запустить ракеты почему-то проще, чем все-таки выяснить, что произошло.

Ребята, остановитесь, это не грабли, это фугас.

50 оттенков коричневого

Snob.ru, 21.08.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/64141>

Для московского либерала, мучимого тяжким сентябрьским выбором, один из главных вопросов, насколько Алексей Навальный националист и можно ли мириться с таким процентом содержания национализма в Навальном. Забавно, что тот же самый вопрос одновременно с нами задают себе и националисты. И гамма ответов на него у них такая же.

Вот спектр националистических позиций по поводу Навального.

Стопроцентная поддержка:

«Алексей Навальный наш союзник... Навальный последовательно выступал за ограничение миграции, за пересмотр национальной политики в Российской Федерации. Он выступил активным участником программы «Хватит кормить Кавказ». Он выступил инициатором обращения Координационного совета оппозиции в поддержку жителей Пугачева, которые подверглись криминальной атаке внешней агрессии со стороны выходцев с Кавказа... Мы всецело поддерживаем Алексея» (Владимир Тор, он же Владлен Кралин, председатель исполкома Национально-демократической партии).

Тактический альянс:

«Мы, например, готовы участвовать в проекте Навального — как последовательного противника путинского режима, участника кампании «Хватит кормить Кавказ», сторонника введения визового режима со странами Средней Азии, национального демократа. Именно «это в нем» мы и будем поддерживать» (Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»).

Недоверие как к подставному националисту:

«Что решили сделать американцы и достаточно умные их партнеры здесь, пятая колонна? Если тот либерализм дискредитирован, попробуем-ка его соединить с таким русским квазинационализмом.... И Навальный был очень интересной фигурой, и на него решили поставить. А к нему появился Стас Белковский, который к 2005 году взял под крыло нынешних идеологов национал-демократии или национал-либерализма. Крылов у него кормился, господи, все помнят, Егорушка Холмогоров тоже там бегал рядом. Станислав Белковский, это ж надо, с такой характерной внешностью хасида — я его просто уважаю, стать идеологом национализма русского! С такой внешностью! Я перед Стасом просто снимаю шляпу. Это все равно, что мне стать идеологом бушменов... Играл он и с Навальным» (публицист Максим Калашников, он же Владимир Кучеренко, в беседе с поддакивающим ему Борисом Мироновым — первым главредом «Российской газеты», а ныне одним из самых уважаемых лидеров мнений в националистической среде).

Звериная ненависть:

«Навальный стукач, пидарас и терпила» (Максим Марцинкевич, он же Тесак, которого по заявлению Навального осудили за разжигание национальной розни).

Эти высказывания — зеркальные копии тех, что слышны из либерального лагеря. Там одни полностью поддерживают Навального, потому что он свой, за капитализм и против совка, другие согласны с ним частично, но готовы поддержать, потому что в целом он идеологически близкий и перспективный, третьи считают кремлевским проектом, четвертые ненавидят как будущего Гитлера.

Русские националисты и русские либералы, конечно, головы одного орла. Потому что типаж в обоих лагерях одинаковые. Крайний циник, прагматичный политик, кликуша, улетевший в космос радикал. Навальный — это такая «сортирочная шляпа», как в книжках про Гарри Поттера: отношение к нему ясно показывает, к какому типуажу относится деятель.

«Разве Навальный националист? Он же пел дифирамбы Егору Гайдару, который устроил геноцид русского народа!» — «Разве Навальный либерал? Он же подписал вот этот кошмар про «демонстративно вызывающее поведение выходцев из других регионов, которое грубо противоречит местным традициям!»»

Трудно быть короной, которая непонятно на чем держится между двумя головами национальной нелетающей птицы.

Меж тем в единственной на сегодня официальной биографии Навального (Константин Воронков. «Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров». — М. : ЭКСМО, 2011) есть глава «Демократ» и глава «Национа-

лист». Я был издателем этой книги и припоминаю, что у автора наличие в тексте обеих глав никакого когнитивного диссонанса не вызвало: после многих часов, проведенных вместе, Навальный представлялся Воронкову вполне цельной личностью.

На этот эффект, собственно, и рассчитывает сам Навальный, когда агитирует за него голосовать. «Нормальный человек», обыватель, избиратель — не либерал и не националист. У него вообще нет никаких твердых убеждений. Он оппортунистичен. Когда в частную компанию, в которой он работает, приходят с проверкой и требуют взятку, он смотрит на дело с либеральных позиций. Когда хозяин понижает зарплату, урезая издержки, — с левых. Когда смуглые парни грозно смотрят в преулке — с националистических.

Есть ли какие-нибудь убеждения у Навального по итогам Йеля, «Русских маршей», ЖЖ-расследований и дела «Кировлеса»? Если он здоровый человек, а таким он кажется, — думаю, что нет. Есть просто реакции обычного сильного мужика на яркие внешние раздражители.

Можно ли такому руководить страной? Да у нас только такие и руководят, сколько мы себя помним. Никого идеологически выдержанного у нас никогда наверх не вынесет. Сами посмотрите на орлиные головы: ведь и тот клюв, и другой кирпича просит.

Горящее сердце Дмитрия Киселева

Snob.ru, 15.08.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/63882>

Видя, как наша безумная Госдума штампует ограничивающие свободу законы, скоро уж и котиков постить запретит, сторонники свободы отворачиваются в привычном направлении — на Запад: уж там-то такое невозможно. На этом нас невероятно легко подловить. Свежий пример — случай с замгендиректора главного медийного госхолдинга ВГТРК Дмитрием Киселевым.

В апреле прошлого года Киселев произнес в одной из передач на канале «Россия-1» следующие слова: «Я считаю, что штрафовать геев за пропаганду гомосексуализма среди подростков мало. Им нужно запретить донорство крови, спермы, а их сердца в случае автомобильной катастрофы зарывать в землю или сжигать как непригодные для продолжения чьей-либо жизни».

А примерно неделю назад ролик с этой цитатой сделался хитом YouTube и соцсетей. Насколько можно установить, запостил его 9 августа некий юзер zaher mazoi — без указания даты. Блогеры и фейсбукеры «Россию-1» не смотрят, потому всполошились. Многие даже воспользовались формой на сайте Следственного комитета, чтобы написать на

Киселева заявление: мол, он разжигает ненависть к ЛГБТ-сообществу. Мол, вот он, фашизм в чистом виде.

Киселев не без злорадства объяснил, что имел в виду международный опыт: в Америке и еще много где не принимают у мужчин, имевших секс с мужчинами, донорскую кровь и ткани. Это в целом правда, Киселев путается только в деталях: например, в Штатах для геев существует пожизненный запрет на донорство крови, но не тканей и органов: их не примут, если у донора-мужчины был однополый секс в последние пять лет. Такие же запреты — да, Киселев в этом прав, — действуют во многих вполне либеральных странах.

Уел, да. Удачно предъявил любимый аргумент покатавшихся по миру путинистов: там все то же самое, даже жестче, чем у нас. У нас и регистрацию «иностранных агентов» вводили со ссылками на международный опыт, и нелепые «18+», и штрафы за участие в несанкционированных митингах.

И действительно, в демократических странах нет недостатка в собственной мизулинщине. В Штатах принятый в 2006 году Акт Адама Уолша (названный в честь убитого ребенка, совсем как российский «закон Димы Яковлева») обязал все штаты вести публичные реестры людей, совершивших сексуальные преступления. Вот такой реестр штата Мичиган. Там можно не только проверить человека на наличие «сексуальных» судимостей, вбив в поисковую строку его имя и фамилию, но и обнаружить адреса всех судимых в радиусе одной мили от вашего дома.

Первый подобный закон появился в Нью-Джерси в 1994 году, после того как местную девочку Меган Канку изнасиловал и убил сосед, до этого дважды судимый за сексуальные приставания к детям. С тех пор правила регистрации «сексуальных преступников» постоянно ужесточались, а информация о них становилась все доступнее для всех желающих. Результат? Преследования и даже убийства людей, осужденных, например, за то, что они занимались сексом, когда были подростками: в некоторых американских штатах за это при неблагоприятном стечении обстоятельств можно угодить в тюрьму.

«Сработал эффект храповика, — писал об этом журнал *The Economist*. — Американские политики имеют широкие права по части предложения новых законов. Борьба с педофилами добавляет голосов. А чтобы борьба выглядела бескомпромисснее, надо, чтобы новые законы были жестче старых, которые тоже предложили политики, желавшие показаться крутыми».

Храповик — механизм, предотвращающий обратное вращение вала или шестеренки, — действует одинаково и в Америке, и в России. И там, и здесь политики считают, что выражают волю большинства, и безразлично, есть ли у них на то основания. Допустим, у Госдумы их нет; ну и что — никто же не сверг эту Госдуму, вот она и старается.

Киселеву в студии аплодировали, когда он эмоционально призывал жечь сердца геев. Скажете, закон о запрете гей-пропаганды противоречит эмоциям большинства?

Законы, принятые «на эмоциях», трудно отменить, используя разумные аргументы.

Например, статистика показывает, что запрет на продажу спиртного после 23:00 совершенно бесполезен. Данные МВД свидетельствуют, что доля преступлений, совершенных под воздействием алкоголя, как росла до введения закона (январь — июль 2010: 14,2%; 2011: 18,7%; 2012: 23,6%), так и продолжила расти в этом году (январь — июль 2013: 27%). Но нет никакого смысла предъявлять эту статистику депутатам, которым просто не нравится доступность алкоголя в любое время. И которые считают, что большинству тоже не нравится.

В демократической стране популярные «эмоциональные» законы вроде Акта Адама Уолша тоже тяжело отменить, оперируя, к примеру, данными исследований, показывающих, что сексуальная преступность от них не снижается.

Как это ни парадоксально, со здравым смыслом и у нас, и на просвещенном Западе легче соотнести не закон, а ведомственную инструкцию. Потому что при ее обсуждении профессионалы рутинно используют только профессиональные аргументы.

В 2008 году Минздравсоцразвития отменило запрет на донорство крови для геев, а также наркоманов и проституток. Предварительный отсев (который может полагаться разве что на ответы потенциального донора, как и в Штатах) признали бессмысленным: лучше пусть доноров осматривает врач. Да и анализы у них все равно берут — это эффективнее, чем спрашивать у пришедшего сдавать кровь, не гей ли он случайно.

Американцы тоже наверняка со временем упразднят ограничения на донорство для геев, как это сделали в Италии, или сократят их срок, как британцы. Аргументы и за, и против понятны. Анальный секс жесткий, от него бывают трещинки и ссадинки, которые увеличивают вероятность передачи ВИЧ. Стопроцентно точных тестов на ВИЧ нет, поэтому проще не брать кровь у доноров, которые часто практикуют анальный секс. С другой стороны, это не только однополая практика, да и не единственный способ передачи ВИЧ. Так что и особого смысла в запрете нет.

Американские профессионалы спокойно и небыстро взвешивают эти аргументы, не слушая лоббистов. Врачи не хотят ни «жечь сердца», ни вводить равноправие, если оно повысит риск заражения ВИЧ через переливание крови. А наши профессионалы уже приняли свое взвешенное решение пять лет назад.

Когда Госдуме будут выбирать, а не назначать, она все равно продолжит принимать идиотские решения в соответствии с эмоциями боль-

шинства. Так делают все парламенты. Вполне вероятно, в Думу выберут Киселева, и он протолкнет закон о публичном уничтожении останков всех «педиков» и «извращенцев».

Но это не значит, что нам не нужна избранная Дума: пусть у нее хотя бы будут законные основания для идиотизма.

Право осквернять

Snob.ru, 05.08.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/63482>

«Не говорите Путину», — подмигнул одесской публике басист группы Bloodhound Gang Джаред Хассельхоф, затолкал себе в расстегнутую ширинку российский флаг и вытянул его из штанов уже сзади.

Путину сказали. Сам он промолчал, зато министр культуры Мединский обозвал американских рокеров идиотами, а председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая заявила сайту «Единой России» следующее: «Для каждого человека очевидно, что подобные действия в любом государстве мира являются преступлением. Они содержат в себе прямые действия, оскорбляющие страну и ее граждан... Им [Bloodhound Gang] не удастся оправдать перед гражданами России своей оригинальностью и эксцентричностью. Каждый из нас понимает, что это предумышленное преступное действие». МВД в свою очередь не замедлило возбудить уголовное дело.

Кто еще, кроме группы, спевшей Fire Water Burn, мог так нелепо вступить обеими ногами в помойную кучу предрассудков и взаимных международных претензий? Судьба шута всегда незавидна: всякий норовит его пнуть. На то он и дурак.

Поп вывесил на сцене российский флаг (по крайней мере, он потом так говорил: «Мы знали, что много русских живет в Одессе. Сначала я повесил на сцене российский флаг, это вызвало неудовольствие зрителей, и я его заменил на украинский, а российский снял и бросил его россиянам в толпе»). Вызвало неудовольствие — еще бы: хотя Одесса — город полностью русскоязычный, здешние русские, конечно, не идентифицируют себя с Москвой.

После этого, если бы флаг тихо заменили на украинский, еще была бы возможность избежать скандала, но вряд ли. Потому что, во-первых, незадолго до этого вокалист Джимми Поп в Киеве орал со сцены Fuck Russia, а во-вторых, даже выложенная на YouTube простая замена флага вряд ли порадовала бы жителей Кубани, одного из самых «почвенных» регионов России, куда группа направлялась после Украины.

В Америке — да и практически повсюду в мире — мало кто отличает Украину от России. Сознательные украинские граждане на каждом ша-

гу вынуждены объяснять, что они никакие не русские, что столица у них не в Москве, а государственный язык — свой, особенный. Я вполне допускаю, что налитые пивом панки с Восточного берега Штатов не вполне понимали, в какой стране они находятся и в какую едут потом. О существовании украинских свидомитов, Мединского и Яровой они тем более не могли и догадываться.

Что стало бы с Хассельхофом, если бы он проделал то же самое с американским флагом в своей родной стране? Он совершенно точно подвергся бы общественному порицанию, как рэпер Лил Уэйн, который два месяца назад потоптался на американском флаге во время съемок клипа, или Кид Рок, нарядившийся в пончо из национального знамени в перерыве финала чемпионата по американскому футболу 2004 года. И того, и другого пытались бойкотировать американские патриоты, но ни тот, ни другой не подвергся уголовному преследованию. Два решения Верховного суда США — *Texas vs. Johnson* (1989) и *U.S. vs. Eichman* (1990) — определили, что оскорблять флаг позволяет Первая поправка к Конституции США, декларирующая свободу слова.

В решении по делу *U.S. vs. Eichman* сказано: «[Истец] не объясняет и не может объяснить, каким образом закон, наказывающий всякого, кто сознательно сжигает, уродует или надругается над американским флагом... позволяет поддерживать ассоциацию между флагом и нацией. Сжигание флага не угрожает этой ассоциации ничем; напротив, послание сжигателя флага зависит отчасти от наличия этой ассоциации у зрителей».

Поп и Хассельхоф, может, и идиоты, но учились в хорошем филладельфийском университете Temple. Они, скорее всего, неплохо представляют себе американские законы, связанные со свободой самовыражения: Bloodhound Gang не занимается ничем, кроме эпатажа, только его и продает.

То, что случилось на сцене в Одессе, и то, что Bloodhound Gang после этого концерта приехали-таки на Кубань получать по шее от казаков и уворачиваться от яиц и помидоров, — следствие интересного американского феномена. В Штатах множество людей считает, что то, что позволено в их стране, разрешено повсюду. Такие люди уверены, что если они встроили то, что делают, в американскую систему и их до сих пор не засудили, в остальном мире и подавно не случится ничего страшного.

После того как Хассельхоф вытащил флаг из штанов, Поп высказал свое несогласие с поступком басиста. «Россия, — сказал он, — лучше Америки. Америка сосет, как все мои бывшие подружки». Что ему будет за это в Америке? Да ничего. Вернувшись домой, Поп с Хассельхофом будут, посмеиваясь, вспоминать свою эскападу в непонятных восточноевропейских странах, между которыми нет настоящих границ, но есть вполне реальные недоверие и вражда.

У нас патриоты тоже не забудут одесский концерт Bloodhound Gang и долго будут поминать крепким словом наглого пиндоса, вытершего задницу триколором. Поднимать который еще 30 лет назад — Яровая помнит — само по себе было преступлением.

Мне отвратительно смотреть, как флаг моей страны заталкивает себе в штаны фиглярствующий панк. Но не менее грустно зрелище завернувшихся в него Яровых и Мединских. Они тоже оскверняют знамя, которое в 91-м поднимали над Белым домом. Я был там, видел, гордился. Теперь это стало труднее.

Впрочем, имеют право осквернять; жаль, что нет у нас Верховного суда, который доходчиво объяснил бы, почему это так. Свобода слова абсолютна, хоть и мерзопакостна порой.

Ловцы не щук, но человек

Snob.ru, 01.08.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/63302>

Соседи уселись рядышком на завалинку, тягнули по 200, дядя Володя протянул дяде Саше коробку «Герцеговины флор». Окутавшись ароматным дымком, они обменялись рыбацкими байками.

— 21 кило! — тарачил и без того слегка выпуклые глаза дядя Володя. — Полчаса ее вываживал, думал, вытащу — укушу суку! А вытащил — и поцеловал.

Дядя Володя и сам был немного похож на щуку: жилистый, хищный такой.

— Э, 21, — махнул ручищей-лопатой дядя Саша. — Вот я на 56 кило сома в Припяти поймал!

Вислоусый, крупный дядя Саша, если присмотреться, и сам смахивал на сома.

— Припять — это возле Чернобыля, штоль? — подколот соседа дядя Володя.

— Вот чудило, слышал звон, а не знает, где он, — обиделся дядя Саша. — Припять — река чистая. А в охладительном пруду чернобыльском на 120 кгэ сомы! К берегу подкрадываются и голубя — цап!

И разговор плавно перешел на птиц. Дядя Саша держал кур; дядя Володя рассказывал какие-то небылицы про то, как летал на дельтаплане с журавлями.

Владимир Путин и Александр Лукашенко отличаются от дяди Володи с дядей Сашей тем, что они поведали свои байки не друг другу, а всем, кто хотел и не хотел их слушать.

В отстающей России с Путиным сразу заспорили рыбаки и Альфред Кох, который предложил математическую модель щуки, напроць ис-

ключающую вероятность указанной ее массы. В Белоруссии, далеко обогнавшей нас на пути в светлое прошлое, Лукашенко просто не предъявил ни фото-, ни видеоподтверждений. Перечить ему желающих не нашлось.

Впрочем, важно ли, сколько на самом деле весили щука и сом? Рыбачьи рассказы никогда не стоят серьезного исследования. И понятно, что лидер — он и на отдыхе хочет достижений, подвигов, славы. Понятно, что его охватывают азарт и спортивное стремление к победе.

Но когда он берет в руки удочку, руководят им гораздо более глубокие, невысказанные мотивы. Может быть, даже не психологические, а мистические. Недаром тувинской рыбалки не оказалось в официальном президентском расписании: религиозные опыты вряд ли в него заносят.

Вам ничего не напоминает пересказанная РИА «Новости» щучья история путинского пресс-секретаря Дмитрия Пескова?

«Песков рассказал, что долгое время рыба не клевала, но егерь предложил президенту использовать для рыбалки блесну, которая называется «царь-рыба» и производится небольшим семейным предприятием в Красноярске. «И на эту блесну, которая называется «царь-рыба», он поймал щуку», — сказал пресс-секретарь главы государства».

Должна бы напоминать. Сказано в Писании: «Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Генисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети. Войдя в одну лодку, которая была Симона, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась».

Возможно ли, что егерь, аллегорически предложивший Путину использовать свою царскую власть, чтобы наладить клев, был учителем и пророком, указавшим российскому лидеру истинный путь? Ведь дальше, чуть не потопив лодки генисаретских рыбаков избыточным уловом, Христос сказал Симону: «Не бойся; отныне будешь ловить человеков».

Вот Путин и ловит. И сажает.

Об опыте, подобном генисаретскому, упоминает и Лукашенко. Интерфакс: «По его словам, совсем недавно «на Припяти рыбы не было». «Но там навели порядок. Сейчас там палец сунешь, и за палец рыба хватает», — заявил белорусский лидер».

Понятно ведь, КТО наводит такой порядок и как. И нечего тогда удивляться, что Лукашенко — тоже знатный ловец человеков.

Рыба — это вам не просто глупое подводное существо, из которого

можно сделать вкусные котлеты, о которых упомянул в своем рассказе Песков. Рыба — старинный символ, ἰχθύς. Ее, а не только хлеб, множил Иисус, чтобы накормить толпу. А если верить пророческому роману Василия Аксенова «Остров Крым», то и некоторые советские марксисты, с недоверием относившиеся к христианству, видели в рыбе яркий символ некоей основополагающей силы, которой подчиняется все сущее. Вот пытается говорить об этом подвыпивший консультант из ЦК Марлен Михайлович Кузенков:

«— Основополагающая крутит нас всех в своем водовороте, превращает нашу жизнь в абсурд, нашу работу в бессмысленную трату времени и денег. Всех нас, и марксистов и монархистов, и цээршников и кагэбэшников, она закручивает в водовороты, она плывет, неумолимая, могучая, светящаяся акула!

Все замолчали. Возникла неловкая пауза.

— Впечатляюще, — неуверенно пробормотал Востоков».

Акулы, конечно, не водятся ни в озерах Тувы, ни в Припяти. Но Основополагающая проплывает по этим водоемам, словно между ними есть прямое сообщение.

Единая Линия, она же Безысходная Хрень

Snob.ru, 19.07.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/62867>

Не бывает, чтобы просто так посадили и тут же отпустили. Чтоб вот тот же самый прокурор, который вчера требовал закрыть, сегодня против этого возражал. Что-то здесь неладно, какой-то здесь Макиавелли порылся со своим другом Сунь Цзы. Интрига, это же очевидно.

Версии, насколько я понимаю, следующие.

1. Путин — провокатор. Вот он упек Навального в тюрьму самым что ни на есть грубым образом, поручив судье Блинову отринуть все разумные доводы, надеть на подсудимых наручники прямо в зале суда и тут же отправить их гнить в тюрьму, не дав и с семьями толком проститься. Это — чтобы понять степень народной поддержки Навального. А там уж думать, как дальше действовать. Например, если выйдет много народу на улицы протестовать, требовать, чтоб Навального отпустили, — значит, надо по полной впаять ему по всем остальным уголовным делам, объяснить народу, как делать не надо. А если выйдет мало, можно и милосердие проявить, дать жалким десяти процентам проголосовать за Навального на выборах мэра, сделать из него клоуна. (Впрочем, эти тактические сценарии можно легко поменять местами.)

Слабое место: Какая у Навального поддержка, понятно из соцопросов — никакие провокации не нужны. Незачем делать лишние шаги.

2. Путин — кукловод. Он использует Навального так же, как использовал на президентских выборах Михаила Прохорова: тот оттянул на себя протестные голоса и проиграл. Просто сейчас игра тоньше: взяли не социально неблизкого миллиардера, а простого парня с окраины, к тому же с репутацией настоящего оппозиционера, и теперь используют, потому что как он может помешать? Да никак. Вот немножко приподняли его, засадив в тюрьму, дав изобразить Нельсона Манделу, но тут же и отпустили, чтоб не заигрался. Пусть себе займет второе место на выборах со своими 10-12%, чтоб не совсем смешно было. А там уж все равно, что с ним делать, — сдуется.

Слабое место: Непонятно, чем, с точки зрения драматургии, 10% лучше 5%, которые Навальный мог бы получить без дополнительного пиара в виде посадки. Все равно никого, кто мог бы набрать больше, нет — разве что коммунисты, с которыми и так все ясно.

3. Грызня под Путиным. Силовики в путинском окружении выступают за жесткое подавление любого протеста, чтоб неповадно было. Либералы хотят условной легитимности, поэтому им важно наличие в стране не слишком сильной оппозиции. Те и другие задумываются, как им жить после Путина. Первые рассчитывают править сами при любом царе: опричнина, власть тьмы. Вторые делают ставку на Собянина, а для начала хотят сделать его единственным честно избранным политиком всероссийского масштаба. Ну и вот силовики нагнули судью, чтоб тот закатал Навального в консервную банку и пустил по морям, а либералы добились, чтобы это решение отыграли назад и Навального из банки для них извлекли.

Слабое место: Прокуратура вроде бы на стороне силовиков, но отпустить Навального потребовала именно она.

Вроде бы это все основные версии. Ну еще никогда нельзя сбрасывать со счетов руку Госдепа и жидомасонов. Мелкая моторика этой руки в крайнем случае объясняет абсолютно все.

Есть, конечно, еще версия номер четыре, которую всегда предъявляют в ответ теоретикам заговора. В Кремле, как и везде в России, бардак. И в судах бардак. И в прокуратуре бардак. То, что там происходит, — тупое броуновское движение. Прокурор требовал по максимуму, не рассчитывая это получить, а получил — и испугался, что, когда защита начнет обжаловать неоправданную жестокость судьи Блинова, отменят и более важное завоевание, то есть сам приговор. И решил облегчить себе жизнь на будущее. Или: судья обиделся на зажавшихся москвичей, которые все

четыре месяца процесса над ним издевались, и отомстил. А в Кремле решились дурака поставить на место и все сделать, как сами собирались.

Как российский житель с сорокалетним стажем, я, конечно, склонен верить в четвертую версию: если у тебя нет логичного объяснения, значит, происходящее хаотично и без логики прекрасно обходится.

Но на самом деле хочется сказать совсем не это. На макроуровне тактические события вроде неожиданного освобождения Навального — до суда следующей инстанции — вообще не имеют никакого значения. Планировать их — не стоит кремлевского времени. Бороться из-за них силовикам и либералам незачем и лень.

Об этой самой кремлевской подкованной борьбе рассказывают сказки с незапамятных, еще советских, времен, но побеждает всегда Единая Линия, она же Безысходная Хрень (достаточно вспомнить второй срок Бориса Ельцина, случившийся, как говорят, в результате победы «либералов»). Если видишь эту линию, светящуюся даже в темноте, — к черту детали.

Как ни странно, нынешняя линия описана-таки у Макиавелли в «Государе»: «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица».

Кремль собирается-таки упрятать Навального за решетку. И по делу «Кировлеса», и по прочим шитым белыми нитками делам. Намерение это очевидно, все остальное — милые галлюцинации и случайные временные просветы.

Вы считаете, что в связи с этим не стоит ходить ни на какие площади? Ваше право. Я считаю, что как раз в связи с этим и надо. Раз уж мы здесь и раз уж можем оказаться следующей партией «отдельных лиц». От нас зависит, будет ли у нашей страны свой Нельсон Мандела или будет у нее всегда Единая Линия, она же Безысходная Хрень.

Хит-парад русского протеста

Snob.ru, 18.07.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/62781>

Pussy Riot выпустили новую песню. Ее невозможно слушать и неприлично ругать — за предыдущий хит две исполнительницы, Мария Алевина и Надежда Толоконникова, сидят в тюрьме.

За этот — никого не посадят. Хотя в пелевинской мифологии из «Священной книги оборотня» нефть — сакральная субстанция, в реальной жизни нынешнему составу Pussy никто особенно не препятствовал петь

на крышах роснефтефевских заправок: работяги слушали да ухмылялись. Обидятся ли Сечин и Бастрыкин, чьи портреты всячески оскверняли в ходе акции панк-феминистки? Думаю, скорее будут смотреть да посмеиваться. Несмотря на обильную матерщину в песне, никакой Роскомнадзор еще не запретил ее, как безобидную Dumb Ways to Die, которую теперь, слава богу, тоже разблокировали.

Васька слушает да ест; оторвать его от трапезы становится все сложнее. Да мало кто из музыкантов пытался: рок- и рэп-протест путинской эпохи — явление довольно беззубое, за единственным исключением. Вот десятка русских политических хитов нынешнего века.

1. Pussy Riot, «Богородица, Путина прогони»

*«Церковная хвала прогневших вождей
Крестный ход из черных лимузинов
В школу к тебе собирается проповедник
Иди на урок — принеси ему денег!
Патриарх Гундяй верит в Путина
Лучше бы в Бога, сука, верил
Пояс девы не заменит митингов —
На протестах с нами Приснодева Мария!»*

Такой реакции на песню, какая последовала за панк-молебном Pussy Riot в храме Христа Спасителя, страна не видела никогда, даже при Советской власти. Да и вообще рок, сопряженный с риском для исполнителя, — это самая что ни на есть настоящая музыка. Это выступление сделало Pussy Riot главной группой страны, и Мадонна с Маккартни тут ни при чем. Но какой следующий шаг можно сделать после ХХС? Даже захват путинского кабинета будет слабее. Что уж тут говорить о нефтяных качалках, которые торчат в чистом поле без всякой охраны да качают себе вонючую жижу. Да и надругательство над портретами Сечина и Бастрыкина не идет ни в какое сравнение с утверждением, что Патриарх не верит в бога, — в новом клипе обошлось без оскорблений, за которые кто-то хотел бы мстить. Возможно, это и правильно: протест требует жертв, но лучше все-таки без них.

2. Ленинград, «Свобода»

*«Только когда плывешь против течения,
Понимаешь, чего стоит свободное мнение.
Звенья собираются в длинные цепочки,
Линия жизни становится точкой.
Строчки и дни, стежок за стежком,
Шьют твоё тело с душой и огоньком.»*

*Здесь за решеткой начальник — полковник:
Моя свобода — это радиоприемник».*

Сергей Шнуров объяснял, что на эту песню его вдохновили посещение зоны в Мордовии и статья Ходорковского «Кризис либерализма в России». Текст ее звучит вполне однозначно. Но Шнур — не мятежник, а матерщинник и герой корпоративов, на которых под его разудалый духовой кач пляшут и едрасы, и нефтяники, и креативный класс. «Политика предполагает, что я сейчас скажу, что делать, — говорил он. — А я не знаю, что нужно делать. Я реально не понимаю, как здесь жить. Я не понимаю, как я буду стариться здесь. Понимаю, что все будет хуже и хуже». Если и была у Шнурова какая-то репутация борца с режимом, он разом избавился от нее, написав обидную песню «Химкинский лес»: «Покупайте билеты, братья, я последний певец демократии». Особенно оскорбился, услышав ее, следующий фигурант нашего хит-парада.

3. Noize MC, «Мерседес S666 (Дорогу колеснице)»

*«Прочь с пути, плебей, под колеса не лезь,
Жалкая чернь, трепещи — на трассе патриции
Мы опаздываем в ад, дорогу колеснице
В преисподне я буду вариться в соседнем котле с Евсюковым,
Но сейчас я жив, здоров и по полной упакован,
Застрахован на все сто от происшествия любого,
Помимо прочего мы давно знакомы с Вовой,
Обладаю умением изменять пространство и время
Выходят из строя разом все камеры наблюдения,
Если на них засняты улики моего преступления
И засуньте себе поглубже свое народное мнение».*

Песня Ивана Алексеева появилась в Сети как живая реакция на аварию на Ленинском проспекте: «Мерседес» вице-президента «Лукойла» Анатолия Баркова столкнулся с «Ситроеном», в котором ехали две женщины-врача. Обе погибли, Барков отделался ушибами, записи с камер действительно исчезли. Почти мгновенно вывешенную в Интернете песню про адскую колесницу тоже пытались удалять. Теперь бы уже не стали.

О Noize MC узнали даже те, кто никогда раньше не слушал хип-хоп. Потом были другие политические песни, скандальное выступление в Волгограде, 10 суток ареста, саркастические извинения Алексеева перед милиционерами, которых он назвал «животными в красных кокарядах»... Не Pussy Riot, короче.

Баркова не признали виновным в аварии. Про это Noize записал еще одну песню — вместе с сестрой одной из погибших женщин.

4. Барто, «Готов»

*«Я готова, и ты готов.
Поджигать ночью машины ментов.
Это как правило жизни, признак хорошего вкуса.
В отношении тех, для кого закон — мусор».*

Вообще-то, это не политическая песня, а любовная — авторы сравнивали ее с генсбуровской «Bonnie and Clyde». Но следователи какое-то время проверяли группу на предмет экстремизма. Проверили и уголовное дело возбуждать отказались. Видимо, решили, что послушав хрупкую вокалистку Марию Любичеву, никто машины жечь не пойдет.

5. Телевизор, «Газпромбайтер»

*«Я, я — Газпромбайтер,
Кремля гастарбайтер!
Кто-то говорит: «бандиты!»,
А я люблю кредиты!»*

Ветеран протестного рока Михаил Борзыкин изготовил хит, как в звездные времена, в конце 80-х, когда играл он в Ленинградском рок-клубе и слыл там главным политическим бунтарем. Здесь он протестует против строительства в Питере небоскреба для «Газпром нефти». Проект, который никому в городе не нравился, даже тогдашнему губернатору Валентине Матвиенко, так и не осуществился, но Борзыкин еще играет эту песню на концертах — дело не в небоскребе ведь.

6. ДДТ, «В гостях у генерала ФСБ»

*«Ну что, сынок, давай поднимем за В.В.
Хотя достал он нас, конечно, тоже.
Мы все имеем: дачу, стражу, уваженье и лавэ
Но так хотелось, чтоб страна цвела постройе...
Державу рвет от олигархов и воров
Мы скоро спросим всех — и все за все ответят
Я умереть за нашу Родину несчастную готов,
Но, к сожаленью, есть семья и дети».*

Еще один ветеран ленинградского рок-клуба, Юра-музыкант, — чуть ли не единственный в рок-цехе, кто высказывал свои претензии к режиму в лицо Владимиру Путину. Поведение Шевчука безупречно с точки зрения мужской точки зрения, но казспэшная музыка навевает такое уныние, что думаешь: вот генералу бы и пел, он бы всплакнул непременно. Есть, кстати, у Шевчука и шлягер на нефтяную тему — «Когда закончится нефть», сравнимый по остроте с новой песней Pussy Riot (в тексте даже высказывается невероятная мысль о том, что «наш президент умрет»). Концертная публика его полюбила и просит.

7. LUMEN, «Государство»

*«Заплати налоги и живи спокойно.
Но каждый рубль как покойник:
На эти деньги люди сверху
Нас, всех остальных, превращают в перхоть.
Они проводят невнятные реформы,
Меняют гаишникам название и форму,
Кидают стариков через одно место,
Каждый день проверяя, из какого же мы теста!
Здесь типа демократия, на самом деле царство
Я так люблю свою страну
И ненавижу государство».*

Новое поколение рокеров тоже протестует: уфимские альтернативщики Lumen эффектно провели черту между страной и государством. В отличие от большинства остальных участников протестного хит-парада, музыканты Lumen действительно умеют играть, и если б пели не по-русски, то не только записывались бы, а и гремели в Лондоне. А так — занимают первые места в хит-парадах «Нашего радио» и не жалуются на выручку от концертов.

8. РабFUCK, «Наш дурдом голосует за Путина»

*«Пусть расскажет нам доктор про нефть и про газ
Кто их продал пиндосам, какой пидарас
Кто забрал у народа Газпром и Лукойл
Нет ответа, а на тебе, значит, в жопу укол!
Все так сложно, все так запутанно,
Но разбираться некогда, брат.
Наш дурдом голосует за Путина
Наш дурдом будет Путину рад».*

Эта песня звучит ностальгически для ветеранов «болотных» митингов: группа, не имеющая постоянного состава, играла ее во время самого первого выхода москвичей на Болотную площадь 10 декабря 2011 года. Песня выиграла устроенный Алексеем Навальным конкурс «Лучшее музыкальное видео против жуликов и воров», и ее даже пытались выдвинуть на конкурс Евровидения. От себя могу лишь добавить, что, послушав песню в Сети, радуюсь, что тогда на Болотной не заморочились отстройкой звука. Праздничное настроение не пострадало.

9. Вася Обломов, Ксения Собчак и Леонид Парфенов, «ВВП»

«Собчак:

*Видимо, Вы начали обо всем догадываться,
Что ложь обступила и продолжает подкрадываться.
Вовремя дистанцировались от «Единой России».
Мутная партия! Скажи, Василий!*

Обломов:

*Конечно! Какие тут могут быть друзья!
Вот раньше всем заправляла президентская семья.
Пока в Питере борются с пропагандой пидоров,
Чуров наврал Вам про результаты выборов.*

Парфенов:

*Вам вешают лапшу на уши про пенсионные льготы,
В Интернете Вашими сторонниками являются боты.
Люди смеются над Вашими перестановками,
Близнецов обзывают Димками и Вовками».*

Леонид Парфенов, который на Болотной выступал, и Ксения Собчак, которая побоялась туда прийти без Сергея Капкова, объединились с автором песни «Еду в Магадан», чтобы записать и показать на телеканале «Дождь» политические куплеты, по замыслу — вроде бы протестные, а по сути — лоялистские. Мол, доброго царя обманывают, пора повернуться лицом к народу. Тогда некоторые верили, что Путина можно убедить вести с протестующей интеллигенцией диалог. Обсуждали кандидатуры переговорщиков. Надеялись на политические реформы, на какого-то Путина 3.0. Но президент оказался радикальнее своих противников и легко взял верх. С другой стороны, чего вы хотели от Собчак — плясок на амвоне?

10. Семен Слепаков, «Песня российского чиновника»

«Лоялистский протест» вполне может быть талантливый. Эту песню про то, какой Путин страшный, Слепаков написал для показа по российскому телевидению. В студии «Камеди клуба» он спел ее, выкинув вот этот куплет:

*«Когда на глаза случайно я попадаюсь ему,
Мне кажется, что детишек я больше не обниму,
Не буду бежать по пляжу за стайкой изгривых путан,
Не выстрелю в глаз бармену за плохо помытый стакан,
Не буду пытаться служанку, охотиться на тигрят.
Согласитесь, что жалко вдруг это все потерять,
Обидно на празднике жизни остаться вот так не у дел.
Неужто у нас в правовом государстве возможен такой беспредел?»*

Правда, и без куплета песню не показали, — может быть, потому что в ней есть слово «кокаин», а оно способно мгновенно разрушить жизнь миллионов детей. Впрочем, в Интернете ее опять же никто не запрещает, да и у кандидата экономических наук Слепакова никаких неприятностей не возникло. Думаю, Путин с фирменной ухмылкой подпевал, когда ему показывали. А что, пусть боятся!

Неизбежность коллаборации

Snob.ru, 09.07.2013

<http://www.snob.ru/profile/25023/blog/62503>

Я коллаборационист. И вы, читающие сейчас этот текст, — наверняка, тоже.

6 мая этого года Борис Акунин с трибуны митинга на Болотной призвал всех «людей с репутацией» перестать сотрудничать с режимом, который превращается в полицейский. Уйти с работы из «государственных и окологосударственных» организаций, не принимать от диктатора наград, не оказываться рядом с ним и его приспешниками в телевизоре и так далее.

В нашей стране это — призыв к эмиграции. Потому что если при Борисе Ельцине у нас и удалось сломить коммунизм, то главное его наследие — огромное, вездесущее государство — никуда не делось ни при Ельцине, ни при Путине. Приватизация 90-х лишь сделала крупных капиталистов частью государства, которое впоследствии пожрало их, либо отобрав «награбленное», либо дав понять, что собственность дана им в управление для осторожного кормления, а не навсегда и не всерьез.

В 2008 году (более свежих данных для сравнения нет) 20,2% жителей

России работали на государство — в бюджетных учреждениях, органах власти и госкомпаниях. Казалось бы, эка невидаль: во всех скандинавских странах больше, в Норвегии и вовсе 29,3%. Во Франции — 21,9%. У нас даже капиталистичнее устроена страна, чем у евросоциалистов!

Но штука в том, что у нас занятость в госсекторе другая по структуре. У Международной организации труда есть данные за 2005 год: тогда в России было 22,5 млн «государевых людей» — треть всего занятого в экономике населения! — из которых 59% работали в школах, больницах, собесах, органах власти, служили в силовых структурах. В Норвегии же из 832 200 тружеников госсектора на это «ядро» приходилось 85%.

Такая разница — потому что у нас госсектор не только там, где ему полагается быть в социалистической стране вроде Норвегии, Швеции или Дании. У нас он повсюду. В банкинге (Сбербанк, ВТБ), транспорте (РЖД, Аэрофлот), даже в гостиничном и ресторанном бизнесе (180 000 занятых на госпредприятиях этого сектора в 2005 году). Ну и, конечно, статистика МОТ неполна. Потому что АвтоВАЗом, например, на 74,51% владеет голландская компания Alliance Rostec Auto B.V., одно из лиц государственной корпорации «Ростехнологии». Статистикам международной организации и в голову не придет, что государство может владеть предприятием на собственной территории через офшор.

Понятно, что и частный бизнес не может не сотрудничать здесь с государством. Для какой-нибудь X5 Retail Group участие в правительственных социальных программах — необходимая страховка от неприятностей; между тем, по Акунину, в полицейском государстве и оно — коллаборационизм.

Я работаю директором дизайн-студии, у которой среди клиентов есть госорганы и госкомпании. Мы делаем для них логотипы и сайты, и мы, по Акунину, коллаборационисты, потому что берем деньги у полицейского государства.

Группа Липец поет: «Я так люблю свою страну и ненавижу государство». 1 июня этого года она давала концерт в Зеленом театре в Парке Горького. Эта площадка вот-вот вернется в госсобственность — любимец московских хипстеров Сергей Капков забирает ее у продюсера Стаса Намина. И исполнение песни «Государство» на ней превратится в особо извращенный коллаборационизм.

Алексея Навального пытаются посадить по шитому белыми нитками делу о краже леса у госпредприятия «Кировлес», на котором Навальный, консультируя государство — администрацию Кировской области, — пытался прекратить воровство. А параллельно шьют еще одно дело, связанное с бизнес-предприятием его брата, сотрудника государственной «Почты России». Навальный, заявивший в последнем слове на суде в Кирове, что сейчас никто не может хранить нейтралитет, — коллаборационист со стажем.

В советские времена часто цитировали Ленина, статью «О партийной организации и партийной литературе»: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Дальше там так: «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Иначе говоря, в обществе чистогана все служат чистогану. Поэтому «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией литературе» можно противопоставить иную литературу, открыто связанную с пролетариатом. То есть, как потом показала жизнь, — с государством.

С ленинских времен большинство жителей России верит, что любую музыку кто-то заказывает, и это обычно тот, кто платит. И многие здесь — начиная от Путина и заканчивая защитниками попранной «академической независимости» бюджетного учреждения под названием «Российская академия наук» — считают, что пусть лучше платит государство, чем частный капитал. Оно же наше общее, как бы всех нас представляет и уж точно со всех нас собирает деньги, которые потом раздает. А частник — упырь, он руководствуется личными интересами, которые всегда стоят ниже общественных в нашей пост-ленинской пирамиде.

В результате в нашей стране куда ни плюнь — попадешь в государство. Кто там говорил, что церковь от него отделена? См. дело Pussy Riot.

Что с этим делать человеку, который в целом согласен с Акуниным? Очевидный ответ — валить. Иначе экономического взаимодействия с государством — вполне вероятно, прибыльного для вас, если вы в частном секторе — здесь не избежать.

Еще можно решать для себя, что делать можно, а что нельзя. За что можно брать деньги у госкомпаний и, скажем, администрации президента, а за что брать их должно быть совестно. Можно ли покупать бензин у «Роснефти», в которой Сечин, и можно ли работать в государственных СМИ, подчиняясь всем существующим в них ограничениям.

В строгом смысле, по гамбургскому счету, всякий, кто еще пытается здесь жить, — коллаборационист. Потому что наше здесь присутствие есть поощрение правящего режима: раз мы еще тут, значит, не все так ужасно. Как, уже не тут?

Академическая гребля

Snob.ru, 04.07.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/62260>

Эффективнее всех за реформу Академии наук меня агитировал Институт философии РАН. Именно на его сайте лежит коллективное письмо Путину, Медведеву, Нарышкину и Матвиенко, написанное вот так:

«Законопроект направлен не на реформирование, а на фактическую ликвидацию Академии. Он замалчивает реальные достижения отечественной фундаментальной науки, ориентирует на некритическое заимствование западных моделей...»

Если так, я просто обязан быть за то, что вице-премьер Ольга Голодец предлагает сделать с РАН. По принципу «если Евтушенко против колхозов, я — за».

Не знаю, как вы, а я застал лекции по научному коммунизму в институте. О, это была фундаментальная наука! Сейчас в Институте философии люди, защитившие кандидатские и докторские диссертации в 60-е и 70-е годы, пишут научные статьи о том, что их работа не поддается оценке какими бы то ни было объективными методами. Неля Васильевна Мотрошилова, завсектором истории западной философии ИФРАН, написала уже несколько глубокомысленных статей о том, как неправильно оценивать ученых по индексу цитирования. В одном из этих текстов между утверждением, что Кант, Руссо и Гегель почти никого не цитировали, и жалобой на то, что иностранные ученые по каким-то непонятным причинам не желают цитировать отечественных философов, которые добросовестно на них ссылаются, — всего 13 страниц.

На эту животрепещущую тему написал научную статью и директор института, 74-летний Абдусалам Гусейнов (в соавторстве с Александром Рубцовым). Из текста следует, что российский философ хитер и уже научился правильно заполнять в отчетности графу «достигнутый результат», но вообще-то это полная туфта. «В качестве иллюстрации можно привести простой мысленный эксперимент, — пишут Гусейнов и Рубцов. — Платона ставят перед необходимостью в трех фразах изложить научный результат какого-нибудь из его диалогов, причем не в модальности «исследовалось», а именно в модальности «было выявлено». Скорее всего, сначала он все же написал бы о том, что обсуждалось, потом, после объяснений, скрепя сердце переписал бы в модальности «выявлено» (если не вытолкал бы сразу взащей), но зато потом, уже в приватном диалоге с Сократом, посетовал бы на то, что спрашивавшие совершенно не понимают природы философского мышления».

Наверное, для философа вопрос «А что сделал бы на моем месте Платон?» естественен. Но российский академик — это не только (заметим в скобках, и не обязательно) ученый, но и администратор, и в какой-то степени политик. «Пока у власти хватает интуитивного понимания, — пишут Гусейнов и Рубцов, — что даже ради экономии резко сокращать, а тем более прикрывать фронт гуманитарных исследований нельзя — хотя бы из соображений косыгинского выражения, что это так же бессмысленно, как стричь свинью: шерсти мало, а визгу много».

Эту работу Гусейнова и Рубцова профинансировало государство через Российский гуманитарный научный фонд.

Выступая в Госдуме в поддержку законопроекта, по которому у РАН должны отобрать всю собственность, а заодно и все научные институты (все это поступит в распоряжение некоего госагентства), Голодец говорила резко и даже презрительно: средний возраст академика — 74 года (как у Гусейнова), из 75 000 работников РАН и ее подразделений только 45 000 — ученые, из них половина пенсионного возраста, и при этом 2000 молодых ученых покидают страну каждый год. Понятно, мол, почему индекс цитирования российских ученых падает. (Снижается, кстати, и доля России в общем потоке научных публикаций.) Для чиновницы Академия — пожиратель государственных денег, неспособный за них отчитаться.

В этом году РАН выделили 67,9 млрд рублей — не бог весть что по американским меркам, но все же \$2 млрд. Никакой эффективный менеджер не захочет за эти деньги снисходительных статей со ссылками на гипотетические действия Платона, ненароком подсевшего на госбюджет. Чего хочет эффективный менеджер? Хороших спортивных показателей по цитированию, доле в потоке и проч. Эти показатели прозрачны и понятны: по-настоящему ценную научную работу будут цитировать, на каком бы языке она ни была написана исходно. Хорошую статью возьмут в престижный журнал, написал ли ее русский, кореец или папуас.

Также менеджер хочет платить за то, что ему полезно. Вот нужен большому заводу проект — надо, чтоб он мог заказать его российскому научному институту.

Академики пытаются спорить с менеджером с интеллектуальных позиций: мол, пользу от науки трудно квантифицировать, ее, кроме нас, ученых, никто не в состоянии оценить. Точно так же «уникальные журналистские коллективы» ругаются с собственниками, которые хотят «ебитды», а не творческих воспарений. Смысла в этих спорах никакого: речь идет о деньгах, которые их держатель желает отпустить только под конкретный результат.

Можно понять и возмущение Голодец по поводу строительства «элитного жилья» на академических гектарах. Наукой, блин, занимайтесь, а не вот чем! Сейчас отберем всю недвижимую — и появится у вас время на прорывные исследования.

Все так. И совсем не жалко советских философов, требующих не требовать от них результата — а то будет много визгу.

Да вот только в роли эффективных менеджеров пытаются выступать российские чиновники. У этих ребят и земля не застоит, и недвижимость сразу эффективно оприходуеться (вон, тот же Институт философии аж на Волхонке сидит, на самой, можно сказать, Золотой миле, — правда, на здание еще претендует музей им. Пушкина). Будет ли результат, даже в понятных им категориях — цитируемость, коммерчес-

кая конвертируемость? Да как обычно. Как в Сочи будет результат. Ни у меня, ни у кого-либо еще из наблюдателей академического процесса нет никаких оснований доверять чиновникам больше, чем геронтократам из РАН. Кто такое наше правительство, чтобы агитировать за эффективность? Не оно ли голосует контрольным пакетом «Газпрома», не оно ли терпит 50-процентные откаты по госконтрактам?

После того, как чиновники приберут к рукам имущество РАН и плотнее станут контролировать дотации на науку, перестанут ли те самые 2000 молодых ученых в год уезжать из России? По-моему, это академический вопрос. Сцилла — государство им ничуть не милее Харибды — советской академической номенклатуры.

Реформу академии имеет смысл затевать, только когда вся госсистема станет чище. А это когда? Знал бы прикуп, жил бы... точно не в Сочи.

За что они так Сильвио

Snob.ru, 27.06.2013

http://www.snob.ru/selected/entry/62029#comment_623339

Три женщины-судьи приговорили мужчину к семи годам тюрьмы — на год больше, чем просил прокурор — за то, что он якобы платил 17-летней девушке за секс (оба это отрицают) и вытащил ее однажды из полицейского участка, куда она угодила за кражу.

Как бы вы отнеслись к такому вердикту, если бы осужденным был не Сильвио Берлускони, а просто какой-нибудь папик, бизнесмен средней руки? Думаю, с гораздо большим удивлением, а кто и с негодованием — особенно если бы знали, что девица никаких претензий к осужденному не имеет и на жертву совсем не похожа, к тому же признает, что про свой возраст тогда всем врал.

Вот говорят, политикам сходит с рук такое, чего не простили бы обычным гражданам. Тут обратный случай. Обычный гражданин, оказавшийся в ситуации Берлускони, вероятно, отделался бы мелкими неприятностями. «Политика!» — кричат сторонники Берлускони, да и он сам — на своей странице в фейсбуке. Конечно; ведь политик занимается только политическим сексом, а он невероятно опасен.

Лучше всего феномен политического секса изучен в Америке. В Штатах сильная и злая пресса, натренированная ловить политиков на сексуальных скандалах, острая межпартийная конкуренция и отточенные выборные технологии. Европейские демократии, кроме разве что британской, по всем этим показателям отстают. Так вот, в Америке примерно две трети избирателей уверены, что если политик переспал с проституткой — это серьезная проблема. Хуже только брать взятки и жульничать с налогами.

64% женщин и только 50% мужчин считают, что мужчина-политик, изменивший жене, должен уйти в отставку. Эта американская статистика настолько понятна на интуитивном уровне, что вряд ли в Италии дело обстоит иначе. Вот вам и женский вердикт против Сильвио.

Кроме женского подхода к изменам, есть еще общие для мужчин и женщин размышления о том, насколько слабый на передок политик может быть честным. Взять, к примеру, историю личного краха нью-йоркского губернатора Эллиота Спитцера: в бытность прокурором он яростно боролся с сутенерами, и параллельное активное пользование их услугами Спитцеру не простили. Опрос, на который я здесь уже ссылался, показал, что 77% американских избирателей считают проблемой ложь ради сокрытия «аморалки». Политиков всегда подозревают в лицемерии и лживости, но когда эти свойства подтверждены доказательствами, пусть даже из личной жизни, публика делает вывод, что они распространяются и на работу слуги народа.

Но если политик никогда и не прикидывался поборником сексуальной морали — вот Берлускони, скажем, точно этого не делал, — то за лицемерие и двойные стандарты его не осудишь. Взять совсем уж крайний случай: никто, кроме комиссаров движения «Наши», не хмурил всерьез брови, узнав, что Эдуард Лимонов и Илья Яшин переспали с некоей Катей Муму. С кем только они не трахались — и что дальше?

Борис Акунин написал «сказку для идиотов» под названием «Страсть и долг» по мотивам незабываемого скандала с «человеком, похожим на генпрокурора» Юрия Скуратова, самозабвенно развлекавшимся с двумя девушками в сауне под мутным глазом видеокамеры. Сказочка — про то, что прокурор хоть и сладострастник, которому огромных усилий стоит сдержаться при виде красивой женщины, но все же человек чести и долга. Отчего бы и не верить нам в такой расклад? Тем более что каждый наверняка встречал чиновников и бизнесменов, настолько же скрупулезно честных и надежных с партнерами, насколько они лживы и непостоянны со своими женщинами. Мне кажется, что эти лживость и непостоянство, кстати, воспитывают в них жены унылой и утомительной ревностью, уврачиваться от которой — это просто инстинкт самосохранения. На работе этого фактора нет, и политик, чиновник или магнат с облегчением ведет себя образцово.

Эту логику готовы принять избиратели в возрасте 18-34 лет: 54% из них считают, что политик может вести себя честно на службе, даже если в личной он не образец для подражания. Но старшему поколению такой дуализм не дается: среди тех, кто старше 65, только 33% верят, что «по бизнесу честный, а так — нет» (формулировка Р.А. Абрамовича) — это не выдумка.

Доминируют пока ценности стариков.

В книге «Моральная политика: как думают либералы и консервато-

ры» профессор Беркли Джордж Лакофф писал, что консервативные избиратели живут внутри метафоры, по которой государство — это традиционная семья со строгим отцом во главе: «Дети должны уважать и слушаться родителей. Таким образом воспитывается их характер, самодисциплина, самостоятельность». Но как уважать человека, наделенного родительскими функциями, но не самодисциплиной? Брать пример с «родителей», которые всю ходят «налево», в консервативной семейной парадигме не рекомендуется. Правильные «детки» смотрят на таких с осуждением: мол, мы-то на их месте так бы себя не вели.

Семья, для которой важны понятия «строгость» и «наказание», нетерпима к родителям, которые легкомысленно относятся к своему моральному авторитету. И может засадить «папу», хоть и бывшего, на семь лет, даже лишить родительских прав: Берлускони суд запретил занимать государственные должности. Пожизненно. Италия показала себя консервативной страной в лакоффском понимании.

Наши нынешние власти, на чьем знамени начертано слово «консерватизм», сейчас усиленно приучают страну к метафоре «семьи со строгим отцом» и отучают от «либеральной» метафоры Лакоффа — семейной модели, в которой родители должны объяснять свои решения и поощрять всякие неудобные детские «почему». Процесс переучивания идет довольно быстро: либеральная модель не успела прижиться. Владимир Путин вовремя развелся — уже через пару лет такой шаг выкинул бы его за пределы консервативной метафоры. Жениться на какой-нибудь красавице-спортсменке — уже поздно.

Куда делась московская магия

Snob.ru, 20.06.2013

http://www.snob.ru/selected/entry/61803#comment_621509

Есть такая штука — ощущение города. Вот оказываешься на улице в конце мая или начале июня, — любой город именно в эту пору выглядит лучше всего, как девушка в любимом легком платье, — и считаешь некий код, получаешь некую основополагающую эмоцию.

Маленький тест, чтобы было ясно, о чем я. Из следующих кусочков текста изъяты топонимы и слова-эндемики, по которым можно легко догадаться, какой город имеется в виду, — но я уверен, что вы все равно догадаетесь.

«Во всем мире нет, пожалуй, города, где бы иностранец так легко чувствовал себя — словно дома, по крайней мере внешне, — как в [этом городе]. Уже через несколько часов кажется, будто ты здесь родился. Ведь все так хорошо знакомо! Все тут точь-в-точь так, как рассказано

в тысячах книг и фильмов, спето в тысячах песен, изображено на тысячах полотен. Все это я видела уже раньше. Этого [работника сферы обслуживания] в синем переднике, который поливает водой тротуар в ранний утренний час, кафе на тротуарах под открытым небом, где [жители города], щурясь на солнце, пьют кофе и читают газеты, старушку в цветочном киоске, где продаются дивные весенние фиалки; дребезжащие такси, домохозяек с [этим товаром] под мышкой — все это я видела уже раньше»¹.

«Девушка в платке целует лежащего на лавке бойфренда, его голова на ее коленях, в сотне метров другой платок в той же позе, в каком кино насмотрелись?.. Звякает посуда в старом деревянном ресторане, сквозь заросли блестит [большая вода], черепичные крыши на том берегу. Дорога вдруг выводит к одному краю парка, за забором квартал двух-трехэтажных домов, старьевщик катит телегу по улице в поисках заработка... на берегу рыбаки, рыбаки, рыбаки, второй [...] мост, вдоль прибрежного шоссе рестораны, курорт в городе»².

Так можно играть даже с теми, кто никогда в этих городах не был, просто видел фильмы, читал книжки, неохотно разглядывал привезенные друзьями из поездки фотки.

Сущность города, заметьте, описывают с помощью эмоционально окрашенного перечисления. Это всегда серия бытовых картинок, образов, звуков, складывающихся в то самое чувство места.

А вот вам московская серия:

Ольга. Куда мы идем?

Лев. Я тебе Москву покажу.

Лев и Ольга на палубе прогулочного катера. Катер плывет по Москве-реке.

Лев. Вот это столица нашей родины — Москва.

Катер плывет от Котельнической набережной к Воробьевым горам.

Лев (показывает Ольге).

Это гостиница «Россия». Самый крупный отель в Европе.

Это отель «Кемпински». В нем очень чисто.

А это Кремль. Там живет Президент.

Это кинотеатр «Ударник».

Это храм Христа Спасителя. Там будут молиться Богу.

Это кондитерская фабрика «Большевичка». Там делают шоколад.

Это Третьяковская галерея. Там висят картины.

А это русский шаттл «Буран».

Они проплывают Воробьевы горы.

1 Астрид Линдгрэн — Париж.

2 Влад Вдовин — Стамбул.

Лев. Это трамплин.

Ольга. Я знаю. С него зимой прыгают лыжники.

Лев. Как?

Ольга (показывает рукой). Во-о-о-от так¹.

Экскурсия по Москве, конечно, может быть только вот такой издевательской, иронично-циничной. Правда, сейчас уже нет «России», а «кондитерской фабрики «Большевичка»» никогда и не было — имелся в виду, конечно, «Красный Октябрь», где нынче не делают никакого шоколада, но раньше ведь не обязательно было знать, как называется краснокирпичная фабрика на Стрелке.

Не суть. Вот советская «Россия», а вот буржуазный «Кемпински»; вот Президент, а вот Бог; вот Третьяковка, а вот космос. Посмотрели? Теперь платите и проваливайтесь. Москва устало отмахивается и не пускает чужаков внутрь.

В Москве даже местный житель мог собраться на прогулку по каким-нибудь своим заветным местам, чтобы поймать свою городскую эмоцию, — и обнаружить, что все изменилось в переулке, нет больше скверика, от особенного дома остался только фасад. Но вдруг в каком-то неожиданном месте нет-нет да и прорежется щемящее, особенное, чудом сохранившееся или, чем черт не шутит, вновь возникшее — магическое, захватывающее дух.

Я уже пару лет пытаюсь поймать в Москве эту ее ускользающую, спрятанную под слоями дорогой косметики и цинизма, городскую магию — и не могу. Хотя раньше она мне открывалась. Я знал, где искать, и знал людей, которые знали другие места. В Москве без этого никак.

Может быть, дело во мне. Но не у меня одного возникает ощущение, что на город опустился невидимый колпак, заглушивший в нем магию.

Как раз про это недавно писала в «Фейсбуке» Наталия Осипова: «Лужков руководил Москвой много лет и испортил все, что можно. Он, конечно, превратил город в столицу третьего мира, застроил ее безобразными торговыми и жилыми комплексами и завез сюда толпы мигрантов. Но, как ни странно, за все время его правления он ни разу мне лично не помешал. Да, власть ужасна, корыстна, маргинальна, но горожанина она не преследует. Власти на горожанина просто наплевать... Пришли иные времена. Не понимаю, как они этого добились, но за то недолгое время, что в Москве правит Собянин и его эффективные менеджеры, я успела адски устать от них. Полное впечатление, что они повсюду и их единственная цель — достать меня. Ощущение, что я круглосуточно нахожусь на армейском плацу или в пионерлагере».

Киевляне жалуются, что в их город вернулись 90-е. Какая-то повсюду жалкая торговлишка, кривобокие ларьки и развалы, дурацкие ат-

¹ Владимир Сорокин — Москва.

тракционы для лохов — заплати 20 гривен, повиси на турнике 120 секунд и получи 200. Разруха, ямы в асфальте, облупившаяся краска. Я отвечаю: берегите все это. Не обшарпанности из 90-х бойтесь, а навязчивых, непрошенных попыток благоустройства, которые Осипова называет «азиопской неметчиной». Не ларьки и бомжи выживут вас, ребята, из вашего города, а бескомпромиссная борьба с ними. Вот когда вы не сможете больше найти в своем квартале палатку со свежими фруктами и улыбчивой золотозубой продавщицей, которая заранее знает, что вы возьмете; когда вам придется ехать за сигаретами на заправку; когда в парке, где в 13 лет вы гуляли со своей первой любовью, вы будете брести в толпе по свежепосыпанным гравием дорожкам между монструозных спортплощадок — тогда вы поймете, что душа города согласна жить не во всяких декорациях. Что иногда подтяжками и ботоксом можно убить то, чем женщина покоряла мужчин, а плиткой и менеджментом — то, чем город держал своих жителей.

Уж не знаю почему, но чувство города, его магия выживает, когда городом управляют местные. Или хотя бы давно приехавшие. То ли им тоже дороги эти трудно поддающиеся описанию эмоции, эти моменты безотчетного уличного счастья. То ли городская магия до некоторой степени управляет ими, не мешая, впрочем, безобразничать и мздомствовать.

А просто взять город в крепкие, чужие, хозяйственные руки — это как синицу сжать.

ЕГЭ как мертвый сферический конь

Snob.ru, 13.06.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/61570>

Чиновники от образования сбились с ног, вылавливая школьников (и не только), выкладывающих в интернет ответы на ЕГЭ. У оппозиционеров предложения в том же русле: Сергей Алексашенко, например, советует заменить учителей в классах, где пишут ЕГЭ, солдатами и пожарными: их подсказки, мол, будут менее ценными.

Мы живем в России, и никто здесь не хочет действовать по индейской пословице: если лошадь под вами сдохла, слезьте с нее. Почему-то считается, что если отменить единый госэкзамен, основная форма которого — стандартный тест, то альтернативой будет только возврат к советской системе устных и письменных экзаменов с произвольными оценками, которые понятно к чему приводят. Лучше ЕГЭ пока ничего не придумано, пишет тот же Алексашенко. Даже если это так, это ведь, скорее, повод придумать, а не вводить в классы войска.

ЕГЭ — это сферический конь в вакууме. Вернее,дохлый сферический конь, из вакуума извлеченный.

Тесты с несколькими вариантами ответа и механически зарегулированными «эссе» могли работать в 90-е, когда интернет и мобильная связь не были широко распространены. Я сдавал американский аналог ЕГЭ — SAT — в 1992 году, когда трудно было представить не только соцсети и Google, но и такое явление, как фотокамера в мобильном телефоне. Понятно, что в то время этот механизм казался мне совершенным: как иначе могли бы американские университеты оценить абитуриента из России? В пользу ЕГЭ сейчас приводят тот же аргумент: мол, как без него найти нового Ломоносова в каком-нибудь сибирском городке? Да только времена изменились, и сейчас ЕГЭ помогает найти не самых талантливых, а самых ушлых и удачливых в самых коррумпированных регионах вроде пресловутого Дагестана. Это прямое следствие не только плохого администрирования — а что у нас, простите, вообще администрируется хорошо? — но и технического прогресса.

Mail.ru в начале июня опубликовала статистику запросов 17-18-летних пользователей к ее поисковику в дни ЕГЭ по русскому языку и математике. 15-16% запросов 17-летних к мобильной версии поисковика — и всего 4-5,5% к полноэкранной — имели отношение к ЕГЭ. И подавляющее большинство этих обращений касались поиска правильных ответов на задания или вообще готовых вариантов.

«Яндекс» не обнародовал разбивку полученных им 500 000 запросов о ЕГЭ по типам устройств, но тоже сообщил, что пользователей интересовали «ЕГЭ по русскому языку 2013 27 мая ответы», «ответы на ЕГЭ 2013 по русскому языку 27 мая», «частицы», «аргументы к сочинению по русскому языку ЕГЭ 2013 шпаргалка».

Выводы понятны: у нынешнего подростка есть смартфон, и, когда он чего-то не знает, он достает его из кармана и запускает поиск в интернете. Если же у подростка нет смартфона, то компьютер есть обязательно. И тогда вопросы откладываются до встречи с ним.

Дело не только в ЕГЭ — по данным того же «Яндекса», дети любого возраста постоянно задают поисковику вопрос «как», то есть ищут решения задач, школьных и жизненных. Возраст влияет только на сложность задачи. Взрослые пока чаще задают вопрос «сколько», свидетельствующий о прагматичном подходе к интернету как инструменту примитивных маркетинговых исследований. Но вот я, например, уже ищу, скорее, как ребенок: всякий раз, когда мне не хватает информации, я судорожно хватаюсь за телефон.

Девяносто процентов информации, выложенной сейчас в интернете, создано за последние два года. Найти в Сети теперь можно практически все, особенно если владеешь несколькими языками. Тем временем создатели тестов продолжают проверять заученные наизусть

школьные знания и требовать сочинений с «аргументами», по которым можно написать шпаргалку. На этих людях такие плотные шторы, что они и еще десять лет не поймут, что администрировать такой экзамен невозможно: он никак не связан с окружающей действительностью. Кому теперь надо учить правила про частицы, если они выложены на тысячах сайтов? Гораздо полезнее было бы учить детей пользоваться интернет-поиском творчески и осмысленно, а не просто вбивать слова в поисковую строку. А также отличать реальную информацию от тупы, классифицировать источники, идти по логическим цепочкам.

Если бы российская школа имела хоть какое-то отношение к миру, образовавшемуся ненароком за ее стенами в последние лет десять (или, скорее, 30), один из выпускных экзаменов выглядел бы как чемпионат по поиску («Яндекс» проводил такие до 2009 года). С вопросами вроде «Чем смазывают больные конечности *Stylodipus Allen G.*?»

Умение правильно и быстро искать в интернете — это сейчас ключевой и важнейший навык для практически любого специалиста. Потому что, давайте признаемся честно, то, что мы, сорокалетние, зубрили в школе и институте, мы давно забыли, а остались у нас наработанные годами навыки, природная смекалка и технологические костыли. Десять лет назад этих костылей, кстати, не было.

Я не предлагаю, конечно, полностью заменить ЕГЭ чемпионатом по поиску. Даже современный человек должен представлять собой что-то и в том неприятном случае, если в телефоне сядет аккумулятор. Он должен уметь грамотно писать, но это легко проверяется диктантом, и существуют технологии, позволяющие хоть каждому ученику давать разный отрывок, — они применялись в проекте «Тотального диктанта». Он должен владеть хотя бы одним иностранным языком; тут без стандартного теста не обойдешься, но можно использовать, к примеру, великолепно отработанный TOEFL, который к тому же администрируется извне России и не подвержен коррупции. Он должен уметь логически мыслить и немного представлять себе математику — здесь тоже можно было бы прибегнуть к проверенным международным тестам, просто расширив их применение на всех школьников (вышло бы не дороже ЕГЭ), а можно было бы поступить как с диктантом, создав программу, генерирующую разные, но однотипные задачи для каждого пользователя.

Другое дело, что эти базовые тесты вряд ли покажут, кто из вчерашних школьников будет хорошо учиться в вузе, а тем более — работать после него. Одна моя подруга по московским дикостям конца 80-х всегда отвратительно сдавала стандартные тесты. А я, наоборот, сдавал их лучше, чем можно было ожидать при моем уровне знаний. Я посмеивался над Анечкой, но время все расставило по местам: теперь она профессор истории в Duke; мои академические достижения намного скромнее.

Вузам все же нужно оставить право тестировать абитуриентов само-

стоятельно. Например, придумывать для них профильные квесты с однозначным результатом: математики на время ищут решение некоей сложной проблемы, лингвисты, получив в руки листок с каким-нибудь заковыристым четверостишием, придумывают максимальное число вариантов перевода с сохранением схемы рифмовки. Важно, чтобы результат всегда можно было проверить и убедиться в честности соревнования. И незачем мешать будущим студентам пользоваться интернетом и телефонами: в жизни у них все это будет. Вряд ли школа и вузы готовят людей к жизни в постапокалиптическом мире, в котором вся техника рассыплется в пыль, — если такое случится, выживать каждый будет учиться сам.

Непекинская утка

Snob.ru, 11.06.2013

http://www.snob.ru/magazine/entry/61398#comment_618316

В гавань Виктория заходят и американские вертолетоносцы — тогда веселый район Ван Чай становится опасным и лучше переждать бедствие где-нибудь еще, — и китайские фрегаты. Великолепная гавань, благодаря которой англичане больше ста семидесяти лет назад выбрали остров Гонконг базой для опиумной торговли с Поднебесной империей, видала всякое. Но когда 2 мая 2013 года в нее гордо вплыла Желтая Резиновая Уточка, весь город вышел ей навстречу.

Я там был, поспел к Утице, когда она встала на якорь возле трехкилометрового молла Harbour City в районе Цим Ша Цуй. Пожалуй, никогда в жизни мне столько раз не наступали на ноги. И никогда я не видел столько людей, одновременно фотографирующих на Samsung Galaxy Note — почему-то именно этот гигантский не то телефон, не то планшет купили в Гонконге, кажется, все. На фоне Утки снимались влюбленные школьники, многодетные семьи, туристы из материкового Китая, только что отстоявшие очередь в бутиках Hermès и Chanel. На Утку пялились с причала, глазели с променада, показывали пальцами из окон. Циничному, торговому, преступному, напичканному электроникой, ничейному и суетному Гонконгу выдали то, в чем этот город так остро нуждался, — гигантский ломоть бескорыстного детского счастья. Гавань Виктория превратилась в ванну, в которой с Уточкой ростом шестнадцать с половиной метров мог теперь поиграть каждый.

Флорентайн Хофман, тридцатишестилетний голландец, по чьим чертежам Утку изготовили на местной верфи, проделывал этот фокус не впервые. По Луаре у него и вовсе плавал двадцатишестиметровый уткозавр. Хофман делал и запускал Уток в Окленде, Осаке и Сан-Паулу. «Резиновая Утка не знает границ, не дискриминирует людей и не имеет политичес-

кого подтекста, — написал Хофман на своем сайте. — Дружелюбная плавающая Резиновая Утка обладает целебными свойствами: она может устранять очаги мирового напряжения, а также выявлять их».

Гонконг — сплошной очаг напряжения. Напротив того места, где закрепились Утка, местные власти хотят выделить участок китайскому флоту для военных целей — вырвать кусок променада на севере острова Гонконг, чтобы там швартовались угрюмые, серые боевые корабли. В Гонконге любое предложение властей могут оспорить граждане. В полузаброшенной деревне, куда надо долго спускаться от главной дороги по узкой извилистой тропке, я видел доску объявлений, увешанную прокламациями на китайском и английском: «Электросетевая компания планирует реконструкцию фонарных столбов. С возражениями можно обратиться к г-же такой-то по такому-то адресу». «Планируется ремонт водопровода. Возражения — такому-то до такой-то даты». Против передачи двух тысяч восьмисот квадратных метров променада военным подали уже тысячи формальных возражений, и даже если флот получит свое, ему придется открыть участок для публичного доступа, когда там не будут пришвартованы корабли.

Местные жители в подавляющем большинстве не считают себя китайцами и ведут со страной, которой формально принадлежит свободлюбивый мегаполис, борьбу за каждую пядь земли, за каждый пережиток британских вольностей. Приезжие с материка, панически скупающие здесь детскую молочную смесь (в материковой обнаружилась опасная химия) и тысячедолларовые сумочки (на материке — огромные налоги на роскошь), раздражают гонконгцев и вызывают у них страх.

Полуторамиллиардная орда материковых могла бы смести все, как саранча, но ее пока удается сдерживать: женщинам из Китая запретили здесь рожать, молочную смесь отпускают в одни руки понемногу (сумочки, однако, скупать не мешают — это хорошо для бизнеса). Даже гонконгские бандиты, не представляющие видимой опасности для никогда не спящего здешнего и приезжего люда, вносят свой вклад в борьбу. «Триады не пускают отморозков с материка», — объяснял мне местный житель не без гордости.

В Гонконге свои, не китайские правила. Здесь упорно говорят на кантонском диалекте, сопротивляясь попыткам Пекина насадить государственный путунхуа, и не используют упрощенное письмо, распространенное на материке, — но все знают и английский. Здесь не плюются и пьют не водку, а вино — больше, чем где-либо в Азии. Близость к европейской культуре — часть местной идентичности. В Гонконгском филармоническом оркестре главный дирижер — голландец Яп ван Зведен, а концертмейстер — москвич Игорь Юзифович, и оркестр дает по пятницам поздние концерты, на которых музыканты одеты в джинсы и футболки. Гонконгцам понятен Флорентайн Хофман: он такой же человек мира. И у него есть свои правила, строгие и не как у всех. Утка всегда должна быть на

воде. Ее нельзя достать из воды и поместить в музей, потому что это противоречит задаче Хофмана — превратить мировой океан во всеобщую теплую ванну. Утка не продается. Музеи не раз пытались ее выторговать, но голландец всегда твердо отказывался: он работает не для денег.

В Гонконге к этому правилу относятся с уважением, но не торговать не могут. Город наполнился желтыми уточками-сувенирами, в ресторанах вдруг полюбили готовить утку, а в одном из магазинов возле Harbour City я видел утыканную стразами сумочку в виде Желтой Утки — за тысячу семьсот долларов.

Желтая Утка украсила первую полосу South China Morning Post. Ее встретили как пророка, к ней совершали паломничество как к оракулу. На выставку, посвященную Утке, можно было попасть по специальным талончикам, на которых указывалось время посещения. Толпа на пристани не рассосалась и через неделю. Гигантские не то телефоны, не то планшеты вздымались над людской массой.

15 мая Утка сдулась, легла на воду гигантской грустной яичницей. Да, организаторы объявили в «Твиттере», что ей нужна передышка и она вернется. Но горе охватило город. Весь мир облетели процитированные AFP слова сорокапятилетней служащей Миринны Чан: «Как будто небо заплакало. Я отпросилась с работы, чтобы увидеть Утку, а теперь она просто клякса». О сдутии Утки написали The Guardian, Time, Huffington Post. Утка вернется, уверяют организаторы, надо только немного подождать — но что-то подсказывает мне, что возвращение ее не будет уже триумфальным.

В 1979 году Василий Аксенов написал роман «Остров Крым» — утопию о сказочно богатом острове-осколке белой России, где горстка интеллигентов мечтает воссоединиться с исторической родиной — СССР, чтобы направить гигантскую страну на верный путь. Но общая судьба оказывается возможной только на условиях Голиафа: советские войска захватывают безмятежный остров без боя. Аксенов, конечно, не знал, что англичане вернут Гонконг Китаю и — уж тем более — что китайцы поведут себя совсем иначе, чем советские в его романе. Оставят «специальному административному району» его законы, его многопартийность, биржу и валюту. И будут подкрадываться к «острову» исподволь, брать его лаской и уговорами. Гонконг плещется в засоренных материковой промышленностью волнах Южно-Китайского моря, как бесстрашная Желтая Уточка. Пока не сдулся.

Почему Собянин не подходит Москве

Snob.ru, 06.06.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/61320>

Скоро в Москве выборы мэра, и хотя их исход предопределен обычными для российской псевдоизбирательной системы методами, жителям нашего города будут три месяца полоскать мозги рассказами о достижениях Сергея Собянина и его команды. Почти три года — достаточный ведь срок, чтобы говорить о достижениях.

Нам расскажут о реконструированных под потребности столичного хипстера музеях, театрах и парках. Я, однако, не хипстер, и мне эти витрины субкультуры ни к чему. Наверное, парк Горького — прекрасный проект, но, чтобы там сейчас гулять, нужно работать локтями, как в метро. Так что он добавился к моему личному списку мест, куда можно отвести гостя из провинции — поглазеть, и выпал из списка приемлемых мест для похода с детьми. Вероятно, для кого-то интервью мэра в «Жан-Жак» — важный сигнал, но я его не считываю, потому что не хожу в это заведение.

Когда Собянин стал мэром, он вряд ли что-либо знал о хипстерах. Это потом они стали выходить на площади и всячески активничать, обрели звонкий, хорошо слышимый даже в здании напротив конного Долгорукого голос. А в 2010-м чего хотели от мэра? В первую очередь какого-нибудь лекарства от транспортной констипации, поразившей город при Лужкове. Почти четыре с половиной миллиона машин, как минимум в два раза меньше парковочных мест, общественный транспорт, не справляющийся с людскими потоками двенадцатимиллионного города.

Теперь понятно, что с этим делает собянинская команда. Хоть мэр и не москвич, он действует самым что ни на есть московским способом — собирает деньги, ничего не предлагая взамен.

Платить за парковку в центре теперь удобно — хоть эсэмэской, хоть через модное приложение для айфона. И штрафы за катание по выделенным для общественного транспорта полосам тоже удобно платить: и через электронный банкинг, и через портал госуслуг.

А ездить по-прежнему неудобно. От того, что парковка в центре стала платной, парковочных мест больше не стало. Влияние выделенок на объем перевозок общественным транспортом ничтожно: когда открывается такая полоса, перевозки вырастают на 1-3% к предыдущему месяцу. Зато скорость движения по остальным полосам падает гораздо сильнее, чем в среднем по Москве.

В нашем городе всегда умели сделать дорого и плохо. Приезжающие сюда чиновники быстро обучаются этому образу действий. Хотя имеют возможность учиться и не в Москве. А, например, в Гонконге.

Начнем с того, что вот такую информацию о городской транспорт-

ной системе тамошние власти не поленились собрать в один небольшой документ, который регулярно обновляется. Про Москву такую не скомпилируешь, даже обойдя все кривые сайты городских структур и ГУПов. В Гонконге вообще очень открытая власть, которая все время советуется с горожанами и рассказывает им о своих действиях.

Бывшая британская колония, а ныне специальный административный регион Китая, поменьше Москвы по населению: здесь живут примерно 7,5 миллиона человек. Но Гонконг — глобальный перевалочный пункт с огромными портом (третьим в мире) и аэропортом (двенадцатым в мире). К тому же рядом — материковый Китай, для которого свободный мегаполис — что Москва для остальной России. Так что приезжих здесь толпы. В Москве только стремятся довести число туристов, российских и иностранных, до 7 миллионов человек в год. В Гонконге в прошлом году побывали и остались хотя бы на одну ночь 17,4 миллиона человек, из которых 11 миллионов — жители материкового Китая.

Этот людской поток не так рассредоточен, как в Москве: площадь российского мегаполиса — 2510 квадратных километров, а китайской SAR — 1104. Это, с одной стороны, удобнее: не надо столько дорог, а с другой — страшнее: больше потенциал для пробок. Ведь от того, что люди перемещаются на более короткие расстояния, меньше их не становится.

Пробок, однако, здесь нет. Потому что в городе не нужна машина.

В Гонконге отвратительно работают карты Google: постоянно строят неправильные маршруты — без учета многочисленных надземных и подземных пешеходных дорожек, галерей, эскалаторов и травелаторов. Здесь удобно ходить пешком: не надо постоянно уворачиваться от машин.

Когда пешком слишком далеко, гонконгцы пользуются общественным транспортом: он перевозит здесь 90% пассажиропотока. Метро (MTR) — 4,7 миллиона человек в день, автобусы — около 4 миллионов. Московское метро перевозит 6,73 миллиона пассажиров в день, а про автобусы на сайте Мосгортранса информации нет, хотя имеется, например, гимн этого славного предприятия. Впрочем, можно сравнить число самих автобусов: в Москве их 6691, в Гонконге — 5837. Разница — в пользу Гонконга, если учесть, что его население в 1,7 раза меньше московского.

Разница не только количественная, но и качественная. Это другое метро и другие автобусы.

В самых длинных поездах MTR 12 вагонов, каждый с пятью дверьми. В Москве — не больше восьми с четырьмя. Гонконгский поезд просматривается насквозь: здесь нет дверей между вагонами, и пассажирам гораздо удобнее рассредоточиться по всей длине поезда. И здесь есть первый класс: более комфортные вагоны, в которые можно попасть за до-

полнительные деньги и не толкаться. Менеджер, для которого важна чистота сорочки, доберется до офиса на метро таким же, каким вышел из дома, а не грязным, потным и измятым, как в Москве.

Автобусы — в подавляющем большинстве двухэтажные, все с кондиционерами. У нас теперь тоже ставят кондиционеры, но часто ли они вам встречались в московских автобусах?

В Гонконге я ни разу не ждал автобуса дольше 10 минут. Кстати, в метро интервалы между поездами короткие, вполне московские.

А ведь есть еще двухэтажные трамваи, паромы, прекрасные лицензированные такси и маршрутки, в которых, если водитель начнет лихачить — ехать быстрее 80 км/ч, в салоне раздастся громкий сигнал, и водитель сбросит скорость.

Платить везде на транспорте, да и за парковку, и в большинстве магазинов можно одной и той же специальной картой Octopus, которая продается и пополняется на каждой станции метро.

В Гонконге сначала построили транспортную систему, сделавшую собственный автомобиль ненужной роскошью, а потом уж принялись гнобить автовладельцев. С 1982 года резко повысили сбор за регистрацию новой машины — до 100% от ее цены — и взвинтили налоги на бензин. Теперь в городе зарегистрировано 443 442 частных авто. В десять раз меньше, чем в Москве. В основном это дорогие игрушки: всякие BMW, Lexus и Mercedes. Смотреть на такой трафик приятно, но влиться в него нет никакого соблазна: зачем? Кстати, парковочных мест в Гонконге больше, чем частных машин: примерно 700 000.

Тут можно вспомнить, что Гонконг — мировой финансовый центр, каким хотела бы стать и Москва, да пока не стала. Город с виду побогаче нашего. Но тратит больше денег — Москва.

Расходная часть бюджета SAR на 2013 год — 352 миллиарда местных долларов, или 1,4 триллионов рублей. Бюджет исполняется с профицитом, Гонконг накопил бюджетный резерв, достаточный, чтобы финансировать все городские нужды в течение 20 месяцев. Расходы московского бюджета в этом году — 1,8 триллиона рублей. Если считать на душу населения, поменьше, чем в Гонконге, но оно и понятно: бюджет исполняется с немаленьким дефицитом. Потому что Москва пытается все городские проблемы решать за бюджетные деньги. А в Гонконге те же автобусы и паромы принадлежат частным операторам, к которым предъявляются строгие лицензионные требования, и вместо того, чтобы поглощать городские деньги, эти бизнесы пополняют казну.

В общем, у нас, как водится, начали с создания неудобств, введения платы, репрессивных мер вроде штрафов в 3000 рублей за катание по выделенным полосам. Сделать это проще, чем пустить по ним достаточно автобусов: видеокамеры стоят дешевле. Московским властям привычнее бороться с людьми, чем делать их жизнь комфортнее; за-

чем создавать систему, которая позволит не пользоваться собственными машинами, если можно и без этого обложить водителей всяческой данью во имя идеалов современного градоустройства.

Москве нужен мэр, который перевернет процесс с головы на ноги. То есть займется сначала созданием альтернативы, а потом уж репрессиями. И это не Сергей Собянин. Кто? Ну, если поскрести по сусекам, найдется: в Москве же на самом деле все есть.

За Кадыровым тоже прилетят инопланетяне

Snob.ru, 30.05.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/61060>

Долгая память, как известно, хуже, чем сифилис. И даже хуже, чем очень длинная цитата, ведь память прерывиста, а цитата течет так, что не оборвешь нигде.

Я читал на «Снобе»: «ИТАР-ТАСС организовал встречу клуба главных редакторов центральных СМИ — есть такая профессиональная ассоциация — с Рамзаном Кадыровым прямо в его новой резиденции в центре Грозного. На огромной площади посреди идеальных газонов, напоминающих изумрудные волны гольф-полей, высился монументальный дворец в османском стиле, рядом с ним — копия священной Каабы, обрамленная минаретами. Правда, Рамзан Ахматович предпочел для разговора другие декорации: среди простирающихся левее живописных холмов и чеченских родовых башен прячется небольшая ферма. При ней живет медвежонок в клетке, по траве ходят куры, индюшки, покрикивают петухи, журчит ручей, ниспадающий в искусственный пруд. Мы сидим в шатре, его полог колышет легкий ветерок».

Читал я, значит, и испытывал дежавю.

Дело не в том, что агентство ИТАР-ТАСС по мистической своей сущности не может не заразить своим большим стилем всякого соприкоснувшегося. Побывал я как-то в его головном офисе на неофициальной встрече московских главредов с тогдашним главой РАО ЕЭС Анатолием Чубайсом. В 10 утра хлебосольное агентство предложило участникам ледяной водочки. Не отказались многие, о ком я никогда бы не подумал. Да и у меня рука потянулась к запотевшей рюмке — отдернул, сжав зубы.

Вспоминалось мне вовсе не это, впрочем, а двадцатилетней давности поездка в Элисту с моим начальником, шефом московского бюро газеты *The Philadelphia Inquirer* Стивом Сеплоу. В столице Калмыкии тогда, в 93-м, как раз укрепилась новая власть. Мы приехали в гости к новому президенту, Кирсану Илюмжинову.

Я разыскал статью, которую написал Стив из той командировки.

В лаконичном стиле, свойственном американским ежедневкам, Сеплоу писал: «Несмотря на разговоры о его богатстве, Илюмжинов живет в том же домишке на небогатой улице, где он родился. Живет с родителями, женой и трехлетним сыном». В этом буколическом домике Кирсан и принимал нас без лишних церемоний; меня до слез растрогала общность вкусов Илюмжинова-1993 и Кадырова-2013.

Меню на кадыровской ферме — национальные блюда: лепешки с сыром и зеленью, шашлык, «традиционный хингалш». У Илюмжинова кормили по-калмыцки: много мяса, лепешки борцог, и еще новоизбранный национальный лидер выставил на стол трехлитровую банку черной икры — ее в Элисте было завались, хоть столовой ложкой ешь.

Память, возможно, подводит меня, но слова, приписанные в 2013 году Кадырову — «в Москве такого не бывает, там химикаты такие-сякие, а у нас все чистое, экологический продукт», — кажется, дословно произносил и Илюмжинов.

Кадыров «не наливает» — Илюмжинов тоже не наливал. Он буддист, а не мусульманин, но и от него религия требовала умеренности. Собственно, только разницей культур я объясняю несходство в манерах ведения беседы: Кадыров привычно демонстрирует крайнюю набожность и приверженность кровавым племенным обычаям, тогда как Илюмжинов был по-азиатски хитер и мягок. В обоих случаях — утрированный национальный стиль. Да и у калмыков и чеченцев больше общего, чем может показаться на первый взгляд: и тех и других выселил Сталин в казахские безысходные степи, и те и другие вернулись домой жить по-своему, насколько это возможно.

И 36-летний Кадыров, и 30-летний на тот момент Илюмжинов выказывали за трапезой приверженность семейным ценностям, много говорили о детях. В доме Илюмжинова за столом даже молчаливо прислуживали его мать и жена.

Оба излучали уверенность в народной поддержке. Кадыров: «Я уверен, что если я пойду на выборы, больше 90 процентов свободно проголосуют за меня, потому что я всю жизнь посвятил служению народу». Илюмжинов (в обратном переводе): «Народ мне доверил, и никто не должен мешать». Оба — гордые хозяева своих родовых территорий, люди обеспеченные, но не склонные обсуждать источники своего богатства. Илюмжинов изящно уходил от ответа, откуда у него деньги. «Я работал головой», — сказал он, среди прочего. Кадыров в который раз повторил свое «деньги от Аллаха».

Оба обещали, взяв федеральные деньги, потратить их на строительство процветающей экономики и сыпали названиями стран, откуда текет — или скоро потекет — инвестиции.

В нынешнем Грозном «мрачные мужчины в тренировочных костюмах или полувоенной форме пропали вовсе, словно и не было их никог-

да. Люди одеты с южным шиком, чувственно, но сдержанно. Так выглядят образцово-показательные города в Турции, Эмиратах или даже Израиле». В Элисте, помнится, было еще много мрачных мужчин в спортивном. Правда, это именно там нас со Стивом не хотели пускать в казино без пиджаков («А вот в Вегасе...» — «Тут вам не Вегас!»), а когда все же пустили, мы увидели несколько десятков людей, одетых как раз с южным шиком, чувственно, но сдержанно — в двубортные черные костюмы.

Сейчас, конечно, не 93 год. Не крутит MTV свежих клипов Курта Кобейна, не гневается Ельцин на непробиваемый Верховный Совет. И на самом деле все по-другому. Нынешний Грозный в тысячи раз дороже Элисты-93 со всеми потрохами. Не модно больше строить офшоры, как собирался — и впоследствии сделал — Илюмжинов, зато модно подчеркивать патриотизм и лояльность центральной власти, как делает теперь Кадыров. Не модно говорить о капитализме, который проповедовал калмык, зато модно — о преемственности поколений, которую подчеркивает чеченец. Хоть список составляй для глянцевого журнала: in/out this season. Out: самостоятельные, на удачу, поездки репортеров к феодалам. In: ИТАР-ТАСС + клуб главных редакторов = любовь.

При всех недостатках долгой памяти, которые роднят ее и с венерическими болезнями, и с глянцевой словесностью, есть у нее одно достоинство. Вот это самое вечное дежавю, позволяющее однажды сделать важный вывод: совершенно безразлично, что они говорят. Делают все феодальные царьки одно и то же.

Вскоре после того, как Илюмжинов крепко взял в свои руки бразды правления, в Калмыкии начали бесследно пропадать люди. Известна этим бермудским явлением и Чечня. В Калмыкии убили журналистку Ларису Юдину; о кадыровской Чечне много писала покойная Анна Политковская. Кадыров строит в Грозном небоскребы и гигантские мечети — Илюмжинов возвел недалеко от Элисты такие же Нью-Васюки, Сити Чесс.

Многим сравнение Кадырова с Илюмжиновым покажется смешным. Те, кто помоложе, если и слышали об эксцентричном калмыке, то разве что как о президенте шахматной федерации, а деяния его в роли хана Хальмг Тангч забылись. Кроме того, с тех пор как Илюмжинов рассказал, что через четыре года после нашего со Стивом визита побывал на космическом корабле инопланетян, его перестали не только опасаться, но и принимать всерьез. А Кадыров — он же страшный. Когда у него наливаются кровью глаза, собеседники бледнеют. Футбольные судьи, услышав его глас из репродукторов, глотают свистки. Ну как можно сравнивать? С одним поговоришь — смеяться нынче станут. С другим — большая журналистская удача.

Да только и за Рамзаном Ахматовичем прилетят рано или поздно

инопланетяне. За всеми такими прилетают. И когда опускают нежно на землю, что-то меняется в них, а там и в их субсидируемых из Москвы владениях. Не всегда к лучшему меняется — такие уж у нас времена да климатические зоны. Но инопланетяне поговорили уже с Муртазой Рахимовым, Минтимером Шаймиевым, Юрием Лужковым. Объяснили им что-то на ушко — и выпали все они из разряда журналистских удач.

Несмотря на богатую военную историю и яркие традиции, Чечня — это лишь небольшой, небогатый, затерянный в горах регион. Так что и с Кадыровым поговорят. В шахматы сыграют или на бильярде, как он любит. А когда корабль сожмется в точку в звездном небе, многим вдруг станет безотчетно стыдно.

Пора забыть об эмиграции

Snob.ru, 23.05.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/60825>

В один день стало известно об «эмиграции» писательницы и экс-главреда Маши Гессен — от нее самой и колумниста Олега Кашина — от Эдуарда Лимонова. Можно было бы сделать вывод, что либеральные писатели покидают Россию из-за несносного политического климата, который здесь стал даже хуже, чем собственно климат. Но этот вывод был бы бессмысленным, потому что и само понятие «эмиграция» утратило смысл.

Здесь надо оговориться: ниже речь пойдет только о добровольной эмиграции, не о вынужденном бегстве. Это — отдельный предмет исследования, к нашей теме отношения не имеющий.

Кашин брал у Лимонова интервью по скайпу, из чего писатель-революционер и сделал вывод о переселении журналиста. «Из сбивчивого объяснения Кашина я понял, что в Москве его преследуют, лишили заработков и поэтому он вынужден быть в Швейцарии», — написал он. Кашин в ответ на прямой вопрос коллеги из «Ленты.ру», эмигрировал ли он, ответил: «Х.ировал» (и вывесил в фейсбуке скриншот этого разговора посредством iMessage; на скриншоте видно название мобильного оператора: Swisscom).

Ну то есть Кашин берет интервью по скайпу для российского журнала «Афиша», дает комментарии российскому же изданию отборным русским матом, активно общается со своими московскими друзьями. Где Кашин? Он тут, где же еще. Хотя присутствие ему обеспечивает Swisscom.

Даже если Кашин перестанет снимать жилье в Москве, а снимет в Женеве, он никуда отсюда не денется. По той простой причине, что швейцарским сайтам не нужны его колонки, а швейцарским журна-

лам — его интервью. По крайней мере в таком количестве, чтобы Кашин мог снимать квартиру. Важно ли, где находится кровать Кашина, да и само брэнное тело Кашина, если мозг его и вся продукция этого мозга — среди нас?

И даже Маша Гессен, способная писать по-английски и именно на этом языке наиболее успешно продающая свою интеллектуальную продукцию, уехав в Нью-Йорк, все равно здесь, потому что ее темы — те, на которых держится ее «продаваемость», — здешние.

Кто эмигрант — программист, из Нижнего Новгорода работающий на стартап в Кремниевой долине, или Кашин, из Швейцарии берущий интервью у Лимонова для «Афиши» (вариант: Гессен, в Нью-Йорке сочиняющая книгу про историю чеченцев Царнаевых)? На мой взгляд, скорее программист, чем Кашин, но какая, на самом деле, разница?

Кто эмигрант — дизайн-директор московской студии, выполняющий из Праги заказы российских госструктур, или, черт возьми, сами эти госструктуры, ведь дизайнер в Праге чувствует спиной их горячее дыхание: дедлайн подступил?

Я и сам прожил год в физической «эмиграции», в Киеве, но многие не слишком близкие знакомые даже не заметили, что я уезжал, — общались со мной в соцсетях, читали мои тексты про российские дела. Даже проблема регулярной «пули» — мы уже много лет каждую неделю играем в преферанс одной компанией — решила: играли через специальный сервис в интернете. В Киеве я часто расплачивался пластиковыми карточками, привязанными к счетам в российских банках, а в Москве плачу, бывает, киевской карточкой, — мои деньги мигрируют туда-сюда вне зависимости от того, где нахожусь я.

Мы все никак не привыкнем к тому, что наше физическое присутствие в той или иной точке больше не имеет значения для работы и включенности в культурный контент, даже для потребления любых товаров, кроме еды. Я в Киеве знал все московские сплетни, а Кашин знает их в своих ленинских местах. Сергей Пархоменко вел передачи на «Эхе Москвы» из Германии, все по тому же скайпу; я слушал его и не уловил никакой разницы.

Степень бытового комфорта сейчас мало отличается здесь и «не здесь». Разные места просто приспособлены для разного. В провансальской деревне трудно быть контрафоготистом: до ближайшего большого оркестра ехать далеко; в Москве непросто вдумчиво писать роман. Ну так местами можно пользоваться, не «эмигрируя»: физическая локация — это теперь как одежда, просто элемент антуража.

Если бы, скажем, Борис Акунин выступал на первом митинге на Болотной площади через какой-нибудь спутниковый мост из Прованса, речь его имела бы такое же воздействие на аудиторию: он ведь высказывал разумные аргументы, а не брызгал слюной. Собственно, сейчас

акунинская мудрость доступна всем благодаря ЖЖ, который он ведет уж не знаю откуда.

Как я теперь понимаю, лучше бы вся поза- и прошлогодняя активность была виртуальной: по крайней мере, не было бы возможности никого посадить за ушибленный локоток омоновца. Результаты же наших гуляний без руля и без ветрил не менее убоги, чем итоги фейсбучных срачей.

Гессен так объяснила свое решение переехать: «В прошлом году... мой ответ был: «Это мой дом, пусть Путин уезжает, а я остаюсь». Я могу работать в России и работала бы. Но у меня трое детей. Одно дело — растить их в сложной и рискованной среде: во многом это их обогащает, и я рада, что у моих детей есть этот опыт. Другое дело — растить детей в безнадежной среде. Теперь я потеряла надежду, и надо их вывезти».

Дети — последний аргумент в любом споре. Нехорошо, когда они ходят в школу, где им внушают, что Сталин хороший, а Христа распяли жида. Плоховато также, если папа или мама вот-вот подвергнутся каким-нибудь репрессиям: для детей это вредно. Расцветающие в наших краях идиотизм и мракобесие затрудняют правильное воспитание: дети могут подумать, что их родители какие-то неправильные, все у них не как у людей.

Как-то это криво звучит, не находите? Все-таки дети — наши, а не этой самой сложной и рискованной среды, которая обогащает. У нас есть все возможности правильно их воспитать где угодно. Главное — научить иностранным языкам, чтобы они, как и мы, могли быть и здесь, и еще где-то одновременно. Учиться не только в русской школе, но и, по сети, где-нибудь в Америке. Читать не только русские книжки, но и, скажем, китайские.

Я тоже не говорю больше, что я остаюсь, а Путин пусть уезжает. Не уверен, что, сидя сейчас за компьютером в Москве, я весь нахожусь здесь: у меня открыты сайты из пяти разных стран, редактор в Нью-Йорке присылает правки по тексту, бывшая подружка-китаянка шлет привет из поезда Женева — Париж.

Я также не знаю, где находится Путин. Когда вы в последний раз видели Путина вживе? Я — очень давно. Говорят, его дочери живут за границей; может, он, как Гессен, потерял надежду и переехал к ним поближе. Возможно, он давно в Швейцарии, ночует с Кашиным в одном цюрихском сквоте, оттуда и телемосты свои устраивает, и министров распекает. Может, дух его перетекает на Запад по газпромовской трубе, а обратно возвращается в контейнере из Шанхая.

Может, я уехал, а он остался. А может, наоборот. А может, мы и оба в Москве: наши слова ведь здесь, вы их здесь читаете? Или...

Человек теперь как улитка: он сам себе единственный дом.

Мордор-2013

Snob.ru, 02.05.2013

http://www.snob.ru/selected/entry/60043#comment_606008

Видит бог, я не толкинист. Я не знаю эльфийских языков, ни древних, ни новых, и никогда не размахивал на лужайке деревянным мечом. Но, слушая, как Владимир Путин общается со своими избирателями, а Алексей Навальный со своим судьей, я вспоминал «Сильмариллион», а именно историю о «песенной дуэли» злого властелина Саурона и эльфийского короля Фелагунда:

*Волшебную песню запел Саурон —
О тайнах раскрытых, о сорванных масках,
О тщетном коварстве и быстрых развязках,
О разоблаченьях пел он.
Но песню его Фелагунд победил,
Запев об упрямстве, о вере и воле,
О сопротивленьи и сыгранной роли,
О схватке враждующих сил,
О твердости, стойкости в трудном бою,
О тяге к свободе, о хитростях новых,
О тюрьмах раскрытых, разбитых оковах,
Так строил он песню свою.
(пер. З.И. Бобырь)*

И в самом деле: ключевой темой Путина были разоблачения и тщетное коварство (агенты ЦРУ, работавшие с Чубайсом, коррупционеры в Минобороны, НКО, получающие деньги из-за границы...). Ключевой темой Навального было упрямство: сыграю в вашу игру, ОК, но все понимают, каковы в ней ставки и мотивы.

Даже исход битвы песен, такой же, как в «Сильмариллионе», кажется предрежденным.

С тех пор как четыре месяца назад я вернулся в родную Москву из Киева, Толкин приходит мне на ум не в первый раз.

Украина давно напоминает мне Шир, родину хоббитов: в ней практически нет государства, зато это теплый, плодородный край, населенный в основном добродушным, прижимистым и здравомыслящим народом. По сравнению с ней Россия, особенно Москва, — конечно, Мордор. Тут и климат жестче, и орки встречаются на каждом шагу (недаром на придуманном Толкином языке квенья слово «орки» звучит как *urqui*, почти по-русски — «урки»).

И государство не просто существует — кроме него уже мало что осталось, и оно стремится к собственному обожествлению, сливаясь с цер-

ковью. Так же было и в Мордоре в Третью эпоху Средиземья.

Орки государства боятся (как в известной песне про то, что Путин очень страшный), но повинуются ему; и вообще оно для них. Вот Ярвая — орк или нет? А Милонов? Ну уж точно не эльфы.

А еще, когда я вижу в туманные дни Останкинскую башню в драматической красноватой короне, то вспоминаю, что башня Саурана в Баррад-дуре была самым высоким строением во всем Средиземье. Совсем как наша — в СНГ. Да и принцип работы в чем-то похож, особенно теперь: покажут кого-нибудь, скажем, в фильме «Анатомия протеста», ан глядь, уже и проверка, и следствие, и суд. Око Саурана не обращается просто так на смертных.

Как все это с нами случилось? Ведь было, кажется, на нашей памяти иначе, когда пал Советский Союз и то, что для нас было тогда, а для многих по сей день осталось абсолютным злом, укрылось где-то и перестало тревожить?

В «Сильмариллионе» последующее описано так: «В древности этот лес назывался Великим Зеленым Лесом, и его обширные чащи населяли многие звери и птицы... Но тьма постепенно вползла в лес, и страх поселился на его сумрачных полянах. Там появились страшные звери, и жестокие страшные существа раскинули свои западни. Тогда название леса изменилось, и он стал Чернолесьем, и немногие отваживались проходить через него. Откуда оно появилось — мало кто знал, и прошло много времени, пока Мудрые обнаружили его. Оно было тенью Саурана и признаком его возвращения».

Ну да, «тьма постепенно вползла» — пожалуй, если коротко, так и вышло.

Шестьдесят с лишним лет назад Джон Р. Р. Толкин внятно объяснил всем сторонникам простых аналогий: его лежащий на востоке и противостоящий народам и богам Запада Мордор — не Россия, а Саурон, правитель Мордора, от чьего огненного глаза важно было укрыться Фродо, несущему кольцо, — не Сталин.

В 1961 году Толкин написал раздраженное письмо в издательство Allen & Unwin по поводу предисловия к шведскому изданию «Властелина колец», в котором переводчик Оке Ольмаркс выдвигал такую гипотезу. «Я категорически отказываюсь признавать подобные “прочтения”, они меня просто бесят, — писал Толкин. — Сама ситуация была задумана задолго до русской революции. Подобные аллегории моему образу мыслей абсолютно чужды. То, что Мордор находится на востоке, объясняется просто-напросто требованиями географии и сюжета внутри моей “мифологии”. Изначально оплот Зла находился (вполне традиционно) на Севере; но, поскольку он был разрушен и, более того, поглощен морем, потребовалось возвести новую крепость» (здесь и далее пер. С.Б. Лихачевой).

Почему тогда я беру пример с Ольмаркса теперь, когда Толкин не

только прояснил свою позицию, но и давно умер? Да потому что автор «Властелина колец», хоть и не имел в виду никакую конкретную тиранию, судя по всему, отлично понимал общую, глубинную суть явления. Здесь не обойтись без длинной цитаты из еще одного толкиновского письма, на этот раз 1951 года:

«Когда Изначальный Враг терпит сокрушительное поражение, Саурон в страхе раскаивается, но в итоге не является, как ему приказано, на суд богов. Он остается в Средиземье. Очень медленно, начиная с благих побуждений, — преобразования и восстановления разоренного Средиземья, “о котором боги позабыли”, — он превращается в новое воплощение Зла и существо, алчущее Абсолютной Власти, и потому снедаем все более жгучей ненавистью (особенно к богам и эльфам). На протяжении сумеречной Второй эпохи на Востоке Средиземья растет Тень, все больше и больше подчиняя себе людей, которые умножаются в числе по мере того, как эльфы начинают угасать».

Не так ли было и с Путиным, вроде бы раскаявшимся (примкнувшим к Анатолию Собчаку) в страхе в первые постсоветские годы, затем пришедшим к власти под лозунгами преобразования и восстановления богом покинутой России — и далее со всеми остановками вплоть до наползающей тени?

Очевидно при этом, что кольцо всевластия утрачено: отсюда неуверенность власти в себе, вечные рысканья, охота на внутренних врагов. Даже у Сталина не было ведь колечка. Вполне вероятно, что кто-то (может, некто родом из Украины, если уж буквально продолжать аллегорию) уже несет артефакт к вулкану. Просто это длинная дорога. Толкин ее в трех увесистых томах описал.

Правда, сам он без особого оптимизма смотрел на результаты таких квестов в реальном мире. В 1944 году он писал в армию сыну Кристоферу: «Все Великие Свершения, спланированные с размахом, с точки зрения жабы под колесом именно так и воспринимаются, притом что в общем и целом они вроде бы и функционируют благополучно, и работу свою выполняют. Работу, что в конечном счете ведет ко злу. Ибо мы пытаемся победить Саурона с помощью Кольца. И даже преуспеем (по крайней мере, на то похоже). Но в качестве расплаты, как ты и без меня знаешь, мы наплодим новых Саурунов, а люди и эльфы постепенно превратятся в орков».

Такое вот мрачное предсказание для нашего Мордора времен конца Третьей эпохи.

Почему мы не благодарим ментов

Snob.ru, 25.04.2013

http://www.snob.ru/selected/entry/59900#comment_604379

Джохара Царнаева в Бостоне поймали на пятый день после теракта на финишной черте марафона (трое убитых, в том числе восьмилетний мальчик) и на второй после того, как ФБР обнародовало фотографии Джохара и его брата Тамерлана. Пока ловили, погибли Тамерлан и один полицейский, а еще одного копа серьезно ранили. В операции участвовали чуть ли не все американские спецслужбы. Брали Джохара десятки хорошо вооруженных полицейских, в воздухе над местом последней перестрелки висел вертолет.

«Белгородского стрелка» Сергея Помазуна поймали меньше чем через двое суток после того, как он расстрелял шесть человек, включая двух школьников. Взяли без лишнего шума: присланные из Курска полицейские увидели человека, бредущего по железнодорожным путям, окликнули, спросили документы. Человек полоснул майора полиции ножом, пытался бежать, был скручен. Все.

Вряд ли можно говорить, что 19-летний раненый Царнаев был опаснее 31-летнего отсидевшего, невредимого Помазуна. По меньшей мере они представляли сравнимую угрозу. Русские полицейские сработали не хуже американских коллег. А потом с такими же постными лицами занудно описывали, как было дело. И твердили, что просто делали свою работу. Сравните на сайте МВД и у CBS. Разве что американцы не так зажаты и говорят менее канцелярским языком.

Хорошие полицейские везде одинаковые. Да и плохие в целом похожи.

Тогда почему в Бостоне народ, высыпавший на улицы после поимки Царнаева, аплодировал полицейским и кричал: «Спасибо!», а в Белгороде ничего подобного не случилось? Толпа собралась и здесь — у вокзала, — но, если верить каналу «Россия 24», никого не приветствовала и не благодарила, разве что слышались требования линчевать Помазуна. А Первый канал даже показал каких-то парней из этой толпы, один из которых напряженно сообщает, что пришел удостовериться: стрелка поймали, и дальше можно жить спокойно. Ни следа благодарности к полицейским.

На этом контрасте можно было бы выстроить длинное рассуждение о несходстве русского и американского национальных характеров или, скажем, о сравнительной эффективности госпропаганды.

Сразу зафиксируем все напрашивающиеся банальности. Русский не доверяет менту, считает его врагом, недоволен им априори: еще быстрее надо было ловить! Куда раньше смотрели! А для американца существуют обстоятельства, при которых он готов считать копа героем. Наши

не верят ментам, хотя сами увидеть пойманного стрелка, только тогда им будет спокойно. Американцы спрашивают копов: Did you get him? И хлопают в ладоши, получив утвердительный ответ.

Американцы после поимки подрывника несут по улице свой флаг и скандируют: USA! USA! Наши разве что поставят свечку в церкви. Как ни старался в свое время Владислав Сурков со всей гостелевизионной братией скопировать американский агитпроп, ничего у него не вышло — флагом у нас готовы махать только за деньги или против чего-нибудь. Оно и понятно: голливудская патриотическая продукция настолько хороша, что даже прибыль приносит, наша же — слезы и уныние. Да и работу наших и американских больших телеканалов сейчас как никогда легко сравнивать: вот динамичная, бесшовная, профессионально лихая подача американцев — и вот наша, неумелая, корявая, словно замедленная в два раза. И тоже понятно, в чем дело: хоть телевидение, наверное, и в Америке не на 100% честная журналистика — такова особенность этой среды, — но все же достаточно честная и конкурентная, чтобы в пиковые моменты истории поражать и развлекать. А у нас — госслужба, право слово.

На этом речь Капитана Очевидность можно закончить. Спасибо, Кэп.

Вопрос в другом: а надо ли благодарить полицейских, когда они ловят преступника, сумевшего навести ужас на всю округу? Вот человек убил детей и напугал город так, что родители своих школьников запирают дома. Копы или менты, неважно, сделали то, что умеют и должны, угроза устранена, справедливость восстанавливается: подозреваемый лежит лицом вниз. Царнаев — с закрытыми глазами, раскинув руки. Помазун — руки скованы за спиной — безумно вращает очами, цедит: «Я не детей стрелял. Я ад стрелял».

Наверняка полицейским приятно, когда их благодарит народ. Но я уверен, что российская реакция правильнее. Да, она свидетельствует о меньшем доверии обывателя к полицейскому; впрочем, и в Америке доверие это — до первого столкновения с плохим копом. Но должна ли государственная репрессивная машина нравиться народу? Народ после трагедий вроде бостонской или белгородской хочет мести (отсюда и призывы к самосуду; а радость на лицах американцев — это отнюдь не только облегчение). От народа террористов и безумных стрелков приходится охранять. Репрессивная машина должна быть бесстрашной.

Менты и копы говорят на камеру подчеркнуто официально и отстраненно, потому что они профессионалы и понимают свою функцию. Человеческие реакции — это для дома, близких, совместного похода в пивнушку. Благодарность за поимку преступника — чем бы она ни была вызвана: кровожадностью ли, отменой ли вынужденного домашнего ареста для детей, — это лишняя эмоция в деле, которое должно быть безэмоциональным.

Что бы ни думал на самом деле коп про Царнаева, каким бы извергом ни считал мент Помазуна — обоих будут долго допрашивать, потом судить. Царнаева, возможно, казнят, если осудят за федеральное преступление. Помазуну светит пожизненное. Но всякое может случиться. Шестеренки обеих систем, как бы хорошо или плохо они ни были смазаны, закрутятся сейчас обычным порядком. Завод у механизма кончится ровно тогда, когда нужно. Порядок не предусматривает никакого «спасибо»; оно нужно ему как рыбе зонтик.

Вряд ли наши люди интуитивно чувствуют, что система требует бесстрастия ради справедливости; скорее, отдельность порядка от всего человеческого утвердилась со сталинских времен. Мы правильно реагируем по неправильной причине.

Парадоксальным образом из-за этого мы выглядим сильнее американцев. Потому что меньше идентифицируем себя с системой. Идем себе дальше по своим делам. От сумы и тюрьмы не зарекаемся. Не верим, не боимся, не просим.

Победа живого леса

Snob.ru, 18.04.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/59680?preview=print>

Суд над Алексеем Навальным перенесли, чтобы адвокаты сумели лучше ознакомиться с тридцатитомным делом. Самое время и нам перестать рисовать плакаты «Дело против Навального — это дело против нас» и внимательно прочитать обвинительное заключение, которое сам Навальный выложил в сеть. Благо это не 30 томов, а всего 99 страниц.

Версия следствия, если коротко, такова. Советник Кировского губернатора Никиты Белых Навальный заставил руководство госпредприятия «Кировлес» заключить договор с возглавляемой его сообщником Петром Офицеровым «Вятской лесной компанией» (ВЛК). В соответствии с этим договором лесхозы, входящие в «Кировлес», поставляли посреднику свою продукцию по заниженным ценам, тот ее перепродавал, а прибыль оставлял себе. В результате этой схемы Навальный с подельниками Офицеровым и гендиректором «Кировлеса» Вячеславом Опалевым похитил у госпредприятия 16 165 826 рублей и еще 65 копеек.

О сумме, которая позволила квалифицировать предполагаемое преступление как «хищение в особо крупных размерах», можно сразу забыть: это общая сумма, на которую лесхозы отгрузили всякие лесоматериалы клиентам ВЛК. Компания расплатилась с ними за товар. Документы, подтверждающие это, Навальный тоже выложил. Платежки не сможет игнорировать даже самый необъективный суд.

Но для тех из нас, кто не привык верить никому, даже Навальному, на слово, остается вопрос: а правда ли, что, помогая Никите Белых, борец с коррупцией затеял свой гешефт и использовал близость к власти, чтобы принудить директора государственной конторы направить ее финансовые потоки в левую фирмочку? В конце концов Навальный и Офицеров оба отрицают, что первый привел второго в «Кировлес», а впоследствии опекал его и ВЛК. А материалы, приведенные в обвинительном заключении, даже если читать их совершенно непредвзято, свидетельствуют об обратном. Разные сотрудники «Кировлеса», а не только заключивший сделку со следствием Опалев, показывают, что Навальный помогал давнему знакомому Офицерову строить бизнес со злосчастной госконторой.

Белых позвал Навального в советники по борьбе с коррупцией. В «Кировлесе», судя по всему, было с чем побороться. Директора лесхозов обладали правом самостоятельно продавать свою продукцию кому захотят и фактически по любой цене. Цены надо было согласовывать с «Кировлесом», но вряд ли это было очень уж трудно. Читая показания директоров, так и представляешь себе их процветающие бизнесы по сбору откатов с клиентов — производителей, к примеру, бумаги и мебели, заинтересованных в дешевом сырье.

Легко себе представить и механизм «согласования цен». «Кировлес» терял деньги; с точки зрения любого нормального менеджера централизация сбыта и наведение порядка в ценах были бы правильным, эффективным решением. Но раз это решение никто не принимал, оно, очевидно, было невыгодно — не самой компании, а ее управленцам.

В обвинительном заключении цитируются «прослушки» и переписка Офицеров и Навального. Из них ясно, что московские приятели грезили созданием в Кировской области лесной биржи, на которой местные предприятия должны были продавать свою продукцию. То-то все стало бы прозрачно, безоткатно и рыночно! Биржу, похоже, хотели строить на базе ВЛК — Офицеров писал про это письмо Белых, предварительно обсудив все с Навальным.

Понятно стремление москвичей, почти экспатриантов в этой чужой для них стране под названием Глухая Провинция, держаться вместе и строить общие планы, как обогородить здешнюю рыночную экономику. О том, что у Навального был в этом деле финансовый интерес, не говорят ни прослушки, ни письма. Бизнесмен Офицеров хотел, конечно, заработать на знакомстве с советником губернатора; Навальный намеревался убить двух зайцев: и коррупцию в «Кировлесе» уконтропить, и другу помочь.

Местные, однако, победили. Лесхозы громко жаловались, что им невыгодно работать с ВЛК, потому что ее клиенты не забирают лес на месте, а требуют его транспортировать за свой счет. И еще потому что

ВЛК обещает клиентам более высококачественный товар, чем у лесхозов есть. Офицеров, раньше никогда лесом не торговавший, явно не всегда мог правильно договориться с гораздо более подкованными покупателями. Иногда директора лесхозов просто объясняли Опалеву, что у них нет какого-нибудь пиловочника, который надо поставлять по договорам ВЛК, и спокойно продавали его своим проверенным клиентам. Опалев никого особенно не неволил: ну, не хотите продавать через «губернаторского» посредника — продолжайте действовать по старинке. Видя такое отношение, скоро с ВЛК вовсе перестали работать. Поэтому оборот фирмы за всю ее историю и составил жалкие полмиллиона долларов.

Без каких-либо доказательств материальной заинтересованности Навального это история не про то, что он жулик. Она про то, что он никакой управленец.

Там, где следователям было сказано искать преступный сговор — и они нашли его, как приказано, — непредвзятому читателю проще обнаружить свидетельства менеджерского бессилия. Несмотря на хорошие отношения с губернатором и мандат на борьбу со злоупотреблениями, Навальный ничего не смог сделать с коррупцией в «Кировлесе». Он не добился централизации продаж леса и прозрачного ценообразования. Идея биржи осталась маниловским прожектором. Живой вятский лес сперва ошетинился, почуяв чужаков, а затем проглотил их, прожевал и выплюнул.

Кстати, я допускаю, что нечто подобное случилось и в знаменитой истории с поставкой продовольствия в обмен на металлы и нефтепродукты в полуголодный Петербург 1992 года. Владимир Путин, возглавлявший городской комитет по внешним связям, выдавал частным фирмам лицензии на вывоз сырья в обмен на обещание поставить в город мясо, масло и детское питание. Но обещания эти по большей части выполнены не были. Путина на этом основании обвиняют в коррупции. Но в 1992 году, вскоре после падения советской системы, не все бюрократы «ураганили», пользуясь выражением самого президента. Многие были просто экономически безграмотны и напуганы натиском рыночной экономики. Даже в заключении комиссии Петросовета, которую возглавляла Марина Салье, сказано: «В лучшем случае здесь имеет место безответственность и некомпетентность работников и руководителей комитета по внешним связям мэрии, непростительные в ситуации острого продовольственного кризиса. В худшем случае можно предположить о спекуляции (sic) на бедственном положении населения города».

Как в деле «Кировлеса» нет никаких доказательств материальной заинтересованности Навального, так и в том давнем питерском деле нет свидетельств, что к рукам Путина что-либо прилипло. Но в «лучшем

случае» Салье нет для нынешнего президента ничего хорошего. Бездарный, некомпетентный Путин, профукавший ценное сырье и не получивший ничего взамен для города, — это не менее мрачный для России образ, чем Путин коррумпированный.

Прочитав обвинительное заключение по делу Навального, я по-прежнему считаю его честным человеком и считаю, что его полное оправдание было бы единственным исходом справедливого суда. Дело очевидно шито белыми нитками. Но, чтобы стать президентом России, — а Навальный добивается именно этого, — быть честным недостаточно. Если, придя к власти, Навальный будет так же бороться с коррупцией, как он это делал в «Кировлесе», коррупции впору заказывать икру и шампанское.

Впрочем, Путин с питерских времен явно прибавил в эффективности. Вполне возможно, старые ошибки и его Немезиде, Алексею Навальному, пойдут впрок.

Десять песен, которые пережили Тэтчер

Snob.ru, 10.04.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/59404>

21 октября сын валлийского шахтера, депутат-лейборист Рэй Пауэлл начал традиционную серию вопросов от членов парламента премьер-министру. «Удовлетворена ли премьер-министр тем ущербом, который ее злосчастные министры, действующие против страны, причинили полицейским, работникам связи, металлургам и шахтерам? — бушевал Пауэлл. — Не готова ли досточтимая леди предпринять какие-нибудь действия для исправления этого ущерба?.. Не потратит ли она сегодня немного времени, чтобы послушать новую запись «Каково это — быть матерью 1000 мертвых?»»

Тут спикер призвал Пауэлла к порядку: мол, хватит.

Лейборист имел в виду пластинку, выпущенную панк-группой Crass. С музыкальной точки зрения сингл How Does It Feel to Be the Mother of 1000 Dead?, который к тому времени проданся почти в 30 000 экземпляров, представлял собой обычное панковское месиво из скрипучих гитар и отчаянных воплей. Этакий Pussy Riot. Crass вообще можно считать духовными отцами этого российского культурного явления, существующего на стыке акционизма, музыки, видеоарта. В песне, вполне в традициях русского рока, главным был текст об англо-аргентинской войне: «Железная леди с каменным сердцем, ты так хотела преподать урок... Убить этих мальчиков — было твое решение».

«Многовато вопросов», — отвечала Тэтчер Пауэллу. Она просто отмахнулась от его претензий, а про песню Crass не сказала вообще ничего. Это был единственный за всю политическую карьеру Железной леди случай, когда ей прямо поставили на вид один из самых удивительных феноменов ее долгого правления: яростную, бескомпромиссную ненависть, которую питали к Тэтчер рок-музыканты. Ни один мировой лидер XX–XXI века не удостоился такого числа злых песен, разошедшихся миллионными тиражами. Возможно, что-то подобное выпадало разве что на долю некоторых средневековых королей — в масштабах тех времен.

Когда Тэтчер умерла, многие издания, от *The Guardian* до *The New Yorker*, бросились публиковать списки песен протеста, в которых она прямо или косвенно упоминалась. Большинство групп, чьи произведения попали в эти списки, не известны в России никому, кроме маньяков-коллекционеров. Ниже мой личный хит-парад из 10 антитэтчеровских песен; эти — от более или менее знаменитых исполнителей.

Концентрация ненависти, как вы сможете убедиться, зашкаливает. Британский креативный класс не любил будущую баронессу, когда она занимала дом на Даунинг-стрит, 10: в креативном классе господствовали левацкие настроения, которые в англоязычном мире принято называть либеральными. Тэтчер была либералом только в экономическом смысле. «У социалистов всегда кончаются чужие деньги. Это для них весьма характерно», — сказала она в одном интервью.

И вот ее больше нет. Не знаю, придет ли Элвис Костелло утоптать землю на ее могиле, как обещал. Бывший член парламента Пауэлл не придет: он умер в 2001 году. Однако уже понятно, что в случае с Тэтчер не будет работать известный принцип *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых — хорошо или ничего). Даже когда прекратятся стихийные вечеринки с шампанским и битьем витрин, которые сейчас разгоняет полиция на улицах британских городов, останутся песни Pink Floyd, Моррисси, UB40, Madness. Тут скорее применим другой латинский афоризм: *Vita brevis, ars longa* (жизнь коротка, искусство вечно). Какой бы вклад ни внесла Тэтчер в возрождение британской экономической мощи — а он, нельзя не признать, был внушительным, — след, который она оставила в душах, во многом определило искусство ненавидевших ее людей.

Тех же, кстати, которые помогли рухнуть и советскому коммунизму: именно эти группы мы слушали, надеясь, что когда-нибудь такое будут открыто петь и играть у нас.

Бунтующий креативный класс можно презирать, как презирала Тэтчер и как сейчас презирает Путин. Но на свой страх и риск. Тэтчер умерла — остались песни. Путин умрет — останутся книги Сорокина про опричнину и сахарный Кремль. Да много чего останется.

1. Pink Floyd, The Fletcher Memorial Home

Роджер Уотерс вообразил дом престарелых для «неизлечимых тиранов», где они целыми днями могут смотреть на себя по внутреннему телевидению, чтоб убедиться в своей реальности. Уотерс поселил туда вместе с Тэтчер Брежнева и всю КПСС, Рейгана, Маккарти, Никсона.

2. UB40, Madam Medusa

Группа, название которой — номер формы для получения пособия по безработице, сравнила Тэтчер с Медузой Горгоной: «В жертвенном дыму подымается ее фигура, в ее сиянии купаются люди золота и крови... Вокруг ее бесчувственного лица танцуют позолоченные змеи... Она сошла с ума, надо ее пристрелить».

3. Madness, Blue Skinned Beast

Хит с альбома The Rise & Fall, который многие поклонники считают лучшим у великой ска-группы. Тэтчер не упоминается в нем по имени, но всем современникам было понятно, что «Синекожий зверь», развязавший войну, — именно она: синий — цвет Консервативной партии, которую Тэтчер возглавляла.

4. Elvis Costello, Tramp the Dirt Down

«Когда Британия была мировой шлюхой, Маргарет была ее бандершей», — пел Элвис Костелло. Эта песня — горькая и сильная личная отповедь: один из отцов «новой волны» желал Тэтчер прожить долгую жизнь, но предрекал, что когда она умрет, народ придет и утопчет землю на ее могиле.

5. Billy Bragg, Thatcherites

«Вы приватизируете то, что принадлежит нам, и нас же заставляете платить. Но настанет день, учтите, и мы все заберем назад», — пел самый бескомпромиссный левак британского рока Билли Брэгг.

6. The English Beat, Stand Down Margaret

Пожалуй, самая вежливая песня протеста против бездушного правления Тэтчер: основатели британского ска к требованию «Маргарет, уйди» добавляли неизменное английское «пожалуйста».

7. Morrissey, Margaret on the Guillotine

Обожаемый всеми модными людьми уже 30 лет основатель The Smiths не скрывал своих чувств: «У хороших людей есть чудесная мечта: Маргарет на гильотине... Когда ты умрешь?»

8. The Exploited: Maggie

Рокеры, как видим, высказывались о Тэтчер с грубой прямоотой, но роли панка по этой части впереди всех. Припев этой песни я цитировать не буду — это слишком даже для меня.

9. Sinéad O'Connor, Black Boys on Mopeds

«Маргарет Тэтчер по телевизору шокирована смертями в Пекине, — пела Шинейд О'Коннор в год Тяньаньмэньского побоища. — Странно, что ее они так огорчают: она отдает такие же приказы... Англия — страна полицейских, которые убивают чернокожих мальчиков на мопедах».

10. Crass: How Does It Feel to Be the Mother of 1000 Dead?

Вряд ли вы получите удовольствие от прослушивания этой песни, но в парламентских дебатах упоминалась из всех представленных в нашем списке лишь она. Позже один из парламентариев спросил генпрокурора, не собирается ли он преследовать за нее Crass, и тот отвечал, что не усматривает в ней нарушения закона. Никакой «двушечки» членам Crass не полагалось даже в худшие годы тэтчеризма.

Ноль промилле доверия

Snob.ru, 04.04.2013

<http://www.snob.ru/selected/entry/59181>

Когда 2 апреля заработал сайт www.roi.ru, на котором можно собирать официальные подписи под петициями (собрали 100 000 в течение года — и Госдума обязана рассмотреть), первым на нем появилось предложение вернуть минимально допустимый уровень алкоголя в крови для водителей. Сейчас оно и лидирует со 1104 подписями.

Допустимые промилле, впрочем, наверняка введут до того, как наберется 100 000. За это выступило уже и правовое управление Кремля — верный признак, что трехлетней давности инициатива опереточного президента Медведева обречена. Логика тут понятна: естественный уровень алкоголя в крови некоторых людей выше нуля. А тут еще лекарства, кефир, квас и прочие безопасные продукты, в которых есть алкоголь. К тому же эффект от «нуля промилле» невозможно измерить. Если верить гаишной статистике, как раз после 2010 года число аварий с участием «нетрезвых» водителей перестало падать, даже наоборот, начало расти. В 2010-м их было 11 845 (1954 человека погибли), годом позже — 12 252 (2103), в 2012-м — 12 843 (2103). Но дело тут не в том, что водители пьют из чувства протеста, а в самом определении «нетрезвости»: когда ввели пресловутый ноль, «пьяных» сразу стало больше. Помогло ли преследование кефироманов снизить смертность на доро-

гах — черт его знает, статистика тут бессильна.

Когда отменят медведевский ноль, можно будет радоваться, но не отмечать. Разрешить предлагается 0,02%, две десятых промилле — ничего, кроме кефира, с такой нормой не выпьешь.

Медведев навязал свой ноль, потому что он не доверяет своему народу. «Наша страна не созрела до того, чтобы разрешать потребление алкогольных напитков за рулем», — говорил он. С введением новой, как бы более мягкой нормы недоверие никуда не денется: власть еще раз скажет народу, что тот не способен остановиться, если уж начнет пить. Потому что это же русский народ, сплошная, достойная лишь презрения алкашня.

Но вот какое дело. По данным Всемирной организации здравоохранения, взрослый русский выпивает за год 11,03 л условного чистого спирта (данные эти — из середины 2000-х, таких подробных с тех пор не собирали, и ВОЗ пользуется этими). А взрослый житель Соединенного Королевства — 11,67 л. Тут мы ведем речь о легальном алкоголе — нелегальный ВОЗ тоже пыталась учитывать, но это совсем неточные прикидки.

«Да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!» — говорил об англичанах штабс-капитан Максим Максимыч.

По английским дорогам ездит 31,2 миллиона машин, в 1,6 раза меньше, чем по нашим. А вот смертей в авариях с участием пьяных водителей в 2011 году зафиксировали 280. В 7,5 раза меньше, чем в России.

Эту разницу невозможно списать на нашу статистическую aberrацию, возникшую из-за дурацкого медведевского нуля. Соотношение нашей и британской смертности и до нее было примерно таким же.

В Соединенном Королевстве один из самых высоких в мире разрешенных уровней алкоголя в крови водителя — 0,8 промилле. Это кружка крепкого пива или бокал вина. Отъявленные пьяницы англичане садятся за руль после приема, на котором выпили немного шампанского, и после заслуженной пинты «Гиннеса» со смородиновым сиропом в конце рабочего дня. И ничего страшного не происходит. Правительство в Британии сопротивляется попыткам снизить порог и делает акцент на применении существующих законов: людей здесь считают людьми, а не животными.

Конечно, сейчас почти повсюду в мире закручивают гайки, понижают допустимые уровни алкоголя, увеличивают наказания за пьяную езду. В Европе стандарт — 0,5 промилле, то есть немец или чех еще может позволить себе кружку светлого, но скоро бюрократы наверняка до него доберутся. Осталось всего несколько стран, где лимита нет вообще, и это не те страны, которым хочется подражать: Эфиопия, Вануату, оба Конго.

Но вот самая большая «безлимитная» страна — Индонезия, где большинство населения мусульмане и лимит как-то неудобно вводить: вроде бы алкоголь вообще запрещен господствующей религией. Тем не ме-

нее выпить там любят, и, чтобы объяснить народу опасности, приходится показывать специальную рекламу.

И что, в Индонезии, с ее хаотичным движением и множеством снующих по улицам трехколесных туктуков, больше смертей от аварий, чем у нас? Меньше: 16,2 на 100 000 населения против наших 19,5.

Бессмысленно спорить с тем, что садиться за руль пьяным — безответственно и преступно. Но и в этой очевидной, казалось бы, ситуации работает общее правило: законодательный запрет — штука не менее бессмысленная. Им можно гордиться, демонстрировать его международным организациям, как это, кроме нас, делают еще венгры, грузины, нигерийцы, румыны, японцы. Но жизнь всегда так все перевернет, что результат запрета окажется неожиданным. Наш человек, если уж начал пить вопреки «нулевому» закону, точно не остановится: а какой смысл? И разобьется, и переедет пешеходов. А вот англичанин, которому немного выпить можно, будет следить за собой, чтобы остаться ниже разрешенного порога, — и смертей будет в разы меньше.

А у индонезийца вместо законодательного максимума алкоголя — чувство вины перед пророком Мохаммедом, и работает оно лучше нашего нуля промилле. Иначе говоря, более низкая смертность на дорогах Индонезии достигнута мирными средствами, чистой религиозной пропагандой.

Недоверие к людям — отвратительная база для управления страной. У нас этого совсем не понимают; даже распад СССР не научил нынешних чиновников лучше думать о людях хотя бы в интересах самосохранения. Значит, рано или поздно им преподаны будут новые уроки.

Есть ли у «Ведомостей» и «Коммерсанта» лояльная аудитория

Slon.ru, 22.11.2013

http://slon.ru/economics/est_li_u_vedomostey_i_kommersanta_loyalnaya_auditoriya-1024035.xhtml

Бумажные СМИ гораздо менее мертвы, чем может показаться. Теперь российскому рынку предъявлены, пожалуй, лучшие доказательства этого тезиса, какие только бывают: данные любимой рекламоделателями компании TNS.

Главный измеритель аудиторий российских медиа обрадовал издателей, сообщив им, что, оказывается, бумажные и интернет-версии одних и тех же СМИ читают совершенно разные люди. По данным TNS, пересечение аудиторий бумажных и сетевых «Ведомостей» — 1%, «Коммерсанта» — 2%, Forbes — 13%, журнала «Домашний очаг» — 0,2%, Cosmopolitan — 6%, Glamour — 2% и так далее.

Продавцы рекламы из издательских домов могут теперь обходить клиентов и доказывать, что зря они сокращают объемы размещений в печатных изданиях (с января по сентябрь 2013 года — на 7% к тому же периоду 2012-го, по данным АКАР): вовсе не ушла аудитория печатных изданий в интернет! Рекламу надо давать и в бумагу, и онлайн-версию, только тогда ее увидит вся целевая аудитория!

Допустим, ежемесячная аудитория условного журнала «Мазохист» по National Readership Survey, исследованию, принятому индустрией как эталонное для «печатки», — 300 тысяч человек. А сайта masochist.ru (кстати, почему никто еще не выкупил этот домен?) по другому эталонному исследованию измерителя, Web Index, — 100 тысяч. При пересечении в 5% от большей из этих двух аудиторий получается, что всего мультиплатформенного «Мазохиста» читают 385 тысяч любителей боли.

Я не читаю вообще никаких бумажных изданий. Больше того, я не знаю людей моложе сорока, которые за последний год держали в руках «Ведомости» или «Коммерсантъ». Первое, что приходит в голову мне (и, скажем, Алексею Аметову, гендиректору Lookatmedia, издателя Hopes & Fears), — это что на самом деле речь идет вовсе не о пересечении аудиторий, а о том, что печатные «Ведомости» читает 1%, а печатный Forbes — 13% регулярных посетителей соответствующих сайтов. То есть аудитории бумажных СМИ сжались до жалких размеров. А TNS все напутала.

Я расспросил автора презентации, Марину Лучину из TNS. Наше с Аметовым интуитивное заключение она гневно отвергла.

Чтобы вычислить пересечения аудиторий, TNS работала с выборкой в 1456 москвичей в возрасте от 20 до 54 лет, активных пользователей интернета. Компания отслеживала их действия в сети с помощью установленной на компьютеры программы, а «печатные» предпочтения выявляла посредством опроса, аналогичного NRS. То есть спрашивала, например: «Читали ли вы [такой-то ежемесячный журнал] за последние 30 дней, не считая сегодняшнего?» Так выявились доли аудитории печатных изданий и сайтов. Полученные результаты потом привели к данным NRS и Web Index. По словам Лучиной, серьезных расхождений между долями аудиторий СМИ, полученными в результате специального исследования NRS и Web Index, не было.

В презентации не приводятся абсолютные цифры, но Лучина дала мне несколько примеров. Скажем, среди 20–54-летних москвичей, активно пользующихся интернетом, бумажные «Ведомости» читают 85 тысяч человек, а сетевые — 35 тысяч. Бумажный Cosmo — 797 тысяч, онлайн-версию — 405 тысяч. Печатную «Афишу» — 291 тысяча, интернетную — 267 тысяч. И эти пулы читателей пересекаются только самыми краешками.

Методика, которую использовала TNS, кажется вполне разумной. Похожим образом действует Айрис (Сянь) Чи из Техасского университета в Остине, которая уже больше десятилетия исследует пересечения между аудиториями принт- и веб-версий газет в разных городах и странах и обнаруживает, что среди пользователей онлайн-версии от 40% до 80% читают и бумажную. В ее двухлетней давности исследования тайваньского газетного рынка приводятся и некоторые из прежних результатов. В печатном виде ежедневку Apple Daily читают 78%, а другую местную газету, The China Times, — 41,5% пользователей их веб-версий.

А из результатов TNS следует, что у тех же «Ведомостей», например, только 850 москвичей из целевой группы, читающих онлайн-версию, просматривают бумажную газету. Всего 2,4% — так мало у Чи никогда не получалось.

Тут есть два возможных объяснения: 1) у большинства российских СМИ — и уж точно у «Ведомостей» и «Коммерсанта» — нет по-настоящему лояльной аудитории, которая читает издание на всех платформах, там, где удобнее в данный момент; 2) у TNS проблемы с выборкой, маловата она, например, чтобы говорить что-то об аудиториях нишевых изданий вроде деловых СМИ.

В обоих случаях некие общие выводы из результатов TNS делать все равно можно. Такие же, какие делает Чи из своего материала. Она утверждает, например, что для «гибридной» аудитории две версии не замещают, а дополняют одна другую, предлагая доступ в разных бытовых ситуациях. А еще исследования Чи показывают, что привлекательность бумажной версии для читателей — в том числе молодых — в целом до сих пор выше, чем сетевой. Это вполне соответствует данным TNS, по которым читателей «бумаги» среди активных интернет-пользователей больше, чем юзеров веб-версий.

Это значит, что популярные интернет-издания вполне могли бы развивать успешные бумажные версии, а традиционным издателям ни в коем случае нельзя уходить из бумаги или сокращать инвестиции в нее. Зато есть возможность сэкономить: собирать бумажные издания, даже журналы, исключительно из материалов, которые уже выходили онлайн. Читатели не будут плевать — мол, это мы уже видели, — во первых, из-за далеко не стопроцентного пересечения аудиторий в разных средах, а во вторых, потому, что читатели на самом деле не сидят на сайте каждый день, целый день. Вероятность, что даже «гибридные» читатели пропустят тот или иной материал, высока.

А вот если верно и то, что, по сравнению с техасскими или тайваньскими СМИ, наши не сумели собрать достаточно лояльных читателей и вместо единой аудитории у них просто по два случайных пула читающих от случая к случаю в сети или на бумаге, где придется, — тогда

у нас и в самом деле есть серьезная проблема, лежащая вовсе не в технической плоскости.

Из того, что аудитории печатных СМИ падают, а веб-версий — растут, можно сделать слишком далеко идущие выводы. Не факт, что рост онлайн-площадок обусловлен не только все большим проникновением интернета. Может оказаться, что новости в виде текстов и картинок вообще, а не только в бумажной форме, проигрывают прочим видам информации, поступающим сейчас в глаза и уши по множеству каналов. Если это так, редакторам и издателям нужно думать не над балансом между платформами, а над тем, как сделать такой контент более привлекательным.

Возможно все: чему нас научил украинский кризис

Forbes.ru, 21.03.2014

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/252555-vozmozhno-vse-chemu-nas-nauchil-ukrainskii-krizis>

Рынки «признали» Крым частью России и не ждут серьезных санкций Запада. Но, похоже, трейдеры слишком верят в силу разума

Мы сейчас находимся гораздо ближе к всеобщему украинско-российскому счастью, чем может показаться. Только надо уточнить, что речь идет о счастье в исключительно рыночном понимании слова.

Всю эту неделю неплохо растут российские акции. «Отскочил» вверх даже рубль, хотя для этого, в общем, нет никаких экономических оснований. Одновременно с этим начали падать доходности по украинским гособлигациям. Долларовая бумага с погашением в сентябре 2015 года еще 18-19 марта подбиралась к 19%, а в четверг, 20-го снизилась до 17%.

Неожиданно возникший осторожный оптимизм по поводу экономических перспектив как России, так и Украины — это отражение определенной картины мира. В ней против России не вводятся никакие значимые санкции: «точечные удары», даже такие, как нанесенный США в четверг по друзьям Путина — Геннадию Тимченко, Аркадию и Борису Ротенбергам, Владимиру Якунину, Юрию Ковальчуку, а также «особенному» банку «Россия», все-таки неспособны причинить России серьезную экономическую боль, разве что разозлить лично президента.

Запад, чувствуя себя немного виноватым за то, что не защитил Украину и поддержал в основном на словах, начинает ускоренно выделять ей финансовую помощь, не дает объявить дефолт по долгам, поддерживает необходимые экономические реформы.

Все фактически признают аннексию Крыма Россией.

И идут каждый своим путем: Россия — к материализации советской ностальгии, Украина — в Европу, Запад — по своим, обычно не очень-то связанным с постсоветским пространством делам, немного потупившись, но не сильно страдая.

Это циничная, трейдерская версия («Снег падает...» — «Скорее покупай!») прогноза завтрашних и даже послезавтрашних новостей. Сделанная, как водится, на основе новостей вчерашних, в крайнем случае сегодняшних. О том, например, что Великобритания предлагает ЕС ввести против России оружейное эмбарго — но Франция, не оставляющая намерений продать Москве вертолетоносцы «Мистраль», тут же издевательски предлагает заблокировать счета российских олигархов в банках Лондона. А встрявшей с какими-то примирительными словами в этот разговор Германии все тут же советуют уменьшить импорт российского газа, покрывающий 50% потребностей страны в этом топливе. Перебранка заглушает писк Латвии, которая требует от ЕС компенсации в случае введения серьезных санкций против России, потому что они в любом случае ударят по этой маленькой и зависимой от российского транзита стране.

А предположение о скором искуплении вины перед Украиной — в виде материальной компенсации за территориальный и моральный ущерб — просто напрашивается. Психологически.

И вроде бы по всему выходит, что так и должно быть. Но кто мог предсказать пять недель назад, как все повернется? Что Янукович поспешно сбежит из Киева, что Путин отреагирует так нервно и введет войска в Крым, что Крым оттяпают, что — не без участия провокаторов, присланных из России, — начнутся волнения в юго-восточных регионах Украины и новые революционные власти будут слабо контролировать даже оставшуюся часть своей страны?

Такой сценарий виделся, совсем еще недавно, только в кошмарах и только людям с самым развитым воображением.

Почему бы тогда не предположить, что все снова пойдет по наилучшему из возможных сценариев? Что взбешенный адресными санкциями против его друзей Путин не пойдет в разнос, конфискуя собственность иностранных банков и компаний в России, отправляя войска без опознавательных знаков в Донецк, Луганск, Херсон, Одессу, Николаев? Что напуганные нарастающей агрессией американцы и европейцы не плюнут на свои экономические интересы, не введут совсем уж устрашающих санкций — как против Ирана, — а ООН не отправит в Украину миротворческие силы (такая возможность есть у Генеральной ассамблеи, в обход Совета безопасности, в котором у России есть вето)?

Если через какой-то месяц мы обнаружим «голубые каски» где-нибудь в Сумской области, а у себя в кошельках не обнаружим работающих карточек международных платежных систем, если Россия окончательно

станет изгоем, а мы — невъездными даже в страны, с которыми у нашей страны сейчас нет визового режима, — вы удивитесь? Я — не удивлюсь. Одержимое несоветской мечтой, окрыленное ее неожиданной реализацией российское руководство, а с ним и российское большинство, показало способность действовать без оглядки на всякие мелочи типа выстраивавшихся годами отношений с соседями и партнерами.

Во имя высшей цели такая ерунда может быть похерена мгновенно, без лишней рефлексии.

У рынка короткая память и нет вообще никакой способности предсказывать события: все, что имеется в его распоряжении, это неактуальные данные о прошлом.

Даже веря в идеальный для российского обывателя циничный сценарий, который диктует поведение бирж, готовиться надо к худшему. К торжеству безумия. Как сказано у Руми,

*Путь разума увлек меня в беду,
Теперь путем безумия пойду.*

Лента и маятник: почему не стоит терять надежду

Forbes.ru, 12.03.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=251938>

План по избавлению от неподцензурных медиа выполнить легко. Но стоит подумать о последствиях

Независимых СМИ, как нам часто напоминали в последние годы, не существует. Но есть неподцензурные. Сейчас они — как помятые жестянки в примитивном тире под прицелом у опытного стрелка. Минус «Коммерсантъ». Минус «Газета.ру». Минус «Дождь». Минус «Лента».

«Это не навсегда», — повторяем мы, когда падает очередная банка. «Мы верим, что это не навсегда», — написали после увольнения Галины Тимченко, проработавшей на «Ленте» 15 лет, сотрудники интернет-издания.

*Как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и много хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.*

Есть еще — сколько? Два, три неподцензурных СМИ с серьезной аудиторией, из которых можно почерпнуть внятную картину происходя-

щего, — «Ведомости», Forbes, возможно, Slon.ru. Я не включаю в этот список ресурсы РБК, пусть и обновляемого под руководством экс-главреда Forbes и «Ведомостей» Елизаветы Осетинской, но все же принадлежащего Михаилу Прохорову, человеку, который встроен в систему и может в любой момент повести себя как ему предложат.

За «Слоном», видимо, придут уже скоро: он входит в один холдинг с расстреливаемым в упор «Дождем». Кто придет — бессмысленный вопрос: московские СМИ давно живут, как нынешний Крым, окруженные безымянными людьми в форме от Юдашкина, но без знаков различия.

За «Ведомостями» и «Форбсом» прийти будет сложнее: они принадлежат иностранным компаниям. Экспроприировать собственность Pearson, Dow Jones, Axel Springer в России все еще непросто. Но после практически неизбежного ныне введения западных санкций против российских чиновников, а возможно, и близких к ним бизнесменов, давить на российские подразделения этих компаний можно будет грубее. Просто способ или еще не найден, или пока не применен — от Европы и Штатов ждут первых шагов, чтобы на них ответить.

Во избежание недомолвок, иллюзий и прочих уверток от неприятной правды пора сказать, что поставлена задача и существует план избавить страну от неподцензурных медиа.

От всех. То есть медиа останутся, и многие даже под теми же названиями, но они будут подвержены и самоцензуре — журналисты и редакторы в них будут твердо знать, что можно и чего нельзя, — и цензуре внешней. Последняя будет проявляться в форме предупреждений, вроде того, которое получила «Лента» за интервью Ильи Азара с одним из лидеров украинского «Правого сектора», и увольнений главредов, которые предупреждений не понимают.

Для тех, кто привык к неподцензурной информации, останется тогда несколько возможностей. Во-первых, русскоязычные сайты иностранных новостных организаций вроде BBC или Reuters. Во-вторых, ресурсы иноязычные. Да, наступает время, когда иностранные сайты — от BuzzFeed до Bloomberg, от Financial Times до Le Figaro — становятся более надежными источниками новостей о России, чем местные СМИ.

Дорогие читатели, учите иностранные языки. Возможно, и привычных авторов вы скоро будете читать на английском, французском, немецком.

Чтение «офшорных» ресурсов придется дополнять вылазками на подцензурную территорию: иначе невозможно будет понять, в какую сторону поворачивает пропагандистская машина. Конкретные действия властей это предсказывать не позволит, но колебания того информационного поля, которое в последние годы кропотливо создавалось вместо настоящего, все же важны: это последние остатки коммуникации нынешней власти с людьми, под ней живущими.

Почему я до сих пор ничего не сказал о соцсетях? Потому что они го-

дятся только как еще один дополнительный источник информации. Что в них правда, а что нет, разобраться практически невозможно. Пока медиа было много, мы привыкли ругать их, пророчить их конец, их проигрыш «гражданской журналистике». Сейчас мы увидим, что заменить профессиональные редакторские фильтры «коллективный редактор» неспособен, потому что власть научилась подкручивать его, вбрасывая в нужные моменты ссылочки на непонятные сайты, комментарии, «разоблачения» правдивых историй и лживые «сенсации». Картина крымского конфликта в соцсетях — лучшее тому подтверждение.

Но маятник, конечно, качнется в другую сторону.

Зачистка, похожая на нынешнюю московскую, была предпринята в 2012-2013 годах в Киеве. Были сперва запущены квази-СМИ, призванные создавать выгодную властям новостную картину («Капитал», «Вести» и пр.), затем куплены дружественным президентской «семье» Сергеем Курченко сильнейшие из существующих редакций. После ухода главреда Юлии Макгаффи Korrespondent.net продолжал обновляться, но это был уже другой сайт. После ухода главреда Виталия Сыча еженедельник «Корреспондент», самый читаемый в стране, продолжал выходить, но уже не был собой. Многие помнят историю с украинским Forbes, в создании которого принимали участие два ветерана российского «Форбса» — Владимир Федорин и я: там тоже ушла большая часть команды, но тени журнала и сайта сохранились.

Уже совсем скоро большая часть уволенных и уволившихся журналистов оказалась на Майдане. Писать им в Киеве было практически некуда — но ничего, перезимовали. На днях американский Forbes все-таки отозвал лицензию у компании Курченко: убедили американцев не правдивые рассказы журналистов о цензуре, а персональные санкции против этого «бизнесмена», объявленные Евросоюзом. А «Капитал» перестал выходить на бумаге.

Сейчас в Киеве разруха и практически нет рекламного рынка. Откуда же он возьмется, когда над страной нависает угроза расчленения и войны. Но начали уже появляться новые проекты: некоторые бывшие журналисты Forbes, например, делают портал Hubs, а другие работают в The Insider, хорошо зарекомендовавшем себя во время революции. Будут появляться и другие неподцензурные СМИ — для этого надо лишь, чтобы началось экономическое восстановление.

Я не хочу, чтобы медиаиндустрия в России возрождалась именно таким путем: во время украинской революции пролилась кровь. Но власть Виктора Януковича еще год назад казалась непоколебимой, а ситуация честных журналистов — безнадежной. И вот маятник отправился в обратный путь — не без участия тех, кто нашел в себе мужество отвергнуть цензурную систему.

Да, коллеги с «Ленты», я тоже верю, что это не навсегда.

Крым: цена империализма

Forbes.ru, 07.03.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=251764>

Основные издержки для России будут связаны не с санкциями США и ЕС, а с затратами на поддержку нового дотационного региона

Желание депутатов или даже жителей какого-нибудь региона присоединиться к России еще не значит, что так и будет. Приднестровье еще в 2006 году провело референдум, на котором 97,1% населения проголосовало за «независимость и последующее присоединение к РФ», а в конце прошлого года приднестровский Верховный совет проголосовал в первом чтении за законопроект о переходе на российское законодательство, но Приднестровская Молдавская Республика, с 1991 года существующая как непризнанная независимая страна, пока в Россию не вошла. Не сделали этого и Южная Осетия с Абхазией, хотя «уговорить» их Москва легко могла бы: эти «страны» существуют за ее счет.

Но предположим, что Крым не станет частью пояса непризнанных стран, который Россия использует, чтобы дестабилизировать соседей и иметь на них рычаги давления, а войдет все-таки в состав Российской Федерации. Хотя бы для того, чтобы Владимир Путин остался в истории как человек, вернувший стране территорию, которую присоединяла к империи еще Екатерина II.

И тогда встает вопрос о том, сколько это может нам стоить.

Предположения о санкциях, аресте активов и прочих жестокостях предлагаю пока отместить. Сейчас создается впечатление, что если не США, то Евросоюз не готов применять драконовские меры к захватчику Путину. Великобритания не хочет закрывать лондонский Сити для русских денег. Германия — усугублять свои энергетические трудности проблемами с теми 50% природного газа, которые страна сейчас закупает в России. Италия, Испания, Греция — лишатся потока российских туристов. В 2012 году российские гости потратили в Испании, например, €1,8 млрд, причем в среднем в день больше наших на гостиницы и рестораны не тратил никто.

Для России ЕС — торговый партнер номер один, на европейские страны приходится 49% российской внешней торговли. По данным российской таможи, у РФ с ЕС в прошлом году сложилось положительное сальдо торгового баланса почти в \$149 млрд: экспортируем туда примерно на треть больше, чем импортируем оттуда. Конечно, в первую очередь за счет энергоносителей, составляющих 71% нашего экспорта.

По данным Евростата, на Россию приходится 7,1% европейского экспорта и 11,8% импорта. Это не те объемы, которыми прагматичные европейцы станут рисковать ради слабой и, с экономической точки зрения, нужной им как гиря на шее Украины.

А если не будет серьезных санкций со стороны европейцев, вряд ли и Соединенные Штаты станут делать что-то особенно жесткое.

Обойдется символическими санкциями, как против Китая после площади Тяньаньмэнь. Ну, может, не станут выдавать виз каким-то российским чиновникам. Не будут поставлять какие-то компоненты для вооружений. Или даже захотят арестовать активы. Но даже у семьи и сподвижников Виктора Януковича их «арестовывают», то есть пока лишь заявляют о таком намерении — неторопливо, будто нарочно стараясь, чтобы те успели вывести все что можно, в офшорные юрисдикции и хорошенько запутать собственность на все остальное.

Украинцы напрасно ждут значимой помощи от Запада в давлении на Россию. Путин пошел на определенный риск, но у него на руках хорошие карты.

Крым, однако, — это все равно далеко не бесплатно.

В первой половине 2013 года, по данным киевской «Инвестгазеты», Крым (без Севастополя) был пятым из 26-ти украинских регионов по объему нетто-помощи из центрального бюджета (на первом месте, вопреки распространенному мифу о «захребетниках-западенцах», — Киев, на втором и третьем — Донецкая и Луганская области). За эти шесть месяцев Крым получил из бюджета Украины на 3,78 млрд гривен больше, чем заплатил. Если считать по 4 рубля за гривну, — курс на конец июня прошлого года, — 15 млрд рублей. Будем считать, 30 млрд рублей в год.

По данным Минфина о распределении дотаций российским регионам на 2014 год, в нашей стране в этом году есть только три региона с более высоким уровнем финансирования из федерального бюджета: Якутия, Дагестан и Камчатка. В расчете на одного крымчанина Украина сейчас выделяет региону субсидию в 15 200 рублей, а Россия в 2014-м выделит Чечне 14 750 рублей на человека.

Этого, впрочем, будет мало, даже если нынешние крупные налогоплательщики Крыма, предприятия украинских олигархов, в первую очередь Дмитрия Фирташа, продолжат исправно платить и России.

По данным украинского издания Insider, сейчас 65% газа в Крым поставляют на 100% государственный «Черноморнефтегаз», который добывает этот газ в Черном и Азовском морях. Можно, конечно, изменить эту пропорцию, поставляя газ напрямую из России, но для этого придется строить трубопровод.

Примерно 80% воды в Крым приходит по Северо-Крымскому каналу с территории Украины. Понятно, что канал никто не перекроет, но брать за воду больше денег Украина вполне в состоянии.

Четыре пятых электроэнергии в Крым поставляют Запорожская и Каховская ГЭС, находящиеся вне территории Крыма. Тарифы и здесь вполне могут быть подняты.

России придется либо договариваться о жизнеобеспечении Крыма с Украиной, либо строить новую инфраструктуру. Первое будет сложно: не вводить же войска в Киев, если он будет жестко торговаться, придется в чем-то уступать. Второе — дорого.

Есть еще, конечно, основная статья доходов крымчан — туризм. По данным Укрстата, в прошлом году положительное сальдо экспорта услуг автономной республики — по этой графе проходит экономический эффект от туризма — составило \$446 млн. Из них \$195 млн пришлось на страны СНГ и еще \$22 млн на Азию. Из остальных стран российскому Крыму вряд ли стоит ждать туристов, по крайней мере в первую пару сезонов после аншлюса. Для России это означает, что компенсировать выпадающие доходы придется за счет роста российского туризма, что вряд ли получится, ведь и в украинский Крым свободно ездили все, кто хотел, или опять-таки из бюджета.

Империализм — это вообще дорого. Империализм в годы экономического застоя — разорительно: вот именно сейчас еще один глубоко дотационный регион России не нужен совершенно. Но, как говорили в СССР, на идеологии мы не экономим. Зато ВЦИОМ сообщает, что рейтинг Путина — на рекордном уровне уже вторую неделю подряд. Почти 68%.

А это, как вы понимаете, бесценно.

Как взять с богатых больше денег и не повредить экономике

Forbes.ru, 28.02.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=251462>

Современная экономическая наука уже не считает абсолютным злом борьбу с неравенством. Как может применить это знание на практике сегодняшняя Украина?

В связи с украинской революцией возникает, а то и ставится ребром вопрос: почему бы местным олигархам не поучаствовать деньгами в возрождении страны, у которой совсем нет денег и которой предстоит дефолт? Вот бюджетный дефицит 8% ВВП, а вот 10 миллиардеров, чье суммарное состояние — 18% ВВП.

Есть еще не входящий в список сын свергнутого президента Виктора Януковича Александр, чье состояние известный экономист Андерс Ослунд, специалист по постсоветской экономике, оценивает в \$12 млрд, то есть почти 7% прошлогоднего ВВП Украины!

Не только Янукович-младший, но и самый богатый человек Украины Ринат Ахметов, в сущности, заработали деньги на близости к власти. За время правления Януковича, с 2010-го до прошлых выходных, число работников его компаний выросло с 160 000 до 300 000 человек.

В январе 2014 года фирмы Ахметова выиграли 31% всех государственных тендеров (правда, фирмы Александра Януковича — аж 50%).

Остальные украинские миллиардеры — удачливые приватизаторы госсобственности и государственных финансовых потоков, мастера покупки газа по субсидируемым ценам и перепродажи по рыночным, а также других специфически украинских схем.

Но ведь, скажете вы, — и тут же соглашусь я — экспроприация — это ужасно!

После того как у кого-то, пусть даже у не самых белых и пушистых, начнут отбирать деньги, кто же станет инвестировать и делать какие-то проекты?

Речь, однако, вовсе не об экспроприации, а о чуть более высокой степени перераспределения богатства, чем та, что была принята до сих пор. Современная экономическая наука больше не считает абсолютным злом борьбу с экономическим неравенством. «Атлант» Айн Рэнд устарел.

Три экономиста из Международного валютного фонда — Джонатан Остри, Эндрю Берг и Хараламбос Цангаридес — только что опубликовали работу под названием «Перераспределение, неравенство и рост». На недавно появившемся материале, позволившем вычислять уровень экономического неравенства в разных странах до и после налоговых отчислений, ученые показали, во-первых, что чем выше неравенство — тем медленнее рост и непродолжительнее его периоды, а во-вторых, что более активное перераспределение богатства не приводит к замедлению роста.

«В среднем по выборке стран, на длительном временном горизонте то, что делали правительства в плане перераспределения не приводило к плохим результатам в плане роста, если только эти меры не были крайними, — пишут сотрудники МВФ. — Результирующее снижение неравенства помогало поддерживать более быстрый и более долговечный рост, не говоря уже об этических, политических и социальных последствиях».

То, что такие мысли могли зародиться в недрах МВФ — этой жестокой организации, вечно требующей от правительств снижения социальных обязательств, — само по себе удивительно. Но современная экономическая мысль уходит все дальше от идей Рэнд, и не в связи с политической модой на равенство, а скорее из-за появления новых, более удобно структурированных данных, из которых можно делать далеко идущие выводы.

Заключения Остри, Берга и Цангаридеса позволяют представить себе неравенство как скрытый резерв роста, который пока не используется в некоторых странах просто из-за отсутствия политической воли. Например, в Бразилии, у которой измеряющий неравенство коэффици-

ент Джини — 51,9 (у эгалитарной Дании, например, 25), а прогноз экономического роста на 2014 год — чуть меньше двух процентов, хотя год назад предсказывали вдвое больше. Или в России (коэффициент Джини — 41,7, прогноз роста — 1-1,2%).

Или вот в Украине, которая вполне могла бы, залатав свои бюджетные дыры, продемонстрировать быстрый рост.

Недавно бывший зам. главного редактора украинского Forbes Борис Давиденко предложил олигархам скинуться в специальный фонд, из которого платились бы зарплаты новым чиновникам, которых тогда можно было бы набрать из частного сектора, а кого и вернуть из эмиграции. Сейчас украинский министр зарабатывает 20 000 — 40 000 гривен, \$2000-4000, смешные деньги для квалифицированного руководителя в частном секторе. Давиденко предлагает платить пяти тысячам новых госменеджеров в среднем по \$7000, то есть в сумме \$420 млн в год. «Большие деньги для бюджета, но вполне посильные для крупного бизнеса», — пишет он.

Идея собрать с олигархов дань на приличное содержание госаппарата казалась бы нелепой, если бы она не ложилась так хорошо в схему, описанную экономистами из МВФ. С их точки зрения, перераспределение хорошо работает, когда у него есть ясная, не размытая цель. «Например, — пишут экономисты, — можно собирать налоги на деятельность богатых... вредную для бедных (вроде слишком рискованной игры на финансовых рынках) и направлять средства на то, чтобы больше детей в развивающихся странах посещали начальную школу или, скажем, тратить общественные средства на образование для бедных».

Почему бы тогда и не на зарплату чиновникам, позволяющую им отказываться хотя бы от мелких взяток?

Президент Владимир Путин периодически собирает с олигархов неофициальные налоги — то на восстановление дворца в Стрельне, то на Олимпиаду (правда, тут богатые русские ухитрились потратить больше государственных средств, чем своих). Вероятно, эти поборы в конечном счете способствуют экономическому росту: олимпийское строительство точно было его фактором. Но перераспределение богатства от тех, кому оно досталось или до сих пор достается во многом благодаря политическим связям, в пользу остальных жителей страны можно было бы сделать более прозрачным и разумным.

Вполне возможно, украинцы придумают, как это сделать. И, вот увидите, олигархи никуда не денутся: они же хотят зарабатывать еще, а вне родной страны им будет труднее. Да и от ускоренного роста, который обещают эксперты МВФ в обмен на равенство, доходы богатейших людей непременно увеличатся.

Олигархи, геть: чем отличились участники украинского списка Forbes

Forbes.ru, 24.02.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=251271>

Ход событий на Украине показал, что крупный бизнес там далеко не так могуществен, как считалось

Мы привыкли считать, что в Украине слово «олигарх» еще сохраняет смысл, утраченный в России с посадкой Ходорковского в 2003 году: бизнесмен, продвигающий в политику своих людей, кукловод политиков и чиновников. Это простительное заблуждение: об «олигархах» говорят и сами украинцы.

Когда в декабре Виктор Янукович вернулся из Москвы с обещаниями \$15 млрд и скидки на газ, главная политзаключенная Украины Юлия Тимошенко обвинила в «передаче страны под контроль РФ» некий «совещательный олигархат из девяти человек», который якобы управляет страной вместе с Януковичем. Но не назвала их поименно, и имеет смысл задуматься, шла ли речь о тех, кого принято называть украинскими олигархами.

В 2010 году приход к власти Януковича считался результатом консенсуса между полукриминальным донецким кланом и крупным бизнесом. В этой спайке «олигархи» отвечали за медиа. Они контролируют 80% телевизионного рынка страны: канал «Интер» — это Дмитрий Фирташ, №14 в топ-100 украинского Forbes; «Украина» — это Ринат Ахметов, №1; «Новый канал», СТБ, ICTV, М1 и Q-TV — Виктор Пинчук, №2; 1+1 — Игорь Коломойский, №3; Пятый канал — Петр Порошенко, №7. Не факт, однако, что владение телеканалами дает власть в Украине. Протест координировался в интернете, и телевидение у него свое — интернет-каналы вроде Espresso.tv и Hromadske.tv, сделанные на коленке, зато мгновенно реагирующие на события. А противостояли протесту солдаты, полицейские, наемные гопники да свозимые автобусами тетки из восточных регионов, которые по телевизору смотрят разве что сериалы.

Но даже если телевизор все еще важен, невозможно понять, в чью пользу употребляется телевласть.

В первые недели Евромайдана «олигархическое» ТВ удивило освещением протестов. С тех пор каналы умерили пыл, разве что Пятый, как и в 2004-м, — этакое знамя майдана. Впрочем, и его владелец Порошенко постоянно на майдане, рвется вроде бы в премьер-министры оппозиционного правительства. Пинчук вначале поддержал протесты, но потом особой активности не проявлял. Мудрый Коломойский, патриарх украинского еврейства, отмалчивался. А заявления о ситуации в стране, которые выпустили Фирташ и Ахметов, были похожи скорее

на бление дрожащих агнцев, чем на рык львов. «Единственный выход — перейти от уличного противостояния... к конструктивным переговорам и достижению результата. Участники переговоров должны руководствоваться интересами всей страны» — это от ахметовского холдинга СКМ. «Нужно понимать и помнить, что по обе стороны баррикад — украинцы. Мы граждане одной страны» — это Фирташ через свою Group DF. Оба текста будто писал один копирайтер; Фирташ, как и Ахметов, призывает к «поиску компромисса путем переговоров».

Допустим, тот факт, что «олигархи» выпускают бесцветные заявления про переговоры, но сами в публичных толковищах не участвуют, означает, что их стихия — закулисная борьба, то самое кукловодство. Но если крупный бизнес что-то и делает за сценой, результатов нет. После парламентских выборов 2012-го политологи считали, сколько депутатов олигархи провели в парламент: Ахметов — 40 человек, и все они в правящей Партии регионов, Фирташ — 15 «регионалов» и еще почти столько же независимых и оппозиционеров. Если бы 55 депутатов из крупнейшей фракции в Верховной Раде голосовали солидарно с оппозицией, у последней было бы почти большинство. Добрать недостающие несколько голосов настоящие олигархи всегда сумели бы у внефракционных законодателей.

«Такого мата я не слышал давно, нам грозили закатать всех в асфальт и пересажать к такой-то матери, говорили, что на каждого из нас у них есть дело», — рассказывал киевскому изданию Insider один «регионал» после совещания Януковича с фракцией.

Так входят ли люди с первых строчек топ-100 в девятку, о которой говорила Тимошенко?

За то время, что лидер оппозиции провела в тюрьме, Януковичу стали окончательно не нужны прежние «олигархи». Принадлежащий его сыну Александру Всеукраинский банк развития, правление которого возглавляет мать и. о. премьера Сергея Арбузова, за 2012–2013 годы переместился с 88-го места по активам на 25-е. Близкий к президентской семье Сергей Курченко, 28-летний бизнесмен, разбогатевший на гостендерах и импорте топлива, купил крупнейший в стране нетелевизионный медиахолдинг УМХ, причем большую часть средств дал ему в кредит государственный Укрэксимбанк.

Как и Путин, Янукович пытался создать свой бизнес-круг, не имеющий ничего общего с олигархией, которую он, по сути, выкинул за пределы политического поля. Неожиданно в этом ему помогла технологическая революция, обесценившая некогда важный телересурс.

В итоге с президентом Украины разделалась не «олигархия», а народ.

А крупный бизнес — что крупный бизнес? Пока он отстаивал свои узкие интересы, и общество, и власть научились решать вопросы по-своему, без его участия.

Украина: эмиграция надежды

Forbes.ru, 21.02.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=251170>

Родителям нового Яна Кума вряд ли имеет смысл оставаться в нынешней Украине

Так уж случилось, что в эти дни одновременно приходят новости о новых десятках смертей на улицах Киева — и о Яне Куме, уроженце Украины, ставшем в свои 37 лет миллиардером: основанную им компанию WhatsApp покупает за \$19 млрд Facebook.

У Кума, по оценке Forbes, 45% WhatsApp. С учетом налогов и без учета акций Facebook, которые будут выделяться продавцам WhatsApp в течение четырех лет после закрытия сделки, состояние Кума оценивается в \$6,8 млрд. С такой суммой он оказался бы на втором месте в списке богатейших украинцев, сразу после Рината Ахметова и перед Виктором Пинчуком. Но еще в 1992 году, в 16 лет, Кум с матерью и бабушкой переехал в Калифорнию, мел там полы в продуктовом магазине и учился на программиста по книжкам, которые покупал подержанными, а потом сдавал обратно в магазин.

Поэтому он теперь богаче почти всех олигархов, сколотивших состояния на приватизации, госконтрактах, связях с президентами Украины. Но он не украинец. И родившийся в Киеве Макс Левчин, один из основателей PayPal, тоже не украинец теперь.

Сейчас не начало 1990-х, когда из стран только что развалившегося СССР бежали просто из-за бытовой неустроенности, неуверенности в будущем, нищеты и серой безнадеги. Так сделали семьи Кума и Левчина.

Но спросите любого молодого киевлянина — и он расскажет вам о своих знакомых программистах, ученых, художниках, покинувших родную страну.

Тим-лид команды, разрабатывавшей сайт Forbes.ua, когда я готовил его к запуску, живет теперь в Москве, как и украинец, известный только по псевдониму Bitfury, — разработчик одной из самых мощных машин для майнинга биткоинов. Другие — по всему миру, от Сан-Франциско до Гонконга и Лиссабона.

Читая о Куме, я вспоминал самую большую украинскую сделку Google — покупку стартапа Viewdle примерно за \$40 млн в 2012 году. Теперь Google закрыла киевский офис этой компании, разрабатывавшей технологии поиска изображений. Два десятка программистов переехали из Киева в Америку. Некоторые из них перешли в Lenovo после продажи Motorola Mobility, другие работают над операционной системой Android.

По данным Всемирного банка, Украина — крупнейший из всех стран Восточной Европы и Средней Азии получатель денежных переводов из-

за границы: за 2013 год сюда поступило \$9,3 млрд. Это деньги, которые уехавшие украинцы переводят своим семьям. 4,8% украинского ВВП.

В сентябре прошлого года президент Виктор Янукович призывал молодых программистов не уезжать из Украины. «Сегодня довольно часто молодежь несколько отгораживается от своей страны, строит, так сказать, «карьеру на экспорт». Как пример могу привести сектор IT-технологий, — говорил он. — У Украины очень высокие показатели качества подготовки программистов. Но значительная часть подготовленных специалистов эмигрирует». Что же им делать на родине? «Профессор» Янукович предлагал им... создавать национальную поисковую систему.

В годы его правления Украину покидали не только люди с «конвертируемыми» профессиями — от нянь, без которых не могут обойтись московские семьи, до высококлассных кодеров.

Ушли иностранные банки — Swedbank, Home Credit, SEB, Commerzbank, Erste, Société Generale. Продается и крупнейшая «дочка» западного банка в стране — Райффайзен Банк Аваль, выбор покупателя уже в финальной стадии.

Ушли и продолжают уходить иностранные ритейлеры: Stockmann, Praktiker, OBI, Peacocks, польская компания, открывшая магазины Esprit и River Island, даже российские «Евросеть» и Finn Flare.

Я хорошо помню время до избрания Януковича президентом, после «оранжевой революции» 2004 года. Тогда в Украину рвались и эти, и другие иностранные компании и банки. Это и тогда была бедная страна с плохо развитой инфраструктурой, но в ней была жива надежда. Мои ровесники и люди помладше, коллеги из издательской и банковской индустрий, с которыми я общался в Киеве и Днепропетровске, никуда не хотели уезжать — им было интересно дома, потому что они пытались изменить страну, сделать ее, за неимением лучшего слова, более европейской.

За время правления Януковича остались те, кто не смог уехать, и еще две категории людей: пригревшиеся бандиты и особенно страстные патриоты, все еще надеявшиеся вытащить Украину из болота, в которое она все глубже погружалась.

Сейчас две последние группы людей воюют на баррикадах. Одни за статус-кво, другие — за свое право на иное будущее. Среди воюющих, людей в касках и с дубинками, есть банкиры, кодеры, владельцы небольших бизнесов. Есть мои знакомые и знакомые знакомых. Сейчас это люди ожесточенные и решительные: они не видят пути назад и все еще не желают покидать страну — пусть лучше Янукович из нее убирается.

Я их хорошо понимаю и болею за них. Они хотят как лучше.

Но по улицам уже течет кровь. Ждать скорого улучшения наивно. И следующий Ян Кум тоже, вероятнее всего, не будет украинцем по паспорту.

Почему сланцевая революция ничем не грозит Владимиру Путину

Forbes.ru, 14.02.2014

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/250872-pochemu-slantsevaya-revoljutsiya-nichem-ne-grozit-vladimiru-puti>

Новые технологии добычи газа вряд ли сильно уменьшат доходы российского бюджета, так что деньги на хлеб и зрелища у властей найдутся

Сейчас, когда рост российской экономики остановился, рубль покатился вниз, а вывоз капитала стал интенсивнее (по прогнозу Минэкономразвития, в первом квартале «утечет» \$35 млрд по сравнению с \$28 млрд год назад), кажется, что окончательно «стабилизированная» страна скоро вкатится в новый конец 1980-х. Нефтегазовые богатства России, как и тогда, станут никому не нужны: сланцевая революция же! А еще Ирак вместе с Ираном затопят весь мир дешевой нефтью!

Казалось, такое развитие событий могло бы привести не только к экономическим неприятностям для всех, кто живет в России, но и к скорому падению вороватого режима, который без «нефтеденег» жить не умеет и быстро скукожится.

Но не стоит ни бояться, ни надеяться. Похожая на зомби Россия, в которой можно неделями обсуждать церемонию на стадионе, а потом фигурное катание и реакцию на него одного сатирика — нет ведь других новостей! — может, хромая, тащиться своим нынешним бесцельным путем еще долго.

Деньги никуда не денутся, зомби их хватит.

Человеческий мозг плохо справляется с большими числами. Например, многих возмущает, что сочинская Олимпиада обошлась в \$50 млрд. ВВП России за семь лет с 2007 года, когда страна получила право на Олимпиаду, составил \$10,6 трлн, а доходы консолидированного бюджета — примерно 20% от этой суммы. Олимпиада обошлась в 2,4% от этих доходов. Представьте себе, что вы отдали 2,4% своих налогов (на самом деле гораздо меньше: платили в бюджет ведь не только частные лица, но и компании) на сочинскую гала-вечеринку. Допустим, вы все семь лет зарабатываете 300 000 рублей в месяц, платите подоходный налог 13%, а все оставшиеся деньги тратите на товары и услуги, облагаемые НДС по ставке 18%. В таком случае вы заплатили за Олимпиаду, за все семь лет, порядка 173 000 рублей, или порядка 2000 рублей в месяц. Решайте сами, стоило ли оно того, но вас не очень сильно ограбили, только чуть-чуть.

Та же история и со «сланцевой революцией». Центр устойчивого развития парижской школы общественных наук Sciences Po (той самой,

где сейчас преподает экс-ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев) только что выпустил доклад, в котором убедительно показано, что хотя бум нетрадиционной добычи и выглядит впечатляюще, американской экономике он почти ничего не дал.

Да, добыча природного газа в США с 2005-го по 2013 год выросла на 33%, до 680 млрд кубометров в год — это, между прочим, примерно на 40% больше добычи «Газпрома». А добыча сланцевой нефти увеличилась и вовсе на 1000%, до 3,5 млн баррелей в день (это больше трети всей российской нефтедобычи). То есть это действительно переворот в американской энергетике.

Но в гигантских масштабах экономики США — так, приятная мелочь.

Томас Спенсер и его соавторы из Sciences Po подсчитали, что, несмотря на падение цен на газ, вызванное сланцевыми проектами, цены на электричество для американцев за 2005-2013 годы выросли на 25%. На конкурентоспособность американской промышленности «революция» если и повлияла, то не сильно: торговый дефицит США по категории промышленных товаров с 2006-го по 2012 год вырос с \$662 млрд до \$779 млрд. Дело в том, что отрасли, которые потребляют много газа, производят только 1,2% ВВП США.

Спенсер предсказывает, что до 2035 года добыча сланцевых газа и нефти будет приносить Америке всего 0,04% ВВП дополнительного экономического роста в год. Так что кому революция, а кому капля в море.

Эксперты из Science Po поэтому советуют европейцам — основным клиентам «Газпрома» — не очень-то рассчитывать на сланцевые проекты. Они предсказывают, что к 2035 году нетрадиционные методы добычи будут покрывать лишь 3-10% потребности Евросоюза в природном газе. Если экономика ЕС в следующие 20 лет будет расти, то вырастет и ее потребность в импортном топливе, то есть в конечном счете в нашем.

Почему не в американском? Все ведь говорят про американский сжиженный газ, который теперь можно везти в Европу.

По данным Международного энергетического агентства, в Европе американский сжиженный газ может стоить в переводе на понятные нам единицы измерения около \$370 за 1000 кубометров. Это дешевле, чем «Газпром» берет с некоторых центрально- и восточноевропейских стран, но до них надо еще доставить сжиженный газ: там нет морских портов. У «Газпрома» себестоимость добычи 1000 кубометров — меньше \$40, доставка до границы Чехии стоит еще \$30-55, в зависимости от трубопровода. Иначе говоря, даже конкуренция со стороны американских поставщиков сжиженного газа оставляет «Газпрому» огромное пространство для ценового маневра. Он, конечно, жадный и неповоротливый, но пространством этим непременно воспользуется в случае надобности.

Интересно, что Владимиру Путину все это давно доложили: в середине прошлого года он говорил, что для мирового газового рынка осо-

бенных изменений он не замечает и что американцы не станут продавать сжиженный газ в Европе дешевле \$400 за 1000 кубометров.

С нефтью все так же стабильно.

Ирак и залил бы ею мировой рынок, но ему это невыгодно. МВФ еще в прошлом году предупредил эту страну, что ее бюджет, на 93% состоящий из поступлений от нефтеэкспорта, балансируется только при цене \$106,1 за баррель. Иран в свою очередь, во-первых, еще не освободился от международных санкций, а если освободится, то будет иметь дело с той же проблемой. В бюджет 2014 года Хасан Рухани заложил добычу на уровне 1,5 млн баррелей в день, в полтора раза больше, чем сейчас. Мировой рынок такой прирост не обвалит.

Даже если вся остальная экономика в России будет потихоньку вянуть в связи с ускоренным превращением страны в зомби, с нефтегазовой половиной бюджетных доходов ничего в обозримом будущем не случится. Будут деньги и на новые зрелища, и в целом на хлеб. Пусть поменьше, но новые восьмидесятые Путину не грозят. Все-таки ему невероятно повезло. Гораздо больше, чем нам с ним.

Почему российским СМИ можно путать прибыль и выручку

Forbes.ru, 07.02.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=250609>

Любая бизнес-модель станет убыточной, если государство может приказывать вашим партнерам

Этот эпизод я помню уже почти 13 лет. Я видел его по телевизору (да, тогда я еще смотрел телевизор — это было не так противно и стыдно, как теперь).

Альфред Кох в прямом эфире разговаривал с командой телеканала НТВ, который государство только что отобрало у опального Владимира Гусинского. Это было нетрудно и вполне законно: Гусинский, когда еще был в силе, набрал государственных кредитов и теперь не мог с ними расплатиться. Кох утверждал, что акционеры теперь желают получить от НТВ прибыль.

«Григорий Кричевский: Секунду, вот есть одна цифра. Я могу ошибиться в термине, но это называется, кажется, у рекламщиков кросс-биллинг, размещенная реклама. За три месяца этого года — более чем \$17,5 млн.

Кох: Очень хорошо. Куда они пошли? Куда они проплачены? Я хочу узнать!

Кричевский: Это другой вопрос.

Кох: Это тот самый вопрос!

Кричевский: Это прибыль.

Кох: Это не прибыль, это выручка, молодой человек!»

Должен признаться, я смеялся. К тому времени разницу между выручкой и прибылью должен был уже знать всякий, кто имел отношение к медиабизнесу. Это ведь тогда был именно бизнес: живые инвесторы вкладывали деньги в новые издания в надежде заработать деньги. Я даже помню некоторых, кому это удалось: Владимира Яковлева, например, выручившего в 1999 году \$26 млн за созданный им когда-то с нуля «Коммерсантъ». Или Дерка Сауэра, который в начале 90-х заложил свой голландский дом, чтобы начать медиабизнес в России, а в 2005-м продал его финской компании Sapoma за €142 млн.

В 2014 году, если ты работаешь в российских медиа, можно снова не знать, чем прибыль отличается от выручки.

«Прибыль» показывало блаженной памяти госагентство РИА «Новости», получая гигантскую госсубсидию — больше \$100 млн в год.

«Прибыль» показывает Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости», ведущая дела телеканала Russia Today. Согласно отчетности этой организации за 2012 год, которую мне удалось раздобыть и которая явно не полностью отражает финансовые дела канала, выручка АНО составила 43 962 000 руб., а прибыль — 72 616 000 руб. Как такое возможно, спросите вы? Ну, просто у организации есть еще «прочие доходы» в размере 90 988 000 руб. Это госфинансирование. После вычета расходов получается что? Прибыль.

В последние дни стало модно обсуждать бизнес-модель телеканала «Дождь». Не то, что он много тратит и пока мало зарабатывает, — это понятно. В 2012 году канал показал по российской отчетности убыток в 124 млн руб. при выручке 286 млн руб., отчетность за 2013-й пока недоступна, но потери и в этом году наверняка заметные. «Дождь» ведь не получает госсубсидии, а бизнес-модель едва начал выстраивать.

На недавней пресс-конференции инвестор «Дождя» Александр Винокуров объяснил, что основной доход канал планировал получать из двух источников: от рекламы и от спутниковых и кабельных операторов. Платную подписку в интернете «Дождь» ввел, чтобы большая часть зрителей смотрела его по телевизору — там он для зрителей бесплатный, зато чем больше кабельная аудитория, тем дороже реклама и тем лучше она продается.

Кабельные операторы, понятное дело, платить не хотели — они любят брать с поставщиков контента деньги, как супермаркеты собирают дань с поставщиков, желающих, чтобы их товар попал на полки. «Дождь» хочет получать деньги от всех, так никто не делает», — сказал в интервью журналу «Большой город» президент Ассоциации кабельного телевидения России Юрий Припачкин.

Просто так, без повода, объяснить «Дождю», «как все делают», операторы почему-то не могли. А после того, как на «Дожде» прошел злополучный опрос о целесообразности сдачи Ленинграда нацистам, сразу объяснили, отключив канал от своих сетей и разорвав в клочья модель монетизации, которая виделась Винокурову. Его предложение отдавать канал операторам бесплатно до конца 2014 года, скорее всего, никто не примет. Зачем, говорит Припачкин: в 2015-м-то опять денег потребуют.

Бывший банкир Винокуров — человек финансово грамотный. Модель, которую он строил для «Дождя», тоже грамотная; по ней работает, например, американская Discovery Communications, владелец одноименного канала. В 2012 году эта компания заработала на распространении в сетях \$2,2 млрд, а на рекламе — \$2 млрд. Операторы платят, потому что каналы холдинга хочет смотреть их клиент.

У «Дождя» аудитория определена есть.

Посещаемость его сайта — 8,1 млн посетителей в месяц, по данным SimilarWeb. Логично предположить, что эти люди с удовольствием посмотрят канал по телевизору, он ведь под это лучше «заточен». То есть Винокуров не так уж плохо понимает, «как делают», откуда выручка, а там, глядишь, и прибыль. Но в 2014 году это лишнее понимание. Потому что когда все спутниковые и кабельные платформы в одночасье отказываются от канала, воспользоваться им никак невозможно.

Можно было бы предположить, что в наше время знания о гитлеровском плане «Барбаросса», которые позволили бы корректнее сформулировать вопрос про Ленинград, полезнее финансовой грамотности. Но я не буду делать этого наивного предположения. Потому что дело, конечно, не в Ленинграде, а в системе, которая требует от кабельных и спутниковых операторов, чтобы те сейчас синхронно проявили уважение к блокадникам, отключив «Дождь».

В нынешней России система, которую еще называют государством, хочет быть единственным источником и выручки, и прибыли. Для тех, кто принимает такую ее роль, эти понятия становятся абстракцией, как в отчетности АНО «ТВ-Новости». Остальным постепенно преподается урок, который Коху в 2001 году не приснился бы и в страшном сне. Неслучайно в 2014 году Григорий Кричевский, 13 лет назад так комично путавший выручку с прибылью, — генеральный директор государственного телеканала «Звезда». А Кох — оппозиционер, ерничающий в Фейсбуке.

Вы существуете в интернете, получаете выручку, вычитаете из нее расходы и, вуаля, имеете прибыль? Погодите, к вам уже идут. Вполне возможно, что и вам интернет-провайдеры скоро объяснят блокировку «крайне негативным фоном, сложившимся вокруг» вашего сайта.

Бросайте вашу бизнес-демагогию. Учитесь в школе жизни, усваивайте уроки.

Падение рубля: не только конъюнктура

Forbes.ru, 31.01.2014

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/250325-padenie-rublya-ne-tolko-konyunktura>

Российской валюте мешает отсутствие хороших новостей о национальной экономике

Когда валюты развивающихся стран падают как подкошенные, приятно сознавать, что наш-то рубль не хуже всех. Да, за последний месяц он подешевел к доллару сильнее, чем тайский бат, турецкая лира, южноафриканский ранд, индийская рупия или украинская гривна. Но зато мы круче Аргентины! Рубль упал на какие-то 5-6%, а аргентинский песо — аж на 18%.

Тот факт, что у всех наших товарищей по общежитию под названием emerging markets валюты падают одновременно, пусть и с разной скоростью, принято объяснять постепенным отказом американских денежных властей от закачки долларов в экономику. Американцы считают, что их экономика уже достаточно оздоровилась, чтобы постепенно сворачивать эту программу. Процентные ставки в США в результате будут расти, и инвесторы смогут вкладывать там деньги с устраивающей их доходностью при невысоком риске. Вот они и ликвидируют свои вложения в развивающиеся рынки, где еще недавно искали высокой доходности.

Стив Форбс, главный редактор американского Forbes, недавно написал колонку, в которой призывал центробанки развивающихся стран показать, что они готовы предложить инвесторам еще более выгодные условия, чем раньше. Речь идет о повышении процентных ставок как своего рода подкупе, пусть и символическом: мол, не уходите, у нас тут хорошо. Ну и об активной поддержке национальных валют средствами из резервов.

Такая идея пришла в голову, конечно, не одному Форбсу.

В Турции Центральный банк на этой неделе спешно и резко повысил основную процентную ставку — с 4,5% до 10%. В ЮАР Резервный банк тоже поспешил на помощь ранду, приподняв ставку с 5% до 5,5%. Понятно, что слабая валюта повышает конкурентоспособность экспортеров — но как быть с инфляцией, с валютными долгами компаний и банков? Приходится бороться. Меры эти пока не очень помогли, но ведь бегущее стадо так сразу не остановишь: инвесторы должны привыкнуть к новым условиям, которые им предложили.

Российский ЦБ тоже отреагировал на понижение курса рубля. С начала года валютные резервы России снизились на \$15 млрд, так что де-

нежные власти не сидели сложа руки. Но сигналы, которые ЦБ посылал рынку, были какими-то слишком уж вялыми. «Цена рубля неподвластна Центральному банку, хотя он и присутствует на валютном рынке... Наша задача заключается в том, чтобы сглаживать краткосрочные колебания рубля» — вот комментарий главы ЦБ Эльвиры Набиуллиной.

Турки и южноафриканцы показывают свой товар лицом. Россия скромно стоит в сторонке.

Зачем, в самом деле, тратить силы на пиар, на демонстрацию уверенности в экономическом будущем страны, если такой уверенности нет?

Инвесторы первым делом бегут из стран, которые, с их точки зрения, не очень хорошо управляются. Вот из Аргентины, например, где валютные резервы упали ниже \$30 млрд, а экономика развалена напроць в результате небывалой щедрости правительства к иждивенцам и грубой национализации больших промышленных компаний. Или из Украины, где революция с непонятным исходом, скоро перестанут собираться налоги, а Кремль и рад бы прислать еще денег, но перестал понимать кому. Этим странам пиариться бесполезно: у них все плохо и, похоже, надолго.

У России есть все, чтобы поддержать рубль: и большие резервы, и по-прежнему хороший торговый баланс. Не хватает только хороших новостей и активности на интересных инвесторам направлениях. Чиновникам, включая президента, есть что сказать про геев, Великую Отечественную войну и спорт высших достижений, но нечего — про экономический рост, увеличение бизнес-активности или, скажем, чистку судов.

Россия сейчас на обложках иностранных журналов — из-за Олимпиады, конечно.

Это результаты российской «мягкой силы» и неослабевающей борьбы за улучшение имиджа страны на мировой арене.

Усилия эти работают на снижение валютного курса не хуже, чем фотографии горячей улицы Грушевского в Киеве или массовые чистки в полиции, которые устраивает турецкий премьер Эрдоган, чувствующий холкой горячее дыхание следователей.

Между тем доля импорта в российской розничной торговле — примерно 45% (данные 2012 года). Номинированный в иностранной валюте внешний долг российского государственного сектора — самого государства и контролируемых им бизнес-структур — \$364 млрд (данные на 1 июля 2013 года). Это почти три четверти валютных резервов страны, а ведь есть еще валютные долги частного сектора. Если курс рубля продолжит снижаться, инфляция ускорится мгновенно, а валютные долги станут тяжелее платить — всем компаниям, у которых есть хоть какая-то доля рублевых доходов. России, мягко говоря, не нужно ни то ни другое — экономика в этом году не собирается расти.

Медведю с обложки BusinessWeek пора выплевывать сигару и активнее пользоваться щитом — оборонять рубль от атаки. Заодно неплохо бы приплясывать и петь какую-нибудь благозвучную песню. Если этого не делать, судьба аргентинского песо, конечно, не постигнет рубль, но опережать другие валюты в падении он продолжит.

Рейтинг от майдана: заплатит ли Украина России?

Forbes.ru, 23.01.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=250003>

В проспекте эмиссии первого выпуска облигаций, которые выкупила Россия, украинское правительство предупреждает, что может не выполнить свои обязательства, если политический кризис не будет преодолен

Возможно, это прозвучит парадоксально, но Владимиру Путину пора вмешаться в киевские события — на стороне протестующих. То, что вытворяет в последние дни Виктор Янукович, самым серьезным образом угрожает российским инвестициям в недалеком будущем Украины.

Первый вице-премьер Игорь Шувалов недавно объяснял, почему обещанная Путиным Януковичу \$15-миллиардная помощь — не благотворительность. Мол, облигации, которые покупает Россия у Украины, — «это бумаги, выпущенные по зарубежному законодательству через Ирландскую биржу, оформлены по английскому праву... и мы считаем, что в такой форме наши права будут достаточно защищены».

Действительно, первый «российский» выпуск долларовых облигаций Украины с погашением 20 декабря 2015 года и пятипроцентным купоном размещен через Дублинскую биржу и оформлен по английскому праву. Размещение прошло по номиналу, составившему \$3 млрд, но Украина получила \$2 999 500 000 — остальное, видимо, досталось букраннеру, «ВТБ Капиталу», его юристам из Clifford Chance и украинской «Саенко Харенко». Своим юристам, фирмам White & Case и «Лавринович и партнеры», украинские власти должны заплатить отдельно.

Учитывая характер размещения, его проспект — серьезный юридический документ на двух сотнях страниц.

В нем есть все обычные в таких случаях ковенанты: например, если Украина объявит дефолт по другим своим государственным обязательствам или ее внешний долг превысит 60% ВВП (сейчас это соотношение нормальное, 36,6%), Россия может потребовать деньги назад.

Как в любом таком документе, в проспекте есть раздел «Риски». Один из них описан так: «Украинское правительство не сможет удержать политический консенсус, что может привести к политической

нестабильности». Далее идет краткое описание внутривнутриполитических проблем Украины, включая декабрьские события. «Эффект от продолжения протестов и других проявлений недовольства, вызванных действиями правительства, а также от реакции правительства на них, неясен, — говорится в проспекте. — Протесты и реакция правительства могут вызвать, среди прочего, все более негативное отношение со стороны западных правительств, организации и бизнеса... Если политическая нестабильность продолжится или возрастет, она может... оказать значительное негативное влияние на способность Украины выполнять обязательства по данным облигациям».

Иными словами, Украина официально предупредила инвестора — Россию — не только об общеизвестных своих проблемах: высокой инфляции, необходимости структурных реформ в экономике, зависимости от торговых отношений с самой же Россией, хрупкости национальной банковской системы.

Украина прямо заявила, что продолжение и эскалация политической нестабильности могут сделать ее несостоятельным должником.

Очевидно, что действия Януковича и его Партии регионов способствуют и затягиванию, и нарастанию нестабильности. Именно власть в конце ноября прошлого года устроила бессмысленный разгон студентов на майдане Незалежности, после которого почти уже прекратившиеся протесты против отказа от торгового соглашения с ЕС возобновились и усилились. Когда и эта новая фаза протестов почти закончилась — только немногие особо отчаянные оставались на майдане, — власть зачем-то приняла драконовские законы, направленные против демонстрантов и СМИ, и снова последовала эскалация, теперь уже с человеческими жертвами.

Доходность торгуемых на рынке украинских долларовых облигаций с погашением в конце 2015 года, как у выпущенных для России бумаг, выросла с 6,2% 16 января до 8,8% 23 января. Это тот самый риск, о котором говорится в проспекте. И эффект от действий правительства, вопреки тому, что там написано, вполне предсказуем: предыдущая, декабрьская эскалация тоже вызвала бурный рост доходности по украинским облигациям. То есть рискованности этих бумаг для инвестора.

Угроза финансовым интересам России исходит и от украинского кабинета министров, в отставку которого оппозиционерам упрямо отказывают Янукович и его товарищи по партии.

«С точки зрения того, как будут использованы средства, мы уверены, что состояние украинской экономики значительно поправится», — выражал надежду Шувалов.

Но ничего подобного пока не происходит.

Согласно проспекту, деньги от размещения облигаций Украина может потратить на «общегосударственные цели». Премьер Николай Азаров обещал было пустить российские \$15 млрд на модернизацию страны,

но, получив в свое распоряжение деньги, израсходовал их на то, чтобы «полностью закрыть все социальные выплаты». Иначе говоря, российские \$2 999 500 000 осели в карманах украинских бюджетников, основной надежды и опоры Януковича и Партии регионов. Они не помогли ни перенастроить украинскую экономику, ни выполнить обязательства перед иностранными кредиторами — они просто проедены, потрачены на кратковременное поддержание социальной стабильности. В политическую стабильность она при этом не конвертировалась: на улицах Киева война.

Я сейчас хожу по этим улицам и слышу разговоры о том, что это Путин требует от Януковича все более жесткие меры против демонстрантов. Мой друг Владимир Федорин, до недавних пор редактор киевского Forbes, предположил, что Путин хочет, чтобы протестующие были сметены с улиц к началу Сочинской Олимпиады — чтоб не омрачали.

Может быть, все это так и есть. Но на самом деле в интересах и России, и самого Путина сейчас было бы, наоборот, максимально жестко надавить на Януковича, чтобы он прекратил репрессии, а может быть, и пошел бы на уступки протестующим. Так и от Сочи Украина отвлекать перестанет, и деньги, с большей вероятностью, вернуться. А может быть, дальнейшие транши даже не уйдут в песок, как первый.

Электронные кошельки: как депутаты опять сыграли на бирже

Forbes.ru, 16.01.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=249701>

Лозунгом борьбы с терроризмом легко оправдать самые нелепые предложения

Всякий раз, как появляется очередной репрессивный законопроект или чиновники объявляют о намерении жестко и бессмысленно что-нибудь «отрегулировать», всплывает конспирологическая теория: кто-то решил сыграть на бирже на понижение. Владимир Путин, мол, в 2008 году шортил «Мечел» перед тем, как пригрозил «послать доктора» к владельцу компании Игорю Зюзину, не явившемуся на важное для тогдашнего премьера совещание. Банально до того, что даже скучно обсуждать.

Однако законопроекту об ограничении электронных платежей, который внесли в Госдуму шесть депутатов, в том числе одиозные Андрей Луговой и Ирина Яровая, трудно найти другое объяснение. Обсуждать законопроект с позиций здравого смысла непросто.

Ради борьбы с террористами и отмыыванием денег предлагается фактически запретить «неперсонализированные» электронные кошельки, то

есть такие, владельцы которых не прошли процедуру идентификации — не предъявили лично паспорт оператору системы. Яровая, Луговой и другие предлагают ограничить платежи с таких кошельков 1000 рублей в день и 15 000 рублей в месяц. Правда, и сейчас эти платежи ограничены 40 000 рублей в месяц; едва ли разница между 15 000 и 40 000 критична для террористов и отмывателей. Кроме того, все «анонимные» плательщики так или иначе идентифицированы: у операторов есть как минимум номера мобильных телефонов, к которым привязаны кошельки. А значит, транзакции этих «анонимов» гораздо легче отследить, чем любые операции с наличными. Прочие меры — запрет на переводы денег на принадлежащие физлицам «неидентифицированные» кошельки, запрет на трансграничные переводы с использованием таких средств — тоже кажутся нелепыми, если вспомнить о существовании такого неудобного, но исключительно анонимного платежного средства, как старый добрый нал.

Усложнение электронных платежей приведет, естественно, к росту операций с наличностью. Регуляторы по всему миру, между тем, руководствуются прямо противоположной логикой — стремятся снизить долю наличного оборота. У нас тоже: с такими инициативами выступали и Минфин, и Минэкономразвития.

России есть к чему стремиться. По данным MasterCard, в России 31% платежей совершается в безналичной форме. Как в Индонезии. А в Соединенных Штатах, например, 80% платежей — безналичные. Торговцы марихуаной из Колорадо, чей бизнес в этом году стал легальным, борются за право принимать пластиковые карты, преодолевая нежелание платежных систем проводить платежи за травку: клиенты просто не носят с собой купюр. В Бельгии и вовсе 7% расчетов проводится наличными.

Между тем в своем законопроекте Луговой, Яровая и прочие требуют специального контроля за всеми электронными переводами свыше 100 000 рублей, вне зависимости от «анонимности» участников транзакции.

Поскольку предложения депутатов — особенно последнее — явно направлены на то, чтобы увеличить наличный оборот, они, скорее всего, не понравятся правительству и, вероятно, не пройдут. Но эффект они уже возымели. ADR компании Qiwi, бизнес которой связан с электронными кошельками и виртуальными платежными картами, открываемыми без предъявления паспорта, рухнули 15 января на 17%.

Нечто подобное другие депутаты, Наталья Бурыкина и Анатолий Аксаков, а с ними сенатор Николай Журавлев, проделали в ноябре прошлого года с банком Олега Тинькова, ТКС. Они предложили поправки к закону «О потребительском кредитовании», из которых следовало, что кредитную карту можно будет получить только в подразделении банка — а не по почте и не с курьером. К концу того же дня — 15 ноября 2013 года, когда информация о поправках широко распространилась,

Аксаков рассказал, что в законопроект вкралась ошибка: во фразе «банковская карта должна быть передана заемщику в месте нахождения кредитора (его структурного подразделения) способом, позволяющим однозначно установить, что карта была получена заемщиком лично либо его представителем, имеющим на это право» перед словом «способом» был пропущен союз «или».

Но было уже поздно. Акции TCS Group на Лондонской фондовой бирже 15 ноября рухнули на 26% и с тех пор так и не достигли уровня 14 ноября. Не будем обсуждать справедливую цену на акции ТКС, — какова бы она ни была, очевидно, что на фокусе с пропущенным союзом можно было неплохо заработать, «зашортив» заранее акции банка.

История с нелепым законопроектом об ограничении электронных переводов отличается от этой в деталях, но не по сути.

В обоих случаях депутаты предложили нелепую, лишённую логики драконовскую меру и таким образом обрушили акции конкретной компании. Теоретически игрок, который заранее знал о готовящихся предложениях, мог заработать десятки миллионов долларов и на падении ТКС, и на провале Qiwi.

Если бы в России был орган вроде американской Комиссии по ценным бумагам и биржам, способный расследовать случаи инсайдерской торговли, все вышесказанное я попросил бы считать заявлением встревоженного гражданина в этот самый орган. Но у нас его нет. Мы никогда не узнаем, был ли кто-нибудь вознагражден за пропуск злосчастного союза и какой на самом деле была мотивация инициаторов «антиплатежного» законопроекта. Такие вопросы могли бы возникнуть у американских и британских финансовых властей — ведь рухнувшие акции торгуются вне России. Но вряд ли и они смогли бы что-либо выяснить без помощи московских коллег. А эта помощь, можно утверждать с полной уверенностью, никогда не будет оказана. Там же, в Британиях да Америках, враги, очернители России!

Так что ждем новых интересных законопроектов, направленных против отдельных публичных компаний. Кто следующий?

Правила авиадосмотра: не спешите жаловаться

Forbes.ru, 10.01.2014

<http://m.forbes.ru/article.php?id=249463>

Запрет на пронос жидкостей в самолеты вовсе не лишен смысла, хотя и постепенно устаревает

Под конец новогодних каникул Росавиация потребовала от аэропортовых служб безопасности не пускать в самолеты пассажиров с любыми

жидкостями и гелями, кроме необходимых лекарств. Мотивация, изложенная в сообщении ведомства, выглядит вполне бесчеловечно:

«Наибольшую уязвимость представляют собой воздушные суда, т. к. на их бортах нанесены государственные регистрационные и опознавательные знаки Российской Федерации. Таким образом в случае совершения террористического акта террористы демонстрируют возможность нанесения ущерба не только отдельным гражданам или организациям, а всему государству».

Звучит это так, будто Росавиация защищает не никому не нужных «отдельных граждан», а «государственные регистрационные и опознавательные знаки». Мол, медийная картинка изуродованного самолета с российским флагом желаннее для террористов и опаснее для государства, чем человеческие жертвы.

Даже если у чиновников в голове действительно такая каша, осмысленность самого запрета на жидкости не стоит сразу отрицать.

Для начала есть смысл вспомнить о его корнях.

В августе 2006 года британские власти арестовали восьмерых мужчин, якобы планировавших взорвать семь самолетов в пути из лондонского аэропорта Хитроу в США и Канаду. Впоследствии одного из них оправдали, а остальные семеро получили разные сроки заключения, вплоть до пожизненного. Террористы собирались пронести на борт по три элемента бомб, которые должны были собрать в туалетах самолетов: бутылку с концентрированной перекисью водорода, смешанной с порошковым напитком Tang (смесь закачивали шприцем в тару из-под сладкой воды Lucozade); выпотрошенные «пальчиковые» батарейки, наполненные гексаметиленпероксиддиамином (ГМТД); дешевую камеру со вспышкой, которую предполагалось использовать для детонации.

А еще они планировали взять с собой порнографические журналы и презервативы, чтобы секьюрители в аэропорту не заподозрили в них мусульманских фанатиков.

Все элементы бомбы можно изготовить дома. Инструкция, как синтезировать ГМТД, есть, например, на сайте Массачусетского технологического института. Террористы описывали план в своих дневниках, а на процессе демонстрировали необходимые познания в химии. Прокуроры крутили присяжным видео, в которых взрывались самодельные бомбы, сделанные по рецепту подсудимых. А телекомпания ВВС наняла эксперта-взрывника, чтобы устроить собственную демонстрацию — надо сказать, весьма впечатляющую: самодельная бомба проделала в обшивке самолета большую дыру, с которой он вряд ли куда-нибудь долетел бы.

По словам прокуроров, в случае успеха терактов было бы больше 1500 жертв.

После арестов аэропортовые службы безопасности по всему миру перестали пропускать на борт любые жидкости. Через два месяца ввели нынешний лимит — каждая упаковка не больше 100 мл, совокупный объем не более литра. Казалось бы, ерунда: ничто ведь не мешает террористу слить вместе содержимое нескольких упаковок. Но ограничение все же логично: в своем официальном блоге американское Управление транспортной безопасности (TSA) объясняет, что сделать «жидкую» бомбу так, чтобы она сработала, и без того трудно, а уж химичить в туалете с несколькими флакончиками — это практически гарантия неудачи. TSA открыто признает, что оно не может полностью гарантировать безуспешность теракта, но делает все возможное, чтобы максимально его усложнить.

Как любое противостояние типа «казаки-разбойники», предотвращение терактов в самолетах — это гонка вооружений. В прошлом году сообщалось, к примеру, что «Аль-Каида» разработала взрывчатую смесь, которой можно пропитывать одежду. Если ее потом поджечь — бум! Правда, пока ни один случай использования не зафиксирован, но террористы, очевидно, работают над способами обойти запрет на пронос жидкостей. А эксперты по авиационной безопасности — над способами сделать эти способы неэффективными.

Запрет на пронос жидкостей тем временем постепенно устаревает. Еще в 2012 году прошли сертификацию аппараты, позволяющие за несколько секунд сканировать бутылки любого размера на наличие взрывчатых веществ. Такие, правда, есть далеко не в каждом воздушном терминале. Но те, кто в последнее время бывал в израильском аэропорту Бен Гуриона, наверняка видели подобные устройства в действии. Беда в том, что через них надо пропускать каждую бутылочку или тубик, и если все станут возить много жидкостей в ручной клади и сканеры будут применять без разбора, очереди на досмотр удлинятся.

Запрет возить любые жидкости — самый грубый и простой способ снизить вероятность взрывов, не увеличивая время ожидания.

Вероятно, поэтому к нему прибегли у нас во время Олимпиады, которая, конечно, представляет собой гораздо более желанную мишень для террористов, чем волгоградский общественный транспорт. Ведь их цель — добиться максимального резонанса, в том числе и увеличивая число жертв.

Я часто летаю и ненавижу сдавать вещи в багаж. Много раз я отказывался от покупки редкой бутылки вина, зная, что с ней меня не пустят в самолет. Зато я ни разу не видел — думаю, и не увижу, — чтобы в самолет не пропустили с лекарствами, назначение которых путешественник мог внятно объяснить, или с детским питанием. Запреты вводятся для всех, чтобы не проверять каждого и сосредоточиться только на особых случаях. А в каждом из них интенсивность — и эффективность —

досмотра зависит от работника службы безопасности, от его настроения, от того, насколько он добродушен или равнодушен.

Конечно, эксперты по авиационной безопасности это понимают. И говорят себе: ну да, зато мы снижаем риск.

Не знаю, как вы, а я готов играть по таким правилам: чем больше летаешь, тем больше задумываешься о вероятностях.

Сколько денег у Ходорковского: попытка оценки

Forbes.ru, 23.12.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/249070-skolko-deneg-u-khodorkovskogo-popytka-otsenki>

Возвращение прав бенефициара гибралтарской GML Ltd, возможно, позволит бывшему хозяину ЮКОСа распоряжаться примерно \$100-250 млн. Но эта сумма может вырасти

В последние дни Михаилу Ходорковскому пришлось терпеливо отвечать на множество вопросов, и ответы он давал насколько мог конкретные. Но он не смог сказать ничего определенного о своих нынешних финансовых ресурсах. «Я сейчас своего финансового состояния полностью еще не представляю», — сказал он и оптимистично добавил: «Я думаю, что я, конечно, разберусь с этой ситуацией».

А ведь чуть больше 10 лет назад Ходорковский был единственным российским олигархом, чье состояние можно было высчитать с той же точностью, с какой Forbes считает капиталы американских богачей — владельцев точно известных долей в публично торгуемых компаниях. В 2002 году, через год после того, как Forbes впервые назвал Ходорковского самым богатым россиянином, гибралтарская Group Menater Ltd, владевшая 61% нефтяной компании ЮКОС, раскрыла своих владельцев. Выяснилось, что у Ходорковского 9,5% акций Group Menater и он единственный бенефициар схемы, через которую оформлена собственность еще на 50% акций. Схема эта позволяла Ходорковскому в случае форс-мажорной ситуации, — например, заключения в тюрьму, — передать другому акционеру право распоряжаться акциями.

Когда и Ходорковский, и второй человек в Menater, Платон Лебедев, оказались за решеткой, право это перешло к Леониду Невзлину.

Под его руководством Group Menater — с тех пор сменившая название на GML, но по-прежнему действующая в Гибралтаре, — и ее дочерние компании активно судились с «Роснефтью», которой достались активы ЮКОСа после его банкротства, и с другими контрагентами раздербаненной нефтяной компании. Невзлину, заочно приговоренному в России к пожизненному заключению и мирно живущему в Израиле, нечего те-

рять и нечего бояться. Суды «дочки» GML и проигрывали, и выигрывали. В октябре этого года, например, американский суд постановил взыскать с входящего в «Роснефть» «Самаранефтегаза» почти \$186 млн в пользу люксембургской Yukos Capital, подконтрольной GML. Деньги с «Роснефти» получить пока не удалось — в России решение не признается.

Так или иначе, сколько денег удалось «отбить» GML, сколько она смогла выручить от продажи зарубежных активов, находившихся вне структуры российского ЮКОСа, сколько, наконец, осталось в ней ЮКОСовских дивидендов, не «вынутых» бенефициарами — и где теперь все эти деньги, — всего этого Ходорковский вполне может не знать. Неполное представление об активах акционеров GML — бывших топ-менеджеров ЮКОСа и родственных ему компаний — можно было бы получить через гибралтарский реестр компаний, но там не предусмотрена онлайн-регистрация пользователей, и к моменту сдачи этой колонки я ничего раздобыть из этого хранилища данных — в котором содержится отчетность GML за 2012 год — не сумел. Так что мне пришлось купить отчет о GML у компании Dun & Bradstreet. Там цифры не очень свежие, но из них понятно, что группа, когда-то управлявшая активами в \$30 млрд, сильно сжалась. Ее активы на конец 2010 года составляли \$292 млн. Поскольку основную часть обязательств компании (\$245,6 млн) составляли долги учредителям, можно считать, что капитал Ходорковского и партнеров и был примерно равен стоимости активов. То есть доля Ходорковского, на условиях 2002 года, была чуть больше \$170 млн.

Структура его активов наверняка намного сложнее, но вполне безопасно предположить, что Ходорковский сейчас — «простой» мульти-миллионер, обладатель состояния между \$100 млн и \$250 млн.

«Мое финансовое положение не ставит меня перед необходимостью работать ради зарабатывания денег», — сказал Ходорковский на берлинской пресс-конференции. А в разговоре с ограниченным кругом репортеров объяснил, что у него нет ресурсов, чтобы финансировать российскую оппозицию, но «на жизнь мне точно хватит — я, так сказать, футбольные клубы не покупаю».

Ходорковский — богатый человек, но не безудержный спонсор вроде Бориса Березовского, которого к концу жизни постиг финансовый крах. Если он и будет финансировать какие-то проекты в России, они вряд ли будут большими и точно не будут политическими: Ходорковский отлично осознает опасность для тех, кому он мог бы подкинуть денег «на борьбу с режимом».

Кроме того, Ходорковский обещал Владимиру Путину — так, по крайней мере, он сам говорит — не бороться за утраченные активы ЮКОСа. Правда, от имени Невзлина и прочих партнеров он такого обещания не давал, — но им и путинское помилование не понадобилось: они вовремя покинули Россию.

Ходорковский не представляет угрозы для Путина в первую очередь с финансовой точки зрения. Он недостаточно богат и слишком опасается навредить людям, чтобы подрывать режим методами, которых Путин так опасался в 2003-м.

Умный, состоятельный, не сломленный морально и физически 50-летний гражданин Ходорковский впечатляюще выглядит, хорошо говорит и многое знает. Но нужен ли он кому-либо в России? Не денежный мешок, не политик, не писатель или философ — просто человек, сознательно отказывающийся от борьбы за власть и больше всего боящийся повредить друзьям и коллегам, все еще сидящим в тюрьме?

Этим друзьям и коллегам — безусловно, нужен. Не факт, что он сумеет им помочь, но, по крайней мере, будет болеть за них, будет пытаться. А оппозиции, такой, какая у нас сейчас есть, он совершенно бесполезен. Он больше не знамя, потому что его выпустил Путин. И он не спонсор, потому что не может и не хочет им быть.

Медийному цирку вокруг Ходорковского пора сворачиваться. Дальше будет просто жизнь. «Он заслужил покой».

Почему Европа тянет с отменой виз для россиян

Forbes.ru, 20.12.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/248935-pochemu-evropa-tyanet-s-otmenoi-viz-dlya-rossiyan>

До тех пор пока ЕС дает «свободный доступ к телу» только жителям государств, в которых ему нравится власть, граждане прочих стран будут относиться к Европе с недоверием. На днях Еврокомиссия опубликовала отчет о том, как Россия выполняет требования ЕС для отмены визового режима. Выполняет, согласно этому документу, так себе — и «визовый диалог» России и Евросоюза, начавшийся еще в 2007 году, видимо, продлится еще много-много лет.

Например, правительство объединенной Европы не смогло оценить прогресс в области обучения сотрудников ФМС и загсов антикоррупционным мерам в связи с недостатком информации о содержании и результатах такового обучения. Например, в России слишком сложные условия пребывания с видом на жительство и разрешением на работу. Например, у нас непоследовательно принимаются решения о предоставлении политического убежища... И так далее.

Пожалуй, у любого профана, то есть обычного путешественника, не погруженного в тонкости организации миграционных процессов, по прочтении документа возникнет один главный вопрос: а почему ЕС на все это не наплевать?

Ведь что больше всего беспокоит европейских избирателей в связи с миграцией? Ответ известен: гипотетическое засилье тех, кто приезжает и остается. По данным большого опроса об иммиграции, проведенного German Marshall Foundation в пяти крупнейших странах ЕС в 2011 году, 42% жителей Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании считают, что в их странах живет «слишком много» людей, родившихся где-то еще. В Соединенном Королевстве, которое, по данным Евростата, в том же 2011 году было лидером ЕС по числу иммигрантов, такого мнения придерживаются и вовсе 57% местных жителей.

Больше того, 35% жителей пяти стран считают, что большинство иммигрантов находятся в их странах незаконно — что, конечно, полная чепуха. В той же Великобритании число нелегальных иммигрантов на конец 2007 года (последние доступные данные) оценивалось максимум в 863 000 человек, тогда как, по данным Офиса национальной статистики на конец прошлого года, все «неродное» население страны достигает 7,7 млн человек.

Так вот, если европейцев на самом деле беспокоит, что русские (а заодно украинцы, турки и все прочие, кому тоже не отменяют визы по, казалось бы, техническим причинам) без виз понаедут и останутся, то какая им разница, какое антикоррупционное обучение проходят в загсах города Урюпинска? Не безразличны ли им на самом деле условия получения российского вида на жительство молдаванами и китайцами? Какое все это имеет отношение собственно к иммиграции из России в ЕС?

Никакого. Как, впрочем, не имеет к ней никакого отношения и наличие или отсутствие виз.

Согласно прошлогодней официальной статистике, в Великобритании проживали 36 000 держателей российских паспортов и 35 000 — бразильских. Население Бразилии на 50 млн больше российского, но в целом две страны BRIC можно считать близкими по размерам и уровню развития. При этом для бразильцев в Великобритании нет краткосрочных виз, а для русских — есть.

Еще одна такая пара — Малайзия и Таиланд (25 000 и 24 000 их граждан, соответственно, живут в Соединенном Королевстве). Гражданам первой страны виза на краткосрочный въезд не нужна, второй — необходима.

Как влияет визовый режим на нелегальную иммиграцию, никто пока оценить не сумел — потребовалось бы слишком многофакторное исследование, да и надежных данных о числе нелегальных мигрантов по понятным причинам нет. Но в исследовании, проведенном в начале прошлого года Центром миграционной политики во Флоренции (который, кстати, финансируется Евросоюзом), говорится: «Шенгенский визовый режим используется как инструмент трудовой политики. Но он не особенно успешно защищает национальные рынки труда. Визы ни-

коим образом не остановили приток незаконных работников из Украины и Молдавии». И действительно, по данным этого исследования, легальных мигрантов из этих двух стран в ЕС в 2010 году было 687 997 и 197 856 соответственно. А нелегальных — минимум 1 млн и 200 000. То есть, несмотря на визовый режим, украинских и молдавских нелегалов в Европе и на самом деле, а не только в представлении местных бюргеров, было больше, чем законных иммигрантов!

Эти люди в основном не в контейнерах туда приезжают, спрятанные под каким-нибудь старым тряпьем. Они получают те самые визы — и не возвращаются в срок, работают домашней услугой или в сельском хозяйстве.

Станет ли иммигрантов больше, если визы отменить? Почти наверняка нет, если вспомнить британскую статистику, которую я приводил выше. Но Евросоюз скоро узнает, если захочет, ответ на этот вопрос: он уже принял решение отменить краткосрочные визы для молдаван, и в течение года они смогут ездить в Европу свободно.

Молдавия вроде бы выполнила все нелепые технические требования, с которыми России и, к примеру, Турции еще долго предстоит бороться, недоумевая, зачем европроверяющим те или иные не относящиеся к делу сведения. Несмотря на это Молдавия не перестала и не перестанет быть крупным источником нелегальных мигрантов: рабочие-то визы молдаванам все равно будут нужны.

Требования требованиями, но на самом деле отмена визового режима — политический подарок, знак благосклонности со стороны ЕС.

Молдавия получила его за подписание соглашения об ассоциации и торгового договора. А Россия за злобное поведение в ситуации с Украиной получила отчет с перечнем крючкотворских требований. Украина, в которой сотни тысяч людей выходили на улицы требовать евроинтеграции (удивительный случай по нынешним тощам для ЕС временам), не получила вообще ничего в отместку за то, что у нее, как и у нас, дремучее советское правительство.

До тех пор пока Европа дает «свободный доступ к телу» только жителям тех стран, в которых ей нравится власть, граждане прочих государств будут относиться к ЕС с недоверием. Сбор необходимых для визы документов и сам процесс ее получения — ненужная, унижительная трата времени. Европейцы как бы говорят: вообще-то мы вас не ждем. Докажите, что вы достаточно хороши, чтобы увидеть Париж или Лондон.

В результате я, например, хоть и езжу несколько раз в год за пределы России — и по работе, и чтобы отдохнуть — поездок в Европу без крайней необходимости избегаю. Для отдыха достаточно и безвизовых стран. И те несколько тысяч долларов, которые я трачу в отпуске, достаются не европейским экономикам.

Открыв границы — не для трудовых мигрантов, нет, только для туристов из России, Украины, Турции, Таиланда, вообще для всех стран, — Европа не только стала бы для нас ближе и роднее, она и заработала бы на нас гораздо больше. Замшелые власти, однако, не только у нас.

Послание Путина: цена вопроса

Forbes.ru, 12.12.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/248593-poslanie-putina-tsena-voprosa>

У свежего послания президента Федеральному собранию есть две основных идеи: 1) взять; 2) поделить

Взять планируется у бизнеса. Поделить — сообразно «консервативным», «государственным» приоритетам.

Отбирать деньги в этот раз будут у:

1) Строителей. «Органы местного самоуправления будут обязаны выставлять все свободные участки под застройку на торги по прозрачным и ясным процедурам», — сказал Путин. Это означает, что либо вырастут взятки, которые надо будет платить за выделение участков с розыгрышем соответствующего спектакля, либо, как всегда после введения аукционной системы, увеличатся «честные» цены.

Скорее всего, произойдет и то и другое.

Путинское предложение противоречит задаче сделать жилье более доступным, зато способствует более эффективному отбору денег в пользу государства и лично его представителей. Хотели бы на самом деле строить дешево — выделяли бы участки даром тем, кто гарантировал бы наименьшую цену жилья.

2) Владельцев и клиентов интернет-магазинов. «Знаю, что по инициативе фискальных органов правительство готовит предложения по упорядочению интернет-торговли», — сказал Путин. — Это тоже могло бы стать одним из источников средств для развития инженерной инфраструктуры». Какая связь между интернет-магазинами и канализацией, понятно не сразу.

Похоже, однако, что у фискальных органов созрел план спустить е-коммерцию в унитаз, предварительно ограбив.

Ни с точки зрения владельцев, ни с точки зрения потребителей интернет-коммерция ни в каком «упорядочивании» силами этих самых органов точно не нуждается.

3) «Институтов развития», к «серьезной инвентаризации» которых призвал Путин. Он сказал: «В последнее время их деятельность рассыпалась на множество разрозненных проектов, порой напрямую не связанных с инновациями. Мы не для того создавали эти институты раз-

вития». Речь идет об организациях вроде «Роснано», Российской венчурной компании, ВЭБа, фонда «Сколково». В послании против них да на команда «фас» — впрочем, и выделяло им деньги тоже государство: царь дал, царь взял.

4) Работодателей, нанимающих мигрантов. Прием их на работу надо «упорядочить» (см. пункт про интернет-торговлю). «Предлагаю, чтобы юридические лица и индивидуальные предприниматели также имели возможность нанимать иностранного работника на основе патента, — сказал Путин. — Стоимость патента будет определять сам субъект Федерации». Устанавливать сверхвысокую стоимость патентов не будет смысла ни одному региону — бизнес станет просто перетекать туда, где патенты дешевле; ничто не мешает дворнику, официально нанятому в Воронеже, работать в Москве: его туда отправят в командировку.

Приток мигрантов точно не уменьшится, зато государство введет очередной побор.

5) Владельцев офшорных компаний. «Доходы компаний, которые зарегистрированы в офшорной юрисдикции и принадлежат российскому собственнику, конечному бенефициару, должны облагаться по нашим налоговым правилам, а налоговые платежи должны быть уплачены в российский бюджет», — сказал Путин. Идея вполне в рамках международной практики: все доходы американского налогового резидента, например, облагаются американскими налогами, где бы они ни были получены. Реализация, однако, и в Штатах хромает. Корпорациям вроде Google и Facebook удается выстроить налоговые схемы, позволяющие им практически ничего не платить не только в Америке, но и вообще. В последнее время получила широкую известность применяемая этими двумя и многими другими компаниями схема Double Irish, по которой одна ирландская компания получает львиную долю доходов интернет-гиганта, а потом выплачивает их в виде роялти за использование интеллектуальной собственности другой ирландской компании, являющейся налоговым резидентом каких-нибудь Каймановых островов (по законам Ирландии такое возможно). Дивиденды выплачиваются на Кайманах. Что будет делать Путин с этой схемой, которую пока не сумели победить Америка и Евросоюз?

Ну, просто найдет, как взять деньги «по понятиям», с помощью силовиков.

«Нужно продумать систему, как эти деньги изъять», — сказал Путин. Так ведь есть уже такая система. И в первую очередь продавцам ТНК-ВР, прямо упомянутым в послании Путина, имеет смысл думать, как обезопасить себя и вырученные от сделки деньги. Отказ от российского паспорта — отличный способ; если успеть поменять гражданство и место жительства, авось не ограбят.

Как будут отобранное у этих и других категорий граждан делить,

в послании тоже сказано. Приоритеты — оборона («Ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией»), развитие Дальнего Востока (там будут снижаться налоги и расти госинвестиции), «закрепление людей на земле» (эти слова заставили многих вздрогнуть, но пока имеются в виду вложения в сельскую инфраструктуру).

У Путина есть много идей, что делать в каждой сфере — он даже объяснил в послании, как именно надо строить детские сады (так, чтобы в них могла заниматься и начальная школа).

Если отдать ему деньги, идеи будут осуществляться ровно настолько, насколько лично Путин В. В. сумеет за этим уследить. У других не всегда получается: в послании президент несколько раз сказал: «Где все эти меры?», «Ничего как следует в этой сфере не сделано за год» и т. п.

У бизнеса, продолжающего вывозить деньги и уезжать из страны, есть еще один повод подумать, отдавать ли деньги на таких условиях и на такие цели.

Китайская рулетка: почему частным инвесторам не стоит покупать биткоины

Forbes.ru, 06.12.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/248301-kitaiskaya-ruletka-pochemu-chastnym-investoram-ne-stoit-pokupat>

Создатели виртуальной валюты мечтали о частных деньгах, но получился еще один инструмент для спекуляций

Китайский центробанк напрасно запретил банкам торговать биткоинами, виртуальной валютой, которая в 2010 году стоила 4 цента за единицу, в начале этого года — \$13, а к концу ноября уже больше \$1200 — и даже, на какое-то недолгое время, дороже унции золота.

Лучше бы он запретил это частным инвесторам.

Народный банк Китая вмешался, потому что цену разогнали именно в этой стране. Еще в прошлом году Китай был на седьмом месте в мире по объему операций с биткоинами, в августе этого года — на втором после США, а теперь на него приходится 62% всего мирового объема. Самая большая в мире биржа виртуальной валюты — китайская BTC China. Там в ноябре прошли сделки с 1,8 млн биткоинов. Вторая по объему торгов биржа, японская Mt. Gox, пропустила через себя 700 000 «монет».

После запрета курс биткоина сразу упал. На сколько? Это, знаете ли, зависит от площадки. На сайте bitcoincharts.com курс предложения, когда я писал этот текст, варьировался от \$799 за биткоин до \$1150. Мо-

жет показаться, что это дает игроку потрясающую возможность для арбитража, которой мог бы воспользоваться даже любитель — но на самом деле нет. Многие из «бирж» действуют в странах, из которых трудно выводить серьезные суммы в реальных валютах, а у других проблемы с ликвидностью — Mt. Sox, например, регулярно задерживает долларовые выплаты, поэтому и курс биткоина там выше, чем на многих других площадках: нетерпеливые инвесторы покупают биткоины, чтобы продать их где-то еще. Комиссии за переводы и конвертацию и прочие транзакционные издержки радикально затрудняют спекулятивную игру.

Другой способ зарабатывать на биткоинах — делать их «из воздуха», генерировать с помощью компьютерного «железа». Сейчас в обращении порядка 11,5 млн биткоинов, а общее их возможное количество ограничено 21 млн (чтобы объяснить, почему, надо пускаться в сложные технические объяснения). Постепенно генерация виртуальных денег требует все большей вычислительной мощности, и некоторые даже вкладываются в специальные «фермы» по «добыче» биткоинов, мощные компьютерные центры, которые не заняты больше ничем, как в Гонконге, начавший действовать в октябре.

Зато просто покупка биткоинов как инвестиционных инструментов — дело нехитрое и доступное любому «чайнику». Как водится в финансовом секторе, «чайники» необходимы профессионалам, чтобы разогреть рынок. Где их взять в неограниченном количестве?

Конечно же, в Китае.

Приход частных инвесторов выгоден владельцам торговых площадок, в том числе недобросовестным: в том же Гонконге в октябре неожиданно закрылась и бесследно исчезла одна из биткоин-бирж, унеся с собой 31,8 млн гонконгских долларов (\$4,1 млн), принадлежавших инвесторам. Те ринулись в Гонконг из материкового Китая, нашли помещение, которое раньше занимала биржа, но оно уже пустовало.

Не отобьют своих денег без «чайников» и те, кто вкладывается в дорогое оборудование для «добычи» криптовалюты, — им нужен высокий обменный курс, который обеспечивают именно мелкие инвесторы.

У последних свои причины втягиваться в игру. Во-первых, китайцы зверски азартны, — это знает всякий, кто видел их в казино Макао. Во-вторых, они склонны делать сбережения и постоянно ищут для этого быстро дорожающие инструменты. Биржа, недвижимость — все это недостаточно доходно по сравнению с биткоинами. В-третьих, учитывая ограниченную возможность вывода средств в юанях за границу, операции с нерегулируемой, но легко обмениваемой на доллары валютой — это глоток финансовой свободы.

Для инвесторов биткоин — не деньги, которыми можно расплачиваться за товары и услуги (с недавних пор даже за обучение в кипрском

Университете Никосии). Это для них эквивалент золота. У биткоинов даже есть некоторые свойства главного драгоценного металла, отличающие его от денег: они делятся на сколь угодно более мелкие единицы, и их ограниченное количество. Они в чем-то и удобнее, чем золото: их не надо хранить и перемещать в материальном виде.

Нет у них только главного свойства золота, говорит инвестор и финансовый комментатор Питер Шифф, — реальной стоимости. Из биткоинов не сделаешь обручальное кольцо, их не используешь в производстве электронных компонентов. Этим они похожи на современные деньги, а не на благородный металл: они всего лишь мера доверия покупателей и продавцов друг к другу.

Собственно, и задуманы они были основателями системы именно как деньги, а не как инвестиционный инструмент. Использовать их для накопления ничуть не безопаснее, чем играть в МММ, хотя сама система — не пирамида, потому что в ней ограничена и затруднена эмиссия. Зато ничем не ограничен спекулятивный рост цен, который подпитывает каждая новая сделка.

Сейчас идет много разговоров о необходимости регулирования криптовалютного рынка. Китайский нарбанк вот уже занялся им. Только, возможно, не с того конца.

Объем торгов биткоинами пока сравнительно небольшой: за ноябрь BTC China наторговала на какой-нибудь миллиард долларов США, а на Гонконгской фондовой бирже дневной объем торгов акциями — \$7,5 млрд. Основную опасность биткоины представляют не для финансовых институтов, а для частных инвесторов, на которых запрет китайских регуляторов не распространяется.

Мало того что спекулятивный рынок биткоинов извращает исходную идею: он категорически не готов для частных инвесторов.

Правильнее было бы закрыть его для них и позволить профессионалам развить инфраструктуру: устранить огромные спреды и возможности для географического арбитража, насытить биржи ликвидностью. Заодно прекратился бы и сверхбыстрый рост обменного курса. И «чайников» перестала бы интересовать возможность неправильного использования криптовалюты. Она лишь стала бы более надежным, чем сейчас, средством обмена.

Площадь чемодана: как владельцы брендов покушаются на святое

Forbes.ru, 28.11.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/247984-ploshchad-chemodana-kak-proizvoditeli-brendov-pokushayutsya-na-s>

Авторы рекламной кампании Louis Vuitton не подумали, что национальные чувства — непредсказуемая сфера

Рекламный креатив — сфера неожиданного. Ни самим рекламщикам, ни их начальству, ни даже фокус-группам не дано предугадать, как отзовется слово или образ. Взять хоть чемодан на Красной площади: приходило ли в голову креативщикам компании LVMH такое разнообразие реакций?

В самой компании отказываются говорить, чем и о чем там думали, — только ссылаются, вполне бессмысленно, на то, что такой же сундук (только, видимо, поменьше) был у князя Владимира Орлова, кавалерийского генерала, исполнявшего обязанности личного шофера семьи Николая II, а после победы большевиков оказавшегося во Франции. Самому князю разве что в кошмаре мог привидеться его распухший до безобразия чемодан, помещенный в центр Красной площади, — впрочем, из княжеского дурного сна и конструктивистский шедевр архитектора Алексея Щусева, что как раз напротив чемодана.

А раз в LVMH не могут объяснить, почему это была хорошая идея, придется нам гадать, удачный ли вышел рекламный ход.

Для начала не помешает поместить креативную идею LVMH в ряд подобных опытов с национальными чувствами. Их в истории рекламного бизнеса было немало.

Скажем, реклама водки Absolut для мексиканского рынка со старой картой, на которой почти половина территории нынешних США еще принадлежит Мексике. Так выглядит «Абсолютный мир», сообщили креативщики шведской компании в 2008 году — и вскоре шведам пришлось записывать извинения и автоматически проигрывать их каждому, кто звонил на «горячую линию» Absolut в США. Макет, естественно, распространился по Америке с огромной скоростью — граница между странами этому помешала не больше, чем мешает она миграции.

Или, например, ролик скидочной компании Groupon, вышедший в телеэфир в самый дорогой прайм-тайм США, во время решающего матча чемпионата по американскому футболу 2011 года. Вот с таким текстом: «Народ Тибета в беде. Его культура под угрозой. Но тибетцы все равно делают потрясающее рыбное карри! И с тех пор, как мы, 200 человек, приобрели групповую скидку в Groupon.com, мы едим на \$30 тибетской еды всего за \$15 в ресторане «Гималаи» в Чикаго».

Среди читателей этого текста вряд ли есть тибетцы, но иногда полезно посмотреть на рекламу «с национальным колоритом» со стороны. А то русских, к примеру, в случае с чемоданом на Красной площади отвлекает от сути дела моральный облик тех, кто у нас так любит произносить слово «сакральный».

В этом году компания Henkel вынуждена была не просто прекратить рекламную кампанию, а и вовсе убрать с рынка продукт — освежитель для унитазов Bref Duo Stick. Штуковина, которую клеят на внутреннюю поверхность унитаза, выглядит точь-в-точь как украинский государственный флаг: голубая полоса, желтая полоса. Украинцы увидели рекламу освежителя по российскому телевидению, и германскому производителю пришлось оперативно реагировать — объяснять, что они совсем не это имели в виду и вообще не планировали продавать Bref Duo Stick в Украине. Объяснения эти, впрочем, только пуще разозлили «свидомых» блогеров: значит, спускать украинский флаг в унитаз сознательно предложили только москалям?

LVMH вполне предсказуемо обидела коммунистов, построив чемодан больше мавзолея: 30 м по фасаду против 24 м. Допустим, они не покупают сумки Louis Vuitton (хотя в России я бы не был так уверен: ходят же здешние коммунисты в церковь). LVMH не менее предсказуемо обидела почвенников: кроме мавзолея там еще памятник Минину и Пожарскому стоит. Наверное, и националисты не покупают «вюитонов» — по крайней мере, на Русском марше коричневые сумочки с монограммой LV замечены не были. То есть никаких особенных потерь?

Есть потери, и наиопаснейшие. LVMH раздражила своим гигантским чемоданом кремлевских. «Проблемы с чувством меры очевидны», — высказался президентский пресс-секретарь Дмитрий Песков. Да и демонтировать чудо начали по звонку из Кремля. Может, разозлили тамошних обитателей анекдоты про собравшегося, наконец, на вокзал Путина?

Главные русские покупатели предметов роскоши, особенно внутри России, а не в Миланах и Парижах, — чиновники, их семьи и любовницы. Не с руки им будет демонстрировать даже в своем кругу эти самые логотипы LV после того, как на самом верху поморщились. Да и, опять же, надругательство над национальной святыней, охраняемой специальным законом... А как же духовные скрепы? Пожалуй, пора переходить на Céline: у нее логотип не такой приметный.

Разве что на подростковый бунт чиновничьих дочек приходится рассчитывать.

Акция понравилась редакторам глянцевого журналов (попробовали бы они высказаться иначе) да мастерам современного искусства, которых чемодан порадовал как постмодернистский символ новорусского кича. Но первых агитировать за бренд-рекламодатель и так не надо было, а вторые скорее умрут, чем появятся в общественных местах с Louis Vuitton.

Так что рекламный кейс — приношу извинения за чужой каламбур — надо, видимо, записывать в необдуманные и неудачные. Стоял бы княжеский чемодан где-нибудь в Парке Горького или Сокольниках, глядишь, привлек бы доброжелательное внимание и собрал денег для благотворительного фонда Натальи Водяновой, беременной сейчас от Антуана Арно, директора по коммуникациям Louis Vuitton и сына владельца LVMH Бернара Арно.

А с национальными чувствами шутки плохи. Правильная стратегия в рекламе — не трогать их вообще. Как не стоит разговаривать с незнакомыми людьми о политике и религии.

Национальные чемпионы: как российские госменеджеры обогнали западных

Forbes.ru, 22.11.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/247732-natsionalnye-chempiony-kak-rossiiskie-gosmenedzhery-obognali-zap>

Зарплаты руководителей крупнейших в России госкомпаний ничем не оправданы

Некоторые российские топ-менеджеры не просто много зарабатывают: столько денег, сколько им, в развитых странах не платят никому в аналогичных отраслях. Речь о наших госбанкирах и госнефтяниках. Их вознаграждение не соразмерно ни масштабам деятельности вверенных им компаний, ни тем более средней зарплате сотрудников.

Скажу сразу: этот текст опирается на данные опубликованного Forbes списка самых «дорогих» российских топ-менеджеров. Возможно, в нем есть неточности — но лишь потому, что российские компании не публикуют сведений о вознаграждении конкретных топ-менеджеров, только об общей сумме выплат руководству, да и то не всегда. В случае компаний, контролируемых государством, такое поведение не только трусливо, но и неприлично. Чем больше денег получает топ-менеджер такой компании, тем меньше дивидендов достается государству, то есть в конечном счете нам всем. В общем, если кого-то в госкомпаниях возмутят нижеследующие сравнения, пусть предоставят официальную информацию о доходах каждого из своих первых лиц, тогда и поговорим.

На первой строчке рэнкинга президент «Роснефти» Игорь Сечин с доходом \$50 млн за 2012 год. В приведенном на сайте американской федерации профсоюзов AFL/CIO списке 100 самых высокооплачиваемых генеральных директоров США всего восемь «топов» с более высо-

ким доходом. Руководителей нефтяных компаний среди них нет.

Глава Exxon Mobil Рекс Тиллерсон в прошлом году заработал \$40 266 501 (да, его доход известен с точностью до доллара — а что тут скрывать?) При этом рыночная капитализация Exxon Mobil на момент написания этого текста составляла \$433,66 млрд, а выручка компании за 2012 год достигла \$482 млрд — соответственно, в 5,5 раза и 4,9 раза больше, чем у «Роснефти».

Может быть, Сечин заработал больше Тиллерсона, управляя в пять раз меньшим хозяйством, потому что активнее генерировал стоимость для акционеров?

Эта теория не так уж и нелепа: акции «Роснефти» за 2012 год выросли на 22%, а бумаги Exxon Mobil в начале и в конце года котировались на одном уровне. Наверное, этим же можно объяснить, почему Сечин заработал в полтора раза больше Джона Уотсона из Chevron (его доход за 2012 год — \$32 227 122), хотя рыночная капитализация «Роснефти» втрое меньше, чем у Chevron. У американской компании акции за год не выросли, а у нашей — вон как!

Впрочем, «Роснефть» в конце года рванула на бирже из-за готовившейся сделки по приобретению ТНК-ВР, фактически завершившей национализацию нефтяного сектора в России. А ни Exxon Mobil, ни Chevron таких крупных приобретений не делали.

Есть еще один показатель, по которому доход Сечина совершенно несуразен: отношение к средней зарплате сотрудника компании. Доход Тиллерсона из Exxon Mobil в 2011 году (более свежих данных нет в соответствующем рейтинге Bloomberg) был в 1162 раза выше, чем у среднего сотрудника, Уотсона из Chevron — в 930 раз. Доход Сечина в 2549 раз превышает годовую зарплату среднего «роснефтевца», зарабатывавшего в 2012 году 50 667 рублей в месяц.

Такого соотношения нет ни в одной компании Америки, страны, где топ-менеджерам платят щедрее всего в мире. В Европе же, особенно на севере континента, заработки CEO превосходят зарплаты сотрудников в десятки, а не в сотни и тысячи раз. В Швейцарии на всенародное голосование 24 ноября вынесено предложение ограничить выплаты топ-менеджерам двенадцатикратным средним заработком их подчиненных. Скорее всего, большинство проголосует против, но примерно каждый третий в стране поддерживает ограничение.

А у нас — Сечин, и он не один такой. Глава ВТБ Андрей Костин заработал \$35 млн, в полтора раза больше Ричарда Фербенка (доход \$22 605 374), руководителя Capital One — шестой в США банковской группы по объему частных вкладов и одного из крупнейших в стране эмитентов пластиковых карт. Рынок оценивает Capital One в \$39,7 млрд, а ВТБ — в 2,8 раза дешевле. Активы Capital One — вдвое больше, чем у российского госбанка.

Акции ВТБ в 2012 году не выросли. Бумаги Capital One взлетели на 32%. И тем не менее Костин заработал в 714 раз больше среднего сотрудника своего банка (по данным РИА Рейтинг), а Фербенк превзошел своего среднего подчиненного лишь в 652 раза.

Доходу Костина нет никаких, даже умозрительных оправданий.

ВТБ заплатил ему, если верить Forbes, не только в полтора раза больше, чем Capital One Фербенку, но и в 1,7 раза больше, чем Goldman Sachs — Ллойд Бланкфайну, настоящей рок-звезде банковского сектора. Спросите любого финансиста, кто более сильный CEO банка — Бланкфайн или Костин: как вы думаете, что вам ответят?

В частном секторе у нас таких безобразий нет: \$15 млн Дмитрия Разумова из «Онэксима» или Ивана Стрешинского из USM Holdings Алишера Усманова вполне соразмерны активам, находящимся у них в управлении. В Америке главы компаний такого размера зарабатывают сравнимые деньги.

Неужели государственным бизнесом сложнее управлять, чем частным? Или для работы в нем требуются какие-то уникальные навыки, которых нет ни у кого на рынке? Или для «Роснефти» и ВТБ трудно найти адекватных менеджеров, потому что никто не хочет их возглавлять? Нет, нет и нет. Российские государственные менеджеры не должны зарабатывать больше глав крупнейших американских публичных компаний, и не только потому что, оказавшись в Exxon Mobil или Capital One, они едва ли сумели бы подхватить бразды правления. Сотрудники этих самых госкомпаний, хоть и благоденствуют относительно других российских жителей, все же зарабатывают существенно меньше американских коллег. Большие российские начальники, принимая вопиюще нескромное вознаграждение, показывают свое отношение к подчиненным. Надо сказать, вполне государственное.

Почему доверие американских подростков стоит дороже \$3 млрд

Forbes.ru, 15.11.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/247411-pochemu-doverie-amerikanskikh-podrostkov-stoit-dorozhe-3-mlrd>

Успех мессенджера Snapchat показывает, что модный интернет-проект может заинтересовать инвесторов и без внятной бизнес-модели

В среду, 13 ноября, The Wall Street Journal сообщила, что основатель компании Snapchat, 23-летний Эван Шпигель, отказался от предложения Марка Цукерберга продать компанию за \$3 млрд. На тот момент Snapchat занимал 1173-е место по числу загрузок в российском магазине

iOS-приложений. Новость подняла его на 263-ю позицию — чудесный взлет для мессенджера, которым у нас мало кто пользовался.

Я тоже скачал себе Snapchat. Из более 1000 контактов в моем мобильном телефоне приложение оказалось установлено у семерых. Не думаю, что эти люди — серьезные, взрослые, при должностях — им пользуются: тоже, небось, заинтересовались \$3 млрд Цукерберга. Штучка откровенно и недвусмысленно подростковая. В ней можно посылать друг другу фотографии и видео, которые через несколько секунд — от 1 до 10 — самоуничтожаются. Для чего нужен такой сервис? Первое, что приходит в голову, — подростковый флирт с пересылкой возбуждающих фоток и сообщений, которые не должны увидеть предки, когда будут копаться в телефоне. В английском существует термин — sexting. Когда Шпигеля обвиняли в том, что именно для этого он и создал приложение, он отмахивался: мол, зачем это, когда можно заниматься настоящим сексом.

Но в том-то и дело, что тинейджерам можно не всегда.

Конечно, Snapchat используют и для других целей, но они тоже непонятны взрослому. Только нынешнее поколение растет с неудержимой потребностью фиксировать каждый свой шаг: что видишь вокруг, что ешь, чем занимаешься. Snapchat делает фиксацию такой же краткосрочной, эфемерной, как сам опыт. «Истории» — серии фотографий или видеоклипов — пополняются и хранятся 24 часа. Знакомые могут заходить в твой профиль и отслеживать твою жизнь (помните, в раннем Фейсбуке тоже надо было навещать «стены» знакомых, чтобы быть в курсе их дел?).

В Snapchat концепцию обдумали с экзистенциальной точки зрения. Штатный социолог Snapchat Натан Юргенсон писал в блоге проекта: «Социальные медиа сейчас в подростковом возрасте, но они пока не приспособлены для подростков как таковых... Требование существующих социальных сетей, чтобы пользователи навсегда сохраняли и демонстрировали информацию о себе, вредит бесценной игре идентичности. Иначе говоря, многие из нас хотят, чтобы социальные медиа были больше похожи на парк, чем на торговый центр. Чтобы они были менее стандартизированными, зажатыми, охраняемыми. Парк — это место, где иногда можно делать глупости».

Философия, иными словами, у проекта есть, а бизнес-модели нет. Компании пытаются использовать Snapchat для рекламы. Например, интернет-магазин одежды Karmaloop затеял постить фотки с намеками на секс — и обзавелся в специфической соцсети 2000 френдов. Но сам Шпигель с монетизацией не торопится: в сегодняшней Кремниевой долине в твой проект, набравший популярность у пользователей, скорее вложат деньги до того, как ты сделаешь первую попытку заработать, чем после первых неудач на этом пути.

Так за что Цукерберг предложил \$3 млрд? За популярность у молодых американцев (по данным социологической службы Pew, 26% интернет-пользователей США в возрасте 18-29 лет используют Snapchat)? Такое объяснение было бы не совсем логичным: 43% этой возрастной группы использует Instagram, еще в прошлом году купленный Facebook за \$1 млрд и продолжающий наращивать пользовательскую базу (сейчас это уже больше 150 млн человек), так что у компании нет необходимости тратить много денег на проникновение в этот сегмент.

Может быть, тогда за сам продукт? Ни в коем случае.

В прошлом году Facebook всего за 12 дней клонировал Snapchat, создав собственное приложение с таким же функционалом под названием Poke. Оно до сих пор доступно в AppStore, но никто им не пользуется: не модно.

Собственно, за моду Цукерберг и хотел заплатить. Facebook стал таким большим, что в нем теперь обретаются родители, а то и бабушки с дедушками. Есть даже блог на Tumblr под названием «Блин, мои родители теперь в Фейсбуке» — там скриншоты с примерами нелепого вмешательства предков в подростковую жизнь. Любой сервис под маркой Facebook для этой аудитории не просто подозрителен — он никогда не будет «в тренде».

Цукерберг теперь понимает, что, хотя он мог бы за несколько недель, в худшем случае месяцев, воссоздать любой из популярных у молодежи социальных сервисов — и технические задачи, и идеи у них не то чтобы запредельно сложные, — ему нет смысла это делать. Экспансия и коммерциализация сделали марку Facebook одной из самых дорогих в интернете, но убили ее привлекательность для стремящихся быть модными подростков.

Цукерберг готов не только платить высокую цену за «трендовые» марки, но и бережно с ними обращаться. Позволил же он Instagram сохранить операционную независимость и даже с монетизацией не стал торопить — реклама появится в этой сети лишь в следующем году. Основатель Facebook старается не спугнуть капризную моду. Так что Шпигелю наверняка ничто не помешало бы развивать сервис и после продажи. Он, однако, тоже все понимает про моду: если ее можно продать за \$3 млрд одному Цукербергу, то инвесторы на бирже заплатят неизмеримо больше. В этом можно было только что убедиться на примере Twitter, еще одного сервиса с «недоказанной бизнес-моделью», но с ясной философией и без «родительской» стигмы Фейсбука.

Красивая история: в чем секрет привлекательности Twitter

Forbes.ru, 08.11.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/247006-krasivaya-istoriya-v-chem-sekret-privlekatelnosti-twitter>

Почему глубоко убыточная соцсеть вызвала такой ажиотаж у инвесторов

Twitter разместил свои акции по \$26 за штуку, что означает оценку всей компании в \$14,1 млрд. За первые 15 минут бумаги взлетели до \$50, после чего опустились и на момент закрытия торгов стоили \$44,90 (капитализация \$24,5 млрд). Дороговато для компании, у которой еще не было ни одного прибыльного квартала? Наверное, было бы осторожно и осмотрительно так думать. Но крупные инвесторы все же купили акции и рассчитывают на их дальнейший рост. Сейчас гораздо интереснее подумать, почему они так сделали, чем пророчить новый интернет-пузырь.

Если сравнивать отношение рыночной капитализации к выручке у трех компаний с похожими бизнес-моделями — Twitter, Facebook и LinkedIn — сервис микроблогов кажется слишком дорогим на сегодня, но не на завтра и тем более не на послезавтра.

	Рыночная капитализация, млн \$	Отношение капитализации к выручке, раз			
		2012	9 мес. 2013	2014	2015
Twitter	14100	44,5	33,4	12,4	7
Facebook	119620	23,5	22,6	11,6	9
LinkedIn	24750	25,5	22,9	12,6	11

Если верить прогнозам аналитиков и специализированных компаний вроде eMarketer, выручка Twitter будет расти быстрее, чем у других соцсетей.

Хотя бы потому что он начал монетизироваться позже них. Первые рекламные продукты Twitter, согласно его презентации для инвесторов, запустил лишь в середине 2010 года, а на мобильных платформах и вовсе в феврале 2012 года. В третьем квартале 2013-го 70% рекламных доходов компания получила именно от мобильной рекламы. Facebook

сконцентрировался на рекламе как основном источнике доходов еще в 2008 году, поэтому уже был прибыльным на момент прошлогоднего IPO. Но у него доля доходов от мобильной рекламы в третьем квартале этого года составила лишь 49%.

Недавно Facebook признал, что теряет долю аудитории среди младших подростков. Они предпочитают Instagram (который, впрочем, часть Facebook), Twitter и некоторые менее «мейнстримные» социальные сервисы.

В результате Twitter кажется инвесторам более перспективным, чем другие соцсети: он находится на более ранней стадии развития, он «мобильнее» и привлекательнее для подростков — аудитории будущего.

Высокая цена его акций — это ставка на определенный сценарий будущего развития, в котором побеждают «твиттеровские» краткость и мгновенность взаимодействия.

Кстати, и сама по себе модель монетизации Twitter более современная и модная, чем у конкурентов. Компания, в отличие от них, не продает «клики» на рекламные объявления и тем более их показы — она торгует субстанцией, называемой engagement. Этот показатель — сумма числа ответов, ретвитов и упоминаний, которые получает рекламодатель. Он платит, только когда потребитель вступает в осмысленный, качественный контакт с брендом, а не просто видит рекламу или — возможно, по ошибке — кликает на нее. Инвестиции в Twitter — это и ставка на эволюцию рекламной модели в направлении, наиболее интересном для рекламодателей.

Есть и еще одно наблюдение, способное расположить инвесторов к Twitter. На исследования и разработки приходится большая доля его расходов, чем у Facebook и LinkedIn — 36% против 27-28%, а на зарплаты управленцев, юристов, кадровиков и прочего административного персонала — меньшая доля, 10% против 14-15%. То есть Twitter активно вкладывает деньги в развитие и обладает достаточно «стройным» административным аппаратом. Это тоже хорошие сигналы на будущее.

Вы наверняка заметили, в каких странных, не вполне финансовых терминах я описываю привлекательные стороны Twitter: сигналы, ставки, мода. Все эти слова — скорее из арсенала продавцов, чем аналитиков. Кто-то, например Twitter и организаторы его IPO, может продать инвесторам историю с интригующим продолжением. Рынок тоже может верить в нее, и, если прогнозы и ожидания совпадут с реальностью, цена акций будет расти. Так было с LinkedIn, да и Facebook после долгих неудач на рынке торгуется сейчас почти на 30% выше цены размещения. Иначе говоря, у инвесторов есть разумные ожидания, что на акциях Twitter в перспективе можно будет заработать.

Только настоящий зануда может на это возражать, что компания на самом деле вряд ли может стоять не только в 20, но и в 10 раз больше годовой выручки.

Если бы не было возможности торговать акциями соцсетей на фондовом рынке, а пришлось «отбивать» расходы на покупку акций дивидендами, нынешние инвесторы в эти бумаги могли бы не дожить до прибыли.

Кто и сколько зарабатывает на IPO Twitter

Forbes.ru, 07.11.2013

<http://www.forbes.ru/infographics/sobytiya/biznes/247002-kto-zarabotal-na-ipo-twitter>

В Нью-Йорке стартовали торги акциями сервиса микроблогов. Одна бумага оценена в \$26, вся компания — в \$14,1 млрд. Сколько на этом размещении заработают акционеры компании?

Зануды вроде Уоррена Баффетта и его друга Билла Гейтса не покупают такие бумаги; в их портфелях, согласно сайту gurufocus.com, нет ни Facebook, ни LinkedIn. После IPO Facebook, когда курс акций компании обрушился, Баффетт философски заметил: «Падают разные акции. Вопрос в том, стоит ли Facebook \$100 млрд, \$50 млрд или \$200 млрд». Ответить на этот вопрос не так-то просто и сейчас: в цену акций самой большой соцсети заложено слишком много ожиданий и предположений о том, как будет развиваться рынок цифровой рекламы.

Впрочем, нас, пользователей, которых функционал соцсетей интересует гораздо больше, чем курсы их акций, может только радовать энтузиазм инвесторов, более склонных спекулировать на ожиданиях и предположениях, чем Баффетт и Гейтс. Эти люди дают компаниям вроде Facebook и Twitter деньги на улучшение сервисов, разработку новых полезных функций, внедрение новых способов монетизации. Даже если компании не заработают ожидаемых денег, внедрив все эти новшества, мы все равно выиграем. Наше дело — болеть за сильных духом. Спасибо им — и пусть продадут дороже, чем купили.

Уход провинциалов: что разрушило глобальный бизнес Sanoma

Forbes.ru, 01.11.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/246835-ukhod-provintsialov-cto-razrushilo-globalnyi-biznes-sanoma>

Один из крупнейших издательских домов России оказался заложником неправильной стратегии финской компании

Последняя независимая газета в России до конца года сменит по крайней мере одного из владельцев по причинам, совершенно не свя-

занным с политикой. Собственник 33-процентной доли в газете «Ведомости», финская Sanoma, проводит реструктуризацию, словно ее менеджеры водят пальцем по строчкам учебника. Она избавляется от всех недостаточно значимых и недостаточно цифровых активов, окончательно уверовав в бесперспективность бумажных СМИ и традиционных медийных бизнес-моделей. Российское подразделение — Cosmopolitan, Esquire, Men's Health, National Geographic, та самая доля «Ведомостей» — тоже попало под топор, и в этом есть логика.

До 2001 года Sanoma, издатель уважаемой газеты Helsingin Sanomat, была мирной, сугубо финской, а значит, провинциальной медиакомпанией. Шанс стать международной дала ей покупка журнального бизнеса голландской VNU, которая решила заняться исследованиями рынка, а издательское дело забыть (теперь это решение голландцев кажется пророческим, хотя в то время его мало кто понял).

Sanoma заплатила VNU €1,25 млрд в основном заемных средств — и в одночасье стала крупным издателем журналов в Нидерландах, Бельгии, Чехии, Венгрии, Румынии, Словакии.

Провинциалы вырвались на европейскую арену.

У VNU была 35-процентная доля и в российском газетно-журнальном бизнесе, компании Independent Media, основанной голландцем Дерком Сауэром, но она в сделку не вошла. Сауэр ненадолго позвал в партнеры Владимира Потанина, но счастья не вышло, и в 2005 году Sanoma приобрела Independent Media целиком за €142 млн. Теперь у финнов были и российские, и украинские журналы — IM работала не только в Москве, но и в Киеве.

Для российского рынка Independent Media была важной компанией: чемпионом среди глянцевого издателей по выручке и владельцем 33-процентной доли «Ведомостей», единственного в мире проекта, в котором лидеры деловой прессы — Financial Times и Dow Jones, собственники двух других равных долей, — отказались от конкуренции и решили работать вместе. Но в масштабах огромного международного бизнеса, оказавшегося в руках Sanoma, IM была песчинкой. В 2012 году выручка российского подразделения составила €80 млн, всего 3,3% от общей выручки холдинга. На Украину и вовсе приходилось 0,6% выручки.

Лягушке, раздувшейся до размеров быка, было нелегко поддерживать форму.

После кризиса Sanoma задумалась о реструктуризации и стала нанимать консультантов. Пытаясь оценить разбросанный по всей Европе бизнес финнов, они заваливали московский офис километровыми типовыми опросниками, в которых интересовались, например: «Сколько фабрик вы открыли в этом году?». Менеджеры, воспитанные в предпринимательской компании Сауэра и отродясь не открывавшие фабрик, впадали в ступор. Вскоре Сауэр, оставшийся председателем со-

вета директоров IM, и гендиректор Елена Мясникова покинули издательство.

А Sanoma осталась со своими размышлениями о будущем медиа. Финские менеджеры видели, что доходы от подписки и розничной продажи бумажных изданий, составлявшие в 2012 году 34% выручки группы, снижаются: читатели уходят в интернет. «Рекламодатели следуют за потребителями, — рассуждал гендиректор Sanoma Харри-Пекка Кауконен в отчете компании за III квартал 2013 года. — Мы реагируем: планируем перестроить наш медиабизнес, сфокусироваться на более структурно привлекательных рынках и трансформировать бизнес в сторону цифровых сервисов».

Sanoma не сегодня озоботилась «цифровизацией»: в 2011-2012 годах она избавилась от сетей киосков для продажи прессы, а год назад продала долю в типографии Hansaprint. Sanoma — компания публичная, торгуемая на хельсинкской бирже, а нынешние инвесторы не понимают компаний, у которых много «старорежимных» активов, связанных с устаревшей системой дистрибуции контента.

Журналы и газеты — это тоже не модно. А российское подразделение Sanoma осталось газетно-журнальным. Да, оно создало 30 сайтов и наделало мобильных приложений под брендами своих «бумажных» продуктов, и эти приложения в 2012 году скачали аж 1 173 338 раз. Но похвастаться высокой долей «цифровых» доходов Sanoma Independent Media не могла. Гордость у менеджеров вызывала 14-процентная доля выручки журнала «Популярная механика», принесенная онлайн-проектами. В Америке эта доля была бы примерно среднерыночной: только онлайн-реклама, без подписки, в 2012 году принесла американским журналам 10% выручки.

У «Ведомостей» доля «цифровых» доходов — от подписки и рекламы — доросла до 22%, тогда как у акционера газеты, FT Group, «цифровая» часть доходов достигла 50%, а число онлайн-подписчиков Financial Times превысило число «бумажных».

Вполне вероятно, менеджерам Sanoma Independent Media не в чем себя винить: такой уж в России рынок. Заставить людей на что-либо подписываться за деньги практически невозможно: воруют и отлично себя чувствуют. Рекламный рынок, сосредоточенный в руках нескольких медийных агентств, консервативен донельзя, а интернет-реклама растет за счет контекста и соцсетей, а не проектов на медийных площадках. Но кого интересуют причины, если в III квартале 2013 года Sanoma вынуждена была снизить балансовую стоимость российского и других восточноевропейских бизнесов на €24,4 млн?

Согласно своей учетной политике, Sanoma фиксирует балансовую стоимость активов по цене приобретения, а затем ежегодно сравнивает ее со стоимостью будущих финансовых потоков от этих активов. Если

балансовая стоимость оказывается выше, ее уменьшают. Так случилось и с Independent Media.

Вполне вероятно, что компанию продадут дешевле, чем купили.

А продажа состоится, вероятнее всего, до конца года. Потому что с начала 2014 года в Sanoma будет только три бизнес-единицы: образовательная, разросшаяся у компании в последнее десятилетие, и два медийных подразделения — финское и голландское.

В последнее время Sanoma быстро распродает свои небольшие издательские активы в разных странах. Покупатели — обычно компании и частные лица, уже близко знакомые с бизнесом Sanoma или сотрудничавшие с финской компанией. В декабре 2012 года словенское подразделение выкупили его менеджеры. В августе 2013 года долю в болгарском СП приобрели партнеры Sanoma — Димитр и Красимир Друмевы. В том же месяце румынское подразделение Sanoma досталось старому конкуренту — германской компании Burda.

Издательский бизнес по нынешним временам купит только тот, кто его хорошо понимает. Так произойдет и в России: актив, скорее всего, достанется кому-то из других издателей: той же Burda или Bauer.

Неясно только, какая участь ждет при этом раскладе «Ведомости». Издателям глянцевого журналов доля в деловой газете, известной своей редакционной независимостью, не нужна: бизнес непрофильный, политический риск высокий. Местным политизированным игрокам, которых могут «попросить» купить «Ведомости», придется договариваться с Financial Times и Dow Jones, которым едва ли придется по вкусу репутационный риск подобной сделки. Из-за этого даже выкупить доли всех трех собственников какому-нибудь другу Путина вроде Юрия Ковальчука будет не так-то просто. Однако смена одного, а то и всех собственников «Ведомостей» — дело ближайших нескольких месяцев. Ничего личного, просто бизнес.

Горькая правда: шесть мифов о мигрантах

Forbes.ru, 25.10.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/246612-gorkaya-pravda-shest-mifov-o-migrantakh>

Шесть ложных суждений о мигрантах, которые кажутся бесспорными истинами

Нет, пожалуй, в российской политике более мифологизированной темы, чем иммиграция. Оно и понятно: борьба с «чужими» объединяет и либералов, и охранителей, и просто жлобов, которые чужих не любят и боятся. Поэтому с распространенными мифами никто не спо-

рит — ими просто оперируют, не задумываясь. Они нечто вроде общего языка для обычно не понимающих друг друга групп. Языка, искажающего суть.

1. Россия переполнена иммигрантами: она — вторая в мире по числу мигрантов после США.

Технически это верно: согласно отчету Отдела населения Департамента социально-экономических вопросов ООН за 2013 год, в США живут 45,8 млн человек, родившихся за пределами страны, в России — 11 млн. Но уровень иммиграции гораздо правильнее оценивать не в абсолютных цифрах, а в процентах к населению. В России иммигранты составляют 7,7% населения страны. Для сравнения: в Объединенных Арабских Эмиратах — 83,7%; в Австралии — 27,7%; в Казахстане — 21,1%; в Ирландии — 15,9%; в США — 14,3%. Можно ли говорить о засилье иммигрантов в нашей стране? Опирируя статистикой ООН — нельзя.

2. Мигранты из Средней Азии и Закавказья приезжают в Россию, потому что им для этого достаточно купить билет. Введение виз для граждан среднеазиатских и закавказских стран уменьшит приток мигрантов.

Конечно, нет. У США визовый режим с Мексикой, и что он дает? В Соединенных Штатах в 2012 году, по оценке Pew Research, находилось 11,7 млн нелегальных мигрантов, и 52% из них были мексиканцами. Это несмотря на жесткий пограничный режим, патрули, борьбу с преступными организациями, поставляющими в Америку нелегалов через границу. Те же мексиканцы могут без всякой визы приехать в Великобританию и жить там полгода, но в Соединенном Королевстве нет проблемы с мексиканскими иммигрантами (там местное население раздражают скорее пакистанцы, прибалтийцы и поляки, мигранты абсолютно легальные). Нелегалы едут в сравнительно богатые страны, которые к ним ближе географически, а не в те, где нет визового режима. Таджики, которым дома негде работать и не на что жить, не поедут в Америку после введения российских виз. Они по-прежнему будут пробираться в Россию. Если для этого придется преодолевать больше сложностей — что ж, значит придется.

3. С нелегальной иммиграцией надо активно бороться, а легальная — это не проблема.

В 2009 году под эгидой Еврокомиссии завершился крупный исследовательский проект *Clandestino*, призванный оценить масштабы нелегальной миграции. У исследователей получилось, что в 2008 году в 27 странах-членах ЕС проживало максимум 3,8 млн нелегальных мигрантов, 0,77% от общего населения. Население европейских стран, все более активно голосующее за антииммигрантские партии (они отлично выступили на последних выборах в Австрии и Норвегии, например), раздражают в основном легальные мигранты, которых гораздо боль-

ше — по данным ООН, около 60 млн (а примерно 20,7 млн человек живут в Европе с паспортами стран, не входящих в ЕС). В 2011 году, по данным Eurobarometer, 46% европейцев считали, что ЕС не следует поощрять трудовую иммиграцию извне для борьбы с демографическими проблемами и искривлениями рынка труда, а 42% думали, что следует. Согласно представительному опросу, проведенному британским политиком и филантропом лордом Эшкрофтом в этом году, 16% населения Соединенного Королевства ненавидят любых иммигрантов вне зависимости от статуса. Это просто бытовая ксенофобия.

4. Среди мигрантов, в том числе и внутренних, есть такие (например, кавказцы), которые сами своим вызывающим поведением провоцируют ненависть со стороны местных.

Отношение местного населения к иммигрантам подчиняется хорошо изученным общим закономерностям. Этнический состав иммигрантов повсюду разный. Но везде чем беднее, чем менее образован «местный», тем сильнее у него ощущение этнической угрозы. Есть еще такое интересное наблюдение: чем выше уровень безработицы среди иммигрантов, тем больше они воспринимаются как угроза. Речь не только о культурном уровне ксенофобов, но и о конкуренции: иммигранты, претендующие на низкоквалифицированную и низкооплачиваемую работу или даже пособия, сильнее раздражают тех, кого это касается. В результате таджиков, азербайджанцев, нигерийцев, пакистанцев не любят одни и те же социальные группы по одним и тем же причинам. Национальность тут ни при чем.

5. Иммигранты совершают больше преступлений, чем местное население.

Российская статистика ничего подобного не показывает. По данным МВД, с начала этого года в России зарегистрировано 1,67 млн преступлений, из которых 36 100 совершили иностранцы. Это примерно 2% от общего числа. Понятное дело, что националист предложит посчитать и преступления, совершенные натурализованными гражданами РФ, и кавказцами, которые, так сказать, «изначальные» граждане. Тогда, наверно, имеет смысл смотреть на московскую статистику: за 2011 год в столице совершено 173 000 преступлений, из них иногородними — 23 000 и иностранцами — 9000. То есть всего на долю «не местных» пришлось 24% преступлений. Но, во-первых, в Москве и доля приезжих особенно высока: по расчетам Института демографии ВШЭ, за последние 8 лет население Москвы увеличилось за счет миграции, внутренней и внешней, на 1,28 млн человек (11% нынешнего населения столицы, по данным переписи). А во-вторых, в Москве миллионы «не местных», которые здесь не живут, а приезжают, к примеру, из области и близлежащих регионов. Среди этих людей — и «гастролирующие» воры, и бандиты. Как же им сюда не ехать: здесь и деньги, и толпы. «Натянуть» вы-

сокую долю «этнической» преступности можно, только если очень захотеть.

6. Иммигранты забирают рабочие места, на которые могли бы претендовать местные.

Американская лоббистская организация Immigration Works, объединяющая работодателей, которым выгодно нанимать иностранных сотрудников, в этом году опубликовала отчет, согласно которому низкоквалифицированные иммигранты и их предполагаемые «конкуренты»-американцы претендуют на совершенно разные рабочие места. Использовали лоббисты официальные данные Министерства труда, так что отчету вполне можно верить. На транспорте, к примеру, на низкоквалифицированных работах занято больше родившихся в Америке, а в строительстве — иммигрантов; в офисах — американцев, а в ресторанах — приезжих; в здравоохранении — местных, в сельском хозяйстве — «чужих». У нас, если приглядеться, можно разглядеть ту же картину. Мигрантов используют на работах не просто низкоквалифицированных, но требующих наибольших физических усилий и выносливости. Местных — на более «чистых».

Список мифов можно было бы продолжать, но достаточно и уже подвергнутых сомнению, чтобы сформулировать общий вывод. Россия лишь сравнительно недавно столкнулась с масштабной иммиграцией, и думать о ней, исследовать ее здесь только начинают. А изучать чужой опыт — не любят и ленятся. Между тем наша, российская картина в общих чертах похожа на европейскую и американскую. «Там» все это уже проходили. И какие-то из проблем решить так и не смогли — может быть, потому что бесполезно было даже пытаться: такова жизнь в сравнительно богатых странах, по определению привлекательных для жителей сравнительно бедных. Чтобы остановить или хотя бы замедлить приток мигрантов, России надо перестать качать нефть и газ.

Сказка о дефолте: как ссорятся и договариваются американские политики

Forbes.ru, 17.10.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/246309-skazka-o-defolte-kak-ssoryatsya-i-dogovarivayutsya-amerikanskie-politik>

Весь мир наблюдал самую высокобюджетную мыльную оперу, но актерам хватило ума с ней покончить

Под конец голосования в Конгрессе, которое должно было предотвратить американский дефолт, к трибуне прорвалась стенографистка

Дайэн Риди. «Над ним нельзя глумиться! — вскричала она. — Не трогайте меня! Величайший обман здесь в том, что это не единая страна под богом и никогда такой не была. А была бы — тогда бы конституцию не написали франкмасоны! Они идут против бога! Нельзя служить двум господам! Нельзя служить двум господам! Слава господу нашему Иисусу Христу!»

Ее оттащили.

Только что миновавший бюджетно-долговой кризис показал нам Америку человеческой. Не лакированно-бронированной, уверенной в себе, блестящей в своей умелой властности, а — подверженной человеческому фактору. К 20-летию октябрьских событий 1993 года американский парламент продемонстрировал, что и он умеет быть «съездом народных депутатов». Посмотрите на спикера Джона Бэйнера: чем не Руслан Хасбулатов? Только глаза светлые.

Гляделки

Барак Обама внешне похож на Бориса Ельцина разве что ростом. Но в этом кризисе он повел себя, как Ельцин: не стал искать компромисс, потому что ему надоело. Надоело еще в 2011 году, когда получить разрешение Конгресса на увеличение госдолга удалось после долгих и унижительных переговоров. В прошлогодней книге «Цена политики» Боб Вудвард, один из журналистов, расследовавших Уотергейтский скандал, описал сцену, последовавшую за решающим телефонным разговором Обамы и Бэйнера:

«— Ну что, договорились? — спросил Обама. Бэйнер подтвердил, что да.

— Поздравляю.

— И я тебя поздравляю, Джон.

Затем Обама повернулся к находившимся в кабинете аппаратчикам.

— Давайте больше этого не делать, — сказал он. — Мы больше никогда не будем вести переговоры о лимите долга».

Республиканцам следовало внимательнее читать Вудварда.

В прошедшие дни Обама демонстрировал мужской характер, не идя ни на какие уступки. Чтобы избежать дефолта, консерваторам, сторонникам снижения налогов и госрасходов, пришлось сдаться. Обама выиграл в гляделки и отстоял свое любимое детище — план расширения медицинского страхового покрытия практически на все население США, известный как Обамасгейт. Новую страховую систему тем временем запустили, но сайт глючил так, что люди несколько дней не могли на нем зарегистрироваться. Что сказали бы у нас? Распил, коррупция, кошмар! Да нет — просто человеческий фактор.

Зеленая яичница

Противники Обамы тоже показали себя. Заводила ультраконсервативной фракции «Чаепитие», сенатор Тед Круз, в один прекрасный сентябрьский день вышел на сенатскую трибуну и поклялся говорить о своем неприятии Обамасаре, пока сможет стоять на ногах. Он выступал больше 21 часа подряд. Примерно через шесть часов после начала речи дочкам Круза пора было ложиться спать, и сенатор стал читать им стишок Доктора Сьюза «Зеленые яйца и ветчина».

Нет, Тед Круз ни под каким видом не желал есть зеленую яичницу, которую Обама заталкивал ему в глотку. Он читал не просто с выражением — с искренним чувством. Маленькие дочки Кэтрин и Кэролайн хихикали у телевизора. Впрочем, к концу стишка гадкое кушанье — после долгих уговоров — становится приемлемым. В последний момент, когда надо было увеличить лимит заимствований или уж смириться с дефолтом, Круз тоже смирился и отказался от попыток заблокировать решение.

Монета в \$1 трлн

Если бы республиканцы не повели себя, как завещал Доктор Сьюз, мы могли бы увидеть еще много интересного. Например, выпуск платиновой монеты достоинством в \$1 трлн, за который выступал даже нобелевский лауреат Пол Кругман (Министерство финансов в США не может печатать деньги, зато ему разрешается чеканить монеты любого достоинства). Или переход к выпуску купонных гособлигаций (такие можно продавать намного дороже номинала, а потолок заимствований относится именно к номинальной сумме долга).

Это, однако, было бы уже слишком: довольно с нас человеческой комедии.

Мир увидел, кому, собственно, он дает в долг, чтобы глобальная финансовая система продолжала существовать: актерам самой высокобюджетной и высокорейтинговой (AAA) мыльной оперы в мире.

Китайская альтернатива

Европейцам от этого зрелища остро захотелось дружить с Китаем. Европейский центробанк договорился с китайскими коллегами об огромном валютном свопе, благодаря которому в ЕС можно будет заключать больше сделок в юанях. Великобритания обещала позволить китайским банкам открыть в Лондоне филиалы вместо дочерних банков. Все это — шаги к превращению юаня в полноценную резервную валюту: когда в Вашингтоне творится такое, доллару нужны новые противорессы. И, опять-таки, понятная человеческая реакция: уж китайцы-то никакой комедии не ломают, это серьезные парни.

Не бей своих

Но ведь в конце концов республиканцы остановились у края пропасти, проявили ответственность, задумались о роли Америки в нынешнем мире? Это вряд ли. Скорее, они позаботились о своем политическом выживании — все ведь люди, человеки. Крупнейший владелец американских гособлигаций — вовсе не Китай, а государственный американский пенсионный фонд: у него их вдвое больше, чем у Китая, на \$2,6 трлн. У американских госорганизаций больше этих бумаг, чем у иностранных государств или частных инвесторов. Объявить дефолт значило, в первую очередь, не расплатиться со своими пенсионерами. Поскольку американское общественное мнение винило республиканцев в нависшей угрозе сильнее, чем Обаму, им и пришлось отступить: после катастрофы им вряд ли удалось бы выиграть хоть одни выборы.

Чему мы научились, посмотрев американскую трагикомедию с предсказуемым концом?

Разве что лишний раз убедились: миром правят человеческие страсти и ошибки. В финансовой системе, основанной на доверии, это основной фактор риска. В конечном счете, американцам оказалось можно доверять, пусть и не без некоторых естественных опасений. По крайней мере, в отличие от Москвы-1993, в Вашингтоне-2013 никому не пришлось стрелять.

Риски кредитного бума: почему «Авангард» и ТКС пошли разными путями

Forbes.ru, 11.10.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurentsia/246054-riski-kreditnogo-buma-pochemu-avangard-i-tks-poshli-raznymi-puti>

Банки Кирилла Миновалова и Олега Тинькова демонстрируют отличные друг от друга модели поведения на фоне растущих рисков

Российский рынок необеспеченных потребительских кредитов становится для банкиров горячей сковородкой, на которой все труднее плясать. Дело не только в том, что население слишком закредитовано, а Центробанк заставляет увеличивать резервы под «потребы»: за годы кредитного бума вывелась новая, устойчивая к угрозам порода неплательщиков.

«Приходят к нему, грозят имуществом описать, отобрать телевизор, холодильник, если не начнет платить по кредиту, — рассказывал мне один московский банкир. — А он машет рукой: забирайте, я новый в кредит возьму. У меня этих телевизоров и микроволновок полный

офис. Склад даже арендую. Надо их на Дальний Восток отправить, жертвам наводнения».

То, что с бизнесом на выдаче «потребов» — проблемы, замечают даже рейтинговые агентства, обычно реагирующие на угрозы с некоторым опозданием. На прошлой неделе Moody's понизило на две ступени рейтинг банка «Русский стандарт», а «Хоум кредит энд финанс банку» изменило прогноз на негативный.

Что сейчас делать, если ты банкир, занимающийся потребительским кредитованием? Возможных ответов на самом деле два: отказываться от дальнейшей экспансии и увеличивать резервы на потери по уже выданным кредитам — или делать IPO, надеясь, что за все в конечном счете расплатятся инвесторы.

По первому пути пошел банк «Авангард» Кирилла Миновалова. По второму — «Тинькофф Кредитные системы» Олега Тинькова.

«Авангард» только что объявил, что сворачивает интернет-рекламу своих кредитных карт, и обнародовал любопытные данные о том, каких клиентов банк привлек с помощью этой программы.

Рекламировать карты в поисковой выдаче Google и «Яндекса» по запросам вроде «кредит быстро» или «кредит без поручителей» «Авангард» начал в 2011 году, получил 2 млн заполненных в сети заявлений, 400 000 из них одобрил, выдал 250 000 кредитных карт, а по ним — на 58 млрд рублей кредитов (без учета погашения).

Примерно через полтора года стало понятно: около четверти выданных в 2011 году денег не вернется. По кредитам 2012 года траектория роста просрочки оказалась такой же, только «безнадежных» долгов в новом портфеле оказалось на пару процентных пунктов побольше. «Авангард» ожидает, что по кредитам, выданным через интернет в 2013-м, невозврат составит 32%.

Такой бизнес Миновалову не нужен. Он решил принимать заявления на карты только в отделениях — так, подсчитали в банке, просрочка получается вдвое ниже — и ужесточить отсев клиентов.

На 1 сентября «карточный» кредитный портфель «Авангарда» достиг 6,3 млрд рублей, из них 766 млн — просроченные кредиты, сумма которых с первого января выросла аж на 38%. Под будущую просрочку банк резервировал еще 792 млн рублей, то есть 14% «живого» портфеля. Это довольно робко, учитывая результаты, о которых заявил банк, закрывая интернет-программу. Если считать, что на самом деле 25% портфеля не вернется, банк лишится еще 609 млн рублей — половины прибыли, уже заработанной в текущем году. Потеря тяжелая, но пережить ее можно. Миновалов может теперь поздравлять себя с тем, что не сделал «потребы» фокусом деятельности «Авангарда».

Банк Олега Тинькова, ТКС, привлекает клиентов в основном через интернет и прямую рассылку карт. Это тот же самый бизнес, в котором

разочаровался «Авангард». И клиентура такая же, и эффективные процентные ставки по необеспеченным кредитам у двух банков похожи — за 30% годовых.

Но для ТКС такие кредиты — основной, практически единственный бизнес.

«Карточный» кредитный портфель ТКС, выросший с 1 января на 44%, — 73,8 млрд из 75,5 млрд рублей активов.

Просрочка росла вдвое быстрее суммы выданных кредитов. На 1 сентября на балансе ТКС были просроченные кредиты физлицам на 4,2 млрд рублей. С начала года эта сумма увеличилась на 92%. Примерно вдвое, до 10,8 млрд рублей, выросли и резервы на возможные потери. Они сейчас составляют 15,5% «живого» портфеля банка.

Но если на самом деле портфель ТКС такого же качества, какое получилось у «Авангарда» в результате интернет-кампании, эти резервы недостаточны. В таком случае банк рискует не получить назад порядка 25% выданных средств. Это еще минус 7 млрд рублей, чуть меньше всей прибыли банка за время его существования, «залитой» в капитал ТКС: она составляет 7,7 млрд рублей, если учесть налог на прибыль за этот год — чуть больше 1 млрд руб.

Для ТКС такой же уровень просрочки по кредитам, как у «Авангарда», может означать фактическую убыточность. И все же банк решил выйти на биржу — именно сейчас, когда банкиры, навывадававшие необеспеченных кредитов, набивают склады ненужными подержанными телевизорами, а Центробанк в панике требует увеличения резервов.

ТКС хочет разместить на Лондонской бирже депозитарные расписки на \$750 млн, сумму, более чем вдвое превышающую капитал банка. Из этой суммы \$550 млн хотят для себя акционеры.

И они, скорее всего, получают эти деньги.

Говорят, книга заявок уже переподписана, хотя организаторы IPO — серьезные люди из Morgan Stanley, Goldman Sachs, Сбербанка, JP Morgan, «Ренессанс Капитала» — пока отказываются прислать потенциальным инвесторам хотя бы презентацию ТКС, а в дальнейшем обещают только выдавать ее в распечатанном виде: мол, у банка уникальные секретные технологии, и ТКС не хочет слишком широко распространять о себе информацию.

За продолжением «потребкредитной истории» — вполне возможно, грустным — предстоит следить уже не столько Тинькову, сколько тем, кто сейчас покупает красивый рассказ о созданном с нуля, высокотехнологичном, быстро нарастившем активы российском банке.

Ответ Сергею Иванову: что производит Москва

Forbes.ru, 02.10.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/245691-otvet-sergeyu-ivanovu-chto-proizvodit-moskva>

Второй человек в Кремле пытается не замечать очевидные вещи

Глава президентской администрации Сергей Иванов не понимает, что производит Москва. Он так и сказал: «Что такое жители Москвы? Это дворники, водители, офисный планктон, журналисты... Чиновники, согласен. Сфера обслуживания, торговля. В крайнем случае блогеры. Есть такая специальность. Что эта 15–20-миллионная масса производит? Ровным счетом ничего. Интеллектуальную собственность? Вопрос сомнительный. Возьмите Новосибирск, там производят высокотехнологичную продукцию, самолеты, сборки для атомных реакторов, которые покупают во всем мире. Там производят продукцию, с которой платятся налоги. А что производят в Москве, я не принимаю».

Риторический вопрос Иванова заслуживает двух ответов. Первый из них — про факты, а второй — про суть.

Начнем с первого, он проще и не допускает разночтений.

Москва — крупнейший в России центр обрабатывающей промышленности. В 2011 году обрабатывающие производства выпустили здесь на 2,4 трлн руб. продукции, примерно в 10 раз больше, чем произвела упомянутая Ивановым Новосибирская область. Промышленность в Москве — по данным мэрии — 1000 крупных и средних, 13 000 малых предприятий — по российским меркам отлично устроена. В рейтинге регионов по эффективности промпроизводства, опубликованном в 2011 году журналом «Экономические исследования», столица на втором месте после нефтеносной Тюменской области.

Москва полезными ископаемыми обделена, а то была бы еще более «промышленной». Но и сейчас главе президентской администрации тут есть за что подержаться, если захочет он вдруг прильнуть к источнику железа или еще каких-нибудь ощутимых ценностей.

Но насчет населения Москвы в целом Иванов прав: оно в подавляющем большинстве не занято таким производством.

В Москве, по данным городского Департамента труда и занятости за 2010 год (последний, по которому доступна подробная статистика), 5 997 000 работающих людей. Это 70% населения. В России в целом заняты в экономике 62,7% населения.

Департамент труда знает только про 3,8 млн замещенных вакансий. Это нормально. По данным переписи населения 2010 года, 276 441 чело-

век в Москве «работали не по найму», то есть, по сути, были мелкими предпринимателями. Да и учесть все вакансии в динамичном московском малом и микробизнесе вряд ли может какой-либо госорган.

Только 16% рабочих мест в Москве открыты в промышленности и строительстве. Остальные — да, работники торговли, чиновники и силовики (больше 200 000 человек), врачи, учителя, водители, охранники (больше 132 000), 3019 физиков и астрономов высшей квалификации, 238 000 различных начальников и прочие блогеры. Включая всего примерно 6000 журналистов, — да, я верю в эту цифру, да и всякий поверит, кто знаком с этим рынком труда и пытался нанимать на нем людей. Просто журналисты производят много слов, оттого и кажется, что их вокруг сотни тысяч.

И вот тут пора отвечать Сергею Иванову по сути.

Дело ведь не в том, что он подвергает сомнению — а он подвергает — важность интеллектуальной собственности, которую производят в Москве «Яндекс» или IBS, Большой театр или издательство ЭКСМО, журнал Forbes или, к примеру, лично любимый саксофонист Кремля Игорь Бутман. Дело в том, что людей, не производящих железки, Иванов не считает электорально и политически важными. Мол, эти люди, сгрудившиеся здесь, в центре страны, — чисто московская aberrация, аномалия. И то, что они голосуют иначе, чем остальная страна, не очень-то важно: ведь управляет-то Кремль страной, а не Москвой.

Вместе со многими в Кремле и с еще большим числом людей «за МКАД» Иванов говорит: Москва — не Россия. И вот тут он категорически не прав. Москва — это Россия в масштабе 1:10. С промышленностью, производящей много всяких штук, но каких — не сразу приходит в голову, это ведь не айфоны и даже не туфли Ferragamo; с распухшими силовыми структурами, государственными и частными, и гигантской армией «бюджетников»; с розничной торговлей, обогнавшей по уровню развития все прочие отрасли, кроме добывающих... В Москве можно найти и изучить любую общероссийскую тенденцию, потому что это мегаполис, здесь есть всё. Ну да, здесь побольше денег и власти, — вот сюда и съехались все эти люди, включая Иванова и даже, страшно сказать, самого президента. Но деньги и власть — это лишь дрожжи, а тесто российское — вот оно, лежит здесь толстенными слоями.

Игнорируя Москву, в которую вся Россия переехала бы, если б могла, власть игнорирует самую важную площадку для проверки своих идей, — если бы у нее имелись идеи.

Может, столицу и правда следует перенести: со стороны этим людям станет видно, почему Москва — это и есть Россия, которую они теряют.

Свободная профессия: как зарплаты топ-менеджеров оторвались от реальности

Forbes.ru, 27.09.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/245496-svobodnaya-professiya-kak-zarplaty-top-menedzherov-otorvalis-ot>

Приживутся ли в России «золотые парашюты» и щедрые бонусы большим боссам? Американский опыт этому точно не мешает

Шестьдесят тысяч клиентов корпорации Oracle и других профессионалов IT-индустрии, каждый из которых заплатил серьезные деньги — до \$2650 — за участие в ежегодной конференции OpenWorld, ждали выступления главы Oracle Ларри Эллисона. А он не пришел.

Эллисон не заболел, у него не умер никто из родственников — просто его команда яхтсменов, участвующая в престижном America's Cup, неожиданно получила шансы на победу. Она и выиграла, только клиенты и партнеры остались, мягко говоря, недовольны. «Похоже, America's Cup для Эллисона более важен, чем это мероприятие, и это нехорошо с точки зрения моих клиентов», — цитирует PC World Бориса Агирре, системного интегратора из Эквадора, простоявшего минимум полчаса в очереди, чтобы попасть на конференцию.

Эксцентричные миллиардеры иногда ведут себя странно, и это их право. Проблема с Эллисоном в том, что он самый высокооплачиваемый в мире руководитель компании. В 2012 году он заработал \$96,2 млн. В Америке у акционеров есть право голосовать по вопросу вознаграждения управленцев (say on pay, SoP), хотя совет директоров не обязан принимать в расчет результаты этого голосования. Так вот в 2012-м акционеры Oracle проголосовали против таких выплат Эллисону.

Лояльный к нему совет директоров лишь выразил разочарование — и заплатил.

Теперь давайте забудем имена и просто зададим себе вопрос: «Чего заслуживает гендиректор, собравший всех своих клиентов в одном месте, только чтобы «продинамить» их ради хобби?» Почему-то мне кажется, что ответ «самой большой в мире зарплаты» не будет самым популярным.

В 1936-1939 годах среднее годовое вознаграждение гендиректора крупной американской компании составляло \$1,1 млн в долларах 2000 года. В 1960-1969 годах — чуть меньше \$1 млн. В 1980-1989 — \$1,81 млн. И вдруг в 1990-е что-то перемкнуло — \$4 млн. После этого \$9 млн в 2000-е уже не удивляют.

Неужели нынешние генеральные директора работают больше и лучше, чем Альфред Слоун, руководивший General Motors в 1920-е — 1950-е

годы, или Ли Якокка, руливший Ford и Chrysler в 1970-е и 1980-е? Можно говорить, что мир сделался сложнее, но тогда стоит попытаться себе представить, как справлялась бы нынешняя корпоративная элита, к примеру, с профсоюзным движением во время Великой депрессии или с нефтяным шоком конца 1970-х.

В Америке решили оправдывать рост выплат высшего менеджмента привязкой к динамике бизнес-показателей. Если в 2009 году только 35% компенсации гендиректоров 50 крупнейших американских компаний зависело от результатов, то сейчас уже больше 50%. Вопрос лишь в том, насколько успехи компании на самом деле зависят от деятельности генерального директора, а эта его деятельность — от компенсации. Любые оценки здесь по определению субъективны.

В 2012 году Акио Тойода, генеральный директор Toyota, заработал всего \$1,9 млн. Его компания не только лидер автомобильной отрасли по продажам: у нее и самая высокая прибыль на акционерный капитал. Аллан Маллэлли, глава Ford, почему-то заработал более чем в 10 раз больше Тойоды — \$21 млн.

Выплаты генеральным директорам гораздо сильнее зависят не от того, как и сколько они работают, а от национальной традиции.

В США CEO крупной компании, зарабатывает в 354 раза больше среднего американца. В Японии наблюдается разница в 67 раз. В Норвегии — в 57 раз.

В скандинавских странах и Финляндии, кстати, доходы топ-менеджеров примерно на четверть меньше, чем в среднем по Европе. В большинстве этих стран у акционеров компаний есть решающий голос в вопросе, сколько платить топам. А когда выплаты какому-нибудь CEO выбиваются из общего ряда, начинается скандал — вот как сейчас, когда уходящий глава Nokia Стивен Илоп готовится положить в карман примерно \$25 млн, несмотря на то что при нем финская компания из высокоприбыльной превратилась в убыточную и вынуждена была продать подразделение, производящие сотовые телефоны, корпорации Microsoft.

«С точки зрения финна, такие огромные бонусы неприемлемы, — цитирует Financial Times мэра города Оулу Матти Пеннанена. — Эту сумму очень трудно понять». В том же духе высказались многие финские политики, включая премьер-министра. Расстроенный такой реакцией председатель совета директоров Nokia Ристо Сииласмяэ спросил у Илопа, не вернет ли он хотя бы часть невиданного вознаграждения. Не на того напал: американец Илоп ответил, что деньги ему нужны, потому что он как раз сейчас разводится.

Вопрос национальной культуры, я же говорю. В Швейцарии этой весной прошел, к примеру, референдум, вовсе запретивший «золотые парашюты».

В европейских странах, особенно северных, и в Японии генеральный директор — это в конечном счете просто один человек, много работающий и принимающий на себя серьезные риски. За это он получает хорошие деньги: до нескольких миллионов долларов в год. Зарабатывает, так сказать, в человеческом масштабе. В Штатах это давно не так — изменилась национальная культура. Даже кризис не смог остановить парад больших бонусов. Попытки регуляторов ограничить аппетиты глав компании увенчались лишь частичным успехом.

Возможно, владельцам российских компаний — в первую очередь государству, которое у нас крупнейший капиталист, — удастся избежать такого изменения у нас. Американские «парашюты» — вроде того, в \$100 млн, который в прошлом году получил и потом частично потерял на Кипре экс-гендиректор «Норникеля» Владимир Стржалковский, или другого, в 201 млн рублей, выданного в «Ростелекоме» Александру Провоторову, — может быть, и не станут здесь традицией, потому что ограничить размер выплат «на выходе» потребовал сам Владимир Путин. Но и доходы действующих топ-менеджеров имело бы смысл сверять скорее со скандинавскими и японскими образцами, чем с американскими. Не потому что в нашей стране такое же высокое качество жизни, как в Швеции или Японии, а потому что эти примеры правильнее с точки зрения здравого смысла. Пока же мы скорее идем по американскому пути.

Почему реформа РАН ничего не изменит, а Церетели продолжит получать больше генетиков

Forbes.ru, 20.09.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/idei/244897-pochemu-reforma-ran-nichego-ne-izmenit-tsereteli-prodolzhit-poluchat-bols>

Если государство не умеет тратить денег на науку, то укрупнение академий и создание новых агентств здесь не поможет

В недавно вышедшей книге Марианны Маццукато «Государство-предприниматель» (The Entrepreneurial State) перечисляются государственные разработки, содержащиеся в iPhone. К примеру, разработку экранов с технологией «мультитач» профинансировали Национальный научный фонд и ЦРУ через Университет Делавэра, а Apple купила созданную при университете компанию. Виртуальную помощницу Siri разработал и продал Apple в 2010 году Стэнфордский исследовательский институт (SRI), трудившийся по заказу и на деньги Агентства по продвинутым исследовательским проектам (DARPA), созданного Пентагоном

в 1958 году на волне страха, вызванной запуском советского спутника.

И так далее. Невозможно спорить с тем, что государство может много сделать для прогресса, когда частные структуры не видят в исследованиях и инновационных проектах коммерческой выгоды.

В 2008 году в Соединенных Штатах государство финансировало 67% всех исследований и разработок и 57% фундаментальных исследований. В 2012-м американское федеральное правительство потратило на них почти \$136 млрд, или 0,9% ВВП, из которых \$5,6 млрд распределил Национальный научный фонд, а еще \$30,7 млрд — Национальные институты здоровья. В сумме на эти две главные невоенные научные организации пришлось, значит, 0,2% ВВП.

По России ОЭСР приводит данные за 2011 год: 218,3 млрд рублей, или 0,4% ВВП. Академии наук — РАН, медицинская, сельскохозяйственная, строительная и образования — получили в сумме 65,5 млрд рублей, или 0,1% ВВП.

Из этих цифр можно сделать вывод, что в Штатах государство — в рамках своих возможностей — вдвое щедрее поддерживает науку, но наши главные распределительные организации получают примерно одинаковую долю от общих «научных» госрасходов: у нас чуть больше четверти, в Америке чуть меньше.

Чинovníкам удобно распределять средства через небольшое число организаций, так что понятно, почему российское правительство протолкнуло через Госдуму объединение «большой», сельскохозяйственной и медицинской академий.

Ничего крамольного нет и в передаче имущества академий государственному агентству: допустим, в США у Национальных институтов здоровья есть собственные научные базы, а вот у Национального научного фонда — нет, он только финансирует исследования, а недвижимостью не управляет и оборудование для себя не закупает. Вот и в России получился такой компромисс: по последней версии закона о Российской академии наук, у Уральского, Дальневосточного и Сибирского отделений РАН своя собственность будет, а в Москве, к примеру, техническая база перейдет к агентству.

Преппирательства вокруг закона о РАН, приведшие к появлению в тексте многочисленных компромиссов, были в основном склоками из-за распоряжения собственностью и членства в «укрупненной» академии. К финансированию науки — основной задаче академии — отношения они не имели; в конце концов, правительство уже одобрило «Программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013-2020 гг.». Для академий она не первая — о выполнении предыдущей, за 2008-2012 годы, они успешно отчитались.

Эта программа будет выполняться — и финансироваться — вне всякой связи с тем, сколько в новой РАН будет членов и на чей баланс «по-

всят» здания НИИ.

В 2014 году, к примеру, РАН получит на развитие биологических наук 9,7 млрд рублей, если какие-нибудь неприятные экономические обстоятельства не заставят власти пересмотреть финансирование науки. Из этих денег на исследования в области молекулярной генетики и биотехнологии пойдет 44,5 млн рублей.

Это меньше, чем Академия художеств под руководством Зураба Церетели получит в сумме на такие направления, как «анализ актуальных процессов развития современной художественной культуры» (22,3 млн рублей) и «Изобразительное искусство в контексте современного гуманитарного образования и эстетического воспитания» (тоже 22,3 млн рублей); вообще, Академия художеств поделила бюджет между темами «фундаментальных исследований», не мудрствуя лукаво, поровну.

Академию Зураба Церетели ни с какими другими академиями не объединили. Она присутствует в программе сама по себе. В отчете о выполнении предыдущей программы она выступила примерно так: «Космос и его история могут сегодня предстать как явления, причастные искусству: перемещение первичных частиц, превращение света или черной материи в нашей Вселенной, также способно в современном сознании принять художественный характер, быть воспринято и выражено в произведениях современного художественного творчества».

Если не силой научной мысли, то лоббистской мощью Церетели произошел российский молекулярных генетиков. Его не затрагивают никакие реформы, и денег на ментальные космические полеты у него вдоволь.

Так что какие бы новшества ни были прописаны в новом законе об Академии наук, фундаментально ничего не изменится: государственные деньги на исследования будет проще получить тем, кто умеет этого добиваться средствами повседневной магии, а не науки. При таком раскладе американские вложения в научные исследования будут и дальше приводить к созданию айфонов, а наши — скульптурных групп на Манежной площади.

Пока наших академиков, и объединенных, и обойденных «реформой», больше интересуют статус и собственность, что не может не влиять на эффективность распределения средств, фундаментальную науку продолжают оплачивать те же американцы. У них тоже полно своих «распределительных» проблем, но денег больше, а система финансирования в целом прозрачнее и справедливее. Лучших русских ученых она тоже не обойдет. И это неплохо для мировой науки, пусть и не для российского государства и бизнеса.

Классовый выбор: как цены на жилье предрешили исход голосования в Москве

Forbes.ru, 13.09.2013

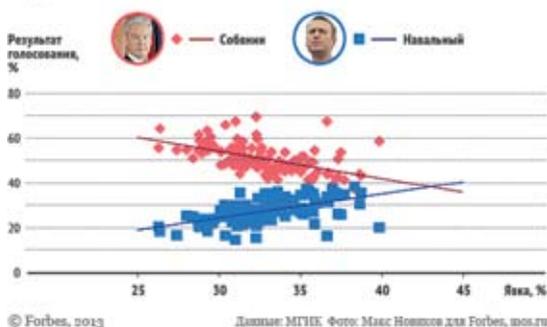
<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/244605-klassovyi-vybor-kak-tseny-na-zhile-predreshili-iskhod-golosovaniya-v>

Москва — это животное, у которого нет воли, а есть лишь рефлексы. Таков, пожалуй, главный вывод, который можно сделать, проанализировав результаты только что прошедших выборов мэра

На этих выборах уже не обнаружишь статистических казусов, которые убедили многих — и меня в том числе — в том, что результаты голосования в декабре 2011 года были сфальсифицированы. Тогда мы ходили на улицу, чтобы «отправить волшебника Чурова в Азкабан», — теперь это не имеет смысла делать.

Ясно и то, что неожиданно низкая явка на этих выборах подвела скорее Навального, чем Собянина. Там, где явка была выше, его результаты оказались чуть лучше, а у Собянина — чуть хуже.

Голосование за Собянина и Навального в зависимости от явки
По районам Москвы

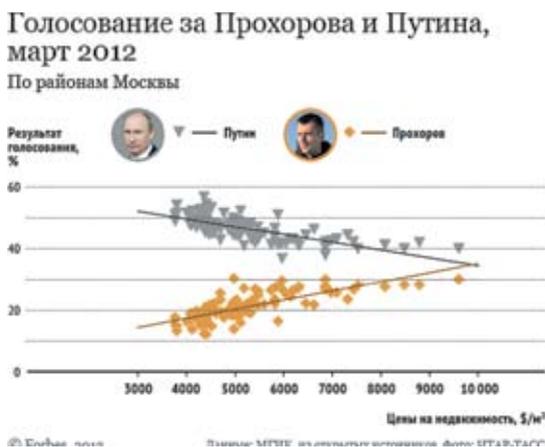

Иначе говоря, неправильно думать, что «собянинцы» поехали на дачу, решив, что победа все равно в кармане у их кандидата, и это помогло Навальному набрать больше голосов, чем предсказывали социологи, а Собянину — помешало соответствовать прогнозам ВЦИОМа, ФОМа и «Левада-Центра». На самом деле будь явка выше, результат Навального еще заметнее обогнал бы предсказания социологов, которые, похоже, в отсутствие конкурентной политики совершенно разучились проводить опросы, а теперь позорятся, продолжая слушать заказчиков и смотреть друг на друга.

Но это все частности. Результаты выборов дают статистические основания полагать, что голосование в Москве — явление, полностью обусловленное социальным расслоением.

Вот уже на вторых подряд выборах в столице прослеживается четкая зависимость между ценами на недвижимость в московских районах и результатами, которые в этих районах показывают кандидат от власти и его главный условно либеральный соперник.

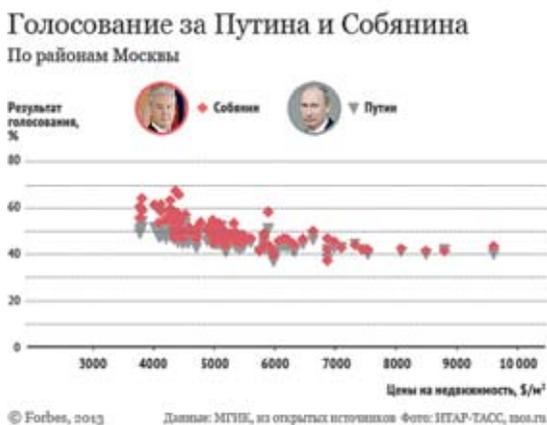
Так выглядела картина на президентских выборах прошлого года (корреляция результата Путина с ценами — минус 0,71, Прохорова — плюс 0,76,4):

А вот так — на только что прошедших выборах мэра (корреляция результатов Собянина с ценами — минус 0,72, Навального — 0,74):

Совершенно очевидно при этом, что условный «плебс» — жители более бедных районов — автоматически голосует в основном за власть, как бы она ни называлась конкретно на этих выборах. Вот картина этого голосования:

А среди условной «элиты» — то есть жителей более престижных районов — выше процент сторонников оппозиции, какое бы имя она ни носила:

Из этой картинки ясно, что оппозиция под названием «Навальный» оказалась успешнее, чем оппозиция под названием «Прохоров», практически во всех московских районах; ну да, в целом Навальный набрал 27,24%, а Прохоров — 20,45%. При этом в абсолютном выражении Прохоров набрал больше голосов — 868 736 против 632 697 у Навального: явка была повыше. Кстати, и прочие кандидаты «не от власти» на мартовс-

ких выборах были поизвестнее, чем бесцветные персонажи, «противостоявшие» Собянину и Навальному.

Навальный и его штаб рвали жилы, показывая Москве представление, какого не видела она с 1990-х — настоящую предвыборную кампанию с живыми добровольцами и активным кандидатом. Прохоров не то чтоб сильно напрягался во время президентской кампании: в метро листовок, по крайней мере, не раздавал. Ну, потратил незаметную для себя сумму денег.

А результаты, в общем, сравнимые.

Москва — это город, в котором, зная окончательный результат кандидата и цены на недвижимость, можно довольно точно определить, как проголосовал за него каждый район. Среднее отклонение результатов, «предсказанных» ценами на недвижимость, от реальных результатов Навального — 0,47 процентного пункта, Прохорова — 0,27.

Среди тех, кто при нынешней власти чувствует себя получше экономически, больше процент голосующих за условного Либерального Оппозиционера. Среди тех, кто чувствует себя похуже, — голосующих за Гражданина Начальника. Поскольку вторых больше, чем первых, результат — около 50% за ГН вне зависимости от явки, за ЛО — 20-30% в зависимости от явки.

Навальному не удалось сломать эту парадигму, потому что никакими листовками и кубами не победишь пирамиду Маслоу. «Массы» голосуют за хлеб и зрелища, которые власть дает им в достаточном количестве. «Элита» — за свободу и чувство собственного достоинства, которые предлагает оппозиция в лице любого относительно харизматичного своего представителя.

Стратегия власти в такой ситуации понятна: продолжать предоставлять хлеб и зрелища, не снижать, а лучше наращивать социальные расходы, не отпускать телевизор. А вот что делать тому же Навальному? К сожалению, только рассчитывать на экономические потрясения. Убедением картину рефлекторного голосования не изменишь. У животного под названием Москва есть мозг, но инстинкты всегда берут над ним верх.

Это, однако, не повод для пессимизма.

Ведь почему я говорю здесь только о результатах выборов в Москве? Да потому что из общероссийских результатов президентских выборов невозможно вывести столь же четкие социально-экономические закономерности голосования. Я пробовал — не получается. Дело, боюсь, не в глубинных духовных различиях между Москвой и провинцией, а в том, что в регионах результаты выборов по-прежнему повсеместно фальсифицируют. Когда процесс достигнет московской прозрачности и результаты голосования на самом деле начнут отражать народное волеизъявление, у условного Алексея Михайловича Провального появится солидное представительство в парламенте, которое позволит нако-

пить политический опыт. При первом же экономическом потрясении наш Алексей Михайлович получит и шанс на власть. Над этим можно работать, кропотливо создавая свою сеть в регионах, которая сможет помешать фальсификациям. Прохоров вроде бы работает по мере сил. Навальный — тоже будет, если избежит тюрьмы.

Не надо никуда спешить. Москва тоже не сразу строилась.

Иллюзия поражения: почему Nokia выигрывает от сделки с Microsoft

Forbes.ru, 04.09.2013

От покупки финской компании пострадают только акционеры Microsoft

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/244230-illyuziya-porazheniya-pochemu-nokia-vyigraet-ot-sdelki-s-microso>

Никогда больше продажи Nokia не будут равняться 20% ВВП Финляндии, как в 2011 году. Безвозвратно ушли и времена (1998-2007), когда, по данным Исследовательского института финской экономики, компания обеспечила стране четверть ее экономического роста, 30% расходов на НИОКР и пятую часть экспорта. Nokia добровольно уполовинила себя, продав корпорации Microsoft подразделение, выпускающее мобильные телефоны.

Однако и Nokia, и Финляндия в краткосрочной перспективе только выиграют от сделки. Потеряют разве что акционеры Microsoft.

Той же дорогой, что и Nokia, уже ходила одна североевропейская компания — Ericsson. Мало кто сейчас помнит мобильные телефоны этой марки, но в 1990-е шведы были среди пионеров рынка. Впрочем, экспертами по части потребительских товаров они себя не чувствовали и в 2001 году создали совместное предприятие с Sony, которая как раз с конечным потребителем работала лучше всего.

После 10 лет мучений и метаний между операционными системами Sony Ericsson полностью перешла на Android, и Sony выкупила долю шведов за \$1,5 млрд. Покупали японцы компанию с 7500 сотрудников и четырехпроцентной долей рынка смартфонов. В 2013 финансовом году Sony Mobile — так теперь называется бывшее СП — понесла операционный убыток \$1 млрд при выручке \$12,7 млрд.

Подразделение Nokia, выкупленное Microsoft, — это почти то же самое с точки зрения результатов, только в полтора раза больше: выручка-2012 на уровне \$21 млрд, операционный убыток — \$1,5 млрд. Но дело в том, что почти три четверти выручки компании приносит продажа устаревших, дешевых кнопочных телефонов, продажи которых в штучках быстро падают, только в прошлом году — на 20%. Доля рынка smar-

тфонов у Nokia — всего 3,3%, а сотрудников в «телефонном» подразделении — аж 32 000. Microsoft заплатила почти впятеро больше денег, чем Sony, за намного более проблемный бизнес.

В отличие от Sony Microsoft — не специалист по потребительским товарам.

Разве что игровая приставка X-box у нее «пошла»; в остальном же самые успешные проекты редмондской компании нацелены были на оптовые и корпоративные продажи. И если Sony приняла для своей линейки Xperia доминирующую на рынке операционку Android, то сверхзадача Microsoft — завоевывать рынок для своей системы, которая сейчас мало кого интересует.

Но для Nokia все эти проблемы позади. Она вполне может вдохновляться примером Ericsson, мирового лидера по выпуску оборудования для мобильных сетей, получившего в прошлом году \$900 млн прибыли. Шведы хотят забыть о потребительском рынке как о ночном кошмаре, и у них есть для этого все возможности. У финнов — тоже. Они недавно выкупили у Siemens ее долю в Nokia Siemens Network, работающей на том же рынке, что и Ericsson. Это подразделение в прошлом году принесло Nokia \$18 млрд выручки — почти столько же, сколько мобильные телефоны, — и понесло убыток только из-за больших расходов на реструктуризацию. В этом году оно уже прибыльно: плюс \$10 млн во втором квартале.

На первый взгляд может показаться, что бывший сотрудник Microsoft, а ныне глава Nokia Стивен Илоп поработал этаким «двойным агентом» для своего прежнего работодателя. На самом деле он спас финскую компанию, избавив ее от огромных убытков и переложив все проблемы на плечи Microsoft. Правда, скоро он сам за все ответит — он ведь и возглавит новое подразделение американской корпорации. А вот глава корпорации Стив Балмер, совершивший сделку, ни за что отвечать не будет — он уйдет со своего поста прежде, чем станет понятно, выживет ли бывшая половина Nokia в составе Microsoft.

А пока она жива, финские власти могут радоваться. Microsoft берет к себе всех 4700 местных сотрудников «телефонной» части Nokia и не собирается куда-либо переводить ее научно-исследовательские подразделения. Вряд ли американцы будут так же ретиво резать расходы, особенно на первых порах, как это пришлось бы делать Илопу, если бы компания сохранилась в прежнем виде. Наоборот, Microsoft, вполне возможно, увеличит инвестиции — ей ведь надо спешно наращивать долю рынка. Вместо одной гигантской, но убыточной компании финны получают на своей территории две — свою прибыльную и глобальную сказочно богатую: даже после покупки Nokia у Microsoft осталось \$70 млрд кэша.

Сделка Балмера и Илопа расставила все по местам.

Спокойная нордическая компания Nokia будет продавать невидимые потребителю, но полезные операторам связи высокотехнологичные штуковины. Финляндия окончательно перестанет быть зависимой от одной глобальной компании, невзначай произросшей на ее скудных почвах. А Microsoft продолжит серию дорогих попыток пробиться на потребительский рынок, где ей, как показали предыдущие опыты, делать нечего.

Вся Финляндия должна молиться, чтобы бог даровал американцам побольше упрямства.

Почему у стран Восточной Европы получается развивать экономику, а у России — нет

Forbes.ru, 30.08.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya/krizis/244067-pochemu-u-stran-vostochnoi-evropy-poluchaetsya-razvivat-ekonomiku-u-rossii-net>

Польша, Венгрия и Чехия не шикуют и не тратят деньги на нанотехнологии и гигантские спортивные проекты, они сделали ставку на производство качественных потребительских товаров

Глядя на таблицу фондовых индексов MSCI, любой, кроме заядлого шортиста, испытает тревогу. Последние пять лет, три года, год, три месяца, месяц — кровавое море «минусов» с редкими черными островками. В последний месяц эти островки — в Центральной и Восточной Европе. Без России.

В то время как все развивающиеся рынки валятся, Чехия, Венгрия и Польша — растут. Это касается не только акций, но и валют. С начала этого года чешская крона подорожала относительно доллара на 1,91%, венгерский форинт на —2,61%, польский злотый — на 4,51%.

Может показаться, что маленькие, богом забытые фондовые рынки и экзотические валюты этих стран растут из-за какого-то компьютерного глюка. Но нет, и экономика у восточноевропейцев на подъеме, насколько это вообще возможно в наше депрессивное время. У поляков рецессии, связанной с кризисом 2008-2009 годов, не было вовсе. Венгры вышли из нее в этом году, показав два квартала роста подряд. У чехов в последнем квартале рост на 0,7% к предыдущему.

Бывшие товарищи Советского Союза по Варшавскому договору не шикуют — вы не увидите на улицах Праги, Варшавы, Будапешта столько дорогих машин, сколько в Москве или даже Киеве, не заплатите там \$1000 в месяц за съемную квартиру, больше похожую на собачью конуру, не получите зарплату \$2500 за офисную работу, смысл которой будет

вам непонятен и через год. Жизнь в восточноевропейских столицах кажется москвичу слишком размеренной и пасторальной, а ремонт старинных фасадов — недостаточно тщательным и дорогим.

Однако наша нефте-, стале-, алюминий- и калиеносная экономика, в отличие от чешской и польской, похоже, только что вступила в рецессию (два квартала подряд отрицательного роста к предыдущим трем месяцам — недаром Росстат показывает только более приятные сравнения с тем же периодом прошлого года). Рубль падает, пусть и не так безнадежно, как индийская рупия, — но все же на 8% с начала года. На фондовом рынке творится такое, что только Игорь Сечин, скупающий акции «Роснефти», выглядит бодро. Впрочем, подозреваю, что этого конкретного инвестора государство, если что, спасет: *too big to fail*.

Восточноевропейские страны так неплохо держатся по сравнению с нами благодаря, как это ни архаично звучит, своей перерабатывающей промышленности. Они выпускают мебель, электронику, автомобили и детали для них, одежду — и все это достаточно дешево и достаточно хорошего качества, чтобы основным рынком сбыта служили другие страны Евросоюза. В прошлом году государства Центральной и Восточной Европы поставили в остальной ЕС товары на \$380 млрд, 64% всего своего товарного экспорта.

Понятно, что экспорт в другие страны ЕС восточноевропейцам упрощает отсутствие таможенных барьеров. Это палка о двух концах: когда в Западной Европе все плохо и потребление там проседает, чехи, поляки и венгры тоже чувствуют боль. Зато сейчас Германия, Франция, даже юг Европы начинают выкарабкиваться из экономической ямы, и их, так сказать, промышленные придатки на востоке тоже радуются наметившемуся росту.

Вряд ли можно осуждать украинцев за то, что они даже под угрозой торговой войны с Россией, которая в краткосрочном плане будет для них настоящим бедствием, все же стремятся в союз с Европой, а не с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Это не тупое упрямство донецких бандитов — это прагматизм сметливых местных бизнесменов, иные из которых, да, с донецко-бандитскими корнями — но тем они, выжившие, рациональнее. У Украины, если забыть о нынешних таможенных границах, те же преимущества, что и у Польши с Венгрией. А именно удобное географическое положение и дешевая, но хорошо обученная рабочая сила.

После десятилетия разговоров о том, что России надо совершить скачок в постиндустриальный век, завоевать мир с помощью нанотехнологий и прочей фантастики, смотреть на поляков с их мебельными фабриками, чехов с их Skoda и румын с их Dacia должно быть смешно. Вместо этого — скорее обидно. Потому что наши соседи и бывшие союзники, вместо того чтобы мечтать о технологическом прорыве (ради которого

все равно надо вкладывать деньги в образование, а не во всякое «Росна-но»), делали ставку на простые и понятные вещи. Никто ведь не отменял базовых потребностей живого человека во вкусной и недорогой еде, одежде, бытовой технике, машинах. Не таких, которые, урча, пронесутся мимо по московским проспектам в поисках удобного фонарного столба, а таких, как румынский Renault Duster, который и в Британии, и здесь, в России, продается в базовой комплектации за \$14 000.

И да, эти наши соседи — может быть, из-за того что страны у них такие маленькие и не страшные — не пытались строить никаких параллельных альянсов, как это сейчас делает Россия, а присоединялись к существующему. Вместе с ним они испытали несколько неприятных лет, с ним теперь и воспрянут. По крайней мере, инвесторы (за редкими исключениями вроде Сечина) верят в них больше, чем в Россию, отток капитала из которой в этом году составит, видимо, не меньше \$70 млрд.

Здравый смысл и разумное, осторожное целеполагание иногда конвертируются в деньги лучше, чем даже нефть и металл.

Скрытая угроза: как шпионские скандалы меняют мировые медиа

Forbes.ru, 23.08.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/243861-skrytaya-ugroza-kak-shpionskie-skandaly-menyayut-mirovye-media>

Прорывные (disruptive) технологии — это змея, пожирающая свой хвост. В конечном счете они уничтожают то, ради чего придуманы

Сейчас ничто не угрожает мировым медиа сильнее, чем преобразившая их технологическая революция. Та самая, что сейчас позволяет журналистам, еще 25 лет назад использовавшим пишущие машинки, толстые телефонные справочники и стационарные телефоны, общаться с источниками по скайпу и через какой-нибудь Viber, находить их с помощью Facebook, транслировать видекартинку в эфир с планшетного компьютера.

Британская газета The Guardian всегда была в авангарде этой революции: одной из первых создала конвергентную — единую — редакцию для бумажного издания и сайта, стала делать онлайн-трансляции, поощряла журналистов вести блоги.

А потом были разоблачения Эдварда Сноудена, большую часть которых обнародовала как раз The Guardian, а именно ее журналист Глен Гринвальд. Теперь главный редактор газеты, один из самых уважаемых в мире главредов Алан Расбриджер, пишет: «Работу невероятно усложняет уверенность, что было бы крайне опрометчиво со стороны Гринвальда (или любого другого журналиста) рассматри-

вать любые электронные средства коммуникации как безопасные. Работа The Guardian над материалами Сноудена предполагала множество авиаперелетов, чтобы люди могли встречаться лицом к лицу. Это вредно для окружающей среды, но чем дальше, тем больше этот способ действий представляется единственным. Скоро вернемся к ручке и бумаге».

«Скоро, — продолжает Расбриджер, — журналисты не смогут иметь конфиденциальные источники. Сбор материала — да и вообще человеческая жизнь в 2013 году — оставляет слишком заметный цифровой отпечаток».

Воспользовавшись плодами той же самой революции, которая преобразила медиа и благодаря которой вы сейчас читаете этот текст на планшете, миниатюрном ноутбуке или телефоне, а не в бумажном журнале, государства установили слежку и за журналистами и, кстати, за вами. Новое поколение репортеров и их источников, никогда и не знавшее докомпьютерной коммуникации, вынуждено будет теперь учиться писать ручкой в блокноте, ездить на длинные расстояния на машинах, чтобы перемещения невозможно было зафиксировать, или планировать перелеты в «невинные» нейтральные точки для встреч.

The Guardian прессуют в демократической Британии. Что уж говорить про нашу страну и соседние: здесь все гораздо жестче, и немногим оставшимся независимым СМИ надо уже задумываться о переносе серверов в другие юрисдикции. Впрочем, это не спасет от простого отключения доступа ради, например, защиты хрупкой детской психики. Скоро и обходных путей вроде использования анонимайзеров не будет: власти давят сети вроде Тог, прикрываясь, конечно же, борьбой с детской порнографией.

Британские чиновники заставили Расбриджера уничтожить жесткие диски редакционных компьютеров, на которых хранились материалы Сноудена. Над ними можно смеяться: какой нелепый поступок в век, когда можно за минуту сделать тысячу копий этих материалов и разослать по всему миру. Мол, не загонишь пасту обратно в тубик. На самом деле не смешно: власти дали Расбриджеру понять, что в родной стране этим конкретным расследованием заниматься ему не надо. Редактор понял намек: «Мы будем продолжать тщательное, терпеливое расследование по документам Сноудена, просто не будем делать этого в Лондоне».

Пока работу журналистов защищает от совсем уж грубого вмешательства законодательство некоторых — немногих — стран. Например, Соединенных Штатов. На прямой вопрос, была бы возможна в Америке ситуация с уничтожением жестких дисков в редакции, пресс-секретарь Белого дома Джош Эрнест ответил: «Трудно представить себе сценарий, при котором это было бы приемлемо». Парадокс заключается в том,

что, хотя Америка и шпионит за своими и чужими гражданами в киберпространстве, в ней никто не отменял Первую поправку к конституции и редакции вполне способны защитить свою свободу в судах.

Штука в том, что, во-первых, всю журналистскую работу в Америку не перенесешь (нашу, российскую, — и вовсе нельзя: дорого и слишком замысловато), а во-вторых, шпионят-то везде — и могут все испортить до публикации, а не приходиться с молотком, чтобы крушить диски пост-фактум.

В безопасности только те журналисты, которые ничего особенно взрывоопасного не расследуют, а пишут безобидные потребительские тексты или пережевывают пиаровскую жвачку. В некоторых странах — еще и те, кто высказывает мнения, а не оперирует собственноручно добытыми фактами. То, о чем написал Расбриджер, — ключевой, если не окончательный довод в пользу теории о том, что новые технологии в медиа губительны для качества и красоты.

Да только ли в медиа. Электронная торговля убивает живые магазинчики на главных улицах городов, все более самодостаточные автомобили — удовольствие от вождения, компьютерный дизайн — рукотворное искусство. Я не луддит и не призываю отказываться от достижений прогресса. Просто замечаю, что в какой-то момент вдруг приходится ограничить их использование, как это уже делает Расбриджер или, скажем, рестораторы, участвующие в движении slow food.

Лично я с блокнотом в свое время побегал — ваша очередь, поколение Y.

Иллюзия обмана: как хитрый воронежец выставил на посмешище всех банкиров

Forbes.ru, 16.08.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/243523-illyuziya-obmana-kak-perekhitrivshii-tinkova-zaemshchik-vystavil>

Почему в истории с воронежским заемщиком, перехитрившим банк Олега Тинькова, общественное мнение оказалось не на стороне финансиста

Работая в издательстве ЭКСМО, я выпускал книги Олега Тинькова и бывал на его встречах с читателями. На них приходили сотни людей — больше, чем к любому другому нашему автору, в основном молодые ребята, для которых Тиньков был героем, ролевой моделью. Они хотели научиться делать бизнес, как он. Как издатель, я их хорошо понимал: в книгах Тиньков выглядел удачливым флибустьером, челове-

ком, для которого общепринятая мудрость значила гораздо меньше собственной «чуйки». Молодым мужчинам легко объяснить, что тор-моза придумали труссы.

Собственно, именно поэтому в конфликте Тинькова с воронежцем Дмитрием Агарковым «сетевое общественное мнение» в лице тех же самых молодых ребят поддержало Агаркова.

Получив письмо от банка «Тинькофф кредитные системы» (ТКС) с предложением кредитной карты, Агарков исправил в присланной анкете условия: ставку кредита сделал нулевой, убрал кредитный лимит, вписал сумасшедшие штрафы за невыполнение условий договора. И отправил изготовленный документ в банк. Там его подмахнули не глядя — привыкли, что так поступают клиенты. На основании своего договора Агарков не платил процентов, которые ТКС начислял ему по карте, и, когда банк попытался взыскать их с него, суд встал на его сторону. А Тиньков обвинил его в мошенничестве и пригрозил посадить на четыре года.

Кто в этой ситуации флибустьер, а кто — нытик? Для читателей Тинькова ответ очевиден.

А он обиделся: «Боже, что за страна? Мошенники у вас герои... Халващики и лентяи одни. Карету мне, карету!»

Агарков, конечно, не мошенник — он никого не заставлял подписывать свой вариант договора. И, конечно, герой: он выставил на посмешище не одного Тинькова, а всех наших банкиров, старающихся максимально запутать клиентов, чтобы стясти с них побольше денег.

Вот как они это делают (возьмем пример того же ТКС Банка).

Чтобы стать клиентом ТКС, достаточно заполнить анкету — ее получил и Агарков. Подписывая анкету, клиент соглашается с Условиями комплексного банковского обслуживания и тарифным планом — таким, какой банк сочтет нужным предложить именно ему.

В открытом доступе тарифных планов нет. Как-то раз один из клиентов выложил условия своего плана на форуме banki.ru, но такое нарушение строгой секретности было быстро пресечено. «Возможность просмотра различных тарифов имелась по причине технической ошибки. Сейчас она исправлена. Приносим извинения за неудобства. В случае если появится возможность выбора тарифа, соответствующие тарифы обязательно будут предоставлены нашим клиентам», — написал на форуме представитель банка.

Впрочем, один из планов выложен-таки в сети со злобными комментариями, которые предлагаю игнорировать: сами разберемся.

Согласно этому документу, клиент имеет право на нулевую ставку по кредиту в течение 55 дней после того, как совершит покупку с помощью карты. Затем, между 55-м днем после операции и моментом выставления счета-выписки по карте, клиент платит «базовую процент-

ную ставку» — 12,9% годовых. А после — уже 0,12% в день, то есть 43,8% годовых.

Проделайте эксперимент над собой: сколько времени у вас уйдет, чтобы понять, какую именно ставку вам придется платить по кредиту?

А теперь еще раз внимательно взгляните на анкету. В ней мелким шрифтом написано следующее: «Если в настоящем Заявлении-Анкетe не указано мое несогласие на включение в Программу страховой защиты заемщиков Банка, то я согласен быть застрахованным лицом по указанной Программе, а также поручаю Банку ежемесячно включать меня в указанную Программу и удерживать с меня плату в соответствии с Тарифами».

Над большим, заметным полем, в котором надо указать свои имя и фамилию, а рядом — поставить подпись, есть два маленьких квадратика, сопровождаемых надписями совсем уж миниатюрным шрифтом. Одна из надписей гласит: «Я не согласен участвовать в Программе страховой защиты заемщиков Банка, при этом понимаю, что в этом случае, вне зависимости от состояния моего здоровья и трудоспособности, я обязан исполнять мои обязательства перед ТКС Банк (ЗАО) в полном объеме и в установленные договором сроки».

Программа не описана ни в Условиях комплексного банковского обслуживания, ни в анкете, ни в тарифном плане, так что совершенно непонятно, защиту от чего получает клиент, у которого нет достаточно сильной лупы, чтобы прочесть этот текст. Зато он будет каждый месяц платить 0,89% своей задолженности за страховку черт знает от чего.

Кстати, а почему шрифт такой мелкий? «Это экономия, там ничего нет существенного в нашей анкете», — отвечает Тиньков.

Ладно бы еще этим все ограничивалось. Ради эксперимента я как-то раз заполнил заявление на кредитную карту на сайте ТКС Банка. И получил ответ: «О решении Вы будете проинформированы по **SMS и электронной почте**. Мы также сообщим о Вашем тарифном плане и доступном кредитном лимите». Следом — в тот же день — пришло другое письмо: мол, по моей заявке принято положительное решение, мне позвонит специалист, чтобы договориться о доставке карты. Никаких упоминаний о тарифном плане в этом письме уже не было, а про кредитный лимит сообщалось: «Начальную сумму Вашего кредитного лимита Вы узнаете после доставки карты».

Надо ли говорить, что, когда мне позвонили из банка, я потребовал не валять дурака и назвать лимит.

Но ответа все равно не получил — банку оказалось легче отказаться от клиента, чем раскрыть страшную тайну лимита. Я написал об этом в фейсбуке — и получил буквально следующий ответ от представителя ТКС (да, вот с такой пунктуацией и орфографией): «Ваше желание — Ва-

ше право, и Ваш выбор. Мы свое желание и право сообщить величину лимита после проведения встречи так же считаем своим выбором. Сожалею, что Вы считаете иначе, при этом уважаю Ваше мнение. Специалист Банка соответствующим образом отметил Ваше пожелание отказаться от карты».

Ваше право и ваш выбор — считать вышеописанное честным или не очень честным поведением. Одно можно сказать — в похожие игры с клиентами играет подавляющее большинство российских банков. Так нечего и удивляться, что человека, обыгравшего банк по его же правилам — с помощью «экономного» шрифта — считают героем, а не мошенником.

А вот банкир стал бы героем, если бы смог преодолеть себя — и открыто предложить клиенту то, что у него для клиента есть. То есть одинаковым крупным шрифтом указать в документе, под которым клиент ставит подпись (да, в одном-единственном документе) все особенности продукта. Единую (желательно) процентную ставку, которая будет действовать с понятного, конкретного момента при условии внесения минимального платежа — и «штрафную» ставку на случай, если этот платеж не внесут. Обе эти ставки надо бы указать в процентах годовых — так люди привыкли.

Еще в этом героическом документе надо указать штраф за неуплату и описать страховую программу, в которую клиенту предлагается вступить (да, именно так, а не отказаться от вступления). И неплохо бы включить в текст предлагаемый кредитный лимит — хотя бы в процентах от зарплаты, которую банк все равно проверяет, звоня клиенту на работу.

Не надо хитрить. Вообще. Ни в чем. Тогда вы, уважаемые банкиры, будете героями и гуру. Молодежь будет брать с вас пример и, возможно, изменит что-то в этом мире, как вы изменили банкинг и представление клиентов о нем.

А пока — какие-то вы не герои. Тиньков вот договорился с Агарковым: не стал больше требовать с него проценты по кредиту. И что дальше? Для клиентов банка ведь ничего не изменилось. Пусть покупают лупы и калькуляторы.

Может ли Навальный стать хорошим мэром

Forbes.ru, 09.08.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/243236-mozhet-li-navalny-stat-khoroshim-merom>

Почему утверждения о том, что достойным градоначальником крупного города может быть только человек с серьезным опытом управления, — полная ерунда

Главный аргумент против Алексея Навального на нынешних выборах мэра: этот человек не имеет серьезного управленческого опыта. Вот выносит вердикт колумнист Максим Соколов: «Если человек не умеет работать с большой командой [подчиненных], ему лучше не домогаться обширных властных полномочий». А вот уважаемый в интернете предприниматель Герман Клименко: «Навальный-мэр — это бред. Никаких шансов у гламурного юриста собрать профессиональную команду управленцев городом нет. Все призывающие голосовать за Навального в категории мэра — подонки, желающие смерти городу».

Тезис о том, что достойным мэром крупного города может быть только человек, ранее управлявший чем-то большим, — полная ерунда.

С 2004 года лондонский независимый исследовательский центр City Mayors шесть раз определял тройку лучших мэров на земле. Это не самопиар маленькой организации, которой нужны пожертвования (City Mayors их не привлекает — это специально указано на ее сайте): сами мэры не только с благодарностью принимают награду и включают ее в свои официальные биографии, но даже подписывают этический кодекс City Mayors в качестве условия выдвижения на премию. Номинантов выдвигают и мэрии, и общественные организации, и просто жители городов, а победителей определяет голосование в интернете, в котором в прошлом году приняли участие почти полмиллиона человек.

В списке лауреатов премии 18 мэров. И как минимум у семи из них на момент избрания не было более серьезного управленческого опыта, чем у Алексея Навального.

1. Эди Рама, мэр Тираны (2000-2011) — победитель, 2004. Рама — художник и демократический активист, ничем вообще не руководивший, пока соратники его не позвали в конце 1990-х в министры культуры Албании; он не проработал и двух лет, прежде чем его выбрали мэром столицы, Тираны. «Быть мэром, — говорил он, — это высшая форма концептуального искусства, искусство в чистом виде». И правда, он раскрасил тиранские дома в ярчайшие цвета, а еще посадил 1800 деревьев и разбил почти 10 га новых парков. А еще, как Сергей Собянин, снес тысячи киосков. Правда, на момент его ухода в домах полумиллионного

города вода имела только по шесть часов в день, но, когда Раму выбрали, было еще хуже. Так что жители любили своего мэра-художника.

2. Андрес Мануэль Лопес Обрадор, Мехико, (2000-2005) — второе место, 2004. Этот юрист и политический активист не имел руководящего опыта, когда впервые баллотировался в губернаторы родного штата Табаско в 1994 году и сумел собрать 40% голосов против соперника, который потратил на кампанию в 60 раз больше разрешенного законом максимума. После этого Обрадор стал лидером своей оппозиционной партии и одержал для нее ряд политических побед, создав «Бригады Солнца», агитировавшие избирателей от двери к двери. Одним из первых в мексиканской политике Обрадор стал использовать интернет. Он стал первым избранным мэром Мехико, выдвинув лозунги борьбы с коррупцией и преступностью. Ничего не напоминает?

Городом, который намного больше Москвы, Обрадор руководил вполне успешно.

Построил, например, школы на 9000 детей, необходимые транспортные развязки, ввел программы социальной помощи малоимущим, снес дома богатых, захвативших землю в городском парке. Позднее, в 2006 году, Обрадор чуть не победил на президентских выборах, заняв второе место с небольшим отрывом от соперника.

3. Стивен Рид, Харрисбург, США — третье место, 2006. Этот недоучка, работавший техником в реанимации, стал активистом демократической партии и тоже ничем не руководил до того, как в 1981 году был избран мэром города в штате Пенсильвания с населением 50 000 человек. Это, конечно, не Москва, но, во-первых, Рид избирался целых шесть раз и приобрел международную известность как один из самых любимых населением мэров; а во-вторых, его пример нельзя назвать особенно успешным: в последнее время Рида обвиняют в неправильном информировании покупателей городских облигаций, то есть, по сути, в обмане людей, которые давали городу деньги в долг. Впрочем, у жителей Харрисбурга осталась хорошая память о Риде: благодаря ему в городе появились университет и бейсбольная команда.

4. Леопольдо Лопес, Чакао, Венесуэла (2000-2008) — третье место, 2008. Потомок Боливара, Лопес — из политической семьи, юрист и экономист с американским образованием. Никакого управленческого опыта к моменту, когда он стал мэром Чакао — одного из муниципалитетов Каракаса с населением 65 000 человек, — у него не было. Однако пламенный борец с команданте Чавесом неплохо управлял Чакао, отработав два срока. При нем муниципалитет стал самой безопасной частью Каракаса, города с одним из самых высоких уровней преступности в мире. Венесуэльские мотоциклисты, привыкшие ездить с непокрытой головой, при въезде в Чакао надевали шлемы: полиция здесь работала честно и добросовестно.

5. Мик Корнетт, Оклахома-сити, США (с 2004) — второе место, 2010. Тележурналист Корнетт до избрания мэром не управлял ничем, кроме собственной маленькой фирмы, снимавшей видео по корпоративным заказам. Но это при нем полумиллионный Оклахома-сити стали называть «городом возрождения», он пролоббировал появление в городе первой профессиональной спортивной франшизы — баскетбольного клуба NBA, он восстановил пришедший в упадок центр города.

6. Лиса Скаффиди, Перт, Австралия (с 2007) — второе место, 2012. Скаффиди работала дантистом, стюардессой, маркетологом, представляла свой штат в общественной организации — Комитете экономического развития Австралии. Столь скудный управленческий опыт не помешал ей стать первым избранным лорд-мэром Перта, а затем и остаться на второй срок — руководить городом с населением под 2 млн человек и командой из 500 городских служащих. Основную ее заслугу видят в «раскрутке» города среди бизнесменов и звезд: при Скаффиди Перт прочно занял место третьего по значению города Австралии после Сиднея и Мельбурна.

7. Джоко Видодо, Суракарта, Индонезия — третье место, 2012. На момент избрания мэром полумиллионной Суракарты в 2005 году Джокови, как его зовут в Индонезии, был всего лишь торговцем мебелью. Бизнес у него был не крупный, но позволил поехать по Европе, где выросший в бедной семье Видодо вдохновлялся современным градостроительством. При Джокови город стал настолько безопаснее и приятнее для жизни, что сюда даже начали приезжать туристы, раньше Суракарты сторонившиеся. Теперь этот принципиальный борец с коррупцией — губернатор столицы страны, Джакарты.

Среди этих примеров есть более или менее впечатляющие, но все семь человек в нашем списке вполне достойно справились или еще справляются, с обязанностями градоначальников.

Избирателям нужно было лишь немного смелости, чтобы им поверить, и они доверие оправдали.

Ну, а там, где жители свято верят в необходимость большого управленческого опыта для избрания на главный пост в городе, правят не только отличные мэры вроде остальных 11 лауреатов премии World Mayor, но и, как мы хорошо помним, юрии лужковы.

Единогласное удобрение: как Лукашенко сыграл в пользу рынка

Forbes.ru, 02.08.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/242941-edinoglasnoe-udobrenie-kak-lukashenko-sygral-v-polzu-rynka>

Выйдя из российско-белорусского картеля, акционеры «Уралкалия» обвалили акции своей компании, но в итоге могут заработать

Калийными удобрениями интересуетесь? Нет? А зря. На этом рынке мы сейчас имеем возможность наблюдать удивительную ситуацию. Решение одного диктатора — Александра Лукашенко — повлекло за собой цепочку событий, отозвавшуюся болью от Германии до канадской провинции Саскачеван и приведшую к триумфу свободной конкуренции. От которого, вероятнее всего, выиграет Сулейман Керимов, но главную выгоду получают Индия, Китай и Бразилия.

Распад картеля «Белорусская калийная компания» (БКК), говорят специалисты, — это для мировой индустрии удобрений все равно что развал ОПЕК для нефтяного рынка. Это преувеличение, но не такое уж большое.

Калийная вселенная до большого взрыва, потрясшего ее в конце июля 2013 года, была похожа на двухполярный мир времен противостояния СССР и США.

БКК продавала продукцию государственного «Беларуськалия» и «Уралкалия», российского ОАО, крупнейший акционер которого — Керимов, с 17%-ной долей в капитале. Второй картель, Canpotex, объединял североамериканские компании PotashCorp, Mosaic и Agrium. Вместе два альянса контролировали 70% рынка. На североамериканцев приходилось примерно 30%, остальное — на бывших советских (примерно по 20% на каждую из компаний, торговавших через БКК).

Два картеля сдерживали производство поташа — калийной соли, используемой для производства удобрений. Из-за этого цены выросли со \$140 за тонну в 2001-2006 годах до \$420 в 2007-2011-м. Сейчас они тоже превышают \$400.

Но прежней калийной вселенной больше нет. 27 декабря прошлого года Лукашенко подписал указ, которым дал право своей госкомпании торговать мимо картеля. В Минске заметили, что из-за монопольных договоренностей на «Беларуськалии» простаивают мощности. Вот и рассудили: сейчас задействуем их и воспользуемся ценами, которых добились картели. А договоренностям пусть следуют... ну, допустим, канадцы с американцами.

«Уралкалий» терпел семь месяцев, надеясь договориться с Лукашенко. Эту ошибку не стоит повторять никому.

Керимов и менеджеры «Уралкалия» наверняка знали, какая реакция последует за объявлением о выходе компании из БКК. Акции всех корпораций отрасли рухнули в сумме на \$20 млрд. Акционеры самого «Уралкалия» за день потеряли 27% капитализации компании — для Керимова это минус \$545 млн. Почему он пошел на это?

Он вместе с главой «Уралкалия» Владиславом Баумгернтером намерен сыграть в игру, предложенную Лукашенко. И выиграть.

Допустим, цена тонны поташа упадет до \$300. Но «Уралкалий» способен задействовать свободные мощности и нарастить производство с 10 млн т до 13 млн т в год. Потеряв, грубо говоря, \$1 млрд на падении цены, он выиграет \$900 млн на росте объема. То есть понесет кое-какой ущерб, но приемлемый для компании с самой низкой на рынке себестоимостью, \$62 за тонну. И у белорусов, и у американцев себестоимость превышает \$100. У европейцев, например, у германской K+S, и вовсе почти \$240. Падение цен будет для них более болезненным.

Канадская провинция Саскачеван, в которой PotashCorp собиралась строить самую большую в мире калийную шахту, уже прикидывает, сколько денег потеряет из-за развала БКК. А проект, скорее всего, заморозят.

Была бы у «Уралкалия» такая возможность, он завалил бы весь рынок калийным сырьем по \$100, скупил или склонил к сотрудничеству впавших в панику конкурентов и создал однополярный мир вроде того, что сложился после краха СССР. Так, конечно, не будет, но Лукашенко выпустил из бутылки джинна, который как следует погуляет по рынку.

Собственно, этого джинна либералы называют невидимой рукой рынка.

Рука эта теперь непременно поможет крупным импортерам калийных удобрений — Индии, Китаю и Бразилии. В годы высоких цен — тонна стоила и под \$850 — они начали потихоньку создавать собственные производственные мощности. Это дорого, поэтому международным картелям и удавалось до сих пор держать цены. Но рано или поздно индийцы, китайцы и бразильцы добились бы относительной независимости от картелей, и тем пришлось бы снижать цены или закрывать производства. Это самый неэффективный из возможных исходов: развивающиеся страны потратили бы миллиарды долларов, в развитых были бы потеряны рабочие места.

Но жадный белорусский диктатор, скорее всего, предотвратил этот сценарий. Он, сам не понимая, что делает, разрушил вредную олигополию. А вы говорите — госкапитализм неэффективен! Еще как. Главное, чтобы госкапиталисты как можно хуже понимали, к каким последствиям приведут их действия, и все будет хорошо.

Пять ошибок избирательной кампании Алексея Навального

Forbes.ru, 26.07.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/242640-5-oshibok-izbiratelnoi-kampanii-alekseya-navalnogo>

Бросив вызов Сергею Собянину, оппозиционер пока не смог сформулировать проблемы, действительно важные для избирателей

Чтобы не было вопросов, хочу сразу сказать, что на выборах мэра Москвы проголосую за Алексея Навального: это единственное, что я могу сделать, чтобы уберечь его от посадки в тюрьму по сфабрикованному обвинению, какое можно было бы предъявить и мне, и вообще каждому, кто рядом стоял с любым бизнесом. Есть надежда — пусть и не стопроцентная уверенность, — что если Навальный наберет много голосов, сажать его раздумают. Найдут, как амнистировать, заменить срок на условный или, скажем, отменить приговор через Верховный Суд (да, я уверен, что самостоятельно российские суды таких решений не принимают). Потом будут пытаться кооптировать, купить, превратить в посмешище. Все это лучше тюрьмы, и всему этому можно при желании сопротивляться.

Мой голос нужен человеку, которого пытаются посадить за работу, в общем-то, журналиста-расследователя. Это, конечно, самый что ни на есть весомый повод отдать ему голос.

С позиции определившегося избирателя я смотрю на кампанию, которую ведет мой кандидат, и понимаю, что серьезного результата он так не добьется.

Разве что приобретет первый опыт больших выборов (не считать же таковым избрание в печальный Координационный совет оппозиции). Но достаточно ли это полезно, когда угрожает тюрьма и непонятно, через сколько лет удастся опять куда-то избираться?

Понятно, что когда тебя «судят» по диким обвинениям, трудно сосредоточиться и готовиться к выборам. Понятно, что мэр Сергей Собянин специально объявил досрочные выборы, чтобы никто не успел грамотно провести кампанию. И все же — Навальному стоило бы иначе распорядиться своим шансом.

В свое время Национальный демократический институт (NDI) — сильная американская неправительственная организация, помогающая «опериться» институтам гражданского общества в разных странах, — разработал руководство по ведению политических кампаний. Эксперт института Брайен О'Дэй написал первый вариант документа к выборам в Госдуму 1995 года, вполне еще демократическим. С тех пор руководство использовали на многих выборах в разных странах. Это не

идеологический учебник от «Вашингтонского обкома», а сборник технологических советов для кандидатов и активистов; если погружаться в тему управления кампаниями некогда, его вполне достаточно, чтобы сфокусироваться на главном.

В штабе у Навального сидят не дураки и наверняка что-то подобное читали. Только не уверен, что видят свои действия со стороны. С точки зрения методички NDI, да и просто здравого смысла, у кампании Навального следующие проблемы:

1. Кампания не нацелена на те группы избирателей, которые могли бы обеспечить успех кандидату. Начальник штаба Леонид Волков признается в интервью «Ленте.ру», на которое я еще не раз сошлюсь ниже: «На сегодняшний день группа поддержки Навального — это мужчины 25-35 лет с высоким уровнем доходов. Это аудитория полностью наша. А все остальные — это пока для нас сложно». Дальше он объясняет, что проблема отношений с мигрантами, самая важная в Москве по соцопросам, для разных социальных групп москвичей выглядит по-разному и «сформировать какой-то единый месседж, который не обижал бы нашу аудиторию и добавлял бы нам голосов в другой, практически невозможно».

Но О'Дэй и не советует делать ничего подобного: он предлагает сконцентрировать усилия на самой важной для кандидата части аудитории — тех, кто потенциально может его поддержать. На этих людей надо нацеливать и месседж. Укрепление уже имеющейся базы поддержки — задача второстепенная.

Это значит, что основным посланием Навального по миграционной теме могло бы стать быть некое обещание тем, с кем мигранты конкурируют на рынке труда, — и нет, это не введение виз для таджиков, всем же понятно, что эту систему коррупция победит в момент.

Такого послания, однако, нет: штаб погряз в позиционной борьбе, снова и снова пытаясь разъяснить, насколько Навальный — националист. Толку-то! Либералы все равно не простят ему то, что он в 2008-м назвал грузин грызунами, а настоящие «нацики» Навального своим никогда не считали и не станут: он для них либерал.

2. Основной месседж кампании не привязан к проблемам, которые волнуют избирателей. О'Дэй приводит в пример кампанию Билла Клинтона против Джорджа Буша в 1992 году. Тогда у победителя было самое что ни на есть ясное послание: «Результат 12 лет республиканского руководства — социальная стагнация и экономическая рецессия, так что американский народ готов к переменам. Выбор 1992 года ясен: перемены или продолжение застоя». Нечто подобное пытается сказать и Навальный про 13-летнее правление Путина: «Измени Россию, начни с Москвы».

Но как это послание связано с тем, что по-настоящему беспокоит жителей города?

Что это, Навальный отлично знает. В интервью Ксении Собчак он перечисляет важные для москвичей темы: мигранты, рост коммунальных платежей, пробки. Так и есть. Про застой и сменяемость власти в России в длинном списке того, что на самом деле тревожит потенциальных избирателей, нет ни слова.

Штаб Навального расставил на московских улицах «агитационные кубы» с фотографиями кандидата, слоганом «Измени Россию» и наглядными статистическими выкладками. Про что эти выкладки? Опять не про мигрантов, пробки и цены на услуги ЖКХ. На кубах написано: «Честный бюджет» (О'Дэй конкретно предупреждает: не говорите с избирателями о бюджете, говорите отдельно об образовании, здравоохранении и пр.); «Чиновник, о котором вы знаете всё» (данные опросов не показывают, что москвичи хотят хоть что-нибудь знать о чиновниках); «В вашем дворе власти больше, чем в мэрии» (во дворах нужен скорее порядок, чем власть, но и это волнует лишь 6% избирателей). Еще кубы обещают улучшить условия для бизнеса — как будто бизнесмены только и ходят по улицам, останавливаясь почитать, что написано на заборах. Да и если бы останавливались, лишь 9% москвичей тревожит бюрократическая волокита в городских органах управления.

3. Кандидат не отточил формулировки своих сообщений. Ответы Навального на вопросы интервьюеров выглядят чистой импровизацией. Это трогательно и человечно, но позволяет делать вот такие ролики.

Что именно Навальный имеет в виду под отказом от строительства крупных транспортных развязок ради улучшения «капиллярного» сообщения внутри районов? Как выглядит развязка, знает каждый, кому Собянин сейчас изо всех сил демонстрирует результаты своей работы. А что за капилляры такие — поди разберись. Основные идеи и обещания должны отскакивать у кандидата от зубов и постоянно повторяться, учит О'Дэй вслед за всеми, кто вообще когда-либо писал на эту тему. Говорить четко и всегда одно и то же получается у Навального только на антикоррупционную тему, но коррупция стоит у москвичей слишком низко в списке приоритетов: на 16-м месте.

4. Менеджер кампании не имеет профильного опыта. Достаточно прочитать интервью Волкова «Ленте», чтобы понять, что этот человек никогда не вел кампаний сравнимого масштаба и с большинством проблем столкнулся впервые. При этом он делает политические заявления, угрожает развешать политологов на крючка, высказывает неясные угрозы в адрес провластных медиа. Помогает ли он этим своему кандидату? Скорее, подставляет его под удар. И пользователи соцсетей постят уничижительные комментарии вхожего в Кремль, но знающего и авторитетного политолога Николая Злобина: «В Америке такое интервью было бы последним актом человека в качестве начальника чье-либо избирательного штаба». О'Дэй замечает: «Как и в любом деле,

в политических кампаниях важен опыт. Чем больше кампаний провел человек, тем лучше он готов к следующей». Волков учится на собственных первых ошибках, продвигая кандидата, которому грозит тюрьма.

5. Не видно работы с гражданскими организациями и другими союзниками. Какие организации поддерживают кандидата Навального? Какие заметные люди сочувствуют его кампании и высказываются в его поддержку? О'Дэй считает, что даже простые заявления о поддержке кандидата со стороны авторитетных фигур и групп могут повысить его рейтинг. Но никаких организованных усилий по привлечению союзников не видно. А так, как иные стихийно поддерживают Навального, лучше бы они этого не делали. Вот Альфред Кох в своем фейсбуке: «У меня просьба: идите на ***. Не голосуйте. ... Сучье вы семя: помесь пикейных жилетов с Васисуалием Лоханкиным».

Этот пост лайкнули больше 1600 человек. Но что-то я не уверен, что он добавил Навальному популярности хоть среди «сучьего семени» (интеллигентов), хоть среди остального народа.

Собственно, часть этой же ошибки — отсутствие видимой команды кандидата Навального.

В интервью Собчак слова о том, что прежних крупных чиновников кандидат, став мэром, уволит, не были поддержаны обещаниями назначить вместо них кого-нибудь конкретного — получше. Ответы, показавшие, что Навальному некого позвать на ключевые политические должности в городе стали, пожалуй, самыми громкими выстрелами кандидата в самого себя в этом совершенно неподготовленном интервью.

Мне не впервой голосовать за тех, кому не суждено победить. Собственно, я ни разу не поддержал победителя ни на одних российских выборах — разве что того же Навального, когда выбирали Координационный совет. Но сейчас мой кандидат борется за нечто большее, чем политический пост, — за свою свободу, чтобы потом побороться и за общую. Поэтому я надеюсь, что за оставшееся время он сумеет собраться и все же провести кампанию как потенциальный победитель, а не как герой-недочка.

Приговор Навальному: теперь посадить можно любого

Forbes.ru, 18.07.2013

<http://www.forbes.ru/mnieniya-column/protesty/242288-prigovor-navalnomu-teper-posadit-mozhno-lyubogo>

Решение кировского суда создает прецедент, который позволяет отпирать за решетку каждого россиянина

Вот и снова конец надеждам и последнему нервному веселью. Как можно было предвидеть, исходя из дел Ходорковского — Лебедева

и Pussy Riot, судья дал Алексею Навальному на год меньше, чем просил прокурор. То есть пять лет колонии. Это стандарт: теперь приговор по любому политическому делу можно точно предсказать в момент, когда прокурор называет свою цифру.

Не зря в песне, которую Pussy Riot выпустили за два дня до оглашения приговора, сказано: «Навальный посажен». Они знали, и остальным следовало знать.

Реальная политика

Оптимисты пытались просчитывать будущее судебное решение с точки зрения Realpolitik. Навальному собрали недостающие подписи муниципальных депутатов. Навальному позволили зарегистрироваться кандидатом в мэры Москвы. Значит, хотят довести его до самых выборов и там уже показательно растоптать — социологические опросы ведь дают ему не более 8% и сулят Сергею Собянину не победу, а прямо-таки триумф. Какой смысл сажать его в тюрьму, если можно так убедительно показать всем, в том числе недовольным властью москвичам, что численность протестующих ничтожна и потому их голоса следует и дальше игнорировать? Следовательно, будет условный срок и возможность участвовать в кампании.

Не мог ведь собянинский штаб, действовавший в этой логике, не согласовывать свои шаги с Кремлем?

Не мог, конечно. Наверняка с кем-то и согласовывал. Этот кто-то наверняка кивал, обсуждал с собянинскими их политические построения. Но сам приговор с ними вряд ли обсуждался. Не их компетенция.

Владимир Путин и его люди не играют в политические игры. Точно так же, как кот на самом деле играет не с мышью, а мышью. Важно ли для Кремля, чтобы Собянин стал максимально легитимным мэром Москвы, чтобы можно было сказать, что он выиграл в честной борьбе, пройдя с Навальным все положенные по правилам раунды? Не очень; скорее это важно для самого Собянина, Путину же он и в качестве значенца годится — разницы никакой. Кремлю нужно совершенно иное: чтобы все в стране знали, что делать можно и чего нельзя.

Навальный работал главным российским журналистом-расследователем. Из его постов картина тотальной коррупции была очевиднее, чем из фрагментарных расследований газетных и журнальных профессионалов. Кроме того, его больше читали: он сам стал СМИ. Риски и смелость Навального в последние несколько лет были очевидны всем. В результате за ним готовы идти пусть не миллионы, но десятки тысяч — те, за кого он рисковал и теперь угодил в тюрьму.

Всего этого — нельзя, сказал Кремль. Как с Навальным — будет с каждым.

Непримиримость и радикализм — залог успеха авторитарных политиков. Победить их могут только те, кто радикальнее их. Нельсон Мандела во главе радикального АНК смел с лица земли апартеид. «Братья-мусульмане» раздавили Мубарака. Турецкие леваки и интеллигенты не сумели свалить Эрдогана. Российский протест в версии 2011-2012 годов был еще мягче — чему же мы удивляемся? Навальный давно понимает, что победить Путина можно, только действуя жестче и радикальнее, чем он. За время отсидки Навального, возможно, это поймет и еще кто-нибудь.

Реальный бизнес

Формально Навальный сел из-за двух фраз в постановлении Пленума Верховного суда от 27 декабря 2007 года №51. Вот эти две фразы:

«При установлении размера, в котором лицом совершены мошенничество, присвоение или растрата, судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества».

«Частичное возмещение ущерба потерпевшему само себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества».

Сочетание этих двух формулировок позволяет посадить в тюрьму любого, кто занимается бизнес-посредничеством.

Например, вы отдаете автосалону свой автомобиль в трейд-ин. Салон засчитывает его цену как часть платы за новую машину. Потом продает ваше подержанное авто с прибылью. Исходя из постановления Пленума ВС, он совершает хищение в размере той суммы, которую выручает при продаже. Частичная компенсация не свидетельствует об отсутствии у автотдилера преступного умысла и не поможет скостить ему срок.

С декабря 2007 года судам четко сказано, что посреднический бизнес — впрочем, как и бизнес всех холдингов, покупающих товары у своих «дочек» и потом продающих на открытом рынке дороже, — вне закона.

Почему же до сих пор не сидят директора и владельцы всех автосалонов и холдингов, а также все, кто разговаривал с ними по телефону, как Навальный с Петром Офицеровым из посреднической «Вятской лесной компании»? Да по той же самой причине, по которой все олигархи ельцинской эпохи не сели в тюрьму одновременно с Михаилом Ходорковским.

Они должны понять намек.

Предполагается, что бизнесмены теперь будут знать: не надо расклеивать листовки и ходить на митинги, не надо расследовать коррупцию в госкомпаниях и публично называть депутатов ворами. И тогда не будет уголовного дела, не будет суда, не будет в приговоре вот этих двух фраз из постановления Пленума Верховного суда.

В общем, все будет хорошо.

Каждый сам для себя решает, с каким выражением лица он ходит под статью. И насколько низко нагибается, чтобы не чувствовать острие дамоклова меча.

Грешный рейтинг: где надо жить, чтобы попасть в ад¹

Forbes.ru, 12.07.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/242037-greshnyi-reiting-gde-nado-zhit-chtoby-popast-v-ad>

Жители России — среди мировых лидеров по склонности грешить

Какая страна самая порочная в мире? Откройте Глобальный индекс порока, изготовленный агентством Bloomberg в прошлом году, и проверьте себя. Нет, не Россия: она на 20-м месте. Скромная Чехия! Все дело в том, что там не запрещены азартные игры, варят вкусное пиво и устраивают много веселых вечеринок, на которых курят траву, принимают экстази и амфетамины.

Оцифровать сексуальные нравы народов мира составители рейтинга не сумели, иначе расстановка сил наверняка бы изменилась.

Ничто так не радует читателя деловой прессы, как какой-нибудь необычный рейтинг.

Знание о том, что Чехия — самая порочная из стран, я теперь ношу с собой, чтобы удивлять им всех, кто готов меня слушать. Но есть идея получше: выяснить, какие страны на самом деле будут гореть в аду, составив рейтинг по семи смертным грехам. Ведь для каждого греха можно найти подходящий статистический индикатор.

1. Чревоугодие. Один из самых простых в оценке грехов: статистика по ожирению словно специально для этого придумана. Чемпион по этому показателю среди стран, по которым есть информация у Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), — США, где ожирением страдает 34% взрослого населения. Никаких сюрпризов; гораздо удивительнее второе место Мексики (30%) и третье — Новой Зеландии (27%). Впрочем, все это страны с мощной традицией мясоедства. Последнее место самой вегетарианской страны, Индии (2%), тоже объяснимо.

2. Корыстолюбие. На мой взгляд, этот грех лучше всего соотносится с уровнем мздоимства: чем ниже стоит страна в Индексе восприятия коррупции Transparency International, тем корыстолюбивее в ней народ. Среди стран, по которым ведет статистику ОЭСР, Россия — непобедимый лидер, обогнавший по коррумпированности даже Индонезию

1 В сборе материала участвовала Тамара Бабакова.

с Мексикой: в общем списке она на 133-м месте из 174. Аутсайдеры — все те же сексуально распущенные скандинавы. И в самом деле, зачем нужны деньги, когда все хорошо с сексом.

3. Блуд. Публично доступной сравнительной статистики по этому греху почти нет. Пожалуй, лучший источник — исследование психолога Дэвида Шмитта из американского Университета Брэдли. Его работу опубликовал в 2005 году журнал *Behavioral and Brain Sciences*. Шмитт и его команда опросили 14 059 человек в 48 странах об их сексуальном поведении. Методика, которую использовал Шмитт, называется «Инвентаризация социосексуальной ориентации», или SOI. Результирующий показатель — индекс сексуальной распущенности: чем он выше, тем больше люди склонны изменять партнеру, флиртовать, быстро прыгать в постель с новыми знакомыми. Чемпионами по распущенности оказались финны. Недалеко от них ушли новозеландцы, жители Прибалтики и англичане. Бразильцы и прочие латинские любовники по сравнению с ними просто не умеют расслабиться.

4. Гнев. Удобнее всего оценивать его по статистике умышленных убийств: все прочие типы насильственных преступлений в разных странах трактуют и учитывают по-разному. Недостигаемый лидер по убийствам среди крупных и развитых стран — ЮАР (здесь каждый год убивают 32 человека на каждые 100 000 населения), следом царство уличной преступности Бразилия и раздираемая войнами наркобаронов Мексика. Гнев жителей этих стран особенно опасен, потому что цена человеческой жизни здесь низка.

5. Гордыня. Возможно, лучшим показателем здесь было бы потребление предметов роскоши, но всеобъемлющей статистики в данном случае не существует. Пожалуй, единственный приемлемый из доступных критериев — национальная гордость. В 2009 году ее исследовала компания *Reputation Institute*, специализирующаяся, как видно из названия, на управлении репутациями компаний и стран. Самые гордые собой люди на земле не американцы, как можно было бы подумать, а австралийцы. А еще канадцы и финны.

6. Лениность. Ее можно измерить числом часов, отработываемых за год средним экономически активным жителем страны. Собрать данные пришлось из двух баз данных: ОЭСР и Международной организации труда. Самыми неленивыми оказались азиаты — индийцы, китайцы, индонезийцы, корейцы: они стабильно работают больше 2000 часов в год. Меньше всех работают в избалованной «старой Европе», где 1300-1500 часов — обычное дело. Мы с американцами в середине списка.

7. Зависть. Вот грех, который труднее всего представить математически. Экономисты отслеживают пусть и не линейную, но все же зависимость между завистью и уровнем экономического неравенства: чем он выше, тем больше бедные завидуют богатым.

Неравенство измеряют коэффициентом Джини (ноль по шкале Джини — это полное равенство, 100 — ситуация, когда весь доход получает один человек, а остальным ничего не достается). Но для измерения зависти одного этого коэффициента явно недостаточно: чисто теоретически легко представить себе страну, в которой добродушный народ не считает денег в чужих карманах.

Можно попробовать рассмотреть уровень неравенства вместе с субъективной оценкой счастья из Всемирного доклада о счастье за 2012 год, выпущенного Колумбийском университетом. В докладе говорится, что один из факторов, негативно влияющих на восприятие счастья, — субъективное осознание неравенства, когда человеку кажется, что другим незаслуженно везет больше, чем ему.

Показатель счастья, которым я пользовался, — так называемая «лестница Кантрила»: человека просят представить себе шкалу удовлетворенности жизнью как лестницу с 10 ступеньками, а потом сказать, на какой ступеньке он находится сейчас.

Самые завистливые люди живут там, где неравенство выражено сравнительно слабо, а счастья все равно нет.

Например, индийцы слишком несчастны для того уровня расслоения, который имеется в их обществе. Завистливы немцы, австрийцы и шведы — попытки правительств установить социальное равенство особого счастья им не приносят. А вот в американской системе ценностей зависти почти нет места.

Я расположил страны в порядке убывания «греховности» по каждому из параметров. То есть, к примеру, самые сексуально распушенные заняли первые места по блюду, те, где отработывается меньше всего часов в год, — по лености и т. д. Итоговый балл я выводил, складывая порядковые номера по первым шести грехам и вычитая из результата сумму порядковых номеров по счастью и неравенству: ведь чем меньше эта сумма, тем менее завистлив народ. Чем меньше итоговый балл, тем греховнее страна.

По каждому из грехов пришлось иметь дело с выборками из разного числа стран, от 23 до полного списка. Найти все необходимые показатели получилось по 20 странам, заметным на мировой арене и репрезентативным для своих регионов. «Жульничать» почти не пришлось, допущения минимальны: например, в исследовании сексуальной распушенности не было России, зато была Украина, и я счел ее показатель приемлемым и для нашей страны, сходной с соседкой по сексуальной культуре.

Более антинаучный рейтинг, чем этот, пожалуй, трудно себе представить. Впрочем, в этом смысле он ничем не лучше Глобального индекса порока. Подходить к нему лучше с идеологических, даже религиозных позиций.

В ад ведут совершенно разные с виду дороги.

Самой греховной оказалась и самая счастливая страна из наших 20 — Финляндия. Что понятно: ведь грех сладок. А вот в занявшей почетное второе место России люди чувствуют себя не очень-то счастливыми, но грешат многовато и все равно коллективно попадут в ад, — могли бы и побольше удовольствия получать от своего дурного поведения.

Католические страны, где хорошо понимают концепцию греха, оказались в конце «турнирной таблицы». Набожность в Испании, Португалии, Италии, Бразилии, может быть, и идет на спад, но культура берет свое, и в аду мы с населением этих стран не встретимся.

Но самые последние места заняли вовсе не христианские Китай и Япония. Тамошние народы попросту добродетельнее нас. Они много работают, умеренны в сексе и еде, воруют в меру и не страдают ура-патриотизмом. Теперь понятно, почему на дворе век Азии?

На нефтяной игле: как дешевый бензин привел к перевороту в Египте

Forbes.ru, 05.07.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/241691-na-neftyanoi-igle-kak-deshevyi-benzin-podvel-mohammeda-mursi>

Оппозиционеры, добившиеся год назад смены власти в Египте, не знали, как решать реальные проблемы страны. Это урок и для России

2013-й год продолжает показывать нам, насколько сложная штука — революция. После московских горьких уроков (за недостаточно агрессивным протестом последуют откат и реакция) и стамбульской «лабораторной работы» (едва ли удастся победить авторитарного лидера, который сам радикальнее протестующих) наступила очередь каирской контрольной. Та же площадь Тахрир, которая два с половиной года назад свергла Хосни Мубарака и привела к власти «Братьев-мусульман», фейерверками отблагодарила военных за смещение президента Мохаммеда Мурси.

Тогда египетские исламисты не совершили ошибок, которые погубили наш «белоленточный» протест и не дали выиграть турецким бунтовщикам. Они опирались на бедняков, которым давно оказывали материальную и моральную поддержку, и ни им, ни их сторонникам было нечего терять. Они не испугались крови (во время революции погибло больше 800 человек) и победили. Теперь ясно: это была пиррова победа: получив власть, «братья» не смогли ничего сделать с экономикой.

Их «кейс», пожалуй, самый важный из революционных уроков: вот что бывает, если планы мятежников не простираются дальше победы.

Египет — бедная страна, в которой население растет примерно на 2%

в год (сейчас это уже почти 84 млн человек, 57% от населения России). В результате Египту нужно все больше топлива.

Еще недавно ему хватало своих ресурсов. Во времена относительно энергетического богатства Мубарак всюду практиковал популярный в регионе метод борьбы с социальной напряженностью: субсидировал цены на топливо. Литр солярки египетский водитель и сейчас покупает примерно за 15 центов.

Но с 2008 года Египет — нетто-импортер нефти, да и природный газ, которым страна сравнительно богата, скоро будет поступать из других стран в больших количествах, чем экспортируется сейчас. Топливо обходится Египту все дороже и требует валютных расходов, а населению его продают все так же дешево.

Субсидии в размере примерно 11% ВВП пожирают около четверти всех государственных расходов страны.

Мурси, которого привели к власти бедняки, побоялся что-либо делать с этой напастью. Попробуй-ка, скажи людям, которые проливали за тебя кровь, что ты сейчас отберешь у них едва ли не единственный общедоступный вид государственной поддержки!

Революция 2011 года распугала туристов, чьи деньги — да еще переводы от уехавших за границу на заработки, ведь в Египте безработица около 13% (при Мубараке было около 10%) — основа валютных поступлений страны.

После рекордного турпотока 2010 года — 14 млн человек! — в революционном 2011-м приехали всего 9,5 млн, и, чтобы привлечь их, еще и пришлось снизить цены. Страна недосчиталась почти \$4 млрд. В 2012 году — у людей короткая память — поток начал «отрастать», достигнув 11,2 млн человек. Но этого было недостаточно: население-то продолжало расти, а топливные субсидии никуда не делись.

В последние полтора года президент от «Братьев-мусульман» изворачивался, одалживая деньги на покупку топлива у единомышленников в Катаре, договариваясь о поставках нефти из Ливии и Кувейта на льготных условиях, с многомесячными отсрочками платежей. Тем временем бюджетный дефицит рос: к моменту падения Мурси он достиг уже почти 15% ВВП. Катар и прочие друзья не могли заткнуть эту дыру, и Мурси приходилось вести переговоры с МВФ, который требовал отказа от топливных субсидий.

На частные инвестиции надежды не было.

При Мурси деловой климат в Египте только ухудшался. В рейтинге Всемирного банка Doing Business — по простоте и удобству ведения бизнеса — Египет в этом году поднялся на одно место, со 110-го в мире на 109-е, но при этом по восьми из десяти учитываемых в исследовании факторов его положение ухудшилось. Исламистские власти оказались неспособны упростить бюрократические процедуры. Кроме того, при

них в стране стало больше проблем с безопасностью. Ни инвесторов, ни коммерческих кредиторов Египет Мурси не интересовал: в последние месяцы доходность государственных облигаций бурно росла и превысила 10%.

В конце мая египетские власти начали наконец что-то делать с субсидиями: первым делом решили применять их только к розничным продажам, а не ко всей цепочке. А то оптовики покупали топливо по субсидируемым ценам, чтобы продать дороже в соседних странах. Правительство Мурси надеялось для начала перестать субсидировать жуликов, а там уж как-нибудь разобраться и с населением. Но к тому времени было слишком поздно: египтянам надоело терпеть растущую безработицу, инфляцию и даже угрозу возникновения дефицита (ведь валюты на закупку импортных продуктов остро не хватает). Лидеры, которых они привели к власти в надежде на лучшую жизнь, сделали ее еще хуже.

Как ни странно, урок, который можно извлечь из неудачи Мурси, снова про недостаточный радикализм.

Этот фактор помешал победить оппозиционерам в России и Турции; в Египте безоглядной смелости хватило для смены режима, но не для быстрых экономических изменений, которых требовала ситуация. Если бы победители сразу начали реформировать экономику — облегчать инвестиции и избавляться от жернова на шее, каким стали топливные субсидии, — у них, возможно, был бы шанс удержаться. Но их с самого начала больше интересовала идеология, и их смели гораздо быстрее, чем предшественников.

Вам все еще нравится идея протестов без внятного плана? Поезжайте отдыхать в Египет прямо сейчас и не сидите на море. Экскурсии будут поучительными.

Почему покупка СМИ не может обелить репутацию владельца

Forbes.ru, 28.06.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/241391-pochemu-pokupka-smi-nemozhet-obelit-reputatsiyu-vladeltsa>

Владение медиаактивами не спасает от неприятных вопросов, лучше строить музеи и помогать больным детям

Когда 27-летний украинский мультимиллионер купил самый большой в стране независимый медиахолдинг УМХ, а с ним вместе локальное издание журнала Forbes, редактор журнала Владимир Федорин опубликовал резкое заявление, в котором среди возможных мотивов Курченко назвал желание «обелить собственную репутацию».

Действительно, у стремительно разбогатевшего торговца сжиженным газом и прочим топливом вполне может быть такой мотив: тот же Forbes чуть больше полугода назад вытащил его на свет божий, описав малоприятные детали восхождения. Это надо ведь как-то лечить. Не один Федорин, но и другие журналисты внутри и вне УМХ считают, что у Курченко есть такая задача.

Возможно, я сейчас открою страшную тайну и Курченко, и всем, кто думает, что покупка медиаактивов помогает строить репутацию.

Не помогает! Нет ничего более бесполезного для пиара, чем покупка СМИ.

Я приведу три аргумента, которые, надеюсь, убедят всех, кто еще не наступил на медиаграбли, даже не думать об этом.

1. Посмотрите на профессиональных медиамагнатов, на тех, для кого СМИ — основной бизнес. Какие репутационные бонусы принесло владение СМИ Руперту Мердоку? Наоборот, оно вынудило его уворачиваться от кремовых торгов и извиняться в парламенте за журналистов, добывавших информацию с помощью тотальной прослушки. Помог ли Роберту Максвеллу тот факт, что он построил медиаимперию Mirror Group? Его репутация была отвратительной и в процессе строительства, и на пике могущества, и после смерти. Помешала ли вся медийная мощь Hollinger International барону Конраду Блэку не просто утратить репутацию, но и сесть в тюрьму за мошенничество? (Империя Hollinger по ходу скандала тоже развалилась). В медиабизнесе, как им ни занимайся, привлекаешь пристальное внимание конкурентов, которые — о ужас! — и сами СМИ. И наживаешь врагов среди чиновников, даже если пытаешься подавить всякое своеволие со стороны журналистов: чиновничьи кланы постоянно враждуют, угодил одному — разозлил другой.

Таких проблем, какие случались с регуляторами у Мердока и Блэка, врагу не пожелаешь.

2. Купив СМИ в одной стране, никак не поможешь своей репутации во всех остальных. Вот кровавый — не нахожу иного слова — пример с Алишером Усмановым, на тот момент уже владельцем «Коммерсанта». Журналист Guardian с упорством злого следователя задает миллиардеру одни и те же вопросы, надеясь, видимо, что тот запутается в показаниях. Вопросы — все про якобы преступное прошлое. И сколько бы Усманов на них ни отвечал, репутация у него в Британии вот такая. Человеку, угодившему на первое место в списке богатейших британцев Sunday Times, припоминают, как его пиарщики редактировали статью о нем в Википедии — выкинули упоминания об угрозах блогерам, повторявших о нем неприятное, и вставили про благотворительность. В «Коммерсанте» вы об этом не читали, но какая разница — в России новость со ссылкой на The Times только ленивый не опубликовал. Тому же Курченко, возможно, чуть полегчает после покупки УМХ — издани-

ям этого холдинга будет уже не с руки расследовать его деятельность, а больше в Украине почти никому, — но за границей им непременно еще будут интересоваться.

А именно там ему сильнее всего пригодится хорошая репутация, если он захочет расширять бизнес.

3. Купив медиабизнес, надо понимать, что с ним делать дальше. Не стоит успокаивать себя мыслями о том, что, заработав деньги на торговле, скажем, металлопрокатом, можно будет автоматически добиться успеха и в медийном предприятии. Во-первых, рулить СМИ — все равно что пасти котов: большинство журналистов в конечном счете мотивированы не деньгами и хотят гордиться собой, а это зачастую идет вразрез с интересами непрофильного собственника. Во-вторых, это все-таки интеллектуальный бизнес, и, чтобы им заниматься, нужны идеи. Что бывает, когда непрофильные инвесторы покупают медиаактив у профильных, описал бывший совладелец украинского издательского дома «Экономика» Игорь Ляшенко в недавней колонке на Forbes.ua. Штат разбежался, из убытков вылезти не удастся, директора меняются каждый год. «Я не хочу сказать, что именно этого добивался новый собственник [украинский олигарх Виктор Пинчук], но был запущен механизм, который ни к какому иному результату привести не мог», — пишет Ляшенко. Нечто подобное, если верить некоторым «беженцам», творится и в «Коммерсанте» при Усманове — только убытков пока нет. Между тем репутации успешного бизнесмена вредят любые новости, свидетельствующие о его неспособности блестяще управлять любыми активами. Людей, у которых в руках все превращается в золото, не бывает, но подите расскажите это тем, кто будет радоваться даже самой мелкой неудаче бизнес-титана.

Вас не убеждают эти аргументы, вы не боитесь ни повышенного внимания со стороны конкурентов, ни вьедливости и скепсиса иностранцев, ни собственного невежества в чужом и сложном бизнесе?

Тогда просто сравните инвестиции в медиа с другими полезными для репутации тратами денег.

Ну хотя бы с устройством хороших музеев и концертов или помощью больным детям. Кто сказал хоть одно дурное слово Пинчуку в связи с его киевским арт-центром, где людям бесплатно показывают самое модное в современном искусстве? Или Роману Абрамовичу — в связи с московским «Гаражом», где проходят выставки, о которых говорит весь город.

Кто упрекнул бы того же Пинчука или Михаила Фридмана из «Альфа-Групп» за устройство концертов Пола Маккартни в Киеве и Москве? А ведь на них были десятки тысяч человек, которые не забудут имен организаторов.

Кто посмел бы в чем-то обвинить Курченко, если бы он потратил \$300-400 млн не на покупку УМХ, который никогда не принесет ему ни

привычных денег, ни славы, — а на то, чтобы отправить 1000 больных украинских детей на лечение в Швейцарию? Даже если бы он сделал это с явной целью «обелить свою репутацию», никто не указал бы ему на это — просто чтобы не спугнуть.

Впрочем, вполне возможно, Курченко и прочие вкладываются в не очень-то нужные им медиа не по репутационным соображениям, а потому что их кто-то хорошо попросил. Тогда обвинения в недомыслии, конечно, снимаются.

Как система PRISM поможет российским депутатам

Forbes.ru, 21.06.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/idei/241016-kak-sistema-prism-pomozhet-rossiiskim-deputatam>

Слежка за интернетом вряд ли позволит США победить терроризм, зато поддержит параноидальные комплексы многих политиков в России

Уродливая, почти детская по исполнению PowerPoint-презентация Агентства национальной безопасности США, вызвавшая гнев и презрение дизайнерского сообщества, открыла миру глаза на тот факт, что американские спецслужбы регулярно получают доступ к серверам крупнейших интернет-компаний. А для России — открыла удивительную перспективу, о которой кремлевским мечтателям надо лишь иметь смелость грезить, а там все само собою устроится.

Microsoft и Skype, Yahoo, Google и YouTube, Facebook, Apple — все они отрицают, что знали что-либо о PRISM, секретной программе АНБ, в рамках которой контрразведчики могут читать почту, чаты, записывать голосовые скайп-переговоры, получать доступ к любым личным данным. На самом деле, если и не знали раньше, знают теперь и в суд на АНБ пока не подают. В их картине мира — то есть бизнеса — ничего не изменилось, потому что пользователи не ушли ни с Gmail, ни из фейсбука.

Американцы шпионят за всеми — эка невидаль!

Ну и пусть себе шпионят, раз им так надо. При всем моем отвращении к таким вопиющим нарушениям приватности я тоже продолжу пользоваться всем вышеназванным: мне нечего скрывать ни от американских, ни вообще от каких-либо спецслужб. Захотят — и без повода разорвут, как хомячка. Я и есть обычный сетевой хомячок.

Ничего не изменилось не только дня нас, хомячков, но и для террористов. Google проиндексировал лишь сотые доли процента всей информации, выложенной в интернет. Форумы, на которых впервые по-

являются видео Аль-Каеды и вербуются боевики, не очень-то озабочены поисковой оптимизацией. Настоящим воинам джихада не нужен скайп — у них есть свои чат-программы, им ни к чему фейсбук и онлайн-сервисы Apple. В андернете, «глубокой сети», им вполне привольно, их там никакая «призма» не найдет.

Разоблачения консультанта АНБ Эда Сноудена по-настоящему встревожили разве что либертарианцев — и российских охранителей. Хотя уж они-то, казалось бы, и не могли ожидать ничего хорошего от Дяди Сэма.

Депутат-единоросс Сергей Железняк уже предложил перенести в Россию все серверы, на которых хранятся личные данные российских граждан, а другой депутат, Илья Костунов, — запретить российским чиновникам переписку через американские сервисы. Межведомственная рабочая группа при Совфед, которую создает сенатор Руслан Гаттаров, скоро начнет расследовать, к каким данным о российских пользователях получали доступ враги. А первый вице-спикер российского сената Александр Торшин заговорил о том, что недурно бы всякую чувствительную информацию хранить в бумажной форме.

Предложение насчет бумаги в чем-то, конечно, правильное. Так не только АНБ ничего не узнает, но и государственные агентства не уволят ненароком Владимира Якунина: ведь настоящие пресс-релизы будет доставлять им фельдьегер, а ему всегда можно доверять, не то что электронной почте, которая приносит правильно оформленные, но фальшивые релизы с черт знает каких IP-адресов. Если их публиковать, серьезные люди могут и глухарем подавиться. Бумага надежнее. Да и сами агентства могли бы вернуться к передаче информации по телеграфной ленте в редакции бумажных газет — «Правды», «Известий», «Комсомолки».

Перевести бюрократию в бумажный режим еще не поздно: она и так не очень-то интернетизировалась, убогий портал госуслуг не в счет.

Гораздо труднее с остальной страной, которую проклятые американцы ухитрились-таки подсадить на свой электронный наркотик.

Впрочем, тут могут сказать свое веское слово прогрессивные охранители вроде Железняка и того же Гаттарова, горячего сторонника создания национальной операционной системы на базе открытого кода. Сноуден дал этим людям шанс на исторический прорыв. Если их теперь поддержит — с понятными на то параноидальными основаниями — сам Владимир Путин, они могли бы построить новую электронную Россию.

Это была бы страна открытого ПО, созданного вольными сообществами разработчиков, в которых правильные люди распределяли бы государственные деньги и следили за интересами наших, а не враждебных спецслужб.

Это была бы гордая Россия хакеров, ботнетов и сети «ВКонтакте» (в которую вернули бы все краденые песни и фильмы).

Этой России было бы нечего стесняться: она открыто и демонстративно отказалась бы от соблюдения придуманных американцами законов против киберпреступности и воровства контента. С чего это мы должны их соблюдать, если против нас ведут настоящую шпионскую войну при помощи засланного ширпотреба вроде Windows и MacOS, Gmail и фейсбука? Отсюда можно было бы безнаказанно ломать вражеские платежные системы и базы данных, рассылать вирусы и спам, пропагандировать любые отступления от норм западной морали, кроме педофилии и не являющейся уже никаким отступлением гомосексуальности (против них у нас суровые законы, потому что защищаем детей).

Вот это была бы реальная альтернатива холеным, избалованным биржами молодчикам из Кремниевой долины. Всемирная цифровая пятая колонна, на борьбу с которой американцам понадобились бы не жалкие \$20 млн, которые они тратят, если верить презентации, на свой PRISM. Глобальный шанс для России захватить технологическое лидерство — пусть не в «честной конкурентной борьбе» по американским правилам, а силой освобожденного интеллекта.

А поповые иностранные сервисы и программные продукты, конечно, надо было бы запретить — не фильтровать, а просто перекрыть к ним доступ полностью. Это неизбежно вызвало бы всплеск настоящих инноваций и их удивительных коммерческих применений: ведь программистов в России много, и они отличные. Правда, у Дмитрия Медведева пришлось бы отобрать айфон и айпад, но, думаю, для такого дела он бы их отдал добровольно. Ведь интеллектуальный бум радикально изменил бы структуру российского ВВП, а как сладко мечталось об этом в годы медведевского президентства!

Сapre diem, господа депутаты.

Хребет семейного хозяйства: почему «Газпром» мегаэффективен

Forbes.ru, 14.06.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurencsiya/240578-hrebet-semeinogo-hozyaistva-pochemu-gazprom-megaeffektiven>

Менеджеров монополии не стоит слишком сурово критиковать — с решением своих настоящих задач они справляются неплохо

Недавно шведский профессор Андерс Ослунд, некогда консультант российского правительства реформаторов и видный специалист по восточноевропейской экономике, сделал смелое заявление: «Ни одна

крупная компания в мире не управляется так плохо, как контролируемая российским государством газовая компания «Газпром».

Повод для такой уничтожающей оценки — четырехкратное падение капитализации «Газпрома» с 2008 года. Теперь компания оценивается менее чем в 2,5 годовых прибылей за 2012 год — и вправду невероятно дешево. Как менеджмент «Газпрома» этого добился? Ослунд отвечает: ему, менеджменту, присущи крайняя степень инертности, нежелание воспринимать новую информацию, коррупция и невероятное высокомерие. Поэтому он прозевал две революции — появление гигантской индустрии сжиженного газа и рост добычи газа сланцевого — и не смог даже привести свои цены в соответствие с новым состоянием глобального спроса. В результате у него слишком много газа, гораздо больше, чем он может продать. Снижая добычу, «Газпром» за огромные деньги строит лишние, по мнению экономиста, трубопроводы и вообще «уничтожает стоимость», бесконтрольно тратя десятки миллиардов долларов на инвестиционные программы.

А еще, предупреждает Ослунд, антимонопольное расследование, которое с сентября прошлого года ведет в отношении российской компании Евросоюз, наверняка кончится для «Газпрома» миллиардными штрафами и необходимостью пересмотреть ценовую политику, то есть, по сути, сменить бизнес-модель.

Всякий, кто знаком с историей «Газпрома», может возразить Ослунду: все эти рассуждения имеют смысл, только если рассматривать «Газпром» как корпорацию.

Но он никогда ей не был. И за годы путинского правления, когда много говорили об эффективности госкомпаний, так ей и не стал. Он гигантское малое семейное предприятие. И управляется, и развивается он исключительно в интересах контролирующей его семьи — российской властной элиты.

В «Газпроме» работает полпроцента экономически активного населения России — чуть больше 400 000 человек, и при этом в 2011 году, когда он показал рекордную прибыль — \$44 млрд, он принес стране примерно 5% доходов консолидированного бюджета в виде налогов и дивидендов. С этой точки зрения «Газпром», конечно, мегаэффективен, но если эти доходы упадут, Россия не перевернется вверх брюхом. А если они вырастут даже вдвое, Россия не станет заметно более богатой страной. Быть дойной коровой для бюджета — не главная функция «Газпрома».

Во-первых, он инфраструктурный хребет семейного хозяйства.

Дмитрий Медведев недавно объяснил, почему «Газпром» не раздробили на несколько более эффективных компаний, не разрушили его трубопроводную и экспортную монополии. «Вы знаете, — сказал Медведев, — что бы кто ни говорил, [это] в известной степени позволило со-

хранить даже управляемость самой страны. Потому что, представим себе, разрезали бы «Газпром», даже исходя из умных концепций, на несколько частей, раздробили бы, в какой-то момент где-нибудь на северах полыхнуло бы что-нибудь, произошел бы взрыв, еще что-то... Начали бы искать того, кто за это отвечает, и не смогли бы найти. Заморозили бы город, я уж не говорю про экономические последствия».

Во-вторых, он семейный банковский счет.

Рем Вяхирев, возглавлявший «Газпром» в 1990-е, в своем последнем интервью, данном российскому Forbes, говорил: «У «Газпрома» благодаря Европе деньги появились. И за ними сразу очередь выстроилась: налоги начали платить, зарплата пошла, что-то еще на строительство оставалось. И государство из нас выдирало постоянно. Все денег просили — и пограничники, и генералы. Все у меня в друзьях тогда ходили».

Сейчас компания тоже выполняет такого рода «государственные задачи», когда это требуется. Поддержка питерского «Зенита», например, из таких. На первый взгляд кажется, что и газпромовское ценообразование, которое так беспокоит Евросоюз, — отражение этих задач. Президент Владимир Путин практически открыто объявил об этом, когда сразу после начала европейского антимонопольного расследования подписал указ, по которому «Газпром» не имеет права менять цены в своих контрактах без разрешения правительства России. Путин как бы говорит европейцам: хотите других цен — имейте дело со мной.

Обычно «Газпром» не объявляет цены на газ для разных стран — мы всегда знали только строго политические цены для Белоруссии и Украины, — но в феврале этого года случилась утечка: данные о ценовой политике гиганта опубликовали «Известия». Колумнист Forbes.com Марк Адоманис тут же кинулся искать логику в этой ценовой политике, сравнивая цены с объемами поставок, и не нашел. «Это полный, абсолютный бардак», — написал он.

Ну уж нет. Как и Адоманис, я решил повозиться с данными о ценах, импорте и потреблении газа в европейских странах.

Используя данные World Oil and Gas Review — ежегодного отчета, публикуемого компанией ENI, — я выяснил, что чем выше зависимость страны от российского газа, тем больше берет с нее «Газпром». Коэффициент корреляции между долей российского газа в потреблении страны и ценой — 0,55, что свидетельствует о явной взаимосвязи между доминирующим положением «Газпрома» на рынке и его способностью стрясти с покупателя дополнительные деньги.

Ослунд написал, что зависимость Европы от российского газа за последние годы заметно снизилась. Мне не удалось обнаружить этому подтверждений в данных World Oil and Gas Review. С 2005 по 2011 год доля российского импорта в потреблении газа странами-клиентами «Газ-

прома» уменьшилась в целом меньше, чем на процент. Некоторые страны снизили зависимость от «Газпрома» — например, Греция, Венгрия, Франция, Турция, — но у других она выросла, например у Польши, Чехии, Боснии.

«Газпром» не то чтобы вяло действовал на ключевом для себя европейском рынке и отдавал его без боя — нет, он проявляет активность, договаривается, где-то выигрывает долю, где-то проигрывает. Другое дело, что дифференцированное ценообразование в зависимости от доли рынка — это прямо-таки подарок известным своей строгостью европейским антимонопольщикам, и заплатить за эту практику «Газпрому» наверняка придется. Но Ослунд неправ, презрительно отзываясь о газпромовских менеджерах. При огромных «традиционных» запасах газа им не обязательно участвовать в «революциях». Тут они скорее надеются, что сильные в Европе экологи не дадут развернуться западным компаниям, проталкивающим проекты добычи сланцевого газа, и для таких надежд есть основания: в Болгарии и Франции, например, такие проекты натолкнулись на сопротивление властей. Да и менять ценовую политику, пока не заставит Брюссель, тоже не очень-то нужно: сейчас она направлена на максимально эффективную «дойку» тех клиентов, которым проще заплатить, чем найти альтернативу.

У «Газпрома» на самом деле есть логичная, пусть и несколько дикая рыночная стратегия.

И есть, никуда не денешься, функция семейного кошелька. На стыке этих двух функций менеджмент работает не так уж плохо, потому его до сих пор и терпит Кремль. Ну, капитализация падает; но тут уж акционеры, приблудившиеся в результате преобразования «национального достояния» в открытое акционерное общество, должны понимать, что сами виноваты: то, во что они вложили деньги, — это не вполне бизнес. Это душа российской власти, в которой причудливо переплелись патриархальное куркульство, геополитические амбиции, «социальная ориентированность» и циничная коммерческая хватка.

Почему неважно, где живет Сергей Гуриев

Forbes.ru, 31.05.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/idei/239982-pochemu-ne-vazhno-gde-zhivet-sergei-guriev>

Работы экономиста рано или поздно повлияют на проводимую в России политику

Теперь, когда точно известно, что Сергей Гуриев действительно покинул пост ректора РЭШ — школы, которую он создал и сделал российс-

кой цитаделью современного экономического мейнстрима, наблюдатели продолжают обсуждать политический контекст его отъезда из России. Его попытки сотрудничать с медведевским Кремлем, не предавая убеждений. Давление, которое оказывали на Гуриева силовики. Его «неблагонадежность» в глазах путинской силовой группировки в связи с 10 000 рублей, храбро пожертвованными Алексею Навальному, и неким заключением Капитана Очевидность по второму делу Михаила Ходорковского.

Быт и Realpolitik банальны. Их просто обсуждать даже профану. Но в случае с Гуриевым все гораздо сложнее, чем со спасающимся от ментов в Европе активистом антифа. Речь все-таки идет в первую очередь не о политике и функционере, а о действующем ученом. То, о чем на самом деле думает Гуриев, и то, чем он на самом деле ценен для России, которая будто ему сказала устами Дмитрия Медведева «скатертью дорога», лежит вне конструкции, которая выстроена сейчас вокруг него в бытовых и реально-политических обсуждениях.

Круг научных интересов Гуриева широк — от экономической истории до теории миграции и корпоративного управления. И до отъезда из Москвы все самые значительные публикации сильного и разностороннего экономиста выходили на английском языке, иначе никто бы их не заметил. Те, кто сейчас оплакивают в Москве его переезд к семье во Францию, по большей части этих работ не читали. А тем, кто их читает, все равно, где живет автор — сила его мысли неизменна, а российский материал доступен для исследования вне зависимости от физической локации ученого.

Среди работ Гуриева, рассматриваемых сейчас для публикации в реферируемых журналах, есть, например, парадоксальная прошлогодняя статья, написанная в соавторстве с Антоном Суворовым из ВШЭ: «Почему менее информированные менеджеры могут быть лучшими лидерами». Основная мысль, в доказательство которой экономисты построили остроумную математическую модель, состоит в том, что плохо информированный руководитель, действующий сообразно своим интуитивным убеждениям, может быть гораздо более последовательным в выполнении выбранной стратегии, чем детально информированный менеджер. Когда что-то идет не так, информированный лидер норовит от стратегии отказаться, а начатые проекты свернуть. Зная об этом, подчиненные не затевают ничего инновационного, не рискуют, не инвестируют в серьезные стратегические проекты. Зачем, если лидер все равно встрянет на полпути и все прикроет или переделает.

Владимир Путин известен стремлением и умением вникнуть в детали, поуправлять в ручном режиме. В результате его подчиненные если и затевают что-то крупное и стратегическое, то разве что ради вооружения и с оглядкой на вечно бдящих и информирующих шефа сило-

виков. Применяя выводы статьи к путинскому микроменеджменту, можно заключить, что при нынешнем лидере Россия никогда не совершит никакого стратегического прорыва. Понятно, почему Гуриев считал возможным сотрудничать с Медведевым, менеджером гораздо менее дотошным: при нем было больше шансов добиться неожиданных позитивных результатов.

Или взять совсем свежую работу «Был ли Сталин необходим для экономического развития России?», написанную в соавторстве с тремя учеными. В ней доказывается, что сталинская политика индустриализации, которую нынешние единокороссы вслед за коммунистами считают правильной, пусть и не без преступных перегибов, привела к тем же экономическим результатам, к которым шла и политика царского правительства, только с гораздо большими потерями с точки зрения народного благосостояния. То есть рост производительности при Сталине был таким же, какого добилась бы за то же время и Россия Романовых, если бы не было революции. Только при царе потребление было бы значительно выше.

В 2009 году Гуриев и два его соавтора изучали национализацию нефтяного сектора в разных странах во второй половине XX и начале XXI века и пришли к выводу, что государство прибирает к рукам нефтяную промышленность, когда цены на сырье высоки, а качество государственных институтов низко, — и всегда национализация оказывается неэффективной.

И так далее. Теоретические построения Гуриева и его коллег, российских и иностранных — авторские коллективы с его участием часто интернациональны, давно и последовательно показывают несостоятельность действий нынешней российской власти. Построения эти не имеют на власть никакого влияния — их никто во власти не заказывал и, вероятно, не читал. Это примеры чисто научной работы, уровень которой достаточно высок, чтобы его признало международное экономическое сообщество.

Зачем пишутся эти работы? Чтобы не угасала мысль, осмысливался постоянно появляющийся материал, а ученые, если их когда-нибудь спросят, могли советовать власть имущим, опираясь на труды коллег. Не только Гуриев, но и все академическое сообщество не рассчитывает на быстрые результаты. Работа мозга — это не стрельба из пушки и не шитье дурацких уголовных дел. Это дело камерное, медленное и результативное лишь в стратегической перспективе. В этом смысле страна действительно ничего не теряет с отъездом Гуриева: он продолжает думать и писать. Я уверен, что не напрасно.

Призрак подставы: почему сложно поверить в виновность главы Росбанка

Forbes.ru, 17.05.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/239229-prizrak-podstavy-pochemu-slozhno-povert-v-vinovnost-glavy-rosba>

Факты в деле предправления Росбанка Владимира Голубкова выглядят вполне правдоподобно, однако есть и «странности», на которые нельзя не обратить внимание

Может ли председатель правления одного из 10 крупнейших в России банков брать взятки за смягчение условий крупного кредита? Ни один такой случай не был доказан за всю постсоветскую историю банкинга в нашей стране. Теперь следователи предъявляют такое обвинение предправления Росбанка Владимиру Голубкову.

С точки зрения цифр ничего сверхъестественно нелепого в истории, которую рассказывают в МВД, нет. Сумма кредита, о которой идет речь, — \$80 млн. По уставу Росбанка, установление лимитов на сумму больше \$50 млн относится к компетенции председателя правления. То есть решения по кредитам на такие суммы — это уровень Голубкова. Сумма предполагаемой взятки \$1,5 млн — это 1,8% от \$80 млн, а значит, снижения ставки по такому кредиту на два процентных пункта хватило бы, чтобы за год «отбить» расходы на подкуп банкира.

Полтора миллиона — сумма для Голубкова заметная. В 2012 году восемь членов правления Росбанка получили, согласно отчету за I квартал 2013 года, суммарное вознаграждение 236,7 млн руб. Если считать, что предправления досталось 30% этой суммы, он заработал за год 71 млн руб. То есть \$2,3 млн. Для большого российского банка это не бог весть что: и в Альфа-банке, и в ВТБ-24, и в Промсвязьбанке среднее вознаграждение члена правления больше, чем в Росбанке.

Даже если не сравнивать с коллегами, для любого человека сумма, сопоставимая с доходом за восемь месяцев, весьма соблазнительна.

Да и если уж человек берет взятки, то случай этот не единичный.

Но станет ли человек, долго и целенаправленно делавший карьеру в финансовом секторе, — пластиковыми картами Голубков занялся в самом начале 1990-х, а в Росбанк попал в 1999 году, — и теперь достигший ее вершины, рисковать своим положением ради сиюминутной выгоды? Такой риск кажется иррациональным, особенно для финансиста, постоянно торгующего рисками. Кажется, надо быть kleптоманом, чтобы так неразумно подвергать опасности репутацию, которая строилась годами, и миллионные будущие доходы.

Банковские топ-менеджеры не раз попадались на откатах за креди-

ты. Крупный скандал такого рода потряс, например, индийскую банковскую систему в 2011 году.

Но чтоб председатель правления — это случай редчайший.

Разве что в каком-нибудь малюсеньком банчке, вроде Nometown Bank of Villa Rica в американском штате Джорджия: его глава Поуп Клегхорн-младший два года назад сознался, что кредитовал за взятки одного флоридского девелопера. Но там кредиты были меньше, чем на \$3 млн.

Руководители крупных банков почти никогда не берут откатов хотя бы потому, что их вознаграждение — это не только зарплаты и бонусы, но и опционы или акции. Даже если предправления не основал и не унаследовал банк, которым руководит, он, дослужившись до этой позиции, почти наверняка один из собственников. Его судьба тесно связана с судьбой возглавляемого им финансового института. А вице-президент или глава департамента — пусть и высокооплачиваемый, но часто все же наемный сотрудник, в терминах институциональной экономики — агент, а не принципал. Решение такого человека брать взятки может быть оправданным с точки зрения экономической рациональности: он просто ускоряет свой выход на пенсию.

Голубков, в отличие от большинства российских председателей правления, не акционер Росбанка. Из всех членов правления Росбанка только зампред Улан Илишкин обладает долей в уставном капитале кредитной организации, — 0,000000064%.

Росбанк — это не банк Голубкова. Да и никто из членов правления не связан с ним теми узами, которые только и можно считать настоящими в бизнесе: узами партнерства, совладения. Росбанк принадлежит гигантской французской финансовой группе, к которой сотрудники банка, созданного Владимиром Потаниным (у которого и сейчас осталась в нем семипроцентная доля), испытывают смешанные чувства. Французы не так щедры к своим российским сотрудникам, как тем бы хотелось. Как всякая огромная международная институция, Société Générale соблюдает и навязывает своим подразделениям множество бюрократических процедур, необходимых, чтобы контролировать такое разветвленное хозяйство.

В общем, представить себе ситуацию, в которой менеджеры немногочисленного грабят не вполне «свой» банк, можно.

Но несмотря на все эти аргументы, мне пока трудно поверить в виновность Голубкова.

Хотя бы потому что экс-депутат Мосгордумы от «Единой России» Андрей Ковалев, владелец складов и офисных центров, не внушает стопроцентного доверия в силу особенностей этого бизнеса в Москве. И потому что опытный банкир Голубков, специалист по безналичным деньгам (один из первых «карточников» в России), якобы получал свой

откат наличными, которые так легко демонстративно разложить на столе для милицейских видеокамер. И еще, пожалуй, из-за дела Елены Котовой, бывшего директора Европейского банка реконструкции и развития от России. Ее обвинили в вымогательстве взятки в €1 млн у канадского бизнесмена за кредит от ЕБРР на €95 млн. Даже суммы близки к фигурирующим в деле Голубкова!

Российский Следственный комитет и лондонская полиция расследуют ее дело с января 2011 года. Наши правоохранители предъявили Котовой обвинение в январе этого года; британское следствие пока буксует. Преступление, которое казалось явным, когда о нем заговорили, оказалось не так-то просто доказать.

Вина Голубкова, так же как и вина Котовой, пока не доказана. И это как раз тот случай, когда к презумпции невиновности имеет смысл относиться особенно щепетильно. У людей, достигших карьерной ступеньки, на которой стояли Котова и Голубков, всегда много недругов. А у тех — миллион способов их подставить.

Почему «ВКонтакте» сможет обойтись без Павла Дурова

Forbes.ru, 26.04.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/238318-pochemu-vkontakte-oboidetsya-bez-pavla-durova>

Аудитория социальной сети не готова идти за ее основателем, ей нужны привычные сервисы

120 млн пользователей — страшная сила. Почти вся Россия. Поэтому у многих из тех, кто исследовал феномен социальной сети «ВКонтакте», возникает соблазн описывать его в политических терминах. А в основателе сети Павле Дурове видеть лидера новой формации, за которым идут все эти миллионы.

«Политика не производит интересных лидеров, — писал Николай Кононов в своем бестселлере «Код Дурова». — Часть новых фигур придет из бизнеса, часть — из медиа. Необходимое условие для входа — ты должен создать что-то для большого количества граждан. Имя этому движению *activist capitalism*, и Дуров предвосхитил его, описывая в квартире на Сенной изменения в мире, которые принесет смена информационной парадигмы, и дал людям то, чего они хотели».

Теперь местонахождение Дурова неизвестно. Следователи грозятся силой доставить его на допрос — подозревают, что это он на белом «мерседесе» сбил в Питере гаишника, а на повестки не реагирует.

48% акций «ВКонтакте» недавно купил, не спросив Дурова, фонд УСР Ильи Щербовича и партнеров. Но гендиректор Дуров не встречается и с

новыми акционерами, а общается с ними через свою страничку «ВКонтакте», рекомендуя им воздержаться от комментариев.

Те воздерживаться не видят смысла, хоть на словах и не хотят отстранения Дурова от руководства, потому что он «ключевой человек в компании». Обращаются к нему, как бы укоризненно цокая языком: «В случае, если Павел Дуров был за рулем автомобиля, попавшего в ДТП, мы бы рекомендовали Павлу и его юристам рассмотреть возможность принести официальные извинения сотрудникам ДПС и сотрудничать со следствием».

Лидер широких масс? Скорее растерявшийся подросток или в лучшем случае «коммерс», залегший на дно после бандитского наезда.

Недавно писатель-фантаст Дмитрий Глуховский написал на сайте Snob.ru полную горечи колонку о том, что власти отбирают у Дурова контроль над «последним настоящим независимым СМИ» в России. «Конечно, «ВКонтакте» не является СМИ в прямом смысле. Сто с лишним миллионов человек не получают один и тот же контент, не читают одинаковые новости, их не учат, в отличие от телевидения, единогласно ненавидеть Штаты и обожать Вождя — или наоборот, — оговаривался литератор. — Но такая функция может быть создана разработчиками сети в течение одного дня... При желании на входе можно вывесить, например, фотографии детей, убитых огнеметами и танками в Беслане, и без усилий вызвать революцию».

Но это иллюзия. Что сделают пользователи «ВКонтакте», если Дурова выкинут из компании или даже начнут усаживать в тюрьму? Вряд ли ему «светит» даже такая поддержка, какая есть сейчас у Алексея Навального — вполне традиционного политика, несмотря на умение ловко пользоваться твиттером и ЖЖ.

Пользователи поматерятся, возможно, в комментариях — и продолжат использовать соцсеть так же, как и раньше.

Постить «самострельные» фоточки, смотреть контрафактные фильмы. Обсуждать свои интересы (ислам, котики, замуж) в сообществах по интересам. Гордо заявлять о жизненных целях («Деньги, карьера». — Джохар Царнаев).

«ВКонтакте» не средство массовой информации, и политическая ценность контроля над ней стремится к нулю, потому что ее пользователи — никакие не массы. Это потребители вполне конкретных, в основном бесплатных, часто ворованных продуктов.

Каждый день в мире продается 1,5 млрд порций напитков, которые производит компания Coca-Cola. Аудитория этой компании гораздо шире, чем у «ВКонтакте». Но никто почему-то не записывает главу корпорации Мухтара Кента ни в какие лидеры новой формации, не говорит о его медийном потенциале в духе: «Вот если бы на каждой банке разместить фотографии детей, убитых в Беслане...»

В прошлом году гендиректор компании Splat Евгений Демин вложил в коробочки со своим товаром — зубной пастой — антикоррупционный манифест. Он, конечно, нашел отклик у лояльных потребителей, но простимулировал их скорее купить в следующий раз ту же пасту, чем немедленно отправиться на штурм Кремля. Так и высказывания Дурова на околополитические темы скорее повышали или понижали лояльность пользователей к его сервису, чем могли подвигнуть их на какие-то поступки в реальном мире.

Если ты собрал аудиторию из людей, которые любят сладкую газированную воду, предпочитают черную зубную пасту белой или, тем более, не любят платить деньги за музыку и кино, — ты никакой не лидер масс.

Ты не более чем поставщик продукта.

Если поставщиком перестанешь быть лично ты, на смену тебе придет кто-то другой — лишь бы продукт не испортился. А случится такое — кто-нибудь предложит замену.

Тут можно возразить: но ведь соцсети используют, чтобы делать революции, — все видели «арабскую весну»! Ну да, а еще используют городские улицы, телефоны, кроссовки, типографии и автоматы Калашникова. Бульжник тоже при правильных обстоятельствах превращается в оружие пролетариата. Революции делают не сервисы и их владельцы. Их делают те, у кого есть простая привлекательная идея, за которую они готовы многим пожертвовать.

Аудитория, собранная Дуровым, не его армия. Вполне вероятно, она разбежится, когда новые акционеры начнут готовить компанию к IPO, избавляясь от главного ее нынешнего богатства — пиратского контента. А может, приучится платить (Дуров о таком варианте и думать не хотел: любил большие числа, а они у нас сопутствуют только халяве). Но защищать основателя сервиса эта аудитория точно не станет. Вот покупатели Coca-Cola в большинстве своем даже не знают, кто такой Мухтар Кент. И незачем это им.

Как частным СМИ выжить на рынке, на который пришли шальные деньги

Forbes.ru, 12.04.2013

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/237269-kak-chastnym-smi-vyzhit-na-rynke-na-kotoryi-prishli-shalnye-dengi>

Государственные СМИ начали активно скупать журналистов из частных изданий. Что можно противопоставить щедрому финансированию из бюджета?

Сейчас, когда государственные новостные агентства РИА Новости и ИТАР-ТАСС всю перекупают опытных журналистов у частных изда-

ний, особенно заметно разграбление «Коммерсанта» и, в меньшей степени, «Ведомостей», самое время задуматься о том, оправданна ли финансово щедрость наших госСМИ. Не слишком ли жируют они на деньги налогоплательщиков, сманивая деньгами не самых последних людей из частных медиакомпаний?

На самом деле российские госСМИ на удивление эффективны.

Взять, к примеру, РИА Новости, которое, по словам главного редактора Светланы Миронюк, получает от государства примерно \$100 млн в год и \$30 млн зарабатывает самостоятельно. РИА хвастает совокупной месячной аудиторией в 20 млн человек, сравнивая себя по этому параметру с ведущими глобальными информационными ресурсами, например с The New York Times.

Если разделить месячные расходы РИА на эту аудиторию, получится \$0,54 — столько денег госагентство тратит в расчете на одного потребителя ее контента.

NYT в 2012 году сообщила о 43 млн уникальных посетителей в месяц на своем главном ресурсе — www.nytimes.com, те же данные для сравнения использует и РИА. На подразделение, выпускающее главную нью-йоркскую газету и наполняющее ее веб-ресурс, приходится 80% доходов компании, у которой есть и другие серьезные проекты. Если считать, что и в расходах доля этого подразделения такая же, мы получим расходы в \$2,8 на потребителя в месяц.

Или, скажем, Первый канал, еженедельная аудитория которого — примерно 12,5 млн человек. Он в 2012 году потратил почти 32 млрд руб., \$1,59 на зрителя в неделю. А британская корпорация BBC с суммарной еженедельной аудиторией всех ресурсов 47,4 млн человек, израсходовала в 2012 году \$3 на потребителя в неделю.

Можно возразить, что потребители информации The New York Times и BBC в целом более «ценные», чем у РИА и Первого канала: среди них достаточно велика доля более обеспеченных, чем наши граждане, американцев и британцев. Но с точки зрения того эффекта, который наше государство хочет от своих СМИ, это совершенно неважно: эффект-то не экономический, а пропагандистский и политический. Один человек — один голос. Так что ничего удивительного, что государство тратит эти деньги на субсидии госСМИ. С его точки зрения, они их отрабатывают не хуже западных коллег. Да и вообще доля специального лицензионного сбора, который должны платить все английские зрители BBC, в доходах общественной корпорации — почти 71%, а у Первого гос-субсидия составила в прошлом году лишь 12% выручки.

Когда среди игроков медиарынка присутствует государство, довольное эффективностью своих вложений в пропаганду, может показаться, что другим игрокам нечего ловить. Ведь накормленные госденьгами СМИ не отказываются и от притязаний на свой кусок рекламного рын-

ка, так что у них всегда достаточно денег и на хорошие зарплаты производителям контента, и на всякие радости вроде видео, инфографики и новых технологий. Остальным деньги достаются с кровью и в меньшем объеме.

Ну и как тут конкурировать?

У The New York Times в 2012 году впервые за всю ее историю доход от подписки оказался выше рекламной выручки: \$795 млн против \$711 млн. Это случилось благодаря 668 000 платных подписчиков. Понятно, почему NYT тратит значительно больше денег в расчете на одного потребителя, чем российское госагентство: она **продает** свой контент, а значит, должна обеспечивать такое высокое его качество, чтобы люди захотели платить.

Невозможно представить себе, что кто-то из 20 млн обычных читателей РИА Новости будет ему платить. Платят что-то институции-подписчики, которые коллекционируют агентства. Но это не денежный поток, а ручеек.

У частных предпринимателей, которые владеют NYT, нет политической или пропагандистской задачи, а есть деловая — получать прибыль. В прошлом году получалось неплохо: акционеры заработали \$133 млн, примерно 7% от выручки. Соответственно, им гораздо интереснее не расширение общей аудитории, которое только и нужно РИА Новости, а рост числа подписчиков. Это предполагает совершенно иное отношение к каждой букве и каждому слову.

Именно такой шанс оставляет российским СМИ рынок, на котором повсюду орудуют государственные квазимедиа.

Выжить на нем смогут в первую очередь те, кому удастся изготовить продаваемый, то есть особенно высококачественный, контент. На мой сугубо личный взгляд, производить такой могут только профессионалы, которых госагентства не в состоянии перекупить: эти люди мотивированы в первую очередь не деньгами. Поэтому я спокоен за судьбу, например, «Ведомостей», достаточно удачно внедряющих paywall — то есть собирающих с подписчиков деньги за свои материалы. Или, скажем, «Интерфакса», который умеет делать платные продукты, а за расширением дармовой аудитории не гонится. Такие примеры в России наверняка еще будут появляться, особенно если инвесторы преодолели свой страх перед государством, заинтересованным в господстве своей пропагандистской машины.

Парадокс заключается в том, что если с точки зрения государства вложения в квазиСМИ эффективны, то с точки зрения потребителя это вовсе не так. Поддерживать своим кровным рублем, который государство еще не отобрало в виде налогов, он будет совсем другие медиаконструкции.

Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе

Вестник общественного мнения, № 3-4, 2013

<http://www.levada.ru/books/statya-lva-gudkova-chelovek-v-nemoralnom-prostranstve-k-sotsiologii-morali-v-posttotalitarnom->

*Бедная эта страна – ее надо любить
М. Салтыков-Щедрин*

Настоящая статья продолжает анализ проблем, поднятых в рамках проекта «Советский человек».¹ За прошедшие 25 лет многие из первоначальных гипотез и предположений, которыми руководствовалась Рабочая группа проекта, были радикально пересмотрены и отвергнуты. В частности, это касалось одной из базовых посылок, заключавшейся в том, что «советский человек» — это, как писал сам Ю. Левада в 1992 г., «уходящая натура»², что со сменой поколений и вхождением в жизнь молодежи, не знавшей повседневности тоталитаризма, общество изменится, усвоит ценности демократии, свободы и т.п. Через 10 лет, в 2002 году, описывая те перемены общественных настроений, которые сопровождали установление авторитарного режима в постсоветской России, он писал: «Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть картину «завтрашнего» общества, если остается неясным, в какие социальные рамки волеются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а «во взрослении», формировании институциональной зрелости *общества*. Претенциозно-пошлые лозунги типа «молодежь — наше будущее» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее — это то, что социальные институты и обстоятельства сделают *с бывшими молодыми*. Только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают «старческие» воспроизведения той же «подростковой» наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях».³

В настоящей работе внимание уделяется прежде всего социальным механизмам стерилизации или уничтожения морали как условия поддержания в населении состояния апатии и безразличия, без которых авторитарные режимы, вроде путинского, не могут существовать. Подавляя систематическим образом (с использованием политических технологий и средств пропаганды) потенциал человеческой порядочности, а значит — ценностные основания гражданской солидарности, институты насилия сохраняют возможности своего воспроизводства.

1. Политика и мораль. К социологической теории морали

Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что будет дальше.

Ю. Левада

В русском языке слово «мораль» в советское время подверглось такой же девальвации, что и другие этические понятия — добро, грех, благо, вина, совесть и т. п. Убедительнее всего об этом свидетельствовала неудача призывов к общественному «покаянию» в период перестройки, когда вопрос: кто именно должен каяться (и за что конкретно)? — приобрел модальность принуждения к публичному признанию вины при отсутствии самого субъекта раскаяния и неопределенности состава преступления. Что сразу же убило саму идею моральной — субъективной — ответственности и превратилось в словоблудие публицистов. Сам факт гибели и страданий миллионов ни в чем не повинных людей при советской власти не подлежит сомнению и признан абсолютным большинством населения в качестве «политического преступления» (хотя доля таких мнений сокращается с каждым годом). Но ответа на следующий вопрос: кто преступник или преступники? — нет. Жертвы есть, оправдывать «необходимость» или «целесообразность» их какими-либо высшими государственными резонами большинство россиян (как и само руководство страны) уже не осмеливаются, но и признать советское руководство страны «виновником» или дать определение советскому режиму как «преступного», не хочет от 64 до 68% опрошенных.⁴ И здесь дело не только в инерции страха, проходящего через несколько российских поколений (что само по себе следует считать достаточной причиной для состояния растерянного молчания), но и парализующего массового отупения, наступающего всякий раз, когда обыватель оказывается один на один с подавляющим его государством. Сегодня уже нельзя сказать, что люди «ничего» или «мало» знают о терроре, но у них нет средств или желания разбираться в этом; не возникает самой по-

требности осмысления этих событий, поскольку вынесение моральной оценки логически требует следующего шага: признания «ответственности» действующих лиц или социальных сил (не просто установления «виновников», но и обязательной квалификации их в категориях «носителей зла»). Другими словами, отсутствует, исчезла (если она и была когда-то, что тоже неочевидно) сама способность к подобному оценочному суждению или контекст, в котором была бы возможна оценка и моральная интерпретация действий людей, текущих событий, прежде всего — политической жизни (поскольку здесь другие масштабы и характер последствий). Поскольку разобраться в том, что произошло за годы советской власти, и кто должен нести ответственность за преступную политику государства (деяния, которые в мировой практике после Второй мировой войны квалифицируются как «преступления против человечности», не имеющие срока давности, что подчеркивает их особый характер) российское общественное мнение самостоятельно оказалось не в состоянии, страна предпочла эти вопросы не трогать.⁵ Проблема исторической цены преступлений советской власти (террор, массовые репрессии, бесчеловечная растрата человеческих жизней в «мирное» время и во время почти непрерывных войн⁶, прежде всего в 1939-1945 гг.) была благополучно вытеснена и забыта.

Но точно так же без этической оценки остается и множество других общественно значимых событий, связанных с насилием, таких как расстрел парламента в 1993 году, обе чеченские войны, атмосфера террора на Северном Кавказе во время «контртеррористической операции», несправедливые судебные процессы, имитация выборов и т. п. Получается, что «способность суждения»⁷ или вынесения моральной оценки важнейшим обстоятельствам коллективной жизни, связанным с безопасностью частного, индивидуального существования, отражает степень дееспособности «общества»⁸, его интеллектуальный потенциал, средства концептуализации, а они, в свою очередь, что очевидно, зависят от характера его социальной организации.

Сегодня словоряд «мораль» («нравственность» и производные от них), употребим в речи лишь высших чиновников и депутатов, а также иерархов РПЦ, приравненных к ним по статусу и назначению. Здесь «мораль» (апелляция к «моральным ценностям») означает лишь ужесточение контроля в сфере социализации молодежи, ограничение прав человека (сферы субъективности), деятельности оппозиционных политиков, писателей, содержания СМИ и прочее (то же, впрочем, и в массовом сознании⁹), но сам по себе контекст высказываний не содержит ничего, что связывалось бы с идеей этической рационализации повседневной жизни и, соответственно, практик методического самоконтроля. В этом плане представления о морали (все равно — светских ли, духовных ли функционеров, или большей части населения, приняв-

шего официозный язык власти как часть конструкции реальности) не выходят за рамки требований запретительных мер и дополнительных ограничений, прежде всего по отношению к группам, настроенным либерально, а значит — критически по отношению к авторитарному режиму и поддерживающей его церкви.¹⁰ Следование «общепринятым моральным нормам» и «национальным традициям» в данной ситуации означает требование придерживаться правил обрядоверия, внешний социальный конформизм.

К подобному словоблудию кремлевских политиков (заклинаниям о защите общественной морали, физического и духовного здоровья нации /народа), сохранения национального генофонда и т.п. большая часть россиян относится с равнодушием, как и к любой пропагандистской риторике власти. Пропуская мимо ушей соответствующие пассажи, население, тем не менее, одобряет принятие строгих мер против «несвоих», то есть покушающихся на сложившийся порядок. Поддерживается, например, введение цензуры в СМИ и интернете, несоразмерно жестокий приговор Пусси-райот или репрессии в отношении НКО или законы против «оскорбления чувств верующих», однако люди решительно возражают против применения к ним самой практики государственного регулирования их собственной частной жизни¹¹.

По существу моральная тематика никогда не была в поле внимания российского общества.

Своеобразие российской ситуации с «моралью» состоит в том, что прежние, досоветские блюстители традиционных нравов были не отделены от сословного порядка, а это значит, что сами этические представления не могли подвергаться генерализации и универсализации. К абсолютному большинству населения это понятие или система представлений вообще не имела отношения¹², поскольку ни о какой «морали» или свободе воли не могло идти и речи вплоть до середины 60-х годов 19 века, потому что крепостное право оставляло крестьянина в полной личной зависимости от его владельца, включая место жительства, род занятий, выбор брачного партнера и т.п. Крепостные гаремы, эксплуатация, унижение и прочие особенности этого образа жизни налагали свою неизгладимую печать не только на самих крестьян, но и на сознание крепостников, чиновников и все остальные категории населения. Положение казенных крестьян или купечества, казаков, мещан, безусловно, существенно отличалось от крепостных, но и тут уровень нравственного сознания не поднимался над рутиной традиционного уклада или простого безальтернативного воспроизводства жизни. Только в ходе процессов модернизации (последняя треть или четверть XIX века) моральные нормы стали теоретически дифференцироваться, отделяться от традиционных предписаний поведения и стандартов идентификации — дворянского, купечески-мещанского, крестьянско-

го или чиновничьего, хотя поддержание «благонравия» осуществлялось по-прежнему: через мнение «света» («хорошего общества») исправником и духовенством. Тончайший слой разночинской или интеллигентской столичной публики (даже на переломе веков его можно оценить лишь как 0,002-0,1% от всего населения), конечно, уже представлял собой разновидность носителей возникающей в тот момент общей европейской *модерной* культуры, заметно диссонировавшей со всем косным и малоподвижным российским социумом. Не случайно процессы модернизации в России воспринимались как крах сложившегося порядка, а сама возникающая субъективистская культура как «декадентство» (то есть как закат и разложение, хотя позже, на фоне уже советской «культуры» она признана как Серебряный век). Этот болезненный отрыв модерности от традиционализма predetermined всю тематику «великой русской литературы» и искусства, от А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова до А. Блока, Саши Черного и акмеистов. Только в этом узком диапазоне заимствованных из Европы идей и смысловых форм («просвещения», «гуманизма», «человечности») и складывалась проблематика русской «морали», точнее — еще только тоски по моральности, по «правильному» или «настоящему человеку», освобожденному от мертвых прописей религии, от лицемерия общества, от исторически predetermined провинциальности и т.п. Соответственно, сюжеты в русском романе и повести последней трети XIX — начале XX века определяются конфликтом жесткости старых и слабости новых социальных ролей: темы лицемерия («Господа Головлевы» у Щедрина), адюльтера и женской эмансипации (или иначе — свободной любви), просвещения без социальной ответственности, скуки (как отсутствие общества, дефицит признания или адекватной социальной GRATIFICATION), равнодушия, наслаждения в безумии (выход за рамки общепринятой нормальности — см., например, «Черный монах» Чехова), греха, вины, смерти, границ социального статуса или эрозии социальных барьеров, жесткости ролевых предписаний, и, наконец, самое позднее — моральности межэтнических отношений.¹³

На формирование этого пласта сознания указывает появление слова «нравственность», содержащее семантический компонент абстрактности качества, обобщенности понятия, отделенности его от этнографических «нравов» и обычаев, воспринимаемых как специфически партикуляристские регуляции коллективного поведения («этоса» в античном или средневековом значении слова). Возникновение такого понятия (представлений) означает, что происходит распад самой традиции (изначальной слитности субъективных и коллективных значений действия, техники социализации и воспроизводства поведения): *образец действия* отделяется от ситуации и актуального процесса поведения. Это означает — отделение действующего от социальных норм, от

нормативной системы группы или института, являющегося внешней инстанцией социального контроля и гратификации. Таким образом, происходит не только выделение и умножение социальных ролей: помимо самого актора появляются воспитатель или учитель, следящий за поведением (контролер), хранитель образца (памяти или записей обобщенных норм), но и разделение самой реальности на различные сферы или модальные плоскости восприятия, выбора средств действия, суждения, оценки и т.п. Такого рода элементы дифференциации предполагают дальнейшую специализацию ролей — обучения или социализации, с одной стороны, и поддержания образца, контроля над поведением, с другой. В отличие от примитивных социумов или традиционных сельских сообществ, где обучение (социализация) происходит от «лица — к лицу», от отца к сыну или от матери к дочери, в ходе повседневного проживания или рутинной хозяйственной деятельности (принцип «делай как я», «так исстари повелось», «не нам менять» и т.п.), в меняющемся социуме появляются специализированные фигуры и социальные роли, репрезентирующие интересы и идейные представления других социальных групп и институтов. Другими словами, единый космос традиционного социума распадается на отдельные социокультурные сферы, стремящиеся к автономности. Это еще не позволяет говорить о «морали» в современном смысле (в принятом здесь смысловом значении), но дает основания для отслеживания процессов внутренней социальной дифференциации (усложнении системы социальных отношений, социально-ролевой и групповой структуры социума). На ранней стадии этих процессов возможным оказывается лишь внешний социальный контроль и принуждение к соблюдению групповых норм и порядков, здесь еще нельзя ничего сказать о том, в какой степени эти нормы интернализированы субъектом и стали частью его структуры личности. Здесь нет ничего специфически русского, точно такие же процессы, но только значительно раньше, протекали и в других странах опаздывающей модернизации.¹⁴

Сфера эстетического в России оказалось единственным смысловым пространством, где можно было искать и находить аналоги и тематизации моральных коллизий и драм модернизирующегося европейского общества. И дело здесь не только в той роли, которую в России играет литература и искусство, или в отсутствии специальных групп, функцией которых была бы этическая рационализация повседневной жизни и чей авторитет общество готово было бы признать. На этом месте мне придется остановиться, чтобы сделать несколько методологических пояснений, касающихся функциональной роли российских представлений о «Западе».

Неизбежное (при социологическом анализе российской действительности) появление оппозиций или конструкций «Россия-Запад»

часто служит поводом для поверхностной критики самого способа социологического описания и интерпретации социальных процессов в России (упреки в «идеализации Запада», рассуждения, что «Запада» как такового нет и т. п.)¹⁵. Использование обобщенной модели стран, завершивших процессы модернизации, как системы координат для описания российских явлений может объясняться не только непроясненностью концептуальных установок, методологической наивностью или идеологической предвзятостью социологов. Для нас (меня и моих коллег) давно понятно, что «Запад» — это понятийный конструкт (имеющий статус трансцендентальной предпосылки), а не описание конкретных обществ европейских стран, что это весьма условное образование, не обладающее иным статусом реальности, кроме модальности методологических сравнений.¹⁶ То, что обычно не понимается или не принимается во внимание подобными критиками, заключается в том, что для общества запаздывающей (незавершенной или в принципе не могущей быть завершенной) модернизации такое сопоставление культурно предзадано и обосновано, что оно конститутивно для национального самосознания и национальной идентичности и составляет одно из важнейших, можно даже сказать — принципиальных — течений в русском мышлении.¹⁷ Целый ряд ценностных представлений, базовых мифов и идеологем, образующих силовые линии русской культуры (философии, литературы, искусства, политики), сложившихся в 19 веке после войны с Наполеоном, не могут быть выражены иначе, чем с помощью референции к условному «Западом». Благодаря артикулированной таким образом ценностной позиции становятся возможным объективации тех элементов социальных взаимодействий, которые либо особо не маркированы, поскольку они редки или незначимы, либо вообще представлены в модальности «значимого отсутствия», как элемент негативной групповой идентификации или идеологического проекта, желаемого будущего. Можно сказать, что заданная таким образом ценностная позиция позволяет высветить в темной, смутной и непроясненной социальной действительности значимые обстоятельства, подлежащие анализу и интерпретации.

Другого способа артикулировать многие сложные понятия и представления, в том числе — моральные или политические (более сложные, нежели социальные формы и отношения в окружающей говорящего действительности), кроме как соотнести их с «чужой» жизнью, выступающей как образец уже достигнутого и как средство осмысления разрыва (собственной «неразвитости», «отсталости», «ненормальности») нет: подобным понятиям не соответствует практика взаимодействий ни одной из реально существующих групп российского общества. Что вовсе не означает их полного отсутствия или нереальности подобных ментальных образований — они наличествуют, но в иной модаль-

ности: модальности моральных, политических или социальных «проектов», мечтаний, стремлений, иногда — утопий, ценностных ориентиров, выдвигаемых самыми разными элитными группами, а также — элементов их групповой идентичности. Такая риторическая или ментальная фигура сознания позволяет (предоставляет для этого интеллектуальные и семантические средства) артикулировать те смыслы и значения, которые в повседневной реальности российской жизни присутствуют в самой слабой концентрации, скорее как намек на возможность в будущем развернуть их, как то, что *должно* быть, но пока отсутствует, а не как действительные и значимые структуры взаимодействия, формы социальной жизни. Поэтому они сохраняют «условную модальность» (как если бы...), с одной стороны, и «негативность по отношению к любым типам социальных образований», с другой, <...> «фиксируют уровень достигнутой культуры для части целого (населения, общества, народа) и выступают в качестве залога обеспечения этого уровня в будущем для всех»¹⁸. Другими словами, моральная тематика, как и прочие проблемы «недомодернизированного состояния», могут обсуждаться или осмысляться исключительно в условном плане сопоставления с моделью более развитых социальных форм (в рамках фикционального или «игрового пространства», если вспомнить понятие «игры» у Левады). «Запад» служит «проявителем» соответствующих ценностных значений.

Таким образом, ценностная (и риторическая) фигура «Запад» и ее элементы и производные являются не столько содержательными утверждениями о тех или иных реалиях обществ и культуры европейских стран, сколько условием и предпосылкой для обсуждения зон социальной и культурной фрустрации российского общества и его социальной истории. Но цена такого способа осмысления оказывается в исторической перспективе слишком высокой: это не только «литературоцентризм» или «утопизм» российской интеллигенции, но и слабость и незначимость практической работы (в том числе — политической или гражданской). При таком подходе социальная реальность предстает преимущественно в виде больших целостностей («власть», «интеллигенция», «народ» или «общество» и т.п.), что часто блокирует возможности более сложного, дифференцированного и эмпирически подтверждаемого наблюдения, подавляет внимание к тому, что «есть» («на самом деле»), но лишено ценностного наполнения, и сковывает мысль слепой приверженностью идеологическим убеждениям и ценностным пристрастиям.

Дискредитация духовенства (неприятия его из-за присущего попам агрессивного невежества и консерватизма, враждебности просвещению) в интеллигентской среде, ставшей агентом модерности, радикально развела проблематику модернизации и морали общества (воз-

возможности его гуманизации), что, в частности, обернулось апологией и фасцинацией насилия как средства социального изменения (причем в его самом крайнем варианте). Осмыслить последствия этого не так просто. Недостаточно лишь констатировать низкий уровень морального сознания российского общества (что стало общим местом). Речь должна идти о том, что сохранение чисто эстетических возможностей обсуждения этих вопросов (в литературной или какой-то другой изобразительно-экспрессивной форме — кино, театра, живописи, перформанса и т. п.) блокирует появление более рафинированных интеллектуальных средств рационализации проблематики. Об этих затруднениях свидетельствует отсутствие специальных социальных ролей и институтов, которые должны были бы тематизировать и прорабатывать моральные коллизии, поддерживая тем самым необходимый уровень рефлексии над типовыми конфликтами такого рода, а значит — делать их решение доступным для массовой социализации.

В современном (модерном) обществе такими образованиями (социокультурным институтом поддержания морали) является прежде всего сфера публичности, «общественности», (*Öffentlichkeit*, как ее описал в свое время Ю. Хабермас), общественного мнения, немислимого без СМИ и опирающегося на них, а ее составными частями или агентами выступают не только традиционные институты — церковь (по-прежнему сохраняющая свою функциональную роль для определенных групп населения, с ее рациональной проработкой греховности и ответственности — исповедью, проповедью, но вместе с тем, использующая и все новые технологии и возможности удержания своего влияния), монашество, религиозные школы, теология, оказывающая существенное влияние на публицистику и саму публичную сферу, но и светские институты: прежде всего — университеты, а также — наука (в ее внешней стороне, обращенной к публике, обществу, к СМИ, то есть выдающей результаты своих рационализаций и тем самым влияющих на структуры мышления и знания, сами интерпретации реальности и ее конструкций). Особая роль (моральных консультантов или арбитров, замещающих традиционных исповедников и священников в качестве супер-Эго) здесь падает на врачи, в меньшей степени — на учителей, сохраняющих еще в своем образе следы авторитета носителей знания и культуры (хотя и подвергшегося в сильнейшей степени эрозии и десакрализации), в последнее годы — появившихся психоаналитиков.

Однако преимущественное значение здесь все-таки получают именно публичные интеллектуалы и моральные авторитеты (философы, писатели, деятели культуры), а также люди, занимающиеся благотворительностью и заслужившие доверие общества (представители гражданского общества, самоорганизации общества). Их функция — не социальный контроль или образец действия, а лишь подкрепление или

удостоверение возможного выбора, который предстоит делать самому действующему. В этом плане собственно религиозные мыслители и теологи — профессионалы этической софистики и диалектики — входят в качестве важнейших фигур на публичную сцену общества, но не обладают уже монополией на суждение и квалификацию поведения или проблематики (на что сегодня самым агрессивным образом претендует РПЦ, но об этом ниже).¹⁹

Важно подчеркнуть, что надстраивающаяся над традиционными институтами социального контроля современная сфера морали (публичности) лишена моноцентричности, а значит — и претензий на монопольное влияние и жесткость своих санкций. Другими словами, модернизационные процессы, выражающиеся в интенсивной социальной дифференциации (автономизации и специализации различных социальных сфер и систем действия), сильнее всего влияют на структуру личности современного человека, ослабляя значимость внешнего социального контроля (репрессивность контроля отдельных групп или институтов, с которыми он себя отождествляет или к которым принадлежит) и усиливая механизмы субъективной самоорганизации, самостоятельного выбора стратегии и тактики действия, индивидуальную ответственность за собственные решения и поступки. Такое положение вещей порождает увеличение контингента растерянных, фрустрированных, одиноких, дезадаптированных или депрессивных, маргинализованных людей, нуждающихся в специальной помощи и профилактике неврозов и суицида, но с другой — в целом увеличивает потенциал терпимости, гуманности и социально-правовой защиты большинства, осознанной гражданской солидарности и понимания.²⁰

В отличие от церкви, религиозных организаций в западных странах (кроме, может быть Польши, Ирландии), где они отделены от государства, а потому вынуждены полагаться лишь на силу собственного авторитета и значимость своего влияния, Русская православная церковь МП не имеет опыта интеллектуального диалога с обществом.²¹ Свобода РПЦ проявляется в том, что она недееспособна без государства: она вынуждена постоянно обращаться к государственным средствам насилия и принуждения для того, чтобы провести в жизнь какие-то из важнейших своих планов, реализовать ведомственные, церковно-политические цели, например, получить доступ к преподаванию вероучения в школах, заткнуть рот своим критикам, получить льготное или внебюджетное государственное материальное обеспечение и финансирование своих мероприятий, выклянчивать налоговые привилегии, здания, земли и проч.), прикрывая «моральными» соображениями вполне материальные, земные интересы владения, алчности, властолюбия. В этом отношении никакие соображения приличия и нравственные сдержки не работают — ни проповедь нестяжательства, смирения,

отказа от земных ценностей и т.п., как показывает опыт поведения ведомства в целом или отдельных иерархов, включая и самого патриарха Кирилла. Можно отобрать школу, здание детской больницы, консерватории, музея, галереи, принадлежавшие до революции церкви, и не чувствовать при этом никаких моральных сомнений, поскольку все это оправдано заботой о духовности и нравственности народа. Тем самым лицемерная апелляция к морали превращается в систему нормативного социального контроля.

Вместе с катастрофой 1917 года, революцией, гражданской войной, красным и белым террором, эмиграцией, национализациями и экспроприациями разного рода, классовыми чистками, коллективизацией, голодом, сталинскими репрессиями и т.п. беззаконием и произволом коммунистического государства проблематика морали ушла из сознания советского населения.

К настоящему времени она вообще потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя смутное ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов.²² Ни той духовной работы, которую вели католики в своих странах на протяжении последнего столетия, ни тем более практики протестантской этической рационализации жизни, в России не было, что в своем роде «облегчило» процессы опустошения и деморализации населения, распространения лагерных нравов, внутреннего одичания во время советского массового террора и последующих десятилетий. Какое-то, причем довольно долгое, время (конец 1920-х — начало 1950-х годов) человек был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя говорить о «морали» — любой выбор в условиях массовых репрессий и атмосфере террора был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит — и угрозу репрессий или предательства по отношению к какому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, тем более внутреннее сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствием разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести).²³ Дело не в недостаточном присутствии или дефектах российских религиозных институтов, не в недостатках мирского служения РПЦ, а в подавлении самой этой проблематики в массовом сознании, ее отсутствии, стерилизации запроса на нее.

Символические дефициты такого плана, ощущаемые немногими людьми еще в советское время компенсировались (в поздние брежневские годы с мумификацией выморочной коммунистической идеологии) суррогатами православного неопитства, оккультизмом, йогой, восточной философией, сыроедением и т.п.²⁴ После краха СССР и снятия идеологических запретов обрядовое и магия, суеверия банализировались и стали масскультурным явлением (от раннего Кашпировского до назойливых нынешних ТВ-передач о экстрасенсах, ясновидящих и т.п.), а агрессивная или демонстративная религиозная идентификация — наиболее характерным способом нравственного самоутверждения и самоудовлетворения. Роль религии здесь очень важна, но вовсе не в том плане, в каком об этом рассуждают церковники, утверждая, что именно религия является источником морали.

Дискредитированная большевиками и практикой террора советской власти («...морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть самой власти), эта тематика всерьез не обсуждалась ни советской интеллигенцией²⁵, ни постсоветской публикой, довольствующейся глянцевым гламуром и формульной литературой. Она и не могла обсуждаться, поскольку даже «продвинутая» часть российского общества не дотягивалась до того уровня, когда эти проблемы могли быть осознаны.²⁶

Мораль у нас обычно путают с этикой как учением о добродетельной жизни. Но суть этих проблем (вопросов морали) совсем не в том, чтобы представить аудитории то или иное изложение рекомендуемых норм поведения и предписаний «как жить». Как раз наоборот. Сама проблема морали выросла из осмысления границ насилия и произвола, из необходимости понять, чем, какими средствами может быть ограничен деспотизм абсолютного самовластия. А это значит, что в отличие от традиционной тематики «добротного правления» (воспитания суверенного, но просвещенного автократора), здесь упор делается на солидарных действиях подданных, не могущих уступить узурпатору свои права, не потеряв часть своего достоинства (утратить образ человека как подобия Бога — мотив, введенный в политическую философию морали прежде всего Дж. Локком).

Необходимость дать ответ на эти вопросы проистекает из логики развертывания проблемных узлов политической философии. После макиавеллиевского анализа прагматизма, необходимого для государя, так или иначе освободившегося от сакрального характера власти или утратившего его, и гоббсовской идеи делегирования (в порядке самоограничения) населением суверенных прав государю, становящегося таким образом гарантом порядка и безопасности в государстве и только отсюда получающего свою легитимность, неизбежно встал вопрос о том, где пределы суверенитета власти, чем можно, а значит, и долж-

но и следует ограничить абсолютную власть, где гарантии от превращения «доброго правителя» в «тирана» и «деспота» (в духе «Аллегории Доброго правления» Амброджо Лоренцетти).

Мыслители 17-18 веков нашли ответ: в «нравах», обычаях подданных (morals²⁷). С. Пуффендорф, Дж. Локк (последний особенно много сделал в этом плане), развили эту идею в теорию «естественного права», естественных, то есть прирожденных, присущих самой природе человека, не социальных, а потому — не могущих быть отмененными или не признаваемыми, а значит — упраздненными, неотчуждаемых прав человека (в его качестве подданного или позднее — гражданина). Но Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж. Руссо внесли в это представление и понятие еще некоторые смысловые компоненты: естественное право как барьер против узурпации власти и беспричинного насилия они усилили принципом разделения властей, что должно было служить средством минимизации опасности узурпации власти (благодаря взаимному ограничению властных институтов), и необходимым минимумом солидарности в виде общественного договора граждан и государства. Границы произвола очерчивались признанием неотчуждаемых прав человека, а именно: права на жизнь, на свободу, здоровье, собственность, и в некоторых случаях, помимо уже перечисленных сдержек, сюда вводилась еще идея справедливого (независимого) суда. Позднее они были положены в основу американской, а затем — и других западных конституций. Тем самым, понятие получило еще и социальный, политический (конструктивный) смысл, теряя вместе с тем связь с семантикой традиционных нравов, социальной или территориальной локализацией, «этнографичностью» и приобретая гораздо более общий, обобщенный, метафорический характер, что собственно и стимулировало процессы универсализации моральных представлений.

Философская фикция «естественных прав» или морали была таким образом в какой-то части реализована в законодательстве и других публичных и государственных институтах демократии. «Правовое государство» выросло из «нравов» городских обывателей и опиралось на моральную оценку власти и законов. Наиболее завершенный вид эти философские идеи (моральные основания политики и права) нашли в изложении И. Канта²⁸. Из его трактовки этих вопросов следовало, что нормы закона, не опирающиеся на «нравы» или не соответствующие моральным представлениям (принимающих в данном случае форму идеи «справедливости»), воспринимаются в современном обществе как непродуктивные и неэффективные²⁹. Но, вместе с тем, нет сомнения, что значительная часть законов всегда отражает интересы господствующих групп (так называемое «октроированное право»), однако их роль в современном обществе по мере усиления представительной демократии отчасти ослабевает под влиянием других интересов, трансформи-

руется с течением времени из-за множества компромиссов и внутренних соглашений различных партий и социальных сил, превращаясь в конце концов в «пактированное право».

Как и другие институты современного социума (искусство, история, наука, нуклеарная семья, школа, фабрика, массовые коммуникации и т.п.) мораль — своеобразный продукт западного мышления нового времени, родившийся из переключки философов, мыслителей, теологов, историков и литераторов из разных стран Европы. Этот круг проблем окрашен чисто европейскими коллизиями и историческими примерами. Мораль — результат секуляризации традиционного христианского миропорядка и эмансипации отдельных сфер знания и норм внутри иерархического, сословного или кастового социума. В этом плане «мораль» остается ограниченной пространством европейской, христианской по своему генезису, культуры. (Если бы в русском языке существовали артикли, то перед словом «мораль» надо было бы ставить определенный артикль, как в английском или немецком языке). Но общность происхождения не означает единства форм или смысловых структур³⁰. Безусловно, можно найти множество функциональных аналогов «морали» как систем этической регуляции в других больших цивилизационных или культурных ареалах, таких как конфуцианская этика поведения и взаимодействия с людьми из разных сословий или слоев в Китае, или индуистская система правил кастового поведения в Индии и т.п. Но все это будут именно *аналогии* соответствующих функциональных образований (норм, ценностей, принципов). Вытекающие из них *формулы рациональности* (соединение идей и социальных интересов, то есть требований, вытекающих из отношений господства, производства и распределения, коммуникации и т.п., определяющих практическое приложение моральных постулатов) будут иметь совершенно отличную от европейской содержательную архитектуру смыслов и референций, другую метафизику. А это, в свою очередь, означает, что связанная с ними внешние институциональные формы социальных организаций или групп, которые принимают на себя задачу поддержания этической регуляции социальных отношений, их рационализация (систематизацию и проработку, связь с другими институтами — структурами господства, семьи, экономики, права и проч.), будут существенно различными.

В этом плане утверждение, что в любом социуме можно обнаружить все компоненты структурно-функциональной парадигмы (в том числе и мораль), верно лишь с учетом высокой степени генерализации типологических сравнений. Но такие суждения оказываются мало продуктивным, когда мы обращаемся к анализу и описанию конкретной страны и ее истории. Общая теория имеет границы адекватности (ее нельзя использовать для непосредственного применения к задачам эмпирическо-

го исследования, ее назначение — соединение теорий среднего уровня, относящихся к отдельным предметным регионам). Поэтому бессмысленно пускаться в эмпирическое изучение «морали» или ее институциональных аналогов, не описывая источников моральных представлений, социальных групп, поставивших себе задачу внесения морали в неморальное пространство повседневности, систематизации типовых конфликтов или коллизий, возникающих у действующих акторов из разных функциональных подсистем, и чье положение в обществе зиждется именно на признании обществом их в качестве приоритетных или даже единственных «специалистов» в этой области (жрецов, священников, монахов, «культурных» лидеров, которым СМИ выдали ярлык «совести нации», и других общественных персонажей, воспринимаемых в качестве профессиональных и безупречных иллюстраций морального поведения).

Более плодотворным видится подход, предлагаемый и реализованный Максом Вебером в предметной социологии, который дал поражающие воображение примеры исследования влияния высококорифинированных этических учений, порожденных мировыми религиями и отдельными сектами, на повседневную жизнь в таких сферах, как право и господство, музыка и секс, экономика и социальная стратификация и т. п.

Это соображение — укорененность «морали» в смысловых коллизиях именно европейской культуры, особенности ее генезиса — следует учитывать и при дальнейшем анализе логической структуры моральных представлений (главным образом, при описании социальной организации общественного контроля). Сам по себе подобный «учет» должен исходить из понимания тех ограничений, которыми могут характеризоваться этические аналоги морали в других ареалах. Но для нас в данном случае важнее подчеркнуть, что сами понятия — мораль, свобода, справедливость, собственность — оказывались символическими структурами (трансцендентальными категориями, ценностями), *соединявшими* существование индивида (его семьи, группы) с образованиями более высокого уровня социальности: с локальным или региональным сообществом (городом, землей) или с «народом» как гражданской (а не этнической) общностью, нацией и, наконец, с обеспечивающими их государственными институтами. Последнее предполагает дополнение этой идеи включением сюда исторических представлений о происхождении национальной общности, то есть наполняет это символическое образование конкретными примерами событий, оказывающихся основанием коллективных ритуалов воспроизводства «общей памяти».

Именно мораль (нравы) соединяет групповые интересы и идеалы, ставя пределы для целерационального действия (инструментализма индивидуального произвола). Именно из внутренних ограничений субъективной активности рамками «общее благо» и рождается тот дух солидарности, который лежит в основе западноевропейской демокра-

тии. Характерно, что основатели американской демократии, авторы ее Конституции, были по сути именно моралистами, идеалистами, видящими Конституцию как проективную структуру государства, результаты которой должны проявиться лишь в будущем. Они закладывали основы общественного порядка прежде всего для своего потомства, для обеспечения его свободы, безопасности, спокойствия и благополучия (но одновременно — видели в ней пример, образец решения проблем всего человечества).

Роль религии (но не церкви) здесь, несомненно, очень важна: именно религия предполагает соотнесение обыденного поведения с планом символическим, то есть она исторически первая дает образец сочетания значений, которые имеют трансцендентный характер (то есть лежащих вне практических интересов и норм регуляции социальных групп), с практическими вопросами материального обеспечения и взаимодействия с другими акторами. Однако, в российской ситуации церковь, я имею в виду прежде всего РПЦ как социальный институт, стремится узурпировать право на такое регулирование самих разнородных посредников (частных, групповых и институциональных представлений). В принципе религиозность (метафизический, трансцендентный уровень символов) не является непременным условием возникновения и значимости морали как системы внутренней регуляции, возникновения внутренних императивов социального контроля, генерализованных и интернализованных в процессах социализации. Социологический, культурологический, философский и даже в ряде случаев теологический (Т. Альтицер) анализ источников морали уже в XX веке, освободился от непременной связи с христианством. Изучение различных религий и метафизических систем за пределами Европы дали множество свидетельств функционирования этических представлений, не связанных с монотеизмом (буддизм, индуизм и др.) или даже вообще с религией (конфуцианство). Трансцендентальность соединения собственной активности и общественной солидарности (как основа внутреннего самоконтроля и мотивации действия) могла происходить и другими способами, предполагать иные, уже секулярные основания морали («безрелигиозное христианство»). Важно лишь, что составные части этических систем всегда были гетерогенными («двумирными») структурами соотнесения, синтез которых имел форму логического, модального шарнира или метафорического соединения общезначимых предписаний и субъективной воли. Но это в принципе так, хотя для понимания генезиса современной морали, включая и ее рецепцию в странах запаздывающей модернизации, христианские истоки морали имеют первостепенное значение.³¹

Таким образом, мораль представляет тот уровень само собой разумеющейся, социальной, беспорной регуляции, когда люди не спрашива-

ют, почему и как. Это — совокупность конвенциональных норм, которая определяет ориентированность и границы такого поведения и отношений людей между собой, с властью, с другими институциями и группами, социальными организациями, несомненность правил поведения. Но — в отличие от традиции, обычая, глухих привычек, санкционирующих поведение через отнесение к «всегда так было», в лучшем случае — к содержанию предания, легенде, мифу, и поэтому сопровождаемых безусловным ограничением «изменять нельзя», следует «держаться заведенного порядка», «не нам менять то, что было» и т.п., — моральная регуляция включает в себя соотнесение с генерализованным уровнем общих значений: идеей общего блага и «высших интересов».

Понятие общего блага предполагает такие блага, ценности, в которых заинтересованы «все», которые распространяются на всех, а значит — не вступают в конкуренцию или в противоречие с частными интересами и представлениями. Они не образуют поля игры с нулевой суммой, при которой одни выигрывают, а другие — теряют или проигрывают. Другими словами, общее благо — это такой тип ценностно-рационального действия, которое увеличивает совокупный баланс приобретений — безопасности, достатка, удовлетворенности жизнью, заботы о других, солидарности и достоинства отдельных индивидов и всех членов вместе. Примером такого блага может служить «национальное государство», проводящее политику защиты национальной культуры, повышения уровня массового образования, медицины, солидарности поколений и проч., или правозащитные, гражданские организации, или любые формы благотворительности, общественной самоорганизации (например, НКО), не направленные против интересов других групп.

Этот уровень регуляции может быть (содержательно) легитимирован и обоснован самым разным образом: религиозно, через рационализацию божественных заповедей и предписаний (т.е. трансцендентно), либо светски и метафизически — какой-то рациональной этикой или идеологией спасения, или, допустим, сословно — честью и достоинством особой группы (в ее отличии от других групп). Но мораль современного (модерного) общества в данном случае апеллирует к идее (ценностям) «общего блага», не блага частных существований, а именно блага для всех (!), а потому — идеального (обобщенного), высокого, внеповседневного — «высшего интереса» «всех», «общества». Понятая таким образом, мораль (регулятивная система) является предпосылкой самоконституирования общества (society, Gesellschaft) как системы социальных взаимоотношений, основанных на солидарности и взаимных интересах (то есть не имеющих и не предполагающих отношений господства!).

Безусловно, система власти (господства) является непременной частью социальной системы социума в целом, но было бы ошибкой (очень

распространенной в посттоталитарных и авторитарных странах) отождествлять социум и общество (тем более государство и общество) как специфический тип социальной структуры. Мораль в этом смысле является предпосылкой и условием формирования представительной системы власти (ограничения пределов суверенитета господства и предупреждения перерождения власти в деспотический произвол), с одной стороны, с другой — высшим, идеальным регулятивом деятельности бюрократии (условием ведомственной институционализации харизмы). «Общее благо» — это квинтэссенция этики служебного долга бюрократии, условие ее технического функционирования («без гнева и пристрастия»), строго формально и исключительно в рамках установленной компетенции чиновника.³²

В логическом, точнее — в методологическом — смысле мораль является трансцендентальной смысловой структурой, соединяющей два плана значений: фактическое и должное (предписывающий план значений, соответственно, задает модальность возможного образца поведения как императив действия). Мораль представляет, таким образом, совокупность всегда более или менее рефлексированных образцов *разрыва* фактического и должного, что, в свою очередь, образует паттерн и мотив движения к более высокой норме общего, являющейся предпосылкой для последующей социальной дифференциации. Без минимального морального базиса процессы развития (автономизации, усложнения, структурно-функциональной дифференциации) просто невозможны. Мораль не может возникнуть в «простом», недифференцированном обществе. Она возникает только там, где формируются многосторонние связи отдельных людей, относительно независимых (автономных) социальных образований и групп, причем она возникает именно как принцип или норма согласования интересов и правил поведения.

Важным признаком такого состояния становится выделение специализированных структур и институтов, ответственных за согласование нормативных систем и обеспечивающих их поддержание (в некоторых случаях — и контроль, по крайней мере, на начальных стадиях дифференциации) — сословие священников, исповедующих мирян и тем самым вводящих идею моральной калькуляции поступков исповедующегося, профессиональных психологов, врачей, в других случаях — муфтиев или кади и проч.³³

Идея «общего блага» (морали, основанной на идее общего блага) отличается от обычая или привычки тем, что она дает импульс социальной сублимации, самовозвышению, «томлению» по более высокому порядку, в отличие от совокупности механизмов понижающей адаптации как общераспространенной регулятивной базы в репрессивных режимах. (Последняя строится по известным схемам: «уши выше лба не

растут», «плетью обуха не перешибешь», «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»³⁴ и т.п.). Моральный комплекс представлений современного общества принципиально расходится с идеологией патерналистской «заботы государства», признание которой сразу же вводит отношения неравноправия и зависимости.³⁵

Попытки вернуть церкви (в данном случае я имею ввиду прежде всего православную церковь) ее прежнюю функцию институционального посредника между властью и моралью (нравами) общества несостоятельны по двум причинам: во-первых, культурной отсталостью и архаичностью самого православия как учения, его метафизики и богословия, неспособностью нынешнего духовенства — в силу низкого уровня светского образования «персонала» — отвечать запросам более образованного общества, по крайней мере его средних и высших слоев (населения крупнейших мегаполисов, уже прошедшего определенные фазы модернизации и вестернизации). А во-вторых, и это главное — РПЦ, став фактически государственной церковью, оказывается неавторитетной в качестве института миссионерства и проповедничества евангельского учения и образа жизни. Десятину мало кто собирает из православных вносить, пожертвования со стороны населения явно не соответствуют представлениям и аппетиту иерархии, православные ТВ-каналы имеют крайне незначительную аудиторию и т. п. Подозрения в лицемерии и ханжестве, стяжательстве, алчности не только высших иерархов (прежде всего — патриарха Кирилла, оказавшегося в центре целой серии скандалов такого рода), но и рядовых батюшек, даже обвинения в педофилии среди священников остаются неустраняемыми. Поэтому РПЦ, отвечая массовым запросам на инстанцию морального авторитета, может функционировать лишь как ведомство магических ритуалов, обрядов, поддержания ожиданий чуда и т. п. мифологических структур массового сознания.

Подытоживая выше сказанное, я бы определил мораль как структуру смыслообразования, устанавливающую в зоне своей значимости осмысленные нормы поведения — взаимодействия с другими действующими лицами. Моральные принципы (= сам механизм надления смыслом разнородных фрагментов действительности, кажущихся иррациональными до того, пока они стали предметом смыслового синтеза) соединяют воедино некоторые содержательные идеи (включаемые в понятия общего блага) и групповые интересы, образуя ограниченное пространство *возможности* действия как *должного*. Таким образом, *мораль* — это особый тип рациональности, указывающий индивиду то, как должны соотноситься обстоятельства конкретного действия с представлениями об общем благе и общих интересах членов всего общества. Этот тип рациональности значим наряду со многими другими типами, например, инструментальной, целевой рациональности, наибо-

лее полно представленной в экономическом поведении, в технике или когнитивной рациональности, институционализированной в форме науки, идеологической и религиозной и т.п.

Принципы морали не содержат конкретных предписаний, как следует вести себя в тех или иных ситуациях. Они представляют собой лишь общий алгоритм для субъективного выбора, то есть принцип решения дилеммы действия, поскольку действующий в современном обществе всегда стоит перед противоречивым набором мотивов поведения, обусловленным разными ценностными побуждениями индивида, его желаниями, стимулами, включенностью в разнородные групповые или институциональные отношения. Чем сложнее структура общества, то есть чем более многообразно ролевое поведение субъекта действия, обусловленного принадлежностью к различным социальным группам (и их гетерогенным культурным ресурсам), тем более актуальным и значимым оказывается принцип моральной самодетерминации поведения. «Мораль» (моральное поведение) поэтому — такая же структура синтетического (рефлексивного, игрового — по терминологии Ю. Левады) действия (= суждения), что и другие формы или механизмы смыслообразования — тропы, ядерные метафоры научных теорий, религиозные идеи бога или метафизические постулаты, генерализованные ценности — доверие, любовь, справедливость, современность и прочее. Мораль — это сложносоставное, закрытое (т. е. внутренне ориентированное и организованное) социальное действие³⁶, в котором действующий *субъективным образом* (не «нормативно!»), без санкций угрозы наказания или, напротив, поощрения, соединяет в относительно непротиворечивое смысловое целое (= проективную структуру собственного поведения, собственной жизни) *императивы и нормы различных социальных институтов и групп*, решая таким образом антиномию собственного выбора. Мораль в этом плане образует общее основание для органической интегрированности общества (в отличие от механической, принудительной — полицейско-бюрократической).

В отличие от других механизмов смыслообразования мораль конституирована всегда таким образом, что она имеет большую временную размерность, чем прочие ценности: моральные события субъективной жизни действующего соотносятся (должны соотноситься в соответствии с идеей морали) с воображаемой конструкцией целостности законченной, т. е. прожитой жизни индивида. Можно сказать более категорично: только «мораль» предполагает регулятивную идею *целостности личности*, конституируемую от мыслимого конца ее жизни — смерти, образующей законченный сюжет прожитой жизни человека (возможную или воображаемую биографию), а значит — той точки, позиции, исходя из которой сам индивид может контролировать свое поведение и рассчитывать баланс добра и зла, произведенный им са-

мим. Другим образом значения «целостности личности», к которой только и можно предъявлять претензии «отвечать за себя», не возникают. Мораль всегда предполагает сильное Я (развитую, рефлексирующую структуру личности), в отличие от крепостного, зависимого, патерналистского сознания или «слабого Я»).

Мораль (этим она отличается от всех разновидностей традиционной этики) — позднее культурное и социальное образование, выделяющееся из традиционного социума, возможное только в условиях интенсивно дифференцирующегося социума с выделяющимися специализированными зонами ролевого взаимодействия, особыми значениями и правилами жизни.³⁷ Поэтому проблематика морали — продукт тематизации прежде всего современного искусства (воображения) и религиозного мышления (религиозной философии) в условиях быстро развивающейся секуляризации.

Страны с представительской политической системой оказываются особенно чувствительными к проблематике морального поведения высших лиц государства, репрезентирующих ценности всего коллективного целого. В так называемых «демократических странах» (государствах с представительской системой формирования власти) отношение к моральной чистоплотности публичных фигур чрезвычайно трепетное и строгое. Дело не в общественном ханжестве (на которое любят ссылаться наши высокопоставленные циники: дескать, везде политика грязное дело, везде коррупция и всегда политики обманывают обывателей и лицемерят), а в понимании смысла самой процедуры селекции во власть и сути неформальных, не кодифицируемых законом, но общезначимых требований к человеку, выходящему на публичную сцену. Проблемы пургенизации политики — дело западных СМИ и публичных дискуссий по этому поводу. Система публичного контроля «морального облика» — личной порядочности, честности, соответствия потребительских расходов заявленным в налоговой декларации и т.п. является крайне жестким фильтром для авторитарных демагогов и потенциальных деспотов. Расхождения между словами и поведением, на российский взгляд, в мелочах, не заслуживающих внимания, может служить тревожным индикатором неблагополучия, включающим систему общественного предупреждения об опасности.³⁸ Таковы примеры отставки американского министра труда из-за обвинения в найме нелегальной мигрантки в качестве домработницы, немецкого министра из-за использования в частных целях служебной машины, скандалы с политиками из-за оплаты за счет казны авиабилетов при уходе в отпуск, отставка британского министра из-за хамски неуважительного тона по отношению к полицейскому, охраняющему вход в министерство, случаи ухода немецких министров из-за давнего плагиата в диссертации и проч., не говоря уже о более существенных деликтах, вроде счета в иностранных банках (недавняя от-

ставка французского министра) или лжи в официальных выступлениях. Другими словами, в старом споре социологов: что первично (что более значимо в системах объяснения социальной динамики) — культура, идеи, люди или социальные институты, ответом может быть лишь одно: констелляция некоторых из возникающих идей и вполне определенных интересов конкретных социальных групп может привести при благоприятном стечении обстоятельств к институционализации отмеченных и желаемых форм социального поведения и их последующему закреплению в общественном сознании. В этом плане границами индивидуальных моральных девиаций становятся институциональные рамки поведения. Они начинают играть роль нормативного каркаса общества. Сами по себе люди в истории не становятся лучше или хуже (мораль — это горизонт оценочных суждений, а не уровень качества людей), но нормативные системы, институционализируемые, то есть закрепляемые правом, общественным мнением, системой публичного контроля и рефлексии, несомненно, могут служить показателем цивилизованности тех или иных стран (субъективных представлений о социальном благополучии, удовлетворенности жизнью, безопасности, защищенности от насилия, доверии людей друг другу, терпимости, подавлении агрессии, альтруизме, солидарности и т.п.).

Ничего подобного указанной системе категориальных соответствий и общественных практик (западноевропейской морали Нового времени) Россия не знала в своей истории.³⁹

Крепостное состояние всех сословий (а не только крестьянства) по отношению к самодержавию не допускало идеи страхования от угрозы деспотизма — разделения властей. Архаические представления о власти (традиционный, сакральный характер самодержавного правителя и пирамида патримониальной бюрократии массового управления) предопределили не только длительное существование крепостничества, холуйство дворянства и аристократии, ничтожность ценности частной человеческой жизни, но и реинкарнацию крепостного сознания в советское время (и не только у колхозников!), вплоть до нынешних дней.

Недолгая, но интенсивная фаза модернизации конца XIX — начала XX века, последовавшая через поколение после реформ 1860-х годов, сопровождалась появлением общественно-политических движений и чем-то похожим на «morals». Однако доминирующим в политике того времени все равно оставалось представление (явное, например, у А. Столыпина) о недопустимости политических компромиссов, механизмов согласования интересов, уступок со стороны самодержавия и продуктивности насилия как инструмента «правильной» организации отношений общества и власти. В этом плане формирование морали и, соответственно, появление «общества» в дореволюционной России разрушило основания для архаической государственной системы,

не выдержавшей напряжений Первой мировой войны, войны нового, промышленного, массового типа. Вместе с тем, остатки предшествующего, пусть слабого морального сознания, уже существовавшего в тончайших слоях новых классов самостоятельного населения в начале XX века (предпринимателей, людей свободных профессий, земства, интеллигенции), были стерты вместе с группами их носителей во время террора 20-х и тем более 30-х годов.

В массовом сознании понятия морали в этом смысле нет и сегодня. Что-то отдаленно напоминающее ее проявилось в ходе недавних демонстраций на проспекте Сахарова и Болотной площади, но и здесь оно слабо связано с императивом собственной активности. Отсутствие морали теснейшим образом обусловлено сознанием невозможности защитить и отстаивать свои права, а без их институциональных гарантий не возникает чувство собственного достоинства, даже — понятие чести. Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти⁴⁰ (что не означает полного отсутствия чувства собственного достоинства в очень узком кругу людей, ограниченных нормами высококвалифицированных профессии, специальностей и т.п., но такое не распространяется за пределы социального фрагмента, зоны «игры» социально близких людей в левадовском смысле). Государственный патернализм⁴¹, основа нынешнего социального порядка в России, не предполагает и не допускает каких-либо конвенций («общественного договора») населения и власти. Следы прежнего крепостного сознания проступают сегодня в отчуждении от политики или нежелании участвовать в ней, брать на себя соответствующие обязательства. Идея «общественного договора» в российских условиях никогда не существовала как реальная программа или основа для социального порядка, консенсуса, это — иллюзия или благодушный самообман либералов и технократических консультантов власти. Поэтому критика коррупции или неприличной нуворишевской роскоши высшего руководства страны (включая сведения о президентских или премьерских дворцах и яхтах или «шубохранилищах» их приближенных) практически не затрагивает массового отношения к тем или иным персонам во власти.⁴²

Таким образом, мы имеем дело с двойным набором причин моральной несостоятельности российского общества: первое — эффектом разложения морали (развращением) под действием репрессивных структур тоталитарного, а затем — авторитарного и коррумпированного государства и, во-вторых, неразвитостью, немодернизованностью низовых и провинциальных слоев и зон населения, «недоморалью» населения, сохранением полуразрушенного этического традиционализма, отсутствием универсалистских представлений. Соединяясь вместе, эти обстоятельства и производят такой эффект общей моральной несостоятель-

ности российского общества. Кроме того, имеет смысл подчеркнуть этот момент, сохранение примитивности социальных отношений и самопонимания граждан, сниженного нравственного и интеллектуального уровня населения целиком объективно соответствует интересам и практике государственной бюрократии российского типа: простыми людьми, лишенными чести и достоинства, компетентности и знаний легче командовать и управлять. Любая бюрократия, а бесконтрольная со стороны населения тем более, может функционировать лишь постоянно и систематически упрощая и нивелируя имеющееся ценностное разнообразие, подгоняя «социальный материал» под общие положения своих инструкций. Аппарат нынешней власти тем охотнее это делает, что средств заставить его отвечать за свои решения и проводимую политику, за низкий уровень компетентности ни у населения, ни у самой верховной власти нет. Поэтому для обывателя есть лишь два варианта: подчиняться тому, что соответствует интересам правящей группировки, или обходить принятые бюрократией правила поведения.

Другими словами, «слабость» морального сознания российского общества (несостоятельность морали как структуры коллективных регуляций) связана с тем, что я называю «понижающим трансформатором», а Левада (более точно) — «стратегией понижающей адаптации», необходимостью уживаться с произволом самодостаточной власти. Репрессивный и аморальный характер российского социума не есть сущность сама по себе, это не просто проявление злой воли или природной низости населения, их «естественного», прирожденного стремления к дисквалификации и унижению Других, а следствие более примитивного, чем само российское общество или, как минимум, продвинутых и образованных групп, устройства власти — государства, церкви, их стремления удерживать коллективные представления подчиненных на доступном ей (властной элите) уровне. Аморализм есть результат систематического понижения, упрощения социальных отношений, вызванных приспособлением к архаической и примитивной системе господства.

2. Конец советской интеллигенции: последствия для массовой «морали»

Живи, но пребудь навсегда дураком!

Не блестяще... но как практично!

*М. Салтыков-Щедрин*⁴³

С распадом советской системы закончилось существование двусмысленной интеллигентской культуры 1960-80-х годов с ее специфическим сер-

визмом и сопротивлением государственному насилию; именно она была держателем нормы гуманности в советском обществе. Интеллигентская культура отличалась своеобразной двойственной структурой: большая часть ее представителей занималась обслуживанием власти (подготовка кадров, оправдание власти и ее политики, цензура, технологическое обеспечение массового управления и т.п.). Однако, претендуя на значимые социальные позиции, интеллигенция настаивала на признании уважения к себе и известной автономии как обладательнице специальных знаний и умений. Перспективы отстаивания своей автономности от властей связаны были не с ее собственными достоинствами (идеализмом, совестью, гуманностью, ценностями, которыми она якобы руководствовалась), а с утилитаризмом использования ее знаний и компетенций. Если для начальства смысл интеллигентского существования заключался в безоговорочном обслуживании режима, то «для себя», для внутренней консолидации и поддержания групповой идентичности интеллигенции в ходу были представления о ее миссии посредничества между властью и народом, соответственно, защите бедных, просвещении как тех, так и других, ограничении властного произвола, и, напротив, консультировании номенклатуры для обеспечения эффективности управления и решения поставленных властью задач. Без защиты этого своего статуса и признания со стороны власти значимости знаний, культуры, собственный авторитет интеллигенции сводился к нулю, то есть вся ее роль ограничивалась лишь функцией исполнения указаний начальства. Дело не в том, что определенная часть интеллигенции искренне и бескорыстно боролась за свободу духа, слова и мысли; дело в том, что за возможностью признания этих ценностей стоял вполне определенный корпоративный и социальный интерес: только при условии утверждения этих ценностей и компетенций в обществе (и усвоении этой мысли даже советским начальством) желаемый высокий социальный статус, авторитетность и престиж (вместе со всякого рода привилегиями, материальными благами, премиями и наградными цацками) мог быть достигнут хотя бы для части интеллигенции. Поэтому наряду с искренним холопством интеллигенции, в ней всегда присутствовал периферийный слой носителей высокой культуры, потребность в «учителях жизни», сознание необходимости быть «совестью нации», как называли подобных персонажей, правда, обычно после их смерти. Благодаря этой двойственности интеллигентской культуры в обществе удавалось сохранять некоторое подобие моральных координат реальности, которые после ее ухода подверглись стремительной эрозии.

Советская интеллигентская культура возникла (одновременно с критикой «культы личности» Сталина) в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии советского времени. Стимулами для осмысления опыта прошлого стала война, вина власти за поражения первых

лет, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей, сговор Сталина с Гитлером и тем самым — провоцирование войны, безответственность руководства на всех уровнях, стремление определить цену сохранения советской власти. Носителем этой культуры было не само военное поколение, а непосредственно следующее за ним — рождения 1930-40-х годов. Лишь этот один слой производил «понимание» советской истории. Интеллигенция держалась лишь до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование, а затем — этот слой рассыпается, деградирует и интеллектуально, и морально, и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и недоразумения. Распад государственной организации культуры и замещение ее массовой культурой привели к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам — зависимым в интеллектуальном и моральном плане потребительским группам. С крахом интеллигенции временно ослабла культура страха и памяти. Феноменальным выражением этого процесса оказался крах литературной культуры, организованной вокруг толстых литературных журналов⁴⁴, сокращение массового чтения (уменьшения числа читателей в стране), стремительная коммерциализация высшего образования, резкое усиление роли массовой коммуникации (увеличения числа средств массовой коммуникации — тонких иллюстрированных журналов — женских, мужских, подростковых, по интересам и т.п., развлекательных ТВ-каналов, радиостанций), экспансия массовой культуры, в которой доминантная роль принадлежала презентации потребительских ценностей и ориентаций. И, наконец, завершило этот период радикальных изменений появление интернета, снявшего в принципе проблему культурных и моральных авторитетов.

Следствием подобных изменений оказалась устойчивая тенденция к общей примитивизации общественной жизни и выход на общественную сцену людей, демонстрирующих особый стиль «успешной жизни» и циничного отношения к другим, к проигравшим.⁴⁵ Как показывают социологические исследования, определенное — и более проработанное — отношение к государственному насилию сохранилось лишь у тех, кто сознает опасность повторения репрессий, кто боится их. Лишь у них сохраняется историческая память о той эпохе и характере советской системы, так как они в состоянии учитывать исторические уроки; понятно, что это образованные, пусть даже и поверхностно образованные, группы, обладающие некоторыми интеллектуальными средствами рефлексии и культурными ресурсами; они более встревожены ситуацией в стране, более критически относятся к нынешней власти, понимая потенциал угрозы, исходящей от нее. Поэтому после ухода интеллигентской культуры, в образовавшейся пустоте идей и представлений

о будущем, уже при Путине, в окружении которого особую роль играли бывшие сотрудники КГБ (родившиеся позже, в середине 1950-х-начале 1960-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, реакции и наступившей деморализации), в идеологической практике воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации наглой силы.

Переход от интеллигентской культуры к массмедиаальной, к культуре СМИ сопровождается резким понижением интеллектуального, морального и культурного уровня, даже не из-за идеологических интересов контролирующих ТВ и СМИ органов власти, госбюрократии, а просто в силу самой технологии и социального устройства СМИ, их неизбежной — в условиях госкапитализма — ориентированности на массового потребителя. Например, сегодняшние телевизионные передачи — сериалы на «исторические темы» оставляют за рамками внимания и сюжетного нарратива несколько вещей, принципиально важных для морального осмысления прошлого: характер и структуру социальной организации советского общества сталинского времени, номенклатурный принцип власти (сращения партии и государства), функции идеологии, социальную направленность репрессий и другие особенности функционирования тоталитарных режимов. При этом теряется главное — субъектность представлений об истории (история как взаимодействие различных действующих лиц), и, следовательно, институциональная природа государственного насилия и его последствия для морали общества (оснований общественной солидарности). Устранение субъективной ответственности сопровождается резким упрощением или — что то же самое — архаизацией сознания, в том числе и представлений о прошлом, всплывает нуминозный пласт сознания — представления о несоизмеримой с человеком мощи и силы государства, сакрализация власти как символического воплощения коллективных ценностей, и ничтожности в сравнении с ним, неценности частного, индивидуального человеческого существования, получающего свой смысл только в обратной проекции на него значений государства.

В результате имеет место не только специфическая разгрузка — тривиализация или банализация представлений о советском прошлом, моделируемом по сегодняшним лекалам зависимого от власти человека, но и превращение прошлого в набор отдельных сцен и картин *бес-субъектной истории* и тем самым — вытеснение специфики тоталитарного общества, «партии-государства» из сферы актуальной публичности. По существу, на сталинское время переносится модель самопонимания человека путинского времени, обесцененная, обезличенная стихия социальности, характерная для нынешнего режима.

2000-е годы отмечены завершением короткого периода российской «демократии», оказавшейся не более чем переходной фазой ослабления

репрессивного государства, трансформации тоталитарной системы в авторитарный режим. Эта несколько более сложная по составу социальная система господства в качестве основы для своей легитимности имела это «общество потребления». Мотивация и смысл «потребления» в 2000-е годы мало связаны с GRATIFIKACIEY личного труда, напротив, в очень большой степени потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и принудительного аскетизма планово-распределительной экономики, и от образа жизни которых молодое поколение стремится всяческим образом дистанцироваться как от «совкового прошлого», идентифицируя себя с жизнью в «нормальных странах». «Общество потребления» в России, характеризующееся очень коротким временным горизонтом, нетерпеливыми установками «здесь и сейчас», — это не «средний класс» в западном смысле слова. Российская рыночная экономика остается сильнейшим образом зависимой от власти, в ней огромное значение приобретает распределение административной ренты и коррупционных ресурсов, деформирующих общественный смысл «достижения». Поэтому потребление здесь теснейшим образом связано с символической демонстрацией статуса, знаков социального престижа как выражением социальной полноценности индивида, что следует рассматривать не только как инерцию «подсознания» дефицитарного социалистического общества, но и как отражение массовых комплексов неполноценности, социальной незначимости. Другими словами, сам по себе феномен «демонстративного потребления» указывает на несостоятельность субъективности и морали («общества»), то есть на отсутствие других механизмов GRATIFIKACIEY, кроме демонстративной причастности к привилегированным группам. Это не причина, а симптом ценностных дефицитов. Поэтому в таком, вневременном контексте осмысление травматического опыта прошлого (в том числе — национального стыда и страха) оказывается ненужным. Отказ от прошлого означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (с повышением качества потребления). Подобный тип ценностных регулятивов делает ничтожной значимость культуры, а вместе с ней — и представления о более сложных запросах и понимании жизни, чем нормы потребительского образа жизни.

Нынешнее ослабление идеологии государственного патернализма в среде самых продвинутых групп населения (с осознанием подавленных возможностей политического участия) легко допускает сочетание потребительского гедонизма с готовностью уживаться с авторитарным режимом. Другими словами, идет общая ювенилизация жизни (в том числе — инфантилизация коллективной, публичной жизни). Это не развивающееся общество, а общество повторяющееся, воспроизводящее механизмы интеллектуальной и моральной самокастрации.

3. Распад системы обнажил репрессивные институты

«Политика» в России всеми участниками взаимодействия общества и государства воспринимается как сфера легального господства, монополизированная номенклатурными группировками или кланами высшей бюрократии, закрытая для других групп и контроля со стороны общества. Хотя это господство, несомненно, имеет легальный характер, но оно далеко не всегда и отнюдь не всеми в обществе признается в качестве *легитимного*. Расхождение легальности и легитимности носит принципиальный характер применительно к постсоветской действительности, как бы парадоксально это не выглядело с точки зрения веберовской концепции господства. Призрачность или фиктивность разделения ветвей власти (при полном доминировании вертикали власти во главе с президентом над парламентом и судебной системой, узурпировании президентом полномочий всех других ветвей власти) означает, что право (как конституционное, так и гражданское, хозяйственное или уголовное) оказывается инструментом манипулирования (например, инспирированных уголовных процессов, за которыми скрываются политические расправы⁴⁶), реализации корпоративных или групповых интересов, административного произвола, но также и составной частью технологии самолегитимации власти (путем пропаганды, управляемых выборов, зависимого суда и других органов принуждения). Перманентное подавление контроля общества над властью предполагает отсутствие механизмов привлечения к ответственности держателей власти (несменяемость высшего руководства — лишь частный пример).⁴⁷ Российская власть (в сравнении с прежней «советской», конца 1970-1980-х годов) расценивается как лишенная качеств «справедливости» (в среднем такое определение по отношению к путинской системе выбрали всего 3%), «честности» и «порядочности», то есть как корыстная, беспринципная и коррумпированная (в последнем случае так считают более половины опрошенных). «Законной» ее назвали в среднем лишь 12% (причем, доля таких ответов заметно упала с 2008 года: с 21 до 8%; советскую власть — от 32 до 22%; табл. 1).

Восприятие власти как «чужой, далекой от народа» (41-32%), «несправедливой» (а потому — обладающей сомнительной или двусмысленной легитимностью) обусловлено двумя обстоятельствами: первое — эрозией патерналистских иллюзий, разочарованием от фактического сокращения путинским правительством объемов социальной поддержки населения, характером социальной политики, а второе — злоупотреблением правом, использованием судебной и правоохранительной системы исключительно в интересах правящего режима.⁴⁸ Власть поэтому признается как безальтернативная, но не оправдываемая, а лишь терпимая своими подданными. Недовольство ею, сдерживаемое страхом и самоцензурой, оборачивается известной идеализацией прежней го-

сударственно-распределительной системы (что не означает стремления вернуться к ней, а лишь использование такого приема как условия критики положения дел в настоящем, как основание для негативной оценки политического руководства страны).

Таблица 1

Назовите, пожалуйста, качества, бывшие, по вашему мнению, наиболее характерными для прежней, советской, власти конца 1970-х — начала 1980-х гг.

Год, месяц опроса	1998 январь	2001 декабрь	2005 ноябрь	2008 август	2012 октябрь
Законная	32	22	28	23	22
Честная, открытая	13	11	13	8	13
Криминальная, коррумпированная	13	13	12	8	6
Близкая народу, людям	36	30	34	27	29
Сильная, прочная	27	25	30	24	27
Эффективная, компетентная	5	10	11	5	8
Недальновидная	23	14	21	13	10
Справедливая	16	16	21	15	16
Слабая, беспомощная	8	6	8	5	4
«Своя», привычная	32	24	26	18	18
Непоследовательная	8	6	9	5	4
Келейная, закрытая	17	14	13	14	10
Прагматичная	2	2	5	4	4
Паразитическая	8	6	5	5	4
Ограниченная, неумная	9	7	8	7	5
Авторитетная, уважаемая	21	21	24	18	19
Компетентная	4	6	7	3	5
Незаконная	1	2	3	2	1
Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	6	5
Далекая от народа, чужая	8	8	10	8	5
Образованная, интеллигентная	8	12	13	8	11
Бюрократичная	30	26	30	24	15
Другое	0,4	12	13	2	2

Жирным шрифтом выделены значимые варианты ответов

Таблица 2

Назовите, пожалуйста, качества, по вашему мнению, характеризующие нынешнюю власть

	1998	2001	2005	2008	2012
Законная	12	10	9	21	8
Честная, открытая	3	3	3	9	4
Криминальная, коррумпированная	63	50	62	30	52
Близкая народу, людям	2	3	5	9	5
Сильная, прочная	2	4	7	16	10
Эффективная, компетентная	3	3	6	12	6
Недальновидная	28	17	25	8	12
Справедливая	3	3	3	7	4
Слабая, беспомощная	31	21	20	5	10
«Своя», привычная	3	2	4	5	4
Непоследовательная	32	25	29	9	12
Келейная, закрытая	8	7	8	5	7
Прагматичная	4	5	6	7	5
Паразитическая	18	12	15	5	11
Ограниченная, неумная	12	4	8	2	6
Авторитетная, уважаемая	2	4	7	17	6
Компетентная	3	6	9	13	6
Незаконная	13	10	16	5	9
Непрофессиональная, безграмотная	13	7	12	5	8
Далекая от народа, чужая	41	34	42	19	32
Образованная, интеллигентная	6	12	13	19	11
Бюрократичная	22	24	39	26	30
Другое	1	11	8	2	2

Если свести данные обеих таблиц (№ 1 и 2), то мы получим следующую матрицу распределения доминирующих (самых частых) коллективных мнений о прошлой и нынешней власти (в скобках диапазон колебаний ответов за 15 лет измерений, в %)⁴⁹:

Таблица 3

Прежняя, советская	Нынешняя, современная
близкая народу, людям (36 — 29)	криминальная, коррумпированная (63 — 52)
законная (32 — 22)	далекая от народа, чужая (42 — 32)
«своя», привычная (32 — 18)	непоследовательная (32 — 9)
бюрократичная (30 — 15)	недальновидная (28 — 8)
авторитетная, уважаемая (24 — 19)	бюрократичная (22 — 39)
сильная, прочная (30 — 27)	слабая, беспомощная (31 — 5)
справедливая (21 — 16)	паразитическая (18 — 5)

Отдельные позитивные характеристики нынешней власти, проявившиеся в 2008 году (*законная, интеллигентная, авторитетная, эффективная, компетентная*), быстро падают с началом кризиса. Но и негативные определения (*недальновидная, слабая, беспомощная, паразитическая* и другие) также ослабевают к нынешнему моменту (2013 г.). Остается неизменным лишь общий фон восприятия системы господства как деспотической криминально-бюрократической власти, узурпированной кланами или группировками, апроприрующими средства легального насилия, ориентированной на интересы самосохранения и обогащения, но вместе с тем — слабой и неэффективной.⁵⁰ Такое ослабление значимости образов прежней и нынешней власти возникает из рутинизации значений власти как безальтернативного порядка господства, стирания критической функции идеализированных представлений о советском прошлом и принятия существующего режима как безнадёжной реальности, как неизменяемого положения вещей.

Почти две трети россиян (табл. 4) уверены, что интересы власти и общества в России не совпадают (не согласны с ними от 28% до 24%). При этом 45% опрошенных считает, что за время первых двух сроков путинского правления (1999-2007) разрыв между властью и обществом лишь увеличился, 36% — сохранился на том же уровне, 11% — уменьшился и лишь 1% рискнул заявить, что «его не было и нет», что «морально-политическое единство» советских времен сохраняется и по настоящее время (остальные затруднились ответить).

Напротив, относительно большая часть (37%, ноябрь 2007, примечательно, что это самый благополучный год в истории постсоветской России) утверждает, что возможность контроля граждан за органами власти и руководством страны — это фикция, что этого как не было раньше, так нет и сейчас; еще 21% полагают, что «она уменьшилась» и столько же (25%) что степень контроля осталась той же, что и прежде. Оптимистов («возможности контроля власти со стороны общества увеличились») насчитывалось 7%.

Таблица 4**Как вы считаете, совпадают ли сейчас в России интересы власти и общества?**

	2007	2009	2011
Определенно да	5	3	3
Скорее да	23	23	21
Скорее нет	38	43	44
Определенно нет	25	22	24
Затрудняюсь ответить	9	9	8

Таблица 5**Почему вы считаете, что интересы власти и общества в России сейчас не совпадают?**

	2007	2009	2011
У власти и населения всегда разные интересы и цели	32	31	34
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	30	30	29
Нет «обратной связи» между теми, кто принимает политические решения наверху, и населением	21	18	19
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	15	19	14
Затрудняюсь ответить	2	2	4

Ответы ранжированы, в % от числа тех, кто считает «интересы власти и общества не совпадают»

Таблица 6**Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к вашей точке зрения?**

Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	60
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей	8
Затрудняюсь ответить	6

Декабрь 2007, 1600

Таблица 7**Чьи интересы прежде всего принимает во внимание российское правительство, определяя структуру бюджета и государственных расходов?**

Интересы обычных людей, таких как я	6
Интересы богатых и влиятельных групп и кланов	37
Интересы силовых ведомств (армии, фсб, полиции)	18
Интересы тех ведомств и организаций, от которых зависит будущее нашего народа, его благополучие и безопасность — медицина, образование, социальное обеспечение, пенсионный фонд и т. п.	11
Интересы ведомств, защищающих статус России как великой державы — космоса, науки, внешней политики и т. п.	7
Затрудняюсь ответить	21

Июль 2012, 1600

Всего 6% опрошенных полагают, что политический курс руководства страны (отражаемый в структуре госбюджета) соответствует интересам обычных людей (моральным запросам общества). Еще 11% надеются, что приоритетными являются запросы социальных ведомств (образования, медицина, социальное обеспечение). Более существенным для руководства, в глазах населения, оказываются соображения и аргументы влиятельных группировок, для которых развитие реального сектора экономики и благосостояние граждане не являются первостепенными задачами (до тех пор, пока это не становится проблемой массовой поддержки власть имущих). Руководство страны ориентируется главным образом на интересы и мнения силовиков, обеспечивающих охрану власти и могущественных группировок «новых богатых».

Представления населения о составе и происхождении правящей «элиты» лишены какой бы то ни было двусмысленности и четко определены. Я бы сказал, они социологически «адекватны» тем знаниям, которые мы получаем из специальных источников и исследований: это союз силовиков, олигархов и высшей бюрократии (включая и руководство крупнейших госкорпораций), образующих костяк авторитарного режима. Путин — выразитель их интересов, они — опора нынешней системы господства (таблицы 8 и 9).

За десять лет характер этих представлений принципиально не менялся, то есть мнение о влиянии силовиков, олигархов и бюрократии стали лишь более выраженными (особенно в 2012 г., на волне городских протестов и усиления репрессивной риторики власти).

Таблица 8

Интересы каких слоев населения выражает, на ваш взгляд,
Владимир Путин?

Год опроса	Силовики	Олигархи, банкиры, круп- ные предприни- матели	Государственные чиновники, бюрократия	Средний класс	Директора круп- ных предприятий	Ближайшее окру- жение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Всех без исключения	Затрудняюсь ответить
2000	39	16	19	14	13	18	19	8	9	16
2001	31	19	20	20	20	21	15	6	12	13
2002	30	16	23	14	11	17	17	10	13	16
2003	35	19	26	17	14	21	20	7	11	10
2004	32	24	16	22	13	15	18	6	8	13
2005	41	23	21	22	13	18	14	6	10	11
2006	34	23	24	21	12	18	13	7	9	12
2007	39	18	31	19	13	24	13	10	11	13
2009	27	22	24	16	14	21	9	7	10	13
2010	34	26	27	24	18	20	11	10	7	13
2011	33	29	25	22	22	19	13	10	12	12
2012	43	39	32	21	26	14	14	10	11	7
2013	41	35	30	24	23	14	11	9	12	10

Жирным шрифтом выделены наиболее часто указываемые варианты (от 25% и выше)

Таблица 9

На какие слои населения, на ваш взгляд, опирается В. Путин?

Год опроса	Силовики	Олигархи	Государственная бюрократия	Директора круп- ных предприятий	Средний класс	Ближайшее окру- жение Ельцина	Простые люди	Культурная и научная элита	Интеллигенция	На все без исключения
2000	54	24	12	16	10	25	12	4	5	5
2001	43	15	15	16	16	22	15	8	10	7
2003	51	27	21	20	19	25	15	9	8	7
2005	51	25	26	23	23	20	18	11	12	5
2011	49	42	36	30	25	15	12	11	11	8

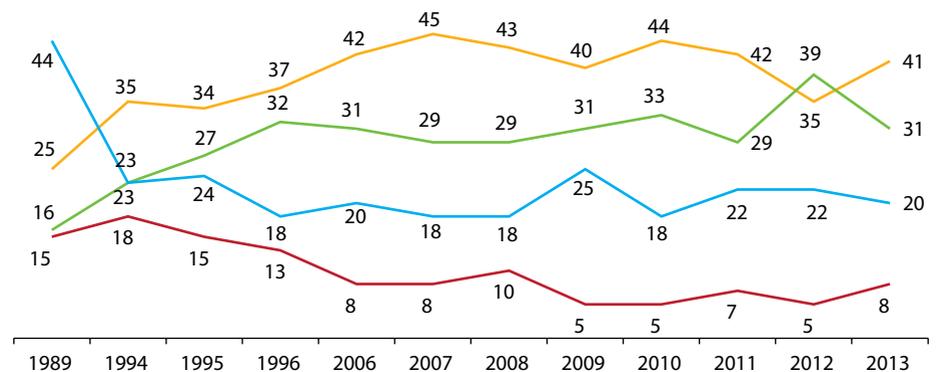
Жирным шрифтом выделены наиболее часто указываемые варианты (от 25% и выше)

Невозможность другого будущего, кроме повторения настоящего, включает механизм понижающей адаптации — массового приспособления («русское терпение»), примирения с системой несправедливого господства, признаваемого аморальным, но «естественным», коренящемся в самом порядке вещей. Всеобщность подобных коллективных представлений парализует любую мысль о сопротивлении этому порядку как опасную и вредную провокацию. Поэтому для массового сознания в России сама возможность изменения дел в лучшую сторону всегда связывается с запросом на «сильную личность», могущую заставить власти (правительство, низовую бюрократию) прислушиваться к мнению народа и тем самым обеспечить повышение уровня жизни, защищенности существования и т. п., а не с собственной активностью. Причем этот трансферт собственной недееспособности проецируется как на оппозиционного политика (как правило, популиста, весьма неразборчивого в средствах, с националистическим оттенком — А. Руцкой, А. Лебедь, вплоть до А. Навального и многих других), так и на представителя номенклатуры, псевдолидера, играющего — хорошо или плохо, это уже другой вопрос — роль отца нации (Б. Ельцин, В. Путин). Так, по последнему опросу 2013 г. («В какой мере Вы согласны с утверждением: «России нужен сильный лидер, который сможет навести порядок, пусть даже ценой временной отмены выборов и ограничения свободы слова?»), подобные установки были присущи 74% опрошенных

(с предложенным тезисом были «полностью согласны» — 39% и «скорее согласны» — 35%, то есть налицо очень высокая степень единодушия), «не согласны» — 22% (в том числе «совершенно не согласны» — всего 5%; и 4% затруднились ответить).

Рисунок 1

Бывают ли, по вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

- Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»
- Бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках
- Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека
- Затрудняюсь ответить

Сам по себе факт такого единодушия (показатели в 75-80% говорят о нормативной всеобщности таких представлений) указывает на гражданскую (и интеллектуальную) неразвитость современного российского общества, непонимание связи между «законным порядком», поддерживаемым дифференцированными, а потому уравновешивающими и контролирующими друг друга институтами, и свободой слова, равно как и выборами, позволяющими установить ответственность власти, то есть ограничить пространство ее произвола. Без подобного ограничения и контроля невозможен и сам порядок в государстве (то есть соблюдение законов, равенство всех перед законом, а значит — и само существование правового государства, что собственно и подразумевают россияне под словом «порядок»). Другими словами, *государственный патернализм* и его оборотная сторона — *административный или судебный произ-*

вол — никоим образом не связываются в массовом сознании. Подобная структура массового сознания (ее можно назвать партикуляризмом, мозаичностью, двоемыслием, социальной шизофренией или просто тугоумием) в России обеспечивает нейтрализацию, «гашение» критической массы недовольных. Значительная часть вины или ответственности должна была бы возлагаться на элиту общества, оказывающуюся неспособной к рационализации происходящего и просветительской деятельности, даже не в силу ее интеллектуальной слабости, сколько из-за оппортунизма и внутреннего цинизма, прикормленности властью, зависимости от нее, идентификации с ее интересами и определениями реальности. Эти ее качества внутренней этической и метафизической опустошенности, сервильности, несамостоятельности не позволяют российской «элите» отрываться от «массы». «Массовидность» элиты, которая не раз отмечалась в исследованиях Левада-центра, ее тождество со структурами и стереотипами массового сознания является, в свою очередь, симптомом слабости специализированного знания, и тем самым — отказа общества в признании авторитетности интеллектуальных и моральных, ценностных продуктов элиты, как научной, так и артистической или политической.⁵¹ Политика, таким образом, понимается российским обществом не как участие граждан, не как их действия или активность в обсуждении общезначимых проблем, определении целей, которые поставлены перед страной или перед отдельными группами ее граждан. Политика — это область привилегированных действий государственных лидеров и их массовые оценки (исключительно положительные). Допустимо лишь одобрительное отношение к власти (но не ее критика, но не дискуссия, предполагающая наличие механизмов контроля за лицами, принимающими «решения»). Сама идея коллективного участия в формировании социальных, экономических или культурных программ, подлежащих реализации государством, вызывает подозрение властей (и ассоциирующих себя с ней граждан) и квалифицируется как планы захвата власти, как антинародная позиция, проявление враждебных стране интересов и подлежит резкому осуждению.

За 20 лет, на протяжении которых мы прослеживали коллективные представления о власти, доля субъективно включенных в политические процессы после первых же шагов реформаторов сократилась вдвое, а доля не желающих ничего знать об этом составила больше половины населения (таблица 10; в другой формулировке шкалы — таблицы 11, 11а).

Таблица 10
В какой степени вас интересует политика?

	1990	1991	1992	1997	2006	2010	2011	2012
Очень интересует	21	16	15	11	15	9	8	10
В какой-то степени интересует	44	40	33	36	37	39	34	36
Мало или совершенно не интересует	35	36	52	49	47	51	58	52
Затруднились ответить	<1	8	<1	4	1	1	<1	2
Ангажированные / аполитичные	0,6	0,4	0,3	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2
Число опрошенных	1000	1500	1500	1700	1600	1600	1600	1600

Таблица 11
Скажите, насколько вы в целом интересуетесь политикой?

	янв.96	ноя.03	окт.04	окт.05	окт.06	окт.07	окт.10	окт.11	ноя.12	ноя.13
Очень интересуетесь	4	6	7	6	6	7	3	3	5	1
Скорее интересуетесь	31	28	37	32	31	37	29	31	27	28
Интересуются*	34	35	44	38	36	43	32	34	32	29
Скорее не интересуетесь	43	44	34	36	41	36	38	42	42	41
Совсем не интересуетесь	21	19	20	24	21	18	26	22	23	26
Не интересуются*	64	63	54	60	62	54	64	64	64	67
Нет ответа/ затруднились ответить	2	2	3	2	1	3	4	2	4	4
Соотношение интересующихся/ неинтересующихся	0,5	0,6	0,8	0,6	0,6	0,8	0,5	0,5	0,5	0,4

Таблица 11а**Готовы ли вы лично более активно участвовать в политике?**

Год, месяц опроса	2006 февраль	2012 февраль	2013 март
Определенно да + в какой-то мере да	19	17	16
Скорее нет + определенно нет	77	77	79
Затруднились ответить	4	6	5

В массовом отношении к политике можно выделить три типа массовых установок или реакций (таблица 12):

1) активное включение в политическую деятельность, регулярное участие в политических организациях или акциях (как про-, так и антиправительственных), присущее крайне незначительному меньшинству (2-3%; почти столько же включены в работу организаций гражданского общества, в волонтерское движение и т. п.);

2) «зрительский» интерес⁵², то есть отслеживание политических событий, не предполагающее собственного участия в политическом процессе или деятельности, пассивное отношение к происходящему, допускающее при этом возможность высказывания своих оценок политическим фигурам или актам, документам и проч., аналог отношения болельщиков к спортивным состязаниям (доминанта общественного мнения — 40-50%, правда лишь в случаях сильного общественного возбуждения);

3) дистанцированное, отчужденно-негативное отношение к этой сфере деятельности и происходящим здесь событиям, отсутствие «интереса», а точнее — выключенность из этой сферы (основная масса населения — в среднем около 60%).

За два года некоторого пробуждения политики в стране, вызванного неожиданными акциями и демонстрациями протеста, оппозицией Кремлю на выборах, судебными приговорами демонстрантам и т. п., произошли довольно существенные подвижки в массовых настроениях. Но показатель собственного участия в политической работе, то есть ответственное или заинтересованное поведение самостоятельных людей, остался неизменным (2%). Сократилась доля «зрительского участия» (на треть: с 44 до 29%), что отражает массовое разочарование и впечатления о том, что демонстранты и активные участники протеста «ничего не добились». (Подобная упреждающая установка на «неудачу» была довольно ясно выражена уже в середине 2012 года, а к ноябрю мнение, что протестанты ничего не добились, разделяли уже 58%. Функция мнений этой категории заключается прежде всего в том, чтобы убедить себя и других в том, что сделать «ничего нельзя» и тем самым — оправдать свое неучастие в политике (при некотором сочувствии лозунгам демонстрантов).

Но самую значительную группу составляют «абстиненты», индифферентные, дистанцирующиеся от политики с определенной долей раздражения и антипатии к протестантам (при слабой негативной установке относительно всей сферы политического и оценки ее, становящейся все более распространенной). Этот массив *увеличился* за тот же период наблюдений в той же степени, что и сокращение доли «зрителей» (на 14 пп.). Иначе говоря, то примечательное оживление социально-политической и интеллектуальной жизни, которое наблюдалось в российских мегаполисах и выразилось в результатах сентябрьских региональных выборов, у большей части населения вызвало реакцию «улитки» — желание втянуться в свою защитную скорлупу повседневности, съежиться, «не слышать и не видеть ничего» вокруг.

Это базовая характеристика политической культуры российского населения, которую и следует в первую очередь разобрать и осмыслить.

Таблица 12

Массовые установки на участие в политической деятельности

(Вопрос: «Какое из утверждений более всего соответствует Вашему участию в политической деятельности?», 2011-2013, N=1600)

Год, месяц опроса	Ноябрь 2011	Декабрь 2011	Август 2012	Август 2013
Я принимаю активное участие в деятельности политической партии/группы или активно поддерживаю ее	2	2	2	3
Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий/групп	39	50	36	29
Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит	39	31	38	34
Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее	18	15	22	29
Затрудняюсь ответить	2	3	3	5
Сумма индифферентных / дистанцирующихся от политики	59	49	63	68

Среди «активистов» (выбравших первый вариант ответов) в среднем несколько больше предпринимателей (12%), руководителей и специалистов (5 и 4%), остальные — либо на уровне средних значений (служащие, рабочие, учащиеся), либо вообще выключены из этих отношений (силовики, пенсионеры, безработные). По возрасту самую большую группу активистов составляют 40-летние люди (6%); молодые и пожи-

лые люди полностью выключены из этой сферы. Заметно больший удельный вес предпринимателей не означает большей включенности этого слоя в политику, а лишь сильную дифференциацию внутри этой группы (здесь и самая большая доля ответов «политика мне не нравится» — 40%). Зрительское отношение характерно прежде всего для более образованных и пожилых людей, москвичей, специалистов.

Более развернутый спектр отношений, многое объясняющий в массовом сознании, открывает таблица 13. Здесь выделяются три типа ценностных проявлений, образующие единый комплекс в общественном мнении: *надежды* (иллюзии государственного патернализма, составляющие позитивную базу легитимности власти), *раздражение* и *разочарование* (негатив патерналистских ожиданий) и *равнодушие*, отчуждение от власти (таблицы 13 и 13а).

Таблица 13

Какие чувства вызывает у вас сейчас российская политика?

Уважение	3
уверенность в завтрашнем дне	2
Надежду	16
Интерес	6
Усталость	12
Недоумение	14
Брезгливость	2
Раздражение/возмущение	17
Презрение	5
Никаких особых чувств	22
Затрудняюсь ответить	1
% респондентов с позитивными установками	27
% респондентов с отрицательными установками	50

Март 2013, N=1600, в % к числу ответивших

Таблица 13а**Какие чувства вызывает у вас сейчас российская политика?**

	Доля положительных ответов	Доля отрицательных ответов	+/-	Никаких/затрудняюсь ответить
Тип поселения				
Москва	24	50	0.5	26
Большой город	34	43	0.8	23
Средний город	30	50	0.6	20
Малый город	21	62	0.3	17
село	22	54	0.4	24
Возраст				
18-24 года	37	36	1.0	27
25-39	27	50	0.5	23
40-54	27	50	0.5	23
55 лет и старше	26	55	0.5	19

Максимум положительного отношения к политике (назовем это общее выражение — «интересом», пассивной ангажированностью) приходится на большие и средние города (34% и 30% ответов). Данные по Москве (24%), на первый взгляд, кажутся противоречащим обычным представлениям о столице как фокусе протестного движения, сложившимся в последние годы. Однако, как уже говорилось выше, заявленный позитивный интерес к политике не означает собственного участия; это пассивное и безответственное отношение к политике, характерное для сравнительно развитых в культурном или информационном плане социальных сред, но удаленных от центров политических решений или для людей, дистанцирующихся от выбора. На прямой вопрос: «Вы хотели бы участвовать в политической жизни, хотя бы на уровне своего города?», — около двух третей опрошенных (в среднем 63%) отвечали «нет» (табл.14).

Таблица 14**Вы хотели бы участвовать в политической жизни, хотя бы на уровне своего города?**

	июн.08	июн.10	окт.11	июн.12	авг.13
Определенно да	7	5	7	3	3
Скорее, да	21	21	24	17	17
Скорее, нет	30	28	32	33	44

Определенно, нет	33	34	23	37	32
Затрудняюсь ответить	9	13	15	10	4

Таблица 15

Почему вы не хотите более активно участвовать в политике?

	Февраль 2006	Февраль 2012	Март 2013
Все равно ничего изменить нельзя, «плетью обуха не перешибешь»	32	22	32
Политика — не для рядовых граждан, политической занимаются власти	29	30	27
Я занят своими повседневными делами, у меня нет времени заниматься этим	25	25	24
Я ничего не понимаю в политике, не знаю, как действуют органы власти	22	18	21
Политика — грязное дело, не хочется мараться	15	11	15
Не хочется выделяться среди других, большинство людей не интересуются политикой	4	5	6
Боюсь преследований со стороны властей, лучше держаться от политики подальше	3	4	5
Затрудняюсь ответить	3	2	2

(в % от тех, кто не хочет заниматься политикой; ответы ранжированы по последнему замеру)

Таблица 16

Могут ли такие люди, как вы, влиять на принятие государственных решений в стране?

	2006 февраль	2007 октябрь	2010 Февраль	2012 февраль	2013 март
Определенно да + в какой-то мере да	15	24	14	15	12
Скорее нет + определенно нет	84	72	85	81	84
Затруднились ответить	1	1	1	4	4

Таблица 17

Могут ли такие люди, как вы, оказывать влияние на ситуацию в стране, участвуя в митингах, демонстрациях, забастовках?

	2001 Январь	2010 апрель	2011 апрель	2011 октябрь	2012 апрель	2012 октябрь
Определенно да	5	4	3	4	4	4
Скорее да	19	18	18	15	14	20
Скорее нет	41	36	40	40	35	39
Определенно нет	30	32	32	34	35	29
Затрудняюсь ответить	5	9	7	8	12	9
Сумма «не могут»	71	68	72	74	70	68

Данные таблиц 15-17 подтверждают вывод о поразительной устойчивости и фундаментальности подобных массовых установок относительно политики и собственного участия граждан в ней.⁵³ Не хотели бы заниматься общественными проблемами, прежде всего потому, что участие в политике таит в себе целый ряд угроз и опасностей для частного человека. Эти угрозы или факторы страха, как и положено, не могут быть в полной мере артикулированы или кодифицированы, но от этого они не менее значимыми. Полностью социализированный индивид в репрессивном обществе должен бояться нарушить не какие-то конкретные предписания или нормы (их фиксация была бы предпосылкой правовых установлений), а самой угрозы, диффузной, неопределенной, исходящей от начальства. Социальная норма правильного поведения могла бы быть сформулирована в духе Щедрина: «По наружности иметь вид откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать» (Собр. соч., т. 4, с. 142). Спустя даже два десятилетия после краха советской системы в среднем около половины опрошенных россиян (45%) говорят о том, что они не могут свободно и открыто говорить то, что они думают о политике (о руководстве страны и действиях политиков, состоянии дел в стране и т.п.). Только треть (или около того) опрошенных (29-33%; таблица 18) заявили, что «могут» обсуждать подобные проблемы, ничего не опасаясь.

Таблица 18

Можете ли вы свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством страны?

	авг.12	июл.13
Да, всегда и везде	29	33

Да, но с некоторыми ограничениями и не везде	35	31
Нет, не могу (боюсь или чувствую себя неловко)	12	11
У меня нет такой потребности	19	21
Затрудняюсь ответить	4	5

N=1600

Дело не в собственно личном опыте, а в силе воздействия общих коллективных представлений, принуждении к двойному поведению (для себя и на людях), двоемыслию как социальной норме общепринятого поведения и состояния общества. Особенно отчетливо такая структура массового сознания проявляется в проективных вопросах (таблица 19). Динамика опросов показывает нарастание действия этих механизмов приспособления после прихода Путина к власти (снижение доли ответов «практически все говорят откровенно» с 20% в 2000 г. до 7% в 2013 г. и рост числа тех, кто считает, что люди скрывают свое мнение с 31 до 64%).

Таблица 19

Как вы думаете, люди в наши дни откровенно говорят о том, как они относятся к власти, к Владимиру Путину или они скрывают то, что действительно думают об этом?

	Апрель 2000	Февраль 2005	Январь 2012	Август 2013
Практически все отвечают откровенно	20	18	13	7
Большинство отвечают откровенно	38	33	30	23
Половина откровенно, половина — нет	21	23	27	33
Большинство скрывают то, что думают	9	18	19	26
Практически все скрывают то, что думают	1	4	5	5
Затруднились ответить	10	5	6	6
Сумма «все + большинство откровенно»	58	51	43	30
Сумма «все + большинство + половина скрывают»	31	47	51	64

N=1600

Чаще других считают, что люди обычно скрывают свое отношение к властям (проекция собственного, но подавленного отношения на обобщенных других), более образованные и высокостатусные группы: руководители, специалисты, но также и безработные. Это и есть те, кто острее других сознает свою уязвимость и зависимость от вышестоящего начальства.

Но дело не только в страхе (об этом ниже), но и в понимании безнадежности и бессмысленности, нерезультативности участия в политике при данном режиме господства. Сознание невозможности (отсутствия легальных институциональных средств) и опасности влияния на власть коррелирует с отказом от ответственности за действия власти и сосредоточения всех интересов, забот и долга на проблемах семьи и самого узкого круга отношений с близкими людьми, поддающимися персональному контролю.

Таблица 20

В какой мере вы согласны с утверждением: «Все равно за кого голосовать: от этого практически ничего не меняется?»

	Согласны	Не согласны
В среднем	56	41
Возраст		
18-24	62	36
25-39	55	41
40-54	52	44
55+	57	38
Образование		
Высшее образование	51	47
Среднее специальное	62	35
Среднее общее	52	44
Ниже среднего	61	36
Тип поселения		
Москва	53	45
Большой город	51	48
Средний город	54	42
Малый город	58	35
Село	62	36

Приводится сумма ответов «Полностью согласен» + «Скорее согласен» и «Скорее не согласен» + «Совершенно не согласен», 5-11 июня 2013, N=1600, без затруднившихся с ответом (в среднем — 3%)

Колебания в ответах респондентов из разных социальных групп незначительны. Доминирующими являются мнения, характерные для периферийных групп (село, среднее образование, самые молодые респонденты, а значит — не полностью социализированные, репродуци-

рующие самые рутинные и оппортунистические установки и оценки старшего поколения, уходящего советского). Небольшой потенциал сопротивления (несогласия с предложенным тезисом) отмечается лишь у зрелых людей с высшим образованием, жителей крупных городов (47-48%, в Москве — 45% при средних значениях в 41%; другими словами даже в этих группах опрошенных несогласие не является преобладающей позицией).

При других формулировках вопроса мы получали схожие распределения: выраженный интерес к политике проявляли на протяжении последнего десятилетия (2003-2012 гг.) от 7 до 15% опрошенных (пик ангажированности и интереса приходится на 2011 год, начало массовых протестов). Те, кого политика не интересует и не интересовала, составляют от 47% (2005 г. — минимум) до 59% (2012, это максимум), в среднем — 53%. Для остальных характерен умеренный и пассивный интерес к политической жизни страны («зрительское поведение»).

Оправданием для такой позиции становятся и аргументы о нечестных или грязных выборах, фальсификациях при их организации и подсчете голосов и т.п. Сознание безальтернативности власти и присущих ей манипуляций, коррумпированности, жадности, беспринципности, аморализме чиновников на любом уровне сочетаются (или даже предполагают их) с патерналистскими иллюзиями о возможности (благой воле, доброжелательности) той же самой власти, тех же самых чиновников, о которых общественное мнение отзывается крайне негативно, с глубоко сидящими надеждами на то, что руководство страны обратит, наконец, внимание на нужды и проблемы простых людей. Последнее обстоятельство обусловлено традиционными, то есть лежащими ниже порога осознания и рациональной рефлексии, представлениями о вышестоящем начальстве как держателе нормы (правильного, надлежащего, должного) поведения, компетентности, а стало быть — установкой на «них» как на тех, кто вправе определять судьбу других. Поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что относительно чаще интерес к происходящему высказывали те, кто приписывал нынешнему руководству страны более «возвышенные» мотивы (например, стремление к модернизации и развитию страны, к возвращению авторитета великой державы и т.п.) и сомневался или не разделял обычные установки относительно власть предержащих как хищниках и беспринципных временщиках (таблица 21).

Таблица 21

Как вы думаете, чем, прежде всего, руководствуются сегодня представители высшей федеральной власти в России? Каков главный мотив их деятельности?

	Август 2006	Август 2012
Стремлением превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	25	25
Стремлением вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	17	25
Стремлением любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	39	35
Страх перед преследованиями со стороны тех, кто может прийти на смену	7	4
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	11	10

N=1600

Нерефлективное отождествление себя с властью как самой значимой инстанцией, воплощающей значения коллективного целого, снимает с индивида (актора, респондента) моральную обязанность самостоятельно определять природу и границы «добра и зла». Тем самым происходит вытеснение любых вопросов о вероятности злоупотребления начальством своими полномочиями, возможности административного насилия. Это табуирование морали — основа деспотических правлений. Но императивный запрет на вникание в аморальную основу (деспотического или диктаторского) авторитарного правления, осознание ее природы не отменяет и не упраздняет трезвого сознания цинизма власти, лживости причастных к власти людей. Абсолютное большинство опрошенных не сомневается, что власть предрежущие (начальство) озабочены исключительно своими собственными чисто эгоистическими интересами удержания средства контроля и принуждения над подданными и материального обогащения и далеки от идеи «общего блага».

Таблица 22

Что, на ваш взгляд, более важно для людей, которые сейчас стоят у власти в России: процветание страны или сохранение и укрепление собственной власти?

	2006 Февраль	2010 Февраль	2012 Январь	2012 Август	2013 Апрель
Процветание страны	16	27	28	30	26
Сохранение и укрепление собственной власти	72	60	59	58	62
Затрудняюсь ответить	12	13	13	12	12

Для обывателя не являются новостью ни факты коррупции в высших эшелонах власти, ни вызывающий аморализм поведения власти (демонстративное нарушение общепринятых правил поведения — публичные оскорбления оппонентов, нарушения ПДД высокопоставленными чиновниками и их дворней, избирательное правоприменение и прочие действия, свидетельствующие о претензиях на *эксклюзивность* данных лиц, на исключение их из общих правил, и указывающие на символические ресурсы суверенности власти). Регулярные скандалы, еженедельно вспыхивающие в российском парламенте, в ключевых министерствах, в правоохранительных органах, в судах, в госкорпорациях и т.п. лишь подкрепляют массовые представления о казнокрадстве, лихоимстве и безудержной жадности тех, кто причастен к власти. Более того, эти представления давно стали частью образа самой власти, политического режима, сложившегося еще до Путина и закрепившиеся при нем в нулевые и десятые годы. Избирательное правоприменение и карательный характер судебной системы предназначен, по мнению граждан, для защиты тех, кто кооптирован в высшие эшелоны власти, 79% считают, что в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделенных властью (апрель 2012, N=1600).⁵⁴

То, что люди во власти кормятся от казны, воруют, лгут, никого не удивляет, поскольку само занятие властных позиций мыслится исключительно как мотивированное чисто корыстными интересами, открывающее доступ к закрытым для обычных профанов ресурсам — обогащения (через инсайдеровскую информацию, сговор с бизнесом, получением откатов, взяток, льготного приобретения собственности или участия в рейдерских захватах с помощью суда и правоохранительных органов, установления преференций для членов семейного бизнеса и проч.), а также — самоценностью насилия, возможностями демонстративного потребления и праздной жизни. Оно лишено каких-либо признаков идеологического оправдания, ориентации на ценности «общего блага».

Это и есть цель достижения власти, содержание ее суверенитета, ограждаемого барьером чрезвычайности, избирательности, недоступности для других (и несменяемости). Производное от этого — общая уверенность, что все врут, но те, кто выступают от имени государства, врут чаще и больше (таблица 23). Чиновники лгут почти всегда (так полагают 39-37%); тех, кто полагает, что они в большинстве случаев или практически всегда «говорят правду» (21%), существенно меньше, чем тех, кто имеет аналогичные мнения о простых людях (здесь 33%, считают, что окружающие чаще говорят правду), соответственно, реже лгут (на 10-12 пп.).

Но общее убеждение состоит в том, что *лгут практически все*, что это такой же код социальности, как насилие или управляемые выборы. Подобные представления укорены в традиционном российском восприятии политики (и пропаганды как государственной дезинформации и лжи — советское время здесь не является исключением, а лишь дополняющим подкреплением этих глубоко лежащих представлений). Скорее это следует относить на счет практики неправового государства, будь то самодержавная абсолютистская бюрократия, советский тоталитаризм или постсоветский путинизм. Недоверие к официальным источникам информации (при зависимости от них) пронизывает весь аппарат управления и общество в целом. Подобное недоверие может также быть средством поддержания персоналистских иллюзий и оправдания диктатора (таблица 23).

Таблица 23

- 1. Как вы считаете, всегда ли руководители государства, высшие чиновники говорят правду, описывая положение дел в экономике, в здравоохранении, пенсионном обеспечении, борьбе с преступностью и других важнейших сферах управления?**
- 2. А большинство окружающих вас людей обычно говорят правду или скрывают ее, лгут?**

	Большинство окружающих Вас людей...		Руководители государства, высшие чиновники, описывая положение дел в экономике и здравоохранении, пенсионном обеспечении, борьбе с преступностью и других важнейших сферах управления...	
	Декабрь 2010	Август 2013	Декабрь 2010	Август 2013
Всегда/практически всегда говорят правду	5	4	6	2
По большей части говорят правду	28	24	15	14

Иногда говорят правду, иногда скрывают правду, лгут	47	47	35	42
По большей части скрывают правду, лгут	14	17	30	30
Всегда/практически всегда скрывают правду, лгут	3	3	9	7
Затрудняюсь ответить	4	6	5	5
Обычно говорят правду	33	32	21	16
Лгут (всегда или в неопределенно многих случаях)	64	67	74	79

Таблица 24

Как вы считаете, получает ли Владимир Путин от своего окружения полную и достоверную информацию о положении дел в стране — или вы думаете, что имеющаяся у него информация неполна и искажена — или что от него вообще скрывают правду о положении в стране?

	02.2000	11.2004	10.2005	10.2006	10.2007	08.2013
Получает полную и достоверную информации	29	28	26	26	28	27
Получает неполную и искаженную информацию	40	46	50	47	44	42
От него скрывают правду	12	17	15	16	15	13
Затрудняюсь ответить	19	9	9	11	13	18

N=1600

Таблица 25

Доверяете ли вы данным официальной статистики о «размере потребительской корзины», расходах на армию или дорожное строительство?

	2010 декабрь	2013 август
Полностью доверяю	4	2
По большей части доверяю	17	17
Отчасти доверяю, отчасти нет	36	34
По большей части не доверяю	23	28
Совершенно не доверяю	15	13

Затрудняюсь ответить	5	6
Сомневающиеся и недоверяющие	74	75

N=1600

Недоверие — это постоянное ожидание агрессии встречаемых людей, будь то чиновники или случайные попутчики в общественном транспорте, настороженность, готовность заподозрить всех и вся в обмане, враждебных намерениях, хищениях, несправедливом отношении и т.п.⁵⁵ Оно распространяется и на «национального лидера». И дело здесь не в недостатке надежной информации, а в привычной убежденности, что такова природа власти, что это не индивидуальные свойства конкретного человека (Путина, Сердюкова, Якунина, Собянина, Жириновского), а характеристики социальной роли, производной от занимаемой позиции и отношения к ней общества. Негативное определение Другого (обобщенного или конкретного партнера) составляет консенсус власти и общества, обусловленный социальным типом человека, описанного в работах исследовательской группы проекта «Советский простой человек». Это сочетание негативизма (отсутствие уважения, что не обязательно должно сопровождаться возмущением) и безальтернативности (синдром лакея или крепостного) определяет мотивацию тех, кто, разделяя мнение о «Единой России» как «партии жуликов и воров», тем не менее, голосует за нее, испытывая к ней (к ее руководству, а не к низовому составу) смесь таких чувств, как надежду, пресмыкательство и презрение. Можно сказать, что это «панцирь» негативной социальности играет роль внешнего корпуса норм поведения в обществе, система базовых представлений, негативным образом конституирующая само общество. (В отличие от представительной демократии и правового государства, составляющего костяк институциональной организации современного социума, здесь структуры негативной идентичности образуются как опорные системы защитных механизмов частной жизни, лишенной самой по себе определенности и устойчивости, как у ракообразных — хитиновый корпус, удерживающий мягкие внутренние органы).⁵⁶

Таблица 26

Как вы думаете, виновен ли Путин в тех злоупотреблениях властью, в которых его обвиняют противники?

	2012 апрель	2012 декабрь	2013 август
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в интернете и свободных сми	16	11	10

Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я об этом мало знаю, не слежу за этим	32	37	42
Даже если это и правда, важнее то, что при нем страна стала жить лучше	25	14	18
Что бы ни говорили, я не верю в то, что путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13
Затрудняюсь ответить	16	23	17

N=1600

Всего 13% россиян в среднем безоговорочно верят в белые одежды национального лидера, президента. Как полагает большая часть респондентов, в российском обществе стало больше свободы (хотя их число снижается год от года), но меньше порядка, справедливости, законности, солидарности (таблица 27). Иначе говоря, свободы — для власти, порядка и законности — для подданных. Подобное восприятие происходящих в обществе процессов может свидетельствовать как о дезинтеграции общества, аномии, так и о растущем ощущении неблагополучия в моральной сфере, осознании значимости моральных регуляторов.

Таблица 27

Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше...?

	2008-VI		2010-IV		2011-IV	
	Больше	Меньше	Больше	Меньше	Больше	Меньше
Свободы	65	21	55	31	52	35
Порядка	35	57	23	69	22	72
Законности	30	59	21	68	20	72
Гражданской активности	26	59	20	65	23	63
Справедливости	26	64	18	73	17	75
Солидарности между людьми	22	69	16	74	17	76
Взаимного доверия	15	74	15	75	12	80

N=1600, без затруднившихся с ответом

Основываясь на приведенных данных, приходишь к выводу, что распространяемая в либеральных кругах идея «оккупационного» характера авторитарной власти — принципиально неверная посылка. Коррупцированная

власть — лишь видимая верхушка консенсуса насилия. В принципе речь идет о перманентно развращаемом обществе, принявшем идею насилия как высший принцип государственной организации общества, согласившейся с ней. Такая характеристика социальной материи (все равно будет ли насилие идеологически оправданным в виде борьбы классов или защиты безопасности нации) указывает на несостоятельность и невозможность массовой морали, не-образование моральных регуляторов, и тем самым — на несостоятельность общества, интегрируемого на принципах низости или подлости (как базовых социальных и даже — антропологических константах отношений власти и населения). Коррупционированность и произвол власти, нечестность судов, хроническое сознание социальной уязвимости и беззащитности, конечно, предполагает слабую легитимность власти, но отсутствие морали компенсирует подобные дефициты, образуя единый комплекс взаимно парализующих воздействий. Уравновешивается подобный дисбаланс очень глубокими иллюзиями, восходящими к крепостному праву и советской распределительной системе, что власть, если захочет, может смягчиться и поделиться с подданными своими благами, что только от ее доброй воли зависит решение: повысить благосостояние населения или держать его по-прежнему в бедности ради своих каких-то целей (геополитических или национального престижа — космоса, великих строек, гигантской армии, олимпиады и проч.). Потребительский соблазн для хронически дефицитарного или нищего общества — основа сделки с дьяволом.

Абсолютное большинство россиян (61%, февраль 2012 г.), как раз за разом показывают опросы общественного мнения, утверждают, что сейчас рядовому человеку нечего надеяться на справедливый суд в России (с ними не согласны лишь 27%, остальные не знают, что сказать в этом случае).

Таблица 28

Насколько вы лично чувствуете себя защищенным (-ой) от произвола правоохранительных органов?

	2004 октябрь	2005 ноябрь	2006 ноябрь	2010 январь	2013 апрель
Полностью защищен	2	2	2	5	2
Довольно хорошо защищен	10	11	11	11	16
Слабо защищен	51	54	49	53	51
Совершенно не защищен	32	27	31	24	22
Затрудняюсь ответить	5	6	7	7	9
Защищены	12	13	13	16	18
Незащищены	88	87	87	84	82

N=1600

Преобладает состояние уязвимости (88-82%), хотя защищенность слегка растет (+6 пп.) при одновременном увеличении «затруднившихся с ответом» (+6 пп.) Возможно, это эффект некоторого роста гражданского самосознания в очень узких секторах городского слоя, стимулированного готовностью к протестам. Но для большей части населения положение в этой сфере в перспективе не изменится и не может существенно измениться без трансформации действующей системы власти и социального порядка. На вопрос: «Как Вы думаете, изменится ли за ближайшие 12 лет социальная защищенность людей и если да, то каким образом?» (февраль 2012), — 43% опрошенных ответили: «останется без изменений», 26% — «улучшится», 19% — «ухудшится» (12% затруднились с ответом).

4. Парадокс отношения к власти: сочетание иллюзий и прагматической трезвости

Массовое сознание, фиксируемое в опросах общественного мнения, демонстрирует принципиальную противоречивость установок по отношению к сфере политики. С одной стороны, преобладающая часть российского населения выражает «доверие» ее лидерам и «одобряют» их деятельность (но не проводимую ими политику!), с другой — не меньшая доля опрошенных — выносит весьма резкие оценки нынешнему режиму и человеческим качествам политиков второго ряда и высших чиновников, являющихся командным составом этой системы.⁵⁷ Политики, депутаты, государственные чиновники оказываются наименее уважаемыми (или самыми неуважаемыми) профессионалами (таблица 29 и 30), в человеческом плане хуже даже, чем представители шоу-бизнеса, издавна вызывавшие амбивалентное отношение или сомнение с традиционно моральной точки зрения. Такая близость фигур, причастных к политике, к работникам эстрады и деятелям поп-культуры может свидетельствовать о том, что массовое сознание воспринимает публичные фигуры власти одновременно и как клоунов, и как уголовников (то же, кстати, проявляется и в отношении полицейских). В. Жириновский — здесь лишь наиболее яркий пример. Символические функции власти в общественном мнении сводятся к утрированному изображению или разыгрыванию на политической сцене важнейших коллективных значений социального целого и насильственного подавления несогласных, что немедленно провоцирует мысль, что защита «национальных» или «государственных интересов» — безопасности, национальной культуры, нравственности и проч., лишь прикрытие для интересов удержания у власти и перераспределения доходов, привилегий, бонусов, собственности и т.п. в свою пользу. Подобная двойственность восприятия политики указывает на то, что «политики» выпадают из ряда обычных, то есть с точки зрения российского обывателя — «нормальных» — людей, они выведены за границы «обычного»,

«человеческого», что это в определенном смысле — это «не люди», а специфический сорт социальных «хищников», поднятых на публичную сцену в результате весьма специфического отбора, и вместе с тем — они наделяются ореолом посвященных, поднятых из обычной жизни, причастных событиям, происходящим в «высших сферах», в любом случае — они помещены во внеповседневное, символическое пространство, чуждое заботам населения. И это при том, что формально депутаты прошли ритуалы «народного» одобрения в ходе «выборов» (правда, абсолютное большинство опрошенных россиян не в состоянии назвать имени своих депутатов).

Таблица 29

С какими из высказываний о людях, которые сейчас стоят у власти, вы бы, скорее всего, согласились?

Это люди...

Озабоченные только своими привилегиями и доходами	41
Для которых главное — сама власть	34
Образованные, знающие специалисты	18
Организаторы-практики, умеющие работать с людьми	12
Заботятся о благе народа	10
Идейные, убежденные	6
Защитники «доперестроечных» порядков	2
Другое	0,9
Затрудняюсь ответить	9
Отношение суммы позитивных (34 пп.) и негативных (58 пп.) суждений	0,4

Апрель 2013; сумма ответов больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать более одного варианта

Таблица 30

Как бы вы могли охарактеризовать нынешнюю власть?

Действующая в собственных интересах	35
Воровская и мафиозная	27
Слабая и неуверенная в себе	16
Демократическая, правовая	14
Авторитарная и репрессивная	13

Наглая и беззастенчивая	11
Профессиональная и компетентная	11
Сильная и уверенная в себе	10
Разумная и дальновидная	8
Справедливая, близкая к народу	2
Затрудняюсь ответить	11
Отношение позитивных (демократичная, компетентная, сильная, дальновидная, справедливая) и негативных (эгоистичная, мафиозная, авторитарная, репрессивная, наглая, слабая) суждений	0,4

Апрель 2013, N=1600 (в % от числа опрошенных).

Явное преобладание негативных оценок власти нельзя рассматривать как методический эффект самого опроса, оно сохраняется при разных формулировках вопросов о нынешней российской власти. Относительно чаще позитивные оценки властям даются теми, кто непосредственно принадлежит к ней или обслуживает ее: бюджетники, военнослужащие, работники госсектора — специалисты, руководители, служащие, а также самые молодые люди (таблица 30а), усваивающие представления о политике из каналов трансляции официальной идеологии — школы, телевизионной пропаганды, армии. Хуже всего оценивают российскую власть те, кто зависит от социальной политики государства (пенсионеры, инвалиды, домохозяйки) или кто явно неудовлетворен его функционированием (предприниматели, безработные).

Таблица 30а

Как бы вы могли охарактеризовать нынешнюю власть?

(распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, в % по столбцу)

Определения...	Всего	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Военнослужащий	Служащий	Рабочий	Учащийся, студент	Пенсионер	Домохозяйка	Безработный
Действующая в собственных интересах	35	34	39	34	42	33	33	25	37	39	40
Воровская и мафиозная	27	26	18	26	29	29	29	17	28	25	28

Слабая и неуверенная в себе	16	9	23	15	19	18	16	7	19	9	25
Демократическая, правовая	14	9	16	18	16	9	17	21	11	10	7
Авторитарная, репрессивная	13	16	8	17	13	15	16	11	7	3	14
Наглая и беззащитная	11	9	11	14	8	11	12	17	9	10	10
Профессиональная и компетентная	11	10	14	19	8	10	9	15	8	8	6
Сильная и уверенная в себе	10	11	14	17	14	12	7	14	9	3	11
Разумная и дальновидная	8	4	4	10	0	9	11	5	7	6	12
справедливая, близкая к народу	2	0	3	2	13	<1	3	0	3	4	0
Затрудняюсь ответить	11	21	6	8	21	12	8	19	10	19	11
Сумма позитивных оценок	45	34	51	66	51	32	47	55	38	31	36
Сумма негативных оценок	102	94	99	106	111	106	106	77	100	86	107
+/-	0,4	0,36	0,52	0,75	0,46	0,4	0,41	0,71	0,38	0,36	0,31

Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 19-22 апреля 2013 года, ответы ранжированы

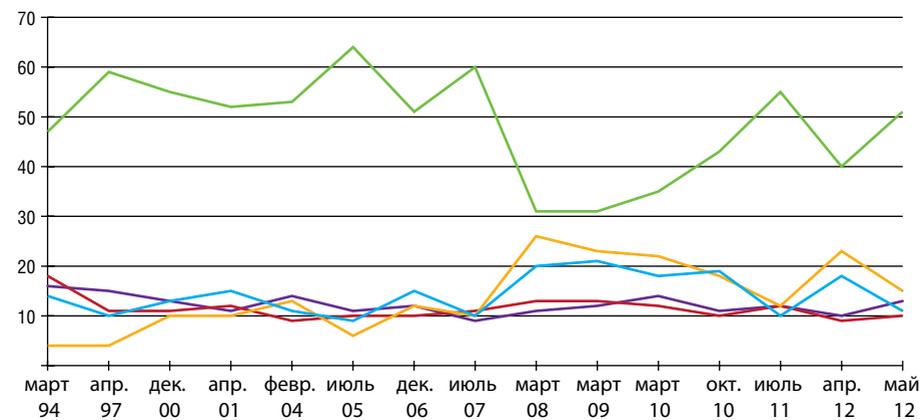
Важно подчеркнуть, что на протяжении почти 20-летнего периода доля положительных оценок («хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом»), характеризующих российское руководство (при всех изменениях его персонального состава) в среднем не превышала 10-12%, даже учитывая рост надежд в первые годы медведевского, чисто номинального, правления. Иначе говоря, мы имеем дело с институциональными механизмами, определяющими воспроизводство системы господства и мало зависящими от текущей политической конъюнктуры.

Негативное — сдержанно презрительное или неуважительное — отношение к власти, как показывают социологические опросы, чрезвычайно устойчиво — оно принципиально не менялось на протяжении 13 лет, с момента избрания Путина до определения на президентский пост Д. Медведева, провозгласившего новый курс, использовавшего новую для режима риторику: модернизации, институциональные реформы, правовое государство и проч.⁵⁸, в которую на короткое время поверило какое-то число россиян, примерно 15-17%, преимущественно молодых и более образованных (рис. 2). Однако уже к середине прези-

дентского срока Медведева все вернулось на свои круги. После явного провала Медведева и дискредитации его как самостоятельной политической фигуры (как и его риторики), путинская администрация провозгласила откровенно консервативный и охранительный политический курс. Путин свой новый срок начал с показательных репрессий.

Рис. 2

Как бы вы оценили людей, находящихся сейчас у власти?

- Это люди, озабоченные только своим материальным благополучием и карьерой
- Это честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок и последовательный политический курс
- Это честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса
- Это хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом
- Затрудняюсь ответить

5. Институты как механизм селекции человеческих типов

Человеческие типы или человеческие характеры неравномерно представлены в разных институциональных сферах. Институты представляют собой не просто правила (нормы) поведения (а также способы их правового закрепления и порядка воспроизводства), но и механизмы селекции, то есть последовательного отбора и распределения человеческих типов по разным общественным сферам. Можно сказать, что социальные институты систематическим образом закрепляют результаты произведенного отбора. Поэтому сам факт неравномерности институциональных изменений, о которой приходилось неоднократно писать, должен заставить задуматься о том, что сдерживание одних

процессов и стимулирование других (архаизации сознания, усиление цинизма, лжи, насилия в СМИ и пропаганде, разжигание государством ненависти к отдельным группам), следует рассматривать через призму постоянной фильтрации одних человеческих типов и селекции других, совершенно определенных по своим качествам. Другими словами, нынешнюю государственную систему, сложившуюся при Путине, следует рассматривать не как «недоразвитое демократическое» государство (со «слабыми» или «дефектными» институтами, с «дефицитом институтов», как это часто утверждается среди экспертов — экономистов, сопоставляющих Россию с другими странами по шкале модернизации и экономического развития), а как вполне сформированную, весьма своеобразную авторитарную институциональную структуру, в принципе не ориентирующуюся на западные модели правового государства, свободного рынка, представительной демократии. Ее конструкция и особенности функционирования — результат накопленных усилий и сознательной политики, произведенной селекции «человеческого материала», систематического отбора из доступного множества качеств людей — интеллектуальных, моральных, эстетических и т.п., весьма специфических — презрение к знанию, интеллекту, культуре, всего того, что возвышает человеческий дух и что противостоит простому насилию.⁵⁹ Речь не о евгенике, а о последовательном — направленном — подборе людей, обладающих теми или иными способностями (или — неспособностями, включая, например, моральную тупость, нерешительность, конформизм, отсутствие воображения).

Бытовая (или низовая) фиксация подобных отличий обычно выражается в устойчивых социальных предрассудках и стереотипах, в первую очередь, этнических (точнее — этносословных или этностратифицированных) клише: евреи — меркантильны и рационалистичны, сплочены и склонны к самоизоляции, поскольку «внутренне» чужды культуре и ценностям доминирующего большинства; украинцы («хохлы») — прижимисты, мелочно расчетливы и недоверчивы, жлобы; азербайджанцы — рыночные торговцы и спекулянты; цыгане — обманщики и воры, торговцы наркотиками; немцы — педантичны, организованы, добросовестные и прилежные работники; французы — куртуазны, жовиальны и легкомысленны; негры — музыкальны, ленивы и сексуальны и т.п. Подобные стереотипы и, чаще всего, негативные характеристики не статичны, их функциональная нагрузка заключается в том, что они должны оттенить «естественную» бескачественность самих русских, их природную массивность, поскольку русские — не просто большинство населения, они — государственный народ, то есть специфические различия других должны проявляться на фоне немаркированности собственной идентификации («быть как все»).

Социальные клише и стереотипы (не менее распространенные, чем этнические) характеризуют выделенные, четко определенные институциональные сферы: таковы доминантные представления о политике как «грязном деле» (дескать, в политику идут карьеристы, богатые люди или проходимцы, жулики, стремящиеся заручиться депутатским мандатом, чтобы уйти от — предположительно, уголовной — ответственности)⁶⁰; о бизнесе (в отечественном бизнесе «успеха добиваются лишь жулики и авантюристы»)⁶¹, о бюрократии («все чиновники — взяточники и казнокрады»), об армии, полиции, школе и т.п. Каждому такому образу соответствуют латентные представления с обратным знаком отношения, например, «политика — сфера высоких, неповседневных, исторических событий и отношений выдающихся людей, область геополитических интересов великих стран», «предприниматели — люди богатые, могущественные и свободные от обычных проблем, двигатели экономического и общественного развития страны», «армия — воплощение героического духа и лучших традиций нации», «государство», какое бы ни было, лучше чем социальный хаос и война всех против всех, министерства и ведомства заняты реальным и практическим делом управления, работа чиновника не сводится к абсурду бюрократической рутины или ведомственным интригам, а представляет собой выражение «интересов государства» и т.п.

То, что люди различаются между собой, и что от пилота истребителя требуются (и ожидаются) совершенно иные качества, нежели от священника или артиста, а от университетского профессора — отличные от полицейского или политика, кажется интуитивно понятным и тривиальным обстоятельством. Хотя очевидность подобной констатации немедленно исчезает, если попробовать отойти от различий психофизиологического рода и обратиться к этическим или интеллектуальным различиям профессиональных занятий. В этом случае нужны уже некоторые специальные усилия, чтобы резкость различий была замечена, а их природа обдумана.

Препятствует учету подобных вещей вполне обиденное обстоятельство: генерализирующая моральная установка массового человека городского общества подавляет этот процесс уяснения, блокирует внимание к статусным или ролевым отличиям и, напротив, требует относиться ко всем людям как равно значимым актерам. Мода унисекс или постепенное ослабление аскриптивных характеристик людей при приеме на работу, выборе профессий (например, допуск женщин в армию, в полицию, что еще не так давно казалось немыслимым), борьба за гендерное равенство или уравнение гражданских прав гетеро- и гомосексуалов и прочие явления современной жизни ослабляют прежние традиционные ролевые или сословные барьеры и перегородки между социальными группами.

Вне поля внимания и понимания остается работа селективных ме-

ханизмов различных институтов, хотя сами результаты подбора людей так или иначе фиксируются общественным мнением в оценках людей, принадлежащих разным сферам.

Большинство россиян уверены (55% против 30%), что Путин подбирает руководителей на высшие посты в государстве по принципу «личной лояльности, а не по способностям или компетентности» (апрель 2013 г.), что его окружают серые и безынициативные люди (так считают 46%, с этой оценкой не согласны 32%, преимущественно те, кто составляет его базовый электорат). Но в целом сам механизм действия этой селекции и его последствия рационализированы крайне слабо, главным образом в виде общественного уважения к тем или иным профессиям и занятиям (таблица 31):

Таблица 31
Представителей каких профессий вы более всего уважаете, а каких — нет?

	Уважают	Не уважают	Баланс
Врачи	55	8	47
Школьные учителя	48	4	44
Ученые	44	1	43
Крестьяне	44	2	42
Рабочие промышленности, строительства, транспорта	40	<1	39
Военные	39	5	34
Творческая интеллигенция (писатели, художники, композиторы)	24	3	21
Преподаватели вузов	21	3	18
Актеры театра и кино	20	9	11
Священники	18	4	14
Бухгалтеры, экономисты	15	5	10
Предприниматели, бизнесмены	13	11	2
Журналисты	9	14	-5
Звезды эстрады, поп-культуры	9	24	-15
Работники сферы обслуживания	8	7	1
Полицейские	8	29	-21
Работники торговли	7	12	-5
Сотрудники прокуратуры	6	16	-10
Судьи	6	17	-11

Офисные работники	4	7	-3
Политики, депутаты	3	35	-32
Работники шоу-бизнеса	3	28	-25
Государственные служащие, чиновники	3	28	-25
Затруднились с ответом	7	18	-

Сентябрь 2012, N=1600. В % к числу опрошенных

Общественное мнение в данном случае следует моральным предпочтениям гражданского общества, наделяя умом, компетентностью и порядочностью (ответственностью, совестью, что собственно обычно и причисляется к моральному поведению) людей, занятых преимущественно в гуманитарных сферах: науке, образовании, медицине и т. п.

«Умные люди» могут быть сосредоточены и в других сферах, требующих быстроты реакции, предприимчивости, знаний, а именно: бизнес, торговля, финансы, но тогда эти человеческие качества получают дополнительную ценностную окраску: они соединяются с «хитростью», «ловкостью», «пройдошеством», «изворотливостью», свойственных «жуликам и спекулянтам», что, понятно, не вызывает особого уважения.

В РПЦ ценится не ум, не интеллектуальные способности, а «совесть», приписываемая священникам (не просто ее наличие, присутствие совести, но вера в то, что нравственная отзывчивость и мера человеческого институционально закреплены и гарантированы).

Но политики, депутаты и плохо отделяемые от них госчиновники, начисто лишены всяких позитивных определений. Почти не упоминаются члены общественных организаций, включая и некоммерческие. Общественным мнением они не рассматриваются как значимые и известные, маркированные сферы жизни. Возможно, одно из объяснений такого отношения к НКО (помимо враждебного отношения государства к ним, транслируемого пропагандой, или дефицита информации у населения об их деятельности, отрезанности участников общественных движений от доступа к основным каналам СМИ) состоит в том, что в массовом сознании они слабо отделяются от советских общественных организаций, память о которых еще очень жива, и укоренена в повседневности и ассоциируются с двусмысленными занятиями политикой.

Таблица 32

Как вы думаете, в каких сферах сейчас работают...

А) самые умные, талантливые, способные люди в нашей стране?

Б) а в каких — самые честные, совестливые и порядочные люди в нашей стране?

В...	А	Б	Баланс
науке	32	20	12
бизнесе, торговле, финансовой сфере	26	<4	22
медицине, образовании,	22	15	7
искусстве, литературе, в культуре	19	13	6
сфере производства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.п.)	18	13	5
журналистике, в средствах массовой информации	12	7	5
политике, политических партиях и движениях	9	<2	7
шоу-бизнесе, эстраде	8	<2	6
в религиозных организациях, в РПЦ	7	16	-9
в правительстве, органах государственного управления	7	<2	5
сфере услуг	6	5	1
общественных, некоммерческих организациях	6	6	=
Государственной Думе, Совете Федерации, органах законодательной власти	5	1	4
в армии, полиции, органах охраны правопорядка	5	4	1
Затрудняюсь ответить	25	39	-

Июнь 2013, N=1600. В % к числу опрошенных, ответы ранжированы по «А».

Значительных различий во мнениях об «умных и талантливых» между опрошенными из разных социально-демографических групп — нет. Но мнения о том, где сосредоточены «совестливые и порядочные», существенно различаются (причем резко увеличивается доля «затруднившихся с ответом» — почти 40% не смогли сказать, где прячутся порядочные люди): полярными категориями являются жители столицы и жители села (крайние полюса центр-периферических отношений). Москвичи отвечают более интенсивно, чаще указывают на те или иные области занятости): «в науке» (38% москвичей, в селе — 14%), «в религиозных организациях» (соответственно, 30 и 11%), «в медицине, образовании» (24 и 8%), «в искусстве, литературе, культуре» (22 и 8%), в СМИ (12 и 5%), в общественных организациях, НКО (13 и 3%). Но относительно та-

кого же разделения «в политике» и «в промышленности» различия в ответах респондентов стерты. Колебания в ответах жителей других городских и сельских поселений незначительны (если не считать роста затруднившихся с ответом на эти вопросы (в Москве их 30%, в селе — 48%, в поселениях остальных типов — от 35 до 40%).

Эти проблемы сильнее занимают именно москвичей (в силу их более высокого образовательного уровня, информированности, включенности в социально-политические процессы, обусловленные интенсивностью и многообразием, сложностью общественной жизни, большей социальной дифференциацией в столице). Кроме того, москвичи в большей степени обладают критическими способностями к рефлексии и оценке качества доступной информации благодаря накопленному здесь социальному капиталу. Не случайно ужесточение закона об НКО одобряют в Москве 24%, в селе — 57%, хотя информированность об их деятельности обратная: ничего не знают о них работе в Москве всего 14%, во всех остальных типах поселений — от 31 до 36% опрошенных). И опять-таки, именно в Москве самый высокий уровень недоверия к центральным каналам ТВ — 35% (в селе — лишь 22%; недоверие равномерно падает по мере снижения степени урбанизованности поселения, в котором проживает респондент).⁶²

Таким образом, неуважение или хроническое (системное) презрение к власти опирается на представления о механизмах негативной или имморальной отобранности людей во власть. Другими словами, подобные персонифицированные оценки отражают слабо рационализированные представления об институциональных формах и принципах организации авторитарного или тоталитарного социума — нерасчлененного в функциональном плане и неспециализированного «общества-государства». Недовольство властью не только не отменяет, но даже предполагает наличие в такой социальной структуре фигуры «вождя» или лидера, стоящего над всеми, на которого проецируются (по принципу негативного восполнения и переворачивания знака возможностей — недостатков в добродетели, ограниченность — во всемогуществе) вся неудовлетворенность, все негативные определения пирамиды государственной власти. Он наделяется теми воображаемыми, желаемыми достоинствами (не имеющими отношения к реальности), которые *хотели бы видеть* в нем подданные. Подобный лидер получает нуминозный ореол достоинств, ценимых в обществе, поскольку они приписываются обществом самому себе. Поэтому этот символический потенциал практически неразрушим в текущем времени, так как он не может быть рационализирован, ибо состоит из *массовых иллюзий*. (По сути своей, по функции этот образ не подвергается и не может быть подвергнут рефлексии и осмыслению, он не доступен осознанию. Но вера в него может внезапно иссякнуть, как только начинает эрозировать контекст понимания реальнос-

ти, фасцинация образа вождя гаснет неожиданно и быстро, а сам культ и пиетет к нему рушатся, как только исчерпываются сами иллюзии).

Способ подобного клишированного выделения отдельных сфер общественной жизни сводится к оценке, чаще всего — негативной, предполагаемых в этих сферах занятий и самих занятых здесь людей (бизнес, политика и т.п.). Заведомо дисквалифицирующая интерпретация моральных качеств и мотивации действующих здесь лиц вменяет аморальные (асоциальные по отношению к основной массе населения), эгоистические или цинические мотивы действия, что предполагает тем самым отделение их от «обычных» людей, от «большинства», их отделенность (здесь важны отглагольные определения, содержащие процессуальные компоненты значений).⁶³ Следовательно, специфическую характеристику оцениваемая таким образом сфера получает именно по отношению к неопределенному массиву «большинства» (низового или сниженного), которому назначаются свойства предельной тотальности — «все».

Подобная операция имеет двойное назначение: во-первых, выделяет негативно оцениваемые системой действия, неподконтрольные основной массе населения, а во-вторых — формирует столь же неопределенное представление обо «всех», но уже лишенное негативных значений. Это большинство конституировано, если не позитивными значениями (что бывает редко и, как правило, содержит лишь латентные одобрительные определения), то, по крайней мере, — нейтральными значениями массы. «Большинство» — это не содержательное, не предметное определение совокупности каких-то социальных групп или образований, слоев, классов и т.п., а апеллятивная инстанция, функция которой — идентификация с массой, «быть как все».⁶⁴ Логический смысл (функция) подобного смыслового образования состоит в том, чтобы по отношению к этой апеллятивной структуре «всего целого» иметь возможность произвести характеристику отдельных «частей», не полностью входящих в это общее целое, точнее — выделяемых из него, отчуждаемых от него и тем самым, превращаемых в замкнутые, отдельные множества, обретающие свойства «отдельной сферы». По существу, этот процесс следует назвать матричным дублированием представлений об обществе, когда само общество воспринимается не как система функционально взаимосвязанных институтов, а как агрегат отдельных его сегментов.⁶⁵ За таким способом работы массового сознания стоит сохранение понятия недифференцированности целого («народа», «страны», «государства», «населения», «общества» и т.д.) и подавление необходимой специализации и разнообразия ценностных качеств и достоинств индивидов, групп, взаимосвязности и функциональной взаимозависимости институтов и групп, идея коммуникативной структуры сообщества.

Производимая таким образом бескачественность «большинства» позволяет не только выделить отдельные зоны сомнительных занятий, отделив их (в качестве «мы») от правящего «они», за которые обыватель не хочет нести ответственности, но одновременно производится девальвация, обесценивание частных форм самоопределения (с точки зрения господствующих групп или сил, присваивающих себе права представительства всего «целого», апроприирующих права и средства принуждения к признанию значимости этого целого, а значит — дисквалифицирующих любые попытки других действующих лиц субъективно выделиться из аморфного «большинства»).⁶⁶ Единственное, что соединяет отдельные зоны или сферы и организует подобное «большинство», — это вера в общность происхождения, традиционалистская по способу своего действия интеграция социума.

Подобный механизм маргинализации или дисквалификации морального поведения, или, напротив, наделения особыми ценностными значениями позиции индивида или группы не случаен. Работа такого рода есть выражение недифференцированного общественного устройства (когда целое представлено лишь в одном виде: авторитарная власть — подданные). Любое самодостаточное поведение индивида в таких случаях воспринимается либо как юродство, либо как асоциальное действие, оскорбление публики, кощунство, психическое отклонение.⁶⁷ Неиндивидуальное представление о мотивах действия (тотализация действия: «вся политика», «весь бизнес», «все чиновничество», «вся социология») предполагает подсознательную стерилизацию моральных установок, выражающих внутренний императив и требование «понимания», «понимать мотивы действующего». Сам способ выделения задан внутренней негативной оценкой дистанцирующихся.⁶⁸

Выделение производится не как признание заслуг или достижений, добродетели или достоинств тех, кого выделяют (что было бы фактически признанием процессов структурно-функциональной дифференциации общества, действенной системы разделения труда, обмена — экономического и символического), признаками чего должны были бы стать коммуникации разного рода, опосредующие взаимосвязи, авторитетная квалификация достижения (то есть механизм элитного структурирования социума). Оно основывается на негативном определении выделившихся (если смотреть «снизу») или позитивном признании власти в качестве того, что угодно господствующей группировке («их власть, кого хотят, того и награждают», как говорила А. Ахматова). Само общество отделено от системы квалификации социальных успехов, оценки поведения как должного и недолжного, как порочного или подобающего нравам и моральным принципам, то есть не различает зло, преступление или стечение обстоятельств.

В любом случае маргинализация морального действия и невозмож-

ность признания обществом достижения (отсутствие автономных механизмов самоорганизации) оборачивается социальным имморализмом, интеллектуальной неразвитостью (общественной тупостью).⁶⁹ Апатия или бесчувственность общества, тотальное равнодушие людей (как качество социальной материи) это — не спонтанные или природные, естественные психологические состояния, а вполне функциональный результат специфической институциональной организации. Смутно ощущаемые дефициты морали выражаются общественным мнением как «несправедливость» общественного устройства, как отсутствие механизмов соизмерения различных форм поведения, коммуникации между разными сегментами общества, ставших особенно значимыми после краха жесткой советской государственной планово-распределительной, административной, то есть директивно управляемой системы. Разрушилась не только экономика, но и примитивная система идентификации и гратификации социальных «винтиков» (включая, конечно, и самоидентификацию).

За попытками удержать распадающееся представление об одинаковости людей (этнической, культурной, гражданской, сексуальной, экономической, политической), принимающими вид неотрадиционализма, стоят интересы сохранения иерархического порядка, то есть стремление удержать власть теми, кто ее уже получил, и дать режиму господства обновленное идеологическое оправдание.

Однако некоторый парадокс нынешней ситуации в России заключается в том, что пока не приходится говорить о какой-то реальной политической борьбе за эту власть. Все усилия режима направлены на поддержание состояния бесконтрольности власти, а не собственно политической конфронтации или конкуренции оформленных общественных партий, движений, социальных сил. Судьба действующего авторитарного режима, обозначенного именем В. Путина, зависит не от появления и активности оппонентов, а от ослабления внутренних сил социального сцепления, эрозии социального порядка, отказа власти в доверии или легитимности, проявляющегося как внезапное рассыпание системы, как это бывает с песочными фигурами и замками на пляже, когда они полностью высыхают. Такова особенность «вертикально построенных» социальных систем (то есть таких, порядок которых определен и легитимизирован апелляцией к прошлому, в отличие от «горизонтальных» социальных структур, основанных на обмене ресурсами, представительстве интересов, а значит — характеризующихся специализацией функций и интенцией на структурно-функциональную дифференциацию).⁷⁰ Для понимания социокультурной структуры эти следы архаического мышления российского общества более важны, чем содержание тех или иных политических программ и заявлений ведущих политиков и партий.

Бескачественность массы принципиальна в данном отношении, поскольку она не естественное состояние, а продукт, результат определенной организации советского и постсоветского социума, точнее — авторитарной власти, принципиально лишенной контроля со стороны общества. Этот эффект можно назвать следствием постоянно и систематически воспроизводимого обесценивания человека.⁷¹ Ресурс власти — аморализм как специфический социальный эффект господства. Аморализм (цинизм) — не просто механизм понижения ценностей, а установка на систематическое упрощение представлений о природе человека. Когда авторитарная власть в целях стерилизации общественного протеста (рождаемого из потребности многообразия и моральной определенности) принимает на вооружение политические технологии дискредитации и дисквалификации оппонентов, руководствуясь тактикой «опускания» общества, поддержания его в состоянии отказа от будущего, бескрылости, деидеализации, то неконтролируемым следствием этого в недолгом времени оказывается тотальное равнодушие общества к «общим проблемам» и аккумуляция диффузной агрессии и злобы, ни на кого конкретно не направленной.

Нынешняя деятельность Госдумы «по защите традиционных ценностей» (какими бы интересами не были мотивированы действия депутатов) представляет собой усилия по подавлению универалистского сознания. Новый идеологический курс Путина, к реализации которого приступили недавно избранные депутаты ГД, направлен на ослабление секулярной этики, всеобщего естественного, но формального права, рационалистической культуры просвещения, науки, открытого общества и возвращение к социально-антропологическому партикуляризму. Трудно сказать, чего больше в таких установках Думы — цинической игры и популистской манипуляции массовыми предрассудками или же — уродливых, варварских «искренних» убеждений. В социологическом плане такой вопрос несущественен или даже неправомерен, поскольку речь идет о силе коллективных представлений, а не об «искренности» и «правде». В любом случае следует признать, что такая политика — результат негативного отбора депутатов с доминантой социального партикуляризма или депутатов, ориентирующихся на подобные взгляды массовых низовых слоев. Универалистские взгляды и системы регуляции расширяют число и пространство возможных социальных взаимодействий, в то время как партикуляризм, напротив, стремится к ограничению возможных взаимодействий.

6. Насилие как «культура» (смысловые функции насилия). Оборотная сторона «героического варварства»

Мораль не является высшим проявлением человеческого духа, таким как религиозные прорывы, поэтическое смыслообразование или научное познание. Она, по своей сути, консервативна и, как и культура в целом, занимает промежуточное положение между рутинной серой повседневности и «звездным небом». Но именно этот уровень человеческого существования является единственно адекватным измерителем цивилизационной развитости обществ, отношений людей друг к другу. Наука, технологии или откровения религиозных виртуозов, литература, музыка и живопись могут служить показателем развитости отдельных, *специализированных* общественных сфер. Мораль же, точнее — степень ограничения, контроля и управления насилием, характеризует именно состояние цивилизованности, то есть обычное, неспециализированное (нецелевое, неинструментальное) взаимодействие между людьми. Сообщества, где социальный порядок держится на иерархии насилия (праве сильного), справедливо именуют «варварскими» или «героическими», но далекими от параметров современного социального и правового государства. Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, авторитарная система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуя возможности специализации, усложнения системы общественных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы. В этом случае образцы насилия помещены в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве.

Принимая во внимание условия существования в современной России, приходится констатировать, что здесь социальный порядок определяется институционализируемым варварством, где базовые институты представляют собой именно структуры внеправового принуждения, подчинения населения группам, узурпировавшим и монополизировавшим ресурсы насилия. Такая ситуация не случайна, она следствие процессов разложения тоталитарных институтов, в результате чего функциональная роль насилия, лишившегося идеологического обоснования или оправдания, выходит на первый план организации социальной жизни. Функция насилия как культуры заключается в обосновании и сохранении таких диффузных представлений, напрямую не связанных с принуждением или репрессиями, которые обосновывают значимость практик дисквалификации частного существования, подавления автономных от власти структур, особенно обладающих потенциалом воспроизводства, передачи образцов. Нерасторжимая связь коллективных ценностей с насилием апроприируется и монополизирована властью, которая назначает себя хранителем и защитником ин-

тересов всего национального целого. Ими (символическими представлениями этого рода) могут быть любые смыслы, утверждающие культ силы и необходимость социальной мобилизации (великая держава, национализм, милитаризм, пафос героизма и коллективного самопожертвования) или традиционалистское превосходство коллектива над личностью, социального целого (группы, сообщества) над частным или отдельным существованием (нации, государства над группой или отдельным человеком), как это сегодня утверждает РПЦ. Важно, что подобные образцы насилия, помещенные в центр социальной системы, в символическое средоточие представлений об общественном устройстве, тем более регулирующие характер социального воспроизводства (систему образования), навязываемые обществу, подавляют или стерилизуют саму возможность возникновения идеи культуры (как возвышения, облагораживания, рафинирования индивидуальной или коллективной жизни), равно как и морали (поскольку здесь не невозможен феномен субъективной «совести», но может быть что-то вроде «долга», обычая, табу). Варварские системы отношений (образцы примитивного управления, автократическая система государства) ограничивают потенциал развития страны, парализуя возможности специализации, усложнения системы общественных отношений, структурно-функциональной дифференциации социальной системы.

То, что лишнее оправдания насилие, воспринимаемое как человеческая грубость, неразвитость, «хамство» («низость»), выдвигается в качестве высших образцов общественной структуры, стиля поведения национальных лидеров, паттернов социетальных структур⁷², явление — совершенно не случайное. Это не результат субъективного произвола диктатора, а закономерное выражение оборотной стороны «героического варварства». Идентификация населения с этими символическими комплексами представлений (с «великой державой», обладающей всеми неперемненными атрибутами: ракетно-ядерной мощью, массовой призывной армией, силовой политикой на подконтрольном пространстве) позволяет властям обеспечить легитимацию собственного произвола, а также эксплуатировать производные от этого страха населения, его потребность в безопасности, защищенности, спокойствии. Тем самым происходит переключение, канализация страхов в ресурсы массовой поддержки власти: невольное принятие в роли руководителей великой страны номенклатурных фигур, исходно не избираемых, а кооптируемых во власть, и лишь затем превращаемых в «политических лидеров». Тем самым становится невозможным какой-либо контроль за ними, снимаются какие-либо требования ответственности за то, каким образом режим будет распоряжаться ресурсом легитимного доверия. Понимание, что власть пускает этот ресурс исключительно на собственные нужды — материального самообеспече-

ния, обогащения, не меняет хронического чувства массовой незащищенности и уязвимости, с одной стороны, неизбежности подчинения, с другой.

Подавляя социальную дифференциацию и тем самым все прочие социальные структуры (представительства, выражения интересов и потребностей различных групп населения), власть подавляет или стерилизует возможности автономизации подобных групп, защищающих собственные интересы и интересы таких же как они, то есть само право, идею самодостаточности индивида, группы, общности, их право на автономию. Взамен этого власть всячески пытается поддерживать и подпитывать надежды населения относительно своих благих намерений. Массовые иллюзии такого рода тем устойчивее, что они не могут быть критически осмысленными, рационализируемыми (хотя, как мы видели ранее, скептицизм остается, но он существует как бы параллельно надеждам). В итоге интересы и потребности частной жизни никак не могут быть артикулируемы и представлены в публичном поле, что, собственно, и парализует потенциал и средства консолидации общества, общественного взаимодействия. Так возникает не только ложь перехвата, но и пространство взаимного обмана и лукавства. В свою очередь, такого рода игра является не только компенсацией дефицита социальности, но и ресурсом уверенности властей в устойчивой и апатичной покорности населения. Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, «идейности», искренней «веры» подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти.

Приспосабливаясь к действиям тех, у кого власть (средства капитального повседневно принуждения), общество вынуждено принимать и требования систематического упрощения правил социального поведения, подчиняться им, отказываясь от ориентации на более сложные и рационализированные образцы деятельности, обеспечивающие хотя и отложенный, но более сильный в конечном счете гратификационный эффект и результаты. Насилие девальвирует ценности и новые представления, постоянно возникающие в общественных средах, где концентрируется и ферментируется культурное многообразие (мыслимое только при условии ограничения грубого насилия). Многообразие не может возникать и, тем более, воспроизводиться в условиях, грубо говоря, всероссийской кушечки. Поэтому состояние массовой апатии, присущее репрессивным (авторитарным и тоталитарным) режимам, равнодушия, бесчувственности к окружающим суть не «естественные» или традиционные характеристики населения, а производные системы принуждения, подавления солидарности, установок на сотрудничество, милосердия, эмпатию, готовности к благотворительности и со-

знания своей ответственность за происходящее в обществе. В этом плане советская система, как и наследовавший ее базовые характеристики путинизм лишь многократно усилили то, что уже существовало в дореволюционной России (и многократно описывалось в русской литературе в тех или иных человеческих характерах). В обществах-государствах (где в силу центральной роли насилия невозможно отделить структуры государства от структур общества) мы имеем дело с возгонкой человеческой низости, выталкиванием ее наверх, в структуры государственного управления или в состав властных кланов и последующей ее сублимацией в виде государственной идеологии авторитаризма. Культивируемое насилие (рационализируемое и технологизированное принуждение) оказывается зеркальным подобием культуры (антикультурой), но с обратным эффектом: его функция — понижение социальной и антропологической сложности, ослабление разницы потенциалов между элитой и массой, напряженности духовной (поисковой) жизни.

Насилие редко бывает гипостазировано на уровне общества в целом в виде четко артикулированных структур — идеологии насилия. Гораздо чаще оно, как и речь (или культура), реализуется в неформализованных и неформализуемых практиках институтов управления, принуждения, поддержания социального порядка.⁷³ Чаще всего явления и функции насилия (как символического поведения) описываются и изучаются в контекстах молодежной или криминальной субкультуры, конституирования ролевой и групповой идентичности в ситуациях военных или этнических конфликтов, фрустрированных гендерных отношений. Но нас в данном случае интересует прежде всего капиллярное, диффузное, слабо отмеченное или даже само собой разумеющееся насилие как среда или атмосфера репрессивного государства и общества. В этом случае насилие или принуждение — это всегда «темная материя» социума, его «бессознательное», закрытое от рационализации не только специальными стараниями властей, но и потому, что здесь не работают позитивные стимулы и мотивы поведения индивидов, предполагающие открытый, публично социальный характер гратификации. В отличие от практики насилия, позитивная мотивация поведения всегда ориентируется на общественно значимые формы признания и одобрения, артикулируемое подтверждение «правильности» социального поведения.

Возможности разворачивания этой тематики применительно к России связаны не только с анализом открытых или латентных форм насилия (стиля поведения в молодежных бандах или практик теневой экономики, коррупции, «силового предпринимательства»), но и выявления функций насилия как «культуры», то есть тех смыслов, которыми конституируются социальные взаимодействия, предполагающие насилие, и их институционализация, а именно: силы и приоритетности

значений *коллективного целого и в их неразрывном единстве с насиллием*, с культивированием насилия (это уже названные выше ценности героизма/подвига, патриотизма, доблести, самопожертвования ради великой державы и т.п.). Признание этих символических благ и образов означает одновременную дисквалификацию частного индивидуального существования, стерилизацию значимости автономных от власти структур, особенно — воспроизводящихся (или обладающих потенциалом воспроизводства). Мораль в России потому и не возникает как массовая система регуляции, что не возникает идея «общего блага», и соответственно, подавляется сама социальная возможность символической инстанции, перед которой индивид должен (а значит — и может) отвечать, внутренне чувствуя свою связь и ответственность перед неопределенно большим коллективом или общностью себе подобных (совесть, интернализированный социальный контроль группы или даже института, например, научной совести). Как показывают данные опросов, люди в России ощущают ответственность только перед самым узким кругом близких: членами семьи, друзьями, в меньшей степени — коллегами. Возникновению моральных представлений препятствует присвоенное властью представление о национальном целом, которое (целое) якобы подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Подобная двойная идентификация — свой круг частных интересов и забот о собственном благе и благе ближних, забот выживания (продолжения существования) и план интересов власти, с которой время от времени ситуативно идентифицирует себя индивид, — задает постоянную «игру» с рамками действия и смену перспектив, в которых происходит определение себя и других действующих лиц, оценки ситуации действия. Но — и это следует учитывать — каждый раз такая «реципроцитность» включает логику ситуативного «исключения» себя или других (власти) из соответствующих систем правил, нормативных кодексов ролевого поведения. Частный человек с его проблемами существования исключает (в российском контексте) понятие политического участия, допуская в некоторых случаях лишь связанное с ним понятие «подданного», государственно зависимого обывателя. И наоборот, политическая ангажированность и гражданская ответственность в нашем случае означает другую перспективу самоопределения, в которой на первый план выходят такие понятия, как чувство личной ответственности за положение дел в обществе, в стране, альтруизм и справедливость.⁷⁴

Логика исключения, обособления, эксклюзивности, по своей функции аналогична логике установления «чрезвычайного положения» (К. Шмитт⁷⁵), означающей, что общепринятые правила игры (законы, конституция, обычное право) отменены или объявлены незначимыми

в особой, объявленной «чрезвычайной» (мобилизационной, военной, бедствий) ситуации, силой авторитета, превосходящей авторитет действующего права и норм социального порядка («...война все спешет»). В таких случаях установление чрезвычайного положения равнозначно объявлению полного и безоговорочного суверенитета инстанции, вводящей этот режим. Со своей стороны, подчинение этому режиму чрезвычайности или эксклюзивности равнозначно условиям принятия произвола власти, признания силы избирательного правоприменения, тихого согласия (или отсутствие сопротивления) на терпение насилия, все равно будет ли это практикой «социалистической законности» или «басманным правосудием».⁷⁶ В любом случае это означает действия, поведение в условиях правового и морального партикуляризма. Последний не эквивалентен явлениям ценностного релятивизма (по генезису и по функциям), хотя может восприниматься как близкое или родственное ему явление.⁷⁷

Сознательное самоисключение из определенного круга ответственности моральных императивов и норм под действием произвола власти или внешнего принуждения социального окружения, опосредующего давление институтов господства (что может быть описано как «терпение» или как средовой «конформизм») указывает на своеобразную структуру личности — тип «советского человека». С точки зрения современной культуры, культуры модерного общества — этот тип приспособления должен был бы называться «моральным разрушением» личности, утратой ее целостности, но с точки зрения индивидуальной выживаемости в условиях террора или более умеренного, но все же репрессивного государства, каким сегодня является путинский режим, — ее следовало бы называть «пластичностью», «прагматизмом» или «реализмом беспринципности».⁷⁸

Алгоритм поведения и определения ситуации строится на двойственности самотождественности: «я — вынужден так поступать, поскольку меня к этому принудили» (какие-то другие или в характерно анонимной форме: «обстоятельства сложились так, что я/NN был вынужден»), «так делают все», «иначе нельзя», «я только выполнял приказ» и проч.⁷⁹ Если рассматривать это обстоятельство в долгосрочной перспективе, оценивать социальные последствия «морального партикуляризма» (с логической точки зрения это — оксюморон, с социологической — действенная тактика приспособления к произволу, к репрессивному государству и обществу, механизм снижающей адаптации), то практика социализации к капиллярному и всеобъемлющему насилию превращается в своеобразную «культуру насилия», проявления которой уже непосредственно не связаны с институтами власти и господства. Эпифеномены культуры насилия могут быть самыми разнообразными: от внутрисемейной агрессии и грубости нравов до демонс-

трации силы на улице, на ТВ, в символическом проезде кортежей президента, парализующего уличное движение, машин высоких чиновников с мигалками, пытках в полиции, карательном судопроизводстве, дедовщине в армии, кущевках и т. п. явлениях диффузного насилия.

Хроническое насилие, воспроизводимое на протяжении десятилетий, стерилизует умственный потенциал наиболее образованных и специализированных групп, лишая их доверия к самим себе, а соответственно, и признания их деятельности в обществе, тем самым — систематически подавляя интеллектуальные способности всего общества.⁸⁰ Этот процесс может быть назван постоянной деинтеллектуализацией общества в целом, стерилизацией его ценностных оснований, на которых только и могут быть формируемы универсалистские институты современности. Прежде всего разрушается сама возможность формирования и кристаллизации этических оснований человеческого поведения, как собственного, так и ожидания его у других. Как следствие этого — *деморализация населения*, подавление способности населения к какой-либо нравственной оценке действий властей, расчеловечивание (или опредмечивание, «натурализация») политической системы, восприятие систем господства как бесчеловечной и часто — иррациональной, стихийной и неуправляемой силы, не доступной контролю обычных людей. Такое сознание обнаруживается прежде всего в безличном именовании власти, произвола как «они» (снимаемой противопоставлением «им» — «личности», номинативной персоны правителя). Благодаря этому природа власти (источники ее легитимности и изменения) вытесняются из сферы общественного мнения, подобные вопросы не обсуждаются; разговоры такого рода почти неприличны, неформальные конвенции запрещают разговоры на эти темы как бестактные. Возможность обсуждения власти фактически табуируется массовым сознанием. В итоге не только сами практики подавления оказываются слабо рационализируемыми, но и восприятие власти оказывается окрашенным идущими из коллективного подсознания нуминозными установками (стертой священности традиционалистской, то есть не основанной на конкуренции и достижениях, социальной иерархии), социально девальвирующими подданных.

Такое отношение к политической системе господства старательно поддерживается путинским режимом, подпираемое насаждаемыми через ТВ квазифундаментализмом, православием, демагогической защитой «национальных ценностей».⁸¹ Нейтрализации и вытеснению из сферы публичности подлежит все то, что могло бы потенциально побудить людей к более высокому уровню идеального, появлению ценностей как универсалистских регуляторов высшего уровня (альтруизма, чувства собственного достоинства, чести, немислимой без сознания

самодостаточности и автономности своего существования, то есть независимости от власти), а соответственно, к сознанию своих — *неотчуждаемых, то есть «естественных»*, прав. Как раз именно вопросы «прав человека» в России воспринимаются как нечто «неестественное», искусственное, привнесенное откуда-то извне, например, с «Запада». Напротив, обязательства перед властями, повинности оказываются предметом постоянной критической, публичной и негативной оценки, что мотивирует людей на уклонение от них.

Разлагающее воздействие власти возникает из того, что те, кто занимает высшие позиции в государстве, те, кто обладает суверенным правом на насилие, на властный авторитет, априорно отождествляются в массовом сознании с держателями высших ценностей общества («родины», «народа», «России» и т.п.) — в силу древнего механизма приписывания высокому положению всего лучшего («благородного»), что есть в людях и в обществе. Собственно, это и есть выражение архаической по своей сути вертикали власти, когда иерархически высший статус символически олицетворяет наивысшие значения целого (образ царя, первосвященника, лидера нации, вождя, президента). Здесь важен сам факт занятия высшей статусной позиции, а отнюдь не то, каким образом данный субъект занял эту позицию. Проблематизация инструментальных путей к занятию верховного положения отсутствует в политической культуре постсоветской России, или, точнее — подавляется цензурой в СМИ, в коммуникативных каналах, а также — молчанием власти в качестве ее ответа на слабое бурчание внизу. Так или иначе, общество четырежды безропотно принимало передачу высшей власти, имевшую чисто верхушечный, придворный характер, несмотря на ее крайне слабую формальную легитимность: в 1991 г., в 1999 г. и в 2007 и в 2011 гг.

Мораль здесь потому и не возникает, что невозможно появление идеи «общего блага», и соответственно той инстанции, перед которой индивид должен и может отвечать, чувствовать свою внутреннюю связь и ответственность (совесть, интернализированный социальный контроль группы). Возникновению подобного представления препятствует апроприированное властью представление о национальном целом, которое подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Навыки коллективного заложничества (псевдо-коллективизма, «колхоза», «соборности»), разрушают общее представление об императивах обязательного поведения, основанного на общем чувстве должного, солидарности, взаимных интересах, симпатии, само сознание «общества», непрерывно воспроизводя состояние частичной аномии и принцип вынужденного индивидуализма («спасайся сам каждый как может»).⁸² В такой обстановке у людей не может возникать чувство

собственного достоинства и уважения к себе, поскольку для обеспечения и закрепления таких социальных стандартов самоопределения и идентичности нет адекватных институциональных механизмов. Знаки гратификации и «достоинства» могут быть представленными и раздаваемыми исключительно высшими государственными лицами, что образует специфические государственные ритуалы («назначения в качестве элиты»), всегда в формах особой привилегии, «милости» правителя (как эквивалентного выделения и присвоения собственно знаков особости — мигалок, вертушек, собственности, избирательного иммунитета от привлечения к юридической ответственности, акцентированного стиля изоляции от других). Они могут дополняться как бы феодальной, барской или царской раздачей «чудесных даров» бедным: часов, машин, платьев, зданий для благотворительных учреждений, как это делают Кадыров или Путин. Кроме них, больше себе такого никто позволить не может (не вызывая вопросов о нарушении закона, это привилегия суверенов или тиранов, но не формы нормальной политической деятельности).

Аморализм работает на упрощение, примитивизацию представлений о человеке и социальной системе, обществе как таковом, подавляя потенциал идеализма, стремления к высшему, общему благу. Это и есть «простота советского человека» — состояние ценностной стерилизованности, или другими словами, единство в низости, в ясном понимании совмещения и близости жестов унижения, подавления или обласканности человека. Шок от этого — когнитивный, психологический — не вызывает какого-либо социального или этического сопротивления (мысли: «нет, это какой-то абсурд, это просто невозможно!» — «Возможно и даже очень»).

8. «Наглость» как политический стиль

Сенека полагал, что *«наглость — не что иное, как ложный признак величия»*. С уходом советской идеологии, массовым разочарованием в демократических реформах административный произвол лишился какого бы то обоснования или оправдания. «Скрепками» общества оказались ложь и демагогия, использующие все возможные пласты и ресурсы символических значений: имперских, коммунистических, нацистских, расистских, православных, либерально-демократических, правового государства, модернизационного рывка, социального государства и проч. и проч. Способность к свободному оперированию подобными идеологемами — главный признак, характеризующий сегодняшние публичные фигуры, опознаваемые прежде всего по этим демагогическим качествам (отделяемые таким образом от чисто технических управленцев, чиновников-технократов, чистых функционеров массового управления). Образец здесь задан Жириновским, у которого учились все веду-

щие сегодняшние российские лидеры. Но председатель ЛДПР не творец, а лишь импровизатор. Стиль политической шпаны, лихого демагога и политического шулера стал эмблемой политического курса нового авторитарного режима примерно с 2003 года, после закрепления путинской группировки у власти и устранения любых независимых от нее фигур (как прежних губернаторов, так и крупных новых финансовых магнатов).

Ни ложь, ни политическая демагогия не являются чем-то особенным в истории общественной жизни.⁸³ Особенным это становится (как сегодня в России), когда достигает качества предельной обнаженности, полной выраженности пренебрежения общепринятыми нормами «приличия», о которых писал Макиавелли, точнее — демонстрации отсутствия каких-либо ограничений для них со стороны социальных институтов или общественного мнения. Лживость высших или ведущих политиков и государственных функционеров — президента, премьера, прокуроров, судей, депутатов, министров и т.п. — это демонстративный эквивалент их силы или влияния. Впечатляющей характеристикой нынешней власти оказывается ее наглость и уверенность, что так и должно быть, что ложь, осознанно и публично предъявленная политическим или партийным лидером, высокопоставленным чиновником (министром, руководителем следственного комитета или генеральным прокурором, судьей, депутатом), должна быть принята людьми безропотно только потому, что это заявлено теми, у кого в руках власть, должна заставить подчиниться — не поверить, а продемонстрировать отсутствие несогласия. Эта уверенность держится на подразумеваемой всеми посылке, что — воля тех, у кого власть, какую бы несусветицу и неправду они не несли, должна определять социальный порядок в стране и его определяет. На этой посылке — на праве чрезвычайности (символического нарушения прежнего порядка и введения своего собственного нормативного определения реальности) авторитарной власти и держится ее суверенитет. Это — замена идеологии и каких-либо представлений о будущем, об «общем благе» (*res publica*), которым в других странах мотивирована деятельность бюрократии. «Длящийся вариант российского исторического выбора (в принципе все еще завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценить, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценно» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит пре-

имущественно, если не исключительно, стиль их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления — к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологических (включая обращение к «силовым» структурам и соответствующим приемам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов — фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны — глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество»⁸⁴.

Особый эффект лжи нынешнего режима (высшего руководства, чиновничества, политиков) возникает из сознания полной неподсудности и невозможности привлечь этих людей к ответственности, всеобщего понимания, что социальные институты ответственности и контроля (прокуратура, СК, правоохранительные органы, суд, низовая администрация, СМИ, чиновничество) находятся в их полном распоряжении и на страже их интересов, что суд будет защищать их от любого вида критики и привлечения к ответственности. Лучше всего это видно на примере самого российского президента, отличающегося патологической лживостью, которую он, видимо, отождествляет с силой и политическим искусством. Никто из публичных людей не осмеливается сказать, что Путин постоянно лжет, компенсируя собственное сознание неприличия подобного поведения упреждающим и шокирующим хамством, недостойным для государственного чиновника, занимающего высший пост в стране. Но в российской ситуации как раз «приличия» мало что значат в сравнении с демонстрацией силы как признака статуса, «величия» маленьких людей. Комплексы человеческой неполноценности здесь настолько очевидны (равно как и формы их вытеснения), что будто бы и не нуждаются в анализе и интерпретации, что явно неправильно с точки зрения изучения текущей политики. Но, тем не менее, о них публично не говорят, а если и говорят, то лишь ругаются, не объясняя, что и почему. А между тем, эти особенности поведения чрезвычайно важны своей знаковостью и опознаваемостью маской: он ведет себя в этом плане «как все», что делает его понятным

и объяснимым, хотя и «не своим». (Точно также ведет себя и другой диктатор — А. Лукашенко.⁸⁵) Чувство безнаказанности выражается в наглом блатном шике и патологической потребности в унижении окружающих (символические формы их «опускания»), причем — всех, а не только своих противников. Этот перенос вины с самого себя на жертву своего произвола — один из характернейших признаков «плутовских фигур на вершине власти»⁸⁶, принятой стилистики правительственной, чиновничьей или депутатской демагогии, равно как и симптом постоянной негативной селекции человеческого материала в действующей институциональной системе власти. Массовое сознание воспринимает не отдельные обещания или программные цели, которые выдвигает режим, принципы, которые провозглашает власть (они пропускаются мимо ушей, даже не в силу недоверия, сколько из-за отсутствия средств их рациональной оценки и возможности осознать последствия такой политики), а общий тон, стилистику господства, за которой угадываются, исходя из всего предшествующего опыта поколений, реальные практики управления, интересы правящей верхушки. Имитация самодержавия путинской администрацией на деле свидетельствует лишь о границах и возможностях технологического манипулирования обществом, экономикой, иностранными партнерами, что предопределяет временные рамки существования режима, характер его исторической неустойчивости.⁸⁷

Особое отличное от советских времен восприятия лжи в путинской России может объясняться несколькими обстоятельствами: во-первых, в советское время границы между разными сферами жизни (номенклатуры и обывателей) были гораздо более выраженными и прочными, система привилегий втягивала разные группы людей, заставляя их участвовать в коррупционных сделках с государством и молчать, «не возникать» по мелочам, борясь за место под солнцем. Сегодня границы смазаны или стали другими, во всяком случае — система подкупов так уже не работает. Коммуникационная структура общества стала несравненно более сложной и дифференцированной, проникающей в зоны или этажи, ранее недоступные публичному вниманию, охватывающей значительно большее число уровней социума. Во-вторых, система социальной стратификации существенно изменилась, она уже не носит столь жесткого номенклатурно-иерархического характера. Коррупция или политические консенсус разных элит и властных группировок предполагает демонстративные формы влияния или статуса, переход к демонстративному потреблению (включая и демонстрацию доступа к властным ресурсам — вертушки, коттеджи за заборами в охранных зонах, исключение из общих правил и т.п.). Поэтому наглая лживость оказывается не случайной: она — индикатор статуса во власти, показатель исключенности из действия общих законов. Избирательное судопроизводство

обеспечивает и укрепляет такое положение дел, позволяет замять преступления самих высших чиновников или их родственников.⁸⁸

9. Парадоксы привычного насилия: стерилизация морали

Подданный, бесправный обыватель, привычно подчиненный распоряжениям всех мыслимых органов власти — от дезов до дальних, почти абстрактных ведомств и правительства, в конечном счете, действительно принимает определение себя властью во всех контекстах, которые квалифицируются как «государственно значимые», а стало быть — «политические». Это самоидентификация (в качестве компонента неопределенного множества зависимых от власти подданных) как лишенных самостоятельной ценности, людей пассивных или лучше сказать — не имеющих признаков собственной активности, даже потенциально не расположенных к выражению собственного отношения к происходящему, а потому в социально-политическом плане — бесцветных или серых, неинтересных (не имеющих собственного, *заинтересованного* отношения к происходящему), незначимых самих по себе людей, есть производное двух обстоятельств.

Первое: авторитарная, бесконтрольная и потому — суверенная власть, государство, прежде всего, является основным источником смыслозадания для населения, оно вносит доминантные смыслы в массы, конструируя для них «реальность», размечая события, интерпретируя их в нужном для себя плане (через ежедневную картинку ТВ, пропаганду, школу, выступления политических лидеров и т. п.). Никакие другие институты или социальные группы, включая и те, что претендуют на статус «элиты» — интернетовские блогеры, «публичные интеллектуалы», писатели, журналисты «независимой прессы», университетская профессура и проч. — не конкурируют с государством в этом качестве. Они слабы, зависимы, и непродуктивны, поскольку не сознают себя самодостаточными, они массовидны по своей сути (функции) и адресации своей деятельности. Они лишены *собственного достоинства* (чести) и не ощущают этого. (Обращение к российскому судье — «Ваша честь» — несет в себе сегодня неустраимо пародийный характер).

Второе: только государство обладает средствами легитимного определения и тотальной идентификации своих людей как стертого множества взаимозаменяемых социальных единиц — подданных, именуемых в наших условиях «гражданами». Подчиняясь этой унификации, обыватель принимает принудительную идентификацию себя как лишённого субъективной значимости (и чья жизнь в строгом смысле не имеет ценности, как показывает и советская, и нынешняя практика бюрократического управления). Тайное сознание, что люди в постсоветском «обществе-государстве» такие и есть, какими их считает рос-

сийская власть, что им нечем обосновать себя, обеспечить свою ценность, предъявить себя как представляющих какую-либо ценность для других, является одним из условий установления авторитарного режима и механизмом принятия такого социального порядка, отношений власти и населения. Сама власть считается не то чтобы «легитимной» или «справедливой», а «естественной», то есть не имеющей истории (следов законности своего происхождения), а значит — не допускающей причинно-следственных объяснений, прагматической рационализации и инструментализации выхода из подобного положения. Поэтому социальный порядок подчинения такого рода не подлежит в массовом сознании даже мысленному «изменению», он воспринимается как *необходимый* (в прямом и в переносном значениях слова: такой, которого нельзя обойти).

Соответственно, ситуация взаимодействия индивида с властью лишена посредников какого-либо рода — формально-институциональных (суда, например) или общественно-политических (партийного представительства групповых интересов). Это такая ситуация, из которой нет «законного» или общепринятого выхода. Социальный порядок в этом случае не имеет альтернатив, даже мысленных, гипотетических. В нем приходится жить, чтобы выживать, а, значит, принимать все коннотации побочных или латентных последствий его принятия («с волками жить — по волчьей выть»). Такой порядок приходится принять, терпеть или ...обойти в некоторых звеньях дефицитарных или коррупционных цепочек или сетей отношений. Поэтому стремление прикинуться *лишними* самостоятельности, автономности, достоинства, серыми, бесцветными, бессильными, со всеми негативными определениями «без-...», «недо-...», «псевдо-...», «квази-...» и проч., вполне оправданно и по своему рационально, закономерно, а главное — социально одобряемо и в свою очередь требует принуждения от других, подчинения порядку от других. Этим навыкам адаптации к насилию или освоения техники насилия научаются как и другим социальным умениям.

9. Социализация к насилию. Конформизм и другие защитные механизмы понижающей адаптации

Знакомство с насилием и обучение, как избегать или ослабить те или иные формы принуждения начинаются с самых ранних лет. Особенности отцовского brutального или авторитарного материнского воспитания в семье — это особая тема, и для ее серьезного разбора требуется компетенция социальных психологов. Я не буду ее здесь поднимать. Но уже школа (в особенности — начальная) задает образцы как формально-институциональных практик насилия, так и неформального насилия в группах сверстников. Именно школа (особенно старшие классы) становятся местом, где советский и постсоветский человек осваивает

опыт двоемыслия и адаптации к идеологическому и ведомственному принуждению, раз и навсегда усваивая нормы «правильного» поведения в различных формальных и неформальных социальных контекстах, равно как и различие самих контекстов поведения. Чтобы избежать пространных иллюстраций, приведу цитату из отчета одного из самых ранних совместных исследований ВЦИОМ (первого ВЦИОМ, еще «Всесоюзного», только что тогда образованного) и ВНИК «Школа» (ноябрь 1988 г.):

«С точки зрения учителей наиболее существенной отрицательной тенденцией для учительства является «снижение общего уровня культуры». 73% опрошенных отметили это как значимый фактор. Обостренная чувствительность педагога к падению уровня учительства объясняется тем, что последнее затрагивает нормативный пласт педагогической деятельности и выступает тем самым как отчетливый знак профессиональной деградации учительства. Между тем учащиеся отмечают данное обстоятельство в три с половиной раза реже (22%). С точки зрения учеников наиболее распространенными отрицательными моментами являются: *манипулирование учителями оценками в личных интересах* (42%), *грубость и жестокость по отношению к ученикам* (32%). <...> Это обстоятельство можно трактовать как своеобразную фиксацию со стороны учащихся тенденций агрессивного, авторитарного давления учителя. В то же время сам факт непризнания учителями распространенности этих тенденций может рассматриваться как своеобразная «защитная реакция».⁸⁹

На распространение взяточничества среди учителей учащиеся указывали в этом опросе в три с лишним раза чаще, чем учителя: 14 и 4%, их родители — в два раза чаще — 9%, на апатию и безразличие учителей к своей работе, соответственно: 29, 37 и 36%. О распространенности в ученической среде «жестокости и насилия» говорили 24% учителей, «воровства» — 10%, «фарцовки» — 5%, «вызывающем отношении к старшим» — 27%, сквернословии — 36%, «умственной отсталости» — 42%, «потребительском отношении к жизни» — 50%, «падении общей культуры» — 60%. Последующие социологические исследования лишь подтверждают эти выводы и свидетельствуют об усилении важности этих выводов исследователей.

Функциональными аналогами (суррогатами, протезами) моральных структур можно считать появление различных адаптивных форм и психологических механизмов, управляющих поведением индивида в условиях институционального насилия при авторитарном правлении. Обычно их подводят под общую шапку «конформистского» или «оппортунистического» поведения, хотя для некоторых целей, возможно, их следовало бы развести. Назову некоторые из типов «конформистского», то есть адаптивного к насилию поведения, или (в терминах Левандовской типологии социального действия) «игровых структур соци-

ального действия», опосредующих отношения насилия в авторитарной России:

• **Замещение фрустрирующего опыта принуждения чем-то иным, что имеет несомненную ценность:** развлечениями, интернетовскими чатами, разговорами о политике в духе пикейных жилетов и другими формами кухонного выпуска пара; возможна также смещенная деятельность, симуляции каких-то интересов — спорт, кулинария, туризм, метафизическое кудахтание (мистика, экзотерика, национализм, православие и проч., но — без «фанатизма»); самым распространенным типом компенсаторного изживания унижения и насилия следует считать самоутверждение через демонстративное потребление, замещение признания значимости индивида присваиваемыми символами статуса и образа потребления (при отсутствии свидетельств, признаков предъявленности добродетелей и ценностей, то есть без этики вознаграждения предпринимаемых усилий и заслуг);⁹⁰

• **Смещение значений, «отстранение»** — «...процедура отстранения приводит к позиции упования, надежды (известно, впрочем, что как раз массовые надежды оказываются самым прочным камнем социального доверия и поддержки политических авторитетов). Прямые и косвенные процедуры отстранения многообразны. Ограничение «ближнего круга» социальной жизни от «дальнего» отделяет сферу непосредственного влияния или воздействия человека, то есть того, что он способен изменить, от сферы (институтов, организаций, авторитетов), к которой он может лишь приспособиться. Или иными словами, область его «зрительского» соучастия в процессах и событиях, на которые он влиять не может. <...> Такое разделение подкрепляется принципиальным отличием информационных источников, которыми человек пользуется: в первом случае это собственный опыт, во втором — все более могущественная масскоммуникативная сеть. Замыкание человека в собственном «малом» мире — важная предпосылка, с одной стороны, его адаптации к социальной реальности, а с другой — его изоляции в кругу собственных дел и интересов (точнее, пожалуй, это такая адаптация, которая неизбежно предполагает изоляцию»⁹¹;

• **Социальная мимикрия:** игры в «послушных», в «своих», в «лояльных» или «преданных» при субъективном презрении и неуважении к власти имущим; поскольку эта практика является общераспространенной («не выпендривайся», «не выставляйся», «веди себя как все», не «подставляйся и не подставляй других»), то на социальной сцене так или иначе доминирует не просто двоемыслие, а общее посерение; нормы публичной социальности выстроены из приемов демонстрации неучастия, непричастности, своей незаметности, непригодности для использования властью, «несъедобности» (Б. Дубин); со временем эти тактики теряют признаки игры и становятся доминирующим кодом социального

поведения в обществе, защищаемым с такой же силой, что и другие социальные нормы;

- **Анестезия опыта унижения и насилия:** подавление ценностей приводит к наступлению состояния массового равнодушия, бесчувственности (которому, как и любой другой социальной эмоции обучаются); поощряется проявление моральной тупости и беспринципности, после которых в принципе становится уже невозможной человеческая эмпатия, социальное воображение, идентификация с другими, понимание точки зрения других на происходящее, сочувствие, милосердие (они не умеют их проявлять); в итоге — происходит подавление чувства справедливости;

- **Перенос (испытанной) агрессии на других:** интенсификация собственных страхов и комплексов, трансформация унижения в механизм переноса агрессии на других, приписывания другим тех агрессивных мотиваций и стремлений, которые были направлены на самого индивида; неконтролируемый трансферт такого рода — причина роста ксенофобии, «немотивированной жестокости»; равно как и схема для объяснения действительности;

- **Изменение системы приоритетов, ценностей:** унижение меняет соотношение значений человеческой деятельности, их ценностный статус. Есть пороговые значения, которые изменяют структуру личности (сильное унижение не проходит бесследно, оно радикально меняет всю систему ценностей или ведет к ценностному нигилизму, цинизму, агрессии против других, особенно слабых). В случае, когда нигилизм подкрепляется властью и специфическими для нее привилегиями и распределением благ, то она приобретает мстительный и трансверсивный характер в отношении любых символических держателей ценностей, альтруизма, высокой культуры, идеализма. — См. массовую реакцию на приговор Пусси-Райот, дело Ходорковского, отношение к судебному процессу по «Болотному делу» и другим, задержанным в ходе демонстраций протеста («Стратегии-31» и др.);

- **Трансферт заложничества:** фрустрация коллективного заложничества и систематическое подавление самостоятельности оборачивается не возмущением против стороны насилия, а, напротив, подавленной агрессией против тех, кто выступает с протестом против насилия, против оппозиции, ведет к неприятию самой мысли о возможности участия в политике, в коллективных выступлениях против власти, бессознательным раздражением против самой политической тематики и дискуссий о ней, что собственно и может рассматриваться в качестве как симптоматики личностной несостоятельности;

- **Рессантимент:** описанные М. Шелером аффекты социальной ярости и возмущения против действующего порядка господства, классов и групп, представляющие собой превращенную форму социальной за-

висти низов, ущемленных, лишенных перспективы категорий населения; в этом случае сознание социальной несправедливости (вызванное поведением власти или приписываемой ей) может служить оправданием для собственной агрессии и аморализма, с одной стороны, и как бы «нравственным» осуждением социального порядка в целом;

• **Цинизм:** *деидеализация, дегуманизация политической антропологии, лишение ее ценностных предназначений* приводит к тому, что человек предстает либо а) в своем самом примитивном — «животном» — виде («хищника, бандита, асоциального элемента»), что предполагает и требует жестких мер ограничения поля возможностей и действий других, установления системы избыточных запретов, ужесточения наказания, поддерживаемых основной массой населения; либо б) в своих досовременных, архаических формах (племенных, безлично религиозных — русских, «православных» или, напротив, «чурок», «косоглазых» и т.п.); массовый цинизм начинается с признания «нормальности» или даже «приоритетности» принципов силы и принуждения в любых областях общественной или международной жизни, будь то геополитика или блатная, лагерная субкультура с ее нормами и представлениями о правилах взаимодействия с другими; здесь важно лишь, что утверждение «реальности и значимости насилия» распространяется на весь общественный порядок, уничтожая ценностное многообразие и потенциал развития общества;

• **Отказ от будущего:** сознательное принятие установки на невозможность другой жизни, кроме той, какой приходится жить, более того — настаивание на этой позиции; неверие в изменение к лучшему ведет не просто к переворачиванию идеологии «нового общества» и появлению неотрадиционализма как образа мыслей и ориентации на прошлое как источника коллективных образцов и смыслов, санкционирующих действующий социальный порядок, но и появлению ментальной техники консервативного самоограничения. Подобные установки, реализуемые в различных жизненных практиках, оборачиваются ригидностью и жесткостью в отношениях с политическими оппонентами. Общее следствие — массовое распространение уныния и пустого официального празднословия.

Страх, вызванный возможными репрессивными действиями властей, направленными на недовольных и протестующих против ее политики, ведет не просто к пассивной покорности населения, а к появлению сильнейшего раздражения против тех, кто пытается противостоять государственному насилию и административному произволу. Лучшей тактикой по отношению к исходящим от власти опасностям будет описанная выше тактика социальной мимикрии, общая или, по крайней мере, — преобладающая в обществе готовность периодически демонстрировать, когда это требуется, лояльность властям (например, на

выборах) или прикинуться незаметными, переждать, перетерпеть фазы параноидального обострения у властей «борьбы с внутренними врагами», обосновываемые аргументами «сделать ничего нельзя». Страх этого рода оборачивается не просто привычной и общественно одобряемой покорностью (покладистостью), но и смутным, как бы «беспричинным», хроническим состоянием унижения, парализующим чувство собственного достоинства. Субъективная моральная неудовлетворенность, слабое и легко подавляемое сознание «нечистой совести», как и другие подобные им комплексы, возбужденные страхом, легко преодолеваются и рационализируются, снимаются в форме «заботы о других», о «коллективе», о «близких, которых нельзя подставлять» и т.п., но в дальнейшем, при условии их продолжительного действия или сохранения фрустрирующей ситуации, трансформируются в общее беспредметное раздражение и диффузную социальную неприязнь к окружающим, а далее — к тем, кто открыто выступает против власти, протестует против ее произвола и беззакония, кто защищает права тех, кого власть давит, обманывает и обворовывает.

Активисты протеста, публичные критики власти, публичные интеллектуалы превращаются не только в troublemaker'ов для конформистского большинства (постоянно напоминая обывателю о его собственной несостоятельности, слабости и политической коррумпированности), но и в маргиналов и публичных шутов.⁹² Поэтому агрессия и недоброжелательство по отношению к оппозиции и тем более — лидерам протеста выражены гораздо сильнее, чем открытая антипатия и презрение в отношении власти.⁹³ Так складывается общая коллективная система негативного отношения к тем силам, которые выступают как носители идеальных представлений и принципов. На них вешаются ярлыки «чрезмерных» радикалов, подрывных элементов, безответственных провокаторов политических потрясений. Следствием этого трансферта агрессии и страха становится стратегия «понижающей адаптации» большей части населения, нормативность фактического, готовность принять и оправдать то, что есть на данный момент в качестве «разумности действительности». Такого рода массовые установки оказываются самым сильным фактором, определяющим блокирование изменений и устойчивость режима (подавление социально-структурной дифференциации). По существу, это — консолидация в общем сознании низости и круговой поруки, обеспечивающая «стремление к стабильности», общественный консенсус при высоком уровне недовольства и неуважении, неавторитетности в глазах общества власти как таковой. Структура такого сознания поддерживается отсутствием представления о будущем, о желаемом направлении развития страны (моделях развития), подавлением вариантов политической системы, а значит — сознанием безальтернативности настоящего. Как отмечал

Ю. Левада, в качестве оптимального образца отношений государства и общества массовое сознание принимает предпоследнюю стадию разложения тоталитарного режима — брежневский период, деидеологизированный, вегетарианский конец репрессивной системы.⁹⁴

10. Заключение

«...и после плохого урожая надо сеять»

Сенека

Подытожу все сказанное раньше. Причины стагнации или отсутствие видимого экономического развития, о котором сегодня очень много говорят экономические аналитики, а вслед за ними — политики, обычно в этих выступлениях сводятся к недостатку или оттоку капитала, плохому инвестиционному климату, низкому качеству институтов (государственного управления, коррупции, административному произволу, зависимому суду) или — у самых смелых — к «ручному управлению» экономикой и обществом. Более предметно это выражается в приводимых данных о недопустимо высоких расходах на силовые структуры (политическую полицию, спецслужбы, внутренние войска и правоохранительные органы), защищающие власть от населения, помпезных акциях по демонстрации великодержавного величия, снимающих остроту комплекса национальной неполноценности (строительство дворцов, проведение олимпиады, азиатского саммита на дальнем Востоке), о содержании громадной, хотя и мало дееспособной, отсталой армии и флота и т.п., масштабах государственной коррупции, особенно — в крупнейших госкорпорациях, возглавляемых ближайшими доверенными лицами президента и т.п., и, напротив, явной недостаточной политикой инвестирования в человеческий капитал, инфраструктуру и социальную сферу. Все соображения этого рода, безусловно, верны, а неутешительные диагноз и прогнозы будущего состояния страны оправданы и заслуживают доверия. Выход из этого тупикового состояния или приближающегося кризиса видится отечественным публицистам и обозревателям в наличие «политической воли», способной дать новый толчок институциональным реформам. Такого рода эвфемизмы и обтекаемые выражения обычно отражают бесперспективность и иррационализм российской ситуации, то есть отсутствие у социальной и интеллектуальной элиты представлений о возможностях выхода из нынешнего авторитарного режима, институциональной трансформации репрессивной системы, защищаемой правящими кланами всеми доступными им легальными и нелегальными средствами. Отсюда возникает устойчивая, граничащая с идиотизмом, слепая убежденность в том, что неизбежный грядущий социальный и экономический кризис, спровоцированный то ли падением цен на нефть, то ли бюджетным дефицитом, станет

причиной последующего социального взрыва, который, как «бог из машины», снесет коррумпированную власть и «все будет хорошо».

Все хорошо не будет, поскольку при этом нет понимания глубокой укорененности режима в определенных слоях массовой культуры, национальной психологии и сознания, а значит — отсутствует понимание того, что можно изменить, а что будет воспроизводиться в силу институциональной инерции, интересов приспособления к данной системе и т.п.⁹⁵ Речь идет не только о том, что бюрократические системы крайне трудно менять без внешних воздействий (Вебер говорил о «железной скорлупе» или «панцире», клетке бюрократического господства — *eiserne Gehäuse*, определяющей тренды современного государства), но и о том, что в обществе нет в достаточной мере социальных сил, способных а) к политической самоорганизации, б) к выработке убедительной и ясной программы действий, способной мобилизовать демократический контингент для правового изменения режима.

Проблема заключается в том, что российское общество вращается в чертовом круге нерешаемых в принципе проблем: самодержавная репрессивная власть стерилизует и подавляет потенциал морального сознания у населения. Система вертикального насилия может сохраняться и воспроизводиться только одним образом: лишая всякой значимости ценности частного существования, придающего индивиду достоинство и самоуважение, а значит — уважение к таким, как он, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданской солидарности и интеграции общества. Дело не только в практике тотального социального принуждения и унижения, сколько в том, что ядро коллективных представлений составляют значения силы и самооценности великой «державы», являющейся синонимом или псевдонимом бесконтрольной власти. Насилие в этом случае становится высокозначимым и ценным кодом социального поведения, признаком высокого статуса и уважения. Общество, слишком долгое время «скрепляемое» пропагандой героического милитаризма, борьбы с врагами (внешними или внутренними — классовыми, национальными, сепаратистами, чуждыми «нашей культуре и традициям» и т.п.), не может быть не внутренне агрессивным, фрустрированным и консервативным, хронически отсталым. Институциональная система такого социума («общества-государства») предполагает перманентный отбор во власть и в структуры господства (= массового управления) человеческого материала с худшими с точки зрения культуры (европейской культуры просвещения, гуманизма и терпимости) характеристиками: безжалостностью и беспринципностью, лицемерием, переносом совести (интернализованного локуса социального контроля) на вышестоящее начальство и тем самым — опустошением морали, холуйством и т.п. Поэтому политический стиль господства отличается характерной наглостью —

демонстративной манерой безнравственной и неконвенциональной силы, способности быть вне общих рамок права и приличия. А это, в свою очередь, ведет к деморализации населения и глубокому нравственному пессимизму или цинизму, позволяющему такой организации власти воспроизводиться, а обществу — ее терпеть. Таким образом, человек, социализируемый к таким институциональным условиям жизни, обладающий навыками приспособления к этой власти или техникой уклонения от ее слишком жестких требований, становящихся нетерпимыми, трудно изменяем, но легко манипулируем, как писал о нем Левада.

«Если наше ремесло позволяет нам кое-что (в том числе — печальное, неприятное) видеть, и другим образом увидеть это сложнее, значит оно себя оправдывает. Поэтому, если работать серьезно и честно, то не стыдно. Хотя не всегда весело».⁹⁶

Примечания

- 1 Сам проект был инициирован Ю.А. Левадой в 1989 году и продолжается по настоящее время. Последний замер общественных установок был произведен в августе 2012 года. По итогам первого исследования под его редакцией вышла коллективная монография «Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х». (М : Мировой океан, 1993), переведенная на немецкий и французский языки. Левада систематическим образом последовательно описывал этот тип человека, представив результаты своих разработок в серии статей, опубликованных в журнале нашего Центра («Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», с 2003 года — «Вестник общественного мнения»). Эти статьи были им собраны и представлены в виде основных тематических разделов двух его книг: «От мнений — к пониманию» (М : МШПИ, 2000) и «Ищем человека» (М : Новое издательство, 2006).
Название настоящей статьи отсылает к одной из этих работ Левады: Человек в корруптивном пространстве (Ищем человека, с. 233-247).
- 2 Уходящая натура?.. // Знамя. — М., 1992, № 6. с. 201-211.
- 3 Левада Ю. Заметки к «проблеме поколений» / Там же, с. 43-44.
- 4 А с учетом тех, кто «затрудняется ответить», то есть уходит от ответа, не обладая «способностью суждения», и все 80-82%. См.: Общественное мнение — 2012. Ежегодник Левада-центра. М., 2012, с. 223, табл. 23, 34.
- 5 Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Ч. 2 // Вестник общественного мнения, 2010, № 2 (104), с. 13-61; Гудков Л. Дерезализация прошлого: функции сталинского мифа // Pro et Contra, 2012, ноябрь-декабрь, № 6 (57), с. 108-135
- 6 За 73 года своего существования советский режим вел различные по масштабам, продолжительности и ожесточенности военные кампании. Сюда должны быть включены как «большие» и общеизвестные войны (Гражданская, Финская, Отечественная, Афганская), так и многочисленные «малые» вой-

ны, военные действия внутри страны или за рубежом с участием советских войск, забытые или вообще оставшиеся за рамками общественного внимания или интереса (на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Африке, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке), в общей сложности это продолжалось 23-24 года. На 22 года постсоветского времени приходится 12 лет военных действий на Северном Кавказе (первая и вторая война в Чечне, а также — хронические военные операции против боевиков и сепаратистов).

- 7 Русский перевод этого понятия И. Канта стирает очень важный семантический оттенок: по-немецки это не столько «способность», сколько «сила суждения» — *die Urteilskraft*.
- 8 Понимаемого здесь не как совокупность государственного населения, а как система социальных связей, основанных на отношениях солидарности или взаимных интересах (что означает: без отношений «господство-подчинение»).
- 9 См: пресс-выпуск Левада-центра от 25.07.2013 — <http://www.levada.ru/25-07-2013/moralnye-ogranicheniya-gossiyan>
- 10 Достаточно напомнить слова патриарха Кирилла о том, что приход к власти В. Путина — «это божье чудо» — Simon A.-C. Pussy Riot: Putin und der Patriarch — eine unheilige Allianz // Die Presse, 13.08.2012. — http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/1278008/Pussy-Riot_Putin-und-der-Patriarch-eine-unheilige-Allianz?_vl_backlink=/home/politik/aussenpolitik/index.do
- 11 Например, при несомненной лояльности РПЦ, абсолютное большинство россиян высказывает явное несогласие с попытками запрета абортот или навязывания обязательного религиозного образования для их детей (не вообще введения ОПК для кого-то, а недовольство увеличением нагрузки именно для своих собственных детей).
- 12 Само слово «мораль» в русском общественном обороте появляется довольно поздно — оно заимствовано из других языков не ранее 30-40-х годов XIX века и входит в речевой оборот образованного сословия практически одновременно с другими европейскими понятиями современности, требующими известной интеллектуальной развитости и некоторых навыков отвлеченного мышления: «культура», «литература», «история», «интеллигенция» и т. п. К еще более позднему времени относятся попытки рационализировать уже собственно проблематику морали — так, например, «Оправдание добра» Владимира Соловьева написано в 1893 г. Примечательно, что у Соловьева «мораль» — сочетание стыда, сострадания (жалости) и благоговения — внутренне связывается с субъективной свободой индивида и наличием «общества», с преодолением узко понятой обрядовой религиозности и национализма (национальной исключительности и изоляционизма). — см.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. — М.: Республика, 1996; Он же. Идолы и идеалы. Национальный вопрос в России. — В кн.: В.С. Соловьев. Соч. в 2-х тт., Т. 1, с. 607 и далее.
- 13 В этом плане еще предстоит написать социологическую историю русской литературы, в которой общественная тематизация процессов модернизации представлена именно в литературном материале — романов Л. Толстого («Анна Каренина» или «Воскресенье», «Хаджи-Мурат» и др.) или М. Салтыкова-Щедрина и др. Соответствующие курсы, впрочем, уже читались в ве-

дущих американских университетах (например, проф. Г. Фрейдиным в Стэнфорде).

- 14 См., например, историю понятия *Sittlichkeit* в Германии, близкое по этимологии с русским словом. В России генерализованное понятие «нравственность» начинает употребляться не ранее последней трети 19 века. Это понятие не совсем адекватно европейскому понятию «мораль», но сам процесс универсализации семантики указывает на вектор изменения, на приближение к нему. Социолингвистический анализ мог бы подтвердить характер диагноза этих модернизационных социальных изменений. Готов предположить (но не более того — мои возможности здесь ограничены), что русское слово «нравственность» указывает на фазу общественного сознания, типологически предшествующую «морали» в европейском смысле. Запрос уже есть в определенных группах или социальных средах (более рафинированного, чем массовое сознание), но общей системы координат морали, а значит — наличия специализированных или авторитетных в этом плане групп, нет.
- 15 Ср., например, *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // *Вестник общественного мнения*, 2008, № 4 (96), с. 51-61.
- 16 Задолго до того, как нас стали обвинять в подобных грехах, я в докладе на Тыняновских чтениях описал саму эту культурную конструкцию («ослепления Западом», по выражению К. Аксакова) как механизм компенсации и обживания культурной фрустрации, характерной для самоопределения и претензий патримониальных элит, и ее функцию в русской культуре. — *Гудков Л.* Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // *Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения.* Рига, 1986, с. 208-226. (в соавторстве с Б. Дубиным). См. также: *Дубин Б.* Европа — «виртуальная и «другая». Запад, граница, особый путь. Символика «Другого» в политической мифологии современной России // *Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры.* М : Новое издательство, 2004, с. 264-285 и с. 300-318.
- 17 Включая и некритический перенос на отечественную реальность российскими социологами понятийного аппарата современной социологии, разработанного для описания и анализа социальных отношений, которых нет в нашей практике. Ценностная подмена (и ее причины) оказывается гораздо более значимой мотивацией «научной» деятельности, нежели ее когнитивная составляющая.
- 18 *Гудков Л.* Понятие литературы у Тынянова..., с. 220.
- 19 Можно привести массу примеров признанности высокого авторитета католических теологов (Т. де Шардена), или еще большей популярности протестантских авторов (А. Швейцера, Р. Бультмана, К. Рашке, П. Тиллиха, Ю. Мольмана или Д. Бонхеффнера), иудаистских (М. Бубер) или дзен-буддистских (Д. Судзуки) мыслителей, оказавших самое серьезное влияние на своеобразие современного культурного мира. Но, оглядываясь на отечественный опыт, невозможно назвать в этом ряду ни одного имени из круга РПЦ МП, хотя зарубежные православные авторы были хорошо известны, тот же митр. Антоний Сурожский, оказавший значительное влияние на интеллигентские круги в России в 1960-70-е годы.

20 Некоторое представление о колебаниях в уровне аномии могут дать международные сравнения. Сопоставляя, допустим, статистику преступлений в Европе или удельный вес осужденных, мы получаем разительную картину социальной — нормативной — девиации, позволяющую судить об уровне насилия в различных странах, соответственно, значимости повседневной морали: число заключенных в РФ (на 100 тыс. населения в 2005-2006 гг.) составляло 611, в Белоруссии — 426, Украине — 356, Эстонии — 327-339, в Латвии — 337, Литве — 234, Польше — 216-230, Чехии — 186, Венгрии — 162, Болгарии — 158-148, Великобритании — 143-148, Испании — 142, Нидерландах — 134-128, Италии — 102, Германии — 96, Франции — 92-85, Бельгии — 91, Швеции — 78-82, Дании — 76, Финляндии — 73, Норвегии — 65. // Демоскоп Weekly № 361-362 от 19.01-01.02.2009 — <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/>. Явственно выделяется здесь зона бывшего социализма. Больше, чем в России, заключенных лишь в США (738), где профиль преступности и заключенных радикально смещен в сторону афро-американцев и латиноамериканцев.

Те же самые закономерности распределения аномии нетрудно проследить на международной и внутрироссийской статистике самоубийств, сердечно-сосудистых заболеваний, отражающих уровни социальных напряжений, стресса и т. п.

21 Зависимость православных религиозных интеллектуалов от государства парализовала возможности и интересы теологической и практической рационализации повседневной жизни. Более того, всякая самостоятельность религиозных интеллектуалов, их попытки найти взаимопонимания религии и культуры, установить диалог интеллигенции и духовенства вызывают со стороны православной бюрократии подозрение и отторжение (таково отношение православных иерархов к о. А. Меню, к деятельности Св.-Филаретовского института, к о. Г. Кочеткову и другие случаи). Ситуация в зарубежной РПЦ принципиально иная: только здесь и можно найти примеры современных теологических разработок, стремящихся дать православный ответ на моральные вопросы современного общества. Если зарубежная церковь стремится сблизиться с современным обществом, как то показывают, например, проповеди пресв. А. Шмемана, то РПЦ, сохраняя архаическую феодальную организацию («церковный абсолютизм», по выражению Н. Митрохина), по своим интенциям тяготеет к авторитарному режиму Путина, поддерживает его и пытается (не слишком успешно, впрочем) идеологически обосновать, резко негативно относясь к явлениям современной интеллектуальной и культурной жизни, дистанцируясь от общества, не будучи в состоянии понять и оценить то, что происходит внутри него. Напротив, РПЦ, опираясь на власть, стремится к подчинению общества. Для этого используются разного рода псевдо-исторические спекуляции, вроде изделий арх. Тихона (Щелкунова) — «Гибель империи». См. также: Лункин Р. Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием // Православная церковь при новом патриархе. М., Центр Карнеги — РОССПЭН, 2012, с. 171-222; Верховский А. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI века // Там же, с. 141-170.

22 На кризис морали, культуры, неудовлетворительное состояние общественных нравов (в чем бы оно не выражалось) указали в октябрьском опросе

2013 г. («самые острые проблемы нашего общества») 30% опрошенных. По мнению 63% (сентябрь 2011 г.) уровень морали (и культуры!) в России за последние 12 лет упал и положение дел в этой сфере ухудшилось (21% считают, что ситуация в этом отношении не изменилась, а 12% — даже улучшилась). За весь период исследований (1989-2013 гг.) озабоченность состоянием морали и культуры общества высказывали от 15% опрошенных (февраль 1991 г.) до 31% в 2012 г. Хотя в общем и целом доля таких ответов обычно снижалась в моменты ухудшения экономического положения и повышалась до 26-28% по мере улучшения ситуации, тем не менее общий тренд здесь явно негативный. Чувство стыда за происходящее сейчас в стране испытывают 52% опрошенных (с их оценками не согласны 19%) — Общественное мнение — 2012, с. 22, табл. 3.2.2.

- 23 Эта проблематика хорошо представлена в поздних произведениях восточно-европейских писателей и кинематографистов, прежде всего — у венгров («Пятая печать» З. Фабри, И. Сабо, повести И. Кертиса), но не только у них. Можно привести также в качестве примера сочинения П. Леви, В. Шаламова, Ч. Милоша.
- 24 Характерно, что из среды приверженцев этой моды 70-х годов — городской молодежи, поколения рождения примерно середины 1950-х годов, полуинтеллигентов, фрондирующих, хиппующих или экспериментирующих с альтернативными образами жизни, несостоявшихся поэтов, философов и музыкантов, вышли многие видные представители нынешнего русского православного фундаментализма, идеологи евразийской геополитики и неомпериализма. Перебесились.
- 25 Опять-таки, сама проблематика этого рода стала вновь появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Не случаен поэтому и столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, в котором так явно — для советского сознания — поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради здесь следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В. Тендрякова, В. Быкова, Ю. Трифонова, А. Тарковского, Ю. Казакова, В. Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке» предшествовало появление целого ряда произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложничества и конформизма, по выражению Сатылкова-Щедрина — «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова и А. Миндадзе). В постсоветское время это свелось к суррогатному обрядоверию и моральной карикатуре (представленной, например, фильмом «Остров» П. Лунгина). Сегодня эту проблематику вновь пытается поднять С. Алексиевич (см. ее интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете», № 95 от 28.08.2013, с. 15-16).
- 26 Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (см. фильм А. Балабанова «Груз-2000», повесть П. Санаева «По-

хороните меня за плинтусом» и множество менее ярких однотипных сочинений), но даже не пытается осмыслить сам этот феномен или дать какие-то свои диагнозы проблемы. Еще раньше, но в менее выраженном виде, это почувствовало советское кино («Афоня», «Полеты во сне и наяву»). Появилась литература, которая на свой лад даже паразитирует на коллективной травме неспособности к морали (В. Сорокин или В. Пелевин, например).

- 27 Слово «moralis» (от лат. moralitas), касающийся нравов (позднее в контексте философских рассуждений — нравственный), изобретено Цицероном для перевода аристотелевского понятия «этический» (производное от «этос», которое первоначально означало место совместного проживания, жилище, позднее — связь сущности /природы/ явления или характера человека с образом его жизни, нравом, обычаем, темпераментом, манерой одежды или образом поведения. «Mores» множественное число от mos, означающее примерно то же, что и греческое «этос», а именно: нрав, обыкновение, обычай; во множественном числе — нравы, характер, образ жизни, поведение, свойство, природа, но также — правило и предписание, покррой и мода). У Аристотеля «этическое» получило специфическое значение, став синонимом особых качеств характера человека, не сводимых ни к природным свойствам тела, ни к способностям ума, качеств, описывающих добродетельное ведение жизни, а «этика» — наука о добродетелях и, соответственно, знание о различении доброго и плохого. В таком нормативном виде «этика» и вошла в историю европейской философии, в отличие от морали, которая скорее фиксировала «реальные», предметные особенности поведения.
- 28 См. у Канта (*Кант И. К вечному миру. Соч. в 6 томах. Т. 6. М., «Мысль», 1966*): «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это невозможно. /с. 289-290 /<...> Народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства. И этот принцип основан не на благоразумии, а на долге <... > Только общая воля, данная априори..., определяет, что такое право у людей /с. 299/ <... > Истинная политика, следовательно, не может сделать шага, заранее не отдав должное морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это не стоило господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой). < ...> Возможность этой формы содержится в каждом правовом притязании, потому без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только публично известной), стало быть и никакое право, которое исходит только от нее /с. 302/ <... > Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью <...> Этот принцип следует рассматривать не только как *этический* (относящийся к учению о добродетели), но и как *юридический* (касающийся права людей) /с. 303/.

- 29 Наиболее полно это демонстрирует российский опыт советского и постсоветского времени. Формально прописанные нормы права (объективность позитивного права) и даже Конституции легко обходятся властями, порождая практику избирательного правоприменения и несправедливого судопроизводства. Но точно также — и обывателями, вынужденными решать свои проблемы в обход решений власти. Без интернализации этих норм, то есть превращения их во внутренние регуляторы — императивы социального контроля и ценностные составляющие компонентов социального действия («совесть», которая, как известно социальным психологам, говорит «голосом матери»), закон может быть известен и учитываем в поведении действующим, но не значимым в качестве побудительного мотива действия. Двоемыслие такого рода — общераспространенное явление в репрессивных обществах. Оно свидетельствует не только о поверхностной социализации, разделении значимости (или силы) формального закона и силы обычаев или нравов, но и о недифференцированности социальных структур. Слабая дифференциация может быть как следствием неразвитости, отсталости, архаичности социальной системы, так и искусственного, принудительного подавления механизмов самоорганизации общества. Право без моральной основы является внешним регулятором поведения, то есть превращается во внешний локус контроля. Напротив, более глубокий уровень социализации — ценностный, представляет в генерализованной форме учет интересов других социальных сил и институтов, усвоенных в виде обобщенных, универсалистских императивов поведения. В этом случае мораль уже не предполагает внешнего контроля и, соответственно, применения *социальных санкций* различного репертуара. Ценностный (моральный) уровень регуляции задан исключительно собственными представлениями действующего индивида или группы, с которой он себя отождествляет. Собственно именно отсутствие социальных санкций и связанных с ними институциональных — формальных или неформальных механизмов или средств принуждения и GRATIFICATION, отказ от *наказаний* за отклонение от общепринятого и ожидаемого поведения, то есть высокая степень «терпимости» окружающих к культурному и социальному разнообразию, — становятся индикатором наличия морального уровня массового сознания.
- 30 Не случайно М. Шелер в своей работе «Рессантимент в структуре моралей» использует именно множественное число, тогда как в русском языке «мораль» допускает употребление только единственного числа. Нормативное сознание в этом плане не предполагает, не мыслит себе какой-либо сложности и многообразия регулятивных структур, культурного релятивизма, ограничивая тематику жестким набором социальных предписаний. Это, со своей стороны, означает, что язык — в своем роде — отражает институциональную систему конкретного общества. Авторитарный режим Путина (как впрочем и другие репрессивные режимы), выдвигая цели «сохранения традиционных ценностей», настаивая на «усилении духовных скреп» государства и общества, проводит политику принудительной примитивизации общества, поскольку дифференцирующееся и усложняющееся общество отторгает несменяемую и безотчетную власть как форму политической организации.

- 31 Легко всплывающее возражение против такого хода мысли: как же так, Россия же православная страна, почему же здесь проблематика морали представлена в зачаточном состоянии? — снимается, если вспомнить, что христианство русские князья приняли в «готовом виде» от Византии, практически сразу же как вероучение, подлежащее санкционированию светской властью, что подавило потенциал религиозных споров и дискуссий. Во всех случаях (разногласий между нестяжателями и иосифлянами, старообрядцами и никонянами, а позднее между сектантами и представителями Синода) верх одерживали сторонники государственной церкви, но не потому, что у них были сильные теологические аргументы, а потому, что власть силой устраняла, буквально — «ликвидировала» их оппонентов. Вплоть до середины 19 века «ересь» являлась уголовным преступлением, что, естественно, обернулось предельной косностью, догматизмом, антиинтеллектуализмом религиозной и духовной жизни страны, равно как и инерцией восприятия самодержавной власти как сакральной. В сравнении с многообразием религиозных течений в Европе, все время усиливавшимся, начиная уже с 13 века, благодаря особой социальной организации религиозной жизни в этом регионе — наличию монастырей, монашеских орденов, университетам, городам, библиотекам, теологическим диспутам, внимательнейшему взаимному изучению взглядов оппонентов, реформации и контрреформации и т. п., духовная жизнь Руси представляла собой довольно тусклую и однообразную картину, сводимую к тезису: «Братья, не высокоумдрствуйте!» (см. об этом: *Милюков П. Очерки истории русской культуры. М., 1996, Т. II. «Симфония» церкви и государства, всевластие приказа тайных дел или его разнообразных исторических аналогов стерилизовало умственное пространство страны, стянув его до военных или чиновничьих рамок государевой службы. Поэтому ничего подобного европейской философии, искусству, истории, литературе, науке и т. п. феноменам сложно устроенной жизни, в России не возникало, как не стараются доказать обратное идеологи «особой русской цивилизации».*
- 32 *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1972, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 125-130.*
- 33 Нет нужды специально говорить о том, что моральная рационализация частного поведения — исторически крайне сложный и длительный процесс, включавший в себя и постепенную выработку специфических представлений не только о конечном — Страшном — суде, но и о посюсторонней возможности расчета грехов (в католичестве — это идея Чистилища, индульгенций, исповеди), в протестантизме — идея предопределенности избранничества и вытекающей отсюда необходимости методического самоконтроля в повседневных делах, прежде всего — в труде и в потреблении. В православии аналогов подобных практик и вырабатываемых представлений (идей) не было, оно не поднялось в своем развитии до осмысления уровня личных отношений индивида с богом, удовлетворяясь требованием полной передачи ответственности за индивида церкви, что отражает ее статус и функции в абсолютистском социуме. (Может быть, лишь в XX веке здесь начинает пробиваться мысль о персоналистском характере веры и личном боге).

- 34 Там, где доминирует идеология патернализма, не следует искать следы присутствия в умах идей свободы или ответственности; там в той или иной форме сохраняются репрессивные структуры отношений господства и подчинения, равно как и отношения взаимного недовольства, недоверия и обмана (включая и самообман). Если обратиться к данным опросов, характеризующих динамику представлений о «необходимости заботы государства» «об обычных людях», то мы увидим, что доля подобных представлений (или их настоятельность) заметно выросла: с 57% (1990 г.) до 83% (август 2013 г.). — Пресс-выпуск Левада-центра от 25 августа 2013 г. И одновременно, на протяжении последнего десятилетия 62-65% опрошенных, отвечая на вопрос: «Как бы вы определили свои отношения с властью?», заявили, что они «живут, полагаясь только на самих себя и избегая вступать в контакты с властью», 21-27% — что «их жизнь во всем зависит от власти». // ОМ — 2012, с. 37, табл. 3.6.18. Из распределений ответов опрошенных аналогичного по характеру, но в другой формулировке, вопроса («На что Вы сейчас рассчитываете?...»), в среднем (за период 1996-2012 гг.) 75% респондентов заявили: «на свои силы и возможности», 24% — «на социальную защиту и поддержку со стороны общества и государства». — Там же, с. 59 (табл. 6.3).
- 35 Идея общего блага в советское время, если и существовала какое-то время (например, в идеологических проработках коммунистической пропаганды), то умерла она вместе с коммунистической идеологией. Допустимо полагать, что она была значима лишь для некоторых категорий средней бюрократии и молодого поколения советских людей, то есть социализированных уже в условиях полного господства институтов тоталитаризма с его миссионерством, утопизмом, всеобщим навязыванием «единомыслия». Замещение перспективной идеологии коммунизма национализмом (этническим или имперским, русским) меняет не только временной вектор идентичности, но и отрицает само понятие «общего блага» как блага для всех, скрыто вводя вместо этого идею исключительности (этнических русских), особенности, отдельности от остального мира.
- 36 Левада полагал, что функции «игровых» структур социального действия заключаются прежде всего в связывании различных сфер социальной жизни, институционально разделенных. В ходе игры сами эти институциональные нормы и правила, относящиеся к разным институциональным системам, становятся частью внутреннего автономного пространства, в котором действующий должен самостоятельно, субъективно переосмыслить, переинтерпретировать, переозначить их и соединить в относительно непротиворечивый набор мотивов и средств собственного действия. «...Все ролевые и смысловые трансформации происходят внутри игровой реальности, на рубежах, разделяющих ее [игры — ЛГ] структурные компоненты, а не на рубеже игра / реальность» — Ю. Левада. Игровые структуры в системах социального действия. — Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993, с. 103. Другими словами, именно в игровых структурах происходит субъективация, субъективное освоение, переструктурирование внешних групповых и институциональных императивов и предписаний, согласование их с другими ценностными представлениями и интересами. Так закладываются условия для появления социальных механизмов нормативного или ролевого синтеза, гиб-

ких форм и структур согласования различных кодов поведения, регулирующих разные сферы социальной жизни, правила и предписания поведения в которых могут принципиально, радикально расходиться, порождая ценностно-нормативные конфликты. Именно игровые структуры действия становятся условием формирования личности современного типа, обладающей относительно автономией по отношению к своему окружению, а значит — руководствующейся в первую очередь собственными принципами, собственными интерпретациями групповых, институциональных, профессионально-ролевых и т. п. значений, более независимой к давлению оппортунистического большинства. Появление таких структур, а значит — и лиц с более сложной внутренней организацией указывает на возможности и перспективы процессов социальной, структурно-функциональной дифференциации, а стало быть — условия интенсивного развития общества.

- 37 «Сегодня о всеобщем нравственном кризисе говорят больше всего там, где с историческим опозданием происходит десакрализация нормативных систем и связанное с этим «приземление» господствующих социальных норм. Понятно, что это относится и к нашей стране, как будто надолго застрявшей на историческом перекрестке, где сошлись одновременно переоценка и десакрализация религиозных, политических, моральных критериев, казавшихся незыблемыми. (В этом перечне фигурирует и религия, так как наблюдаемое возрождение церковной жизни не возвращает ей функции высшего мировоззренческого и нравственного контроля в обществе.). <...> В обществах, прошедших подобные катаклизмы ранее (и в разные периоды), десакрализация и переоценка высших нормативных конструкций означала не только приземление «высших» нормативных структур, но одновременно и утверждение важности, серьезности «низших», обыденных практически-ценностных и утилитарных уровней таких структур. Трудное избавление «человеческих» отношений от сакрального и псевдосакрального контроля происходит по мере того, как утверждается серьезность обыденного, впитавшего наследие длительной и многообразной культурной традиции. Наше общественное сознание пока — и не без оснований — заиклено на одной стороне этого процесса — на его трудности, мучительности, противоречивости. Отсюда и встревоженные суждения о релятивизации всех и всяческих нормативных критериев. Отсюда же и перипетии таких категорий, как «истина» и «правда» в общественном мнении». — Левада Ю. «Истина» и «правда» в общественном мнении. Проблема интерпретации понятий // Ищем человека, с. 223
- 38 На фоне обычного поведения российского политического класса все эти инциденты кажутся смехотворными. Перечислять даже не конкретные случаи, а виды злоупотреблений и казнокрадства среди высшего слоя руководства или регионального чиновничества в данной статье бессмысленно и невозможно, каждый день СМИ, интернет приносят новые факты, иллюстрирующие наглость, самодурство и коррупцию правящей элиты.
- 39 Приводя в качестве примеры «моральности» американскую или европейскую демократии, я вовсе не собираюсь противопоставлять им фатальную предопределенность российской истории. Моя задача ограничивается в данном случае методологической необходимостью показать, что мораль в социологическом смысле — это не предписание известного рода, а систе-

ма соотносений разных планов действия и общественных структур: плана символических значений, инструментальных — политических — общественных образований и интегративных механизмов, обеспечивающих солидарность *действующего, то есть активного, субъекта* с общностями более высокого уровня — группами, институтами. Проблема российского либерализма в том, что здесь связи такого рода систематически подавляются и стерилизуются, уничтожаются.

- 40 От 75 до 80% россиян на протяжении почти 20 лет раз за разом заявляют, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» — ОМ, 2012, с. 40, табл. 3.6.26. И тем не менее, живут, как утверждают две трети опрошенных, «полагаясь лишь на самих себя» — там же, с. 37, табл. 3.6.18. В данном случае мы имеем характерное разделение нормативного представления и фактической констатации положения вещей.
- 41 Маяковский (поэма «Хорошо»): «...мы только мошки, мы ждем кормежки, закройте время вашу пасть, мы обыватели, нас обувайте вы, и мы уже за вашу власть».
- 42 Непробиваемое, крепостное равнодушие не только к фактам массового диссертационного плагиата высших лиц (от Путина и Жириновского до Собянина или каких-то безымянных сенаторов и депутатов) или к сведениям о сомнительной по происхождению собственности, к всеобщему казнокрадству, к потере в архивах дела (доклада) М. Салье о коррупции в питерской мэрии в начале 90-х годов, в которой замешан В. Путин, и т.п., и т.д., говорит о том, что в общественном мнении нет связи между коррупцией, лживостью руководства и массовым насилием, то есть между политикой и частной жизнью граждан. Чем это оборачивается: войной в Чечне (окончившейся после десятков тысяч убитых и покалеченных, фактическим ее отделением или полуотделением), крупно-, средне- и мелкомасштабным рейдерством в экономике, деградацией правовых институтов, превращением страны в поле бесчисленных «кущевок», ухудшением отношений со всеми соседними странами — остается за рамками публичного поля. Одно только обязательство содержать кадировский режим ради фиктивной целостности государства обходится ежегодно в сумму, превышающую 30 млрд. долларов. И это никому не кажется уже странным. Когда-то, во время переговоров в Хасавюрте генерал Д. Дудаев требовал от российского руководства компенсации в 2 млрд. долларов за разрушения первой войны, и тогда эта цифра казалось чудовищной.
- 43 Салтыков-Щедрин М. Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт., т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 80
- 44 За несколько лет, с 1991 по 1995 гг. тиражи самых известных изданий («Нового мира», «Знамя», «Дружбы народов», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и других) упали с 0,8—1 млн. (у «Нового мира» некоторое время было даже 3,5 млн. экз.) до 3-7 тыс. экз. Еще сильнее сократились читательские аудитории у популяризирующих науку изданий («Наука и жизнь», «Знание — сила», «Химия и жизнь» и им подобные), несших стандарты Просвещения, веры в прогресс, естественнонаучную этику рациональности

и гуманизма. Вместе с ними исчезли массовые каналы репродукции держателей интеллигентских ресурсов знания, механизмы интерпретации и моральных оценок текущих процессов. Литература утратила свой прежний статус и всякую значимость. То же самое произошло с отечественным кинематографом. Разорваны оказались и связи между академической наукой и образованной публикой. На смену им пришли ТВ с их оккультизмом, магией, экстрасенсами и — отчасти — православием.

- 45 Внимательные наблюдатели довольно рано отметили появление публичных фигур этого особого типа: см.: *Дилigentский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?... М., МШСЭИ-Интерцентр, 2000, с. 414-117.*
- 46 *Тулский М.* В период «оттепели» Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров (в «Блогах» «Эхо Москвы») от 2.11.2011 — <http://echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>), «... за то, что они посмели победить официальных кандидатов «Единой России». Из тех, кто избрался мэром против воли ЕР, посажено и отстранено 90%, а из тех, кто по воле ЕР, только 10%. < ...> Даже уголовные дела в отношении победивших по воле ЕР мэров носят почти исключительно характер использования «правосудия» в политических и клановых интересах (а вовсе не в целях борьбы с коррупцией): уголовным делам против них практически всегда предшествовал конфликт с губернатором-единороссом или федералами-единороссами, появление на их месте более влиятельного и более богатого претендента-единоросса и т.д. Случаи же посадок в тюрьму мэров-единороссов, пользующихся поддержкой губернатора и федеральной ЕР, практически отсутствуют».
- 47 79% опрошенных в 2012 г. согласны с тем, что «в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделенных властью» (не согласны - 11% и 10% затруднились с ответом). — *Общественное мнение 2012. Ежегодник. М., Левада-центр, с. 34, табл. 3.6.5. 75% полагают, что в стране нет эффективной системы подбора, проверки и назначения людей на государственные должности. — Там же, с. 35, табл. 3.6.9. Порочным подобием устройству государства считают 61-62% россиян (и эта цифра не менялась на протяжении всех последних 10 лет, несмотря на высокие рейтинги главы государства). Нет идеи «общего дела» (res publica), если 81-85% опрошенных утверждают, что они не могут влиять на принятие государственных решений в стране, 75% — на принятие решений даже на местном уровне. — Там же, с. 38, табл. 3.6.19-3.6.20.*
- 48 Заметное снижение негативного отношения к власти отмечается лишь к 2008 г. — пику поддержки и одобрения путинского режима. Однако сразу после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. недоверие и отрицательные оценки восстанавливаются до прежнего уровня.
- 49 *Левада Ю.* Феномен власти: парадоксы и стереотипы восприятия // *От мнений — к пониманию. М. МШПИ, 2000, с. 323-344.*
- 50 Самыми часто называемыми характеристиками российских политиков (в списке из 22 определений) были «стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами» (39%), «неуважение к рядовым гражданам» (34%), «пренебрежение к законам» (31%), «корыстолюбие» и «непрофессионализм» (по 26%), «бесчестность», «непорядочность» (24%) и «безнравственность» 19%) (июль 1995,

N=1540). И такое отношение, фиксируемое при самых разных формулировках вопросов, сохраняется на всем протяжении 1990-х и 2000-х и 2010-х годов.

- 51 *Левада Ю.* От мнения к пониманию, с. 273. Об этом можно судить и по эпидемическому распространению в последние годы пара-литературы, фэнтази, суррогатов культуры, представленных блогами и социальными сетями, по падению спроса на высокую художественную литературу (и ее фактическое исчезновение) или арт-кино, разрушение института эстетической критики, по отказу от признания авторитета профессиональных политиков, отчетливо проявившегося в протестном движении и в сетях и т.п. Как бы ни были разнородны эти явления, их роднит одно качество: снижение значимости специализированного знания, компетентности, профессионализма, за которыми стоит стерилизация процессов и механизмов социальной структурно-функциональной дифференциации общества, то есть примитивизация социальной системы.
- 52 *Левада Ю.* Человек политический: сцена и роли переходного периода // Мониторинг общественного мнения, 1996, № 4. Перепечатано в кн.: Левада Ю. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000, с. 96-110. О «зрительском интересе» см. с. 102-104; *Зоркая Н.* Интерес к политике как форма политического участия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999, №4, с. 13-20.
- 53 Заявляют о своей готовности участвовать в коллективных акциях обычно не более 10-15% («Примете ли Вы в митингах и демонстрациях протеста с экономическими или политическим требованиями?»), причем чаще осмеливаются декларировать свое присутствие на акциях с экономическими (16%), а не с политическими лозунгами (10%). (август 2013).
- 54 Права человека ценятся меньше, чем номинальный «порядок» в государстве (их приоритетность подтверждают лишь 33% опрошенных против 57% тех, кто считает, что «порядок» важнее (июнь 2013). Следует, однако, уточнить при этом, что «порядок» включает упования на то, что даже при данной системе возможно такое положение, когда в обществе «главенствует закон, перед которым все равны». Эта — утопия, мечтания, не наделенные статусом действительности или даже реальной возможности. Мнимость противоречия заключается в том, что «права человека» мыслятся как сугубо индивидуальные, точнее — частные возможности человека, а «порядок» — как коллективные нормы, обязательные для всех.
- 55 Доминирует убежденность в том, что власти относятся к обычным людям несправедливо (66%), мнение «справедливо и одинаково, как к себе» разделяют лишь 23%. (2007-11, N=1600)
- 56 *Гудков Л.* Страх как рамка понимания // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., МВШСЭН — ИНТЕРЦЕНТР, 2000, VII Международный симпозиум, с. 438
- 57 На протяжении 2013 года Путина одобряют 63-64%, не одобряют -32-36% при очень низком проценте затруднившихся с ответом. Напротив, правительство, которое назначается президентом и находится под его полным контролем, которое проводит его политический курс, ни на йоту не решаясь на какие-то самостоятельные действия, не одобряют от 54 до 58%.

- 58 Это была уже третья попытка внести новую идеологию в легитимацию государственной власти в России после краха советской системы (первая — демократия, сближение с Западом, вторая (путинская) — укрепление централизованного государства и «вставание с колен»).
- 59 Мысль не новая в социологии, скорее даже, в известном смысле, почти тривиальная. Однако она редко получает систематическое развертывание в виде теоретических концепций и эмпирических исследований. Потенциал подобной рационализации в том или ином виде присутствует в работах почти всех крупнейших социологов (например, в веберовских типах легитимного господства, в его анализе влияния мировых религий на хозяйственную этику; его классическая работа о влиянии протестантской этики на генезис капитализма описывает отбор и воспроизводство определенных характеристик человека-предпринимателя. Этот анализ дается Вебером всегда в сравнительно-типологическом ключе сопоставления разных идеально-типических конструкций акторов в разнородных ситуациях и социально-культурных контекстах; то же самое относится и к его описаниям фигуры демагога, пророка, мандарина, кади, чиновника и проч.). В скрытом виде этот же подход присутствует и в теории социальных ролей и их распределения в структуре социального института, в теориях коммуникаций (предполагающих выделение лидера мнений и внимающих ему реципиентов и т. п.). Однако по мере утверждения социологического позитивизма и популярности количественных методов исследования подобное понимание практически исчезло из практики социологического анализа.
- 60 Такие установки, среди прочего, проявляются и в стойком недоверии протестного движения в мегаполисах к своим же лидерам и нежелании делегировать им свои полномочия и права, что парализует потенциал самоорганизации оппозиции.
- 61 См. данные опроса Левада-центра о типичных характеристиках и качествах российских и иностранных предпринимателей и бизнесменов в Пресс-выпуске Левада-центра от 10.06.2013, а также: *Бондаренко Н., Красильникова М., Юдаева К. Инновационный и предпринимательский потенциал общества // Вестник общественного мнения, 2012, № 1 (111), с. 75-99.*
- 62 Доверяют этим каналам как источнику информации в Москве — 41% (август 2013), в больших городах — 47%, в средних городах — 58%, оно снижается в малых городах и в селе 52 и 50% и одновременно здесь растут затруднения среди опрошенных, не знающих, как ответить на подобные вопросы или не могущих оценить степень объективности информации, поскольку не располагают сколько-нибудь значимым выбором источников информации. Другими словами, проблема достоверности информации или лживости пропаганды в провинции вообще не встает. Интернет здесь не является средством, компенсирующим дефицит информации: выше всего его роль оценивается в средних городах (здесь 24% рассматривают его как наиболее достоверный канал информации, в Москве и больших городах — такие оценки встречаются лишь у 20 и 17% опрошенных, в селе и малых городах — 7-8%). Образование само по себе не дает такого эффекта — различия в установках (среди доверяющих с высшим образованием позитивно оценивают объективность и досто-

верность информационных передач на этих каналах 62%, со средним и ниже — 66-67%). Молодые настроены более скептически к качеству и достоверности ТВ-информации, нежели зрелые и тем более — пожилые люди (позитивные оценки с возрастом растут с 57% в самых молодых до 71%, напротив, недоверие снижается с 31% до 21% у самых пожилых опрошенных).

- 63 Примечательно признание со стороны «верных русланов» режима той глубокой антипатии, которое население питает к власти. Так, например, полпред правительства в высших судах Михаил Барцевский, выступая в Госдуме по поводу законопроекта [о запрете чиновникам иметь иностранную недвижимость, счета, собственность за рубежом], предупреждал, что *«нельзя принимать законы в угоду общества»* [курсив мой – ЛГ]: «Если вы предложите расстрел губернатора после окончания их срока полномочий, то во многих регионах общество это поддержит» — заявлял он в декабре прошлого года. // Наталья Городецкая, Иван Сафронов. Расходное место, Коммерсантъ, № 63 от 11 апреля 2013, с. 2.
- 64 Левада Ю. О «большинстве» и «меньшинстве» // Ищем человека, с. 350-363.
- 65 Так, В. Ключевский описывал эволюцию приказной системы московского царства, проводя аналогию между царским дворцом, представляющим хаотическое нагромождение отдельных помещений, переходов и флигелей, разрастающихся по мере надобности путем еще одной и еще одной пристройки к основному или исходному зданию, и государством).
- 66 Совсем свежим примером здесь может служить поведение Путина, назвавшего «придурком» профессора Высшей школы экономики, предложившего установить международный контроль над Арктикой как средство противодействия произволу нефтяных и газодобывающих монополий, загрязняющих и уничтожающих хрупкий экобаланс северной природы. Возмущенный президент заявил, что Арктика — это область национальных интересов и суверенитета России, а потому она не может быть отдана под управление и мониторинг международных организаций. Лицемерие подобной защиты корпоративных интересов российских властных кланов, которые представляет Путин, ссылками на национальное целое здесь совершенно очевидно, привлекает внимание лишь распушенность и вульгарность первого лица государства, а не сама манера девальвации носителей противоположного мнения.
- 67 Гудков Л., Левинсон А. Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя // Вестник общественного мнения, 2011, № 1 (107) январь-март, с. 87-101. = Сахаровский сборник. М., РГГУ, 2010. сост. А. Бабенышев, с. 396-428. См. массовую реакцию на выступления группы и процесс против «Пусси-Райт»: Общественное мнение — 2012, с. 136-139, табл. 11.47 — 11.52.
- 68 Важно, что со стороны массы выделение групп идет через дистанцирование, через выделение из большинства, квалифицируемое, однако, в таких случаях подчеркнута негативно («совок», плебс, «пипл», который должен «все схавать»).

Характерно в данном отношении массовое мнение о человеческих качествах российских судей: они квалифицированы и профессиональны, но бесчеловечны, бездушны, аморальны и действуют чисто формалистично в своей

профессиональной роли. — «Отношение населения России к проводимой судебной реформе». Отчет о проведенном социологическом исследовании. Левада-центр, М., 2012.

- 69 «Выскажи он мысль сколько-нибудь человеческую — его засмеют, назовут блаженненьким, не дадут проходу. Но он явился не с проектом о признании в человеке человеческого образа (это был бы не проект, а опасное мечтание), а с проектом о превращении человеческих голов в стенобитные машины — и нет ему хвалы, которую не считалось бы возможным наградить эту <...>, не нашедшей себе ограничения ни в совести, ни в знании». — *Салтыков-Щедрин М.* Дневник провинциала в Петербурге. Собр. соч. в 10 тт. т. 4. Изд-во «Правда», 1988, с. 79
- 70 *Левада Ю.* Заметки о «проблеме поколений» // Ю. Левада. Ищем человека, с. 46.
- 71 Власть, по выражению главного редактора «Сноба» Николая Ускова, «относится к людям как к мусору» (из телевизионной передачи «Право голоса»).
- 72 На вопрос: «Что вызывает у Вас чувство стыда и напряжения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX века?», задаваемый в рамках программы «Советский человек», от 78% опрошенных (1989 г.) до 69% (в 2008 г., наиболее благополучном, докризисном времени современной России) год заявили, «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности», на втором месте ответы «грубость нравов, неуважение людей друг к другу» (за те же 20 лет в среднем около 50% опрошенных, здесь колебания в ответах минимальны и лежат в пределах допустимой стандартной статистической ошибки).
- 73 *Trotha von, Tr.* Zur Soziologie der Gewalt // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 37, 1997, S. 9-56*; Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001; *Волков В.* Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., ГУ-ВШЭ, 2005; *Волков В.В.* Ценности и нормы нелегальных силовых структур // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1999, Т. 2., № 3; *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2002, Т. 5., № 1, с. 151-160.
- 74 *Левада Ю.*: «Наш» вариант — это безальтернативные медиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же — изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за «происходящее в стране» и не только не готов, но и сам не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде — за одним правда исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения — коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными за «одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать...). Сегодня, кажется, такой страх снят» // *Левада Ю.* Ищем человека, с. 367.
- 75 *Шмитт К.* Политическая теология. М., Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000, с. 15-29.

76 «Нельзя объяснить подобные ситуации [монолитного единомыслия] просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия — единогласия — единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе — распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничтожения не столь важно, на кого переносится ответственность — непосредственно на «всех» («действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный — не только по приказу — коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безопасности. Поэтому столь зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности. — *Левада Ю.* Общественное мнение у горизонта столетий // Ищем человека, с. 21.

77 Релятивизм характерен для сравнительно развитого общества и индивидуального сознания. Он возникает как реакция на эрозию уже имеющегося универсализма права, морали в уже модернизированном, массовом обществе со сложившимися формальными институтами (рыночной экономики, представительной демократии, правового государства). Ценностный релятивизм — это реакция на выявляемые противоречия и процессы, идущие в современном обществе, предпосылка специфического западного цинизма. Моральный и правовой партикуляризм — явление принципиально другого рода, другого происхождения. Его нельзя рассматривать как производное от процессов модернизации. Это амальгама (или агрегат) архаических и современных образований и представлений, не подлежащих рационализации и генерализации, это «механическое» (в дюргеймовском смысле) сочетание не сливающихся друг с другом, разнородных социальных нормативных систем, не подлежащих проработке в силу подавления подобных возможностей репрессивной властью. Российский цинизм в этом смысле отличается от западного, порожденного модернизационным проживанием наследия Просвещения. Это последнее соображение принадлежит японскому исследователю проблемы национальной специфики цинизма Кёхэй Норимацу, сделанное им в частной беседе с автором.

78 Черты или свойства этого типа описаны во множестве литературных или кинопроизведениях, авторская оценка его может простирается от безоговорочной симпатии (Иван Денисович) до частичного полного осуждения

(«Афоня», Служкин в совсем недавнем романе А. Иванова «Географ глобус пропил»), что не меняет структуры самого типа.

- 79 «Люди, для которых центральной задачей будет — уберечь себя. И если есть беда, и с кем-то плохо, то что делают люди? Утешаются, что не со мной. Или, как у Галича было, стучат, но пока в другую дверь. Не к нам — к олигархам или к каким-то горячим головам. А мы пока живем — чай пьем, еще что-нибудь. ... Потому, что боятся, как бы не съели. Неосновательно бояться — такой стиль. К сожалению, это тот стиль жизни, с которым нам придется сталкиваться. ... Пока продолжается это, организация серьезная нам не светит». — *Левада Ю.* Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.12.2004.- <http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/>. «Советское общество плодило не коллективность, а что-то вроде всеобщего заложничества, где каждый отвечал за другого в смысле: вынужден был страдать за другого, а не как-то помогать ему». — *Там же*; «Человек не просто беспомощно терпеливый, что мы видим по многим данным и в реальной жизни...Человек наш лукавый, он думает, что он стерпит, и его не тронут. Что кого-то разорят, а его — нет. Что он послушается и стерпит повышение цен, но сумеет получить зарплату, с которой налогов не заплатит, и покроет это повышение. Эта черта является одной из самых прочных». — *Ю. Левада.* Лекция на «Полит.ру» в Билингве, 15 апреля 2004 — <http://www.polit.ru/article/2004/05/15/levada/>.
- 80 «...Мы живем в обществе, которое поедает свои элиты и норовит их растворить, лишая смысла и слово «элиты», и слово «интеллигенция», например, а других способов увидеть цели, увидеть смыслы — нету. Вот причина многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся сегодня, завтра». — *Ю. Левада,* там же.
- 81 «Он [Эйхман] и вправду к концу стал яростным приверженцем успеха, по его представлениям, основного мерила «хорошего общества»... Гитлер, сказал он, «мог быть не прав во всем, но одно несомненно: этот человек оказался способным подняться от ефрейтора немецкой армии до фюрера почти восьмидесятимиллионного народа <... > Сам по себе его успех уже доказал, что я должен подчиниться этому человеку». Его совесть действительно успокоилась, когда он увидел, с каким энтузиазмом «хорошее общество» реагирует на его действия. Ему «не надо было заглушать голос совести, как было сказано в заключении суда, и не потому, что совести у него не было, а потому, что она говорила «респектабельным голосом», голосом окружающего его респектабельного общества». — *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 2008, с. 188-189
- 82 *Салтыков-Щедрин М.:* «Всякий молчаливо сознавал, что самое нестерпимое реальное положение все-таки лучше, нежели какие-то «якобы права» // *Дневник провинциала в Петербурге*, СС, т. 4, с. 125. Тем удивительнее была атмосфера солидарности, возвышающего чувства: «мы» — это и есть «общество», проявившаяся в первых, карнавальных, демонстрациях и митингах оппозиции, как об этом говорил А. Левинсон в своем выступлении на ежегодной конференции Левада-центра 24 января 2013 г.
- 83 Ср.: «Государю нет необходимости иметь все названные добродетели, но

есть прямая необходимость выглядеть добродетельным. Дерзну сказать, что иметь эти добродетели и никогда от них не уклоняться вредно, тогда как выглядеть добродетельным — полезно. Иначе говоря, в глазах людей надо быть сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо расположиться к тому, чтобы явить и противоположные качества, если того требует необходимость. <...> В душе он должен быть готов повернуть туда, куда подует ветер фортуны и куда его увлекают события, и должен, по возможности не удаляясь от добра, при надобности — не чураться зла». — *Макиавелли Н. Государь* — В кн.: Макиавелли. Избранное. М., Рипол классик. 1999, с. 420-421. Эти слова написаны ровно 500 лет назад — в июле-декабре 1513 г.

- 84 *Левада Ю.* Сегодняшний выбор: уровни и рамки // Ищем человека, с. 172 -173.
- 85 Особенности риторических приемов Путина и Лукашенко проанализированы в работе: *Моргунова А.* Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестник общественного мнения, 2010, № 1, с. 19-47.
- 86 *Левада Ю.* «Элита» и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? ...М., МШСЭН-Интерцентр, 2001, с. 281.
- 87 «...Носитель верховной власти, ближе всего за последние полвека подходящий к ее автократической модели, больше, чем любой из его предшественников за это время, скован собственным «технологическим» окружением и навязанным собственным положением грузом заведомо неподъемных амбиций. Отсутствие средств идеологического или традиционного прикрытия вынуждает дополнять ориентацию на «технологическую» эффективность реанимацией — точнее, всего лишь *имитацией* — отработанных в совершенно иных условиях (в персоналиях — от Сталина и Брежнева) моделей державного величия, непогрешимости, показной самоуверенности и столь же показного могущества власти. С удаленной наблюдательной позиции политическая сцена представляется театром масок, где исполнители главных ролей выступают в облачениях действующих лиц прошлого времени (притом, конечно, мифологизированного). Правящая административная бюрократия (от центральной администрации донизу) старается играть роль бюрократии «идеологической» (цековской, партийной), министры — роли запуганных наркомов, прокурорские чиновники разных уровней — исполнительных энкаведешников, губернаторы — обкомовских секретарей, вотчинных «хозяев», президент федерации — всемогущего генсека; никто из них не раскрывает свои исторические имена (за исключением одной спецслужбы, чиновники которой — должно быть страха ради — любят прикрываться масками чрезвычайек давних лет). *Инерция стиля* никому успеха не сулит и показывает, что собственного лица и стиля которых можно было не стыдиться, очевидное бесцветное время не приобрело». — *Ю. Левада.* Ищем человека, с. 173
- 88 Если удмуртский губернатор, как об этом сообщали российские СМИ, может позволить себе, стоя на трибуне и размахивая рукой в часах, стоимостью в сотню тысяч евро, обвинять местных врачей, держащих голодовку протеста против нищенских зарплат и безудержной эксплуатации медицинских

работников, называть их «отморозками», «бузящими» «на иностранные деньги», грозить им ФСБ (...«Происходящее неправильно — и органы ФСБ должны сказать, кто стоит за этими 3 женщинами»), то он ведет себя так, потому что он знает себя в своем праве и роли регионального помпадура и держиморды. (<http://forum-msk.org/material/news/9887153.html>) Но в этом он ничем не отличается от действующего президента, говорящего о посаженном им Ходорковском, что у него «руки по локоть в крови», зная, что никто ему не посмеет предъявить обвинения в клевете и в давлении на суд, по крайней мере — до конца его правления.

- 89 Собкин В. С., Левинсон А. Г., Гражданкин А. И. и др. Школа-1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы. По материалам социологического опроса. М., 1988, с. 16. (курсив мой — ЛГ). Особенно заметные различия среди учителей и учеников исследование установило в понимании смысла школьного обучения. «Формирование человека, трезво глядящего на вещи и добивающегося в жизни своего» нашло признание среди 46% учащихся, тогда как лишь менее 4% учителей назвали это значимой целью обучения». Модель — «человек, способный обеспечить свое благосостояние» — нашли привлекательной 37% учеников и лишь менее 3% учителей. В то же время образ «критически мыслящего человека, способного брать на себя ответственность» привлек внимание только 12% школьников. И, наконец, представление, что школа должна готовить патриотов, защитников Родины, оказалось значимым для 40% учителей и всего для 22% школьников. Авторы доклада, констатировали, что «прагматическая ориентация школьников принципиально отличается от целевых установок учительства» (там же, с. 24).
- 90 Сублимация: вытеснение, подавление травмы унижения и бессилия может принимать самые разные формы — от внутрисемейной, диффузной агрессии и общественного вандализма подростков до участия в официальных общественных организациях или, напротив, волонтерстве, благотворительности и работе в НКО. Однако самым характерным механизмом изживания комплекса неполноценности, порожденного насилием, следует считать именно взлет потребительской культуры как суррогат социальной гратификации. При укоренении этих механизмов мы получаем кастрацию социальной элиты.
- 91 Левада Ю. «Человек обыкновенный в двух состояниях» // Ю. Левада Ищем человека, с. 366-367.
- 92 На этот эффект работает и дискредитирующая их пропаганда, журналистика (особенно здесь «продуктивны» ерничество, стеб известных телеведущих — В. Соловьев, М. Задорнов, или даже всего канала НТВ, снижающие идеализм оппозиции).
- 93 Тем более что реальных поводов для массового недовольства бессилием оппозиции, ее риторикой, упором на символические провокации («дрознения» — по выражению Ю. Левады), а не на артикуляцию социальных требований и т.п., более чем хватает.
- 94 <http://www.levada.ru/22-05-2013/otnoshenie-rossiyan-k-glavam-rossiiskogosudarstva-raznogo-vremeni> — «Современному общественному мнению в России стабильным представляется, прежде всего, стагнирующее состоя-

ние скрытого разложения системы, т.е. то, что задним числом окрестили как «застой». В этом нельзя усматривать простой парадокс: сегодня массовое сознание — под давлением обстоятельств и сравнений — фактически воспроизводит самую распространенную двадцать лет назад позицию самых серьезных аналитиков и критиков советского режима, как отечественных, так и зарубежных. Хронологически близкий к своему концу, этот режим представлялся всем им чуть ли не ультрастабильным». — *Левада Ю.* Человек ностальгический: реалии и проблемы. — В кн. : *Левада Ю.* Ищем человека, М., 2006, с. 292.

95 «Подлинная альтернатива «старой» реальности, в том числе и старой идеологии, мифологии — не гневные обличения, а переход к иной системе координат, то есть критериев, ценностей, установок и т.д. Только обретение такой системы может дать надежную точку опоры и для критического преодоления наследия прошлых эпох. Причем эту «точку» нельзя найти или открыть, ее можно лишь создать — сформировать, определить, освоить. Беда «прекрасных порывов» ранней перестройки в том, что никто не сумел сконструировать и предложить обществу какую-либо принципиально иную модель социальной системы и социального миропонимания (через 10-12 лет, когда порывы утратили смысл, уже в эпоху всеобщего разочарования, власти решились говорить о мировой общности и демократии западного типа). В значительной мере отсюда неуверенность и нескончаемые метания на всех уровнях, сверху донизу». — *Левада Ю.* Истина и «правда» в общественном мнении, с. 221.

96 Из лекции Ю. Левады на «Полит.ру» 15 апреля 2004 г.

Это уже было

Vedomosti.ru, 01.03.2014

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23467291/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo>

Мы на пороге полного разрушения системы международных договоров, экономического хаоса и политической диктатуры

Друзья. Мы на пороге. Мы на пороге не включения нового субъекта в состав РФ. Мы на пороге полного разрушения системы международных договоров, экономического хаоса и политической диктатуры. Мы на пороге войны с нашим ближайшим, родственнейшим народом Украины, резкого ухудшения отношений с Европой и Америкой, на пороге холодной, а, возможно, и горячей войны с ними.

Ведь все это уже было. Австрия. Начало марта 1938 г. Нацисты желают округлить свой рейх за счет другого немецкого государства. Народ не очень жаждет этого — никто их не ущемляет, никто не дискриминирует. Но идея великой Германии кружит голову радикалам — местным наци. Чтобы поставить точку в споре о судьбе Австрии, ее канцлер Курт Алоис фон Шушниг объявляет на 13 марта плебисцит. Но наци и в Берлине, и в Вене это не устраивает. А вдруг народ выскажется против аншлюса? Канцлера Шушнига заставляют подать в отставку 10 марта, на его место президент назначает лидера местных нацистов Артура Зейсс-Инкварта, а германские дивизии уже входят тем временем в австрийские города по приглашению нового канцлера, о котором он сам узнал из газет. Австрийские войска капитулируют. Народ или восторженно встречает гитлеровцев, или в раздражении отсидивается по домам, или срочно бежит в Швейцарию. Кардинал Австрии Иннитцер приветствует и благословляет аншлюс... С 13 марта начались аресты. Канцлер Шушниг был арестован еще накануне. Плебисцит провели 10 апреля. В Германии за объединение с Австрией проголосовали 99,08%, в самой Австрии, ставшей Остмарк Германской империи — 99,75%. 1 октября 1938 г. также были воссоединены с единокровной Германией чешские Судеты, 22 марта 1939 г. — литовская область Клайпеды, превратившейся в один день в немецкий Мемель. Во всех этих землях действительно жили большей частью немцы, повсюду многие из них действительно хотели соединиться с гитлеровским рейхом. Повсюду это воссоединение прошло под фанфары и крики ликования обезумевшей в шовинистическом угаре толпы и при попустительстве Запада.

«Мы не должны обманывать, а тем более не должны обнадеживать малые слабые государства, обещая им защиту со стороны Лиги Наций

и соответствующие шаги с нашей стороны, — говорил Невилл Чемберлен в британском парламенте 22 февраля 1938 г., — поскольку мы знаем, что ничего подобного нельзя будет предпринять».

И совсем иное говорил Адольф Гитлер 23 марта 1939 г. с балкона на Театральной площади только что присоединенного Мемеля. За два часа до того он театрально вплыл на борту новейшего линкора «Германия» в мемельский порт. «...Немцы не собираются никому в мире делать ничего плохого, но нужно было прекратить страдания, которым в течение 20 лет подвергались немцы со стороны целого мира... Мемельских немцев Германия однажды уже бросила на произвол судьбы, когда смирилась с позором и бесславием. Сегодня мемельские немцы... опять становятся гражданами могучего Рейха, решительно настроенного взять в свои руки свою судьбу, даже если это не нравится половине мира».

И все казалось таким лучезарным. И слава Гитлера сияла в зените. И перед Великой Германией трепетал мир. Присоединение областей и стран к Рейху без единого выстрела, без единой капли крови — разве фюрер не гениальный политик?

А через шесть лет Германия была повержена, миллионы ее сынов убиты, миллионы ее дочерей обесчещены, ее города стерты с лица земли, ее культурные ценности, копившиеся веками, превратились в прах. От Германии были отторгнуты 2/5 территории, а оставшееся разделено на зоны и оккупировано державами-победительницами. И позор, позор, позор покрыл головы немцев. А все начиналось так лучезарно!

Друзья! История повторяется. В Крыму действительно живут русские. Но разве кто-нибудь притеснял их там, разве там они были людьми второго сорта, без права на язык, на православную веру? От кого их надо защищать солдатам российской армии? Кто нападал на них? Ввод войск иностранного государства на территорию другого государства без его разрешения — это агрессия. Захват парламента лицами в униформе без опознавательных знаков — это произвол. Принятие каких-либо решений парламентом Крыма в таких обстоятельствах — фарс. Сначала парламент захватили, премьера сменили на пророссийского, а потом этот новый премьер попросил у России помощи, когда помощники уже тут, уже день как контролируют полуостров. Как две капли воды похоже на аншлюс 1938 г. И даже референдум-плебисцит через месяц под дружественными штыками. Там — 10 апреля, здесь — 30 марта.

Просчитала ли российская власть все риски этой невероятной авантюры? Уверен, что нет. Как и Адольф Алоизович в свое время не просчитал. Просчитал бы — не метался по бункеру в апреле 1945 под русскими бомбами, не жрал бы ампулу с ядом.

А если Запад поступит не как Чемберлен с Деладьё в 1938, а введет полное эмбарго на закупки российских энергоносителей и заморозит

российские авуары в своих банках? Российская экономика, и так агони-зирующая, рухнет в три месяца. И начнется смута здесь, по сравнению с которой майдан покажется райским садом.

А если крымские татары, которые категорически против русской власти, которые помнят, что эта власть сделала с ними в 1944 г. и как не пускала назад до 1988, если крымские татары обратятся за защитой своих интересов к единой и единокровной Турции? Ведь Турция не за три моря, а на другом берегу того же Черного. И Крымом владела по-дольше, чем Россия, — четыре века владела. Турки — не чемберлены и не делады: они в июле 1974 г., защищая своих соплеменников, оккупировали 40% территории Кипра и, игнорируя все протесты, до сих пор поддерживают так называемую Турецкую Республику Северного Кипра, которую никто не признает, кроме них. Может быть, кому-то хочется иметь Турецкую Республику Южного Крыма? А ведь если горячие головы из крымских татар поднимутся на борьбу, то мусульманские радикалы со всего мира с радостью присоединятся к ним, а в особенности с Северного Кавказа и Поволжья. Не принесем ли мы бурю с крымских разоренных курортов в наш российский дом? Что нам — своих терактов мало?

И наконец, приобретя Крым, раздираемый внутренней распрей, мы навсегда потеряем народ Украины — украинцы не простят русским этого предательства никогда. Что, думаете, не будет, что это уж слишком, перемелется — мука будет? Не надейтесь, дорогие русские шовинисты. В конце XIX века сербы и хорваты считали себя одним народом, только разделенным границами, конфессией и графикой алфавита. Они стремились к единству — сколько книг было об этом написано ими тогда, умных, добрых книг. А сейчас мало найдется народов, столь озлобленных друг на друга, как сербы и хорваты. Сколько крови пролилось между ними, а все за какие-то кусочки земли, какие-то городки и долинки, в которых они могли бы жить вместе богато и радостно. Могли бы, да вот не сумели. Алчность до братской земли из братьев сделала врагов. А в повседневной жизни разве так не бывает? Стоит ли терять братский народ навсегда из-за призрачных вожделений? Да и раскол Русской церкви тогда уже неизбежен. Ее украинская половина отколется от московской навсегда.

Но еще более ужасным поражением обернется успех Кремля в присоединении Крыма. Если все легко получится, то завтра в Россию запросятся населенные русскими области Казахстана, там, глядишь, и Южная Осетия с Абхазией, и Северная Киргизия. За Австрией последовали Судеты, за Судетами — Мемель, за Мемелем — Польша, за Польшей — Франция, за Францией — Россия. Все начиналось с малого...

Друзья! Нам надо опомниться и остановиться. Наши политики втягивают наш народ в страшную, в ужасающую авантюру. Исторический опыт говорит, что ничего не обойдется так. Мы не должны вестись, как

повелись в свое время немцы на посулы Геббельса и Гитлера. Ради мира в нашей стране, ради ее действительного возрождения, ради мира и настоящей дружелюбности на пространствах России исторической, разделенной ныне на многие государства, скажем «нет» этой безумной и, главное, совершенно ненужной агрессии.

Мы потеряли столько жизней в XX веке, что единственно верным нашим принципом должен быть принцип, провозглашенный великим Солженицыным: сохранение народа. Сохранение народа, а не собирание земель. Земли собираются только кровью и слезами.

Ни крови, ни слез нам больше не надо!

Вождей нет, потому что они не нужны

Vedomosti.ru, 27.02.2014

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23345181/vozhdej-net-potomu-chto-oni-ne-nuzhny>

Нынешние властители послесоветских государств живут во вчерашнем дне, опасаясь новых Троцких и лейтенантов Шмидтов. Таковых не будет

Почему Болотная не родила вождей? Почему никто из тех, кто выступал перед сотысячными митингами на проспекте Сахарова, не смог соединить собравшихся вокруг себя? Их слушали, кого-то внимательно, кого-то вполуха, кого-то освистывали, но люди собирались не ради выступавших. К организаторам относились как к соратникам и помощникам в технической организации митингов и шествий, но не как к предводителям, не как к вождям. Даже Алексей Навальный, политик яркий и с безусловным вождистским даром, вождем так и не стал. Подавляющее большинство голосовавших за него на выборах московского градоначальника и выражавших солидарность с ним на Болотной двумя днями позже выражали солидарность не с ним, а с общественным протестом. На президентских выборах марта 2012 г. эти голоса рассерженных граждан собрал Михаил Прохоров, в сентябре 2013 г. — Навальный. Тем более не воспринимались в качестве вождей протестного движения ветераны оппозиции — Михаил Касьянов, Владимир Рыжков, Борис Немцов.

Суд над защитниками «узников Болотной»

Многих это огорчает. Часто можно услышать сетования, что нет у нас достойных политиков, которые могли бы составить альтернативу Владимиру Путину и сложившемуся политическому режиму, что «пло-

щадка вытоптана властью» и на ней уже ничего не растет. Но сетования эти несправедливы по существу. Деятели оппозиции ни в чем не уступают актуальным правителям страны: ни в профессионализме, ни в образованности, ни в честности, ни в практической успешности своих действий — некоторые из них были у власти. Пожалуй, во многом даже превосходят их. Михаил Касьянов — весьма успешный и высокопрофессиональный министр финансов и премьер-министр, Владимир Рыжков — опытный парламентарий, Алексей Навальный — умелый и решительный разоблачитель коррупционных схем и бюджетных распилов. В иное время имена политиков такого уровня были бы на устах многих — не боги же горшки обжигают! И тем не менее политическим вождем никто из них в нынешней России не стал. В чем же дело?

Оппозиция его величества

События на Украине, происходящие в последние месяцы, подтверждают эту русскую закономерность. Причем если в РФ действительно можно говорить о тщательном и циничном вытаптывании властью политической площадки, то на Украине — нет. Оппозиция там вполне деятельная и живая, ее лидеры прекрасно известны, популярными СМИ пользовались беспрепятственно — так что площадка не вытоптана, разве что немного подтоптана Виктором Януковичем. Да и протестная активность украинцев сейчас намного выше, чем у русских в 2011-2012 гг. А безвожье точно такое же. В какой-то момент показалось, что г-да Яценюк, Кличко и Тягнибок являются вождями майдана, что у украинского протеста есть лидеры, но очень быстро иллюзия рассеялась. Уже в конце января майдан добродушно-иронично называл трех лидеров парламентских оппозиционных партий «три богатыря». Им давали наказания, их строго предупреждали, когда они не могли договориться друг с другом или соблазнялись посулами Януковича. В них не разочаровались, им просто определили иную роль — роль представителей майдана в переговорах с украинской властью и с иностранными лидерами. Роль депутатскую, ответственную, но совсем не вождистскую.

Случайно ли это странное безвожье оппозиции на послесоветском пространстве? Вряд ли. В нем прослеживается некоторая закономерность. Но чтобы понять ее, следует бросить взгляд в прошлое. Откуда возникла сама идея политического вождя? Она берет начало в монархии. В старой России царя так и называли — «державный вождь русского народа». В католической Европе ситуация была несколько сложнее — глава церкви, папа римский, был независим от светской власти. Между королями и папой шла борьба за власть над душами и телами христиан. В Европе протестантской монарх считался верховным земным главой церкви. Русские императоры брали в этом пример с протестантских королей.

Но когда в Европе сложился слой интеллектуалов, его представители быстро заметили, что венценосные вожди вовсе не являются, за редким исключением, жертвенными радетелями о благоденствии ведомых ими народов. Монархи услаждались властью, славой, богатством, используя для этого тот самый народ, который они призваны были вести к счастью. Где-то это делалось грубо и цинично, с жестоким насилием, где-то тонко и умно, но делалось повсюду. Неграмотные простолудины покорялись власти, считая такой порядок богоданым. Восставали они от новых тягот и бесчинств власти, а со старыми привычно смирялись. Но воспитанные в нормах христианской морали интеллектуалы все чаще отказывались признавать правила игры власти с народом. Многие из них могли бы неплохо устроиться близ власти, многие и устраивались, но некоторые, повинувшись нравственному чувству, предпочитали быть с угнетенным и страдающим народом. Они образовали альтернативный властный полюс, они начали борьбу с правителями за народ. В тех странах, где, как в Великобритании, власть открыла возможность легальной политической деятельности, они ушли в политику, сформировав «оппозицию его величества короля». Там, где власть все формы протеста держала под запретом, критически мыслящие интеллектуалы составили сообщество интеллигенции, ставшей не оппозицией короля, а оппозицией королю.

Интеллигенция — политическое явление

Интеллигенция, что бы ни говорили марксисты, это не социальная прослойка и вообще не общественно-экономическое, а чисто политическое явление. Пушкин, скажем, при всем своем великом значении для мировой культуры, не интеллигент, так как власти он не противостоял, с ней не боролся. А Белинский и Чернышевский при несравненно меньшем интеллектуальном калибре — интеллигенты. Лев Толстой не был интеллигентом до романа «Воскресение», но стал им в последние десятилетия жизни, когда сознательно противопоставил себя царскому режиму. Интеллигенты — это не все люди умственного труда, а только те из них, часто немногие, кто в условиях политической деспотии решился встать на борьбу против деспота за благо угнетаемого и непросвещенного народа, который из-за своей темноты не может сам быть субъектом власти, а является только ее объектом. Интеллигенция и борется с властью за один и тот же объект — за народ, за его душу и тело. В России, по переписи 1897 г., профессионально занимались умственной деятельностью всего около 2,7% самодельного населения — 726 000 человек. Интеллигенция формировалась из этого слоя, но вряд ли составляла более 1/5 в нем. А объектом ее борьбы с правительством было 95% граждан России, которые сами не осознавали ни подлинной бедственности своего положения, ни путей выхода из него. Интели-

генция и предлагала большинству народа предельно упрощенный политический ситуационный анализ. Верный или ошибочный — это уже иной разговор. Но даже самый простой абстрактный дискурс не усваивается интеллектуально неразвитым сознанием.

Простым, плохо образованным людям нужна персонализация идеи. Они к этому привыкли, она для них естественна. Потому-то интеллигенция и выделяла из своей среды «вождей народа», не державных, но борющихся за державу с монархами. Поскольку эти «плебейские вожди» боролись за власть с царями ради народа — их лозунг повсюду «Долой самодержавие!». Поскольку церковь поддерживала царей — они антиклерикалы, а порой и откровенные безбожники. Поскольку власти-тели купались в богатстве — они подчеркнута аскетичны. По крайней мере, выставляли себя таковыми.

Нет нужды говорить, что, захватывая власть, интеллигентские вожди чаще всего становятся не меньшими деспотами, чем свергнутые только что тираны, что по-настоящему совестливые и честные из числа интеллигентов, как правило, пожираются своими алчными до власти собратьями. В российской революции победил не князь Кропоткин, не Виктор Чернов, не Марк Вишняк или Николай Бердяев, а Ленин, Троцкий, Сталин, Радек — люди без чести и совести. Но речь сейчас о другом — вождь не нужен культурным и образованным людям. Сами интеллигенты соглашались считать своих лидеров своими вождями нехотя — отсюда бесчисленные расколы в интеллигентских движениях. Тем более не нужны вожди просвещенным людям, находящимся вне касты интеллигенции. Каждый из них сам себе голова, каждый имеет свой более или менее продуманный политический проект, схему, иными словами — мировоззрение. У образованных людей могут быть власти-тели дум — Маркс, Ницше, Толстой, Михайловский, — но приставлять на свои плечи чужую голову образованному человеку вовсе не хочется.

Поэтому образованные люди вождям ненавистны или по меньшей мере подозрительны. Ленин именовал русских интеллектуалов бранным словом, а Николай II накануне революции 1905 г. оставался в полной уверенности, что «перемены хотят только интеллигенты, а народ не хочет» (из беседы с князем Петром Святополк-Мирским 22 ноября 1904 г.). Сам государь перемен тоже не хотел, а вышло иначе. У народа оказались вожди: сначала Георгий Гапон, потом Лев Троцкий, Георгий Носарь, Петр Шмидт — все люди образованные, культурные, которые сумели организовать, просветить на свой манер и повести за собой отвернувшийся от власти народ.

Уничтожая образованных противников, вводя информационную блокаду для «своих» народов, обретшие власть вожди утверждают свой авторитет среди неученого «трудящегося» большинства подданных, живущего заемным умом. Этим умом, а также честью и совестью наро-

дов желают стать разнообразные фюеры, державные и недержавные вожди, дуче, главы, председатели и иные «отцы народов». Ленин, Гитлер, Мао и, скажем, император Николай Павлович отличаются здесь только деталями, хотя порой и существенными.

В СССР действительно сформировалась, как говорили большевики, «советская интеллигенция», но это были не прикормленные академики и члены творческих союзов, боровшиеся за ордена Ленина, госпремии и госзаказы, а те, кто делом, словом или хотя бы волевым противостоянием боролись с большевицким режимом. Интеллигентами были Андрей Платонов и Михаил Булгаков, Анна Ахматова и Василий Гроссман, академик Сахаров и Александр Солженицын. Примечательно, что тогда значительная часть интеллигенции стала верующей — ведь власть была богоборческой; среди интеллигентов появились певцы старой России — ведь коммунисты разрушили ее до основания. А некоторые даже эстетически противопоставляли себя хамскому режиму — Михаил Булгаков демонстративно носил монокль и бабочку, стилиги — брюки-дудочки и яркие галстуки, слушали рок, отплясывали, как умели, твист и шейк. Но борьба советской интеллигенции велась не столько за народ, хотя и за него тоже, сколько за себя — рост образования делал культурное сообщество достаточно широким слоем, чтобы действовать в нем, просвещать его. «Народ» же, крестьяне и рабочие, все более сжимались в своей относительной численности по мере приближения к концу XX века, к концу большевицкого режима.

Крах и возрождение интеллигенции

Когда коммунистический режим рухнул, интеллигенция исчезла. Образованные люди быстро распрямили спины и пошли кто в политику, кто в образование, кто в бизнес, кто в СМИ, кто в религиозную деятельность. Пошли открыто и свободно. Бороться с властью подпольно им было уже не нужно. Общество стало если и не вполне демократическим, то по крайней мере открытым, и увлеченные политикой люди боролись друг с другом на открытой политической площадке.

Но все стало меняться в 2000-е, и особенно, если говорить об РФ, после серьезных объектных и субъектных фальсификаций выборов 2007-2008 гг., после введения фактической цензуры в СМИ и в церкви. Люди, незаконно исключенные из политики и общественной жизни, и их сторонники вновь начали сплываться в интеллигентскую касту в своем противостоянии власти, и эта общность громко заявила о себе в декабре 2011 г. Поэтому власть, памятуя печальный русский опыт начала XX века и часто к нему апеллируя, пытается всеми силами предотвратить возникновение альтернативных вождей из среды интеллигенции. Для этого-то нынешние руководители послесоветских государств и «вытаптывают политическую площадку», кого-то высылая из стра-

ны, кого-то сажая в тюрьму, кого-то страшая, кого-то подкупая, всех замалчивая.

Вожди действительно не появляются, но вряд ли это успех власти. Скорее всего, как и старые генералы, нынешние привластные политики экстраполируют в будущее опыт давно прошедших войн. А жизнь между тем изменилась кардинально. Интеллигенция теперь не выступает от имени народа и за народ, поскольку простого народа в развитых странах почти не осталось — все неплохо образованны, все имеют досуг думать и рассуждать, очень многие, часто большинство, заняты умственным трудом, живут в интернете, путешествуют по миру и реально, и виртуально. «Офисный планктон», или «креативный класс» (кому как нравится), ныне составляет в России не 2,7%, как в 1897 г., а треть самодеятельного населения (в крупных городах существенно более половины). В промышленном и аграрном производстве работает намного меньше людей. Поэтому и интеллигенция, как наиболее нравственная и ответственная часть образованного сообщества, из «класса для народа», стала «классом для себя». Теперь интеллигенты сами и есть народ — образованный, мыслящий народ, какого сто лет назад еще не было почти нигде в континентальной Европе, разве что в англо-саксонских демократиях он уже появлялся тогда. А образованному народу вожди не нужны.

Вожди не нужны

Культурный, мыслящий человек — сам себе вождь, сам себе ум, честь и совесть. Политик для такого человека не его мозг, а его агент во власти. Для образованного общества демократическое государство, причем государство более парламентское, нежели президентское, — естественная форма политического устройства, потому что такое общество само желает определять себе обстоятельства политической жизни и пути развития. Если политик перестает отвечать интересам граждан, его просто не избирают вновь. В современной Европе, как известно, вождей и национальных лидеров нет — ни правящих, ни оппозиционных. Вождь Дэвид Кэмерон, вождь Ангела Меркель — даже звучит дико.

Оппозиционное движение на послесоветском пространстве тоже не рождает вождей. Они и ему не нужны. Ему нужны честные его представители в политике — депутаты, министры, губернаторы, градоначальники. Уважение к своим избранныкам естественно, трепет, придыхание и восторг — смешны. Их не должны ожидать и сами оппозиционные политики, сила которых в ином — в требовательной поддержке обществом.

Нынешние властители послесоветских государств живут во вчерашнем дне, мечтают о безоглядной поддержке и всеобщей любви народа, ненавидят «мутящих воду» интеллектуалов и боятся пуще огня новых

Троцких и лейтенантов Шмидтов. Но конец их самодержавной власти положат совсем не новые вожди-соперники. Таковых не будет. Конец им положит новое гражданское общество, быстро складывающееся ныне во многих независимых государствах на пространствах исторической России. Безвожье оппозиции — свидетельство не слабости, а зрелости наших обществ. А зрелое общество, как и взрослый человек, сумеет само управлять собой.

Украина не расколота

Vedomosti.ru, 11.02.2014

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22586271/slavyanskaya-zima>

Единство с Европой вовсе не вкусовая или культурно-географическая причуда интеллектуалов. Для большинства украинцев это их хлеб насущный

Восточнославянские революции любят зиму. Оранжевая революция началась на Украине 22 ноября 2004 г. и продолжалась до повторного голосования второго тура президентских выборов 26 декабря. Белая революция в России началась 5 декабря 2011 г. митингом на Чистых прудах в Москве. В отличие от украинской революции 2004 г., приведшей к власти лидеров оппозиции, русская белая революция не увенчалась успехом — протест москвичей растаял летом 2012 г. И вот теперь вновь Украина. С 30 ноября 2013 г. Киев, а потом и всю страну сотрясает самый мощный гражданский протест на всем послесоветском пространстве за все послесоветское время. Эта новая зимняя революция уже получила на Украине имя революции достоинства. И имя это очень точно определяет характер нынешнего общественного возмущения.

Это первая революция на послесоветском пространстве, не связанная напрямую с выборами, точнее, с фальсификацией результатов выборов. Революция роз в Грузии, оранжевая революция на Украине, революция тюльпанов в Киргизии, массовые выступления в Ереване в конце февраля 2008 г., белая революция в России — все они произошли из-за махинаций власти с волеизъявлением граждан. Граждане желали, чтобы их воля действительно определяла, кому властвовать в их странах, а власть — по-советски — рассматривала выборы как средство узаконивания собственного господства над страной, как демократическую ширму диктатуры. То, что люди не были заодно с властью, то, что их волю надо было искажать, демонстрировало две реальности: во-первых, большинство граждан этой диктаторской властью не были довольны и, во-вторых, если не большинство, то многие верили в необходимость демократии как принципа государственного устройства.

Европа не причуда интеллигентов

Ныне свершающаяся на Украине революция вызвана иным — игнорированием властью желания людей видеть свою страну в объединенной Европе. В штабе сопротивления два флага — флаг Украины и флаг Евросоюза. Единство с Европой вовсе не вкусовая или культурно-географическая причуда интеллектуалов. Для большинства украинцев это их хлеб насущный. Ведь из-за нищенских зарплат и колоссальной безработицы множество граждан Украины вынуждены искать работу в странах Европы — от соседней Польши до далекой Ирландии. Сейчас украинцы в Европе — люди третьего сорта, бесправные гастарбайтеры, которые не могут рассчитывать на равную с гражданами Евросоюза защиту своего труда, пенсии, зарплаты, бесплатное медицинское обслуживание. Для них крайне сужены возможности легального трудоустройства. Болгар, румын, хорватов, поляков, литовцев всегда предпочтут им, обязаны предпочесть — ведь они граждане Евросоюза. А для молодежи закрыт бесплатный, по еврогрантам, доступ в европейские университеты, школы, профессиональные училища. Украинские проститутки на всех площадях Европы, украинские сиделки больных европейских стариков, прячущиеся от полиции и налоговой службы, в Италии или Испании — ныне печальная реальность. Но украинские девушки, будь Украина в системе Евросоюза, могли бы спокойно учиться и получать стипендию, а не продавать себя, а сиделки — сами лечиться или трудиться официально. И это весомый аргумент в пользу евроинтеграции.

Но нынешней украинской власти евроинтеграция не нужна, поскольку Евросоюз — это не только место трудоустройства граждан бедной страны, но и контроль еврочиновников над местной бюрократией, банками, денежными потоками, условиями труда и политическими процессами. Одна из потенциально богатейших стран Европы — страна черноземов, угля и стали, страна трудолюбивого и опрятного народа — по факту является одной из беднейших. Почему? Потому что в стране безраздельно властвуют бандитские кланы, которые политологи культурно именуют ФПГ, — финансово-промышленные группы, завладевшие всей приносящей доход собственностью Украины. Совершенно серьезно говорят о том, какая ФПГ управляет Донбассом, какая — Запорожьем, какая — Николаевом. Нищета народа — прямое следствие его обворовывания этими ФПГ, которые крайне низко оплачивают труд, совершенно не заботятся о безопасности и социальной защищенности работников, а все дивиденды кладут себе в карман. Крайняя роскошь и всевластие немногих и крайняя нищета и бесправие почти всех остальных — следствие такой жизни.

В сущности, подобным образом живут все 12 стран бывшего СССР, не интегрированные в Евросоюз. Харьковский коллега недавно с горечью и сарказмом сказал мне: «Вся разница между Россией и Украиной ны-

не в том, что у вас правят бандиты государственные — КГБ, а у нас просто бандиты, а КГБ у них на посылках». Интеграция в Евросоюз, безусловно, сократила бы всевластие пресловутых ФПГ и пусть не сразу, но ликвидировала бы их. Работникам пришлось бы платить больше, социальные гарантии обеспечивать по полной, финансовую отчетность делать прозрачной, демократию и местное самоуправление — настоящими. Нынешней властвующей элите Украины это совершенно не нужно. Более того — это угроза самому ее существованию. Намного проще сотрудничать с Россией и Китаем, где власть живет по тем же понятиям.

То, что жизненно необходимо народу, то для властей Украины — смерть. И потому на Украине революция, и потому главный лозунг этой революции — «Зека — геть!», а главный принцип — «достоинство». Люди Украины отказываются быть рабами ФПГ, они желают быть полноправными гражданами Европы. В этом вся суть нынешнего протеста.

Связанные с выборами или не связанные, но все революции последнего десятилетия на постсоветском пространстве суть революции гражданского достоинства. И в этом они очень сходны с революциями «арабской весны», последняя из которых — в Сирии — все еще драматически продолжается. Граждане — или по крайней мере существенная их часть — стали и на арабском Востоке, и на постсоветском пространстве достаточно образованными и знающими, как устроена жизнь в странах «первого мира», чтобы захотеть и в своих странах устроить правление демократическое, распределение национального дохода более справедливое, контроль граждан над властью более эффективный. Не уезжать туда, а преобразовать свою родину — вот главный принцип этих новых революционных движений.

Конечно, как и в любом широком народном движении, в новых революциях немало противоречивых тенденций и дискредитирующих основной принцип сил. Тут и национальный шовинизм, и религиозный экстремизм, и попытки возродить весьма порой несимпатичные бывшие исторические формы, и просто бандитизм. Но примечательно: эти окружающие основное движение силы нужны скорее не борцам за новое общество, а тем, кто желает сохранить как можно дольше status quo. Ведь захватившая власть и ресурсы страны клика, если в ее высшую миссию (освободителя мирового пролетариата от уз капитала или борца за национальную независимость, а тем паче путеводителя в царство Божие) народ перестает верить, крайне нуждается в социальной базе. Бандита и разбойника в чистом виде ни одно общество не потерпит — ведь честных людей бесконечно больше, чем грабящих их лихоимцев. Поэтому бандит государственного масштаба стремится выставить себя защитником или обездоленных, или единоверцев, или соплеменников, или какой-то иной большой совокупности. Там, где это удается, начинается гражданская война со всеми ее ужасами и непред-

сказуемостью, там, где не удается, — граждане отщелкивают изолгавшегося диктатора и его камарилью, как прихлопнутого комара. Увы, второе получается нечасто. Например, в Тунисе получилось — и Бен Али навсегда покинул страну. Получилось и в Грузии во время революции роз. А вот в Ливии и Египте не получилось вполне, а в Сирии и вовсе не получилось, и в Киргизии не вышло, и на Украине в 2004 г. В Ливии Каддафи смог противопоставить одни кланы другим, опереться на соплеменников — и потому кровавая и жестокая гражданская война. В Египте Мубарак ушел, но разгорелся застарелый конфликт между модернистами и мусульманами-фундаменталистами. И в результате генералы вернулись. В Сирии Башар Асад мобилизовал единоверных ему алавитов (нусайритов), которым грозят многие беды от восставшего против власти Асадов суннитского большинства страны. В Киргизии удалось во время тюльпановой революции юг противопоставить северу, Ош — Бишкеку. На Украине в 2004 г. г-н Янукович позиционировал себя как выразитель интересов русскоязычных юга и востока, ориентированных на «советские ценности», против националистического, широко-украинского запада страны и киевской интеллигенции. И ему это долго удавалось.

Но в последние славянские зимы маски были сорваны. В России зимой 2011-2012 гг. народ выступил против электоральных фальсификаций и против проглотившего Россию дракона. Плакаты требовали: «Верни нам нашу страну!», «За новые честные выборы!». Социальная база ускользала из-под ног правящего режима. Ему помогло то, что провинция еще не ощутила надвигающегося системного кризиса. Напротив, в 2011-2012 гг. экономика большинства регионов благодаря высоким ценам на нефть была на подъеме, а фальсификация выборов еще по-советски казалась делом привычным — «сами решат — нас не спросят». Да и раздражение было на протестующих горожан мегаполисов, в первую очередь на москвичей — «и так живут лучше всех — с жиру бесятся». Но такая социальная база режима неорганична, строится на легко изменяемых факторах. Это не национальность и не конфессиональная принадлежность. И она быстро размывается временем, новым опытом гражданской деятельности и особенно ухудшением качества жизни — а именно оно и происходит в России в течение последнего года. Власть в России имеет очень большие шансы в ближайшее время лицом к лицу встретиться с разгневанным обществом не только москвичей и петербуржцев, но и провинциалов.

А на Украине уже встретилась. Сила украинцев в том, что кроме ведущего слоя крупнейших университетских городов там есть еще семь западных областей, не бывших в составе СССР в самые страшные десятилетия большевистского режима, когда массовым террором, голодоморами, многомиллионными перемещениями населения, попыткой

тотального уничтожения религии народы России были буквально смолоты в порошок. Кстати, совсем не случайно, что революция достоинства началась с ниспровержения того, кто положил начало гибели народов России, в том числе и на Украине, — с ниспровержения памятников Ленину в Киеве, Котовске, Фастове. Это очень верно направленное действие на искоренение зла.

Украина не расколота

Тем, кого судьба оставила за границами СССР в 1920-1930-е гг., исключительно повезло. Вторая мировая война, предвоенные и послевоенные репрессии, третий голодомор 1946-1947 гг. тоже были бесконечно страшны, но, как показывает социоисторический анализ, менее разрушительны для общества. В Галиции, на Волыни, в Закарпатье и Северной Буковине общество, хотя и сильно травмированное, но сохранилось, как сохранилось оно в странах Балтии, в Западной Белоруссии, Бессарабии и в трех крохотных районах России — Ивангородском, Печорском и Пыталовском. Западные украинцы — это не другой народ, это такие же украинцы, как слободчане или подоляне, но в силу исторических особенностей существования в XX в. сохранившие больше гражданской солидарности и общественной ответственности, чем на востоке Украины. Объединение киевских интеллигентов и простых парней-западенцев — это политическая сила. Но пока они оставались силой в себе, как это было и в 1990-е гг. и в 2004 г., пока говорили о своих проблемах, своем украинстве, своем Бандере — они были чужды восточным областям, и этим успешно пользовалась олигархическая верхушка.

Но 30 ноября 2013 г. они выступили от имени всей Украины и в интересах всей Украины. Ведь русскоговорящие жители Донецка или Запорожья живут ничем не лучше, а может быть, и хуже западенцев. И в Европу ездят на заработки не менее активно. Вот половина Мариуполя трудится в Греции. Майдану надо было подчеркнуть, что он отстаивает не украинство, а право на жизнь, не западенство, а гражданское достоинство всех людей Украины — и «щирых», и менее «щирых», и вовсе русских, татар, болгар, армян. Виталий Кличко специально выступал с трибуны и на русском языке, и священник из Харькова, извинившись перед украинцами, тоже говорил по-русски, как и некоторые другие ораторы. И никто освистан не был. А в Запорожье, Днепропетровске майданы и вовсе проходят на русском языке. Это верный политический выбор. Олигархи долго черпали силы из противоречий между востоком и западом страны. Но источник их силы иссяк — люди Украины за проблемами этнорегиональными, большей частью иллюзорными, увидели задачу подлинную, общенациональную: «Зека — геть!» — и отстаивают ее с паразитическим упорством и мужеством. Исход револю-

ции достоинства еще не ясен. Не будем его предрешать. Но то, что произошло за эти два зимних месяца 2013-2014 гг. уже бесконечно важно и для самосознания народа Украины, и для России.

Для России события на Украине важны, во-первых, потому, что два народа связаны миллионами нитей — общностью языка, истории, веры, родством семей, дружескими узами. О происходящем в Киеве тут же узнают по всей Руси великой от Кенигсберга до Сахалина не только благодаря вседесущему интернету, но и по телефонным разговорам родственников, e-мейлам друзей. Тот же эффект был и у «арабской весны». Но важно не только это. Дело в том, что не раз в прошлом Великороссия через Украину могла войти в Европу. В 1399 г. великий князь литовский Витовт с огромной армией выступил против Орды, чтобы окончательно освободить от ига русскую землю, но не удалось тогда. На реке Ворскле западнорусские, немецкие и литовские полки были разбиты татарским полководцем Едигеем. Восточная Русь осталась под Ордой, отрезанная от Европы. В конце XVII в. царевна Софья Алексеевна и князь Василий Голицын хотели открыть Россию Европе через близкие нам Украину и Польшу. Вновь не удалось. Брат Софьи Петр сверг власть сестры и выбрал для нас иное — путь принудительной поверхностной германизации, путь крайне болезненный, породивший раскол общества, крепостное рабство, ослабление веры и в конце концов ужасную нашу революцию XX в.

Ныне, студеной славянской зимой, народ Украины вновь стремится проложить себе путь в Европу. Сможет ли проторить он этот путь, будет ли этот путь от нас или путь и для нас, людей России, — во многом зависит от нашего отношения к стремлению братского народа.

Перспективы гражданского общества в сегодняшней России

Vedomosti.ru, 07.10.2013

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/17169751/istoriya-grazhdanskogo-obschestva>

Сейчас в России властная элита является наиболее архаичной и наименее европейской частью общества

Единый день выборов 8 сентября 2013 г. войдет в историю нашей страны не привычными фальсификациями и даже не приятно неожиданным успехом Алексея Навального в Москве и Евгения Ройзмана в Екатеринбурге. Этот день запомнится в первую очередь необычайной активностью множества людей — наблюдателей, партийных и беспартийных добровольцев во многих областях и городах России. Кое-где власть буквально пасовала перед лицом контролирующих ее людей и на ходу меняла сценарии подсчета результатов голосования. Из реги-

онов на Старую площадь Москвы обрушился вал телефонных звонков от недоумевающего и испуганного местного начальства, и в окнах Боярского двора, ставшего в свое время зданием ЦК КПСС, а ныне, по продолжительству, президентской администрацией, чуть ли не до утра горел свет.

I

Восьмое сентября стало днем триумфа массовой политической самоорганизации граждан, происходившей с зимы 2011-2012 гг. Сначала стихийные демонстрации, потом союзы избирателей, выдвижение членов ТИК и УИК, волонтерская работа тысяч молодых и не очень молодых людей в избирательных штабах популярных оппозиционных кандидатов по всей России. Мало где эта работа обернулась победой, но повсюду — удивительным единодушием до того не знакомых друг с другом людей и соединением сил на будущее. Более, чем все митинги и демонстрации прошедших двух лет, 8 сентября продемонстрировало две истины: во-первых, новый политический слой сложился и, во-вторых, люди, к нему принадлежащие, знают, что надо делать, чтобы вернуть власть над страной под контроль общества.

Появление в русской политике этого нового политического слоя — факт весьма заметный, медийно и исследовательски привлекательный, но политическая активность принадлежащих к нему людей есть лишь продолжение их многосторонней общественной деятельности. Многие из них уже несколько лет принимают деятельное участие в разнообразной неполитической волонтерской деятельности от борьбы с природными катастрофами — лесные пожары 2010 г., наводнение в Крымске — до помощи больным и розыска потерянных. Еще более активно и еще менее заметно проходит самоорганизация этого слоя в повседневной жизни — они организуют жизнь поселений близ больших городов, собирают деньги, проводят дороги и коммуникации, контролируют местную администрацию. Исследователи этих процессов заметили, что много где в областных центрах в районах нового строительства отдельных или малоквартирных домов привычная властная вертикаль видоизменяется во властный треугольник, в котором одной из сил становятся молодые, активные, образованные и сравнительно зажиточные обитатели. Они диктуют свою волю местной администрации, назначенной по старинке из района, и расчетливо отпускают ей свои деньги на свои же нужды (см., например, исследование Вадима Григоричева о пригородах Иркутска, «Полития», № 1, 2013). Еще немного — и они сами изберут себе власть и «район» ничего не сможет с этим поделать.

Этот процесс становления нового слоя и превращения его в ведущий политический слой идет ныне в России исключительно быстро. Разу-

меется, по всем правилам социологической теории, для России хорошо объясненным в ряде монографий профессором Наталией Зубаревич, в крупнейших городах он протекает наиболее активно, в средних городах существенно медленнее, в малых поселениях — совсем слабо. Но он протекает повсюду в одном направлении, и это самое главное. В чем причины такой динамики?

Во-первых, новое поколение, вошедшее в активную пору жизни уже после конца советского режима, привыкло надеяться на себя, на друзей, но не на власть. Старики еще могут просуществовать на жалкую пенсию и скудные льготы, но молодые, если они хотят жить достойно, создать семью, рожать детей, интересно отдыхать, должны сами строить свою жизнь, быть самостоятельными и самоответственными. О них никто не позаботится кроме них самих. Сейчас люди моложе 40-45 лет в крупнейших городах, 30-35 лет в средних, 20-30 лет в малых населенных пунктах, если они не спились, думают и действуют именно так. Это не «сетевые хомячки», это именно «креативный слой», и творят они не что-то внешнее, а в первую очередь саму свою жизнь. Примечательно, что, по опросу службы «Среда» (www.sreda.org/arena) в октябре 2012 г., 29% молодых людей (18-30 лет) хотят начать свое собственное дело, в среднем же среди россиян таковых 9%. 36% молодых хотят иметь много детей.

Во-вторых, эти люди, надеясь на себя и друзей, достигают, пусть и с огромными усилиями, но более высокого стандарта жизни, чем их старшие братья и отцы. Они имеют независимые источники существования и, даже если работают на государство, знают, что они ему нужнее, чем оно им. 33% молодых, по данным того же опроса, хотят навсегда уехать из России. Понятно, что большинство из них никуда не уедет, а многие из тех, кто уедет, вернуться, не найдя себе достойного применения за рубежом. Но важно глубокое недовольство молодых людей российским status quo и их желание активно преодолевать его.

В-третьих, молодые имеют большой опыт иного — жизни за границей, пользования современными комфортными условиями быта. Они знают, что отношения между людьми могут быть более гармоничными и человечными, чем у поколения их отцов. Неслучайно они чаще склонны к самопожертвованию (13% против 5% в обществе в целом) и добровольной общественной работе (16% против 10%).

И, наконец, в-четвертых, именно молодые наиболее активно используют новые технологии для свободного получения и обмена информацией и эффективной горизонтальной мобилизации. Они существенно лучше организованы и информированы, чем их отцы и деды, они значительно чаще владеют иностранными языками.

Именно сейчас, через четверть века после разрушения тоталитарного режима, изменения общества перешли из потенциальной в актуальную форму вместе с выросшим и вошедшим в практическую жизнь но-

вым поколением. Изменения сознания принимают ныне в нашем обществе почти взрывной характер, влияют и на среднее, и даже на старшее поколение, не столько отсекая, сколько мобилизуя его и подвергая к молодым, хотя мы, находясь в потоке жизни, это редко замечаем.

II

Проблема и беда российской власти в том, что этот новый политической слой и генетически, и психологически ей совершенно противоположен. Нынешняя властная элита — это почти не модифицированная старая советская элита, состоящая большей частью из офицеров советских спецслужб и аппаратчиков КПСС и ВЛКСМ. Она не умеет управлять иначе, чем по-советски, т. е. в системе матерного окрика сверху и лицемерного холуйства снизу; органически не способна говорить правду ни друг другу, ни управляемому народу, ни внешнему миру; громко вещает об общем благе, но преследует только свои собственные и, как правило, низкие и аморальные интересы. Она лжет и ворует, из страха перед покоренным народом сохраняя в своих отношениях принцип круговой поруки. Так всегда вела себя советская «элита», по крайней мере в послесталинский период. При Сталине было чуть иначе — преданность вождю-людоеду ценилась выше взаимной поруки. Все остальное было то же самое.

Нынешняя политическая власть управляет архаически, по-советски обществом, которое в динамичных своих когортах быстро становится совершенно несоветским. Управленческая вертикаль, тотальный контроль, страх перед любым свободным делом, любой инициативой — все эти специфические черты советского осуществления власти, вполне присущие нынешней властной «элите», не нужны новому политическому слою. Он живет по иным принципам — свободной общественной и политической самоорганизации, свободного ответственного предпринимательства, свободного распоряжения честно заработанными средствами. Людям этого слоя противно лгать и стыдно воровать, хотя власть и пытается всячески разлечь их, предлагая свои на первый взгляд соблазнительные правила бизнеса и жизни. Нынешняя российская власть органически не может управлять свободными людьми, имеющими чувство собственного достоинства. Она пытается или водить их за нос, или бьет палкой по голове. Но первое все меньше удаётся, а второе все меньше устрашает образованных и мужественных людей нового политического слоя.

В прямую антитезу известным пушкинским словам, что правительство у нас единственный европеец, сейчас в государстве, называемом Российской Федерацией, властная элита является наиболее архаичной и наименее европейской частью общества, а стоящий в оппозиции

к власти новый политический слой — самым модернизированным и действительно европейским. Сверху старое — снизу новое. Это совершенно непривычная конфигурация общественных сил для России.

Когда Пушкин писал Чаадаеву: «...le gouvernement est encore le seul Europeen de la Russie», он был совершенно прав. И когда через четверть века после этого неотправленного письма «единственный европеец» вынужденно начал великие реформы русской жизни, это были именно преобразования в сторону европеизации и модернизации страны. И они получились потому, что проводил их самый европеизированный слой тогдашней России — русская аристократия. То, что сами аристократы впитали еще со времен царя Алексея Михайловича и Софьи, теперь они — кто по доброй воле, кто из страха новой пугачевщины — предлагали всему русскому обществу.

Реформы, начатые в 1860-е гг., постепенно преобразовывали русское общество. К 1917 г. модернизированный слой «новых людей» составил примерно 15-18% и рос по экспоненте благодаря и небывалому развитию хозяйственных сил, и гражданским и политическим свободам, дарованным 17 октября 1905 г., и столыпинским реформам, и закону 1908 г. о всеобщем начальном образовании. Лишь в малой степени слой новых людей состоял из потомственно вестернизированных дворян (потомственные дворяне составляли 1% от населения империи). В подавляющем большинстве новые люди были внуками частновладельческих или государственных крепостных крестьян, но сами они уже имели хорошее среднее, а то и высшее образование, трудились в бизнесе, банковской сфере, адвокатуре, были врачами, инженерами, офицерами армии и флота, чиновниками, людьми свободных профессий, квалифицированными рабочими, предприимчивыми фермерами. Они составили новый политический слой императорской России, и между ними шел спор за темп и оптимальный путь России в сообщество современных западных наций. В сущности, и революция 1905 г., и февральская революция 1917 г. были вехами этого пути, правильными или ошибочными, но выборами наилучшего вектора модернизации.

Вернуться на путь, прерванный большевиками

Vedomosti.ru, 08.10.2013

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/17219601/prervannaya-revoluciya-sozidaniya>

Новый политический слой — наследники тех, кто строил пореформенную Россию

Внутри нового политического слоя, сформировавшегося в императорской России, шел спор о путях и темпах интеграции России в сооб-

щество современных западных наций. В сущности, и революция 1905 г., и Февральская революция 1917 г. были вехами этого пути, правильными или ошибочными, но выборами наилучшего вектора модернизации.

III

Совершенно иной характер имел октябрьский переворот 1917 г., организованный большевиками. Стремясь любой ценой захватить Российское государство, большевики, лидеры которых сами принадлежали к модернизированному меньшинству, обратились не к своему слою, а к необразованному и еще пребывавшему в средневековой архаике большинству русского общества, обратились не к удачливым, а к неудачникам, не к образованным, а к неграмотным. Большевики объявили цели, которые были заведомо неисполнимы и которые, в силу своей принципиальной неисполнимости, могли увлечь только абсолютно неискушенных современной жизнью людей, озлобленных к тому же успехом своих соседей и тяжкими 30 месяцами окопной жизни в непонятной для них Мировой войне. Эта громадная масса не желавших более воевать молодых неграмотных мужчин, владевших современным оружием, привыкших к крови и убийству на фронте, составила основную силу большевиков. Волна архаической контрреволюции против помещиков и попов, интеллигентов и вообще людей в очках, против офицеров и «буржуев» поднялась помимо большевиков и помимо пресловутых немецких денег, но большевики благодаря немецким деньгам и необыкновенному цинизму сумели вскочить на эту волну и захватить власть, быстро усмирив с помощью голода и ЧК разбушевавшуюся народную стихию.

Примечательно, что новый политический слой тогдашней России почти единодушно выступил за февраль, но против октября, и он же составил основную силу белого сопротивления большевикам в пятилетней (1917-1922) Гражданской войне. Белые воевали не против большинства народа, они сражались за возможность продолжения модернизации, за грядущую цивилизованную Россию и за право необразованных и одуроченных большевиками людей стать в недалеком будущем ее полноценными и сознательными гражданами. Большевики же вели против нового политического слоя войну на уничтожение, бестрепетно убивая людей, принадлежащих к культурному слою, если они не выказывали полной и безоговорочной поддержки большевицкому режиму. В выходцах из нового политического слоя они совершенно справедливо видели главную угрозу своей власти над Россией и над необразованным большинством ее народа.

В Гражданской войне большевики победили, и ценой этой победы стало полное уничтожение нового политического слоя, образовавшегося

за полвека пореформенного развития императорской России. Он частично был физически умерщвлен в нескольких волнах террора, частично выморочен голодоморами, в значительной части изгнан из отечества, сгноен в ГУЛАГе, сломлен постоянным страхом за свою жизнь и жизнь близких. Немногие были кооптированы в новый большевистский правящий класс, но заплатили за это огромную нравственную цену, отказавшись от родителей, предав ближних, похулив веру отцов и став, в сущности, другими людьми, приняв правила жизни новых хозяев. Те единицы, кому удалось выжить и не сломаться, никакого общественно значимого слоя уже не составляли. Это были разрозненные человеческие монады, в лучшем случае небольшие семейные сообщества.

Большевики, оседлав архаическое большинство русского народа, уничтожили не только старый модернизированный слой, но и накрепко зацементировали источники его формирования. Они, покончив в 1928-1929 гг. с нэпом в городе и в 1929-1932 гг. в деревне, ликвидировали все независимые от своей власти источники существования граждан покоренной страны. Утвердив тоталитарную коммунистическую идеологию, большевики исключили все возможности интеллектуального разнообразия и ценой резкого снижения культурного уровня добились единообразия мысли, по крайней мере изреченной, на уровне самых примитивных парадигм. Воздвигнув «границу на замке», которую позднее Черчилль назовет «железным занавесом», большевики отделили народ России от всего мира. Что происходило за границами в политической, культурной, хозяйственной жизни, здесь знали только избранные, да и то плохо.

В итоге большевики осуществили колоссальную по масштабу архаическую контрреволюцию. Вернув страну к временам Ивана Грозного и в политическом, и в хозяйственном отношении, они превратили Россию в осажденную крепость с нищим, одичавшим и запуганным народом, с принудительным трудом на казенных землях и заводах, с пропагандой вместо культуры. Сначала большевики действовали вполне сознательно, страшась, что «лохи», сообразив, что их обманули, самоорганизуются, как в 1612 г., и свергнут воровскую власть. Сталин, выражаясь на своем языке, пугал сподвижников: «Вот не станет меня, империалисты передушат вас как котят». Потом советские вожди стали действовать по привычке, сами поверив в те догмы, которыми пичкали народ. Горбачев вполне искренно призывал сподвижников «вернуться к Ленину», видимо плохо понимая, чем был в действительности его кумир.

Такая метаморфоза не случайна. Архаическая контрреволюция не только уничтожила нравственно ответственный сознательный и хозяйственно самодостаточный слой старой России, но и с самими большевиками сыграла жестокую шутку. Ее вожди, выходцы из культурного слоя, были быстро пожраны новыми вождями, поднявшимися из са-

мых низов, рожденными, так сказать, этой архаичной контрреволюцией. На протяжении всех 70 лет — от Ленина до Черненко — правящий слой большевистского государства интеллектуально и культурно постоянно деградировал. Читая дневники и воспоминания сподвижников последних красных правителей, поражаешься тому, в каком дикарстве, в какой грубости и интеллектуальной убогости жили они в своей повседневной жизни. Наглухо зацементировав из страха перед возможностью гражданского возрождения русского общества все источники его независимого существования, большевики успешно растлили общество, но при этом совершенно растлились сами.

IV

Так что удивляться, что в 1989-1991 гг. Россия не смогла построить рыночное демократическое общество, нет серьезных причин. Строить такое общество было не из кого, да и некому. У нас не было альтернативной элиты выходцев из былого политического слоя, как в странах Восточной Европы. Эта элита давно была стерта в лагерную пыль или — отделенная семью стенами от исторической родины — постепенно растворялась в дальнем зарубежье. В России в судьбоносные годы конца XX в. оказалась только одна элита — коммунистическая, сформированная архаической контрреволюцией. Она и повела страну, коль тоталитарный режим рухнул, в некоммунистическое будущее. Но какой была эта «элита» (теперь кавычки уместны), такой она и осталась и даже стала еще хуже, так как сравнительно образованный слой кремлевских советников быстро заместился третьим эшелонном провинциальной партноменклатуры и офицеров спецслужб — циничных, жадных, непросвещенных и совершенно советских по своему генезису. Это наиболее активная, наиболее «пассионарная» часть общества архаичной контрреволюции. Они жаждут сохранить за собой власть и сохраняют ее теми средствами, навыки которых унаследовали от своих духовных отцов (не случайно г-н Путин первым делом, придя к власти, восстановил мемориальную доску Юрию Андропову на здании КГБ на Лубянке).

Но российская жизнь уже 25 лет как иная. Страна открыта миру, в ней нет моноидеологизма (хотя многие по нему вздыхают), появились возможности независимого от режима экономического существования. То есть тщательно зацементированные в конце 1920-х — начале 1930-х гг. источники формирования модернизированного и европеизированного нового политического слоя после 1989-1991 гг. вновь раскрыты, отворены. И результат не замедлил явиться — через положенное для взросления время новый слой вышел на политическое поприще, гласно заявил о себе.

Сейчас ситуация зеркальна той, что была в России к 1917 г. Тогда небольшая модернизированная часть общества правила, противостоя ар-

хаическому большинству и стремясь как можно быстрее модернизировать его, чтобы исключить возможность архаической контрреволюции. Не получилось — архаическое большинство, взнуданное большевиками, уничтожило модернизированный слой и утвердило свою власть над страной, отбросив ее в XVI в. Не Верхняя Вольта с баллистическими ракетами, а Иван Грозный с термоядерным оружием — вот чем был большевистский режим.

А нынешний режим — архаический, авторитарный, не умеющий и не могущий управлять свободным обществом. Противостоит ему модернизированный новый политический слой, желающий и умеющий жить свободно. Время работает на него. На митинги и шествия новой оппозиции десятки тысяч людей собираются добровольно и бескорыстно, на выборах тысячи волонтеров, сторонники партий и кандидатов, представляющих этот слой, также трудятся добровольно и бескорыстно. И большей частью это молодые, успешные, состоявшиеся люди, хорошо образованные и не страдающие избытком свободного времени. А на митинги власти людей покупают и сгоняют, используя административный ресурс. На выборах «волонтеры власти» — в действительности или административно, или финансово зависимые люди. Настоящих добровольцев среди них нет. Электорат власти — это люди советского вчера, которым не удалось подняться в сегодняшний день. Это несчастные старики, которых пугают отъятием социальных льгот; это разуверившиеся во всем обыватели, повторяющие — «до нас все равно никому нет дела»; это запуганные разрухой ранних 1990-х безынициативные люди, считающие, что от каждой перемены может быть только хуже. С такой социальной базой будущего у нынешней власти нет. Правящий слой архаической большевистской контрреволюции исторически обречен на исчезновение. Их собственные дети или примыкают к новому политическому слою, ибо там жизнь, или растворяются за границей. Массы молодых необразованных мужиков в шинелях, глотнувших кровь войны, которых поднял когда-то Ленин, у г-на Путина нет и в помине, а с бабушками, с равнодушными обывателями, с возвращенными селигерскими мальчишками и девчонками, с г-ном Прохановым и чудачком с «Уралвагонзавода» далеко не уедешь. Это Совдепия уходящая.

Ей на смену приходит и уже отворяет ворота Кремля новая Россия, та, что так жестоко была вытоптана чекистскими сапогами в 1920-1930-е гг., но которая возродилась вновь. Новый политический слой — это наследник и внуки тех, кто строил пореформенную Россию, ее земства и города, ее суды и Думу, ее университеты и заводы; тех, кто пошел с генералом Корниловым в донскую февральскую пургу 1918 г. сражаться «За Русь Святую». У умирающей Совдепии нет ни сил, ни куража вновь растоптать их. Теперь сила, молодость и вера в победу человечес-

кого достоинства принадлежит этому новому, а вернее, возродившемуся политическому слою, наследникам Великих Реформ. Они продолжают ту мирную революцию созидания, которая была прервана архаической контрреволюцией октября 1917 г.

И я уверен: на этот раз они завершат ее.

Украина как искушение

Kommersant.ru/Ogoniok, 24.02.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2399343>

Обострение ситуации в Киеве — немалое испытание для Европы, переживающей свой «кризис идентичности». Как все это может отразиться на отношениях с Россией?

Знаменитый французский публицист ультралиберального толка Бернар-Анри Леви, страстный сторонник продвижения европейских ценностей, писал несколько недель назад под впечатлением от посещения майдана: «Украина дает шанс нынешней бездушной Европе... Она может возродить угасающую европейскую идею, которой необходимо любыми средствами воссоздать свою утраченную славу». Иными словами — революционная энергия периферии снова, как и на рубеже 90-х, поможет преодолеть застой в европейском ядре. Помнится, в предыдущий раз воодушевление посетило маститого интеллектуала в 2011-м, после визита к повстанцам в Бенгази. Он позвонил своему другу Никола Саркози и вдохновил его на войну в Ливии. Европе это, впрочем, не очень помогло...

Кстати, по совсем другим мотивам, куда более «реал-политическим», майдан возбудил и Германию: способность содействовать решению украинского кризиса — тест на европейское лидерство, к которому Берлин, похоже, созрел. Правда, получиться может все наоборот — прием Ангелой Меркель оппозиционных политиков Виталия Кличко и Арсения Яценюка спровоцировал настоящее побоище в Киеве. Санкцию на насилие госпожа канцлер, ясное дело, не давала. Но телевизионной картинке, на которой главный европейский политик сердечно встречается с предводителями «европейского выбора» Украины, хватило, чтобы радикалы решили: ну все, Запад с нами, вперед! Замечательное получилось умиротворение...

В Европе что-то происходит. Старый Свет снова меняется, точнее, находится на пороге изменений, которые пока трудно предугадать — слишком много процессов одновременно. Но все сильнее ощущение, что предстоит другая эпоха.

Прежняя наступила с концом холодной войны, когда исчез железный занавес. Европа бурно отпраздновала воссоединение и нацелилась на новые высоты. Преобразование Европейского сообщества в союз, единый внутренний рынок, общая валюта, расширение, благодаря которому стран-членов стало в два с лишним раза больше (28 сейчас про-

тив 12 20 лет назад), наконец, проект Конституции для Европы, которая предусматривала превращение ЕС в самостоятельного тяжеловеса мировой геополитики.

На фоне подъема амбиций внутренние проблемы казались досадным наследием, а европейская интеграция — универсальным средством против болячек, от которых Европа страдала веками. Тех, что не раз приводили ее к войнам и разорению: великодержавные замашки, национализм и сепаратизм, экономическое неравенство между странами и регионами, соперничество за жизненное пространство. Даже идейные баталии начали затухать — вроде бы нащупали золотую середину между правыми и левыми, социалистами и консерваторами, либералами и дирижистами. О чем спорить, если цель близка: мирное общество всеобщего благосостояния, в меру справедливое и достаточно эффективное. Ну и главное — Европа снова поверила в свое моральное превосходство, ведь именно она предлагала миру привлекательную и практически лишенную недостатков модель.

Будущее — позади?

Сегодня конец XX — начало XXI столетия представляется золотой эрой. Финансовый кризис бросил тень на самую политико-экономическую систему Евросоюза, ее устойчивость и перспективы. А без картины все более прекрасного будущего, которое впереди, и ощущения убедительного морального и интеллектуального лидерства Старый Свет впал в хандру. Главное — Европа потерялась в глобальном мире.

Лозунг конца прошлого века был очень доходчив. Всеобъемлющая тотальная конкуренция не оставляет шансов на мировую роль отдельным европейским странам, даже таким крупным, как Германия или Франция. Только объединив усилия, Европа способна встать наравне с гигантами XXI столетия — с США, Китаем, возможно, Индией, в политическом смысле с Россией. Логично. Тем больше обескураживает результат.

Вес единой Европы в мире не просто меньше, чем сумма потенциалов стран-членов, но и по отдельности возможности грандов, той же Германии, Франции, Великобритании, сократились в сравнении с тем, что было 20 лет назад. Такие столицы, как Рим или Мадрид, просто выбыли из числа игроков, имеющих хоть какое-то политическое значение. Катастрофа постигла Париж — трудно припомнить времена, когда Франция была бы настолько бесцветна на международной арене, даже по европейским вопросам. Лондон держится благодаря мощи финансового центра, но не как главный город страны, утрачивающей стратегическое видение и влияние.

Все это превращает Берлин в безальтернативный центр Европы, Германия уже не может откочевывать от ответственности. На деле она от

нее отвыкла (вся вторая половина XX века ушла на то, чтобы отучить немцев от амбиций), а когда примеряет на себя роль ведущего, становится объектом подозрений всех вокруг. Тем более что противовес объективно отсутствует, Франция с этой своей традиционной обязанностью не справляется.

Внутреннего баланса в Европе нет и в помине. Особенно если вспомнить о двадцатке остальных стран, часть из которых охвачена глубоким социально-экономическим либо политическим кризисом, а другая часть (как, например, Польша) стремится повысить свое место в континентальной иерархии.

Неразбериха накладывается на запутанные отношения с Соединенными Штатами, привычным патроном. Идея бросить вызов Америке, которая грела Европу 10-15 лет назад, улетучилась. Старый Свет готов вернуться под сень американского покровительства, прежде всего в форме Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, переговоры о котором сейчас идут. Как на беду раз за разом выясняется, как Америка на самом деле относится к Европе. То Сноуден расскажет о тотальной слежке, то заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд матерно оценит внешнюю политику ЕС. Особенно обидно, что оценку не назовешь совсем несправедливой — у Европейского союза на международной сцене действительно дела не идут.

Чем грозит диктат меньшинства

Другой вызов глобализации связан с растущей неоднородностью обществ. Она влияет на идеологическую палитру, но в противоположных направлениях. С одной стороны, за 20 лет Старый Свет сместился к намного более либеральному пониманию демократии как максимально чуткого отношения прежде всего к меньшинствам и подчеркнуто светского устройства. Во многом это связано с тем, что Европа становится прибежищем растущего числа выходцев из других частей мира, прежде всего мусульман. Стремление безболезненно интегрировать «других» обуславливает сознательное смягчение, размывание представлений в пользу большей гибкости модели.

Однако попытка представить это как универсальный и обязательный стандарт общества не только наталкивается на непонимание многих внешних собеседников (особенно России, которая переживает противоположный консервативный тренд), но и вызывает внутреннее сопротивление, рост протекционистских устремлений в широком смысле.

Недавний референдум в Швейцарии, которая решила отгородиться миграционными квотами даже от соседних Германии и Франции, — утрированное отражение этих настроений. Швейцарских правых, которые инициировали плебисцит, горячо приветствовали их единомышленники в других странах Европы. Противники интеграции

и крайне правые разных мастей мобилизуются накануне майских выборов в Европарламент, где намерены получить до четверти голосов.

Из этой смешавшейся мозаики скоро начнет складываться новая картина, принципиально важная для России. Несмотря на все духовные, идейные и геополитические метания, мы не изменим своей сущности — страны европейской культуры, которая соотносит себя именно с Западом, то тянется к нему, то, напротив, отталкивается. Сегодняшний поворот к консерватизму продолжает бесконечную цепочку. Ведь желанным партнерам по БРИКС Индии и Китаю нет дела до того, какой из вариантов европейских ценностей — современных либеральных или исторических консервативных — предпочитает Россия. И индийцы, и китайцы просто точно знают, что к ним эти ценности никакого отношения не имеют, поскольку они живут в другой культуре. Даже католическая Бразилия не опора — пестрое поликультурное общество там пронизано левыми настроениями.

Хотим мы того или нет, собеседником остается привычный Запад, прежде всего Европа, с которой Россия связана тесными экономическими узами. Сценарий, при котором маятник европейской политики продолжит двигаться дальше в леволиберальном направлении, для Москвы наименее благоприятный. И дело не только в том, что тогда мы обречены на бессмысленные споры о правах сексуальных меньшинств. Хуже, что Европа будет искать доказательства собственной магнетической силы в попытках экспансии. К чему и зовет процитированный вначале Бернар-Анри Леви.

Умеренность как идеология

Впрочем, маятник потом всегда идет в противоположную сторону, он просто так устроен. Происходящее в Европе позволяет предвидеть движение назад после либерального сдвига. Так, может быть, российское руководство, настаивающее на традиционных ценностях, прозорливо предугадало грядущую смену вех?

Возможно, но не настолько, чтобы ожидать прихода к власти в европейских столицах единомышленников наших отечественных традиционалистов. Мы пока ориентируемся на самую правую часть консервативного спектра, маргинальную даже не по степени представленности в парламентах (это как раз может возрастать), а по психологии, характеру требований и программ. Крайне правые в Европе представляют собой протестное движение, не приспособленное к государственному управлению. Правда, в случае роста их популярности возможно поправление мейнстрима европейской политики, не исключено, что даже существенное.

Выгодно ли это России? Рост националистических и ксенофобских настроений в Европе будет означать усугубление нестабильности (и

межгосударственной, и внутри обществ), вероятнее всего, провал попыток найти общее решение европейских проблем. Это может реанимировать весь комплекс традиционных противоречий, особенно по периферии континента в Восточной и Юго-Восточной Европе, и породить соблазны соперничества. Кроме того, США, которые с 90-х годов постепенно отворачивались от европейских дел, полагая, что там все в порядке, почувствуют необходимость заняться ими вновь, как было всегда в XX веке, когда Европа загоняла себя в тупик. Такое развитие событий России, несомненно, не понравится и будет отвлекать от наиболее насущных задач, связанных с развитием собственной азиатской части. Став вновь местом, где происходят политические события, Европа при этом не вернет себе былой роли авангарда мирового развития и экономического локомотива.

В интересах России — возвращение Европы к умеренно консервативной повестке дня. Солидные правители, избегающие крайностей и трезво оценивающие реальность, не разделят российский традиционалистский пафос, союзниками Москвы не станут, но и впадать в идеологический раж по второстепенным вопросам не будут. России выгодно, чтобы Германия укрепляла лидирующие позиции, а Франция восстановила свою роль баланса, потому что в противном случае единственный на сегодня кандидат в противовесы Берлину — это Варшава. А польско-германский тандем (вместо привычного франко-германского) по понятным причинам будет работать на отдаление от России, к тому же чреват столкновением с Кремлем из-за Украины.

Чтобы стабилизировать отношения с Европой, ныне расшатавшиеся, Москве нужно перестать строить свою линию на противопоставлении европейским тенденциям, прекратить неустанную полемику, которая толкает стороны только к радикализации мнений. Нас — от умеренного консерватизма к мракобесной реакционности, а Европу — от гуманистических идеалов равноправия к навязыванию догматически понятой толерантности.

Несколько лет назад в моде были рассуждения о российско-европейском альянсе. Одни видели его как «европеизацию» России, то есть принятие ею норм ЕС. Другие как взаимовыгодную сделку, объединение потенциалов. Третьи мечтали о том, что Старый Свет вырвется из лап атлантизма и повернется к евразийству. Сейчас о подобном никто не грезит. Россия и остальная Европа по-прежнему очень важны друг для друга, но как залог взаимного спокойствия, а не как средство реализации обоюдных амбиций. Главное, чтобы отношения не создавали новых трудностей, которые отвлекали бы разные части Европы от решения насущных задач. ЕС — от внутреннего переустройства и оптимизации, Россию — от обновления и нового освоения Зауралья. Повестка дня скромная, но реалистичная. Как раз для умеренных консерваторов.

Исчерпанная Украина

Kommersant.ru/Ogoniok, 27.01.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2389537>

Чем бы ни завершилось очередное противостояние в Киеве, политическая модель украинского государства, которое возникло после распада СССР 22 года назад, исчерпана

Каким будет его новое устройство, пока предсказать невозможно. Все страсти последних недель не дают ответа на вопрос, что, собственно, может быть дальше. Участники политических баталий, выплеснувшихся на улицы, оперируют либо бессмысленными этикетками — «европейский выбор», «поворот к России», за которыми ничего не стоит, либо тактическими лозунгами. Внешние силы, которые по инерции конкурируют за влияние на Украину, в действительности не знают, что с ней делать.

Более двух десятилетий Украина существовала как своего рода коалиционное государство. И дело не только в пресловутом разделении на восток и запад, которые ориентируются на Россию и Европу соответственно. Украина весьма разнородна в культурном, экономическом, социальном плане, и сложившаяся в стране олигархическая политическая система по-своему отражает такую многообразность. Украина унаследовала от СССР территорию, собранную усилиями советских генсеков и являющуюся плодом всей европейской истории XX века, прежде всего распада империй. Поэтому сама по себе неоднородность была совершенно естественной, а единственным путем развития могло быть осторожное продвижение вперед и маневрирование среди крупных центров влияния, между которыми зажата Украина.

До поры до времени это удавалось делать. Первые десять лет новой истории страна переживала период становления, как и все остальные из «новых независимых государств», с неизбежными спадами и подъемами. Первая фаза прошла вполне успешно, но дальше начались попытки окончательного самоопределения, не без активного участия внешних сил. Начало 2000-х годов — время, когда совпало два процесса. Запад переживал пик своей экспансии после окончания холодной войны, а Россия начала оправляться от провала 1990-х и стала противодействовать напору евроатлантических институтов.

Об отношениях России и Запада в этот период можно много сказать отдельно, но для Украины попадание в зону противостояния стало фатальным. Вместо того чтобы заниматься национальным развитием, украинский истеблишмент занялся увлекательным делом — разыгрыванием хитроумных партий, чтобы использовать противоречия больших соседей друг с другом. Необходимость решения реальных проблем страны, а это требовало кропотливой и мучительной работы, подмени-

ли выдуманной дилеммой, к кому примкнуть — к России или ЕС. А точнее говоря, на кого переложить ответственность за собственное будущее. Это сразу обострило внутренние противоречия и выявило то обстоятельство, что нация просто не в состоянии сделать никакого выбора — ни в ту, ни в другую сторону.

Внешние силы это поощряли, выясняя отношения между собой. Временами накал достигал очень высокого уровня, как во время «оранжевой революции». Временами страсти успокаивались, и казалось, что страна выходит на более устойчивую траекторию развития, как после выборов 2010 года. Однако по сути ничего не менялось. Никакой самостоятельной стратегии не предлагала никакая власть — ни «прозападный» Ющенко, ни «пророссийский» Янукович. И тот, и другой действовали (когда-то более, а когда-то менее успешно) в условиях олигархической модели, нацеленной не на производство общественных благ и достояния, а на паразитирование, использование имеющихся ресурсов, будь то сохранившаяся от прошлого индустриальная база или транзитное положение страны. Политическая ситуация точно отражала этот экономический базис, поэтому Украина при кажущемся динамизме и непрекращающейся «движухе» топталась на месте или ходила кругами.

События конца 2013 — начала 2014 года продемонстрировали банкротство политической элиты по обе стороны баррикад. Дело, конечно, не в мифическом «европейском выборе», от которого якобы отказался Янукович, а в том, что суетливые рывки то в одном, то в другом направлении продемонстрировали отсутствие какой-либо идеи на тему «Что делать?». На протяжении предшествующих лет страну спасала специфическая политическая культура — вязкая среда непрерывного торга, в котором не бывает конечного результата, но зато и не наступает мертвый клинч. Поэтому даже в моменты самого высокого напряжения, как в середине 2000-х, баталия не переходила в мордобой, как, например, в России в 1993-м.

Однако такое не может продолжаться вечно. Отсутствие целей, развития и перспектив может работать тактически, но стратегически ведет к нарастающему разочарованию и раздражению. Оно и выплеснулось в январе, когда наверх вырвались наиболее агрессивные силы, готовые к действию. К тому моменту общество было уже очень дезориентировано, ведь на протяжении почти всего предыдущего года вся пропагандистская машина Партии регионов работала на продвижение «европейского выбора», после чего прозвучала команда «Полный назад!» Гражданам не объяснили, ни зачем нужна ассоциация с ЕС, ни почему от нее отказались, да и отказались ли вообще.

Тактика манипулирования ярлыками, за которой не стоит никакого содержания, кроме сиюминутных интриг отдельных групп интересов,

себя исчерпала. Отчасти и по той причине, что стало окончательно ясно — никакой интеграции, ни европейской, ни антиевропейской, Украине не светит. Россия и ЕС могут продолжать перетягивание каната, но это уже чисто спортивный азарт, брать на себя неподъемное бремя в виде нынешнего украинского государства не собирается никто.

Будущее покрыто туманом. Победа любой из сторон нынешнего противостояния не дает ничего хорошего. Если верх возьмет нынешний президент, его позиции все равно будут очень непрочными, ему придется заниматься исключительно политическим выживанием. Да еще и в условиях фактического бойкота со стороны Запада, который не простит ему фортель с отказом от ассоциации. Если победителем выйдет сегодняшняя оппозиция, то гарантирован хаос и ожесточенная борьба за лидерство, тем более что тогда из узилища должна выйти Юлия Тимошенко. А она едва ли захочет уступать выстраданное место тем, кто выдвинулся за время ее изоляции.

Украине нужен новый курс. Осознание собственных национальных интересов, самоопределение. Но для этого необходимо перестать все время делать «выбор» и сосредоточиться на том, что объединяет нацию. Ни один из персонажей, претендующих на лидерство в украинской политике, не похож на того, кто в состоянии это сделать. Но и продолжение того, что было до сих пор, уже невозможно.

Контур замыкается

Kommersant.ru/Ogoniok, 13.01.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2380429>

2014 год пройдет для российской внешней политики под знаком евразийской интеграции. К весне должны быть готовы документы о преобразовании Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана в Евразийский экономический союз — более глубокое интеграционное объединение. Предполагается, что оно заработает с 1 января 2015 года

О евразийском проекте говорят очень много, но в разногласии мнений, значительная часть которых, надо признать, скептические, трудно понять его истинное содержание, то, которое и делает евразийскую интеграцию процессом исторического значения вне зависимости от результата.

Россия самоопределяется. Таможенный союз и его дальнейшие ипостаси — не возрождение Советского Союза, как утверждают критики проекта, а как раз выяснение того, возможна ли и нужна ли какая-то общность на его бывшей территории. И зависит это прежде всего не от активности стратегических конкурентов или лояльности/нелояльнос-

ти стран-соседей, а от самой России, от ее желания и готовности всерьез работать над созданием нового объединения. Желание и готовность, вопреки риторике, неочевидны.

Согласно мифологии, которая утвердилась сегодня в массовом сознании, на рубеже 1980-1990-х годов Российская Федерация стала едва ли не главной жертвой распада СССР. Ее, мол, предали номенклатурные этнократы из союзных республик, которые развалили великую страну, а заодно и отхватили часть исконного исторического ядра. На деле фактическим ликвидатором Советского Союза была РСФСР, и крест на едином государстве поставило именно решение рождавшегося российского политического класса уйти в самостоятельное плавание, а не активность националистов в Прибалтике, Грузии или на Украине. Но в нынешнем нашем представлении ответственность за случившееся лежит на каких-то чуждых силах, тогдашняя верхушка Российской Федерации воспринимается как навязанная извне. Хотя Борис Ельцин собирал миллионные митинги в свою поддержку, и Беловежские соглашения в декабре 1991 года Верховный Совет РСФСР, правомочность которого никто не оспаривал, ратифицировал подавляющим большинством, включая коммунистов. А вся сегодняшняя элита, в том числе и та часть, что играет на ностальгических настроениях, является продуктом создания именно нового Российского государства. Не исчезни СССР с его кадровой системой, едва ли кто-то из нынешних топ-политиков или бизнесменов мог рассчитывать на сопоставимое положение. Не говоря уже о том, что правящее поколение руководителей получило власть из рук тех, кто сознательно сыграл главную роль в упразднении «великого и могучего».

Этот парадокс самовосприятия, который расцвел пышным цветом в нулевые годы, ведет к основной дилемме десятых. Идеологически стремление к воссозданию единого постсоветского пространства в рамках общего возвращения России к статусу великой державы легитимировано. Но при этом Россия как «новое независимое государство» (кто забыл — так было принято называть все страны, появившиеся на месте бывшего СССР), которое прошло процесс тяжелого становления за 20 лет, стало на деле развитием той мысли, что определила распад СССР, то есть «сбрасывания балласта». В конце 80-х многие прогрессисты доказывали, что Россия прекрасно проживет без остальных республик, которые высасывают ее соки. В принципе, действительно прожила — ресурсный потенциал позволил преодолеть развал общего хозяйства и деградацию экономики, другим пришлось много хуже. И какие бы аргументы в пользу воссоздания общего экономического поля ни приводились, направляющей идеей российского руководства во все большей степени была самодостаточность, снижение взаимозависимости, которая сохранялась от прежней системы Союза ССР. Не случайно шаги

по расширению или восстановлению сферы влияния, как правило, носили геополитический характер, и лишь во вторую очередь диктовались экономической необходимостью.

Таможенный союз, надо отдать должное проекту, — попытка сформулировать задачи на будущее современным экономическим языком. Дается с трудом. Ведь подтекст все равно политический, а чем больше его пытаются убрать, тем сложнее аргументировать экономический смысл именно такого объединения.

Для России евразийская интеграция, имевшая изначально политико-экономическое содержание, превратилась в часть основной отечественной дискуссии — о новой идентичности. Исчерпанность прежней повестки дня, которая представляла собой эклектичное сочетание советских, постсоветских и несветских элементов, все более очевидна. А новая парадигма еще только возникает, пока непонятно, на какой основе.

В евразийском проекте Россия определяет свои границы. Не государственные или административные, а культурно-психологические. Тот ареал, который она и дальше будет считать «своим», особенным, не относящимся к полноценной загранице. Этот ареал не совпадает с контурами бывшего СССР. Часть постсоветских стран уходят с российской орбиты — и политически, и ментально. Скажем, Туркмения давно исчезла с нашего горизонта, Узбекистан и Азербайджан, оставаясь связаны с Россией множеством уз, прежде всего человеческих, не намерены вступать с ней в институциональные отношения. Грузия отошла от открыто антироссийского курса времен Саакашвили, однако черта, проведенная войной 2008 года, оставляет ее в стороне от российских проектов. Но это все выбор стран-соседей, с которым, если он сделан всерьез и сознательно (а не так лукаво и невнятно, как в Киеве), Москва вынуждена согласиться.

В отношении же стран, которые либо не могут определиться, либо склоняются к России, выбор приходится делать уже ей. И это не только и не столько геополитическое решение. От того, сохранится ли в нашем ареале Центральная Азия или Украина, зависит и российская самоидентификация, что будет в ней доминировать. Европейское культурное наследие? Имперские устремления, тоже, кстати, по сути, европейские? Некое евразийское восприятие, пока не сформулированное? А может быть, националистические настроения с привкусом изоляционизма? Ведь уже сегодня официальный приоритет — вовлечение в евразийскую интеграцию большего числа партнеров, в том числе, например, Киргизии, которая обсуждает дорожную карту присоединения, контрастирует с мнением все большего числа россиян, которые не считают выходцев из Центральной Азии частью «своего» мира.

Когда Россия определится со своим ареалом, она закроется по его контуру. На этом закончится постсоветское межвременье, когда отно-

шения бывших союзных республик были не совсем такими, как отношения обычных государств. Визы, барьеры, тарифы и прочее — уже автоматическое и неизбежное следствие. И в этом стоит отдавать себе отчет тем, кто раздумывает, присоединяться ли к российским начинаниям.

Сейчас модно вспоминать Солженицына, его работы начала 90-х. Тогда их воспринимали как любопытную экзотику, а сейчас эти мотивы — про сбережение человека, местное самоуправление, непригодность либеральных принципов и пр. — все громче звучат в речах первого лица, который в минувшем месяце официально провозгласил консерватизм государственной идеологией. Писатель в ту пору четко обрисовал контуры ареала, который он считал настоящей Россией, помимо официальных границ в него входили Белоруссия, Украина и север Казахстана. Остальное — плоды азарта строителей империи. Если исходить из такого взгляда, то сражаться осталось только за Украину, остальное ненужно, в особенности «чуждая» Центральная Азия. Но как тогда быть с «приоритетом на весь XXI век», каковым, по словам Владимира Путина, является поворот в Азию? И что делать со странами, как Армения или та же Киргизия, которые объективно нуждаются в России? Готова ли Москва сегодня отвернуться от них, как она сделала это в декабре 1991-го, фактически поставив большинство республик перед фактом — свободны, хотите того или нет.

Ответов на эти вопросы нет. У нас часто забывают о том, что интеграция — это высшая форма межгосударственных отношений, самая насыщенная, но и самая сложная, рискованная. Враждовать проще, равно как и оставаться нейтральными партнерами на дистанции. Интеграция способна мультиплицировать возможности, но требует болезненных уступок и ожесточенного торга. Это, впрочем, хоть и важная, но технология. Перед Россией стоит гораздо более масштабный вопрос — кем и какими мы хотим видеть себя в будущем. От этого зависит судьба интеграционных проектов.

Человек, который не стоял на мести

Kommersant.ru/Ogoniok, 16.12.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2364149>

Теперешней мировой политике катастрофически не хватает лидеров калибра Манделы

Участники конференции в Вашингтоне самозабвенно спорили про Сирию, когда ведущий прервал выступающего и взволнованно обратился к залу: «Друзья, большое несчастье, не стало Нельсона Манделы». Когда по окончании сессии я вернулся в гостиничный номер, по всем

информационным телеканалам, а их в Америке не меньше сотни, говорили только о скончавшемся экс-президенте ЮАР. Это продолжалось следующие дни, выступающие с экрана не жалели превосходных степеней, говоря о величии покойного, американские флаги были приспущены в знак траура...

Почему Мандела занял такое масштабное место в политическом сознании? Южная Африка, конечно, важное государство, но тамошние события едва ли можно считать судьбоносными для всего мира.

В Америке культ Манделы связан с внутренними процессами — первый чернокожий президент ЮАР олицетворяет преодоление расовой дискриминации, а для Соединенных Штатов борьба за равноправие угнетаемых меньшинств — политический лейтмотив на протяжении полувека. Отдавая почести Манделе, американский мейнстрим как будто бы лишний раз подчеркивает, насколько он привержен идеям равенства.

Но дело не только в этом. Нельсон Мандела олицетворяет мечту об идеальном преображении. До 1990-х годов Южная Африка символизировала для прогрессивной общественности наиболее отвратительные принципы межчеловеческих отношений. Но благодаря мудрости и великодушию лидера превратилась в нечто многообещающее и справедливое. Так выглядит миф о Манделе.

Тот факт, что современная Южно-Африканская Республика — отнюдь не образец благополучия, процветает там не столько экономика, сколько коррупция и nepотизм, а уровень преступности зашкаливает, не влияет на образ ее основоположника. И это, в общем, правомерно. Язвы сегодняшней Южной Африки — продукт всей ее истории. И нечестно возлагать всю ответственность за неудачи национального развития на человека, который осуществил переход от старой, явно уже анахроничной в конце XX века дискриминационной системы к модели, отражающей реальную структуру общества. Осанна, которую поют Манделе, связана именно с тем, что в нынешней безумной и непредсказуемой мировой политике практически любая трансформация завершается не так, как планировали ее авторы. А те, кого вначале считали «хорошими» и «прогрессивными», потом начинают перемещаться в категорию не оправдавших доверия.

Образ Манделы, как он сложился в общественном сознании, включает в себя все наиболее благородные черты. Просидев 27 лет в тюрьме, лидер Африканского национального конгресса, который оказался не просто на свободе, но и при высшей власти, не стал сводить счеты и мстить за испорченную треть жизни. Он возвысился над личными обидами ради создания нового государства, которое стало бы домом для всех рас, а не превратилось в апартеид наоборот. Заметный контраст с соседним Зимбабве, где тамошний герой борьбы за свободу Ро-

берт Мугабе не смог удержаться от того, чтобы начать сваливать на белых фермеров вину за собственные экономические провалы. Мугабе, правда, взялся за это не сразу, а больше чем через 15 лет правления. Останься Мандела так долго, кто знает, что было бы. Но в этом, конечно, тоже его заслуга — победитель апартеида передал власть, как и положено в демократическом обществе.

Преклонение перед Нельсоном Манделой — следствие того, что в перешней мировой политике катастрофически не хватает политиков, способных проявить дальновидность и не пытаться немедленно после победы уничтожить оппонентов. «Демократические силы», побеждающие в арабском мире, первым делом пытаются расправиться с проигравшими, а то и меньшинствами вообще. Мохаммед Мурси и «Братья-мусульмане» в Египте стали наглядным примером того, как политическая группа, пришедшая к власти законным демократическим путем, посчитала, что это дает ей карт-бланш на игнорирование мнения всех остальных. Американцы, которые сначала поспешили провозгласить «братьев» «правильной стороной истории», а потом были вынуждены стыдливо поддержать военный переворот против них, до сих пор не придут в себя от досады и раздражения.

В мировой политике конца XX — начала XXI века вообще мало «историй успеха», даже победоносный для Запада исход холодной войны спустя 25 лет смотрится уже совсем иначе на фоне многочисленных проблем Европы и Америки и поступательного восхождения Китая. ЮАР, несмотря на все изъяны и контрасты, пока что остается функционирующей демократией и экономикой, так что Мандела не выглядит прекраснодушным идеалистом, репутацию которого похоронил бы крах его дела, как это случилось с Михаилом Горбачевым. С президентом Советского Союза скорее можно сравнить предшественника Манделы на посту президента, партнера по отмене апартеида и Нобелевской премии Фредерика де Клерка. И если снизить восторженный пафос, связанный с конъюнктурой и западным мифотворчеством, он все равно остается крупным политическим деятелем, добившимся того, к чему стремился. Поэтому место в истории он заслужил.

Если западные славословия вызывают некоторое недоумение, то российская реакция на кончину Манделы временами вводит в ступор. Если не доминирующей, то обильно представленной точкой зрения является примерно следующая: эх, какую страну погубили! Цветущий рай на юге Африки превратился в деградирующее государство под недееспособным управлением большинства. В Европе и Америке такое мнение, если кто-то его и придерживается, высказывать вслух неприлично. Но у нас своя культурная традиция.

С одной стороны, сожаление по утраченной «белой» Южной Африке сродни рыданиям по СССР — мол, все было здорово, и, если бы не злая

воля горстки негодяев, стоял бы «великий и могучий» по сей день на радость «семье народов». Подход совершенно антиисторичный, отвергающий логику и объективные законы развития, но зато очень соответствующий фаталистическому настрою публики, желанию найти конкретных виновных в том, что с нами случилось.

С другой, это уже свойственно заметной части нашего либерального спектра — подспудная, но явная тяга к самой идее апартеида как способа решения социально-экономических проблем. Вот если бы не мешал этот «народ», какие замечательные реформы можно было бы осуществить — глубокие, радикальные... В 90-е годы это сублимировалось в увлечение Пиночетом, в 2000-е любимые черты попытались разглядеть в Михаиле Саакашвили с его крайне специфическим пониманием демократии. Белое правление в Южной Африке — вообще идеальный пример: официально дифференцировать граждан по объему прав, чтобы отсталая часть не мешала продвинутой шагать вперед.

Мечты об узаконенном неравноправии утопичны — в XXI веке трудно вообразить, что кто-то согласится отказаться от политических завоеваний века XX. Но невозможно отрицать и другое: чем шире распространяется демократия, чем более разнообразные народы и культуры она охватывает, тем больше сомнений в том, что она по определению обеспечивает развитие и процветание.

Нельсон Мандела, наверное, один из последних крупных политиков XX века, которые могут сказать, что своей деятельностью они чем-то обогатили мир, оставили конкретное наследие. Из этого поколения еще жив Ли Куан Ю, основатель Сингапура, олицетворение целой политической модели просвещенного азиатского авторитаризма. Ее многие критикуют, но никто не может отрицать ее действенность. Здравствует ровесник Манделы Гельмут Шмидт — мудрый и дальновидный канцлер ФРГ, человек поразительно ясного ума. По-прежнему активен Генри Киссинджер, символ реализма и трезвомыслия во внешней политике, мастер-практик и выдающийся теоретик дипломатии. До сих пор остается президентом Израиля Шимон Перес.

Лидеров подобного калибра сегодня нет, поэтому уход каждого из них и вызывает такой всплеск эмоций. Тоска по большим формам, о которых современное поколение может прочитать разве что в учебнике, но никак не в газетах.

Нечего терять, кроме своих

Kommersant.ru/Ogoniok, 09.12.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2358202>

У России нет и уже не будет шансов на мобилизационный сценарий роста и развития

То, что главная задача внешней политики — содействовать развитию государства и общества, создавать для него благоприятные международные условия, не просто не новость, но даже общее место. Таков лейтмотив и программных документов, и официальных выступлений, и общих рассуждений о месте и роли России в мире. Никто и не спорит. Но вот как только вопрос из абстрактной плоскости переходит в прикладную, выясняется, что конкретные задачи все понимают по-разному.

Иногда дискуссия шарохається из крайности в крайность. Наиболее патриотично настроенные ораторы полагают, что наша страна просто-напросто должна, не покладая рук, диктовать свою непреклонную волю всему миру, особенно Соединенным Штатам, вне зависимости от того, надо это или нет в данный момент. Самые увлеченные поклонники модернизации, напротив, считают, что пора прекратить возиться со всякими устаревшими вещами, наподобие боеголовок и территориального размежевания, а все силы бросить на экономические инновации, забывая, что все-таки главным вопросом внешней политики испокон веку был вопрос о войне и мире. Дмитрий Медведев, например, в бытность президентом несколько озадачил российских дипломатов, сказав, что каждый из них прежде всего как «Отче наш» должен вызубрить пять приоритетов российской модернизации и нести их миру.

Истина, как всегда, где-то посередине. На прошлой неделе ее искали участники XXI Ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике, которые обсуждали, с какими задачами столкнется российская дипломатия и внешняя политика через 10-15 лет.

Если суммировать дискуссию, картина получается следующая. Мир в обозримом будущем останется непредсказуемым и крайне хаотично развивающимся. Об относительно понятных правилах, которым в целом следовали в эпоху холодной войны, можно забыть, столь «простой» системы взаимоотношений, как тогда, не было раньше, не будет и впредь. Отчасти потому что постоянная борьба — это нормальное состояние международных отношений, и регулировать их можно только до некоторой степени. Отчасти поскольку на мировую арену выходит сегодня гораздо больше значимых участников и действующих лиц, чем прежде. Средние страны заявляют о своих высоких амбициях, а негосударственные акторы дополнительно осложняют и без того нелинейные взаимоотношения.

Это означает, что архитекторы и исполнители внешней политики

любого государства должны быть готовы ко всему, быстрота и точность реакции становится залогом успеха. О долгосрочных стратегиях, скорее всего, придется забыть — их в такой обстановке просто невозможно придерживаться. Внешняя среда несет — в равной пропорции — возможности и угрозы. Угрозы очень опасны, возможности весьма велики. Стремясь максимально отгородиться от угроз, можно скатиться в глухой изоляционизм, упустив все внешние импульсы к развитию. А желание открыться, чтобы максимальным образом использовать динамику мира, грозит фатальными потрясениями. Необходимость хождения по тонкой грани требует межотраслевых и междисциплинарных подходов, чтобы комплексно, со всех сторон оценивать последствия любых действий.

Когда невозможно выстроить надежную линию поведения вовне просто потому, что все моментально меняется, единственный рациональный подход — плясать от объективных внутренних потребностей. А сформулировав их набор — приготовить различные модели поведения на разные случаи.

Военная сила и классическое дипломатическое мастерство, которыми Россия пока обладает во вполне достаточном объеме, остаются гарантиями базовой безопасности и суверенитета. Однако в том, что касается определения статуса страны в мировой иерархии, этого уже недостаточно. Основным направлением конкуренции становится сфера технологий и коммуникаций. Мир переходит на новый, шестой в общепринятой классификации, технологический уклад. Помимо стремительного прогресса в области передачи информации он охватывает качественные прорывы в изготовлении новых материалов, биотехнологиях, дальнейшей автоматизации любых производств, диверсификации источников энергии. Это само по себе подтачивает привычную основу российской мощи и влияния — сырьевой сектор, но гарантирует нам отставание и по другой причине.

Носителями глобальной конкурентоспособности прежде всего становятся люди, те, кто в состоянии придумывать и воплощать в жизнь технологические и научные новации, а также производить образы и представления. Последние играют теперь уже самостоятельную и почти самодостаточную роль в глобальном соперничестве — в условиях «диктатуры информации» неважно, что происходит, главное — что об этом говорят. Иными словами, за людей, обладающих творческим потенциалом, будет вестись (уже ведется) самая острая борьба. Как заметил один из участников дискуссии, сегодняшний Петр Великий должен был бы заняться не собиранием земель, а собиранием людей — их в России куда больший дефицит, чем территорий.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что у России нет и уже не будет шансов на мобилизационный сценарий роста и развития. В XXI

веке страну невозможно закрыть, а людей заставить работать на решение какой-то задачи. Их можно только привлечь. При повышенном спросе на качественный человеческий капитал профессионалы смогут выбирать, где себя реализовать с наибольшей отдачей. Это не отменяет чувства патриотизма, естественного для любого нормального человека, однако едва ли он будет служить Родине вопреки всему, если она не только не создает ему условий для работы, но и, напротив, бессодержательной и непоследовательной политикой строит препятствия.

Запад имеет фору — по качеству жизни и работы ведущие страны Европы и США по-прежнему опережают остальных. Наиболее продвинутые государства Азии изо всех сил стремятся догнать, вкладывая огромные деньги в создание среды и привлечение нужных высококвалифицированных кадров.

Планета переживает своего рода контримперскую фазу. Если раньше целью великих держав была экспансия, то есть мобилизация внутренних ресурсов для распространения собственного влияния и присутствия вовне, то теперь все происходит словно бы наоборот. Экспансионистская политика ведет к бесчисленным проблемам (США и Европа уже это почувствовали), а задача как раз в том, чтобы мобилизовать необходимые ресурсы извне — инвестиционные, интеллектуальные. (Отсюда, кстати, и упомянутая многими выступающими необходимость наращивания инвестиционной дипломатии, создания специальных служб и агентств по модели не только развитых стран, но и государств БРИКС.) Тем более что все сегодня сталкиваются с растущими трудностями функционирования собственных обществ и государственных систем. Все это будет толкать к появлению новых инструментов международной политики, при помощи которых в следующем десятилетии и будут строить современный мировой порядок, тот, что и придет на смену угасающему устройству второй половины XX века.

Извечной российской дилеммой, вокруг которой бесконечно ломали копыя интеллектуалы разного толка, было противоречие между целями и устремлениями государства и граждан. В отечественной традиции — примат интересов национального развития, формулируемых властью, над интересами конкретного человека. Однако особенности современного мира, в котором конкуренция за человеческий капитал и конкуренция собственно человеческих капиталов становится главным видом соперничества вообще, снимают это противоречие. Национальный интерес, национальная безопасность, интерес государства заключаются именно в том, чтобы обеспечить россиянину максимальные возможности для самореализации и наиболее комфортную среду для жизни и работы.

Отдельно на дискуссии отмечалась проблема, которая, может быть, напрямую и не мешает сегодня российской дипломатической работе, но способна очень неприятно аукнуться в будущем. Это крайне низкое,

примитивное качество общественной дискуссии о внешней политике. В публичном пространстве фигурирует огромное количество (даже большинство) неквалифицированных мнений и оценок, что формирует совершенно неадекватную картину окружающего мира. А поскольку российское общество становится более активным, и политикам, руководителям государства постепенно придется все больше прислушиваться к общественному мнению, то царящее в нем невежество и мракобесие станут угрозой позициям России в мире.

В выжидании будущего

Kommersant.ru/Ogoniok, 02.12.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2352202>

Знаменитая поэтическая строчка о том, что не следует отличать поражение от победы, могла бы сегодня служить эпиграфом для статьи о российской внешней политике. Такое впечатление, что грань действительно стерлась

Оглянемся в совсем недалекое прошлое. Начало сентября сего года. Соединенные Штаты объявили о том, что «красная линия» пересечена и терпеть душегубство Башара Асада больше нельзя — возмездие будет скорым, суровым и справедливым. Все усилия России по недопущению военного вмешательства извне в сирийский конфликт идут прахом. Одновременно на горизонте начинает маячить и развитие сюжета — превратим войну гражданскую (в Сирии) в войну империалистическую (против Ирана, с которым многим давно хочется разобраться). Опять-таки российская карта может быть бита, а сколько сил и средств положено на выстраивание особых отношений с Тегераном. Ну и, наконец, самое больное — Украина на всех парах движется к подписанию договора об ассоциации с Европейским союзом. Резкие шаги Москвы вплоть до демонстративной остановки всего экспорта из соседней страны не помогли. Напротив, киевские и львовские сторонники «европейского выбора» иронизируют: спасибо Путину, теперь-то уж точно назад дороги нет, сплотил народ против России и за Европу. В общем — афронт по всем фронтам.

Прошло три месяца. Америка, мощно замахнувшись, застыла в недоумении: что делать? — и даже попятилась назад. Чем поселила в душах региональных соседей тревогу — а вдруг Акела на охоте уже не тот? Разговоры о немедленном падении Башара Асада как-то притихли, на театре военных действий даже наоборот — ощущение прочности режима. Иран не то что прячется от неминуемых кар, а чуть ли не выходит из изоляции, впервые добившись смягчения санкций. Ну и главное — Украина скомандовала «полный назад», оставив ЕС с его «Восточным

партнерством» в едва ли не унижительном положении. Вильнюсский саммит, замышлявшийся как триумф привлекательности единой Европы, к которой на ассоциативных основах присоединяются Киев и Ереван, стал конфузом.

А насчет Путина и России уже не иронизируют, зато признают, что из всех перечисленных перипетий если кто и вышел победителем, то Кремль, сыгравший во всех сюжетах ключевую роль. За что его главного обитателя увенчали короной от журнала Forbes как самого влиятельного лидера мира. И с такой оценкой соглашаются не только поклонники и почитатели политического таланта президента России, но скрепя сердце и его самые убежденные недоброжелатели.

Что изменилось за прошедшее время? Ничего. Обстоятельства те же, общая расстановка сил прежняя, поведение основных действующих лиц неизменно. Почему же Москва вдруг вместо предполагаемого «лузера» номер один выглядит как самый умелый игрок — если не стратегически, то уж точно тактически? Оказалось, что в мире, где ничего непонятно, никакие правила не действуют, а бывшие основы размываются, залог успешности — приверженность каким-нибудь последовательным принципам. Может быть, даже любим, но твердым.

Принципы не надо путать с ценностями, на которые опирает Европейский союз, либо с идеологией в стиле СССР или нынешних США. Принципы поведения — это система взглядов на то, как устроен мир. И как нужно себя вести, чтобы соответствовать законам, по которым он функционирует, не обязательно писаным, но фактическим.

Россию вообще и Россию Владимира Путина в особенности принято называть страной, во внешней политике архаичной, опирающейся на старомодный тяжеловесный инструментарий. В центре представлений — незыблемость суверенитета. Он превыше всех новомодных веяний насчет «ответственности за защиту» — права внешних сил вмешиваться во внутренние дела, если там нарушаются гуманитарные нормы. Подход легалистский — все глобальные игроки должны уважать международное право, если только от него не нужно отклониться, чтобы утвердить первый принцип — суверенность. (Поэтому, например, Россия, трепетно относящаяся к ООН и его институтам, спокойно игнорирует решение ооновского суда по морскому праву относительно судна, принадлежащего Греенпреасе.) Россия верит, что в конечном итоге — что бы ни говорили по поводу всяких разных новых видов силы — старая добрая «жесткая» сила всегда возьмет верх, причем применять ее, как правило, и не обязательно, достаточно продемонстрировать решимость. Наконец, отношения между странами — это постоянная борьба за власть и престиж, как говорил классик школы политического реализма Ганс Моргентау, и нельзя «вестись» на закливания о том, что в современном мире, мол, не бывает выигрыша

в «игре с нулевой суммой».

Подобные взгляды вообще свойственны отечественной традиции, но при Владимире Путине они отражаются в наиболее чистом и полном виде. Российский президент консервативен по характеру, однако дело не только в этом. Он убежден, что в условиях растущего хаоса только наличие опоры поможет выжить. Опоры реальной, если она есть, либо придуманной, если в реальности все расплывается. И классические подходы к международным отношениям призваны выполнять именно эту функцию.

Текущие результаты показывают, что это срабатывает. Именно благодаря тому, что следование некоей системе, методологии выгодно отличает Россию от других крупных акторов. Европейский союз говорит о ценностях, подходя с этой меркой, а точнее — с этим инструментом, к разным ситуациям от Ближнего Востока и Северной Африки до Восточной Европы и Южного Кавказа. Не вдаваясь в анализ причин, можно констатировать одно — полный конфуз и там, и там. В ближневосточном регионе Европы вообще нет в качестве сколько-нибудь влиятельного действующего лица, да и со странами СНГ, где, казалось, у Евросоюза заведомое преимущество, как-то не клеится. Соединенные Штаты предпочитают идеологически стройный подход с делением участников конфликтов на «прогрессивных» и «ретроградных», однако реальность Ближнего Востока способна привести в отчаяние — чем дальше, тем менее возможно уложить происходящее там в эти простые лекала. Вот и получают метания туда-обратно в поисках «правильной стороны истории».

Результат российской политики — авторитет растет, но само по себе это способно стать ловушкой, ведь с ним растут и ожидания. Невнятное поведение Америки на Ближнем Востоке, ее попытки сократить свое присутствие и активность ведут к возникновению вакуума, заполнить который по привычке предлагается России. А кому еще? Память о системной роли, которую играл там Советский Союз, еще жива, других кандидатов пока что не видно, Китай как от огня бежит от ответственности. Но парадокс в том, что Россия совсем не имела и не имеет в виду возвращаться в эту часть мира в качестве основной внешней силы. Не это было целью сирийской политики, которая, собственно, к самому Ближнему Востоку прямого отношения и не имела. России было важно затвердить упомянутый выше принцип — вмешательство с целью смены режима недопустимо, это путь к разрушению всего. А получилось, в основном из-за провалов других, что мы вернулись, но теперь не очень видим, как капитализировать это достижение. То есть расширить портфель оружейных контрактов, конечно, никто в Москве не против, но ждут от нас другого, масштабного. А Россия влезать по уши в региональные дела — в значительной степени безнадежные — не готова.

С Украиной ситуация, казалось бы, другая: тут и интерес понятен, и азарт велик. Но дух соперничества сойдет на нет, а что делать с соседней и такой близкой страной — по-прежнему непонятно. Она ведь никакого выбора в пользу Москвы не сделала, она вообще от выбора в очередной раз уклонилась, надеясь в дальнейшем «разводить» и тех, и других. Так что можно на гребне нынешней волны начать масштабное наступление с целью завлечь Киев посулами и пряниками в наши институциональные объятия, но очень велик риск того, что вложения канут без видимого эффекта, а с Украиной все пойдет по новому кругу, ведь ее дрейф в сторону Запада продолжается вне зависимости от переменчивых приоритетов властей.

Странно получается. Российское руководство лучше других ощущает неустойчивость мироздания, а потому ведет себя точнее и добивается успехов. Но чем дальше, тем менее понятно, что с ними делать, потому что нет главного — понимания того, какой сама Россия хотела бы быть в будущем, какую роль играть, какие приоритеты устанавливать. Другими словами, системный взгляд на мир, обеспечивающий правильную тактику, есть, а столь же системного взгляда на себя, который должен определить стратегию, нет. Но на одной тактике долго не продержимся.

Мы и новая Азия

Kommersant.ru/Ogoniok, 11.11.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2335761>

Нынешний год в российской внешней политике отмечен ярко выраженным азиатским акцентом: заявлены новые приоритеты, выставлены амбициозные задачи, на Восток поворачиваются основные потоки нашего стратегического сырья — нефти и газа. На нынешней неделе визитами во Вьетнам и Южную Корею президент замыкает и дипломатический марафон — растянувшуюся на несколько месяцев серию контактов на высшем уровне с ключевыми партнерами на азиатско-тихоокеанском направлении.

Российские руководители все чаще общаются с азиатскими коллегами — президентами, премьерами, министрами. Только за последние две недели президент России принял в Москве премьер-министра Индии, глава правительства посетил с большой делегацией Китай, министры иностранных дел и обороны приняли участие в первой в истории встрече формата «2+2» с японскими визави. Все эти контакты сопровождаются рассуждениями о невероятной значимости азиатского направления для развития России. Многие начинают говорить о стратегическом развороте Москвы. Так ли это?

Начнем с того, что к числу «поклонников» Азии Россия примкнула с опозданием. В Америке и Европе уже лет десять только и говорят об азиатском веке и сдвиге фокуса интереса на Тихий океан, мы же начали обращать на это внимание буквально в последние два-три года. Так уж повелось, что, несмотря на раздвоенность российского орла, смотрит он по привычке головой, повернутой на Запад.

В прежние времена, во всяком случае, лет 400 назад, это было нормально. Основные политические события происходили с европейской стороны от российских границ, отсюда исходили и главные импульсы к развитию, и наиболее серьезные угрозы. XX век превратил Европу в театр военных действий — сначала горячих, потом холодных, так что внимание, естественно, было приковано туда. Конец противостояния создал на некоторое время впечатление, что именно Старый Свет становится образцом развития, так что стремление к нему приобщиться, и так свойственное российскому сознанию, проявилось еще больше.

Но сегодня очевидно, что основные события будут происходить не на атлантическом, а на тихоокеанском пространстве. Вслед за перемещением туда экономического веса растет значимость и политической составляющей. Не случайно Вашингтон объявляет о «стратегическом повороте» в Азию, сокращая свое присутствие в Европе, а все территориальные конфликты, существовавшие давно, но пребывавшие скорее в спящем состоянии, склонны обостряться.

Для России возникает непривычная ситуация. Впервые за многие столетия ее историко-культурная ориентация (а она европейская и останется таковой до тех пор, пока страну населяют русские и остальные народы, живущие тут веками) не совпадает с приоритетным направлением политико-экономического развития (на восток). Одним из следствий этого является тот факт, что хотя три четверти территории России находится в Азии, та же доля населения живет в европейской части. Посему проблема нового освоения, интенсификации использования Сибири и Дальнего Востока, без которой России не приходится даже мечтать о существенной роли в Азии, крайне остра. Мобилизационными методами уже ничего не решить, а для того чтобы привлечь человеческий капитал в восточную оконечность страны, нужна комплексная программа не только экономических мер, но и, если так можно сказать, рекламы этого пространства. Чтобы оно воспринималось не как унылая периферия, а как наиболее перспективная территория.

Примерно с 2009 года у нас заговорили о необходимости разработки всеобъемлющей азиатской стратегии, которая включала бы и развитие собственных пространств в этой части мира, и позиционирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одно неотделимо от другого. С тех пор проведен саммит АТЭС, создано специальное министерство по Дальнему Востоку, активизировалась дипломатия на азиатском на-

правлении, вообще тема Азии заняла больше места в национальной повестке дня. Шаги в основном ритуальные, символические (хотя нередко весьма дорогостоящие, как саммит), того, что реально меняло бы ситуацию, мало. Между тем времени на раскачку у России нет. Новая Азия появляется именно сейчас, и если Россия не поймет, как занять в ней свое место, через несколько лет может оказаться поздно.

Азия пребывает в ситуации неопределенности, даже некоторой неразберихи. Она попросту отвыкла (за полтысячелетия) играть ведущую роль в мировой политике. Здесь расположены амбициозные державы, обладающие огромным потенциалом, но пока точно не знающие, как его применять, особенно в политической и стратегической сфере.

На счастье Запада, Азия глубоко разобщена, какой-либо общей идентичности там не чувствуется. Отношения между крупнейшими странами более чем сложные, но от усугубления конфликтов спасает экономическая взаимозависимость. По этому параметру Азиатско-Тихоокеанский регион впереди многих, одна из наиболее обсуждаемых тем — свобода торговли, ведь именно азиатские страны, и не только Китай, оказались главными бенефициарами глобализации. Однако, как показывает история, тесные экономические взаимосвязи — не гарантия от резких обострений, особенно когда одна страна региона рассматривается как не просто локальный лидер, а чуть ли не претендент на мировое господство. Во всяком случае, Китай достиг масштаба, когда любое его действие вызывает у всех остальных подозрение, даже если гигант ничего плохого не имел в виду.

Что все это означает для Москвы?

Во-первых, в Азии действительно нужна стратегия — отдельная и тщательно разработанная. При таком переплетении рисков и возможностей в непосредственной близости от наших границ отсутствие плана действий и четко выстроенной системы приоритетов просто фатально. Не говоря уже о том, что так же, как 300 лет назад статус великой державы определялся прочностью позиций на Балтийском или Черном морях, теперь он зависит от Тихого океана.

Во-вторых, России необходимо использовать динамизм большой Азии для развития своей азиатской части. Речь идет не только о привлечении инвестиций или инициативы из соседних стран, хотя это само собой разумеется. Именно Сибирь и Дальний Восток могут стать территорией, где появятся перспективы экономического сотрудничества с Европой и Америкой. Сейчас Соединенные Штаты в экономическом плане вообще почти не существуют для России (и наоборот), а масштабные начинания с Евросоюзом, о которых говорили в середине прошлого десятилетия, заглохли по разным причинам — и политическим, и экономическим.

В-третьих, проект Евразийского союза, любимого детища Кремля,

нужно адаптировать именно под решение задач на восточном направлении. Собственно, в программной статье Владимира Путина, которая положила начало идее евразийской интеграции, речь об этом шла — данный проект лишь первый шаг к реализации большого экономического пространства, которое объединило бы рынки Европы и Дальнего Востока. На деле, правда, Таможенный/Евразийский союз воспринимается (а отчасти и является) способом создания экономической зоны вокруг России в противовес Европейскому союзу. Но это шаткая основа, поскольку бесконечная борьба за промежуточные страны (Украина и пр.) становится самоцелью, которая не способствует развитию, а истощает. Между тем страны Восточной Азии, начиная с Южной Кореи, напоминают о том, что тоже относятся к Евразии, если уж и говорить о подлинно евразийской интеграции, то с их участием. Понятно, что это будет уже другой проект, в котором России не удастся сохранить безусловное доминирование. Но если считать, что Азия сейчас важнее Европы, то встроиться в формирующуюся азиатскую архитектуру приоритетнее, чем бодаться с Евросоюзом за страны, не играющие заметной роли в глобальном раскладе.

Наконец, у Москвы есть возможность использовать свой политический вес (не слишком большой в Азии, но достаточный, чтобы участвовать в сложной системе взаимного уравновешивания различных сил) и завоевать не ведущую, но как минимум одну из заметных ниш в регионе. Ситуация там настолько хрупкая и неопределенная, что Россия сейчас нужна практически всем. Китай, понимая, что дело идет к практически неизбежной эскалации противоречий с США, стремится заручиться тем, что отношения с Россией не будут источником неприятных сюрпризов, а наоборот — станут залогом устойчивости позиций Пекина. Япония, напротив, опасаясь дальнейшего подъема Китая, нащупывает новую основу в контактах с Россией — проблему островов никто не отменял и не отменит, но ситуация в регионе заставляет более гибко относиться к иерархии приоритетов. Южная Корея нуждается в России для того, чтобы преодолеть нынешний «островной» статус (изоляция от континентального массива из-за нерешенного северо-корейского вопроса) и найти опору в отношениях с Китаем и Японией. Индия тоже опасается увеличения влияния и военной мощи КНР, так что заинтересована в том, чтобы Россия не становилась источником этого. Ну и так далее.

Азия начинает обретать новые контуры — и в сфере безопасности, и с точки зрения места в мире, и в том, станет ли она неким целостным явлением с собственной философией развития. Ресурсный потенциал России, экономические нужды и политический спрос на ее возможности дают шанс занять свое место. Но для этого нужно работать уже сегодня, в противном случае новая Азия возникнет без нас.

Как жить нельзя?

Kommersant.ru/Ogoniok, 30.09.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2275737>

Почему юбилейный Валдайский форум был не похож на другие

В последний день 10-го Валдайского форума, перед вечерней кульминацией в виде явления Владимира Путина, участники обсуждали идеи. Напитавшись содержательным разговором, все начали уже задумываться об обеде, когда ветеран клуба Фэн Шаолей задал свой фирменный «детский вопрос» (профессор из Шанхая, присутствовавший на всех 10 заседаниях, умеет заглянуть прямо в корень). «Спасибо огромное за замечательную дискуссию и такие разные точки зрения,— учтиво сказал китайский гость.— Но скажите, пожалуйста, а вас что-то объединяет?» Алексея Кудрина, Александра Проханова и Сергея Караганова, находившихся на сцене, эта простая формулировка, кажется, несколько озадачила, и отвечать они принялись после некоторой паузы, причем бывший министр финансов вначале так и не нашел ничего общего с сидевшим рядом прозаиком. Проханов оказался более великодушным, заметив, что ораторов сближает стремление сохранить государство...

Юбилейный Валдай вызвал большой интерес, но в центре внимания оказались, как водится, броские детали. Как Владимир Путин обратился к оппозиционно настроенным Ксении Собчак и Владимиру Рыжкову (уменьшительно-ласкательно), звали или нет организаторы Навального, кто пойдет баллотироваться в 2018 году (все выступавшие официальные лица опровергли, а президент игриво «не исключил»), дали ли «ярлык» на новосибирское мэрство Илье Пономареву и пр. Все это, конечно, украшало действо, но суть его состояла совсем не в этом, а как раз в том, о чем спрашивал китаец.

Красной нитью через все обсуждения проходила тема поиска новой идентичности России, а отправной точкой для дискуссий служила констатация, практически никем не оспариваемая,— за 20 с лишним лет после распада СССР страна полностью исчерпала те идейные ресурсы, с которыми она входила в трансформацию. От советского не осталось практически ничего, кроме потускневшей риторики и все более абстрактной ностальгии. Постсоветское же время дискредитировало едва ли не все понятия, вызывавшие энтузиазм на рубеже эпох, привело к разобщению и разочарованию.

Главным дефицитом (в этом, правда, Россия не одинока, а скорее находится в общемировом тренде) является картина будущего — если не реального, то хотя бы желаемого. Ведь самое пугающее даже не в том, что грядущее туманно и непредсказуемо, а в том, что непонятно, о чем мечтать. Рецепты прошлого явно больше не применимы, образцы воле, на которые было принято ориентироваться, сами теряют опору

и уверенность в правильности пути. Сирийский зигзаг, случившийся буквально накануне Валдая и потому беспрестанно всплывавший в разговорах, только подчеркнул, насколько растеряны ведущие мировые игроки. Ход России оказался востребованным, потому что никто не знает, что делать, а идея Москвы позволяет отложить принятие решений.

В выступлении Владимира Путина каждый услышал то, что хотел. Одни — жесткое отвержение гегемонии Запада, причем теперь уже не только политической, как в мюнхенской речи 2007 года, а морально-нравственной. Другие — махровый консерватизм. Третьи — призыв к единению, диалогу либералов с левыми, а представителей разных культур друг с другом, причем отдельного недоброго слова удостоился национализм как источник многих бед. Четвертые — намерение принять и понять всю историю страны без изъятий, но при этом не стремиться найти в ней буквальных моделей для развития. Пятые — напоминание о том, что у российской идентичности есть универсальный источник — это великая русская литература XIX века, которая соединяла в себе гуманистический пафос, самобытность, открытость миру и патриотизм, укорененность в собственной почве и трезвую оценку окружающей реальности.

У меня в речи Владимира Путина свое «любимое место»: «К сожалению, в истории нашей страны ценность отдельной человеческой жизни часто была невелика. Слишком часто люди оставались лишь средством, а не целью и миссией развития. У нас больше нет не только права, но и возможности бросать в топку развития миллионы людей. Нужно беречь каждого. Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие, будут главной силой России этого и последующего веков».

Последняя фраза — не образ будущего, но, по крайней мере, признание того, что для этого будущего необходимо. Международные отношения меняются. Военная сила остается гарантией безопасности и неприкосновенности, но перестает быть залогом успеха, лидирующего места в иерархии. Главная конкуренция разворачивается в другой сфере — за людей, способных создавать новое в технологической и идейной сфере, за умы. Иными словами — за качество человеческого потенциала. Век мобилизаций прошел, «топку развития» не разжечь, государства уже не заставят граждан обслуживать себя, как это бывало в XX веке, — невозможно ни перекрыть каналы оттока кадров, ни рассчитывать на демографический взлет. Профессиналам, способным на творческую самореализацию, двери открыты везде — и на Западе, и на Востоке, ведущие страны Европы, Азии и Америки соревнуются за то, чтобы предложить им лучшие условия для жизни и работы. И если российская власть в кои-то веки заявляет, что людей надо беречь (нетипичное поведение, если смотреть на историю), то неважно, под какими идео-

логическими лозунгами это произойдет, пусть даже и весьма консервативными. Владимир Путин напомнил, что «сбережение людей» — это идея, с которой 20 лет назад вернулся в Россию Александр Солженицын. В ту пору, кстати, оказавшийся ненужным и не востребованным на родине.

Саму по себе валдайскую речь Владимира Путина вряд ли стоит считать переломным моментом. Даже если российское государство в лице его верховных правителей всерьез решило менять концепцию развития в пользу человека, потребуется время, чтобы в это поверили. Но Валдайский форум 2013 года действительно обозначил определенную веху. Когда-то символом времени стал фильм Станислава Говорухина, нынешнего фронтмена «Народного фронта», под названием «Так жить нельзя» — в модном тогда чернушном стиле описания тупика. Сегодня вновь укрепляется то же чувство — так жить нельзя. Но в отличие от безысходного пафоса говорухинского кино конца 1980-х сейчас осознание того, что продолжение текущей линии бесперспективно, порождает попытку сформулировать какую-то новую концептуальную основу. И это стремление может сплотить «здоровые силы» во имя будущего.

Едва ли эту задачу удастся построить исключительно на консервативных посылах, которые провозглашает президент России. Молодому поколению всегда и везде свойственно стремление к гибкости и переменам, тем более сейчас, когда мир открыт и доступен для мало-мальски активного человека. Поэтому консервация возможна лишь на время. Путинский консерватизм — попытка зафиксировать хотя бы относительно стабильную и пока еще довольно благополучную (хотя и все более хрупкую) ситуацию. Как и многие представители его поколения, Владимир Путин очень боится навредить непродуманными действиями — еще свежо в памяти, чем закончились эксперименты Михаила Горбачева, задуманные с самыми добрыми намерениями. Но в безграничном океане неопределенности, каким является современный мир, законсервировать что-либо можно лишь ненадолго.

Лет пять назад, тоже на заседании Валдайского клуба, профессор Фэн также задал «детский» вопрос. На дискуссии, в которой видные умы разных направлений глубокомысленно рассуждали о путях России — в разные стороны в зависимости от идеологической принадлежности, он взял слово и, опять-таки вежливо восхитившись глубиной мыслей россиян, которой китайцам, мол, еще учиться и учиться, спросил: «А все-таки, наши дорогие российские друзья, мы не понимаем, чего вы хотите-то?»

России пришла пора формулировать, чего она хочет. Этот вопрос стоит перед всеми — и Америкой, и Европой, и Китаем, и другими. И повсюду начинается серьезный разговор на эту тему. Россия до сих

пор отставала, но, может быть, юбилейный Валдай дал импульс к тому, чтобы постараться догнать остальных.

Самоутверждение от противного

Kommersant.ru/Ogoniok, 09.09.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2269757>

...И тогда, отвечая на упрек оппонента, Барак Обама сказал: «Я выступил против войны, несмотря на политический риск, и заявил, что мы не только не знаем, во что она обойдется, какова будет стратегия ухода, как это повлияет на наши отношения со странами мира, и насколько убедительны наши разведданные, но мы еще и не закончили свою работу в Афганистане»

Золотые слова. Только произнесены они не осенью 2013 года о Сирии, а 5 лет назад, осенью 2008-го, на первых дебатах кандидатов в президенты, когда Обама противостоял сенатору-республиканцу Джону Маккейну. И речь идет, естественно, об иракской войне — к тому моменту предельно непопулярной, несмотря на относительный успех по стабилизации ситуации, достигнутый за предшествующие два года. Маккейну, который на деле никогда не был поклонником Джорджа Буша-младшего, приходилось заниматься безнадежным делом — защищать уходящую администрацию на фоне острого экономического кризиса и тотальной усталости американцев от любых заграничных начинаний. Обама же обладал форой перед всеми — как человек на Капитолийском холме совсем новый (сенатор всего лишь с 2005 года), он не нес ответственности за прошлые грехи. Непричастность чернокожего политика ни к вашингтонскому истеблишменту, ни к политическим династиям сработала в его пользу — он стал символом обновления, к которому стремились многие американцы. Тот факт, что Обама и внешне, и по своему происхождению, и по манере себя вести совершенно нетипичен для кандидата в президенты, превратил его в олицетворение политика будущего, идущего на смену закосневшей элите. Иными словами, от него ждали, что он все сделает по-другому.

Еще годом раньше, летом 2007-го, Барак Обама, в ту пору просто один из полудюжины желающих завоевать номинацию Демократической партии на право побороться за Белый дом, опубликовал программную статью по внешней политике в журнале *Foreign Affairs*. «Решительный дипломатический настрой, опирающийся на весь спектр инструментов американской мощи — политической, экономической и военной, — может привести нас к успеху, даже если речь идет о таких давних соперниках, как Иран и Сирия, — писал Обама. — Дипломатия в сочетании с давлением способна отвлечь Сирию от ее радикальной

повестки дня и направить в более умеренное русло, что, в свою очередь, поможет стабилизировать Ирак, изолировать Иран, освободить Ливан от хватки Дамаска и обеспечить бóльшую безопасность Израилю».

«Несомненно, никакая внешняя политика не будет успешной, если американский народ не понимает ее и не чувствует, что ее успех для него важен, если он не уверен в том, что правительство слышит его опасения», — предупреждал Обама. Ну и наконец: «Америке не удастся ответить на угрозы этого века в одиночку, а мир не справится с ними без Америки».

Прошло 6 лет. Барак Обама, успевший еще и стать нобелевским лауреатом, стоит перед необходимостью развязать военную акцию против Сирии, уже второй ближневосточной страны за период президентства. Ни внятная цель, ни масштаб кампании неясны. Население ее не поддерживает и, что хуже, все меньше понимает действия главы государства. Последствия и возможные издержки неопределенны. Клич Вашингтона совместно покарать злодейский режим повис в воздухе — никто из союзников вроде бы открыто не возражает, как это было в иракском случае, но и активной действенной поддержки почти никто оказывать не собирается. Шансов получить легитимацию в Совбезе ООН нет. Президент США знает, что операция не просто рискованна, но, вероятнее всего, принесет обратный результат, спровоцировав неуправляемую цепную реакцию в регионе. И вот при всем этом он обречен сделать шаг (и не один) в сторону эскалации, даже согласиться с пресловутым сенатором Маккейном, что точечной атакой, которой хотел бы ограничиться Обама, не обойтись, вмешавшись, нужно уже добиваться результата.

Почему президент так далеко ушел от своих намерений и обещаний второй половины 2000-х? Есть две составляющие причин — объективная и субъективная.

Объективно Обаме выпало тяжелое время. Международная система подошла к переломному моменту, уже невозможно закрывать глаза на то, что устойчивого порядка после холодной войны так и не возникло, а тесная взаимозависимость всех ни в малейшей степени не означает целостности глобального мира. Напротив, оставаясь неразрывно связанным, он фрагментируется, и отдельные части ведут себя непонятно и непредсказуемо. Барак Обама лучше других в американском истеблишменте понимает, насколько изменилась планета и до какой степени не работают прежние методы влияния на процессы и управления ими. Совокупная сила Соединенных Штатов почти беспредельна, но все менее эффективна, поскольку ее применение зачастую имеет обратный эффект. Отсутствие стратегического видения связано не с низким качеством прогноза и аналитической работы, а с невозможностью

угадать направление развития в принципе. И все это ставит крест на амбициозных планах целенаправленного обновления внешней политики, адаптации ее к меняющимся условиям, хотя необходимость этого глава государства осознает очень отчетливо.

По натуре Обама не любит насилия и идеологического догматизма по той причине, что и то, и другое загоняет в ловушки, безвыходные положения. Однако в специфических условиях глобального лидерства США и американской политической культуры эти качества воспринимаются как нерешительность и оппортунизм, что крайне пагубно для репутации.

Понимание необходимости перемен и адекватное восприятие реальности — условие необходимое, но недостаточное для прокладывания нового курса. Обама, несмотря на ораторские таланты, не хватило умения убеждать — ни внешних, ни внутренних собеседников. Кардинальные изменения установок, а именно это нужно для «обновления американского лидерства» (название статьи 2007 года), требует способности создавать широкий консенсус в свою поддержку. Изначально считалось, что как раз это — конек чернокожего президента, который начинал свою политическую карьеру «организатором сообществ» — общественной работой, в процессе которой людей привлекают к какой-то деятельности не принуждением, а убеждением. Но на практике оказалось, что Обама — один из наиболее поляризующих лидеров, раскол общества и политического класса усугубился.

Пожалуй, главная причина неуспеха Барака Обамы в том, что внешнеполитический контекст для него вторичен по сравнению с задачами по внутренним преобразованиям Америки, которые он хотел бы сделать своим историческим наследием. Внутренняя политика всегда сильно сказывалась на международном поведении Соединенных Штатов, но при Обаме это превратилось в норму — отчасти по его вине, отчасти из-за страстного желания республиканцев его ослабить. Обама нужно доказать собственную дееспособность (то есть готовность воевать) в сирийском вопросе, потому что если он этого не сделает, то станет в глазах оппонентов безвольной «хромой уткой», которую не будут слушать ни по вопросам здравоохранения, ни в том, что касается сокращения долга или мер по преодолению бедности и развитию образования. Получается, что издержки воздержания от боевых действий, с точки зрения Обамы, выше, чем от вероятного увязания в ближневосточном болоте. Поэтому очередная война в регионе меньше из зол, хотя и противоречит всем его установкам и присущему ему здравому смыслу.

«Мы не можем ни изолироваться от мира, ни попытаться угрозами добиться послушания. Нам следует вести мир за собой делом и собственным примером», — писал Обама в той же программной статье. Парадокс

сально, но наиболее негативные проявления американской гегемонии стали заметны не тогда, когда Америка могла добиться почти всего, чего хотела, а теперь, когда ограниченность ее возможностей все очевиднее. Оставаясь самыми сильными, но более не ощущая себя таковыми, США, похоже, могут нанести и себе, и окружающим даже больший урон нынешней непоследовательностью, чем прежним самоуверенным упрямством. Когда «собственный пример» никуда не ведет, остается вторая часть фразы — мы не можем ни отстраниться от других, ни заставить их делать то, что мы хотим. Печальный итог «обновления».

Будь что было

Kommersant.ru/Ogoniok, 15.07.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2219495>

Ситуация в Египте балансирует на грани гражданской войны. Какова будет развязка, предсказать невозможно. И на этом фоне становится очевидным: российский консерватизм в подходе к Ближнему Востоку оказывается более выигрышным, чем стремление оседлать перемены

Когда в начале 2011 года казавшийся вечным режим Хосни Мубарака рухнул, российская реакция удивляла мир своей медлительностью. Многолетний президент Египта никогда не был особенным другом Москвы, оставаясь стопроцентно лояльным Вашингтону. Так что причин лить по нему слезы у Кремля и Смоленской площади не было, но общая неприязнь к революциям, присущая современному российскому истеблишменту, не позволяла приветствовать триумф народной воли. И западные, и арабские коллеги тогда пожимали плечами: нельзя же быть такими негибкими и не думать о будущем. В американской интерпретации это звучало, как всегда, более живописно: Россия оказывается на «неправильной стороне истории», настороженно относясь к демократическому прорыву на Ближнем Востоке.

История, однако, коварна, свою «правильную сторону» она сама стремительно меняет. Демократически избранного президента-исламиста от власти отстранили те же генералы, которые два с половиной года назад избавились от светского диктатора. Хотя произошедшее является классическим военным переворотом, все стараются не произносить этих слов, потому что тогда получится «неправильная сторона». Впрочем, что будет дальше — тоже непонятно, поди угадай, какие силы будут выражать «волю народа» еще через полгода.

Политика России на Ближнем Востоке эпохи бурных перемен — предмет постоянных дискуссий. Есть ли у Москвы сформулированные интересы и какую роль она там сегодня играет?

Эту политику можно условно разделить на две составные части — страны, где имеется перспектива внешней интервенции, и те государства, проблемы которых решаются в рамках национальных границ. (Последнее, конечно, условно, сегодня любая граница проницаема, но все же степень вмешательства различна.) К первой категории относятся Ливия и Сирия, ко второй — Египет, Тунис, Йемен.

В первом случае Россию прежде всего заботят вопросы, связанные с базовым понятием международных отношений — суверенитетом. Тот факт, что во время ливийской кампании Москва неожиданно для всех отступила от своей традиционной позиции невмешательства, стал началом новой тенденции, а, напротив, катализатором предельно жесткой и неуступчивой позиции впоследствии. Чем бы ни руководствовался президент Дмитрий Медведев, принимая решение не блокировать силовое вмешательство, результат только убедил всех в ошибочности этого шага. Курс по сирийскому вопросу, ни на йоту не сдвинувшийся за два с лишним года, призван продемонстрировать раз и навсегда — модель, когда внешние силы решают, кто «прав» в гражданской войне, а потом помогают «правым» победить, больше не пройдет.

К собственно Ближнему Востоку этот подход прямого отношения не имеет. России важнее утвердить — где угодно — тип урегулирования такого рода конфликтов без очевидного вмешательства. Как это скажется на перспективах присутствия в регионе, не так уж важно, ведь в отличие от СССР Российская Федерация не играет по всему глобусу в попытках ущучить Америку и откусить кусочек ее сферы влияния. Это, кстати, еще одно распространенное заблуждение — что в Сирии Россия сознательно и целенаправленно противостоит США, просто из принципа. Точнее, принцип есть, но он связан не с антиамериканской одержимостью, а с глубоким убеждением, что подход Запада в корне неправильный. И соответственно ожидать изменения российской позиции под воздействием прагматических аргументов (его все равно свергнут, а вы останетесь ни с чем) не приходится — в данном контексте Россию больше устроит проиграть по конкретному поводу, чем отступить от определенной линии поведения. Как ни парадоксально, но такое упорство находит отклик, в США и Европе все чаще приходится слышать, что лучше уж такая стратегия (по мнению европейцев и американцев совершенно неправильная, но последовательная), чем никакой вовсе, как у Вашингтона и ведущих столиц Старого Света.

«Сила» российской позиции на Ближнем Востоке, точнее, ее преимущество перед Соединенными Штатами, заключается в том, что Россия может в любой момент уйти из региона. Цели такой нет, и если возможно сохранить там присутствие и влияние — это прекрасно. Но если невозможно — это не катастрофа для внешней политики России, которая все больше фокусируется на сопредельных территориях Евра-

зии. Америка не может себе такого позволить: уж очень много завязано на энергетику, интересы Израиля и иранский вопрос, а от его решения зависит имидж США как мирового лидера. Вашингтону поэтому придется постоянно ловить ускользающую «правильную сторону истории».

Россия видит ближневосточные события, в том числе «мирные», как в Египте, сквозь призму собственного специфического опыта последней четверти века. Современное российское общество не верит в революции: слишком много было потрясений, надежд, которые оказывались иллюзиями, и разочарований. Ценность стабильности разделяют — пока — и верхи, и низы. На эйфорию восторженных толп рядовой российский наблюдатель смотрит крайне скептически, зная, чем все это обычно кончается, а руководство — с явной неприязнью, вольно или невольно проецируя разрушительную стихию на собственную вотчину, поэтому всякие рассуждения о «сторонах истории» в России вызывают в лучшем случае иронию. Собственно говоря, результаты преобразований в странах «арабской весны» не дают оснований для оптимизма — ни в одной из них.

Это не значит, что Россию вовсе не волнует происходящее. Расстановка сил на Ближнем Востоке стремительно и необратимо меняется, правда, станция назначения совершенно непонятна. Первая революция в Египте, а это самая населенная арабская страна, традиционно задающая тон, была прорывом политического ислама, обещавшим его дальнейшую экспансию. Возможно, и за пределы региона, а это уже недалеко от границ России. Вторая революция вроде бы ломает тренд, разворачивая все назад. Волна изменений прокатывается то туда, то обратно, затрагивая все страны. Смена президента в Иране — пример того, как правящий режим умело «сравил» давление в «котле», сняв накопившееся общественное напряжение. Выступления в Турции — неприятный сюрприз для самонадеянных властей, показавший пределы их влияния. Ирак — рост насилия и угрозы дезинтеграции. Сирия — кровавый тупик, когда ни одна сторона не может ни победить, ни отступить. Тунис — пример относительно успешного (на фоне остальных) маневрирования исламистов, понявших, в отличие от египетских коллег, что политическое игнорирование меньшинств — путь опасный. Ливия — мрачная безнадежность...

Год назад едва ли не общим местом было мнение, что Россия, безусловно, проиграла от «арабской весны». Уходят ее последние союзники, оставшиеся в наследство от СССР, их преемники относятся к Москве враждебно, а тем, кто настроен нейтрально, России нечего предложить. Сегодня все это выглядит несколько иначе. Революционные «истории успеха» разочаровывают. Башар Асад, крушения которого ожидали еще в 2011 году, по-прежнему у власти. Шиитской Иран,

в поддержке которого упрекают Москву, ведет вполне успешную игру, противостоя давлению Запада и суннитского мира, несмотря на внутренние сложности и жесткие экономические санкции. Отношения Москвы и Анкары, несмотря на острые разногласия по Сирии, остаются хорошими. С Израилем сохраняется вполне рабочий контакт, и хотя оценки разные, взаимное понимание на высоком уровне. Да и умеренные арабские режимы, давно уже не испытывающие энтузиазма в связи с сирийской эпопеей и опасующиеся перетекания дестабилизации к ним, считают позицию России если не правильной, то логичной.

Сегодняшняя Россия придерживается крайне консервативного подхода к международным делам, исходя из того, что любое изменение статус-кво — к худшему, а если он и меняется — главное не спешить с оценками и действиями. Лучше выждать. В эпоху хаотических перемен такой взгляд может оказаться более выигрышным, чем бесконечная суета в попытках угадать «правильную сторону истории».

Парикмахерская для поросят

Kommersant.ru/Ogoniok, 01.07.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2218952>

Мировой политический сезон отмечен всеобщим раздражением

Залихватская история беглого контрактника АНБ Эдварда Сноудена, вобравшая в себя как будто сразу несколько известных голливудских сюжетов, стала ярким завершением мирового политического сезона — 2012/13. Пафос и циничный расчет, фарс и драма перемешаны здесь очень густо. Символом же происходящего эту эпопею делает ее безнадежная неоднозначность. Мнения о Сноудене полярны и непримиримы: для одних герой гражданского общества, бросивший вызов левиафану-государству, для других банальный предатель — то ли чей-то агент, то ли очередной Герострат. Обе позиции аргументированы, переубедить сторонников каждой из них невозможно.

Если пытаться выделить лейтмотив прошедшего периода осень — лето, то он именно в этом — неспособности примирить крайности, найти золотую середину. Главное событие, точнее, нескончаемый процесс — гражданская война в Сирии, которой не видно конца и края. Все здесь перепутано. Противостояние граждан и автократии. Столкновение конфессий. Геополитическое соперничество региональных держав. Попытки крупных стран то ли нагреть на нем руки, то ли минимизировать урон, то ли имитировать свою лидирующую роль в глобальной политике. Узел противоречий аккумулирует такую массу негативной энергии, что конфликт даже и не думает затухать. Как ни страшно это звучит, сирийское общество, похоже, должно само «насы-

тяться» этой войной, ощутить приближение кромки обрыва, за которым национальная катастрофа станет необратимой. Только тогда разговоры о мирном процессе и новой политической модели обретут смысл, возможно, востребуются и внешнее посредничество. Пока внешние силы ведут себя как на ярмарке амбиций, заботясь не о прекращении междоусобицы, а о том, чтобы «правильная», «своя» сторона не проиграла.

Россия и США, которые самонадеянно вызвались организовать мир в Сирии, ведут себя довольно высокомерно, создавая впечатление, что именно от их договоренностей (или недоговоренностей) зависит судьба этой страны. После десятилетий репрессивного правления, которое скоро, возможно, будут вспоминать как золотую эпоху, сирийцы сражаются за размежевание, не за объединение. Внешний фактор, конечно, имеет значение, но реально все решается на фронтах сирийской бойни, и не Москве с Вашингтоном под силу привести противников к столу переговоров.

Европейский союз в очередной раз доказал в сирийском вопросе, что единства в нем нет и не предвидится. Компромисс, достигнутый ЕС в связи с оружейным эмбарго, даже крайне проевропейский брюссельский портал EUobserver назвал отвратительным. Евросоюз просто договорился о том, что каждый делает что хочет по части поставок вооружений повстанцам, занять какую-либо позицию он оказался не в состоянии. Единая Европа в минувшие месяцы обозначила стремление к консолидации, но за счет разъединения, расхождения интересов. Германия демонстративно размазала по стенке Кипр, припечатав приговором: кипрская экономическая модель не имеет права на существование (слова министра финансов Вольфганга Шойбле). Когда 5 лет назад Никосия присоединялась к евро, ровно та же модель возражений не вызывала.

Берлин продемонстрировал всем отстающим — Италии, где каждый четвертый голосовал на выборах за комика; Испании, погрязшей в долгах; Греции, барахтающейся в болоте жестких условий санации, и прочим, — что игры закончились, началась, по выражению российского международника Сергея Караганова, «борьба за Европу по-жесткому». Понять можно — рано или поздно кому-то придется брать на себя ответственность. Но в случае с Германией это чревато — весь сонм исторических аллюзий, связанных с германским доминированием, немедленно восстает из шкатулки под названием «историческая память». Очевидно, что через несколько лет ЕС будет совсем другим и тоже за счет расслоения — на страны разных категорий с разными правами и возможностями. Как удастся примирить это с философией солидарности и равноправия, лежащей в основе европейской идеи второй половины XX века, непонятно.

А пока идея размежевания торжествует. Референдум о выходе из ЕС обещает Лондон. Плебисциты о суверенитете запланировали Каталония и Шотландия. Франция куда-то потерялась — ее сцепка с Германией как будто бы больше не работает. А на вопрос, почему мнение Парижа, традиционно самое весомое в том, что касается европейского будущего, сейчас практически не слышно, тамошние интеллектуалы отвечают: а вот зато в Мали мы победили террористов.

Америка переживает секвестр, автоматическое сокращение государственных расходов в связи с тем, что администрация и конгресс не смогли договориться полюбовно. Обама победил на выборах, но не является объединяющей фигурой, наоборот. США ищут новые формы обеспечения мирового лидерства, а для этого пытаются выстроить приоритеты. Нежелание вмешиваться во все подряд, которое демонстрирует президент, многими интерпретируется как слабость, от Вашингтона по инерции ждут способности быть везде и повсюду играть решающую роль. Обама же полагает, что сначала надо разобраться с ворохом уже имеющихся проблем, прежде чем накапливать новые. На фоне воздержания по другим фронтам весьма напористой выглядит идея создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между Северной Америкой и Европейским союзом, предложенная Белым домом. По сути, это воссоздание единого политического Запада эпохи холодной войны на новых основаниях. Получится или нет — вопрос открытый, но если да, то перед Россией встанет очень сложная проблема: как вести себя по отношению к новому экономическому монстру?

Ближний Восток продолжало лихорадить, а волны народного возбуждения прокатываются по миру, захватывая не только очевидно проблемные страны, но и тех, кого принято зачислять в восходящие звезды. Индия, Турция и Бразилия, каждая по своим причинам, но оказались охвачены совершенно непредвиденными протестами. По контрасту удивительно спокойно прошли президентские выборы в Иране — высшему руководству удалось умело «сравить» давление в общественном котле, содействовав приходу к власти умеренного и авторитетного человека. Китай же пережил, пожалуй, самую нервную смену власти со времен Дэн Сяопина — все прошло гладко, но опасались не на шутку: а вдруг что?

Россия в этом сезоне, надо признать, шла довольно прямым путем, избежав обычно свойственных ей виражей. Владимир Путин последовательно реализовывал положения своей предвыборной программы, изложенной в серии статей в начале прошлого года. В международной части действия Кремля особенно четко отражают то, что было написано. Путин обрисовал внешний мир как пространство неуправляемое и непредсказуемое, где ведущие игроки действуют иррационально,

как будто специально расшатывая остатки порядка. А поскольку грань между внешним и внутренним истончается сегодня донельзя, турбулентность вовне угрожает с таким трудом восстановленной стабильности внутри. Поэтому надо защищаться, отгораживаться от града внешних импульсов, в том числе от «противоправной мягкой силы», о которой писал тогда кандидат в президенты. Все происходившее в последние месяцы — в русле этой идеи.

При этом российское общество и государство — вполне в духе мирового разъединительного тренда — не консолидируются, а наоборот. Явный конфликт между искусственно культивируемым традиционализмом (либо его имитацией) и фрондой прогрессистского меньшинства, опора власти на большинство с отчуждением активной прослойки — рамка событий.

Если суммировать мировую атмосферу, преобладающим ощущением будет раздражение. Оттого, что ничего не получается так, как задумано, что различные сегменты обществ ни о чем не могут договориться и все недовольны результатом, хотя и по разным причинам.

Владимир Путин, который любит неожиданные метафоры, отвечая на вопрос о Сноудене, сравнил борьбу с правозащитниками со стрижкой поросенка: шерсти почти нет, один визг. Это правило, вероятно, не универсально: внутри страны власти не склонны руководствоваться такой максимой. Но сам образ подходит и к положению дел на международной арене вообще: визг повсюду, а толку никакого. Хотя ожидание больших перемен усиливается.

Ни надежд, ни разочарований

Kommersant.ru/Ogoniok, 03.06.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2198659>

Чего ждать от встречи президентов России и США в Северной Ирландии

Барак Обама и Владимир Путин встречались дважды. Сначала летом 2009 года, когда президент США приехал в Москву и нанес визит российскому премьер-министру, который до этого два срока отслужил в должности главы государства. Потом летом 2012-го, когда Владимир Путин снова в ранге президента приехал на саммит «двадцатки» в мексиканский Лос-Кабос.

В первый раз встреча превратилась в развернутый монолог под икру и самовар, которыми почему-то решили позабавить гостей. На вопрос Обамы о двусторонних отношениях собеседник ответил сорокаминутным спичем, в котором убедительно изложил все, что он думает о политике Вашингтона и в особенности об итогах правления Джорджа Бу-

ша. Обама внимательно слушал, пообещал подумать, а с осени началась реальная перезагрузка — процесс дипломатического размена, в результате которого отношения вышли из тупика второй половины 2000-х.

Второй разговор проходил в натянутой обстановке. Путин только что вернулся в Кремль, отодвинув Дмитрия Медведева, с которым у Обамы сложились неплохие отношения, а президентство начал с отказа приехать на саммит «восьмерки» в США, в гости к американскому визави. Все комментаторы отметили отсутствующие выражения лиц собеседников, однако итоговый документ стал шедевром корректности — стороны аккуратно обошли все вопросы, которые могли вызвать противоречия, сконцентрировавшись только на том (немногом), что объединяет.

Фон третьего randevу глав государств крайне неблагоприятный. В конце прошлого — начале этого года Москва и Вашингтон чуть не разругались в пух и прах по вопросам, не имеющим прямого отношения к реальной политике, скорее принадлежащим к сфере идеального. После этого наступила хрупкая стабилизация, когда на обоих берегах обозначили, что ссориться окончательно не хотят. Если встреча в Северной Ирландии пройдет сдержанно и спокойно (на бурные объятия никто, конечно, не рассчитывает), то планка хотя бы не опустится дальше. Если же станет понятно, что разговора не получилось, тенденция к эрозии отношений продолжится или даже ускорится.

Комментаторы обожают рассуждать о «химии» встреч. Мол, образуется «химия» между президентами, тогда и спорные вопросы сдвинутся. Переоценивать личные контакты не стоит. Классический пример — Россия и США при Джордже Буше. Личные контакты Владимира Путина и американского коллеги были вполне благоприятными, два лидера друг другу скорей симпатизировали. Что не помешало отношениям государств скатиться к уровню, наихудшему после холодной войны.

И все же, возможна ли химическая формула взаимопонимания между Путиным и Обамой?

Если смотреть на жизненный путь обоих, то общее у них, пожалуй, одно. Ни Владимир Путин, выросший на улицах рабочего района Ленинграда в не самой благополучной семье, ни Барак Обама, чернокожий полукровка экзотического происхождения, проведший детство по разным углам мировой периферии, не могли и представить себе, до каких вершин они доберутся. То есть и тот, и другой — люди на политическом Олимпе случайные. В остальном они антиподы.

Обама — выходец из низовой (по-английски говорят — травяной, подчеркивая близость к почве) среды общественных активистов, ставший профессиональным политиком через работу в гражданском обществе. Это заведомо публичная харизма — увлечь за собой людей от мел-

кого местного сообщества до крупного избирательного округа или штата, заставить их силой убеждения делать то, что тебе выгодно и нужно. Путин — воспитанник закрытой кастовой организации, где публичность, открытая политика если и не враг, то уж точно объект пристального и отстраненного наблюдения. К тому же структура построена на иерархии. Хотя взлет и Путина, и Обамы — результат фундаментальных перемен в общественных настроениях, направление их противоположное. Обаму избрали на волне стремления что-то изменить. Пути-на — в условиях всеобщей усталости от беспрестанных изменений, желания стабилизировать ситуацию.

Президент Обама — продукт мощного социального прогресса, который совершила Америка в последней трети XX века. Президент Путин — плод краха одной общественно-политической формации и попыток соорудить другую. При этом оба они со всеми своими сильными и слабыми сторонами, без сомнения, олицетворяют современное состояние своих стран. И, что более интересно и существенно в рамках внешней политики, — они, каждый по своей причине, чутко улавливают фундаментальные сдвиги, которые происходят в мире и которые не позволяют действовать так, как привыкли Америка и Россия.

Обама пришел на президентский пост, имея фору (после шлейфа неудач Буша) и убежденный в своей способности наладить диалог со всеми, кто нужен США. При этом он интуитивно понимал, что мир кардинально меняется и Соединенным Штатам тоже нужны новые подходы. Иллюзии насчет диалога быстро улетучились, стало понятно, насколько международные отношения отличаются по своей сути от работы по мобилизации соседей на строительство детской площадки (чем Обама занимался на заре своей карьеры). Но уверенность в необходимости искать другие пути осталась. И то, что критики Обамы называют его беспринципностью или слабостью (осторожный взгляд на конфликты, нежелание вмешиваться без нужды, относительная индифферентность к вопросам демократии), на деле — убежденность в том, что окружающая среда так отличается от прежних времен, что отработанные рецепты могут давать противоположный результат. И пока обамовский Белый дом твердо стоит на примате медицинского принципа «не навреди» — конечно, в той степени, насколько это вообще возможно в американской системе, где президент не всесилен, а идейная база «града на холме» непреодолима.

Путин тоже исходит из того, что с современным миром шутки плохи. Его стремление встроиться в него на равноправных и выгодных для России условиях, которым было отмечено первое президентство и которое затухало во втором, к третьему сроку привело к выводу, что встраиваться бессмысленно. Сначала потому, что не хотят принимать, а потом все больше потому, что и встраиваться-то некуда. Система разру-

шается, и Путин это очень чувствует, возможно, потому что у него, как и у других российских политиков его поколения, главным событием жизни является именно распад — крушение СССР. Владимир Путин гораздо глубже и острее большинства западных политиков понимает, насколько все взаимосвязано и как опасно предпринимать решительные действия, не задумываясь всесторонне о последствиях. Отсюда его искренняя приверженность статус-кво, это касается как внешней, так и внутренней политики: лучше вообще ничего не трогать, любое вмешательство с целью инноваций чревато коллапсом...

У российского президента, правда, есть еще и обостренное чувство национального престижа, который он готов отстаивать почти любыми способами, — по той же причине: он считает, что Россия была слишком унижена событиями 1990-х, чтобы идти на какие-то уступки сегодня. Мол, лимит компромиссов исчерпан тогда. У Обамы другая ситуация: Америка, с его точки зрения, столь велика, что может позволить себе и пару шажков назад, в сторону гибкости — не убудет, лишь бы толк был. Для многих в США это унизительно, хотя обнаружить, где Обама отступил по какому-то существенному и принципиальному вопросу, едва ли удастся.

«Химии» между двумя президентами не появится. Но она и не нужна. Важнее, что оба разделяют уверенность в том, что в сегодняшнем мире надо избегать лихих наскоков. Степень и характер рефлексии при этом разный, в полном соответствии с национальными стереотипами: у Обамы она излишне позитивная (несмотря на кажущуюся невыполнимость, почти все возможно), а у Путина — чрезмерно фатальная (все к худшему). Оба при этом, в принципе, настроены на сделки, хотя видят их неодинаково. Ну и, пожалуй, главное. Несмотря на огромную власть, а Владимир Путин и Барак Обама относятся к числу самых могущественных людей мира (по-разному, конечно), два президента зависят от стихийно складывающихся обстоятельств значительно больше, чем способны на них влиять. Но в этом ни тот, ни другой никогда не признаются.

Клубная карта

Kommersant.ru/Ogoniok, 13.05.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2184639>

В мае 1998 года Россия дебютировала в качестве полноправного члена «восьмерки». И за минувшие 15 лет вошла практически во все международные организации, в которые стремилась. Какова отдача?

Пятнадцать лет назад, в середине мая 1998 года, в Бирмингеме впервые прошла встреча «Группы восьми» — так с того момента назывался неформальный форум ведущих промышленных стран, к которым при-

соединилась Россия. За полтора десятилетия Москва стала не только участником практически всех международных клубов, но и накопила опыт председательства в большинстве из них. К штурвалу «восьмерки» Россия встанет в следующем году, причем уже во второй раз, а этой осенью Санкт-Петербург принимает руководителей «двадцатки» — группы намного более модной сегодня. Заняла ли Россия место в когорте глобальных лидеров, стран, решающих судьбы мира?

Трудный путь к столу

Бирмингем-98 был важнейшей вехой для новой России. С момента распада СССР российский президент Борис Ельцин добивался того, чтобы страна стала членом эксклюзивных объединений, вернув себе символический статус великой державы. Фактическое признание его произошло годом раньше, на встрече в Денвере, но официальное оформление все-таки случилось в Англии.

Ельцину, конечно, особенно льстил тот факт, что равным среди первых он стал именно во время британского «мандата». Пршлое председательство Великобритании пришлось на 1991 год, и на саммит в Лондоне (в июле) по настоянию Гельмута Коля и Франсуа Миттерана в первый и, как оказалось, последний раз пригласили президента СССР Михаила Горбачева — в качестве специального гостя. Джордж Буш и Джон Мейджор отнеслись к приезду главы Советского Союза прохладно, ни о каком полноценном участии, конечно, и речи быть не могло, а страстный призыв Горбачева оказать масштабную экономическую помощь перестройке повис в воздухе. На фоне стремительно нараставшего хаоса в СССР желающих делать ставку на тогдашний Кремль не нашлось. Спустя ровно месяц после безрезультатной поездки генсека в Лондон случился августовский путч, похоронивший единую страну и подтвердивший правоту скептиков. Борису Ельцину, безусловно, было приятно присутствовать в качестве настоящего участника на форуме, на который его некогда главного врага Горбачева пускали только как просителя на порог.

Впрочем, история отчасти повторилась — через три месяца после бирмингемского дебюта Россия объявила дефолт по своим долговым обязательствам и погрузилась в острейший экономический и политический кризис. Иллюзия равного с остальными грандами статуса развеялась очень быстро, когда российскому правительству пришлось срочно выпрашивать у западных стран финансовую поддержку, получив в итоге отказ.

Сейчас об этом странно вспоминать. Россия из должника давно превратилась в донора и обсуждает со странами, у которых прежде просила займы, как материально помочь единой европейской валюте или отдельным странам зоны евро. Владимир Путин еще на заре своего пре-

зидентства справедливо счел, что мечтать о великодержавности, будучи в долгах, бессмысленно, так что скорейшие выплаты стали приоритетом финансовой политики. В 2006 году Путин у себя на родине в Санкт-Петербурге уже возглавлял высокое собрание, что стало следующим после Бирмингема шагом в направлении желаемого статуса. И хотя совсем полноценного участия в финансово-экономической «семерке» Россия так и не добилась (здесь Запад стойко держит оборону), сомнений в том, что она по праву принадлежит к самому престижному клубу планеты, давно не звучит. Правда, состояние дел в самом клубе и обстановка вокруг него с конца 1990-х кардинально изменились — и не в пользу «восьмерки».

Превращение в шоу

В середине 1970-х, когда создавался механизм неформальных консультаций ведущих экономик Запада, смысл заключался в максимально закрытом формате и предельно откровенных профессиональных дискуссиях о реальном положении вещей. По мере расширения (с изначальной «пятерки») и повышения уровня всеобщего внимания встречи в верхах постепенно превращались в политическое шоу на публику. Включение России в активную работу совпало с окончательным сдвигом акцентов на мероприятие для камер и газетчиков. Российское участие не было тому причиной, но послужило катализатором процесса, начавшегося в силу общих перемен на международной арене. Глобализация и коммуникационная открытость привели к тому, что в мировой политике остается все меньше пространства для дискретного общения. А чем прозрачнее среда, тем опаснее прямота в высказываниях даже на закрытых, но многосторонних встречах — все равно что-то как-то утекает. Ну а без откровенного обсуждения теряется и смысл собрания, во всяком случае тот, что был заложен создателями формата.

С другой стороны, фундаментальные сдвиги в глобальной расстановке сил привели к тому, что встречи узкого состава мало что дают. Россию некогда приняли в «восьмерку» исключительно по политическим причинам, чтобы не отталкивать, а то мало ли... Некоторое время — в первой половине 2000-х — Москва пыталась играть роль посланца незападного мира в западном клубе. Однако с какого-то момента стало ясно, что обсуждать мировые экономические перспективы без Китая просто невозможно. Принимать Пекин в «восьмерку» неудобно — вроде бы это сообщество демократий. Да КНР, кстати, туда нисколько и не рвется. Появление в разгар кризиса 2008 года «большой двадцатки» решило эту проблему — возникла более чем легитимная площадка для разговора Китая с США, Евросоюзом (в основном в лице Германии), Японией (остальные в представительной группе составляют важный, но все-таки антураж).

Впрочем, мировым правительством «двадцатка» не стала. Сыграв полезную роль на первом этапе кризиса, когда сам факт сбора представителей 20 ведущих экономик оказал успокоительное действие, дальше форум превратился в довольно-таки протокольное мероприятие. Председатели каждый год предлагают масштабную повестку дня, на которой — фундаментальные проблемы мирового экономического устройства. Но на деле постоянно приходится отвлекаться на текущие острые кризисы, последние три года в зоне евро, так что любовно подготовленная программа для обсуждения идет прахом. Тем не менее каждая страна, оказывающаяся у руля «двадцатки», старается использовать это для презентации себя как ответственной мировой державы. На сей раз очередь Москвы.

Умение себя подать

За последние годы Россия неоднократно выступала с инициативами по глобальным вопросам, однако развития они не получали. Договор о европейской безопасности и призывы прекратить использование сельскохозяйственной продукции для производства биотоплива, глобальный план борьбы с наркотрафиком из Афганистана, новые принципы энергобезопасности и международные конвенции, регулирующие интернет и авторские права. Все это если и привлекало внимание, то ненадолго, большинство из идей давно не вспоминают.

Причина тут двоякая. С одной стороны, Россия пока не научилась, как демонстрировать лидерство в новом мире. До сих пор окончательно неизжитое чувство неполноценности из-за распада Советского Союза породило сначала синдром бедного родственника, а потом желание использовать внешний мир для решения своих проблем, а не наоборот. К тому же российские политики так и не освоили искусство, которым виртуозно владеют западные коллеги, — упаковывать собственные эгоистичные интересы в предельно альтруистическую оболочку. В результате получается, что из-за каждого начинания Москвы торчат уши какой-нибудь корысти, а остальные якобы действуют исключительно ради общественного блага.

Но есть и другая сторона. В современном мире, где рушатся последние нормы и правила прежней эпохи, глобальные инициативы попросту не работают. Нет инфраструктуры — формальной или неформальной — для того, чтобы добиваться реализации задуманного, даже если оно разумно и благотворно. Собственно, об этом свидетельствует судьба большинства начинаний, объявляемых в рамках «восьмерки» или «двадцатки». Вообще, феномен современного мира, эпохи глобализации, как ни странно, заключается как раз в том, что хуже всего работают именно те решения, которые принимают или пытаются принимать на глобальном уровне. Самый яркий пример — безнадежный

провал усилий в рамках ООН по борьбе с климатическими изменениями, при том что на национальном уровне повсеместно начинают внедряться технологии повышения энергоэффективности и соответственно снижения выбросов парниковых газов — просто по соображениям выгоды и конкурентоспособности, а не ради «спасения человечества».

За 15 лет, с тех пор как Борис Ельцин впервые присутствовал на «Группе восьми» в статусе полноправного члена, задачу обеспечения высокого международного статуса, которую поставило тогдашнее руководство, Россия выполнила и даже перевыполнила. Но какой будет ее реальная роль в последующие годы, по-прежнему неизвестно. И снова, как в 1991-м, когда Горбачев впервые приехал на «семерку», или в 1998-м, когда Ельцин участвовал в «восьмерке», решающее значение для позиций страны в мире будет иметь качество ее внутреннего развития, а не способность правильно презентовать себя на международных форумах.

Перестройка-2014

Gazeta.ru, 16.03.2014

<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5952017.shtml>

Референдум в Крыму подвел черту под эпохой, которая продолжалась почти 25 лет. Ее можно отсчитывать от двух выступлений генсека ЦК КПСС Михаила Горбачева. В декабре 1988 года он обратился к Генеральной Ассамблее ООН, сказав с самой высокой международной трибуны, что мировая политика должна определяться «приоритетом общечеловеческих ценностей». Летом 1989-го Горбачев призвал Парламентскую ассамблею Совета Европы к построению «общеевропейского дома». Обе программные речи развивали идеи, изложенные в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира», которая вышла двумя изданиями в конце 1987-го и середине 1988 годов.

С тех пор мировой политический ландшафт изменился до неузнаваемости. Исчезла та самая «наша страна», о которой писал Михаил Горбачев. Но государство, официально ставшее ее правопреемником, в целом, несмотря на выражи, следовало философии, изложенной последним советским лидером. А заключалась она в прекращении системной конфронтации, отказе от деления мира на блоки и признании того, что существует некая универсальная, «общечеловеческая» идейная база.

Правда, когда Горбачев излагал свое «новое мышление», на глобальной арене еще существовал баланс — сверхдержавы выступали на равных. И теоретики перестройки видели будущее взаимодействие в духе модных тогда идей конвергенции — взять лучшее от двух систем и отказать от худшего.

Быстрое осыпание Советского Союза поставило крест на мечтаниях о равноправном сближении и взаимном идейном обогащении. Право трактовать общечеловеческие ценности и правила международных отношений отошло к победившей стороне.

В России эти правила (в основном, кстати, неписанные, принятые по умолчанию) вызывали сомнения даже на раннем этапе революционно-демократической эйфории и крайней внешнеполитической слабости. Степень неприятия возрастала по мере восстановления возможностей. Однако главное наследие эпохи Горбачева сохранялось — конструктивные отношения с Западом считались самоценными, жизненно необходимыми для развития и безопасности страны, вообще ее перспектив. Конфликты были с самого начала и все более острые — Кавказ, Югославия, снова Югославия, Ирак, постсоветское пространство от «цветных революций» до войны в Южной Осетии, Ближний Восток...

Но необходимость минимизировать ущерб отношениям с Европой и США постоянно присутствовала в качестве фактора при принятии решений. Даже самое крупное до сих пор столкновение — «принуждение к миру» Грузии в августе 2008 года — сопровождалась политико-дипломатическими усилиями, чтобы снизить накал и добиться некоего соглашения.

Украинский кризис и особенно его крымская фаза перечеркнули привычные схемы. Обвал режима Януковича в Киеве, последовавший за «компромиссом» под давлением европейских министров, и дальнейшая правовая и политическая неразбериха послужили спусковым крючком для крайне жестких действий Москвы.

На Западе, кажется, не сразу поняли, если поняли вообще, что украинский вопрос для России — не просто красная линия, а «двойная сплошная».

И когда возник шанс на то, что при активном участии Европы и США соседняя страна превратится в нечто, построенное на иных принципах (в данном случае не важно — более либеральных и атлантических или, напротив, мракобесно-националистических), пространство для договоренностей исчезло. Москва больше не оглядывается на издержки, связанные с тем, что отношения с Западом в целом могут сильно пострадать и даже начать сворачиваться.

То, что повод для разворота — Украина, и случайно, и закономерно. Случайно, потому что почти 23 года назад, когда Украина провозгласила, а потом обрела независимость, невозможно было предположить, что именно эта страна, располагающая всем для успеха и процветания, будет до такой степени развращена и разворована бездарными управленцами.

Обладай Украина запасом прочности, такого обрушения ее полити-

ческой системы, которое породило хаос внутри и соблазны извне, не случилось бы.

Закономерно, потому что Украина всегда рассматривалась как важнейший плацдарм, от которого зависит и расстановка сил в Европе, и физическая безопасность России. Но есть еще одна мотивация, немаловажная для понимания действий российского руководства.

Судьба Советского Союза окончательно решилась 1 декабря 1991 года, когда жители Украинской ССР проголосовали на референдуме за независимость — за 9 месяцев до этого большинство населения республики высказалось за сохранение СССР. Уход Киева лишил Союз ССР всякой перспективы, поскольку Украина была не зависимой периферией, а второй после РСФСР системообразующей опорой общего государства. Знаменательно, что в телефонном разговоре с одним из лидеров крымско-татарского движения Мустафой Джемилевым Владимир Путин, если верить словам его собеседника, парировал фразу о незаконности крымского плебисцита напоминанием о том, что Украина покинула союзное государство в нарушение действовавшего тогда законодательства.

Это не означает, что цель Кремля теперь — восстановление страны, утраченной в декабре 1991 года. Немалая часть тогдашних территорий вообще не считается нужной. Речь о фактической переигровке финала «холодной войны». В России всегда существовало — сначала в узких, а потом и во все более широких кругах — представление о том, что СССР не столько проиграл, сколько капитулировал, покинул поле сражения. Отчасти по наивности, пойдя на поводу у иллюзий про «общечеловеческое», отчасти, как уверены множасься ряды конспирологов, из-за предательства.

Статус России как побежденной державы, нигде официально не зафиксированный, но общепризнанный, привел не просто к необходимости уступать вновь и вновь, но и к невозможности восстановить желаемые права в новой системе.

То есть договариваться на равных никто не собирается. Положение же «вечно поднимающейся» державы Россию не устраивает. На целенаправленную и кропотливую работу вдолгую, по китайской модели, Москва не способна, тем более что имеющиеся конкурентные преимущества в среднесрочной и тем более длительной перспективе убывают. Все, чего можно было добиться без резких движений, без инициативных шагов, получили к концу 2000-х — в плане и международного престижа, и восстановительного роста.

Прежняя модель развития исчерпалась. Полноценные выгоды из глобальной интеграции извлекать не научились, признания в качестве поистине равного партнера не добились. Правил игры, которые удовлетворяли бы Россию, с ней обсуждать не предполагают, ведущие

игроки считают, что система, возникшая по итогам «холодной войны», не подлежит серьезной коррекции.

Похоже, что российское руководство пришло к выводу: при сохранении текущего пути шансов на прорыв нет, предстоит угасание. Поэтому либо удастся переломить тренд и заставить принять в «ядро», либо установится какой-то конфронтационный баланс — с ориентацией на западных партнеров.

Никто не был готов к тому, что Россия настолько резко и безапелляционно потребует-таки пересмотра сложившейся ситуации. Как и к тому, что угрозы с Запада (экономические санкции, политическая изоляция, замораживание активов и пр.) не возымеют вообще никакого влияния. Почему Москва настроена столь решительно?

Во-первых, российское руководство небезосновательно полагает, что от Украины все давно устали и в ее будущее мало кто всерьез верит. Соответственно, даже в обстановке экзальтации, а она налицо, полноценной мобилизации западного мира, скорее всего, не произойдет — не тот повод. Тем более что и в Америке, и в Европе полно разнообразных проблем, а политических деятелей с волевыми качествами Рейгана или Тэтчер не наблюдается.

Во-вторых, состояние Украины таково, что любая попытка Запада сделать ее полем противостояния с Россией только окончательно обрушит хрупкую конструкцию. Если же сейчас пойти на компромисс и «склеить» рассыпающуюся сущность, скоро кризис повторится, но будет еще опаснее и радикальнее.

В-третьих, хотя в Совете Безопасности ООН 13 стран из 15 проголосовали за резолюцию о незаконности крымского референдума, а Китай воздержался, реальное отношение западного мира к происходящему неоднозначно. Официально признать переход части страны в другую юрисдикцию без согласия «метрополии» никто, конечно, не может. Но многие с интересом наблюдают, как впервые с распада СССР кто-то бросил непримиримый вызов Соединенным Штатам.

От отсутствия альтернативы в мировых делах многие подустали, организовать глухую изоляцию России не удастся.

В-четвертых, ужесточение западной политики стимулирует политические начинания, которые запущены или заявлены в России еще до всех этих событий: национализация элиты, поворот на восток, снижение зависимости от внешней конъюнктуры, идейное отмежевание от либеральных ценностей, вытеснение западного интеллектуального присутствия.

Какие риски вероятны? Шанс на серьезную мобилизацию Запада есть. С конца 1980-х такого очевидного отказа следовать в фарватере США не наблюдалось — крикливые одиночки, наподобие Уго Чавеса, не в счет, Иран не обладает достаточным потенциалом. Это способно

послужить толчком к реальному ужесточению. Образ «русского экспансионизма» может быть использован для консолидации Запада, который после «холодной войны» все больше раздираем противоречиями. Тем более что именно сейчас идет процесс тяжелых переговоров о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, а откровения Сноудена немало отравили отношения двух берегов Атлантики.

Системная работа по экономическому давлению возможна, хотя пока никто — особенно в Европе — не хочет обсуждать настоящие санкции. Они достаточно болезненны и для стран, их вводящих, феномен глобальной взаимозависимости работает.

Провал украинской политики, если он по каким-то причинам случится, станет для России потрясением трудно предсказуемого масштаба. Прецедент, который создает Крым, может вернуться бумерангом. Россия полагает, что в условиях реально и совсем не вчера воцарившегося в международном праве «беспредела» ключевой является способность добиваться целей, юридическое оформление малосущественно. Практика подтверждает такой подход, но тем более заставляет адекватно оценивать собственные силы.

Москва начала очень большую игру. Риск велик, а возможный куш представляется немалым. Старый мировой порядок совсем перестает функционировать, новый скоро должен начать формироваться. У Михаила Горбачева, который первым еще в 1986 году заговорил о необходимости нового мирового порядка, ничего не вышло. Владимир Путин возвращается на развилку, чтобы попробовать еще раз.

Принуждение к новому миру

Gazeta.ru, 04.03.2014

<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5935113.shtml>

События на Украине и вокруг нее — кульминация процессов, продолжавшихся 25 лет. Одна сторона происходящего — неудача украинского госстроительства, которая привела к глубокому кризису не только всей политической системы, но и самой модели государственности. Но есть и второе изменение, более важное. Именно здесь наглядно проявилось то, что за четверть века глубоких перемен на мировой арене ведущим державам так и не удалось нащупать опору для нового международного устройства.

«Холодная война» как уникальный период мировой истории в прошлом. Уникальность его заключается в том, что соперничество двух равных по силе сверхдержав, оснащенных самым разрушительным в истории оружием, обеспечивало беспрецедентную стабильность меж-

дународной системы. Ракетно-ядерный клинч, установившийся к началу 1960-х годов, обозначил границы коридора, из которого противники не выходили под угрозой всеобщего уничтожения. Это не предотвращало периферийных стычек, как правило, чужими руками (столкновение стран или групп, за каждой из которых стояла сверхдержава), но «мир во всем мире» сохранялся.

На рубеже 1980–1990-х годов исчез именно этот феномен, но, как быстрое оказалось, характер отношений между основными оппонентами не изменился. Баланса не стало, поскольку США и Запад остались без самоустранившегося противовеса. Нового мирового порядка, который зафиксировал бы изменения и установил другие правила игры, не возникло.

«Мировые порядки» всегда в истории являлись следствиями больших войн. Победители устанавливали правила. Так было в XVII веке после Тридцатилетней войны, в XIX веке после наполеоновской эпохи. Неудачная попытка закрепить систему взаимоотношений после Первой мировой войны привела через 20 лет ко Второй мировой, результаты которой и определили каркас системы, существующей до сих пор.

«Холодная война» была системным противостоянием, однако она не перешла в фазу вооруженного столкновения. И хотя понятно, чьей победой все закончилось, результат не был оформлен ни условиями капитуляции, ни иным официальным документом или даже солидной кулуарной договоренностью. Более того, победы как бы и не было, поскольку на уровне публичной риторики предпочитали говорить о выигрыше всех участников от завершения конфронтации.

На деле-то все понимали, кто выиграл, а кто проиграл. И вели себя соответственно, особенно победители. Однако «мирный договор» отсутствовал, то есть продолжали действовать правила, установленные в 1945 году. А мир быстро менялся: глобализация, подъем альтернативных центров экономической силы, эмансипация прежде периферийных держав. Итоги «холодной войны» стали, по сути, пересматриваться. Но и возврата к ситуации 1940–1980-х годов, естественно, быть не могло — слишком все преобразилось.

На Украине пересеклись (отчасти из-за ее истории и географии, отчасти по стечению обстоятельств) два «шлейфа», тянущиеся с 1980-х.

Первый — так и не обретшее формальную точку противостояние «холодной войны». Как и прежние системные конфликты, она не может закончиться без «мирного конгресса», на котором закреплялись бы основы следующего устройства международной политики.

Считалось, что в XXI веке такое понятие, как раздел сфер влияния, стало анахронизмом. Однако стремление евро-атлантических институтов пересечь линию, которая очерчивает «русский мир» (не граница бывшего СССР или Российской империи, а российское представление о «принадлежащем по праву», разделяемое немалой частью общества),

натолкнулось на упорное сопротивление Москвы. Собственно, с ним связаны и применение вооруженных сил в 2008 году, и угроза снова их использовать в 2014-м. По мнению Кремля, логика действий украинской верхушки, которая поднимается на волне Майдана, неизбежно и быстро приведет к развороту в Североатлантический альянс и ЕС. Так что если этому противодействовать, то сразу и очень резко.

Второй — ощущение Запада, связанное не только с Россией, что итоги «холодной войны» пересматриваются на глазах, по праву одержанная победа ускользает из рук. Это требует действий, прежде всего символических. Крушение под аплодисменты всего мира прогнившего постсоветского режима в большой европейской стране и начало там демократических перемен в духе Восточной Европы начала 1990-х — прекрасное напоминание о том, что было двадцать с лишним лет назад, когда казалось, что мировая история подошла к своему оптимистическому финалу.

Мировая пресса и все политические кулуары переполнены предположениями о том, чем руководствуется Владимир Путин, идя на столь резкое обострение. Как всегда в таких случаях, происходящее стало следствием совокупности причин. Но главное — желание Москвы (может быть, кстати, и не вполне осознанное, а скорее интуитивное) разрушить колею, в которой оказались отношения России и Запада и которая водит их по одному и тому же замкнутому кругу. Точнее, по спирали, потому что каждый следующий цикл проходит в менее благоприятной атмосфере.

Путин с начала 2000-х не раз пытался разными способами заключить с ведущими странами «большую сделку». Если и не разграничить формально сферы влияния, то определить первоочередные интересы сторон и договориться об их взаимном уважении. Успеха это не имело, на Западе действовала инерция триумфа — если договариваться, то только на наших условиях. Каждая новая попытка, будь то совместная борьба против терроризма, «общие пространства» с ЕС, перезагрузка с США и т.д., вызывала только большее разочарование, раздражение, а потом и озлобление. Отношения зашли в тупик — позитивная повестка дня исчерпалась, взаимное восприятие стало почти исключительно негативным, взаимодействие — вынужденным (как по Афганистану или Сирии).

Тут и случилась Украина, где все накопившиеся проблемы взаимоотношений России и Запада проецировались на вопрос, который Россия по понятным причинам воспринимала как жизненно важный. Обвал украинской государственной модели, вызванный многолетней неспособностью всерьез заниматься национально-государственным строительством и спровоцированный бездарной политикой Виктора Януковича, втянул Россию и Запад в воронку кризиса. Степень внутриукраинской политико-экономической несостоятельности сна-

чала недооценила ни та, ни другая сторона. Внешние игроки повели себя в соответствии с привычным шаблоном, каждый — своим: Запад примерил на Майдан лекала «обычной» «цветной революции», а Россия решила, что достаточно применить твердую власть и все наладится. В итоге трухлявая конструкция рухнула, оставив вакуум легитимности. А диаметрально противоположная картина событий, возникшая в России и на Западе, помноженная на и без того высокую подозрительность и неприязнь, привела к политическому клинчу.

Украина не будет прежней. Государство нуждается в реформативании, и жесткие действия России призваны продемонстрировать: новый формат должен изначально строиться с учетом ее интересов. Коль скоро страна органически не в состоянии выбрать направление движения и вынуждена ориентироваться на две стороны, лучше это формализовать. Федерализация (или даже конфедерализация), которую в Киеве всегда рассматривали как первый шаг к развалу, сейчас остается едва ли ни единственным шансом на сохранение Украины в нынешних границах. Штаты/кантоны, обладающие широкими правами и сами определяющие свои формы существования при сохранении центральной власти в Киеве, создадут писанные нормы того, о чем на протяжении предыдущих двадцати с лишним лет договаривались кулуарно, на основе неписаных правил. Это позволит разным частям страны ориентироваться на разных внешних партнеров, не разрушая общую государственную ткань.

Подобная договоренность, а для нее понадобится международная конференция, стала бы не просто решением украинского вопроса. Это был бы первый после «холодной войны» пример того, что подобные кризисы могут разрешаться не путем безоговорочной победы одной из сторон и навязывания одной «правды», а за счет договоренности о разделе сфер интересов и образов жизни. Конференция по Украине может стать тем самым «мирным конгрессом», который так и не собрался после «холодной войны». И она наконец закончится.

Чем ситуация в Крыму напоминает конфликт с Грузией в 2008 году

Gazeta.ru, 28.02.2014

<http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/251455-chem-situatsiya-v-krymu-napominaet-konflikt-s-gruziei-v-2008-godu>

Украинский кризис пока движется по пути эскалации, причем зеркальное повторение событий еще больше запутывает ситуацию. Когда и. о. президента Александр Турчинов заявляет, что «любые попытки захватывать административные здания будут расцениваться как преступле-

ние против украинского государства со всеми последствиями, которые должны быть», он, вероятно, и сам не замечает, что почти дословно цитирует своего незадачливого предшественника. Оно и понятно — раньше Турчинов был по ту сторону власти, а теперь по эту. Стихия майдана, которая сейчас фактически управляет соседним государством, имеет и такую особенность — она может быть использована противоположной стороной. Ну и реакция аналогичная. Так же как в Москве и бывшем киевском руководстве были уверены, что за протестующими стоит злобный Запад, обновленный Киев не сомневается, что воду в Крыму мутит исключительно Россия.

Чем кончится крымская коллизия, гадать бессмысленно, но можно попытаться спрогнозировать логику, которой руководствуется Кремль, исходя из того, что мы за долгие годы узнали о характере и особенностях мышления президента России. Почти консенсусное мнение на Западе и на Украине заключается в том, что Владимир Путин (демонизированный мировым общественным мнением уже до какого-то невероятного предела) одержим идеей имперской экспансии и, конечно, воспользуется моментом.

Момент и вправду уникальный. Однако если попытаться взглянуть на стиль российского президента более отстраненно, он не относится к числу людей, склонных к неоправданному риску, тем более ему не свойственно авантюристическое поведение. А риск тут немалый, поскольку российские действия против территориальной целостности Украины официально в мире не будут поддержаны никем, а на самом полуострове способны вызвать раскол и противостояние.

Если вспомнить предыдущий кризис аналогичного характера — российско-грузинский — то поведение Москвы было не инициативным, а реактивным.

Отправной точкой финального обострения, которое закончилось войной, стало признание США и большинством стран Европы независимости Косово в феврале 2008 года. Когда это намерение только обсуждалось, российская сторона устами министра иностранных дел Сергея Лаврова предупреждала, что создание такого прецедента Москва воспринимает как красную линию и ответ неизбежен.

То, что ответом, вероятнее всего, станет признание независимости Абхазии и Южной Осетии (Грузия на тот момент была наиболее близким союзником Соединенных Штатов на постсоветском пространстве), мало кто сомневался. Тбилиси даже опасался, что это произойдет непосредственно после легализации Приштины. Однако Москва медлила, и только в апреле президент России дал поручение правительству оказать «предметную помощь» населению Абхазии и Южной Осетии. На деле это означало «все, кроме признания». То есть Россия оставляла за собой право налаживать с властями отколовшихся автономий любые отноше-

ния, но без официального признания их независимости. С точки зрения Путина, это был компромисс, поскольку в отличие от Запада на Балканах Россия не пошла на формальный пересмотр существующих границ. Грузию подобный вариант не устроил (не исключено, что в Тбилиси эту тонкую логику Москвы и не поняли), дальнейшее известно. Подспудно противники готовились к возможному обострению, и когда Михаил Саакашвили, неверно оценив поведение России, дал повод для ответа, тот и последовал — незамедлительный и сокрушительный.

При этом и после «пятнадцатидневной войны» решение о формальном признании двух территорий было принято не сразу. Судя по всему, изначальным намерением было воспроизводство косовского сценария — с принятием соответствующих резолюций ООН, попыткой (неудачной) примирения сторон и признания в качестве наименьшего зла. Этот вариант не прошел, поскольку добиться желаемых резолюций в Совбезе оказалось нереально, и тогда уже «наименьшее зло» стало единственным возможным сюжетом.

Крымская ситуация не позволяет провести прямые параллели с кавказской, но содержит ряд сходных типических черт. И главное — сама модель поведения России может быть спроецирована и на этот кризис.

Вероятнее всего, Владимир Путин считает, что Запад, как всегда, не выполнил своих обещаний.

Сделка по преодолению острого политического противостояния, подписанная 21 февраля, предусматривала переходный период — сохранение Виктора Януковича у власти, пусть в урезанном виде, до выборов через несколько месяцев. В этом виделся залог плавности процесса, равноправного положения обеих сторон, и гарантами такой модели выступили три европейских министра иностранных дел. Договоренность не продержалась и суток. В Москве, конечно, не могут не понимать, что режим Януковича начал немедленно рассыпаться сам собой. Однако тот факт, что Запад ни единым словом и тем более действием не вступился за только что подписанный документ, с точки зрения Кремля, свидетельствует: никто и не собирался его выполнять.

Поведение беглого президента Украины сильно смазало напрашивавшуюся возможность — поддержать его в качестве легитимного руководителя.

Решишь он выступить перед сторонниками на съезде в Харькове, сценарий полноценного двоевластия на Украине можно было бы разыграть. Он, однако, по каким-то причинам делать этого не стал, а просто исчез, ограничившись невнятным и неизвестно откуда переданным видеосюжетом. После этого Москва осталась в некоторой растерянности, как относиться к его статусу. Спустя несколько дней, видимо, было все-таки решено, что разбрасываться таким активом, как законный, хоть и полностью дискредитированный руководитель, не стоит, и Янукович

возник уже в России с дальнейшими заявлениями. Очевидно, что его невозможно рассматривать как реального претендента на возвращение во власть, даже на гипотетической «российской броне», но полностью отказываться от этого инструмента давления на Киев нецелесообразно.

Далее вопрос Крыма. Захват зданий Верховного совета и кабинета министров в Симферополе должен был показать, что, во-первых, при необходимости там найдутся силы, способные на действия в духе киевского майдана, но с противоположным знаком, во-вторых, Москва держит руку на пульсе. С той же целью проводится проверка боеспособности Вооруженных сил, ни малейшим образом, конечно же, не связанная с Украиной. Решение о проведении референдума по полномочиям, принятое крымским парламентом, с юридической точки зрения непроходное (если ориентироваться на украинское законодательство), но политически удачное.

Тем самым вопрос подвешивается до майских президентских выборов на Украине — оба голосования назначены на один день.

Это что-то вроде упомянутого выше поручения о «предметной помощи» абхазам и осетинам — мы, мол, готовы соблюсти некий политес и поставить вопрос не о независимости, а о большей самостоятельности, если не будет попыток распространить на Крым идейно-политический запал майдана. Тем более что местное руководство меняется в направлении более пророссийски ориентированных.

Какие настроения на этот счет возобладают в Киеве, сказать трудно, объективно украинская власть сейчас не в том положении, чтобы заниматься экспортом революции в регионы, которые к этому не расположены. Однако радикальные силы могут и попытаться, дабы создать более высокую напряженность и еще больше надавить на представителей «умеренных» (кто бы мог подумать, что в этом качестве будут выступать Юлия Тимошенко и ее наиболее надежные соратники).

Как бы то ни было, Москва пока действует примерно по той логике, что на Кавказе шесть лет назад.

Резкие движения, которые изменили бы статус-кво, будут предприниматься скорее как ответ на импульсы со стороны оппонента, чем в превентивном порядке. Однако реакция на возможные *faux pas* со стороны «евромайдана» будет жесткой и быстрой. Скорее всего, сценарий отторжения Крыма не предопределен, но и не исключается в качестве меры по стабилизации обстановки. Вообще, Владимир Путин очень не любит анархию, хаос и затягивающуюся неопределенность, а Украина пока демонстрирует именно это.

Риски «национальной революции»

Gazeta.ru, 23.02.2014

<http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5922825.shtml>

Украина пережила слом, там началась новая эпоха. Что будет дальше, никто однозначно предсказать сейчас не возьмется, но важно трезво понять суть событий.

В разгар политического кризиса, когда он еще не дошел до кровавой кульминации, ряд киевских комментаторов написали о том, что происходящее — это конец Украинской ССР. Государства, которое «вылупилось» из Советского Союза и на протяжении двадцати с лишним лет сохраняло основные типические черты союзной республики. Вероятно, это наиболее точная оценка.

Независимость Украине была дарована сверху благодаря ожесточенной борьбе российского демократического движения, а потом и руководства РСФСР против Кремля и Горбачева.

Украинский народ жертв на алтарь свободы не приносил, а плавно перетек от одной реальности к другой. С 1991 по 2014 год украинская политика строилась на неформальном коалиционном принципе: направление на Европу, но при сохранении общего дизайна, прежде всего экономического, доставшегося в наследство от прошлого государства.

Национальная идентичность за отсутствием других вариантов заимствовалась из западной части страны, наиболее целостной в идейном плане. Но концентрацию «национал-самобытности» с неизбежностью приходилось снижать, поскольку в чистом виде этот продукт не мог быть воспринят остальной частью населения.

А экономической базой служили восточные регионы, точнее — то самое советское наследие. Не только собственно промышленные предприятия, но и комплекс торгово-экономических и гуманитарных отношений с Россией, который многим обычным гражданам помогал выживать, а олигархической элите — богатеть.

Украина фактически перешла в режим паразитического существования, ожидая от внешних сил, что они будут решать ее проблемы в обмен на обещания сделать «правильный» геополитический выбор.

Эта модель (которая, естественно, претерпевала изменения с годами, но качественно не менялась) исчерпала себя по многим причинам — и внешнего, и внутреннего свойства. Главная из них — она прекратила обеспечивать хоть какое-то развитие страны, превратившись в самообслуживание все более коррумпированных правящих слоев. Ситуация с договором об ассоциации Украины и ЕС стала наглядным доказательством того, что у украинской верхушки отсутствуют какие-либо мотивы действий, кроме желания удержаться у власти и гарантировать свое благополучие.

Дальнейшие события продемонстрировали, что у руководства нет и элементарного политического чутья. Интеллектуальное и моральное банкротство, которое постигло Виктора Януковича, во многом произведено его собственными руками. И он же, вероятнее всего, вбил гвоздь в крышку гроба той самой пролонгированной «Украинской ССР».

Движущие силы Майдана — это образ «национальной революции», которая обрела теперь свой миф: герои-мученики, пролитая кровь, самопожертвование в борьбе за свободу. Это модель — если брать недавние примеры — балтийских стран или Азербайджана, где в центре Баку разбита монументальная Аллея шехидов в память о жертвах ввода войск 20 января 1990 года.

Национальная революция имеет свою повестку дня, которой самая идеологизированная часть нынешних победителей обязательно будет следовать: определение «антинациональных» сил, запреты идеологий, связанных с «проклятым прошлым», люстрации, требование присягнуть на лояльность даже не новой власти, а новой системе символов.

Такие поползновения были на Украине и раньше, но импульсы затухали в вязкой и невнятной среде. Сейчас жертвы послужат катализатором и оправданием действий радикально настроенных сил. Поскольку эти действия соответствуют практике Восточной и Центральной Европы после падения коммунизма, они не будут встречать серьезных возражений Запада, даже если перегибание палки примет систематический характер. Тем более что пафос радикалов заведомо имеет антироссийскую направленность, что Европу и США устраивает.

Параллельно, конечно, начнется процесс стремительного перекрашивания номенклатуры в новые цвета, приспособление к изменившимся обстоятельствам. В стане победителей хватает представителей «системной» оппозиции, которая хочет сохраниться при власти. У нее больший опыт, чем у «полевых командиров», так что в политической игре, которая начнется, она будет иметь преимущество.

Без сомнения, периодически будут звучать восклицания о попытках «украсть победу» и необходимости этого не допустить. Но украинская политическая культура состоит в «заматывании» всего, чего угодно, и может стать, что увязнет даже мощный радикальный заряд. Бесконечно возбуждать все новые майданы не получится, после революционных сломов запал заводил обычно спадает. Правда, не сразу, пока его явно в избытке.

Вполне возможен вариант, напоминающий последствия «оранжевой революции»: победители вступают в яростную схватку друг с другом.

Амбиции лидеров, начиная с вышедшей на свободу Юлии Тимошенко и заканчивая вождями «Правого сектора», не предусматривают наличия сильного конкурента. Соревнование, к сожалению, будет происходить по степени радикальности риторики.

Что все это может означать для России?

Во-первых, вероятно возвращение тем, закрытых, как казалось, в 2010 году, когда были подписаны Харьковские соглашения по Черноморскому флоту и принят внеблоковый статус Украины. Появление на повестке дня вопроса о вступлении Украины в НАТО переводит всю коллизию в плоскость международной безопасности с соответствующей реакцией России.

Конечно, глядя на текущее состояние Украины, невозможно представить себе, что кто-то в Североатлантическом альянсе может всерьез обсуждать принятие такого государства и распространение на него натовских гарантий. Но отношения России и Запада в связи с Украиной сейчас определяются спортивным азартом, а это не способствует трезвому взвешиванию рисков. К тому же энтузиазма со стороны НАТО и не надо, для разжигания страстей достаточно напора Киева, который будет настаивать на евроатлантической интеграции, вызывая раздражение Москвы.

Во-вторых, отношения востока и запада страны в новых условиях могут спровоцировать большие осложнения. Если части Украины, в массе не поддержавшие Майдан, не организуются в весомую силу, на них обрушится очень мощное психологическое и политическое давление.

Субботний съезд в Харькове и поведение ведущих фигур «восточного крыла» не оставили ощущения энергии и реальной готовности отстаивать свои интересы.

А «национальная революция» требует последовательной украинизации и, по сути, разрушения уклада жизни, который сохранился в преимущественно русскоязычных областях. Пример балтийских стран с системой «мягкого» апартеида или Азербайджана, где армянофобия служит государствообразующим элементом, показывает меру вероятной терпимости «национал-революционеров».

Перед Россией встает тяжелая дилемма. Ситуация, подобная Балтии, может воспроизвестись в куда большем масштабе — к Москве будут апеллировать ориентированные на нее жители Украины, права которых станут ущемляться в ходе «национального строительства». Если Россия будет это игнорировать или отделяться грозными, но ничего не значащими нотами МИДа, это скажется и на самооощущении, и на престиже. Вмешательство же в дела соседнего государства требует твердой политической воли, осознания конечной цели и уверенности в ней, поскольку само по себе это будет очень рискованно.

Конец истории «Украинской ССР» открывает новую страницу. По содержанию она похожа на то, что происходило в Восточной Европе после распада советского блока. Однако в силу размера, сложности и специфики страны все острые проблемы, с которыми столкнулись пост-

коммунистические государства, здесь будут выражены в более яркой и извращенной форме. К тому же если в начале 90-х великодержавной конкуренции за влияние не было (Россия на время снялась с состязаний), то теперь она неизбежна.

Ну и, наконец, сегодняшняя Украина унаследовала территорию, за которую должна быть благодарна советским генсекам. И завершение «Украинской ССР» не только означает конец определенной социально-политической модели, но и позволяет — как минимум — поставить вопрос о конфигурации самого государства.

Россия нащупает свой путь

Gazeta.ru, 22.02.2014

<http://www.nvspb.ru/tops/rossiya-nashchupaet-svoy-put-53723>

Рассуждать о внешнеполитических вызовах, стоящих перед Россией, можно до бесконечности, потому что этих вызовов — огромное количество. Но есть одна по-настоящему фундаментальная проблема, с которой так или иначе предстоит иметь дело всем без исключения странам. О чем идет речь? О важнейшей глобальной тенденции: мир становится все более неустойчивым, хаотичным, нестабильным, а понятных правил игры нет и, по всей видимости, долго не будет.

Совсем иная ситуация была в годы холодной войны — при всех рисках и неприятностях мировые процессы были куда более управляемыми. Все понимали модель взаимоотношений двух сверхдержав — США и СССР — и от этой «печки» худо-бедно плясали. Две сверхдержавы играли друг с другом по определенным правилам (система взаимного сдерживания) и имели возможность управлять странами второго и третьего уровня — каждая в своей зоне влияния.

Сегодня ясности времен холодной войны больше нет. Стран, которые играют заметную роль в мире, становится все больше. Правила, по которым они взаимодействуют, быстро размываются. Ведь любые правила — это продукт договоренностей, договоренности — результат некоторого баланса сил в мире, а такого баланса как раз и не возникло. В результате мы сталкиваемся с ситуацией полной неопределенности, что несет для любой страны серьезнейшие риски. Никто не знает, чего ждать, к чему готовиться, и главное — с какой стороны придет вызов.

Неудивительно, что в этой беспокойной среде многие страны поддаются соблазну бросить все силы и ресурсы на оборону и безопасность в классическом понимании (ракеты, танки, самолеты, подлодки). Однако вызовы XXI века очень разнообразны, и они не всегда вписываются в схему традиционных международных отношений. Что касается России, то она по-прежнему достаточно сильна именно в классических

компонентах силы и влияния, будь то военно-политическая мощь или умение использовать дипломатическое искусство в собственных текущих интересах. Но мир меняется, и меняется не в сторону XIX века. Добиваться успеха странам сегодня помогают совсем другие механизмы, связанные с технологическим развитием и интеллектуальным потенциалом.

Последний фактор вообще превращается на наших глазах в главный ресурс, от которого зависит способность производить образы и представления, выигрывая битвы за умы и сердца людей. Причем в условиях глобального информационного пространства важна не только эффективная модель развития сама по себе, но и ее привлекательный образ. К сожалению, с «мягкой силой» у нас дела традиционно обстоят не слишком удачно. По сути, Россия — однобокая держава: не допустить чего-то мы способны, но создать что-то новое, увы, пока нет.

В чем же причина такого положения вещей? Наверное, все дело в системе координат внутри самой страны, а эта система у нас ставит в центр внимания государство. Она уделяет недостаточно внимания тем негосударственным слоям общества, которые в других странах сейчас находятся на подъеме. Обратите внимание, какое значение те же США и Европа предают разным неправительственным организациям! Запад явно делает ставку на все то, что способствует свободной реализации творческого потенциала граждан.

Возможно, попыткой исправить ситуацию с «мягкой силой» и за столбить за собой определенную нишу в глобальном информационном пространстве стало провозглашение консерватизма идеологией России. Причем как внутри страны, так и на мировой арене. И этот наш «консервативный поворот», с моей точки зрения, имеет как сильные, так и слабые стороны.

«Консервативный подход позволяет избегать глупостей»

Для начала попробуем ответить на вопрос: «Почему российское руководство сделало ставку именно на консерватизм?» Думаю, что свою роль сыграли сразу несколько факторов.

Во-первых, «консервативный поворот» стал следствием тех напряженных идейных исканий, которые идут в России уже четверть века. За это время мы чего только не перепробовали! «Социализм с человеческим лицом», который хотел построить Михаил Сергеевич Горбачев, «либеральная модель капитализма» в различных его формах, «авторитарная модернизация» — идеологических проектов было много, но ни с одним из них у нас как-то не сложилось. По сути, мы все это время жили в постсоветскую эру, то есть в эпоху затухания советского, пытаясь прилепить себе различные ярлыки. Но ни один из них так в итоге и не прилепился. Скорее, наоборот, — все отваливались. Сейчас мы дошли

до «консервативного проекта» во многом потому, что другие просто не сработали.

Во-вторых, на эти идеологические искания наложилась наша историческая традиция — Россия уже была авангардом консерватизма в Европе в XIX веке. Достаточно вспомнить «Священный альянс» и легитимизм! Этот идеологический опыт оставил в нашем сознании не меньший, если не больший, след, чем советский период, когда Россия воспринимала себя как авангард революционных изменений на планете.

Наконец, в-третьих, наш «поворот вправо» связан с уже упомянутой выше ситуацией мировой неопределенности, когда перестают работать старые механизмы, а все игроки пытаются не вести за собой события, а их догонять. При этом в Европе «идеологический маятник» резко качнулся в либеральную сторону, а значит, консервативный тренд где-нибудь, да должен был возникнуть. И поскольку Россия сейчас находится в фазе напряженных идейных исканий, неудивительно, что именно мы подхватили знамя традиционализма.

Но насколько «консервативный проект» эффективен в плане позиционирования себя на мировой арене? Нужно понимать, что консерватизм как осторожное поведение в духе «Не навреди!» — это одно, а консерватизм как система ценностей — совсем другое. Консервативный подход точно хорош в одном: он позволяет воздерживаться от перехлестов и избегать глупостей, которые, как мы видим, иногда совершают сторонники либеральных концепций. Прошлогодние успехи российской внешней политики связаны именно с таким пониманием международных отношений. Последовательное отстаивание своих позиций оказалось разумнее попыток США «встать на правильную сторону истории». Фокус в том, что «правильная сторона истории» все время меняется, а Америка в результате своих шараханий только теряет позиции и уважение партнеров.

Наглядный пример — Ближний Восток. К концу 2013 года в происходящем в регионе (особенно в Сирии) стало невозможно обнаружить «правильную сторону истории», на которой стремились оказаться США, поддерживая «продемократических» повстанцев. Россия же три года исходила в сирийском вопросе из соображений «прагматизма», «экономической эффективности» и «приоритета национальных задач». На выходе позиция, которую не раз клеймили как аморальную и считали откровенно проигрышной, уже выгодно отличалась по крайней мере своей последовательностью и предсказуемостью. Конечно, любви России это не добавило, но уважения и внимания — без сомнения, даже со стороны недоброжелателей.

«Мы апеллируем к явному меньшинству»

Очевидно, что страна, претендующая на роль одного из мировых центров силы, обязана рано или поздно занять идейную позицию. Но при всех своих достоинствах консерватизм — это не та идеология, которая может принести нам успех в мире XXI века. Ведь политическая философия, которая зовет назад, редко обеспечивает стремительное развитие — «образ будущего» всегда побеждает «образ прошлого».

Другая проблема консерватизма — в том, что эта идеология в нынешних условиях непонятно к кому апеллирует. И хотя на самом высоком уровне у нас много говорится о необходимости «переориентироваться на бурно растущую Азию», наши идейные искания Востоку совершенно неинтересны. Лидерам Востока решительно все равно, кто мы — консерваторы, либералы или социалисты.

Да, прагматичный Китай может с любопытством наблюдать за нашими идеологическими метаниями, но серьезного значения он им не придает, поскольку живет в своей системе культурных координат. Пекин вполне устраивает, что Москва является сдерживающим фактором по отношению к США и западной экспансии, а остальное его не беспокоит. Что касается Индии, то она тоже слишком погружена в свою культуру, и наш либерально-консервативный идейный накал ее мало затрагивает. Но, может быть, в других странах БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка — мы можем найти силы, разделяющие наши ценности? Едва ли. В той же Бразилии, к которой мы часто апеллируем, очень сильные левые настроения, а левая и консервативная идеи плохо друг с другом сочетаются.

Меня спросят: а как быть с защитой суверенитета? Разве эта консервативная ценность нас не сближает с бурно растущими азиатскими державами? Действительно, наши подходы к международным отношениям страны БРИКС разделяют. Но проблема в том, что суверенитет — это никакая не ценность, а институт, определенный принцип, по которому международная система развивалась на протяжении последних 300 лет. Отказ от него на Западе — действительно революционный феномен. Но я полагаю, что Европа и США обязательно вернуться к суверенитету, потому что никто не предложил жизнеспособной альтернативы.

В целом наш консерватизм, несмотря на антизападный пафос, на деле обращен именно к Западу. Мы апеллируем не к странам и народам, а к определенным кругам в Европе и Америке, которые являются откровенным меньшинством. Ведь предлагаемая нами версия консерватизма не универсальна — полностью под ней подписаться готовы только крайние консерваторы вроде Марин Ле Пен во Франции или Патрика Бьюкенена в США. Не исключено, что наши лидеры гениальны в своей интуиции, и идейный маятник на Западе скоро качнется вправо. Но пока европейские и американские консерваторы не в силах

составить ту опору, на которую Россия может положиться в продвижении себя на мировой арене.

Я думаю, наше сегодняшнее увлечение консерватизмом — лишь очередной промежуточный этап в наших многолетних идейных исканиях, а не «конечная остановка». Мы еще найдем свой образ движения вперед, в будущее. И я надеюсь, что идейная эволюция в России пойдет в нормальном направлении — то есть в сторону «золотой середины». Такой запрос в обществе явно есть, что показала громкая история с Pussy Riot. Если отвлечься от эмоций, то мы обнаружим, что общество ищет тот коридор, в рамках которого оно должно двигаться дальше. На одном полюсе — радикальный либерализм, провозглашающий полнейшую свободу вплоть до вседозволенности. На другом полюсе — мракобесие в духе: «Всем надеть хиджабы, сидеть смиренно и молчать!» Подавляющее большинство граждан нашей страны в этом вопросе занимают взвешенную позицию, избегая обеих крайностей.

«Россия — специфическая часть Европы»

Идеологические метания из стороны в сторону неизбежны для страны, переживающей кризис идентичности и ищущей свой путь. Я думаю, в конечном итоге мы нащупаем какую-то свою модель, как это сделали в свое время другие страны. Например, Япония и Южная Корея — азиатские державы, которые переняли западную модель, но наполнили ее своим, специфическим содержанием. Они ее не отрицали, но при этом не становились подобными Америке и Европе.

Россия — тоже страна со своей спецификой, хотя интеллектуалы, которые называют ее «отдельной цивилизацией», до сих пор не могут сформулировать, в чем именно состоит наша «отдельность». Поэтому рано или поздно мы будем всегда скатываться к полемике с Европой, а не с кем-то другим. О чем это говорит? Россия была и остается частью Европы, хотя и весьма специфической.

Да, евразийцы мы!

Kommersant.ru, 18.03.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2432795>

24 марта правительство Российской Федерации должно принять постановление о демонтаже Шаболовской башни, памятника архитектуры и культуры федерального значения, объекта охраны ЮНЕСКО, для ее последующего строительства на новом месте. Это может стать поворотным моментом в развитии охраны наследия в Москве

Сначала кратко вводные данные. Башня Владимира Шухова на Шаболовке была построена в 1920–1922 годах, Владимир Шухов — гениальный инженер (памятник стоит на Сретенском бульваре), это первое знаковое сооружение России после гражданской войны, башня — символ русского авангарда, отсюда в 1939-м пошли первые телевизионные передачи, отчего она же была эмблемой советского телевидения — словом, памятник архитектуры и культуры по первому разряду. Стоит на закрытой территории, принадлежащей Минсвязи РФ, с 2003 года не используется, и с тех пор у министерства желание, чтобы не стояла. Рост силы желания пропорционален росту стоимости участка, в настоящий момент ограничения по допустимой высотности застройки участка определяются по прецеденту, то есть как раз по высоте башни (150 м), девелоперский потенциал всего участка составляет 300–400 тыс. кв. м, то есть порядка \$3 млрд. В 2009 году на реставрацию башни министерству было выделено 135 млн рублей, в настоящий момент они израсходовались, но не на башню. Терпеть больше сил нет, министр Николай Никифоров внес в правительство проект постановления о демонтаже и переносе башни в другое место, которое пока не указывается.

Не нашлось ни одного эксперта, который сказал бы, что это допустимо, и это редкий случай — раньше, при Лужкове, всегда находился какой-нибудь мерзавец, который поддерживал решение. Сказываются издержки смены управляющей команды. Общественные организации бьют тревогу, собирают подписи, проводят пикеты, Общественная палата провела слушания (никто не высказался в поддержку), но все это не находит никакого выхода к правительству вообще и к премьер-министру Дмитрию Медведеву, который должен все это утвердить, в частности.

Есть регламент работы правительства, туда письма общественников не доходят. Министерство культуры сопротивлялось этой инициативе, но в итоге признало, что в исключительных случаях перенос памятни-

ков возможен. Московское правительство подчеркивает, что ни памятник, ни решение не имеют отношения к его компетенции. Никаких официальных запросов оно не получало, вместе с тем пресса заполнена сообщениями о возможном размещении башни на ВВЦ или в Парке Горького, возникшими непонятно как. Строго говоря, для постановления правительства и не нужно согласия правительства Москвы, у федеральной власти в Москве и без того полно земли. То есть Москва или неофициально согласна, или ни при чем. Постановление выносится без разногласий, можно принимать. И мне кажется, оно пройдет.

Потому что председатель правительства Дмитрий Анатольевич Медведев просто должен поддержать его. Как реформатор. Шуховская башня — это ж важный прецедент. Вот Юрий Михайлович Лужков, тот памятники жег, сносил, ломал частями или целиком, менял их форму, площадь, материалы, но он их никогда не переносил. Это совершенно новаторский вид вандализма. Министерство культуры правильно говорит, что в исключительных случаях это можно (оно, кстати сказать, и все действия Юрия Михайловича в итоге признавало исключительными случаями). Эта идея появилась тогда, когда Никита Сергеевич Хрущев у нас уничтожал неперспективные деревни, всякая общественность пыталась их отстоять, в частности мотивируя тем, что там памятники деревянного зодчества, и их тогда решили свозить в историко-культурные заповедники. Получались целые деревни памятников, очень ценные поселения несколько макабрического вида, и туда даже свозили пенсионеров для изображения стариков со старухами. Сейчас они, поди, уже перемерли, а в дни моей молодости исправно сидели у крыльца в этих заповедниках и в Ростове, и в Суздале, и даже, помнится, в Тутаеве. Даже кур и кошек им давали держать днем, а на ночь они их увозили. Я это к чему вспоминаю? Что исключительность таких случаев и в прошлом объяснялась хозяйственной надобностью.

А у нас есть огромная хозяйственная надобность. Речь не о жалких 3 млрд. А вот у нас есть центр Москвы, в нем очень дорогая земля, но ее фактически нет в продаже, и тут сразу два аспекта. С одной стороны, она очень дорогая потому, что центр Москвы — это исторический город, масса памятников, ну то есть там престижно. С другой стороны, земли почти нет, опять же потому, что кругом полно памятников, строить рядом с которыми нельзя по закону, да и места мало. А есть окраины, где земли гораздо больше и строить можно, потому что памятников нет. Но она не такая дорогая. Следите за моей мыслью, это называется диалектика. Вы понимаете, к чему я клоню? К тому, что нужно всем московским памятникам приделать лыжи. Сделать как бы передвижной заповедник. И возить. Привез, продал, можно дальше везти. Это ж какая польза будет, а? Памятники опять же все время ломаются, будь они неладны, а тут от повышения цены земли будут и денежки на

их реставрацию. Они бы и жили на самообеспечении, как странствующие цирки или там ледовые шоу. Фигуристы вон тоже ломаются, но деньги на лечение сами зарабатывают. Конечно, московские власти могут быть против, потому что от них уедет, но, по крайней мере, председатель правительства мог бы приделать лыжи памятникам федерального значения.

И потом, почему против? У Дмитрия Анатольевича ведь есть один подвисящий новаторский проект — Новая Москва, и он Москве не чужой. Он хотел туда перевезти чиновников, но они не перевезлись. А вот на Десне, прямо в центре Новой Москвы, есть чудный остров, несколько загаженный находящимся там сейчас поселком имени 1 Мая. Если бы туда как раз перевезти Кремль, представляете, какой бы это был поворот в развитии нашей страны? Поехали бы все, я вас уверяю.

Конечно, с точки зрения так называемых цивилизованных норм это полный караул и вандализм. Но сами эти нормы — европейское лицемерие и политика двойных стандартов. У них тоже был Йорк, а теперь вот Нью-Йорк, и нам от этого одни проблемы. А мы народ кочевой, евразийский, нам сам Бог велел. Одна тут сложность, не знаю, как с ней быть. Вообще-то эта дурацкая идея, что памятники нельзя переносить, что память как бы связана с землей, где от прошлой жизни остался некий артефакт — храм там, дом или еще что-то, — она произошла из культа предков. Знаете, погребение, курган, надгробие, часовня, храм, памятник просто, памятник культуры — это все про одно и то же. Я к тому, что это, как бы сказать... Гробы тоже? Нет, я чего, гроб на колесах — это перспективно. Но чего, прямо выкапывать будем? Здорово!

«Господи, — думал я, — ну как он не боится так подставляться!»

Kommersant.ru, 14.03.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2424975>

Пожар Манежа — это и было, и осталось, по-моему, чем-то непонятным. Из-за того, что он случился вечером того дня, когда Путина второй раз выбрали президентом, это был пожар в прямом эфире, в двадцать минут десятого поступил первый сигнал о возгорании, а в десять Манеж пылал уже на всех телеканалах. Люди тогда еще смотрели телевизор, это был пожар глазами миллионов, какое-то вселенское явление вроде падения метеорита. В XIX веке на ярмарках было такое специальное балаганное зрелище, его обычно показывали вслед за «Гибелью Помпеи» — «Пожар Москвы 1812 года» (в Нью-Йорке, в парке развлечений на Лонг-Айленде, это представление шло в специальном павильоне в несколько тысяч квадратных метров, причем все здания были

в уменьшенном масштабе, а роль жителей исполняли участники шоу лилипотов, так что казалось еще величественнее). Но вот «Пожар Москвы 1812 года» — это было понятно про что, в этом пожаре сгорела слава Наполеона; «Гибель Помпеи» — это было про конец языческого мира, а тут горело не пойми о чем.

Я помню это ощущение непонятности именно в момент пожара. Столбы огня поднимались на 50 метров, Путин, давая интервью по поводу собственного избрания, заметно оборачивался на зарево, искусство телевидения тогда уже дошло до понимания, что показывать его на фоне пожара как-то неудобно, но еще не дошло до умения вырезать моменты озирания. Бывает так, что люди как-то ищут знамений, предзнаменований, обращают внимание на то, кто с какой ноги пошел, у кого дрожит икра на ноге — ищут, и иногда находят, а иногда кажется, что почудилось. Но тут уж было явлено такое развесистое знамение, что самый тупой заметит, — а не замечалось. Всеобщим ощущением было «нет, ну бывает, чтобы так совпало», и эта нелепость, случайность происходящего была и в телекомментариях, и потом в толпе у Манежа — «нет, ну блин, бывает же такое». И это было совершенно правильное ощущение. Второй президентский срок Путина — это покамест самый счастливый эпизод его правления, деньги росли, все получалось, и люди еще вовсе не относились друг к другу с той уже не глухой, а визжащей ненавистью, которая так приелась сегодня. Это было десять лет назад, так что Владимир Владимирович доказал нам: его судьба не управляется знаменами, а чем-то другим.

Лужков прибыл на пожар через час; наверное, и вид у него был победительный. Оно и понятно — за Путина проголосовало тогда чуть не 70% москвичей, Лужков был на коне, он подвел черту под комбинацией отступления с позиций конкурента, каким неволью стал в период борьбы «Отечества» со «Всей Россией», и мог теперь быть спокоен за себя и свой бизнес. Тогда я был уверен, что Манеж подожгли, и даже что Лужков и поджег (таково было мое личное оценочное суждение). Там был инвестиционный тупик, Лужков продал здание австрийцам (фирме M.S.I.), а федеральные власти заявили, что оно Лужкову не принадлежит (был бесконечный спор про то, кому принадлежат памятники федерального значения). Контракт завис, а проект реконструкции — с подземной парковкой и укреплением перекрытий — никак не мог пройти согласования Министерства культуры. После пожара стоимость реконструкции упала чуть не вчетверо, контракт с австрийцами разорвали и вместо него все реконструировали за московские деньги. К тому моменту, по подсчетам Алексея Клименко (это такой страстный борец за наследие), человека, правда, несколько увлекающегося, в Москве сожгли уже больше тысячи памятников архитектуры. Может, поменьше, но в любом случае «реставрация методом кремации» была

проверенным выходом из сложных ситуаций в области капитального строительства с обременением историческим наследием. Это был патентованный метод, и места сомнениям как бы и не было.

Лужков приехал, собранный, спокойный, и тут же заявил в телекамеры, что версия поджога полностью исключается, загорелась проводка, Манеж будет реконструирован, перекрытия восстановят, а под ним появится подземная парковка. Я помню его лицо в телевизоре и помню свое чувство довольно острой неприязни, смешанной с восхищением. Это не у всех так бывает, у меня тут изъян, но бесстыдное, безоглядное бесстрашие бандита меня иногда восхищает. «Господи, — думал я, — ну как он не боится так подставляться! Как можно через час после начала пожара, когда к зданию близко подойти невозможно (а пожарные в этот момент поливали водой соседние здания Университета — там от жара тлели рамы и лопались стекла), заявлять, что поджог полностью исключен! Ну все же видят, что он покрывает поджигателей! Как можно являться на пожар с готовым планом реконструкции — где будет парковка и какие перекрытия! Он же себя с головой выдает, прямо здесь, сейчас!» И что меня откровенно восхищало — день. Поджечь Манеж — дело нехитрое, но вот устроить это в день президентских выборов — в этом есть какой-то шик. Провести следствие и признать, что именно в этот день московский мэр, видный член тра-ля-ля, только что обеспечивший тюр-лю-лю, взял и сжег Манеж — это, конечно, невозможно, но как он не боится?

Я встретил Юрия Михайловича сейчас в Сочи, мы стояли в перерыве соревнований по фигурному катанию с Ольгой Свибловой, а он вышел к буфету — и она мигом упорхнула к нему. Что было обидно, но благородно: он правда сделал ее музею много добра. Я смотрел в его высохшее лицо, сморщенное сиявшее радостью после выступления Юлии Липницкой, и думал: черт, ну неужели вот этот дедасик взял и сжег Манеж? Ну снес «Военторг», ну уничтожил гостиницу «Москва», ну стал миллиардером, ну выкидывал жителей из «Речника» на снег силами ОМОНа — ну понятно, но Манеж, в день победы Путина? Неужели он такой рискованный? Через три дня после пожара главный архитектор Москвы Александр Кузьмин заявил, что пожар никак не мог быть вызван коротким замыканием, потому что в деревянных перекрытиях Манежа вообще не было никакой проводки. Была создана комиссия, изучавшая причины, были официальные пресс-релизы, говорилось, что Манеж загорелся «в результате внешнего теплового воздействия» (так на бюрократическом языке называется поджог), эксперты указывали, что дерево так гореть не может — а все же заснято камерами, — что десятиметровые факелы бывают, только если там бензин, керосин или еще какая-нибудь горючая смесь — все без толку. Комиссию расформировали, прокуратура открыла и закрыла дело о пожаре, никто по этому делу

не был привлечен, да и следствия не велось. Сгорели два пожарных, как-то их забыли.

В том, что Манеж подожгли, у меня нет сомнений, и нет сомнений в том, что это сделали люди, очень близко стоявшие к Юрию Михайловичу, члены его команды (это опять мое личное оценочное суждение). Но я все же теперь, по прошествии десяти лет, не уверен в том, что он лично произнес сакраментальное «Махмуд, поджигай!» Я даже не уверен, что он стал разбираться, кто именно поджег. Ну сожгли — и отлично: можно, наконец, начать реконструкцию. А может, это он все же притворяется дедасиком, а на самом деле — огонь-мужик.

Я помню лица людей там, перед Манежем. Манеж не был оцеплен, можно было подойти близко, насколько позволяло пламя, люди подходили, фотографировались, смеялись. Главным их чувством было восхищение, радость. Ну надо же! Ну как горит! А огонь! А дым! А искры! Вон, вон, смотри! А жар какой! Я думаю, если там было знамение, то несколько иного рода. Тогда было возможно, что вот происходит такое колоссальное событие — и оно не имеет отношения к Путину. Я понимаю, это как-то диковато звучит, но вот представьте себе — это случилось бы сейчас. Ну ведь стопроцентно какой-нибудь пламенный телеведущий заявил, что он не сомневается: Манеж подожгли американцы, или бендеровцы, или враги Олимпиады. А всего-то прошло десять лет.

2004 год — это время, когда все уже было, но как-то в стороне. А рядом с тем, что есть и сейчас, была какая-то колоссальная другая жизнь, не имеющая к этому никакого отношения: кто-то продавал и покупал, прятал, воровал, перекраивал города, словом, зажигал по полной — и никому в голову не приходило с этим разбираться. Больше того, эти люди еще могли воспользоваться выборами президента, чтобы решить свою проблему — ну потому что кто будет охранять Манеж, когда выборы, и кто будет разбираться, когда сам знает, на что напорется. В этом была какая-то несусветная, сумасшедшая дикость. С тех пор очень все устаканилось, а это и был наш расцвет второго срока, 2004-2008. И это восхищало — несколько сумасшедшим образом. Еще не поставленная на службу государству, а так, сама по себе дикость.

Берегись велосипедиста

Kommersant.ru, 31.01.2014

<http://www.kommersant.ru/doc/2392496>

У нас когда-то состоялась революция, и из-за этого в отечестве вышло много неприятностей. Но жители других стран, где она не состоялась, очень выиграли. Они постепенно получили высокую оплату труда,

пенсии, медицину, образование, справедливый суд, соблюдение прав граждан и вообще всяческие улучшения, которые им их правительства устроили, чтобы у них не состоялось такого, чего состоялось у нас. Отсюда следует важный политический вывод о необходимости использовать чужую бузу с целью сделать себе хорошо.

Это рассуждение необходимо мне, чтобы перейти к теме Триумфальной площади в Москве, точнее, архитектурного конкурса на ее реконструкцию. Работы принимали с 22 по 29 января. Это не первое соревнование на данную тему — первое состоялось в сентябре, когда департамент капитального ремонта провел тендер на проект реконструкции площади, в котором победило ООО «Проектная компания "Трио"». Малая известность этого бюро, ранее отметившегося только изготовлением проектной документации для ремонта больниц, проведение тендера на основании 94-ФЗ, учитывающего финансовые, а не художественные качества проекта и опыт участников, а также живость характера заставили известного представителя креативного класса, активиста велосипедного движения Илью Варламова вместе с прогрессивным депутатом Максимом Кацем начать борьбу против результатов того осеннего тендера.

Надо признать, что господин Варламов добился удивительно многого по московским меркам. Во-первых, он провел исследование ситуации на Триумфальной площади и вывесил его у себя в ЖЖ — между прочим, образцовое архитектурно-градостроительное исследование. Во-вторых, он инициировал создание проекта реконструкции Триумфальной площади, который выполнило юное сообщество архитекторов под названием «Мегабудка». Проект предлагает застройку всей площади парковками и торговыми помещениями, за исключением территории вокруг памятника Маяковскому, который как бы тонет в новой структуре как в яме. С моей точки зрения, это прямо ужас что получилось, но тут важен почин. Это, кажется, первый градостроительный проект для Москвы, сделанный архитекторами задаром, просто в порядке молодежного гражданского беспокойства за судьбу родного города. Наконец, в-третьих, Илья Варламов таки добился, что результаты тендера отменили, а раньше такое под силу было одному Навальному. Причем тут прямого воровства не усматривалось, просто легла легкая тень на руководителя московского комплекса ЖКХ Петра Павловича Бирюкова в смысле его способности организовать разумную деятельность по благоустройству города. Но это недопустимо, имея в виду миллиардные бюджеты комплекса, истории с плиткой, ремонтом фасадов под выборы и рассадкой зеленых насаждений по весне — и вместо тендера случился общественный совет при мэре Москвы, на котором решили провести архитектурный конкурс. В позапрошлом году в Москве появился известнейший урбанист, теоретик велосипедного движения

Ян Гейл, и он всюду убеждал всех, что велосипедисты полностью преобразят Москву. Никто не верил — а вот, пожалуйста!

Представляя это решение, главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов чрезвычайно радовался открытости комплекса ЖКХ по отношению к архитекторам, выразившейся в дозволении провести этот конкурс. Его можно понять. Формально у нас главный архитектор Москвы — это начальник департамента в московском правительстве, а Петр Бирюков — целый вице-премьер, причем не его (главный архитектор подчинен Марату Шакирзяновичу Хуснуллину), а соседний вице-премьер, отчасти даже конкурирующий. Ту идею, что вообще-то и строители, и коммунальщики по логике вещей должны были бы выполнять решения архитекторов, а если дело происходит наоборот, то получится как-то канализационно, можно оставить в стороне как соображение абстрактное и к Москве не относящееся. У нас так исстари повелось, от выстрела «Авроры», что архитектор как лицо буржуазное должен быть подчинен пролетарской косточке, строителям и коммунальщикам. И мы по-прежнему так и живем в порядке преемственности, а действия Петра Павловича можно рассматривать как проявление благорасположения к здравому смыслу. Еще бы тут не радоваться.

22 января конкурс объявили, 29 января закрыли прием проектов, 24 февраля, меньше чем через месяц, уже подведут итог. Этого мало. К 6 сентября, на которое в этом году выпадает День города, все уже и реализуют. Нельзя не отдать должное быстроте, с которой принимаются в Москве инициативы молодежи, правда? Я бы даже сказал, глядя со стороны, что в степени отзывчивости московской власти на молодые здоровые инициативы ощущается что-то нездоровое. Какие-то они скорострелы.

Тут надо пояснить, что обычно архитектурные конкурсы так устроены, что заказчик в принципе знает, что хочет построить (это называется задание на проектирование) и ищет, кто сделает это наилучшим образом. Но на обсуждении Триумфальной площади, состоявшемся в Москомархитектуре прямо перед объявлением конкурса, никакого такого задания представлено не было. Участники выказали крайнее разнообразие мнений — от «восстановить все снесенные здания» до «озеленить газоны, поддержав тему Китая, заданную гостиницей «Пекин»». И все как-то не отбрасывалось.

Нет, ну правда, тут раньше находился так называемый театр Омона (Шарль Омон, известный антрепренер), а его снесли. И вместо него теперь тут же проводят перформансы ОМОНа, без театра. Зачем сносили? Бесхозяйственность. Или, скажем, тут же, у памятника Маяковскому, в эпоху оттепели проходили поэтические встречи, которые разгоняли конной милицией, а теперь проходят встречи прозаические, которые разгоняют полицией пешей. Опять же Евгений Евтушенко, который тут царствовал в давние времена, известен своими пиджаками, а Эду-

ард Лимонов, до того как стать эссеистом и борцом, шил штаны. Налицо понижение уровня и в физическом, и в метафизическом смысле. Может, вернуться к более высоким образцам? Это же наша городская культура!

Если не принимать на веру способности московского комплекса ЖКХ к особо ускоренному развитию, следует прямо сказать, что провести конкурс, а потом построить, что нарисовал победитель, за полгода возможным не представляется. Люди злые могли бы даже заявить, что это имитация и профанация, никакого конкурса на самом деле не будет, это просто способ выпустить пар, образовавшийся от благородной активности велосипедистов. Никакого внятного проекта за такие сроки подготовить невозможно, все это делается исключительно, чтобы сказать, что вот мы пригласили архитекторов — а они что могут? Они только сроки срывают. Зря радуется Сергей Кузнецов, не мир ему несет благорасположение служб ЖКХ, но меч. При ближайшем рассмотрении, как писал Михаил Булгаков про судьбу благородного Лариосика, Милочка Рубцова оказалась подколодной змеей — и здесь так может получиться. При этом, имея в виду бюджеты на благоустройство, можно быть уверенным, что денег потратят столько же, сколько стоило бы исполнение качественного архитектурного проекта.

А это, кстати сказать, одна из главных московских площадей. Не совсем это правильно, когда ее реконструируют в соответствии с художественным видением коммунальных служб, тут имело бы смысл как-то профессиональнее подойти, что ли. И вот я возвращаюсь к революции.

Злые языки говорят, что сама необходимость ускоренной реконструкции Триумфальной площади связана с регулярными безобразиями, которые здесь случаются в конце каждого нечетного месяца. Ну как бы что вот когда-то, 20 лет назад, Манежную площадь начали реконструировать потому, что там собирались очень большие митинги, а стройка как-то прекратила — и это наш бесценный исторический опыт лечения социального беспокойства. Так вот, я считаю, нам важно учитывать украинский опыт.

Конечно, что и говорить, против лимоновской бузы вполне годилось то поверхностное и в некотором смысле легковесное благоустройство, которое практикует к разным датам московский комплекс ЖКХ. К весеннему наступлению трудящихся произрастают клумбы и газоны, к летнему появляются мобильные кафе шатрового типа, зимой с ноября украшают елочки и держат их по три месяца — я согласен, это красиво и неплохо работает. Но смотрите, какая буза случилась в центре Киева. Не есть ли это указание на то, что к реконструкции городских площадей нужно подходить глубже, тщательнее?

Мне все говорят, что это идиотская логика, и я согласен — действительно, как-то странно выходит. Но я не знаю, как иначе убедить. Това-

рищ правительство, как сказал бы Владимир Маяковский, который там как раз стоит. Нельзя ли прекратить эту халтуру? Заметь, товарищ правительство, москвичи не практикуют акции протеста в парках, в торговых центрах, на улицах с хорошими ресторанами и кафе, вообще в осмысленных городских пространствах. Они как-то выбирают для этого места, где капитально и бессмысленно нахалтурили, как Михаил Шемякин на Болотной, или вот как около Абая, или как на Триумфальной, где никак не могут понять, то ли у нас там парковка, то ли пешеходный переход, то ли что-то поэтическое. Может, стоит как-то посерьезнее подойти к этому пространству? Ну правда же, выйдет какая-то дрянь.

Сокрушительная память

Kommersant.ru, 09.12.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2364094>

Сергей Пархоменко, журналист и общественный деятель, собрал людей, чтобы поставить в Москве знаки в память людей, погибших в репрессии. Люди были разные, кто из «Мемориала», кто из газет-журналов, кто с радио или телевизора, кто от общественных организаций, архитекторы, дизайнеры, писатели, историки — все сплошь очень хорошие люди. Все сначала прослушали доклад Сергея о том, как в Германии художник Гюнтер Демниг придумал в 1996 году устанавливать памятные знаки в память жертв холокоста, потом Наталья Самовер, лидер движения «Архнадзор», рассказала, как она пыталась повесить памятные плакаты на стенах домов в Москве, а потом мы разделились по секциям — художников и нехудожников — и стали решать, как мы будем это делать.

Это был такой случай, когда всем все ясно, поэтому мы жарко спорили семь часов подряд, и не сказать, чтобы ни к чему не пришли, но и не сказать, чтобы далеко продвинулись. Сначала — кому ставить? Понятно — всем репрессированным. Но их очень много, по Москве сотни тысяч, всем не получится, давайте только расстрелянным. Но нужно, чтобы был реабилитирован, иначе государство не даст. Да, но как быть с белыми офицерами, их же никто не реабилитировал, а постреляли много. Ну, что поделаешь... Да, но как быть с теми, кто погиб в лагере? Их примерно в четыре раза больше, чем расстрелянных. Ну, что поделаешь... Да, но как быть с теми, кого расстреляли в лагере? Этих, пожалуй, берем. Значит, если расстреляли, увековечиваем, а если голодом умурили — нет? Ну, что поделаешь...

Итого 30 тысяч человек по Москве — расстреляны, реабилитированы, имеются документы, все как положено, акт об исполнении, справ-

ка о реабилитации, известно, откуда и когда взяли, когда расстреляли — 30 тысяч образцовых жертв репрессий. Проект называется «Последний адрес». У дома (или на доме), откуда взяли, можно установить мемориальный знак. Это могут сделать родственники, если они есть, соседи, если хотят, просто люди, если у них есть желание.

А есть такие расстрелянные, что адрес от них остался, а вот дома, где они жили, нет, там произошло улучшение и построили новый дом. Вешать на новый? Здесь был дом, где жил такой-то, расстрелян тогда-то? Ну хорошо, это можно. Но вот, скажем, Собачья площадка — ее вообще ведь нет, там теперь Новый Арбат, нет новых домов, на которые вешать. Где он жил — теперь проезжая часть. Ему как, не ставить? Только потому, что дома нет? А как? Ну, что поделаешь...

В Германии люди платят €120, и в мостовую около дома монтируется латунный кубик 10х10х10 см, и там написано имя, дата рождения, когда взяли, в каком лагере погиб. Общественная организация, которая этим занимается, берет на себя административные функции и производство работ — и мы решили делать то же самое. То есть надо договориться с мэрией, надо выработать дизайн, надо найти, кто это будет производить, надо наладить финансирование и установить для начала хоть сколько-нибудь, ну 50 знаков, а потом посмотрим, что выйдет. 50, а их 30 тысяч. Ну, что поделаешь... В холокост уничтожено 6 млн евреев, а установлено около 40 тысяч кубиков.

Да, но у нас есть отличие. Там так получилось, что жертвы холокоста сами не устраивали концлагерей, там все четко — их только умучили, и все. А у нас из этих 30 тысяч сколько таких, кто сами же и умучивали — чекистов, палачей, членов троек, — которых потом постреляли свои же? Их как, считать невинноубиенными или все же нет? Пускай не за то расстреляли, за что надо, а все же расстреляли-то по делу? Может, им не устанавливать все же? А с другой стороны, как тогда быть? Заново смотреть все дела о реабилитации? Но это же невозможно... По профессии? Вот, скажем, работала женщина в НКВД, ей, понятно, не ставить. А если машинисткой? Машинистке можно, наверное. Но с другой стороны, в НКВД же. Ведь палачам будут памятные знаки, ведь наверняка их родственники первыми прибегут! Ну, что поделаешь...

А что писать? Год рождения, понятно, имя, профессию, где расстрелян, когда. Профессию важно. Нужно же показать, что расстреливали не только интеллигенцию, а электриков, столяров, продавцов, военных — всех, 30 тысяч человек стопроцентно и документально невинноубиенных по одной Москве. Но с другой стороны, скажем, заместитель председателя Эгээкспорта Мосторга (была такая организация по экспорту яиц — egg) — он как бы кто по профессии? Пищевик? А начальник навигации Севморпути? Путеец? Советская власть делала с людьми так, что сначала они невозможно назывались, а потом их попросту убили,

и теперь даже невозможно назвать род их деятельности до расстрела. Расстрел — понятно, начальник Кишторга (организации по заготовке и продаже кишок) — непонятно. Ну, что поделаешь... Оставляем только имя и дату расстрела, и неважно, кто, важно, что расстрелян.

Тут как раз и художники подошли. Аркадий Троянker, гуру российского дизайна, сформулировал их позицию так, что главное — чтобы не было никакого художественного жеста. Максимально незаметно, без всякой аффектации. Я было даже стал ему возражать, что как же так, это партия и правительство будут ему благодарны — 30 тысяч расстреляли, и максимально незаметно — почему? Но у них, у художников, свои резоны, потому что это трагедия и смерть и чего уж тут дизайн устраивать? Действительно, как-то неловко. Если человека расстреляли, красивой табличкой дело не поправишь, тут ничего не поделаешь...

Представляете, 30 тысяч человек, а Москва в этот момент — вся в пределах Садового кольца, вы понимаете, что это? Каждые 100 метров кого-нибудь тут взяли и расстреляли, просто так. Как к этому власти отнесутся — вообще отдельный вопрос. Они что, не люди? У них у самих знаете сколько постреляли? Да они, может, наоборот, порадуются, потому что надо, чтобы народ знал порядок, а не ходил по Болотным площадям. Тут не дано предугадать, как кто к этому отнесется, и вообще дело может так пойти, что поставим мы памятные знаки исключительно сотрудникам НКВД на страх простым гражданам. А может, и не так. Не получается это спрогнозировать. Ну, что поделаешь...

У нас в Москве два музея ГУЛАГ, один лужковский, второй мемориальный. Лужковский развесистый — там тебе и муляж следователя, и муляж арестованного, весь такой окровавленный, и нары сделали, и камеру — ну вовсе невозможно смотреть, вроде пластмассовых кукол для игр в монстриков. В мемориальском этого ничего нет, там одни документы. От зэков что остается? Ну, миска может остаться мятая, ложка еще, кружка. Ничего от них не остается. Никакого предметного мира. Ни жизни, ни профессии — ничего. Они уничтожены.

Нам остались только имена, и вот их последний адрес, место на земле, где они были выдернуты из жизни. И дома, улицы, мостовые Москвы — они помнят эти имена. Говорят, советскую власть сокрушил нефтяной кризис, экономика, это все правда, но только не правда. Ее сокрушила память об этом преступлении, от которого осталось только число убитых, и память — вот здесь, и здесь, и здесь, каждые 100 метров. И эта память стоит между обществом и государством, до сих пор стоит, потому что невозможно доверять государству, которое взяло и просто, непонятно зачем и почему расстреливает людей.

Надо просто взять и установить эти доски. Не предугадывая, как это отзовется, не пытаясь вычислить, кого просто убили, а кого просто уби-

ли после того, как он сам убивал, не пытаюсь кому-то показать, что вот вы думаете, что брали только интеллигенцию, а вот этот был электрик — были просто люди, и их просто взяли и расстреляли ни за что. Так что вообще-то понятно, что надо со всем этим поделаться. Надо просто взять и согласиться с тем, что и так всем понятно. Но единственное, что всем понятно одинаково, — это имена. Без профессий, без пояснений, без дизайна, без разборов — как только это начинается, оказывается, что у всех разные взгляды, каждый хочет сказать что-то свое. Единственное, что всех объединяет, — голое имя.

Сундук народного единства

Kommersant.ru, 29.11.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2357090>

Люди в России добрые, до изумления. Господа обыватели и полиция исключительно добры к гастарбайтерам, белоленточная блогосфера заходится от добрых чувств к просвещенному авторитаризму, он, в свою очередь, тоже не оставляет их своими заботами, так что даже некоторые мягко упрекают власти за придиричивую памятьливость к самым мелким проявлениям оппозиционности, официальных лиц колбасит от симпатий к сексуальным меньшинствам, современным художникам и прочим лицам с неконвенциональным поведением. Такой мед и патока кругом, что невозможно ни о чем договориться — вязнешь от разлитых в воздухе взаимных симпатий и желания сделать друг другу что-нибудь хорошее. Еще Россия, кстати, и в особенности Москва, славится своим традиционным гостеприимством — по рейтингам благожелательности к гостям мы занимаем когда 187-е, а когда и 94-е место в мире (там разные рейтинги), а вскорости, вероятно, продвинемся еще дальше. Поэтому к нам так любят все приезжать, и вот чемодан Louis Vuitton

В фэйсбуке много перепостов текста некой А. А. про разборку чемодана: «Вчера (26 ноября. — Г. Р.) в 12 ночи Louis Vuitton и Marcade Event узнали из СМИ, что ГУМ, который все это согласовывал до начала строительства и видел во время строительства, уполномочен заявить, что он отказывается от сундука. Кем уполномочен — никто не знает. До сих пор не было НИ ОДНОГО официального заявления от администрации президента о том, что павильон нужно разобрать, опять же, кроме тех же СМИ. <...> Опять же через СМИ французы узнают, что мы все-таки должны убраться с площади, потому что сундук превышает оговоренные заранее габариты. <...> Измерили и выяснилось, что сундук выше разрешенных девяти метров на 14 см. <...> В 18 часов на площадке появился человек в черном плаще до пола со стоячим белым воротничком

и плоской лужковской кепочке, с приходом которого у нас рубанули свет и генератор. И еще сообщили, что если мы не начнем демонтаж — приедет полиция. Франсуа Маркаде первым делом отправил своих рабочих в отель, потому что боялся за них. LV запретили мне снимать, во избежание дальнейших конфликтов с властями. <...> Самое тяжелое для меня в этой истории — смотреть в лица растерянных людей, с которыми ты провел месяц на Красной площади, видеть, как они собираются, надевают куртки и рюкзаки, в полной темноте».

Франсуа Маркаде — это event-manager, который делал премьеры «Великого Гэтсби» в Канне, а также презентацию коллекции *Bulgari* в Царском Селе и открытие павильона Dior на той же Красной площади, а еще свадьбу князя Монако Альбера II. Он как раз и придумал этот чемодан и выставку. Выставка называлась «Душа странствий», там должны были показывать личные вещи клиентов Louis Vuitton (Николай II, Эрнест Хемингуэй, Грета Гарбо, Катрин Денёв, Дэмиен Хёрст, Диана Вишнёва, Шарон Стоун и т. д.) и видеоинсталляции. У них там идея превратить чемодан Louis Vuitton в символ особого переживания, полуреальности, полувоспоминания путешествия, когда ты движешься через пространства, фактуры, цвета, впечатления как бы немного в невесомости, как во сне, но ярком сне. Очень французская тема, это про отношение к реальности как к веселой тайне, про ироничную радость от разнообразия бытия. Мы как-то иначе путешествуем по жизни.

Но это как раз дело десятое, а главное — договорились. Слились в едином чувстве, и все, всенародно, выкинули этот чемодан со всем его содержимым с Красной площади. Ура, товарищи!

Для человека постороннего дело выглядело фантастически, а я как раз и был посторонним. Сначала обозначились градозащитники. Константин Михайлов, чудесный эссеист, координатор движения «Архнадзор», заявил: «туда приходят десятки тысяч людей, которые хотят увидеть именно Красную площадь, а не павильон одной известной фирмы». «Архнадзор» выступил с иронической официальной декларацией у себя на сайте. «Особенно продуманным и гармоничным это новаторское решение предстает со стороны Воскресенского проезда. С трепетом ожидаем мы дня, когда таинственные люди, распоряжающиеся Красной площадью, заключат рекламный контракт с какой-нибудь фабрикой фаянсово-фарфоровых изделий». Я так понял, что они намекают на унитаз. «Архнадзор» вообще такая организация, что с высоты величия наследия выставочный зал с настроениями от унитаза отличать не склонны, за что мы их и любим.

Протест у нас часто начинается с урбанистики, а там пошло-поехало. Как у Льва Николаевича Толстого, «die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...». Пламенная ведущая «Эха Москвы» Ксения Ларина предложила стереоскопическое

видение темы, задав сразу три направления борьбы с чемоданом. «Я не против Большого Сундука на Красной площади, — заявила она. — Но я хочу знать, кто получил бабки и сколько. Чья это коммерческая тайна? Почему не сказать, не объяснить, что Прекрасный Голый Человек на Красной площади — это хулиганство, а сраная сумка величиной с Кинг-Конга — это Благотворительная Акция. Вы просто документ покажите, на какую благотворительность работает эта пошлая дрянь, кому и сколько помогает, и главное: кто сказал „можно”». Дамы отменного вкуса немедленно стали развивать тему сраной сумки и пошлой дряни, в том смысле, что их в аэропортах достала сволочь с безвкусными виттонами, а теперь и на Красной площади. Деятели современного искусства воспользовались вопиющим случаем с сундуком, чтобы защитить право художника Петра Павленского свободно прибавить свою мошонку к Красной площади, потому что это не благотворительность, тут все всерьез было, про самое главное в жизни. Но особенно ободрились борцы с жуликами и ворами. «Гигантский чемодан Louis Vuitton — это памятник Его Величеству Откату, — написала журналист Екатерина Винокурова. — Такой чемодан вместит в себя весь черный нал российских предвыборных компаний, все миллиарды, распиленные на строительстве Олимпиады, бюджеты на государственную пропаганду, зарплаты топ-менеджеров „Транснефти” и „Роснефти”, все эти каждодневные „благодарности” чиновникам, наконец, даже возможную „благодарность” тому беззаботному сумасшедшему, который постановил согласовать установку чемодана-монстра посреди главной площади страны». Вот как!

Можно сказать, свободное выражение ненависти к другим — основа нашего гражданского общества, хотя в контексте данной статьи надо было бы заменить слово «ненависть» на «любовь». Но дальше произошло нечто поразительное: исполненных симпатии к окружающей действительности представителей гражданского общества полностью поддержала власть. «Сколько же туда откатов и взяток можно засунуть, чтобы затащить это чудовище, уродство на Красную площадь? Мы уже сделали депутатские запросы, в том числе в ФСО, и требуем, чтобы назвали фамилии, кто разрешил и поставил подпись на это чудовище». Это не Навальный пишет. Это депутат Госдумы Валерий Рашкин. Другой депутат, Александр Сидякин, направил депутатский запрос в управление Федеральной антимонопольной службы Москвы с просьбой провести проверку законности установки конструкции с логотипами французского дома моды Louis Vuitton.

Это ведь как обнадеживает! Чемодан — это только начало, власть сейчас, видимо, начнет прислушиваться ко всему: вот убрали чемодан, потом освободят узников Болотной, потом Pussy Riot, потом Ходорковский, свободные выборы — я правильно понимаю? Так?

Некто Валерий Морозов, глава организации «Международный ан-

тикоррупционный комитет», написал на сайте «Эха Москвы» следующее: «Чемодан не понравился на самом верху, выше кого только звезды, у кого кабинет в корпусе 1 Московского Кремля и окна кабинета выходят на Красную площадь. Не понравился вид из окна. Dior повезло: „зеркальный” павильон построили на Красной площади летом, когда Путин отдыхал в Сочи. А сейчас Путин съездил по миру, встретился с папой римским, вернулся, а тут на тебе: из окна корпуса 1 Кремля виден не ажурный фасад ГУМа, а дорожный сундук».

Вовсе ничего не могу сказать про осведомленность этого человека. Но, судя по тому, что происходило дальше, высказанное им предположение выглядит очень правдоподобно, хотя никто из официальных лиц его не подтверждает. Официально чемодан вообще вынесли с площади по просьбам граждан.

Как бы так получилось, что они выступили — и вдруг самые разные организации стали выдавать в СМИ информацию, что они не давали разрешения на установку чемодана. Они прямо кричат: не был, не был, не был, не был, даже рядом не стоял. ФСО, администрация президента, московское правительство — все выступили с заявлениями. Какой-то Росреестр, которого отродясь про Красную площадь не спрашивали, целый пресс-релиз выпустил.

Без объяснения господина Морозова получается, что они все страшно испугались Екатерины Винокуровой и Ксении Лариной, и я со своей колокольни нахожу это хотя и естественным, но как бы маловероятным. Другое дело, если сам Владимир Владимирович поинтересовался, кто это допустил. Тогда коллективный танец «а я тут ни при чем, я вовсе ни при чем, совершенно ни при чем» становится понятным, это обычная реакция чиновников. Прелесть ситуации в том, что люди радостно приветствовали это коллективное дуремарство, проклиная зарвавшихся капиталистов, которые без всяких разрешений построили на площади чемодан. Взяли и сели туда, как Матиас Руст при Горбачеве. Товарищ правительство, у вас проблема: люди утратили всякое представление о Красной площади и искренне уверились, что там можно проводить строительные работы без согласований, откупаясь мелкими подачками от участкового.

Я понимаю, что если Владимиру Путину не понравился бы чемодан, он убрал бы его без помощи градозащитников, бонтонных дам левых взглядов, хорошо понимающих разницу между Louis Vuitton и Bottega Veneta, либеральной общественности и т. д. — у него для этого хватает своих ревнителей общего блага. Но так получилось, что убрали чемодан не без вас, а вместе с вами. Больше того, официально заявить, что Владимир Путин указал убрать чемодан, довольно неудобно, негоже как бы первому лицу обращать высочайшее внимание на такие мелочи. К тому же это и накладно, все же €10 млн, все разре-

ния были получены — как-то надо объяснять, что это было. Официальное объяснение теперь: Михаил Куснирович убрал сундук под влиянием негативного отношения общественности. Вашего то есть, дорогие друзья, с чем вас и поздравляю.

И я думаю, что вы вообще-то не случайно совпали с Владимиром Владимировичем в отношении чемодана. Красная площадь — это у нас такое место, где власть исторически борется с городом за то, кто определяет образ России. И это так периодами — то там народные гуляния, скоморохи, Масленица, катание на Вербное воскресенье, то парады, шуты на мавзолее и катания на баллистических ракетах. Последние годы Красная площадь была во многом человеческим местом — каток там, цветы вот летом высаживали, — а с чемоданом это дело закончилось. Уже теперь напринимают законов о сакральном месте, об особом режиме, о регламенте посещения — вы будете рады. Можно, скажем, ходить по Красной площади в короткой юбке? Ведь это же не просто так, а неуважение к параду Победы, «Утру стрелецкой казни» и «Шествию на осляти», которое практиковалось там во времена Алексея Михайловича. И вообще бабы на площади, по которой шли умирать в 1941 году наши деды, — это как-то... Сталин же тут и ходил, и стоял, и лежал, и лежит опять же, только сбоку. Здесь надо больше памяти про «умирать». Надо, кстати, кордоны поставить, чтобы проверяли, русские бабы пусть ходят в трауре, а магометанского вероисповедания — в парандже, но гастарбайтеров не пускать.

Вы пытаетесь разоблачить власть, которая продает святое место витонам и диорам, а она, знаете, не продает. Она с вами как раз совершенно согласна, что надо все это зачистить от толпы, от веселья, от радости, от покупок и подарков, французов гнать в три шеи, а ходить — строим, полюбовно. Какая, к черту, ироничная радость от разнообразия бытия? У вас одно общее с ней желание — быть сему месту пусту. Потому и совпали. Вы, кстати, знаете, что было на месте мавзолея и могил видных коммунистов? Там был ров, и туда сбрасывали казненных, а головы на кол ставили вдоль рва, а во времена опричнины столько набросали, что от гниения эпидемия началась. А потом Борис Годунов поставил там церкви «что у голов на Крови». Может, восстановим? Православное же место.

Есть у нас такой праздник — Новый год, Петр Первый ввел, на Красной площади тогда стреляли из пушек, подпалили Китай-город, кучу народу пожгли. Очень весело, мы и теперь его справляем. Порядок такой — сначала президент выступает на пустой площади под елкой, потом уходит, залпы пушек, идешь через кордон, маршем шагаешь по гулкой брусчатке к стене и выпиваешь у могилки за новое счастье.

Я вас люблю.

Шесть портретов Путина над оркестровой ямой

Kommersant.ru, 22.11.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2343473>

12 ноября в Москве подведены итоги конкурса на проектирование парка на месте снесенной гостиницы «Россия». Американцы Элизабет Диллер и Риккардо Скофидио, создатели знаменитого парка High Line в Нью-Йорке, теперь будут строить парк в Москве

У Сальвадора Дали есть картина «Шесть портретов Ленина на фортепьяно». Там рояль, а над клавишами парят шесть портретов Ленина. Сгущаются в воздухе, как улыбка Чеширского кота, но более глубоко-мысленно. Сюрреализм, словом.

Парк «Зарядье» подарил Москве президент Путин — перед избранием на второй срок он вышел к телекамерам и сказал, что хорошо бы на месте гостиницы ничего не строить, а сделать парк. И еще отдельно филармонию, и чтобы в ней играл Валерий Гергиев — это не публично обещал, но филармония попала в конкурсную программу.

Когда первое лицо государства делает в России парк, то это его портрет, в смысле — послание, какой он видит страну в идеальном смысле. Вот Петр Великий, например, дал нам Летний сад в том смысле, что он не на золотых сундуках в Кремле сидит, а европейский император, просвещенно правящий из прекрасного сада. И товарищ Сталин, насаждая ЦПКиО, тоже высказался в том смысле, что он вовсе не «что ни казнь у него — то малина», а, наоборот, «лучший друг физкультурников». Так что парк «Зарядье», или парк «Россия» (название пока не утвердилось) — это не кусты, а зеленый образ мира применительно к текущему моменту.

Специфическая грандиозность задачи всех перессорила. Конкурс проходил в два этапа, и сначала был конкурс «по портфолио» (то есть по прошлым работам претендентов). Те, кого не позвали участвовать, возмутились чудовищной несправедливостью, что им не дают проектировать парк на вздорном основании, что раньше они такого не делали. «Конкурс портфолио — что это такое? — возмутился в эфире радиостанции «Вести FM» известнейший архитектор Михаил Хазанов. — Это какая-то узкая группа лиц договаривается между собой, что они будут как бы проводить конкурсы. Это на самом деле абсолютно противоположно тому смыслу, который заложен вообще в конкурс». Узкая группа лиц — это институт архитектуры и дизайна «Стрелка». Многие возмущались вместе с Хазановым, но некоторые отдельно перешли к более обобщенной негации, восстав в душе против произвола тирана, учудившего делать парк, где его не было. «Я не вижу здесь парка», — заявил в интервью «Ъ» такой же известнейший архитектор, как Михаил Хазанов, Сер-

гей Скуратов, и иные не увидели парка вслед за ним.

Дальше наступил второй тур, куда прошел только один русский архитектор — Владимир Плоткин. Остальные опять же возмутились тем, что русское начало отстранено от проектирования образа России, а Плоткина, напротив, засмеяли как непонятно на что рассчитывающего в калашном ряду. Иные, однако же, оскорбились, что прославленные западные мастера — голландцы MVDREV, которые когда-то отменили всякое представление о государственном величии, построив павильон Голландии на всемирной выставке «Экспо» в форме гамбургера, и другие голландцы, West 8, превратившие сейчас в один сплошной парк центр Мадрида (проект Madrid Rio), и англичане Gustafson Porter, создавшие последнее садово-парковое чудо света — Gardens of the Bay в Сингапуре, — вместо того, чтобы отказаться от коллаборации с авторитаризмом и поддержать, скажем, Алексея Навального, использовали свои таланты для прославления Владимира Владимировича. О позиции же соглашателя Плоткина в глазах этих принципиальных людей и говорить не приходится.

Теперь же, после победы американцев, возникла коллизия, что, с одной стороны, они делали лучший парк в Нью-Йорке — High Line, а с другой — не может же так быть, чтобы от Путина пришло что-то хорошее. Сейчас в критике две темы. Одна — что Элизабет и Риккардо, начав работать для такого заказчика, рывком просели по талантливости, придумали вымученный и глупый проект и крупно опозорились. Просвещенные и прогрессивные люди много думают об этом и, вероятно, будут писать жалобу в Нью-Йорк. Другая линия — что проект у них авангардный, а кругом православие и исторический дух, и как же это? Духовное безобразие и нарушение духа закона об охране памятников в одном лице, а кто не знает, куда нас это завело? Движение «Архнадзор» выпустило специальный пресс-релиз в защиту законодательства и исконных ценностей.

Горячо сочувствуя всем этим точкам зрения, я так запутался, что совершенно не готов примыкать ни к одной из них, а хотел бы взглянуть на дело со стороны. Со стороны дело выглядит так, что происходит совершенно образцовая история, нелепость которой заключается в том, что она никак не может случиться в наших условиях. Не может быть, чтобы Владимир Владимирович просто подарил Москве парк, не может быть, чтобы проект выбирали по конкурсу, не может быть, чтобы у конкурса была внятная программа, не может быть, чтобы было независимое жюри, не может быть, чтобы в сердце родины строили американцы, и не может быть, чтобы у храма Василия Блаженного случился авангард.

Между тем придумано шесть разных садово-парковых образов, в которых Владимир Владимирович мог бы явиться России, и это, пожа-

луй, имело бы смысл разобрать. Тут важно, что мы не строили парков с 1957 года, парк Дружбы на Речном вокзале со скульптурами Веры Мухиной в честь фестиваля молодежи и студентов — это наше последнее высказывание по теме, а язык этого искусства сильно изменился. Так что эти образы могут быть невнятными, а это жаль.

Конечно, проще всего было бы нам, если бы победило бюро West 8 с Борисом Бернаскони. Они отгородились от Васильевского спуска большой пилонадой, внутри сделали русский пейзаж типа «Ржи» Ивана Шишкина, а среди нее — оранжерею в форме большого колеса. Пилонада напоминает вход в ЦПКиО, только все пошло вразнос от распирающего чувства современности, а оранжерея — чертово колесо, только лежа. Это Путин как Сталин-light, и такое если принять, то и критиковать было бы легче. Все понятно: у того стояло и крутилось, у этого лежит и отдыхает — и страна в таком же положении. И вот на тебе: последнее место получил проект.

Следующими от конца оказались китайцы, бюро Turenscape. Китай, как вы знаете, надежда мировой экономики и двигатель развития, но, между нами говоря, ребята они немного прямолинейные. В смысле, что сейчас правильно и модно — ровно то и делают. В моде сейчас сложные напластования истории и экология. Они, значит, восстановили в парке половину фундаментов строений, которые были в Зарядье, и частично сделали в них сады, а частично — пруды. Пруды не простые, а открытые очистные сооружения: грязная вода попадает в первый пруд, очищается, идет во второй, очищается, и так до самого большого, двенадцатого, а над ним — филармония Валерия Гергиева как чистая струя живительной влаги вторичного использования.

Нет, вообще-то классно, парк как промышленное сооружение по очистке воды — а все гуляют вокруг. Кто видел последствия наводнений — фундаменты, залитые вонючей водой, и вокруг них осока с камышами, — тот поймет, какой тут дух урбанистических приключений. Что вначале амбре, в особенности у первого пруда, ближе к Красной площади, — так это Россия. Владимир Владимирович тут предстает как ассенизатор нашей действительности, что, в общем-то, неплохо, но слишком в лоб. Нет, я хочу сказать, репрезентирую этот парк силовые ведомства (а на этом месте Берия задумывал высотку для ГПУ), или хоть Думу — цены бы ему не было: актуально, модно, современно, здорово! Но приземленно. Дело практической ассенизации прямо сопоставлять с президентом, я считаю, негоже.

Кстати, вторые голландцы, MVRDV, оказались близки китайцам, но такие вещи понимают — все ж таки у них монархия. Они тоже предложили восстановить все фундаменты всех строений, когда либо бывших на месте Зарядья, и в каждом фундаменте развести свой садик. У них получился парк 750 садов — очень по-китайски. И еще контуры бывшей

гостиницы «Россия» водой залили. Но натура их более порывистая, чем китайская, они восстановить-то восстановили, но потом перечеркнули весь участок двумя большими дорогами, как бы буквой Х, одна нога которой ведет от моста к Гостиному двору, а вторая от набережной выводит на Василия Блаженного. Это, конечно, соответствует исторической диалектике момента, когда мы учитываем наш исторический опыт на всю его глубину, но одновременно посылаем его на, то есть ставим жирный крест на поверхности. Однако же это историософское наблюдение больше годится для плаката, чем для садово-паркового искусства. Вы представляете себе, что такое 750 садов? Это же надо 750 таджиков выписывать, чтобы их охорашивать! Навальный такого не потерпит.

Два проекта — Gustafson Porter и Владимира Плоткина — оказались вообще-то очень похожи между собой. Оба они считают, что единственное, что осталось подлинного в Зарядье, — это рельеф, и его-то и нужно сохранять в первую очередь. А там сильное падение к Москве-реке, и изолинии стали в обоих проектах трассами аллея, спускающихся по кругу вниз, к большому озеру. У обоих получилась изысканная композиция в стиле ранних абстракций Кандинского, оба парка как бы постепенно затягивают вас внутрь, уводя от города к воде и деревьям, и оттуда город вдруг виден по-иному, как мираж вдалеке. Я бы сказал, что у обоих Владимир Владимирович предстает элегантным современным человеком с большой внутренней культурой (Кандинский!), но есть разница. Gustafson Porter как-то стесняются филармонии, ставят ее на задах парка и отгораживают от основной композиции большой детской горкой. Владимир Плоткин, наоборот, приводит ее прямо в центр, к озеру, и там же у него и дети. Как бы в одном случае человек носит портреты детей и Валерия Гергиева как образ музыки в правом кармане пиджака, а во втором — ближе к сердцу. Мне лично кажется, что у Плоткина получилось как-то цельнее. Если уж у человека любовь к музыке, чего ж ее прятать? Ставь это в центр, чай не универмаг! Вообще, шутки в сторону, это был прекрасный проект, и самый реализуемый, и мы еще пожалеем, что он занял второе место.

Но у него есть недочет. Этот парк, продолжение Красной площади, это 30-50 тысяч человек в день. Или иначе, если ты стоишь на полянке, то в 20 метрах от тебя обязательно стоит кто-то еще. Там не получается в приятном одиночестве отдохнуть на природе. Это скорее, по потоку людей, парк аттракционов, и природа там должна быть именно аттракционом. Именно это и делают Diller Scofidio + Renfro. Суть их проекта в том, что природа пересоздана, пронизана технологиями и превращена в некий бесконечный набор wow-эффектов.

Там земля — не земля, и здания — не здания, а это что-то среднее, когда крыши павильонов нависают над землей как геологические слои, сквозь которые что-то проросло. Там смысл в том, что, где бы ты ни ока-

зался, тебя изумляют. То, что они делают из филармонии — это небывальщина, это некая технологическая оболочка, кожа, которая следует абрису рельефа и образует в нем какие-то обширные то ли норы, то ли обитаемые капли. Критиков проекта очень раздражили природные зоны, которые они придумали в парке, — лес, болото, степь и тундра, а в том, что территория вокруг православных храмов на бровке парка окружена тундрой, клерикально настроенные граждане увидели неуважение к нашим ценностям. Хотя, в принципе, я бы считал уместным расположить у подведомственной РПЦ РП тундру, это ведь внешне холодная и суровая организация, а тепло там, вероятно, внутри, в душах, но должен разочаровать критиков: эта тундра — вовсе не тундра. Это ботанический сад из северных растений, которые обладают поразительно изысканным пепельно-зеленым колоритом с всполохами очень ярких цветов, и, если удастся это сделать, это будет чудо, которого в тундре не бывает.

Да и березы на входе — это все же не лес, а аттракцион по совмещению березовой рощи с Василием Блаженным, такое наше все и опять оно же, картинка, которую будут печатать в букваре. Там, в этом парке, вообще любой вид превращается в screensaver, и вид Большого Кремлевского дворца из складки гергиевской филармонии обречен, я думаю, стать одним из самых популярных визуальных образов в мире. Если, конечно, мы это построим.

Должен сказать, единственная сравнительно напоминающая естественную природу зона в этом парке — это степь. Это такая вещь, что как ее ни делай, а все равно пахнет ковылем да тоской, а зимой и вовсе «Капитанской дочкой». И как-то над этой степью и расположены складки филармонии. Как бы сидишь на холме, и кругом степь да степь, вдали вроде Кремль, а коли метель случится, так и нет его. Помните, у Георгия Свиридова — музыка к «Метели»? И все высокотехнологично, и кучу денег в это чудо вгрохали, а все — Россия. Тоже своего рода портрет Владимира Владимировича.

В общем, кончайте, ребята. Что здесь надо было гостиницу делать, что это противоречит православию, что русских не допустили, что Диллер и Скофидио талантом подувяли — кончайте. Не позорьтесь. Вот когда окажется, что мы это не можем построить, когда начнут укреплять Диллера и Скофидио Андреем Боковым и Михаилом Посохиным, когда пойдут православные с требованием вместо тундры насадить шиповнику с крыжовником, а в степи — памятник Владимиру Святому, он же Красно Солнышко, — тогда давайте. А пока — совершенно фантастический проект.

На «Титанике» проектируют айсберги

Kommersant.ru, 08.11.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2335225>

Архитектурный совет Москвы провел конкурс на проект торгового центра на Хорошевском шоссе. Победила концепция бюро IQ-studio, здание которого, по мнению авторов, «напоминает глыбу льда, что-то вроде полурастаявшего айсберга, в котором вода промыла два обтекаемых туннеля-входа». Площадь будущего торгового центра — 115 тысяч квадратных метров

При публикации речей генеральных секретарей ЦК КПСС было принято делать ремарки — «бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию». Ближе к концу советской власти, при Горбачеве, это тоже писали, но на самом деле там были «бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию с чувством паники». Тут как раз тот самый случай.

Предельно замечательная история. Новый торговый комплекс строится не в центре и даже не в самом богатом районе, а около метро «Полежаевская» — налицо развитие спальных районов Москвы. Проект не протолкнули тихой сапой, как это было при Юрии Михайловиче, когда про появление «Атриума» или «Европейского» люди узнавали в момент начала строительства, а вынесли на заседание Архитектурного совета. Мало того, владелец комплекса, ОАО «ТПС Недвижимость» (главный акционер — Аркадий Ротенберг), согласилось на проведение архитектурного конкурса. Мало того, в конкурсе выиграло не ABD Бориса Левянта («Европарк» на Рублевке, «Метрополис» на Ленинградке), одного из самых известных московских архитекторов, и даже не UNK-project Юлия Борисова (вторая очередь «Метрополиса»), в последнее время уверенно превращающееся в нового гранда московской архитектуры, а вовсе даже IQ-studio Эрика Валеева — бюро образовалось пять лет назад, и в активе одни конкурсы, визуализации и интерьеры. То есть явно не «заряженный» конкурс, все честно, налицо обновление московской архитектурной элиты, внедрение цивилизованных практик и работа социальных лифтов. Да и результат, вот этот подтаявший айсберг, — это вам не танцующие медведи Церетели на Манежной площади, а настоящая современная заграница. Там, кстати, еще на входе фонари в виде замерзших елочек, обобщенных до несколько кактусных форм, так что скорее Азия, чем Европа: в Дубаях принято строить торговые комплексы в психологически прохладных формах. Но у нас это тоже подходит — как гармонирующее с нашим национальным достоянием, долгой холодной зимой.

Налицо эффективность и градостроительной политики Сергея Собянина, прекратившего губительное застраивание центра, и нового глав-

ного архитектора Москвы Сергея Кузнецова, обещавшего — и вот ведь внедлившего — распределение заказов по конкурсу и продвижение молодежи. Ура, товарищи, и бурные, продолжительные аплодисменты.

Однако же — 115 тысяч квадратных метров торговли на Хорошевском шоссе. Это прямо напротив метро «Полежаевская», владение 31-27. Там постсоветская Москва — шоссе бескрайней ширины, по бокам 22-этажные панельные дома, промзонки, «Ваби Саби», «Санрайз тур», «Результат плюс», массажный салон, ремонт и наращивание ногтей. У стоянки троллейбусов стоят два тайских слона как символ перемен. Соседний дом, 25, — место, хорошо известное в новейшей московской истории, ресторан «Тайский слон», на выходе из которого расстреляли в 2009 году Япончика (Вячеслава Иванькова).

Если кто помнит, Сергей Собянин начал в Москве с того, что запрещал лужковские стройки, поскольку город уж не мог их вынести. Там как-то соединились жители, обиженные точечной застройкой, транспортный коллапс, изношенные сети — удачное сочетание. Еще Сергей Семенович сносил торговые киоски как мешающие проезду транспорта. Киоски, конечно, создают ужасные пробки — там, бывает, приедет старая четверка с Ахметкой за рулем и начинает разгружаться. Пива три ящика, сигареты, чупа-чупс — ни проехать ни пройти. Чтобы оценить величие замысла, напомним, что ГУМ на Красной площади в Москве — это без малого 75 тысяч квадратных метров площади. Мы собираемся всадить сюда полтора ГУМа в форме айсберга. Это вам не четверку разгрузить, это сотни фур в день на месте пересечения Хорошевки с 4-й Магистральной. Где в обычное время пробки — 5-6 баллов, а в пиковые часы — 8-9. Нормально?

А это еще не все. Киоск, конечно, великое зло как вещь маловысокохудожественная, а торговый центр в форме айсберга, наоборот, отмечен, так сказать, мировым художественным гением. Внутри этих центров приятная атмосфера, красота, свет, радующие глаз фактуры и материалы, а теперь еще принято рассеивать хорошие запахи для увеличения покупательской активности (исследования показывают, что качественный дизайн запахов увеличивает покупательскую активность на 16%). Молодежь там тусуется целыми днями, а могла бы нюхать клей. Торговля вообще генератор хорошего настроения и позитивного состояния — можно не сомневаться, Аркадий Ротенберг думает, что создает все это на радость людям.

Проблема в том, что торговый центр вокруг себя создает выжженную землю. Ни одна торговая точка или косметический салон или аптека или что еще в радиусе пешеходной доступности от торгового центра не выживает, потому что конкуренцию выдержать невозможно. Так что если у вас случайно за 30 лет существования спального района наросла какая-то инфраструктура, появилось что-то свое — магазинчик,

кафе, парикмахерская или вот ремонт ногтей — не волнуйтесь, оно умрет. Будет обратно как когда въехали — подъезды, парковки и больше ничего. В любом учебнике написано, что нельзя располагать торговые центры в жилых районах, потому что это убивает район. Среди жилья можно ставить универмаги, но они по-другому делаются и площадь у них в десять раз меньше.

А и это еще не все. Вы думаете, это один такой торговый комплекс на Хорошевке строится? Да ладно вам! Аркадий Ротенберг поставил «ТПС Недвижимость» задачу к 2016 году выйти на 2 миллиона метров торговых площадей — и они решат, он умеет. Сейчас у него в Москве строится еще один такой же монстр — на пересечении Кутузовского с Рублевкой, у метро «Славянский бульвар», прямо против Поклонной горы. Только там 200 тысяч метров. Но вообще-то это не монстры, а монстренки. На Ходынском поле Сергей Собянин разрешил строить «Авиа Парк» — 400 тысяч квадратных метров торговли. Шесть ГУМов сразу в одном месте. Ура, товарищи! Вообще-то, если честно, для нормального функционирования этой штуки надо тянуть туда железную дорогу. Или аэродром обратно запустить? Помнится, Лужков как-то от растерянности рассматривал возможность запустить в Сити дирижабельное сообщение, надо же как-то выбираться... Шалва Чигиринский собирался с Норманом Фостером построить что-то такое же в Нагатинской пойме, но все считали это коммерческой утопией и всерьез не принимали. А в Нагатинской пойме жилья нет, там одни промзоны. А мы чего ж — взяли и всадили 400 тысяч метров торговли в жилой район. С точки зрения урбанистики это так же грамотно, как размещать ядерный реактор в детском саду.

Вообще-то с кем ни поговоришь из московских чиновников, оказывается, что вроде как московское правительство против всего этого. И еще как! С жаром против! Со времен Лужкова московская транспортная ситуация, сети, да и жители тоже не переизбирались, какими были, такими и остались, а за что критиковали прошлую администрацию, все помнят назубок. Но, надо сказать, и при Лужкове так было: все понимают, как надо, но время от времени приходит Елена Николаевна Батурина — и оказывается, что здесь и сейчас надо по-другому, тем более что, в сущности, у нее добрые намерения.

У нас теперь два отличия от проклятого лужковского прошлого. Одно заключается в том, что вместо Елены Николаевны приходит человек уровня Аркадия Ротенберга, а это принципиально иной масштаб, хотя тоже, в сущности, добрые намерения. Второе заключается в том, что мы гораздо лучше знаем, как надо. У нас прогрессивный молодой главный архитектор, у нас не медведи на Манежной, а современный айсберг, нарисованный креативным молодым бюро. Ребята, а вы правда думаете, что не рванет?

Ведь это же чудовищно вас компрометирует. Ну кто поверит, что Со-

бянин останавливал стройки, чтобы сделать Москве что-то хорошее, а не чтобы переделить рынок недвижимости и расчистить Ротенбергу место от Батуриной? Ну кто поверит, что ориентация на мировую практику, современная архитектура, конкурсы — это принципиальное изменение архитектурной политики в городе, а не попытка отстранить от проектирования старых лужковских генералов и поставить своих, если в итоге получается все то же самое, только еще больше? Понятно, что не Сергей Кузнецов определяет, сколько торговли можно расположить на Хорошевке, и не Марат Хуснуллин, и не Сергей Собянин, если на то пошло, — но ведь кому-то придется отвечать? Вот у нас была такая история, что и конкурс был, и даже международный, и звезды участвовали, и в жюри звезды сидели, и создалось диво дивное, современное и высокотехнологичное, на самом мировом уровне, не хуже, чем в Арабских Эмиратах. А закончилось массовыми демонстрациями протеста. «Охта-центр» называлось, или иначе «Газпромскреб», пол-Питера поднялось против проекта. И человек там за всем этим стоял вполне себе уровня Аркадия Ротенберга — Алексей Миллер. А не помогло. Недавно вроде было, а никто не помнит.

Но ведь, согласитесь, это интересно. Это так редко бывает, что люди плывут на «Титанике» и проектируют айсберги.

Судный день

Kommersant.ru, 25.10.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2330428>

26 октября в Петербурге подведены итоги конкурса на «судебный квартал» — комплекс зданий для переезда Верховного и Высшего арбитражного судов РФ в Петербург. Победил проект архитектора Максима Атаянца. Результат неожиданный

Максим Атаянц — архитектор, не входящий, вернее не входивший до 26 числа в высший архитектурный истеблишмент России. Он построил за последние пять лет целые города — город Набережных и Ивакино-Покровское в Химках, «Горки-город» в Красной Поляне в Сочи, — но построил их как-то тихо, без больших показов и больших скандалов, и потому не успел стать объектом большой архитектурной зависти. Он не директор, не председатель и не член — ничего такого, что бросало бы административную тень на его репутацию. Он не входит в число модных российских мастеров, гордо перепирующих мотивы западных архитектурных журналов на язык родных осин. Он вообще классицист. Свой судебный квартал он нарисовал так, будто его построили в пушкинскую эпоху, при Александре I, а это в сообществе модных российских архитекторов считается недопустимым. Иначе говоря, такой архи-

тектор никак не мог выиграть конкурс на высшее судебное здание российской власти. Но выиграл.

Судебный квартал расположен между набережной Малой Невы и проспектом Добролюбова. Там была промзона, потом участок выкупил ВТБ и Сергей Чобан вместе с Сергеем Герасимовым спроектировали там «Набережную Европы» — многофункциональное пространство из жилья, офисов и торговли, обремененное театром балета Бориса Эйфмана. Это был интересный проект, Сергей Чобан привлек для проектирования каждого из составляющих квартал зданий разнообразных зарубежных звезд, но президент Владимир Путин решил перенести в Петербург судебную власть, и ВТБ пришлось расстаться с участком. Счастью российских зодчих вообще и петербургских в частности не было предела — Сергей Чобан выигрывал у них все конкурсы, получал самые престижные заказы (одна петербургская ратуша чего стоит!), они давно уж решили, что пора его съесть, а тут как раз случай! Его даже не пригласили к участию в конкурсе на судебный квартал, что с точки зрения профессиональной этики является сомнительным (речь шла о проектировании квартала, на который он уже выиграл конкурс), но тут уж было не до профессиональной этики. Тут было ясно, что сейчас маститые петербургские мастера покажут ее величеству администрации, какие они молодцы и герои. И вот ведь какая вышла монументальная задача — Атаянц победил.

На конкурс сначала было отобрано восемь команд, а во втором туре соревновалось четыре. Это, помимо Максима Атаянца, Юрий Земцов и Михаил Кондяйн («Земцов, Кондяйн и партнеры»), Никита Явейн («Студия 44») и Евгений Герасимов. Вообще говоря, революция была прежде всего в этом. Рисунок архитектурного рынка крупных государственных проектов полностью изменился.

Конкурс организовывало Управление делами президента РФ, а эта организация достаточно долго придерживалась той не лишеной оснований позиции, что качественное здание правительственного уровня должны проектировать иностранные звезды. Однако Владимир Кожин то ли устал от работы с Рикардо Бофилем, который построил президенту Стрельну, то ли извлек уроки из работы над Пушкинским музеем (тупик Нормана Фостера), стадионом имени Кирова (тупик Кисё Курокавы), «Охта-центром» (RMJM, тупик с массовыми демонстрациями протеста). Так или иначе решил к иностранцам не обращаться, а пригласить наших, которые пусть не звезды, но хоть построят.

Это привело к интересным результатам. Наши архитекторы пять лет были отлучены от крупных знаковых проектов, от Сколково до Сочи все заполонили иностранцы, и было страшно интересно узнать, что у нас накопилось в закромах. Четыре поданных проекта четко выстроились по хронологии, так, будто это четыре версии территории, нарисованные

в разные периоды XX века. Максим Атаянц в пояснительной записке к своей работе прямо указывает на проект «Тучкова Буяна» Ивана Фомина 1914 года как на источник вдохновения. Фомин тогда был едва ли не лучшим российским интерпретатором александровского классицизма, и его проект для этого же участка, хотя и не был реализован, стал значимым эпизодом в истории русской архитектуры. Никита Явейн, архитектор, на мой взгляд, замечательный, в этой своей работе увлекся архитектурой 20-х — в его исполнении судебный квартал напоминает архитектуру Все-союзной сельскохозяйственной выставки 1923 года, нечто промежуточное между конструктивизмом и классикой. Это интересная архитектура, но здесь на практике дело свелось к одинаковым ангарного типа объемам, стоящим вдоль вновь прорытых каналов и окруженным подобием свободностоящих пилонад из палочек спичечного абриса. На мой взгляд, для суда эти образы не слишком удачны. Часто посаженные спички, хотя и производят впечатление решеток, но каких-то хливых, не вселяющих уверенности в авторитете судебной власти. Сергей Герасимов, напротив, сделал проект суровый, отсылающий к сталинскому образу Петербурга, Московскому проспекту с его подавляющей эстетикой многоэтажной многокилометровой колоннады. Я считаю, это смелый ход — предложить Петербургу образ Верховного суда в стиле 1947–1949 годов, эпохи «ленинградского дела», когда была арестована и расстреляна вся ленинградская элита — вот что значит по-настоящему напомнить гражданам, что такое судебная власть. Наконец, Юрий Земцов представил образцовый проект времен своей творческой юности, брежневского мраморного соцмодернизма. Это такой как бы величественный сундук, развивающийся вдоль проспекта Добролюбова и достигающий сам из себя все новые и новые части. К чести Юрия Земцова, следует сказать, что он, во-первых, не изменяет себе — ровно такой же сундук он предлагал на конкурсе на Мариинский театр (и тоже проиграл), так что это творческое кредо, и тут ничего не поделаешь. А во-вторых, густо засадил набережную Малой Невы деревьями, чтобы сундука не было видно — это, я считаю, грамотное сочетание интересов города и желания архитектора реализовать заветное.

Проект Максима Атаянца, на мой взгляд, очень хорош, но это мое субъективное мнение. Тут главный вопрос — в соблюдении меры и уместности квартала. Квартал находится прямо напротив здания биржи Тома де Томона, и это вызывает у каждого архитектора естественное желание сказать несколько слов о себе. Атаянц — единственный из участников конкурса, кто резко понизил высотность зданий, открыв вид с Дворцового моста на Владимирский собор. Его судебный квартал выглядит явно подчиненным в отношении великого исторического центра Санкт-Петербурга. С другой стороны, когда вы входите внутрь этого квартала, вы оказываетесь в пространстве очень величественном — тут и широкие перспективы, и площади, сочетание спокойного

достоинства и некоторой целомудренной сдержанности объемов. Мне лично кажется очень важным, что перед нами продолжение петербургской классической традиции, Адмиралтейства Адриана Захарова, площади Александринского театра Карла Росси. Такие узнаваемые петербургские вещи радуют глаз. Мне кажется, что центр Петербурга — такое место, что любая модернистская архитектура смотрится тут как огородное чучело среди мраморных скульптур. Однако это мое оценочное суждение, и меня тут не поддержал бы ни один современный петербургский архитектор. У них другое на уме.

«Проект Атаянца — позор, от которого Петербург долго не оправится. Это хуже „Охта-центра”, потому-то кошмар не так очевиден простым людям. Это консервы, а Петербургу нужны свежие идеи. Это не соответствует духу Петербурга, дух Петербурга — это новация и поиск, а не повторение пройденного. Крупномасштабная творческая импотенция, основанная на рабском копировании образцов прошлого. Мерзость стилизаторства». Все эти вдумчивые определения, так отличающиеся от хамского зубоскальства газетных критиков, наполняли архитектурные и околоархитектурные блоги в течение месяца. Против Атаянца выступали все архитекторы, старались, как могли. Конкурсные проекты были выставлены в петербургском доме архитекторов, там голосовали горожане, проект набирал все больше и больше голосов, надо было что-то делать. Старались, и ничего не вышло.

Итоговое заседание жюри длилось четыре часа, хотя обсуждать четыре часа четыре проекта довольно трудно. Архитекторы в жюри — президент Академии архитектуры Александр Кудрявцев, президент Союза архитектор РФ Андрей Боков, президент Союза архитекторов Петербурга Олег Романов и бывший президент Союза архитекторов Петербурга Владимир Попов — агитировали коллег по жюри за проект своего друга, ровесника, одноклассника и сослуживца Юрия Земцова, но не убедили. В жюри, кроме архитекторов, входили Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили и Даниил Гранин от интеллигенции, Владимир Гусев и Михаил Пиотровский от художественной общественности, председатели ВАС и ВС Антон Иванов и Вячеслав Лебедев от судов и Борис Эйфман от театра и министр Владимир Мединский и губернатор Георгий Полтавченко от власти. И вот неархитектурное большинство проголосовало за Атаянца.

Жуткая история, между нами говоря. Ведь это значит, что архитектурное начальство, если говорить объективно, сообщество, как они сами о себе говорят, или мафия, как про них говорят другие, совершенно потеряло авторитет. Крайне прискорбная ситуация, потому что как же так жить? Если три президента союза говорят, что с колоннами нельзя строить, и президент академии тоже, а их не слушают, то как же тогда? Это полное наплевательство на мнение профессионалов.

Конечно, тут могло сказаться и то, что поиски нового и современного со стороны московских и петербургских архитекторов (в том числе и членов жюри) оказались не вполне однозначными по результатам. То есть скорее даже однозначными. Вообще агитировать в Петербурге за дух современности, инноваций и стремление к будущему после истории с «Охта-центром» — это надо быть прямо-таки дубиноголовым в хорошем смысле слова. Гвозди бы делать из этих людей — крепче бы не было в мире гвоздей.

Надо сказать, наше архитектурное сообщество чудовищно архаично. Вряд ли какому-нибудь человеку в здравом рассудке придет в голову упрекать Dolce & Gabbana или Dior за использование классических реминисценций в дизайне. В литературе доказывать, скажем, Сорокину, что стилизовать русскую классическую прозу — это преступление против духа инноваций и так нельзя, — это какая-то провинциальная комедия. Вообразить себе, чтобы в искусстве кто-нибудь спорил, можно ли рисовать, как Пластов, или только как Малевич, — крайне затруднительно, эти споры ушли в историю полвека назад. Господи, да рисуйте как хотите! Но архитекторы все так же истово борются с колоннами, как будто на дворе 1954 год.

Вероятно, в этом их прелесть, и даже жалко, что они так безнадежно устарели. По счастью, одну позицию оставшимся в меньшинстве архитекторам в жюри отвоевать удалось. В рекомендации жюри вписано пожелание победителю «отказаться от прямого использования форм архитектуры прошлого». Это все равно как предложить написать «мороз и солнце, день чудесный», отказавшись от употребления избитых выражений «мороз», «солнце» и «чудесный день». Забавно, когда люди в здравом уме пишут такую чушь в официальном документе и под этим подписываются. Но, несомненно, это именно та позиция, отталкиваясь от которой, как от трамплина, наши архитекторы вновь обретут уважение власти, общества, авторитет и культурное значение.

Люди хотят убивать

Kommersant.ru, 25.10.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2322172>

28 октября 1913 года киевским судом присяжных был оправдан Мендель Бейлис. Счастье и ликование думающей и чувствующей России по этому поводу было бесконечным. Удалось победить сразу и чиновников, и народную ксенофобию, и произошло это чудом, чего никто не ожидал

12 марта 1911 года в Киеве странным способом (47 колотых шилом ран) был убит 13-летний мальчик Андрей Ющинский. Одновременно

в киевскую прокуратуру и сыскное отделение начали приходить анонимные письма, указывающие, что убийство было совершено евреями в ритуальных целях получения крови христианских младенцев для изготовления мацы к Пасхе. Две команды следователей рассматривали это дело, обе пришли к выводу, что это бессмысленное обвинение, обе были отстранены. 29 апреля 1911 года черносотенные депутаты Государственной думы подали запрос о ритуальном убийстве в Киеве, в обсуждении были высказаны обвинения в адрес полиции; любой, кто отрицает ритуальное убийство, по мысли депутатов, подкуплен евреями. Ритуальную версию поддерживали крупные государственные чиновники — прокурор Киевской судебной палаты Георгий Чаплинский и министр юстиции Иван Щегловитов, косвенную поддержку своим чиновникам высказал император Николай II, широкое общественное движение русских антисемитов всеми возможными способами агитировало за признание Бейлиса виновным. С другой стороны, демократическая пресса, культурные деятели, русская адвокатура и еврейские организации в России и Европе развернули активнейшую кампанию против дела Бейлиса. В процессе судопроизводства применялись тенденциозные экспертизы, манипулирование составом суда присяжных — и тем не менее Бейлис был оправдан (шесть присяжных высказались за его вину и шесть — против).

Дело Бейлиса русская интеллигенция постоянно сравнивала с делом Дрейфуса — обвинением Альфреда Дрейфуса в выдаче документов французского Генерального штаба немецкой разведке, — и хотя по составу в них было много общего (антисемитский подтекст дела, заинтересованность властей в обвинительном заключении, фальсификация документов, компания защиты Дрейфуса интеллигенцией), по сути это совсем разные дела. Обвинения Дрейфуса лежали в плоскости понятных действий, шпионаж — это вам не ритуальное убийство, в процессе в итоге были найдены истинные преступники, чиновники, творившие беззакония, были сняты с должностей, фальсификатор документов покончил с собой — зло было наказано, а добро восторжествовало. В деле Бейлиса правосудие не состоялось, не было установлено, кто убил ребенка, осталось загадкой, было ли убийство специально организовано и инсценировано под ритуал (ряд ран был нанесен уже мертвому телу) антиеврейскими организациями — и если да, то зачем, или же антисемитские организации воспользовались случаем, — виновных ни в чем не нашли. Обе стороны остались при своем: европейски ориентированные люди просвещенческих взглядов с самого начала считали обвинения евреев в ритуальных убийствах темным средневековьем, националисты, юдофобы и фашисты считали, что евреям опять сошло с рук их пристрастие к крови христианских младенцев. Собственно, продолжают считать и до сих пор — дело Бей-

лиса активно обсуждается на фашистских сайтах и вину его антисемиты считают доказанной.

Притом что дело Бейлиса страшно интересно сегодня с точки зрения позитивных действий общественности против мракобесия, в том числе государственного мракобесия, аргументы защитников Бейлиса выглядят настолько очевидными, что их как-то трудно обсуждать. Евреям категорически запрещено употреблять в пищу любую кровь, говорили специалисты по иудаизму. Кровь невозможно собрать из 47 ран, нужно сделать одну, говорили медики. Это ни на кого, кроме, как выяснилось, присяжных, не действовало. Откуда вы знаете, что им запрещено, вы что, еврей? А если еврей, вы разве в этом признаетесь? Откуда вы знаете, как устроен ритуал? Может, им нужно нанести 47 ран?

Куда интереснее — этнографически интереснее — погромщики. Дело Бейлиса было нужно для нравственного обоснования погромов, прямое участие в нем ранних русских фашистских организаций многократно описано. В сущности, дело Бейлиса — это единственный в истории случай, когда сознание погромщиков было подвергнуто прямому исследованию в открытом судебном процессе. Здесь нужно было произнести словами то, что обычно не надо произносить, выстроить какую-то логику, которую обычно никто не выстраивает. Произнести и выстроить из сильной позиции — на стороне погромщиков были и прокурор, и следствие, и судья, против — только адвокаты, убедить надо было присяжных, из которых половина — неграмотные крестьяне с довольно темными взглядами и большим уважением к начальству.

Три вещи выяснилось в результате такой процедуры.

Во-первых, убежденность в том, что евреи совершают человеческие жертвоприношения, не удается доказать, ненависть к ним логически не обосновывается. То, что Бейлис убил Ющинского, доказывается потому, что евреи всегда убивали христианских младенцев, а то, что они всегда это делали, доказывается делом Бейлиса, который вот как раз и убил. «Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий. При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов человеческих умов, русская юстиция должна была быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказать на высоте своего положения. Киевская прокуратура, взявшая на себя задачу, которая не удавалась судам всего мира в течение веков, должна была понимать, что ей необходимо создать обвинение настолько совершенное, настолько крепко-кованое, чтобы об него разбилась колоссальная сила той огромной волны, что поднималась ему навстречу. Не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который любой

защитник разобьет шутя. И невольно становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом», — написал Василий Шульгин, сам, надо заметить, в этот момент националист довольно крайних позиций. Эта ненависть не нуждается в словах и аргументах, она существует на доречевом уровне и непереводаима в логический или юридический дискурс. Но она от этого никуда не исчезает.

Во-вторых, неспособность вывести свой страх и ненависть по отношению к чужим, в тот момент — к евреям, в поле логики, разумных аргументов и требований права, вовсе не мешает людям понимать друг друга, объединяться, слаженно действовать, добиваться целей. По сознанию все те «звериные юдофобы», которые сотрясались от возмущения даже при одной мысли, что кто-то может думать не так, как они, были существами первобытными. Но это совершенно не мешало им быть студентами, профессорами, священниками, врачами, писателями и журналистами. Дело Бейлиса — фантастический водораздел между представлениями XIX века о том, что человек разумен, мир рационален и распространение просвещения способствует смягчению нравов, и реальностью XX века, когда выяснилось, что это совсем не так. Что человек может успешно действовать в современных условиях — носить костюм, произносить речи, писать статьи, передвигаться на поезде и автомобиле — и при этом обладать сознанием троглодита, который не нуждается в логике, не поддается убеждению, не может обосновать, почему он чего-то хочет. Просто хочет убивать — и все.

В-третьих, оказалось, что государственное действие как раз страшно эффективно именно на этой, дологической, доречевой, звериной основе. Это было еще одним колоссальным потрясением. В XIX веке вообще и в России в особенности государство мыслилось как инструмент прогресса. Нравственного, морального, общественного, правового — всякого. Оно и теперь так мыслится. «Правительство у нас единственный европеец», — говорил Александр Пушкин, «После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем», — говорил Владимир Путин. Государство стоит над темным, непросвещенным мной и, как раб на галерах, все гребет и гребет к европеизму. И тут вдруг оказалось, что это совсем не так. Оно, может, и гребет, но не из соображений европеизма, а как раз наоборот — чиновники разных уровней и ведомств мгновенно объединяются, согласно фальсифицируют улики и доказательства, лишь бы одно, лишь бы доказать, что евреи пьют кровь христианских младенцев, — и тогда уж начать погромы с полным основанием.

И наконец, последнее. Единственное, что спасло несчастного Менделя Бейлиса, — чисто формальная процедура разделения властей и суда присяжных. И присяжные, и эксперты, и прокурор, и следствие, и сам Бейлис — все они удивительно неуклюже чувствовали себя в этой

структуре, она подвергалась нападкам со всех сторон — и от партии прогресса, которым присяжные казались нарочито темными, забитыми, неграмотными, и от партии юдофобов, возмущенных адвокатами, которые вот так открыто могут говорить черт знает что, — но процедурная логика сделала свое дело. «Нас может спасти только чудо», — восклицал за день до окончания процесса Максим Горький, и это чудо произошло — и состояло оно в унылой формальной процедуре. На этом процессе стало само собой понятно, какая сила таится в этом троглодитском единении граждан с государством, что эта сила вполне жизнеспособна и даже успешна в современном мире, и единственное, что ей мешает, — это формальные правила демократического судопроизводства.

«Среди величайшего напряжения заканчивается дело Бейлиса. Мимо суда прекращено всякое движение. Не пропускаются даже вагоны трамвая. На улицах — наряды конной и пешей полиции. На четыре часа в Софийском соборе назначена с участием архиерея панихида по убиенном младенце Андриюше Ющинском. В перспективе улицы, на которой находится суд, густо чернеет пятно народа у стен Софийского собора. Кое-где над толпой вспыхивают факелы. Сумерки спускаются среди тягостного волнения. Становится известно, что председательское резюме резко и определенно обвинительное. Присяжные ушли под впечатлением односторонней речи. Настроение в суде еще более напрягается, передаваясь и городу. Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют».

Это последняя статья о процессе Владимира Короленко, вышла она 29 октября 1913-го. Он имел в виду кошмары предшествующих еврейских погромов. Но, читая сегодня про дело Бейлиса, невольно думаешь, что оно не было тенью кошмаров революции 1905 года, но знамением других кошмаров, будущих. И российское, и другие государства сделали из этого дела надлежащие выводы. Они освободились от ненужных формальностей и направили высвободившуюся энергию на бессмысленное смертоубийство. Почему? Нипочему. Потому что люди этого хотят.

Монетизация людоедства

Kommersant.ru, 12.08.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2239578>

Надо помнить, что у нас коррупция — это не только что-то плохое, но и что-то хоршее. Взамен чего-то совсем ужасного

В действиях Иосифа Виссарионовича Сталина относительно своих соратников принято видеть проявления патологии. Анастас Иванович Микоян считал, что это у него было психическое расстройство, паранойя — брал и уничтожал любого, про кого мог подумать, что тот в силу реальных или самых фантастических причин может оказаться ему опасен. Других тоже уничтожал, но этих особенно. Я, правда, не вижу в этом ничего параноидального — человек, умучивший такое количество народу, резонно может опасаться, что с ним произойдет какая-нибудь неприятность. Но я бы хотел обратить внимание на один аспект этого смертоубийства, который, как мне кажется, как-то потерялся в тени предполагаемого психического заболевания.

Возьмем 1949 год, арест и затем убийство Николая Алексеевича Вознесенского. Глава Госплана, он был уничтожен по «ленинградскому делу», к которому не имел прямого отношения. Закопали его Георгий Максимилианович Маленков и Лаврентий Павлович Берия. Опуская известные людоедские подробности дела, замечу, что Лаврентий Павлович в этот момент занимался ядерным проектом, а Георгий Максимилианович — ракетной техникой и бомбардировщиками дальнего радиуса действия. Там была проблема плана развития на 1948 год. Политбюро настаивало на ускоренной индустриализации, что в переводе на нормальный язык означало форсированное развитие ВПК, а Госплан считал это нереалистичным. Там есть другие аспекты, но мне сейчас важно это экономическое расхождение.

Как-то само собой считается, что главная задача государственного деятеля — это борьба за власть со своими коллегами, и в этом есть свой резон. Но вообще-то есть и другие управленческие задачи, и в решении этих задач может быть свой смысл, не связанный с тем, чтобы подсидеть соседа. Ну действительно, могут же возникать такие вопросы, типа того, что развивать — ракетную технику или сельское хозяйство? Это же как-то надо решать.

Паранойя паранойей, но у многих обострений сталинского каннибализма бывали вполне конкретные политико-экономические резоны. Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Рыков, Радек, Пятаков и т.д. — это все не просто горячие блюда в его ресторанном меню, а еще и альтернативные программы развития экономики. Нет, конечно, он боролся за свою власть. Но довольно часто посредством смертоубийства решались дискуссионные вопросы развития хозяйства. И это только на высшем уров-

не руководства, а представьте себе, сколько конфликтов возникает уровнем ниже! Между разными министерствами и ведомствами, различными родами войск, отделами внутри одного министерства — масса же трений. Тепловые станции строить или гидро? Нефть или уголь? «Правда» или «Известия»? Опера или балет? Да мало ли что!

И вот, скажем, у Уинстона Черчилля с Невиллом Чемберленом были существенные разногласия по вопросам развития Великобритании. В период между 1937 и 1939 годом. Напомню, Чемберлен считал, что главным для страны является мирное экономическое развитие, что в итоге привело его к так называемому Мюнхенскому сговору — мирному договору с Гитлером. Черчилль, напротив, полагал, что Гитлер — обманщик, договоры исполнять не будет и поэтому необходимо направить все, что можно, на строительство военно-воздушного и морского флота. Так вот как разрешался этот спор, я имею в виду процедурно? Они ходили в парламент, оба, и произносили речи, один другого красноречивее.

А у нас с этим было некуда ходить.

А я вот думаю, если бы у них все было устроено как у нас, то не вышло бы так, что Черчилль и Чемберлен собирали друг на друга компромат и как подорванные писали бы друг на друга доносы его величеству? Нет, конечно, личные качества и того, и другого позволяют усомниться в такой перспективе, но все же как вообще решать эти противоречия в условиях всякого отсутствия парламента и, вообще-то говоря, тирании? Ведь они же все время возникают!

После того как товарищ Сталин умер, его соратники сначала решали проблему традиционным образом — путем поедания Лаврентия Павловича Берии как английского шпиона. Если по правде, каждый из них был достоин расстрела за то, что натворил в предшествующий период, если формально, Берия был таким же английским шпионом, как Булганин американским. А дальше... Хотя ни Никита Сергеевич Хрущев, ни Анастас Иванович Микоян, ни Георгий Константинович Жуков — никто из непосредственных участников этого интересного мероприятия, оставивших нам воспоминания, — не упоминают об этом, но мне кажется более или менее очевидным, что в период между 26 июня, когда Берия арестовали, и 23 декабря, когда его кончили, достойнейшие мужи нашего отечества договорились, что больше они друг друга физически уничтожать не будут и в тюрьму тоже нет. Вот все остальное можно, а это — ни-ни.

Довольно быстро выяснилось, что это не очень хорошо работает, потому что как разрешать возникающие в государстве конфликты и противоречия, оказалось совершенно непонятно. Сначала Георгий Максимилианович, а потом Никита Сергеевич оказались смещены со своих постов, хотя, к удивлению многих, и не уничтожены. Это, однако же,

какая-то чехарда, отсутствие преемственности и стабильности. Так жить нельзя.

Тут надо напомнить, что большевики, в силу горения своих революционных душ, отменили не только демократию, а еще и деньги. Сначала, в период военного коммунизма, вообще отменили, потом ввели, но в ограниченных пределах. То есть там нельзя было так решить проблему между естественным стремлением Лаврентия Павловича Берии и Георгия Максимилиановича Маленкова развивать вверенные им ядерную и ракетную отрасли и стремлением Николая Алексеевича Вознесенского к сбалансированному бюджету путем заноса ими друг другу сообразных сумм, позволяющих сгладить противоречия. Это у них было совершенно не принято. И что в результате? Пришлось кушать друг друга насмерть.

Мне кажется, мы недооцениваем некоторые аспекты общества дефицитного потребления, которое выстроил Леонид Ильич Брежнев. Вот, к примеру, есть государство, и у него есть разные части. И считается, что они должны делать что-то хорошее — для граждан и друг другу. Но, извините, с какой, собственно, стати? Нет, мы вот тут сидим, у нас есть какая-то часть государства, таможня там или, скажем, ЖКХ, мы с нее кормимся, а с чего это мы вам должны чего-то делать? Нет, план, конечно, понятно, постановления партии и правительства разумеется, но нас, знаете, и самих смежники подводят... Давайте вы нам чего-нибудь сделаете, тогда и мы вам.

Понятно, когда демократия, там выборы, не сделаешь хорошего — не изберут. Но у нас же этого не было, государство, по счастью, совершенно не зависело от граждан. Конечно, оно внутри себя практиковало разные выговоры, снятия с должности, но это не очень работало, потому что договорились — не убивать и в тюрьму не сажать. А тогда как?

В свое время Виталий Найшуль выдвинул теорию административного рынка, как мне кажется, великая идея. Суть заключается в том, что под видом плановой экономики и административно-командной системы в реальности действовали специфические отношения обмена одних благ на другие. Это сложная экономическая теория, но помимо собственно экономики тут есть такой аспект, что эти обмены, мне кажется, снижают градус людоедства. Например, мы в общем тут прикинули и решили — реки поворачивать не будем. Не выходит, извините. Но вашему ведомству дополнительный жилищный кооператив, санаторий в Крыму, зарубежные командировки, шефская помощь волжского автозавода «жигулями», пайки по обкомовскому разряду руководящим работникам и райкомовскому для среднего звена, там сами решите, а лично вы у нас будете академиком. И это, конечно, очень обидно, что такое большое дело не пошло, но все же не так, что программу закрываем, а вас лично расстреливаем. Как-то это человечнее.

Я к чему это все говорю. Революции у нас после советской власти не случилось, так что мы живем в эволюционном продукте развития советского государства. Тут есть преемственность.

Сейчас такое дело, что все против коррупции. Самый главный общественный тренд. И Навальный против коррупции, и Путин против, и Собянин автоматически тоже против — все борются с ней. Я тоже понимаю, что вообще коррупция — это плохо. Когда демократия там, честные выборы, еще и свободная пресса, парламент, куда можно прийти, как Черчилль с Чемберленом, и выяснить, кто все ж таки прав, а не то, что уже это решили заранее в администрации президента, — коррупция не нужна. Есть способы достичь согласия и без нее.

На старте 2000-х, когда чего-то из перечисленного работало, был даже такой премьер-министр, которого звали «Миша два процента». Но потом у нас государство начало освобождаться от прискорбной зависимости от граждан, и по нынешним временам «два процента» — это такого просто не бывает. Лучшие умы государства бились над тем, чтобы отменить глупое ограничение, что процентов не бывает больше ста — почему не двести, триста, пятьсот процентов? И победили.

А вот вы коррупцию отмените и тогда что же? Скажем, министр Сердюков проводил военную реформу, и это больно било по важным группам интересов. Теперь этой реформы больше нет, а бывший министр того и гляди сядет. Договор не кушать друг друга висит на волоске, граждане прямо ждут не дождутся, когда же его, наконец, возьмут. С большим гражданским чувством возмущаются, редкостное единство мнений у людей с полярными взглядами — левые в смысле, что где же социальная справедливость, а правые в смысле, что вот к чему приводит усиление позиций государства в экономике. Так бывает, что люди склонны, скажем, к людоедству, и у них разные взгляды, но схожие инстинкты.

Я не совсем понимаю, как работает наше государство, да и многие говорят, что это дело уму непостижное. Но я вам прямо хочу сказать, вы подумайте насчет коррупции-то. В нашем государстве коррупция — это способ монетизации людоедства. Отмените — опять начнете друг друга отстреливать. Черт с ними, с деньгами. Жизнь дороже.

Может, черт с ними, с 300 миллионами?

Kommersant.ru, 19.07.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2235287>

Павел Третьяков так и говорил: «Нехорошая вещь — деньги, вызывающие ненормальные отношения». Состоялся конкурс на фасады нового здания Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке. Это было очень странно

Жюри как такового не было — место жюри занимал Градостроительный совет города Москвы. Конкурс проходил скоропалительно — 31 мая объявлен, 6 июля подведены итоги. Конкурс был закрытый, к нему были допущены шесть компаний, хотя обычное объяснение закрытого конкурса — требуется деловая квалификация участников — в данном случае не действует, поскольку требовалось только нарисовать фасад. Это вопрос только таланта, а не степени включенности в архитектурный бизнес. Победивший проект не окончательный, гендиректор Третьяковки Ирина Лебедева ставила перед собой цель «понять, в каком направлении должен развиваться проект — либо это четкое следование традициям и истории, либо совершенно новая архитектура XXI века, либо некая современная стилизация». И тем не менее есть конкурс и есть победитель — Сергей Чобан, бюро Speech.

Проект расширения Третьяковской галереи был сделан Моспроект-4 под руководством Андрея Бокова. Он делался 15 лет, в 2007 году был полностью готов, и, откровенно сказать, он был неудачен. По требованиям законодательства я подчеркиваю, что неудачность этого проекта — это мое личное оценочное суждение, сам автор ощущает в отношении этого детища свои важные авторские права, то есть, вероятно, им гордится. Тем не менее я все же считаю, что это был ужасный проект. В нем было сочетание какой-то родом из начала 90-х лихо распадающейся композиции, когда по участку разлетаются абстрактные геометрические фигуры, с разнообразными фасадами, где в древнерусском стиле, наподобие ГУМа, где в стиле московских купеческих особнячков XIX века, и во всех случаях — на удивление бездарно нарисованных. В «Мэри Поппинс» была, помнится, одна собачка, наполовину эрдель, наполовину легавая, причем обе половины были худшие. Это был результат бесконечных компромиссов то с охранниками памятников, то с предшествующим директором галереи господином Родионовым, то с Юрием Лужковым, то с самим собой — Андрей Боков в архитектуре может практически все, за исключением школьного умения нарисовать мало-мальски пристойный исторический фасад, здание театра Et Cetera Александра Калягина — живой тому пример.

Вообще, следует заметить, что последние пять лет — это неудачное время для Андрея Бокова. Потеряно три знаковых проекта, которыми занимался его институт, — Пушкинский музей (проект был сдан в утиль и отдан Фостеру), Политехнический музей (его в итоге строит Исигами) и вот — Третьяковская галерея. Каждый из этих проектов мог бы его сделать героем, он очень сильный архитектор, он сделал когда-то изумительный музей Маяковского — но не сложилось. Бывает, что у режиссеров не снимается кино. Бывает, что у архитекторов не строится проект.

Дальше случилась история с законом о госзакупках (94 ФЗ). По этому закону тендер на рабочее проектирование — это отдельный предмет торгов, то есть тот архитектор, который нарисовал проект, вовсе не должен доводить его до конца — доводить должен тот, кто дешевле стоит. Это все равно как если бы фильм снимал один человек, а монтировал другой. Ирина Лебедева провела тендер по разработке проектной документации, и в соответствии с этим законом 7 декабря 2012 года выиграла компания «Зарубежпроект», предложившая цену в 300 млн рублей вместо 400 млн, за которые работа выставлялась на торги. У проекта Андрея Бокова появился законный соавтор. Эта компания входит в холдинг «Зарубежстрой», организации, которая строила разные наши посольства, по мере угасания величия СССР все менее и менее заметные. Кроме цены, других достоинств у компании сейчас не просматривается, никаких известных архитекторов в ее штате нет, ничем заметным она себя не проявила (высшее достижение — восстановление собора в Новочеркаске). Как-то раз в конце 2000-х она подрядилась строить на Бородинском поле, попала в сферу внимания господина Тиграна Нерсеяна, владельца ГК «Бородино», и в результате стала частью этой структуры. С 2010 года разные компании, входящие в ГК «Бородино», то оказываются банкротами, то попадают под судебные преследования, там то открывают, то закрывают уголовные дела — сейчас сложное время для бизнеса.

Третьяковская галерея — федеральный объект, но Сергея Кузнецова, главного архитектора Москвы, попросили провести конкурс на фасады. Он согласился, что, на мой взгляд, было ошибкой. Это привело к немедленному скандалу. 8 июля Андрей Боков распространил заявление, в котором говорилось: «Конкурсы подобного рода, в нарушение профессиональной этики и авторских прав, становятся формой недобросовестной конкуренции, формой архитектурной цензуры, поводом для разделения на своих и чужих». Поводом для этого высказывания стало несогласованное с Андреем Владимировичем участие в конкурсе «господина Чобана, от приглашения которого в моем присутствии главный архитектор города поначалу решительно отказался». Это не помешало Андрею Бокову по результатам конкурса заявить, что пред-

ложенное Сергеем Чобаном решение «сходно с его собственным вариантом, что должно способствовать облегчению дальнейшей работы над проектом, а кроме того, такое совпадение свидетельствует о правильности найденного решения». Принципиальность позиций — одна из самых сильных черт, которая характеризует наших зодчих, что и обеспечивает им глубокое уважение со стороны заказчиков, властей и населения.

Тут есть дополнительное обстоятельство, заключающееся в том, что Сергей Чобан — бывший партнер нынешнего главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова. Поскольку Чобан довольно часто выигрывает разные конкурсы (он вместе с Массимилиано Фуксасом только что победил в конкурсе на новый корпус Политехнического музея) и получает выгодные заказы, с момента назначения Кузнецова главным архитектором Москвы наши архитекторы постоянно тешат себя разговорами о чудовищной коррупции в Москомархитектуры (что интересно, в лужковские времена они ее не замечали). Это сравнительно понятно — для архитектурной общественности признать, что кто-то может быть просто талантливей других, невозможно, гораздо правильнее объяснять чужие успехи административным ресурсом. Профессиональная солидарность и уважение друг к другу — вторая черта, которая обеспечивает нашим зодчим глубокое восхищение тем, как они прекрасны. У меня, однако, другой вопрос. Я не очень понимаю, зачем это все нужно.

Сергей Чобан — прекрасный архитектор, который только что открыл собственный музей архитектурной графики в Берлине. Сам построил и в качестве фонда музея пожертвовал собственную коллекцию архитектурной графики, которую мы видели сначала в ГМИИ, а потом в Эрмитаже (сейчас она в музее Джона Соана в Лондоне). Это чудный музей, изысканная супрематическая шкатулка, и там прелесть в том, что продумана каждая мелочь, от случайного взгляда из лифта на город до дверной ручки. Вероятно, Чобан мог бы построить прекрасную Третьяковскую галерею. Но я не могу сказать, что победивший проект мне очень нравится.

Он так устроен — это кирпичная стена, на которой висят огромные картинные рамы, внутри которых располагаются стекла окон. Но это не вполне окна, на стеклах — силуэты картин. Есть известная фотография экспозиции в старой галерее Павла Третьякова, где именно так, в несколько рядов, повешены на стене картины. Этот образ приведен к упорядоченности строительной индустрии — имеются два явных этажа, окна поставлены в читаемые ряды, в длинных горизонталях читается отсылка к любимым авангардом ленточным окнам.

Отдавая должное изощренности формальной игры, скажу, что это производит странное впечатление. Есть модернистская архитектура, ее принципы предполагают, что фасад здания вырастает из его внут-

ренной структуры. Есть эклектическая архитектура — ее принципы предполагают, что фасад здания — это картина, на которой может быть нарисовано что угодно. Здесь помесь — это фасадная плоскость, декорированная модернистскими аппликациями. Не то чтобы так нельзя делать — теперь можно делать как угодно, — но, по-моему, проблема в том, что это выглядит как совершенно отдельно стоящая стена, за которой нет никакой галереи. Ну как советская доска почета 70-х годов — монументальная стена с портретами, за которой — пустое место.

Это не свидетельство того, что архитектор не справился — он, напротив, превосходно справился с поставленной задачей, и проект, собственно, победил постольку, поскольку, по мнению жюри (я член градостроительного совета, но не участвовал в его работе), точно соответствовал техническому заданию. Задание, однако же, идиотское. Требовалось подрисовать фасады к уже полностью спроектированному зданию, и он очень корректно их и подрисовал.

Не то чтобы нельзя было к зданию пристроить новый фасад — это бывает, но зависит от здания. Традиционные здания, строящиеся по кварталам, легко допускают такую операцию. Но если перед нами авангардная диагональная композиция со сложной пластикой разлетающихся объемов, то новый фасад идет ей как корове седло. Единственное, что можно сделать, — это отгородить ее от улицы фальш-стеной, спрятать, чтобы уже никто не видел — это, собственно, и сделано. Ну хорошо, по каким-то причинам Андрей Владимирович Боков сделал неубедительный проект — и у гениев бывают ошибки, не говоря уже о гениях, совмещающих свое творчество с работой президентом Союза архитекторов РФ. Я не понимаю, зачем Сергею Чобану прикрывать это недоразумение сомнительной ширмой и при этом получать обвинения в коррупции.

Причина всего этого абсурда в том, что на проект уже истрачено 300 млн рублей. Это точное повторение истории с Мариинским театром, когда из-за того, что Доминику Перро уже были выплачены деньги за рабочее проектирование интерьера, был проведен конкурс на фасад к уже сделанной рабочке. Некоторые считают, что изнутри здание получилось ничего, но снаружи его как-то мало хвалят. Возможно, это важное обстоятельство для господина Нерсеяна, хотя на фоне общей суммы его долгов 300 млн рублей выглядят малозаметно. Вероятно, 300 млн рублей — это очень важное обстоятельство для тех министерских чиновников, которые выделяли деньги. Там отчеты, объяснительные, Счетная палата. Но мало ли что бывает — вон и «Протоны» падают. Нельзя ли взглянуть на дело как-то шире? Как-то не так по-идиотски?

Ну почему конкурс на главный музей российского искусства должен проходить за месяц, если во всем мире это делают по полгода? Ну куда вы летите, если до этого проект лежал 15 лет? Качество музея, качество коллекции, определяется в том числе качеством архитектуры музея —

именно поэтому их долго строят, много их обсуждают, много о них думают. Ну зачем надо портить репутацию всего русского искусства продуктом творческого кризиса Андрея Бокова, прикрытым корректной ширмой Сергея Чобана?

Слушайте, в этом здании по проекту 40 тыс. квадратных метров, и даже при нормальном коммерческом строительстве это обошлось бы в сумму около \$300-400 млн, а зная наши государственные стройки, можно уверенно прогнозировать, что это будет 800 млн. Вы потратили 8 млн, 1%. Это очень обидно, но теперь, чтобы этой ошибки не было видно, вы собираетесь потратить в сто раз больше и увековечить этот абсурд. Прекратите! Прекратите немедленно!

Нам нужен новый конкурс на Третьяковскую галерею — целиком, а не на фасады. Это должен быть нормальный открытый конкурс. В нем должен иметь право принять участие любой архитектор российского происхождения (Павел Третьяков именно такими рамками ограничил состав своей коллекции). Это же не театр Калягина, это слишком значимый объект, чтобы вот так бессмысленно позориться.

Работать по мере символов

Kommersant.ru, 15.07.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2219500>

Культура и наука оказались местом, где правительство может показать себя эффективным кризисным менеджером

Предлагаю улучшение структуры правительства. Мне кажется, ему необходимо министерство по делам морали и нравственности. Нам не очень, но ему нужно.

Я почему так думаю?

Год в том смысле, что она очень нужна, работала Дума. Когда ее выбрали, возникла напряженность, что выборы нечестные. Настоящего революционного порыва не произошло, потому что возмущение подрывалось знанием: она никому не нужна и ничего не решает, штампует то, что прислали сверху. Трудно вскипать всерьез против никому не нужного нечестно выбранного. Депутатам, однако, это было обидно вдвойне: я и незаконный, и не нужный разом. И они развернули бешеную деятельность и массу всего нарушали.

Они нашли область, какую-то межеумочную, которая попала в пространство между ведомственными интересами и потому мало управлялась, — мораль и нравственность. Дети, курение, нецензурная лексика, распитие напитков, секс с кем не надо — это оказался прямо-таки клондайк потенциальных инициатив. Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, депутаты постепенно превратились в решающих

что-то свое людей. У них восстановилась связь с массами, благонравные, но и умеренно слабые духом представители электората, зная за собой несовершенство в смысле нецензурной лексики, курения и распития спиртного, поняли, что дело это правильное, надо бы подтянуться. Тем более они не могли не почувствовать удовлетворения, что менее благонравные граждане, в особенности связанные с границей, еще куда хуже — там и пропаганда содомии, и педофилия, и страшный, хотя и не вполне точно определяемый, грех участия в деятельности НКО.

И на этом фоне просело правительство. Про него тоже возникло ощущение, что оно никому не нужно. У премьера вдобавок возникли и дополнительные сложности, потому что от него требовали роста в 6-8 процентов в год. Экономика у нас преимущественно государственная, так что оно и должно было расти. Но рост — это изменение, а поскольку у нас есть группа граждан, которые могут справедливо сказать о себе «государство — это мы» и при этом они решительные противники того, чтобы что-нибудь как-то менялось, то выполнить это было невозможно в принципе. О чем правительство и сообщило: дескать, все как есть, так и будет, 2 процента в год — это наш потолок, поскольку дальше кончается предел статистической погрешности и будет уже заметно. Но из этого возникла еще большая убежденность в никчемности институции, потому что если как есть, так и будет, то вы-то зачем нужны?

Весенний накат на правительство был ужасен, но ничего не произвел, и опять же это оказалось свидетельством того же самого. Самая сильная атака на пустое место ни к чему не приводит, потому что чего на ноль ни умножь, ноль и получится. Казалось, все так и будет, и вдруг ни с того ни с сего произошли решительнейшие действия в области культуры и науки. Галопом были сняты со своих постов Ирина Антонова, Анатолий Иксанов, Борис Салтыков, и этого мало. Еще застыла в позе трагической недоразогнанности Академия наук. Министры Мединский и Ливанов вышли в решительные реформаторы и теперь во многом оспаривают лавры Гайдара и Чубайса в смысле общей неприязненности к ним. Как возможно? Как возможно поднять руку на Ирину Антонову? Да она таких министров, как Мединский, с десяток пересидела. Как можно было поднять руку на Большой? А Академия наук? На святое замахнулись, ей-богу.

Даже идут всюду подозрения, что правительство тут ни при чем и каждая из этих институций (за исключением Политеха) чем-то лично задела едва ли не Кремль. Ирина Антонова на прямой линии с президентом потребовала у Эрмитажа импрессионистов из коллекции Щукина и Морозова, президент запросил музейное сообщество, все сообщество высказалось против, получилось, что она использовала прямую линию с президентом в личных целях. Иксанов воевал с Цискаридзе,

разные группы влияния заходили и продвигали то одного, то другого, в конце концов решили уволить обоих, чтобы этого безобразия вообще больше не было. Академия наук уже давно провинилась и по Березовскому — не исключила, и по Ковальчуку — не приняла в академики, ну и чего вы хотите?

А мне кажется, все эти истории могли, быть может, нейтрализовать первое лицо в том смысле, что он не стал никого защищать. Но в самих новых назначениях как-то не чувствуется жесткого почерка: и Владимир Урин, и Марина Лошак — очень приличные, уважаемые в своих сообществах люди. А если к ним добавить и нового директора Политеха Юлию Шахновскую, и нового директора музеев Москвы Алину Сапрыкину, то вообще получается какой-то благостный консенсус.

Что касается Академии наук, то для стороннего наблюдателя скандал вокруг нее выглядит несколько комично. Академия долго сдерживалась и терпела свинцовые мерзости бытия — и эмиграцию ученых, и преследования ученых, и аресты ученых, — стиснув зубы, надо полагать, но терпела. Нельзя сказать, что ее голос был слышен в формировании общей повестки дня развития нашего государства, живущего как-то в стороне от научных представлений об истине, или хотя бы в конкретных вопросах некоторого увеличения мракобесия, скажем, в сфере образования. Академия восстала, только когда ее лишили имущества, и даже не собственных средств, а права оперативного управления государственными деньгами. Тут как-то оказалось, что мы сейчас, из-за того что бюджет на науку будет распределять среди академических институтов не президиум Академии, а отдельное ведомство, немедленно потеряем всякий научный уровень. Основной аргумент в пользу того, что Академия по-прежнему должна сама получать деньги от государства, сама производить на них работы, сама же их и оценивать, заключается в том, что ученый — это всегда лучше, чем чиновник. Я бы сказал, что тут есть одно исключение. Чиновник лучше ученого, когда не притворяется ученым, а в Академии наук, мне кажется, как раз такой случай.

Тут такое дело, что каждое из мест, к которому обратилось правительство, — это место застарелого скандала. Реформа Академии — история с десятилетним, если не больше, стажем, и министр Ливанов воюет с ней с момента своего назначения. Большой театр — это просто непрекращающийся скандал. Ирину Александровну Антонову начали снимать едва ли не с того момента, как в 2007 году она затеяла строительство «музейного городка» — каждый новый министр культуры и экономического развития приходил в ужас от того, что стройкой одной в миллиард долларов будет руководить пусть и в высшей степени достойная дама, но возрастом под 90, без всякого опыта в таких делах, и с безграничной верой в себя. В этот ряд попадает даже история с По-

литехническим музеем, там произошла не революция, а плановая смена директора, Юлия Шахновская прекрасно руководит реконструкцией этого музея уже три года, но все это время не прекращается противостояние со старым директором, Гургеном Григоряном, который вечно обвиняет Шахновскую в разграблении музея и преступных связях с Чубайсом. Это у них там такой спорт.

Культура и наука, таким образом, оказались эдаким очаровательным местом, где правительство может показать себя эффективным, даже, в сущности, кризисным менеджером, разрывающим застарелые конфликты. Это вообще-то значит, что культура и наука у нас превратились в сферу маргинальных интересов. Наше государство по устройству корпоративное, и оно так устроено, что если задевают интересы какой-то могущественной корпорации, то она умеет дать сдачи, а если не умеет, значит, она не могущественная. Советская Академия наук держалась на двух китах — марксизме-ленинизме для гуманитариев и оружии массового поражения для естественных наук. Марлен умер давно, а то, что Академию наук реформируют сейчас, в момент многократного увеличения средств на оборонный заказ, означает, что традиционный советский альянс между ВПК и Академией как-то распался. Все 2000-е годы реформированные культурные организации постоянно оказывались в перекрестии чьих-то интересов, и попытки снять условную Салтычиху немедленно упирались в кого-то большого и сильного, который приходил к верховному лицу и говорил, что это совершенно недопустимо. А теперь этого не случилось.

Но мне кажется, тут недооценивается другая опасность. Деятели науки и культуры помимо своих прямых, сравнительно небольших, управленческих функций несут еще и важные символические. И здесь что же получается? Если Академию наук вот так реформировали, кто поручится, что завтра не реформируют РЖД? Если можно снять Антонову и Иксанова, тогда что ж, можно кого угодно снять? И кого назначают? Вот говорят, социальные лифты у нас встали, талантливые люди едут вон из страны, потому как ничего не светит, а тут что же получается? Сапрыкина, Шахновская и Лошак — это что же такое? Госкапитализм с человеческим лицом. Почему на место Антоновой не назначили Мизулину?

Я потому и говорю, что пусть лучше было бы министерство морали и нравственности. Тут тоже можно все время оказываться в центре скандала, доказывая свою эффективность, ну, как Дума. Но при этом никакой конкретной неловкости не произойдет, все грешат на своих местах. И тут еще многое осталось, кстати, реформировать, потому что Библия большая и еще неполностью переведена в федеральное законодательство. Не регулируется чревоугодие. Диетологическое законодательство должно быть принято в самое ближайшее время, временные

и непоследовательные запреты то на шпроты, то на зарубежных цыплят, то на белорусскую сметану, то на грузинскую кухню только дезориентируют граждан. Не все еще чтят отца и мать, многие желают и жены ближнего своего, и его имущества, суббота соблюдается не строго и не всеми, граждане божатся и наводят друг на друга напраслину — есть над чем работать, и это только если пройти по 10 заповедям. О том, чтобы законодательно потребовать от гражданина РФ возлюбить других граждан РФ, как самого себя, пока думать не приходится, к этому мы, дай бог, сможем прийти только к 2017 году.

Этический прогресс

Kommersant.ru, 28.06.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2218702>

«Это был период массовой капитуляции. В основе каждой капитуляции лежала предпосылка, что на смену «старому» пришло «новое», а тот, кто держится за «старое», останется на бобах. Капитулянты расшатывали все старые представления хотя бы потому, что они старые и, следовательно, отслужили свой срок. Для неофитов никаких ценностей, истин и законов больше не существовало, кроме тех, которые нужны были. Все казалось фикцией. Свобода? А где вы ее видели?.. Никакой свободы нет и не бывало... Из обихода исчезло множество слов — честь, совесть и тому подобное. Развенчать эти понятия не тук уж трудно, когда открыт рецепт развенчивания. Психологически всех толкал страх остаться в одиночестве и в стороне от общего движения, а также вера в прочность победы и в вечность победителей. Но самое главное это то, что у самих капитулянтов ничего за душой не было. Чувство несовершенности и потребность в опеке ощущались с огромной силой. Только то, кто разделял эти чувства с другими, мог быть признан современным человеком».

Надежда Мандельштам. Воспоминания.

Произошло социальное изменение, которое как-то трудно описать. Оно ухватывается, но на редкость наивными словами.

В школе у нас были приняты политинформации — до уроков, в восемь утра, приходил кто-нибудь и рассказывал про отвратительную сущность Северо-Американских Штатов. У нас была хорошая школа, специальная английская, поэтому приходили какие-то подготовленные ребята. Один, помню, начал так: «Сейчас установлено, что в Конгрессе США среди сегодняшних сенаторов нет ни одного честного человека». Не огульно осудил, а как бы вдумчиво, аналитически. Я помню, меня это позабавило, и, блистая, как мне казалось, остроумием, я пересказал свои впечатления одной прелестной девушке. Она некоторое время пыталась смеяться, а потом все же собралась и решительно сказала: «Так вот ты какой, оказывается! От тебя надо чистить ряды!» Нас не-

задолго до того вместе принимали в комсомол.

Специфика советского существования заключалась в том, что сволочь была видна сразу. Только в ранней юности можно было как-то ошибиться, а чуть позже уже нет, уже было сразу ясно, что вот этот парень или эта девушка — они сволочи. Собственно их поведение, даже скажу, их чувство собственного достоинства было основано на том, что они сволочи. В отличие от стукачей, которые в принципе тоже достаточно легко распознавались, эти ярко шли вперед, как бы видя перед собой широкую и ясную перспективу долгой сволочной жизни.

И вот ее у них не получилось. Начиная с горбачевского времени я перестал их встречать, они как-то растворились в остальных людях, перестали выделяться. Не то что у них не задалась карьера или совсем ничего не получилось — нет, из них никто не сгинул, не пропал — кто-то пошел в чиновники, кто-то в бизнесмены, кто-то уехал как раз в Америку, увеличивая число честных людей в этом неудачно устроенном государстве. Но никто из них не реализовался именно как сволочь. Им было некуда пристроить это свойство, и оно недостаточно развилось.

И вот суть общественного изменения, которое у нас произошло, заключается в том, что они теперь обратно появились. Дело даже не в том, что все больше людей открыто и ярко являют себя сволочами — ну там, выходят и разоблачают современное искусство как гейские любовные игры, сочиняют, как демонстранты с Болотной площади окормляются в иностранных посольствах, когда нечем заняться, оправдывают сталинские репрессии, — хотя и это все яркие приметы времени. Дело в том, что можно было бы назвать институционализацией сволочи — возникают специальные общественные движения, молодежные и для лиц зрелого возраста, поддерживающие сволочь в ее стремлении себя проявить, продвигающие ее вперед, развивающие в ней природные данные. Иначе можно назвать это социальным лифтом сволочи.

Пожалуй, все же стоит сказать о том, кого я именую сволочью, хотя в принципе это интуитивно понятно. Надежда Яковлевна Мандельштам, вспоминая 20-е годы, называла тех же людей капитулянтами, оценивая то, что они предали свои убеждения из страха перед большевистскими палачами. Собственно коммунистический аспект проблемы мне тут не важен, важно другое. Чтобы была сволочь, нужно две системы этики, классическое «двоемыслие». Сволочь — человек, который входит в сообщество, находящееся в ситуации этической раздвоенности: внешние правила этики социума, внутри которого помещается данное сообщество, одни, а внутри сообщества они другие. Человек при этом прекрасно знает правила этики, которые приняты в сообществе, скажем, писателей, художников, журналистов, о которых пишет Надежда Яковлевна, живет в нем, обрывает человеческими связями, дружба, любовью, уважением. Дальше в нужный момент он вскры-

вает противоречие между двумя системами этики и начинает вести себя внутри сообщества в соответствии с внешней системой этики. При этом он встает в позицию морального судьи, трибуна и даже старается собою гордиться. Он говорит — вы тут все делали вид, что вам дорога, скажем, Россия. Но на самом деле вы клеветаете на Россию, вы завышаете число погибших в сталинских лагерях и делаете из национальной трагедии повод для унижения государства, вы требуете свободы художника, но нужна она вам не чтобы явить людям красоту и истину, а для прикрытия содомитов. Вы делали вид, что дружите со мной, что уважаете меня, но на самом деле вы предатели. А если это не так, то немедленно соглашайтесь со мной в моих обличениях и изгоните из наших рядов тех, кто не согласен. Ну то есть чистит ряды. Это поведение эффективно, поскольку, если внешний контекст заинтересован в уничтожении сообщества, то человек, избравший эту линию поведения, одновременно получает власть над своим бывшим сообществом — подчиняйтесь мне, и я поведу вас за собой — и продвигается в иерархии вне этого бывшего сообщества.

И вот тут возникает проблема. Вообще-то это очень важное дело. Тот, кого я именую сволочью, выполняет функции медиатора между ограниченными сообществами и общегосударственной повесткой дня, без этого не может существовать ни одно государство. Стоит взглянуть на процесс с этой точки зрения, и окажется, что вообще непонятно, а что здесь, собственно, сволочного? Наоборот, человек приносит очевидную пользу, делает важное общественное дело — собственно это и позволяет ему ходить с гордо поднятой головой и расправлять плечи.

Люди, которых Надежда Яковлевна Мандельштам называла капитулянтами, — это авангардисты 20-х годов. Это важно понимать: в сволочном поведении иногда довольно остро чувствуется элемент авангардного эпатажа, сознательного противопоставления себя условностям косного общества, героический момент художественного жеста. Это мироощущение, скажем, иногда свойственно Маяковскому 1920-х, не говоря уже о фигурах более мелких. Оно удивительным образом практически полностью воспроизводится сегодня. В недавнем интервью Александру Морозову на Colta.ru Александр Шмелев, бывший главный редактор интернет-газеты «Взгляд», рассказывая о своей работе с Владиславом Сурковым, говорит следующее: «Лично я, пожалуй, ни разу не называл себя «цепным псом режима» или как-нибудь в таком роде — если я не путаю, так о себе писал то ли Максим Кононенко, то ли Олег Кашин, — но в целом понимаю, о чем ты говоришь. Пожалуй, это был некоторый внутренний протест пополам с самоиронией. Примерно из того же разряда, что и распространившееся в те же годы самоопределение «пАдонки» (я несколько лет просидел в системе интернет-форумов, где самые уважаемые пользователи получали звание «дегене-

раты», чуть менее уважаемые — просто «падонки» и т.д.). Дескать, да, мы такие — подонки, дегенераты, пропагандисты, цепные псы, «наркоманы, нацисты, шпана»! Для молодежных субкультур это вообще характерно — слово *runk*, к примеру, тоже ведь изначально значит «дрянной», «отброс». А большинству из нас в то время было существенно меньше 30». В принципе такое признание — за исключением современных реалий контркультуры — вполне могло прозвучать из уст кого-нибудь из рапповцев 20-х, Леопольда Авербаха или Юрия Либединского.

Тут есть одна особенность, на которую нужно обратить внимание. Для того чтобы успешно функционировать, медиатору нужно верить, что избранная им этическая система в некотором смысле действительно существует, то есть разделяется не только им, но и теми, в надежде на приближение к которым он рушит этику своего собственного сообщества. Однако почему-то у нас так никогда не происходит. «Капитулянты», о которых говорит Надежда Яковлевна Мандельштам, были практически поголовно истреблены большевиками, ради которых они старались, никакой этики с другой стороны не существовало вовсе.

Это повторяющаяся ситуация. Сволочь 20-х оказалась сметена сволочью 30-х, и то же отчасти повторяется и у нас. С уходом Суркова предшествующие институты медиации стали разваливаться, люди начали говорить поразительные вещи. Опытнейший Глеб Павловский в интервью *Lenta.ru* произносит следующее: «Моя идея была в том, что эта работа на консолидацию лояльной существующей власти слоя предполагает взаимную лояльность — власть тоже лояльна этому слою. Собственно говоря, президентство Медведева, как казалось многим и в том числе мне, подтверждало готовность власти быть лояльной своему собственному авангарду, своей собственной меритократии. У меня не было раздвоенности в этот момент. Сегодня существует другая ситуация, в которой человек, работающий для власти, должен вырабатывать какую-то превентивную готовность капитулировать по любому вопросу. То есть сегодня тебя уломали на то, чтобы поддержать омерзительный «закон Димы Яковлева», но этого мало. Завтра от тебя потребуют еще и согласиться со столь же омерзительным законом против сексуальных меньшинств, с выборами в Москве, которые вообще уже не выборы, а выборы из одного человека. Внутри этой системы могут работать только специфические люди, которые полностью освободили себя от химеры, именуемой совестью». Бог ты мой, кажется, что это говорит не вчерашний кремлевский политолог, но какой-нибудь Енукидзе, Бухарин или Рыков в 1936 году.

Очевидно, это доказывает, что сволочное поведение — неэффективная стратегия. Мне кажется, это идеальное опровержение того тезиса, что в области этики не существует прогресса. Да нет, смотрите же, ровно наоборот. Они почему сволочь-то? Потому что те внутренние этичес-

кие нормы сообществ, которые они разрушают, попросту выше тех, которым они служат. Эффективный медиатор действует по восходящей, от сравнительно более низкой этической нормы сообществ к величию больших задач, сволочь — по нисходящей, от христианской этики к стае. Собственно исчезновение сволочи на период от Горбачева до середины 2000-х было связано с тем, что этой разницы этических потенциалов не существовало, было не с чем работать. Теперь она возникла. Но, заметьте, в итоге сволочь всегда проигрывает, поскольку выясняется, что не только сообщества, этику которых разрушают эти люди, считают их сволочью, но и государство, ради которого они старались, воспринимает их ровно так же — как людей, с которыми нет смысла вести себя по-человечески. Ну, в исторической перспективе проигрывает, я имею в виду.

Кто не работает, тот не сеть

Kommersant.ru, 17.06.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2209001>

Нет у нас городских сообществ. Или все же есть?

В Америке, говорят, есть такие сайты, городские, и там можно написать, чего бы ты хотел, чтобы в городе было. Ну, например, чтобы на автобусной остановке стоял диван, торшер, фикус. И тебя поддерживают другие горожане, а еще этим начинают интересоваться молодые дизайнеры и архитекторы из желания прославиться. И глядишь, уже нарисовали эту автобусную остановку с диваном и фикусом, много вариантов, получается даже конкурс на то, как бы лучше угодить твоей фантазии. И городские власти, стремясь подольститься к электорату, уже заказывают вандалоустойчивый диван, и у него wi-fi распространяется из подлокотников с доступом по номеру автобусного билета.

В прошлом году в Венеции на биеннале в американском павильоне была выставка, так там показали больше 500 таких проектов со всей их страны, и это они отобрали лучшие. А я тут оказался в мэрии на заседании, и как раз одни креативные ребята предлагали такое благое начинание развести и у нас. И я прямо порадовался: сейчас, думаю, предложу делать железные мосты через железные дороги, как в Париже или Берлине, чтобы, значит, из Чертаново в Бирюлево не надо было через МКАД ездить, и граждане меня поддержат, а молодые дизайнеры нарисуют и построят, и у нас резко повысится связанность улично-дорожной сети. А мэрия и говорит, да уж год как завели, у нас три таких сайта, gorod.mos.ru, dom.mos.ru и dorogi.mos.ru. Граждане очень активно жалуются на разные нестроения, но так, чтобы люди объединились вокруг идеи, скажем, озеленения бензоколонок, а мо-

лодые дизайнеры и архитекторы задаром это нарисовали из желания прославиться, — ни разу не было. И действительно, например, 10 июня Шабуня Е.А. пишет там: «Просьба уточнить дату установки противопарковочных столбиков вдоль дома б2а», а глава управы района «Алтуфьевский» Киржаков С.Л. ей отвечает: «Уважаемая Е.А. Шабуня! Устройство заградительных столбиков на тротуаре по адресу: Алтуфьевское ш., д. б2а, — будут установлены в срок до 03.07.2013 года». Есть зачатки городской активности, но индивидуальные и не производящие впечатления прорыва вперед.

Причина нестроения, как говорят люди либерально-вдумчивые, — в отсутствии сообществ. Нет у нас городских сообществ, которые как-то бы вот стремились. То есть имеется велосипедное сообщество, байкеры, еще есть одно сообщество, которое теперь нельзя называть в прессе, но все это меньше 1 процента населения. Не тех, которых нельзя называть, меньше 1 процента, их только начали изводить и их пока гораздо больше, но и они не все объединены в сообщество, а замкнуто, порознь живут своей нетрадиционной жизнью.

Вообще, в целом, меньше 1 процента москвичей живут в каких ни есть сообществах, а остальные — особо. И из-за этого не только в лифтах, скажем, не повесили барометров и у граждан сложности с предсказанием погоды. Нет, вообще не складывается гражданское общество. Юлия Латынина на этом основании заявила, что в «Москве есть жители, но нет граждан», и Москвы как таковой нет, потому что людей в Алтуфьево не интересует, что происходит на Ленинском проспекте. Нет общей повестки дня, людей ничего не объединяет. Из-за этого и мэра выбирать бессмысленно.

Чудо вообще-то, потому что вот Нью-Йорк — он имеется и мэр там есть. Хотя жителей Бруклина, может, не так уж и интересует происходящее в Бронксе. Но там все проживают в сообществах, а у нас — нет. А было бы у нас, скажем, сообщество граждан Фестивальной улицы, они бы как-то могли осознать свой общий интерес и выступить за Навального. Были бы объединения, была бы и гражданская активность, скажем, «Фестивальная за Навального», «Перово за Милова», «Бирюлево за Лужкова», «Рубцово за Удальцова», «бывшее Алехино за старика Митрохина», а «площадь Хо Ши Мина за Прохорову Ирину». И, глядишь, как-то уже устроилось бы гражданское общество, как вот в Нью-Йорке это получилось. А не устраивается.

С другой стороны, я допускаю, что в ближайшее время могут появиться объединения граждан типа «Фестивальная за Собянина», и «Перово за Собянина», и «Бирюлево за Собянина тоже». Хотя это все не в рифму, но все же каким-то образом люди ориентируются. Но ведь как-то странно, что везде в мире люди живут в сообществах, а у нас сами по себе. Вы точно уверены, что у нас нет никаких сообществ?

Нет, я понимаю, советская власть привела к атомизации общества. Всякие территориальные объединения граждан ей очень не нравились, и она умела с ними справиться, заменяя их месткомками, домкомками и иными образованиями, которые благополучно отмерли вместе с ней. Понятно также, что постсоветская власть местным самоуправлением не увлекалась. Но все же люди в городах не умеют жить одни. Что у нас заменяет объединения граждан?

Вообще-то у советской власти была вполне определенная стратегия — она заменяла территориальные объединения производственными. В каком-то смысле советское общество устраивалось по типу военного: каждый принадлежит тому сообществу, где он служит, а не тому, где он спит. И так происходило долго, в течение 70 лет, и произошло. Потом производственные сообщества пережили не лучшие времена, предприятия массово сбрасывали неэффективную социалку, сообщества лишились своих важнейших поддерживающих институтов — детских садов, поликлиник и школ, продуктовых заказов, дачных кооперативов, льгот для получения автомобилей и т.д. Тем не менее полагаю, что это единственные типы сообществ, которые у нас вообще остались, и ими охвачен уже не 1 процент населения, а 50. Никакого 1991 года, миллионных митингов на Манежной у нас не случилось бы, если бы людей сотнями тысяч не подвозили автобусами с предприятий, и никакой Поклонной в 2012 году у нас бы не случилось, если бы не было тех же самых людей, объединенных по месту службы.

Не знаю, как у кого, а я помню то глубокое разочарование, которое у меня когда-то вызвала концепция власти у Мишеля Фуко, когда его книги начали массово переводить у нас в середине 1990-х. Это была не либеральная концепция. Я думал, что сейчас все узнаю про то, как должна быть устроена власть, в смысле «они» — властные институты. У Фуко власть — это про то, как устроены «мы», власть — это социальная сеть, включающая в себя отношения родители-дети, учителя-ученики, врачи-больные, продавцы-покупатели, работодатели-работающие и так далее, и там все друг за другом надзирают и все друг друга наказывают. Проблема в том, что «они», государственная власть, или органически вырастают из этого «мы», создавая поле легитимного принуждения, или не вырастают, и тогда летят к чертовой матери. Так вот, единственные социальные сообщества, которые у нас сохранились, — это, как мне кажется, именно сообщества производственные. Неважно, работники ЖКХ, учителя, строители, госслужащие, офисный планктон, важно, что именно туда, в конторы, звонят и говорят, что на следующей неделе вы должны обеспечить столько-то человек на встречу президента с «Народным фронтом». «Они»-то как раз вырастают из этого реального устройства общества, а мы только придумываем, как в интернете организовать группу, а там кто-то присоединится, а потом,

глядишь, нас станет много, а еще потом мы придумаем, как выходить из онлайн в офлайн.

Нет, ну правда, у нас, конечно, встречаются свободные граждане, которые сами по себе. Практически все граждане встречаются в этом виде по месту жительства, но не по месту работы. В жизни мы авторизованы, не знаем соседей, и действительно, если ты живешь в Алтуфьево, тебя может не интересовать, что происходит на Ленинском проспекте, если только у тебя нет дачи по Калужскому шоссе. Но Москва — не очень хороший город для жизни, тут плохая экология, транспорт и масса нездоровых продуктов, и, кстати, поэтому попытки провозгласить в этом городе лозунг «Город, комфортный для жизни, для людей» кажутся электорально сомнительными.

Зато это очень хороший город для работы, образования, карьеры. Тут самый разнообразный в России рынок труда и очень высокие зарплаты. Но работа в Москве — это и есть та самая социальная сеть Фуко, система «надзирать и наказывать», где внизу находится классный руководитель твоего ребенка, а наверху президент. 80 процентов работы так или иначе, сложными цепочками, но связаны с властью. Так нельзя ли предположить, что тот, кто вклеен в общество через объединения граждан по производственному признаку, будет побеждать на любых выборах до той поры, пока рынок труда не обрушится?

Вот если бы мы голосовали по месту отдыха, забывая все дневные заботы, лучше бы даже во сне, тогда, конечно, шансы Собянина были бы небольшие, тем более что мешает тополиный пух и комары. А так, днем, наяву, да как может победить кто-то другой?

Собственно, то, что вырастает из такого социального клея, который остался нам в наследство, называется корпоративное государство. Политология отрицательно относится к этому явлению, мало того, что это муссолиниевская модель, еще и либеральная логика основана на том, что государство — это встреча свободных граждан на свободной земле, куда каждый пришел сам по себе, а ушел с общественным договором в кармане. Но я бы сказал, что по нашим реалиям нам нужна либеральная повестка дня корпоративного государства. Или хотя бы теоретический ответ на вопрос, может ли быть корпоративное государство либеральным.

Что бывает от борьбы с курением

Kommersant.ru, 07.06.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2200339>

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу,—*

написал Александр Сергеевич Пушкин про Наполеона. Жестко так написал, все же смерть детей — перебор. Запрет иностранного усыновления был бы гуманнее, я считаю.

«Не понимаю! — написал Томас Манн. — Не понимаю, как это можно! Ты лишаешь себя одного из лучших благ существования и уж во всяком случае огромного удовольствия! Когда я просыпаюсь, то заранее радуюсь, что вот в течение дня буду курить, и когда ем, тоже радуюсь; по правде говоря, я и ем-то лишь ради того, чтобы затем покурить... День без табака мне казался бы невыносимо пустым, это был бы совершенно безрадостный, унылый день; и если бы завтра пришлось сказать себе: сегодня курить будет нечего, — кажется, у меня не хватило бы мужества подняться с постели, уверяю тебя, я бы так и остался лежать. Люди, слава богу, курят на всем земном шаре, и нет, насколько мне известно, ни одного уголка земли, — куда бы тебя ни забросило, — где бы курение было неизвестно. Даже полярные исследователи запасают как можно больше курева, чтобы легче переносить лишения, и когда я читал об этом, они вызывали во мне особую симпатию. Ведь человек всегда может очутиться в тяжелом положении... Ну допустим, пошатнулись бы мои дела... но пока у меня есть сигара — я все выдержу, уверен... она поможет мне справиться».

Не поможет теперь. Теперь ведь как?

Вот бежал Сергей Гуриев. Это как объяснить? Это надо так объяснить, что на него наехал аппарат насилия государства. И тут вопрос только в том, был ли это специальный, так сказать, управляемый наезд на блестящего экономиста и интеллектуала, или он случился в рамках неуправляемой демократии силовых органов типа каждый охотится где и на кого хочет. И в общем-то умные люди склоняются к мысли, что наезд был неуправляемый, потому что Сергей Гуриев — человек в высшей степени аккуратный, выдержанный и осторожный, и публично не позволял себе никакого неуважения к государственной величественности. В душе, может быть, и был у него неворосторженный образ мыслей, это допускают, потому что ведь порядочный человек, как иначе, но это же в душе, а не вслух. Вслух только соображения о погоде, дескать, инвес-

тиционный климат в последнее время проявляет тенденции к заметному похолоданию. И чего, теперь за это тоже берут?

Это что значит? Что аппарат ездит куда попало и давит всех, кто попался под гусеницы. Какой-нибудь, прости господи, майор, в порядке личной инициативности, натолкнулся на выдающуюся фигуру блестящего экономиста, и вот теперь привет эмигрантам шлет свободный Париж.

Между нами, курящими, говоря, и раньше случались такие явления, но только в бизнесе. Раньше считалось, что если какой-нибудь майор наехал на бизнесмена, то это что ж теперь подделаешь, и даже если капитан — на владельца бензоколонки, то опять же какие вопросы. И так уже десять лет было. А насчет интеллектуалов был иной обиход, там были точечные комбинации по подсылке сугубым заблужденцам Му-Му. А чтобы переть гусеницами по либералам с невесторженным образом мыслей — это не практиковалось. Ну а теперь правила изменились. Потому что Шерхана дергали за усы, и вот какой прискорбный результат. Нет, ну потому что если ты Маугли, тогда понятно, а если бан-дерлог, то не фига выеживаться.

Теперь, наконец, мы преодолели цивилизационный спад трансформационного кризиса, как, я полагаю, определил бы это дело Сергей Гурьев, интеллектуальный уровень общества возрос, и государство уравняло в правах свободную мысль со свободным предпринимательством. Ура. То есть и тех и других теперь давят по одним правилам.

А эта штука так устроена, я имею в виду аппарат насилия, что она вообще хочет ездить куда хочет. То есть круги заезда все расширяются. Вот, скажем, ты гей, а? Или работник НКО, или, прости господи, не вернешь в господу по протоколу РПЦ, чем оскорбляешь ее тонкие чувства. Тут тебе обыск, налоговая проверка, КПЗ и пожалуйста бриться.

С курением понятно. С курением еще Андропов боролся. «Долой перекур», — у него называлось. Потому что народишко-то известный, песня такая была с припевом:

*Об тачку — да руки пачкать —
Мы это дело перекурим как-нибудь.*

А нужно, чтобы пачкали, потому что без этого счастья не построишь. И что? Распался СССР, случилась крупнейшая геополитическая катастрофа, рухнула Берлинская стена, кой-кого вытурили из ГДР — докурнулись, блин. Так что эта борьба еще от самого Юрия Владимировича пошла. А теперь мы как захотим, так и сделаем, так что самое время развернуть борьбу с курением на новом уровне.

Теперь все. Закурил — не уважаешь Государственную думу как минимум, а то и вообще... оскорбляешь чувства некурящих. Считай, как с Навальным пил. Ежели ты работодатель и курящих не притесняешь,

то лучше тебе, парень, в Париж. Я тут был в Перми, жесткий город, там у них билборды против курения висели — мужик в кровати спит, а кровать огнем пылает. И подпись: «Закурил — сгорел!» Теперь так и будет. Вызовут куда надо, вскроют нарушения, обыск, нашли дома сигареты — все, сгорел. Нет, ну а как? Без этого здоровья не сохранишь. Они-щенку видели? Вот то-то.

Нет, ну здорово. Наконец у нас будет как в Европе.

Шекспир написал:

*Будь проклят тот, кто сделал это дело,
И дух того, кому хватило духу,
И кровь того, кто пролил кровь твою!
Пусть доля злая поразит мерзавца,
Что гибелью твоей нас обездолил,
Какой я жабам, паукам, ехиднам,
Всем гадам ядовитым не желаю!
А если у него дитя родится,
Пусть будет недоносок и урод*

Нет, ну насчет детей это опять никуда не годится. Вот ругают Маяковского за строчку: «Я люблю смотреть, как умирают дети», а что вы от него хотите, он продолжал традиции Шекспира и Пушкина. А надо было написать: «Я люблю смотреть, как детей лишают прав на иностранное усыновление».

Новый курс Москвы

Kommersant.ru, 03.06.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2187606>

Есть такая архитектурная выставка, «Арх-Москва», ежегодная. И она уже давно не задавалась. Как ушел Юрий Лужков, архитектура в Москве прекратилась, и не получалось, а до того, когда он был, тем более не получалось. Ну, какая архитектура, такая и выставка. А сейчас задалась

Нет, правда, кроме шуток, чудо что за выставка случилась. Люди уже отвыкли, разучились хвалить, и поэтому было мало хвалебных отзывов, а если бы не отвыкли, то был бы и архитектурный бенефис, и муниципальная гордость. Главной экспозицией там была «Новая Москва».

Куратором была Елена Гонсалес, которую надо назвать главным героем и молодцом выставки. Там вроде бы просто было все задумано — собрать лучшие произведения модернистской архитектуры Москвы за последние годы, но тут вопрос: как собрать и что получится вместе.

И архитекторы в Москве известные — Сергей Скуратов, Юрий Григорян, Александр Асадов, Сергей Чобан, Сергей Кузнецов, Владимир Плоткин; и объекты известные — за исключением проекта реконструкции ЗИЛа Юрия Григоряна, все они уже так или иначе показывались и публиковались. Но вместе они произвели несколько сенсационный эффект.

Выяснилось, что:

— во-первых, мы можем строить качественные сложные здания современной архитектуры. После лужковской Москвы, после собянинского моратория на строительство, после Мариинского театра и острова Русский, после изничтожения Сколково в это уж вовсе никто не верил. А зря;

— у нас есть архитекторы, способные работать на мировом уровне. Последние четыре года, когда все сколько-нибудь заметные проекты, от Сочи до Петербурга, отдавали исключительно иностранным звездам, среди заказчиков, прежде всего госчиновников, твердо установилось мнение, что заказать работу русскому архитектору — все равно что на «Ладе-Калине» прокатиться. И поскольку они все провалились (см. пункт первый), то пусть теперь умоются;

— что мы строим общественные здания и дома для среднего класса, и это вполне выходит. После того как в течение 10 лет все, что мы строили качественно, — это дома для олигархов на Рублевке, возникло четкое ощущение, что единственный способ создать на наших просторах достойную жизнь — это обнести часть земли пятиметровым забором, завезти туда из-за границы все, от экскаватора до дверной ручки, и, заплатив в пять раз больше, чем стоят мировые аналоги, чувствовать, что прорвался. Оказывается, нет, теперь можно и по-другому;

— и, наконец, что мы можем гордиться нашей архитектурой. Ура.

Там почудилось, что началось какое-то будущее, а Елена Гонсалес даже процитировала десятилетней давности слоган Ильи Кабакова «в будущее возьмут не всех». Тут надо учитывать, что при всех ее личных талантах опиралась она, готовя выставку, на нового главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова, чьи вместе с Сергеем Чобаном работы вошли в экспозицию «Новой Москвы». Сергей Кузнецов — одна из значимых фигур новой, собянинской команды, успешных менеджеров с человеческим лицом. В принципе, в медийном пространстве получилось, что это человеческое лицо Сергея Капкова, самого публичного политика этой новой московской генерации, но он там не один — там еще Андрей Шаронов и Максим Решетников, которые отвечают за экономическую политику, Леонид Печатников, который отказался отвечать «Комсомольской правде», Максим Ликсутов, который создал «Аэроэкспрессы», — целая команда, и они пока еще не перессорились. Так что выставка как бы демонстрирует новый имидж Москвы — вполне

современной, встроенной в глобальные тренды мировой столицы. В этом «возьмут не всех» прозвучали ноты официального свойства, и многие даже забеспокоились, что как бы это не меня не взяли

В общем, все это глубоко превосходно. Архитектура такая вещь, что это не может быть только официальной показухой — здесь все же надо строить, это большие деньги и большие организационные усилия. Так что это новый курс и всерьез. Это довольно дискомфортно, потому что, сталкиваясь с таким явлением, испытываешь чувство некоторого раздвоения.

В «Арх-Москве» если и было что хорошее за долгие годы ее существования, так это то, что она всегда была выставкой неофициальной, а в лужковское время даже и оппозиционной (ту архитектуру, которую собрала Елена Гонсалес, Юрий Михайлович не жаловал и ругал «плоскомордой»). Трудно как-то признать, что вот сменился мэр, на выставку пришло московское правительство, и она расцвела. Неловко вышло.

Я бы сказал, что выставка как-то неприятно ставит перед тобой вопрос о природе оппозиционности. Типа: ну и что вы теперь скажете? Чего вам еще надо?

Там есть еще один аспект. В прошлом году на той же выставке жюри выбрало бюро Speech, основанное Сергеем Чобаном и Сергеем Кузнецовым, «фирмой года». Тогда назначением Кузнецова на пост главного архитектора еще не пахло, можно даже сказать, что московское правительство как-то учло и вот назначило. Но получение этого звания автоматически означает персональную выставку на следующий год, и теперь на выставке мало того что презентация новой архитектурной политики, а еще и персоналка главного архитектора. Ну то есть совсем официоз.

А это вышла очень специальная персоналка. Дело в том, что бюро Speech, где, справедливости ради, Сергей Чобан играл первую скрипку, а Сергей Кузнецов — вторую, в прошлом году и так прославилось дальше некуда. Они получили призы и венецианской архитектурной биеннале, и миланской недели дизайна, и еще массу всего нашего местного, и их произведения показывали десятки раз. Так что было не совсем понятно, что ж показывать теперь.

А у Сергея Чобана — одна из лучших мировых частных коллекций архитектурного рисунка (там с XVI века, она показывалась в ГМИИ и даже в Эрмитаже), а на днях они открыли в Берлине частный музей архитектурной графики. И вот на «Арх-Москве», вместо того чтобы устроить персональную выставку своего бюро, они показали свои рисунки архитектуры. Они постоянно ездят по миру и рисуют, ну как в XVIII веке.

Сергей Чобан — блестящий рисовальщик, с нервным, раскованным, наступательным штрихом, властной композицией, решительной, иногда даже несколько истерической линией, у него четкий собствен-

ный стиль, подчерк довольно взвинченного рационалиста. Сергей Кузнецов явно начал рисовать под его влиянием, у него графика более компромиссна, иногда даже сентиментальна, он позволяет себе пройти по готовому листу белилами, смягчая образ, тут другой характер, обаяние молодого человека, которому нравится нравиться другим. Для людей, любящих архитектурную графику, их диалог — это страшно увлекательное дело. Но я хотел сказать о другом.

Неожиданно сама структура экспозиции напомнила другие выставки. Давным-давно, когда жива была еще советская власть, было принято так. Там был официальный зал, где выставлялись разные райкомы, кинотеатры, спальные районы и чего они там еще строили, и с другой стороны как бы камерный. Там они выставляли свою живопись. Причем все было очень по ранжиру, архитекторы более или менее рядовые показывали свои рисунки Суздаля или Пскова — Новгорода, более заслуженные, но как бы отчасти фрондирующие — пейзажи вокруг собственных дач с фрагментом веранды, служилые партийцы — виды соцстран, а директора институтов и секретари союза архитекторов — Парфенон и небоскребы Нью-Йорка. О стиле там не было и речи, рисовали они все одинаково. Это была реалистическая живопись маслом с элементом этюдной раскованности, причем по мере продвижения к Нью-Йорку степень раскованности падала. Тем не менее эта живопись была, и была обязательна для всех, как они себя называли, «зодчих», потому что подчеркивала, что экспонент не просто проектирует чего в райкоме скажут, а еще и член творческого союза, тонкая душа, имеющая право на дополнительную жилплощадь.

Нет, они, конечно, ужасно рисовали, это нельзя сравнивать с графикой Чобана. Но они не так уж плохо строили, как теперь выясняется. Там, на «Арх-Москве», параллельно с выставкой были разные круглые столы и семинары, в том числе про наследие 70-х годов. Я не поклонник этой архитектуры, мне соцмодернизм напоминает про психологические травмы пионерского возраста, то двойку поставят, то морду набьют, мраморный райком вызывает в душе у меня чувство политинформации. Но мне вот что пришлось в голову.

Какой-нибудь монреальский павильон Михаила Посохина-старшего, или его же СЭВ на Новом Арбате, или Северное Чертаново, или Министерство дорожного строительства в Тбилиси, спроектированное Георгием Чахавой (знаете, такое в форме наваленных друг на друга пеналов), или Техцентр на Варшавке Леонида Павлова — все это вполне могло бы стоять на выставке «Новая Москва» рядом с работами Кузнецова и Чобана, Плоткина, Скуратова и Григоряна. Те же большие геометрические формы, та же специфическая смелость композиций большого масштаба, та же лаконичность, замкнутость формы... Полет сундука над бескрайним простором. Конечно, другое качество строительства,

но ведь в макетах этого не видно. И потом не совсем понятно, как будет выглядеть то, что сегодня знаменует собой «новый курс» Москвы, через 40 лет — глядишь, и у Плоткина окна запылятся, и рафинированность его пропорций приобретет несколько потрепанный вид.

Сейчас 1970-е годы в моде, во всем мире в моде, и наши архитекторы хотят к ним вернуться и вот даже успешно возвращаются. На новом технологическом уровне, в другой экономике, с европейским качеством, но вернуться. Я опять о том, чего хочется, чем успокоится сердце.

Вот смотрите, это архитекторы, которые были в оппозиции, их представляют кураторы, которые были в оппозиции, на выставке, которая была оппозиционная. И они прекрасны и представляют новый курс Москвы, которая со своим капковским лицом Собянина выглядит явлением не оппозиционным, конечно, но весьма специфическим в сегодняшней России — так сказать, компромиссным между командными высотами, ориентированными на сами знаете что, и московским населением, гуляющим в шубах по бульварам во фрондерском направлении. А чем это так отличается?

Вот нынешняя власть — она с уважением относится к наследию Леонида Ильича Брежнева. Если взять это общество за основу и как-то его подремонтировать... Конечно, на новом технологическом уровне, конечно, в другой экономике, конечно, с соблюдением мировых стандартов качества, но вообще-то неплохо это могло бы так получиться. Было бы чем гордиться, была бы вера в себя, в то, что можем...

Архитектура такая вещь, что она не умеет высказываться только про самые основные, базовые желания общества. А когда все мелочи исчезают, то оказывается, что в основе они вообще хотят одного и того же, у них один позитивный идеал. Ну, есть, конечно, разногласия в том, как к нему идти, в ногу, так сказать, или свободно гуляючи, но это же чепуха, а не разногласия. Не будь у нас тут мелких неловкостей между Москвой и остальными, Владимир Владимирович сам мог бы открывать эту выставку, присовокупив к ней олимпийские стройки, брежневские и свои.

Как-то это тревожно, не находите? Важно вроде не только то, что в будущем возьмут не всех, а еще кто будет брать и куда. С другой стороны, другого будущего у нас для вас нет.

Язык сам себя говорит

Kommersant.ru, 31.05.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2194737>

«Мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. (...) Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша (...) понятийная система носит преимущественно метафорический характер, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой».

Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем

В последние недели в среде людей думающих и чувствующих разгорелись нешуточные споры о том, можно ли называть подонков подонками, не наносит ли это морального ущерба тем, кто использует эти слова, не становятся ли они на одну ногу с подонками, загаживая им личные страницы в социальных сетях, а себе тем самым карму. Усилия Государственной думы по сдвигу повестки дня в область морально-этическую дали свои результаты — этические проблемы захватили общество. Как человек правых взглядов, полагающий, что общественная мораль не является предметом государственной заботы, я бы хотел обратить внимание на другую сторону вопроса. Дело не в том, хорошо или плохо называть гражданку фашисткой, дело в том, что это как-то удивительно скучно, поскольку самоочевидный факт. Конечно, людям свойственно забывать самоочевидные факты, и даже есть особый жанр СМИ — отрывные календари которые из года в год повторяют одно и то же, чтобы оно не забывалось. Можно каждое 13 мая писать в отрывном календаре, что желание делать абажуры из кожи людей — это фашизм, и это будет правильно, но самоочевидно. Вероятно поэтому эти календари — довольно маргинальный жанр.

То же касается и борьбы государства с НКО как с иностранными агентами. Понятно совсем все. Российский закон не то же, что Foreign Agents Registration Act США. Российские прокуроры нарушают даже свой же российский закон, где прямо сказано, что «к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность», и требуют, чтобы общество «Мемориал», общество помощи больным муковисцидозом, общество охраны журавлей объявили себя иностранными агентами. С осуждени-

ем закона уже выступили и посол США в России Майкл Макфол, и генеральный секретарь Совета Европы Турбьорн Ягланд, а с ними, понятное дело, и внесистемная оппозиция, и представители НКО, и либеральные колумнисты, и консервативные колумнисты — ну совсем все, кто вообще выступает. Понятно не только то, что они скажут, но и то, что российской власти глубоко плевать и на посла, и на Совет Европы, и на внесистемную оппозицию, и на представителей НКО, и на либеральных колумнистов, и на остальных тоже. Она уважает только силу — внешнюю угрозу или народный бунт, — ни того, ни другого из-за НКО не случится. Поэтому остается только говорить: «подонки, подонки, подонки», но это удивительно скучно, потому что они и сами знают, что их назовут подонками, и сами считают подонками тех, кто их так назовет, и еще и до того, как назвали (про это и приняли закон). Говорить не о чем.

Пожалуй, тут интересно, как это будет работать. Возьмем для начала НКО. Они категорически отказываются признавать себя иностранными агентами, и, вероятно, некоторые будут отказываться до конца и прекратят свою деятельность. Однако же не все. «Мемориал» может прекратить, поскольку прекращение его деятельности — яркое свидетельство природы наших органов: они не только были людоедами бо лет назад, но остаются детьми людоедов и защищают репутацию отцов. Режим сменится, «Мемориал» восстановится и добавит еще один стенд в раздел «истории ГУЛАГа» — борьба за сокрытие преступлений в соответствующие годы. Но общество помощи больным муковисцидозом свою деятельность остановить не может, потому что конкретные дети перемрут. Выход очевиден. Надо изменить структуру финансирования. Нет никакой проблемы учредить фирму, скажем, в Латвии, на которую будут перечислять средства зарубежные организации, а эта фирма будет заключать прямые договоры не с российскими организациями, а с людьми, которые работают на НКО. Никаких ограничений на договоры по оказанию услуг зарубежным фирмам для граждан России нет, да и быть не может, иначе нам надо устраивать железный занавес в экономике. Я сказал про фирму в Латвии, но таких схем сотни, и все их прекраснейшим образом изучил, внедрил и использует российский бизнес, тут не надо изобретать велосипеда. Они изучены не теоретически, а с точностью до разницы в 1% налогов, которые нужно будет заплатить в том или ином случае. И совершенно очевидно, что сотни НКО именно по этому пути и пойдут — а, думаю, уже вовсю и пошли.

Специфика нынешней ситуации отчасти в том, что политические решения рождаются в голове одного человека, и здесь стоит, пожалуй, подумать о том, что там происходило. Этот человек был уверен, что все недовольство им инспирируется и финансируется из-за рубежа, по-

сколько он так много делает для России, что из нее самой произрасти не может. Он заявил об этом совершенно открыто, но при этом в реальности вышло не совсем так — прямых улик финансирования протеста западными деньгами не нашлось вовсе, пришлось устраивать какие-то дурацкие постановочные съемки на НТВ, и хотя пиаровски это выход, но протест постановками не уничтожишь. А вот по сути, скажем, есть культурный центр, занимающийся обучением французскому языку, и человек там работает. Деньги он получает от Франции. Книжки читает французские, фильмы смотрит французские, песни слушает французские, ездит во Францию и видит, что все у нас не совсем как во Франции. Экономически он от РФ не зависим, а любит он Францию и хочет, чтобы в России было так же, как там. Может такой человек выйти протестовать? А то! Можно считать, что его нелюбовь у Путину выросла на французские деньги? А на чьи?

Опять же с политической деятельностью. Формально политическая деятельность — это такая, которая направлена на захват государственной власти легальным путем, но такую деятельность в РФ уже искоренили. А вот деятельность, которая направлена не за то, чтобы взять власть, но против тех, кому она принадлежит, — она что же, получается, не политическая? Но это же лукавство и крючкотворство. И тогда получается, что все, кто получают финансирование из-за рубежа, не зависят от нынешней российской власти экономически и ей недовольны — это, конечно же, иностранные агенты. Собственно, именно это мироощущение и зафиксировал закон об НКО.

Исторически наше государство миролюбиво в том смысле, что все время опасается, как бы кто не напал, и поэтому интересуется областями знания, пригодными для сдерживания потенциального противника. Ну ядерная физика, бактериология, химия и остальное такое же. Филология как дисциплина мирная в этой связи прозябала в сравнительном спокойствии, и после исторического выступления товарища Сталина по вопросам языкознания из власть предержащих мало кто ей интересовался. Однако ситуация изменилась, что трактуется по-разному. Отчасти, возможно, потому что Игорь Иванович Сечин и Сергей Борисович Иванов по образованию оба филологи, связанные с безопасностью. Так или иначе, филология превратилась в оборонную дисциплину — и теперь мы переживаем филологический кризис.

Утром будят президента — вся страна в чужих агентах. И чего? Проблема в том, что, впустив в повестку дня метафору «иностранный агент», страна начинает жить этой метафорой. Они, конечно, законодательно в американском смысле иностранные агенты, а правоприменительно — в нашем, сталинском. Пока закона не было, было только мироощущение. Слово произнесено, и оно само начнет бороться с тем, что называет.

Любовь к президенту от принятых мер возрастать не будет. Отсюда он сделает вывод, что агенты продолжают действовать, не зарегистрировавшись. Мало того — то, что они не зарегистрировались, будет его наводить на мысль, что они злостные иностранные агенты, как-то особенно зарубежные. Не только любой бизнесмен расскажет вам о том, как открывать подставную фирму на Кипре или в Латвии. Президент в силу своей первоначальной специальности будет подозревать, что часть иностранных агентов перешла на нелегальное положение, а в силу своей работы в мэрии Санкт-Петербурга знает, как организовать эти схемы. И это знают и друзья президента, и старшие слуги его, и все они будут соревноваться друг с другом в выявлении этих схем. В ближайшем будущем нас ждет потрясающий виток шпиономании.

Следуя в русле той же логики, надо будет либо запретить гражданам РФ работать на зарубежного работодателя, либо просто запретить им получать деньги из-за рубежа. Это страшный подкоп под экономическую деятельность в целом. Другой вариант — принять наконец обратно 58-ю статью Уголовного кодекса СССР и начинать сажать. Это страшный подкоп под всю сложившуюся систему государственной власти. Не думаю, что кто-нибудь хочет это делать, и уверен, что есть масса людей, которые этого не хотят. Но логика процесса приведет к этому почти неминуемо. Это как с «жуликами и ворами» Навального. Сначала предвыборный слоган, потом оказывается, что действительно есть и жулики и воры, потом сам президент начинает видеть в этом проблему, потом депутаты собственными руками, рыдая, начинают голосовать за закон, запрещающий им же иметь имущество за рубежом. А чего делать? Ведь очевидно же, что тот, кто получает деньги от зарубежной организации, является контрагентом финансовой транзакции, то есть иностранным агентом. Надо бороться.

В начале 1980-х, когда постмодернизм только начал проникать на территорию русского языка, формулировки типа «язык сам себя говорит», «игра сама себя играет» казались довольно-таки экстравагантной игрой ума. Теперь нам предстоит увидеть, как это происходит на практике в условиях политической повседневности. Вот говорят: они ведут страну в тупик. Нет, тут все тоньше. И их, и нас ведут в тупик слова, которые сначала произносятся едва ли не в шутку, а потом становятся метафорами, которыми мы живем.

Один в поле волен

Kommersant.ru, 06.05.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2171765>

Рекордная, почти пятичасовая «Прямая линия» общения президента с гражданами — это еще и свидетельство поиска нового пиар-имиджа власти

На прямой линии с Владимиром Путиным два человека представились как его «доверенные лица» — полковник в отставке Виктор Баранец и назвавший себя журналистом сотрудник пермской администрации Сергей Маленко. Оба честно и открыто потребовали посадить в тюрьму: господин Баранец — министра Сердюкова и Евгению Васильеву, а господин Маленко — Анатолия Чубайса. Тут был момент некоторой двойственности, потому что оба они как будто бы сами вызывали на бой опасных противников и даже как бы выступали за правое дело, но при этом с сознанием, что бороться придется не им. Оба выступали весело, даже звонко, но чуть бегали глазами, словно понимая, что слова их у людей вызовут реакцию отвращения, показывая, что им на это наплевать, и вместе с тем немного все ж таки опасаясь на рефлекторном уровне. Чудесные персонажи, доставляющие искреннее удовольствие любителям человеческой натуры.

Что интересно, однако, они были как бы немного не в струе. Если считать, что все вопросы на прямой линии, или по крайней мере вот эти два, были как-то заранее обдуманы, то тот, кто обдумывал эти реплики, как бы мастерски оттенял взвешенность президента двумя этими истошными мазками. Предшествующий год Владимир Владимирович таких не умирал в публичном поле, а даже как бы наоборот — разделял неприязнь к протестующим на бульварах в шубах, срамным девицам в храме Христа Спасителя и иностранным агентам. А теперь вот успокаивает. «Ребята, не Москва ль за нами?» — воскликнул он на митинге в Лужниках и год пребывал будто в походе, будто в бою с врагами. А теперь шум боя еще раздается, но уже пришло в душу новое мирное время и спокойствие. Такой, как мне кажется, на дворе пиаровский образ.

Владимир Владимирович в первые свои два срока был президентом всех российских граждан. У нас в государстве было две элиты, одна, так сказать, штатская, вторая — силовая, а он успешно модерировал сложные отношения между ними. Казалось бы, Дмитрий Анатольевич Медведев был только публичным образом, и задумывались, а какое у него собственное человеческое содержание? Но так получилось, что этот публичный образ в виде президента изобразил победу штатской элиты. В реальности ее, конечно, не произошло, но изобразил — «свобода лучше, чем несвобода», модернизация и т.д. Это ни к чему не привело его

не вполне счастливое правление, но на выходе из правления случились последствия. А именно: Владимир Владимирович оказался героем другой, силовой элиты и так вышло, что с его победой как будто бы силовая часть победила штатскую. Все декорация, в реальности он каким был, таким и остался, но ведь это в его реальности, а есть люди, его доверенные лица, сослуживцы, «Уралвагонзавод» против белоленточников — и не Москва ль за нами? Он оказался во главе людей государственно воинственных, крушащих все эти НКО, Сколково, «Оккупай Абаев», левых несогласных, правых несогласных и прочих несогласных тоже.

Но это неудобно, опираться только на одну ногу, оперативно удобнее на две. И теперь образ изменился. Все, спокойствие и справедливость. Причем это совсем не значит, что мир и впрямь настанет. Наоборот, люди, которые, так сказать, уже победили, уже вошли во вкус, уже и законы приняли, и прессу победили, и к собственности вражеской подобрались, они, похоже, не останутся, потому что как же так, за что боролись? И Навального посадят, и за Болотную поквитаются, и НКО позакрывают, и Сколково разгромят — иначе что ж они, не нужны больше? Но он будет как бы в стороне, над схваткой, спокойный и мудрый. Ну то есть новый имидж.

Или все не так?

Есть задача. Ее можно как угодно формулировать: удвоить ВВП, рост 10 процентов в год, уйти от нефтяного проклятия, диверсифицировать экономику — не важно. Важно перескочить с советского индустриального уровня в сегодняшний постиндустриальный. И это нужно сделать в любом случае, кто бы ни был у власти и каким бы ни был экономический строй. Потому что без этого мы уже проиграли холодную войну, потеряли полстраны и больше не хотим.

И не получается. У СССР не получилось, потому что это нельзя сделать без свободного рынка и конкуренции, вводя научно-технический прогресс через райкомы. А экономический рынок и конкуренцию нельзя сделать без формальной демократии, то есть у нас не получилось. Вроде бы получилось в Китае, но мы не понимаем как, а честно сказать — и что.

Ельцин сломал СССР. Не СССР как идею — от нее ничего не осталось уже при Брежневе, а СССР как систему управления и принятия решений через райкомы — обкомы — ЦК и директоров — министерства — ЦК. Он ввел формальную демократию и политическую конкуренцию. И на место коммунистов пришли бандиты. Они иногда были просто бандитами, а иногда талантливыми бизнесменами, но вели себя так, что практически их не всегда было легко отличить друг от друга. Они ввели свободный рынок и конкуренцию, но едва не сломали государство.

У Путина была задача сломать бандитов. Он это сделал силовиками и едросами. Но эти вместе с бандитами уничтожили конкуренцию и свободный рынок, а вместо этого ввели коррупцию и непрозрачные выборы. Государство починили, а развития нет. Страна уперлась в стагнацию.

Исторический вопрос России: кто изменит силовиков? Это рано или поздно произойдет, это все равно, как когда-то необходимо было отменить крепостное право, хотя тем, кто владел крестьянами, совсем не хотелось. С силовиками в их сегодняшнем виде страна развиваться не может. Не вытягивает коррупционной ренты, не способна к конкуренции, не может интегрироваться в мировую экономику, поскольку легитимность силовиков основана на образе врага.

А это очень интересный вопрос, потому что даже представить себе, кто их ломает, невозможно. По смыслу, с точки зрения исторического развития это должны быть образованные современные законопослушные бизнесмены, инноваторы с айпадами, весело и задорно интегрирующиеся в мировую экономику исходя из цивилизованной нормы прибыли в 7-10 процентов годовых. Они экзотично смотрятся напротив героев списка Магницкого. Как-то трудно поверить, что они победят.

Между прочим, стоит вот так откровенно по-глупому сформулировать повестку дня — и смысл медведевского эпизода становится более понятным. Это была попытка дать агентам свободного рынка победить, но так, чтобы это все прошло спокойно, по-умному, под мудрым присмотром Владимира Владимировича. И из этого ничего не вышло, кроме того, что намеченные к поражению очень обиделись и теперь мочат обидчиков в ответ. То ли потому, что эти, с айпадами, вообще не могут победить, кишка у них тонка против полковников, то ли потому, что это нужно делать посредством другой фигуры.

Так или иначе, год Владимир Владимирович разгребал последствия этой комбинации. И теперь оказался в той же точке — с силовиками и едросами, от которых развитие страны никуда не движется. Выходит: избиратели — на Поклонной, а развитие — на Болотной? Супер.

А вот зря люди считают, что у нас ничего не происходит. У нас на самом деле страшно интересно. Ведь как выбраться из этой ситуации, пока не знает никто, но рано или поздно, так или иначе, а это все равно произойдет. Пока остается сидеть над схваткой и модерировать. «Вот всех я по местам расставил, вот этих справа я поставил, вот этих слева я поставил, всех прочих на потом оставил... для битвы поле предоставил... травую мягкой застелил» (Дмитрий Пригов, «Куликово поле»).

Воплощение и обмен

Kommersant.ru, 22.04.2013

<http://www.kommersant.ru/doc/2160790>

Единственное, что останется от нашей сегодняшней ненависти к понаехавшим,— это любовь к их национальной кухне

Фридрих Энгельс сложно относился к ирландцам. Он был женат на двух сестрах-ирландках, сначала на одной, потом на другой или даже на обеих сразу, то есть, в общем-то, любил этот народ. Но с другой стороны, сильно недолюбливал. Он вот что пишет об ирландцах: «Эти ирландские рабочие ютятся где угодно. Худшие кварталы во всех больших городах населены ирландцами; везде, где только какой-нибудь район особенно выделяется своей грязью и разрушением, там можно заранее быть уверенным, что встретишь преимущественно кельтские лица. Грязь и пьянство они привезли с собой. Милезиец выбрасывает всевозможные отбросы и нечистоты у самых своих дверей, как он это делал у себя дома, заводит помойные ямы и мусорные кучи, загрязняя весь квартал и отравляя воздух. Как и в своей деревне, он пристраивает свиной хлев к самому дому, а если это ему не удастся, он просто оставляет поросенка у себя в комнате. Он и ест, и спит с поросенком, дети играют с ним, ездят на нем верхом и валяются с ним в грязи. А какая грязь, какое отсутствие всякого уюта царит в самих лачугах — трудно себе и представить. Спиртные напитки — вот единственное, что скрашивает жизнь ирландца, да еще его беззаботный, веселый характер, и потому он напивается до бесчувствия, и, как только получает какие-нибудь деньги, пропивает их. Да и может ли быть иначе?» («Положение рабочего класса в Англии», 1845 год).

Проблема, которую изучал Энгельс,— начало индустриализации в Англии. Тут надо сказать, что, когда город начинает делать то, чего он раньше не делал, это не проходит безболезненно, потому что те, кто раньше в нем жил, делать нового не умеют и не хотят. Например, если Манчестер был городом ремесленников, то для того чтобы запустить в нем заводы, надо было привезти тех, кто будет на этих заводах работать,— это и были ирландцы.

Так бывает, что слова остаются, и даже как бы цепочками, но отрываются от того, к кому они были обращены. Энгельс по ходу книги упрекает ирландцев в том, что один приедет работать, а за ним вся семья, что они разводят преступность, проституцию, что они отбирают рабочие места у англичан, снижают уровень оплаты труда в целом,— там прямо букет неприятностей. А если убрать ирландцев и вместо них поставить таджиков, то кажется, будто это все написано сегодня в Москве. Правда, в основном то, что касается ужасной бедности, грязи и скученности. Если же брать рассказ об ирландцах как рассадниках преступ-

ности — убийства, грабежи и сексуальные насилия, — то скорее это у нас относится к кавказцам. Только поросенка, которого растят в комнате, надо заменить на барана, которого режут на балконе. Ну и алкоголь — на наркотики. Многие свойства ирландцев москвичи находят у грузин, армян, украинцев, есть у них вечная тема про жидов, имеются отдельные нелюбители китайцев и вьетнамцев — вообще, у нас в блогах расцвет толерантности, степень ненависти так отвратительна, что почти изумительна. «К потокам луж, грязи, мусора, — в соответствии с законом, убираю всю нецензурную лексику, — прибавились азиаты и кавказцы, асфальт армяне кладут, улицы убирают таджики, строят узбеки, рулят процессом жиды и манси, а русь спивается!!!» — патетически обобщает автор ЖЖ под ником moya-moskva. Может, Фридрих?

По забавному стечению обстоятельств мы не очень понимаем, чем, собственно, занимается сегодня город Москва. Как бы индустриальная эпоха у нас закончилась, заводов мало, а труд по управлению, юридическому и финансовому сопровождению, проектированию во всех сферах, предпринимательству мы работой не считаем и, возможно, поэтому выполняем ее не самым лучшим образом. У нас в этом смысле архаическое представление о труде, почти как у Льва Толстого, который искренне доказывал, что крестьянин растит хлеб, а все остальные тунеядцы. У нас в символическом смысле подлинно трудится рабочий Уралвагонзавода, и трудится почти задаром, а человек, придумавший и управляющий бизнесом на несколько тысяч занятых, он же не трудится, он мироед. Но хотя мы и не признаем за этим пользы (за исключением денежной), Москва переводит ресурсы России в мировую экономику и ресурсы мировой экономики в Россию — это функции глобального города, ровно то же делает Лондон, Сингапур или Шанхай. Это новая экономическая модель, в смысле это то, чем город раньше не занимался. Ну и соответственно на десятиллионный город нужны сотни тысяч рабочих, которые строят офисы, инфраструктуру, жилье, склады, которые все это убирают, вывозят мусор, поддерживают все это хозяйство, и нет ни одного глобального города, который решил бы эти проблемы без мигрантов. Просто потому, что раньше население городов этим не занималось, не умеет и не хочет этого делать — ровно так же, как с английскими заводами 150 лет назад.

Но вот об ирландцах — интересно, они куда делись? То есть ирландцев много, но не таких. Там теперь даже ирландских террористов — последний штрих, который роднил ирландцев с кавказцами — и тех нет. Никаких следов этого грязного отвратительного племени, которое так раздражало Энгельса, напротив того, это благопристойный европейский народ. Остались ирландские пабы, которые отличаются от английских. Не то чтобы очень заметно для нас, но, видимо, заметно для англичан, это как бы другая традиция. Там шумно, там поют, там раз-

ные сорта пива, а не один главный, там есть официанты. Ирландцы — они в Англии считаются южанами, и атмосфера у них как бы душевнее и домашнее. Ну как у нас в кавказских ресторанах.

Удивительным образом та искренняя ксенофобия, которая захватывает Москву, успешно сочетается с открытием массы этнических ресторанов, причем и тех народов, которых искренне ненавидят. Грузин, армян и азербайджанцев в Москве начали не любить еще в моем детстве: утверждалось, что от них нет проходу, потому что они захватили все рынки и они сплошь спекулянты, и тогда самыми лучшими ресторанами считались как раз грузинские, армянские и азербайджанские. Последнее время ненависть как-то переадресовалась Средней Азии, а рестораны среднеазиатской кухни переживают настоящий взлет. По воскресеньям в больших торговых комплексах на окраинах, где есть «Чайхона» с огромными залами на 200-300 человек, люди не могут попасть в эти заведения без предварительного заказа.

Впрочем, и кавказские рестораны хуже не стали, и популярность их не упала. Помните попытку развести ненависть к грузинам во время грузинской войны со стороны власти и временное закрытие грузинских ресторанов? Они дня три простояли закрытыми, а потом снова открылись, и никому в голову не пришло устраивать там какие-то беспорядки. Ну потому что это же ценность Москвы, что они у нас есть, кому придет в голову от них отказываться.

Интересно, ходят в эти рестораны те же фашисты, которые выплескивают потом в блоги мерзость своей души или это какие-то другие посетители? Мне кажется, те же самые, и у них просто включаются две разные программы.

Есть культура воплощения и культура обмена. Культура воплощения — это когда мы все вместе воплощаем какой-то идеал. Можно строить лучший город Земли, столицу православия, рай на Земле, но можно и ничего не строить, а просто жить и воплощать собой этот идеал — это особенно актуально, когда жизнь вокруг меняется, а идеал остается неизменным в несколько подвешенном состоянии. Здесь мешают чужие, они не так едят, спят, сидят, одеваются, ходят и т.д., они своим существованием показывают условность идеала, то, что он никому не нужен и никакой истиной не является. Культура обмена прямо противоположного свойства, потому что меняться с другим человеком, если он совершенно такой же, как и ты, тебе нечем. Он, наоборот, интересен тем, насколько он другой, именно это и есть его ценность. Что, спрашивается, продает среднеазиатский ресторан, когда вас сажают на низкий диван, все вокруг в коврах, а вы едите плов и запиваете его чаем из пиал? Ну, собственно говоря, возможность побыть узбеком, таджиком или киргизом. Там требуется такая степень аффектированности национальной инаковости, что возникает концентрированный образ, едва ли встреча-

ющийся в натуре, и, может быть, поэтому представители аффективно-русского национального самосознания — казаки, скажем — выглядят как официанты из недорогого краснодарского заведения.

Если культура воплощения, в принципе, диктует нулевую толерантность, то культура обмена — толерантность стопроцентную. Забавно то, что у нас две эти программы существуют одновременно, как в голове у шизофреника. Тут есть такое обстоятельство, что культура воплощения требует управления, нужен кто-то, кто ведет к идеалу или хотя бы его охраняет. И здесь как нельзя кстати оказывается государство, поэтому оно всячески ее культивирует. А культура обмена, наоборот, требует его невмешательства.

Забавно, что несколько расистские высказывания Энгельса были продиктованы не чем иным, как его гуманизмом, искренней заботой о положении рабочего класса и стремлением переделать государственный механизм таким образом, чтобы он перераспределял блага в пользу тех, кто их производит. Вообще-то если последовательно формулировать идеалы его книги о положении рабочего класса в Англии, то там перемешаются «власть рабочим» и «окончательное решение ирландского вопроса», то есть не только социализм, а еще немного национал-социализм. Традиционно считается, что ксенофобия — свойство большого города, поскольку здесь сталкиваются различные культуры, вызывая взаимную ненависть. Этот тезис входит в прямое противоречие с идеей лос-анджелесской школы урбанистики, полагающей главным достоинством большого города ровно то же самое — наличие разных культур и возможность обмена между ними. Я думаю, может, ксенофобия возникает не из столкновения различных культур, а из стремления государства заменить обмен перераспределением в пользу какого-то общественного идеала. Государство в этой ситуации получает каких-то «своих», которых оно любит и лелеет, а они взамен его поддерживают. Издержками процесса оказывается появление «чужих», которые мешают воплотить идеал. Все провалы политики мультикультурализма в Европе, возможно, прямо спровоцированы тем социалистическим перераспределением, которые практиковали европейские левые — они останавливали обмен и пытались достичь справедливости путем государственного регулирования. Тут неважно, заботишься ли ты о французах, сохраняя за ними их рабочие места, или об алжирцах, распределяя им пособия, ты в любом случае останавливаешь обмен, и в результате восстанут или те, или другие. Вместо того чтобы обмениваться друг с другом, они начинают конкурировать друг с другом за жизненную территорию. И именно поэтому в Америке, где левые идеи обострились только в последнее время, никакой мультикультурализм пока не проваливался, а работал плавильный котел. Скоро, наверное, провалится.

И с этой точки зрения тот накал межнациональной ненависти, который возникает у нас, есть, вероятно, прямая производная от построения вертикали. Так что улучшений в ближайшее время не предвидится, но дальняя перспектива более или менее ясна. Единственное, что останется от нашей сегодняшней ненависти к понаехавшим, — это любовь к их национальной кухне.

Военный космодром

Lenta.ru, 27.02.2014

<http://lenta.ru/articles/2014/02/27/kosmodrom/>

В начале недели Олимпийский парк в Сочи закрылся для подготовки к Паралимпийским играм. Это второе и последнее спортивное событие, которое парк будет принимать в нынешнем виде. Что ждет объекты дальше — по-прежнему неизвестно. По данным Bloomberg, содержание новой сочинской инфраструктуры только в ближайшие три года обойдется в семь миллиардов долларов. Так что планы по использованию Олимпийского парка после Игр-2014 переоценивать не следует

Олимпиада — явление такое величественное, что я не чувствую в себе решимости обозреть ее в целом, даже применительно к узкой теме архитектурных останков. В связи с этим буду обозревать частями.

Начну с Олимпийского парка.

Владимир Владимирович Путин в диалоге с Константином Львовичем Эрнстом в документальном фильме «Между небом и землей» (о том, как готовили церемонию открытия Олимпиады) произносит знаменательную фразу: «Константин Львович, вы в известной степени были архитектором», — на что господин Эрнст кивает, хотя и с долей сомнения. Этот исторический диалог можно поставить эпиграфом к разговору о судьбе архитектора в новой южной столице России.

Год назад я хотел посмотреть олимпийские объекты — звонил архитекторам, просился, чтобы взяли с собой, а они удивленно говорили, что их больше не пускают на объект. Кто-то из них еще мог туда попасть полгода назад, кто-то — даже три месяца назад; но потом доступ закрыли и этим. Вы не знаете имен архитекторов, построивших Олимпийский город, не видели их на открытии и закрытии (и я не видел — их не приглашали), не читали интервью с ними — так, будто их и не было вовсе.

Для оценки архитектуры сочинской Олимпиады это принципиальный факт, потому что в других странах так не делают. Мы знаем архитекторов Олимпиад в Лондоне, Афинах, Пекине — их очень активно пропагандировали, делали выставки, печатали интервью, показывали фильмы. У нас — как будто не было таких людей.

Это то, что резко отличает нашу прекрасную Олимпиаду от не наших. Причем если бы свободные СМИ вследствие какого-то наития хором заговорили о том, что главный архитектор Олимпиады — это Владимир Владимирович Путин, то понятно было бы, что остальных можно не упоминать. Но нет, эту роль Путин отдал Эрнсту. Да и вообще, честно говоря, за все годы своего президентства Путин никогда не выказывал никакого интереса к архитектуре. Такой досадный изъян.

Может даже возникнуть впечатление, что архитекторы как-то провинились, оскандалились. Походя, случайно приняли участие в информационной войне против Олимпиады, о разжигании которой не раз справедливо говорилось. Но это совершенно неверное впечатление, и если оно у кого-то возникло, я прошу его немедленно обратно отправить в область невозникавшего, как это определяют философы. Товарищ правительство, нет в мире бóльших энтузиастов олимпийского строительства, чем архитекторы! Кроме разве что экономистов, подрядчиков, там, или руководителей служб технического заказчика. Они ж этим живут! И кстати, в духовном смысле тоже.

Язык архитектуры вообще позитивен и настроен на созидание. Этим языком в принципе нельзя сказать ничего отрицательного — например, что кругом воруют. Архитектура — она вся про то, как кругом прекрасно и изумительно. Любой вам скажет, да хоть Лужкова спросите. Я его, между прочим, видел на Олимпиаде, он сиял, как одинокий софит. Ну то есть в стороне от других сияющих.

Пояснив это недоразумение, перехожу к архитектуре. Вопреки мнению тех, которых принято называть врагами Олимпиады, я хочу сказать, что, вообще-то, это было сильно придумано. Те, кто говорят, что город Сочи раздавлен Олимпиадой, заблуждаются по географическим причинам. Это только на словах Олимпиада была в Сочи, а на самом деле она происходила совсем в другом месте. От Сочи до Олимпийского парка ехать минут сорок.

Олимпийский парк задумали как отдельное глобальное место в населенной местности. Что-то такое глубоко космическое, про XXI век. И в каком-то смысле это получилось, особенно если глядеть в общем. Пальмы, горы, море и среди них — гигантские летательные аппараты, причалы для них и вообще... Аппаратура. Если смотреть ночью, с подсветкой, с дирижабля, как это показывали по телевизору, то дух захватывает. Нам раньше так не удавалось. Нет, честно, Олимпиаду сравнивают с островом Русский, но это принципиально иной проект. Вот не получалось построить нигде в России XXI век, а тут — вышло. Если смотреть издалека.

И, кстати, сначала тут были все-таки архитекторы. А именно — бюро Populus, которое уже давно обслуживает Олимпиады (например, последнюю лондонскую). Раньше оно называлось НОК Sport, под этим

именем бог знает как давно подружилось с Хуаном Антонио Самаранчем и прилипло к Международному Олимпийскому комитету. Благодаря Rorulus мы выиграли заявку на Олимпиаду, и бюро даже оставалось некоторое время на стадионе «Фишт», хотя его укрепили Моспроектом-4 во главе с Андреем Боковым.

Потом была довольно долгая история борьбы за проекты. И в итоге получилась следующая картина.

Лучший стадион Сочи, на мой взгляд, — Большой ледовый, построенный НПО «Мостовик» (архитекторы Никита Цымбал и Александр Князев). Правда, архитектура тут вторична, стадион повторяет форму пекинской Оперы — это гигантская капля. Но если не искать оригинальности, то это здорово сделано. Прямо на море, ровная замощенная брусчаткой набережная, на ней стеклянная капля, отражающая море и небо — очень просто, но беспроегршно.

На второе место я бы поставил стадион «Айсберг» спроектированный Моспроектом-4 во главе с Андреем Боковым. Фасад «Айсберга», созданный из пикселизованного стекла, точно по цвету повторяет синие горы со снегом на горизонте и как бы растворяется в пейзаже — это качественная картинка.

По форме, пожалуй, более острым является стадион «Адлер-арена» Алексея Гинзбурга, но убогий сайдинг, которым стадион обшит снизу доверху, несколько снижает впечатление от работы. Я, честно сказать, не понимаю, как такое могло произойти — вроде тут не очень сэкономили.

Вообще, есть еще один хороший стадион Моспроекта-4 — «Шайба», но поскольку он практически полностью повторяет проект Ледового дворца на Ходынке в Москве, я не очень понимаю, как к этому относиться: все же странно для такого события использовать откровенный second hand. Что касается арены для керлинга, то это такое безобразие, что говорить о нем странно. Универсам «Копейка» в спальном районе Екатеринбурга постеснялся бы въезжать в настолько непрезентабельное здание.

Ну и, наконец, есть главный стадион Олимпийского парка — «Фишт». К сожалению, о его архитектуре судить невозможно.

Уже на этом уровне несколько удивляет контраст между общим замыслом и его конкретизацией. Для места, которым собираешься гордиться перед всем миром, не принято брать неоригинальные проекты. Это такие правила хорошего тона, которые не очень видны по телевизору, но тем не менее существуют. Лауреаты Нобелевской премии редко берут на церемонию вручения фрак напрокат. Не делают так Олимпиаду, что один стадион повторяет Пекинскую оперу, второй — лужковский Ледовый дворец, а третий вообще не получился.

И вот «Фишт». Константин Львович Эрнст очень гордится техническим решением своей церемонии, и ему правда есть чем гордиться. Но,

вообще-то, это какая-то беда. Эрнсту пришлось построить над стадионом девятиполосную железную дорогу для перемещения декораций. С учетом того, что у стадиона полукруглая форма, а все декорации должны двигаться не по дуге, а в горизонтальной плоскости, к каждому креплению необходимо было приделать лебедку, которая бы автоматически сворачивалась и разворачивалась на нужную высоту — в зависимости от того, в каком месте дуги оказывается крепление. Это технически исполнимо, и даже было исполнено с блеском, и Константин Львович несколько раз с восторгом рассказывал эту историю в своих интервью. Только это стоит в пять раз дороже, чем если бы декорации двигались по горизонтальной рампе.

Уже процитированная фраза Владимира Владимировича целиком звучит так: «Константин Львович, вы в известной степени были архитектором, потому что под ваш сценарий открытия и закрытия и стадион-то делали». Такие слова, как выражался Дмитрий Медведев, надо отливать в граните, тем не менее, читать их надо с точностью до обратного. Этот стадион проектировали, не имея никакого понятия о сценарии церемонии открытия. То есть потребности телевизионной съемки вообще не учитывали.

Можно посмотреть на проект этого стадиона. Он повторяет силуэт двуглавой горы Фишт. У стадиона в центре не было никакой крыши — два навеса над трибунами, две горы, и посередине — небо. Так его нарисовали в бюро Populus. Потом Андрей Боков придумал раздвигающуюся крышу. А потом Эрнст стал вставлять туда железную дорогу, потому что ему нужны декорации. Причем дорога же не может идти ниоткуда в никуда. Слева и справа от стадиона пришлось соорудить два отстойника для декораций, не предусмотренных никаким проектом. В результате на открытии «Фишт» выглядел так, будто им пользовались 20 лет — он весь состоит из каких-то заплаток, металлических листов и сеток, прикрывающих дыры. Ужас что получилось.

У этого стадиона мощные, очень гордые металлические опоры, и около каждой стоит развеселый заборчик, раскрашенный узорами Олимпиады. Здорово, но, вообще-то, опоры никогда не огораживают. За заборчиком валяются провода, трансформаторы, тройники, разводки — ну просто как у меня под столом, где я наподключал два компа, два принтера, сканер, два экрана, настольную лампочку, вентилятор, зарядки для телефона, айпада, фотоаппарата и еще какой-то фигни, которая потерялась (вот честное слово — уберусь). Только там этого добра навалено тонны по две. У каждой опоры. Это знаете, что значит? Это значит, что стадион сначала построили, а потом стали решать, как подключать электричество и связь.

И если вы думаете, что так произошло только с «Фиштом», то заблуждаетесь. Около каждого стадиона стоит большая безобразная электри-

ческая будка, собранная наспех, с торчащими в разные стороны проводами и трубами от дизель-генераторов (мощностей не хватает!). Сооружение типа трансформатора на окраине деревни Гадюкино, только большое. А так не может быть на космодроме. Но именно так есть. Да что там опоры Фишта — фонари в Олимпийском парке окружены развеселыми заборчиками, а за ними к столбам прибиты распределительные щиты с кабелями. Это значит — сначала поставили фонарь, потом положили асфальт, а потом стали думать, как это включать. Таким же образом в полку баню хозспособом строят.

Но электричество и связь оказались только первой волной разрушений, прошедшей по Олимпийскому парку.

Следом за электричеством случились инвалиды. По требованиям МОК, каждое спортивное сооружение должно иметь пандус для инвалидов. Но когда смотришь на уродливую спираль из прямоугольных бетонных элементов, которая ведет к стадиону «Фишт» сбоку за забором, то понимаешь, что так спроектировать не мог никто и никогда. Так мог выстроить молодой горячий прораб — в соответствии со своим представлением о прекрасном. А те стапельные конструкции на металлических лесах, которые ведут к арене для керлинга (мало ей всего остального) — это не для инвалидов, а для каскадеров. Там обычный человек ноги переломает.

Впрочем, это небольшая волна, главная была другая. Выяснилась страшная вещь: люди на Олимпиаде не только смотрят спорт и радуются, они едят, пьют, а потом им еще в результате нужно в сортир. Этой беды никто не ожидал. И весь этот парк оказался закидан сотнями контейнеров, одна половина из которых — еда, а другая — сортиры. Причем поставлены они так, что кажется, будто это территория примыкает к передовой фронта. Чтобы туда выскакивали под обстрелом грузовики, быстро скидывали контейнер на любое свободное место — и скорей назад, за новым контейнером, время не ждет, там — бой! Прямо диву даешься, как живописно получилось. Чистый хаос.

Ну и, наконец, случилась настоящая беда — теракты в Волгограде. Каждый стадион пришлось снабжать дополнительными системами безопасности — рамками, палатками, секьюрити (а им тоже нужны электричество и связь, они тоже хотят и есть, и пить, и в сортир). И это была уже четвертая волна разрушений. Все величественные входы, лестницы, пандусы, террасы перегородили характерными элементами военного палаточного лагеря из грязного брезента с антеннами.

В результате олимпийские стадионы — будто в бахrome мусора: провода, сортиры, киоски, палатки, рамки мешаются в одну кучу, и это довольно горько. То есть, с одной стороны, то, что все это удалось запустить — конечно, подвиг. Но с другой, так не надо запускать.

Потому что, знаете, архитекторы, когда проектируют, вообще-то,

в состоянии придумать, как в здание провести электричество, где расположить кафе и туалеты, как обеспечить доступ для инвалидов. И даже как сделать нормальный вход с системой безопасности. А если их гнать потом взащей, тогда придется самим это придумывать. Только получится очень плохо.

У архитекторов, вообще-то, есть две функции. Одна — придумать, как строить. Это всем понятно, и из-за того, что понятно, в тот момент, когда архитектор нарисует картинку, его сразу же гонят взащей. А то чего он пугается под ногами? Что мы — сами не знаем, как розетки расставить?

Но есть еще и вторая функция. Архитектурный проект представляет собой контракт, только не в текстовой, а в графической форме. И если заказчики, строители, власти подписались под этим контрактом, то они потом его соблюдают, а если нет, то наступают санкции. Архитектура — процесс, в котором участвует много разных людей, все хотят разного, и очень важно, чтобы был отдельный, формальный, независимый от каждой из сторон контракт. Именно поэтому в других странах архитекторов холят и лелеют, зовут на открытие и называют их имена. Они как юристы — обеспечивают качество исполнения замысла. Но мы не так живем.

Нам не очень нужны юристы. У нас люди большой общей одаренности, но без профессиональной подготовки (как вот Константин Львович) — на ходу, не отдавая в себе в этом отчета, решают проблемы. У нас есть грандиозность замысла, а потом — халтура исполнителя, который чего там, без проекта, на одной смекалке, быстрее, скорей, но — сделает! И оно работает. Олимпийский парк выглядит как космодром — и работает как космодром, только это не мирный космодром, а какой-то прифронтовой. Мы вошли в XXI век, но как-то по-военному.

И совершенно зря те, кого принято называть врагами Олимпиады, думают, будто все это так дорого стоит только потому, что все воруют. Воровать в прифронтовом бардаке, конечно, легче, чем на стройке с правильно устроенными юридическими процедурами. Но не в этом дело. Просто подвиг — дорогая вещь. Дороже, чем обычное действие. Военная техника стоит в пять-десять раз дороже мирной. И тут примерно такая же картина.

А фронт живет до победы. Поэтому планы по использованию Олимпийского парка после Игр-2014 не стоит переоценивать. Там все сделано очень на живую нитку, для одноразового использования. Чтобы использовать стадион «Фишт» для Чемпионата мира по футболу, его придется опять перестроить, что, вероятно, и будет сделано. Остальные стадионы выживут, но только если мы будем руководствоваться логикой «ничто не существует так долго, как все временное». Я бы, правда, хотел, чтобы выжили «Большой» и «Айсберг», но мне не очень понятно, как это возможно.

Только не нужно воспринимать эти слова как доказательство бессмысленности всего сделанного в Олимпийском парке. Сочинское побережье так устроено — там есть горы, долины рек, впадающих в море; и все сочинские курортные места — Мацеста, Кудепста, Хоста — это как раз застроенные долины. И было на побережье лишь одно незастроенное место — Имеретинская низменность, из-за безнадежного болота. Теперь болото осушено, подведены канализация, электричество, выстроены дороги и вокзал. Это, в принципе, хорошо, когда осушают болота и создают инфраструктуру — так работает цивилизация. Мы получили место для нового города на берегу Черного моря, а это, между прочим, 70 процентов инвестиций в Олимпийский парк. Теперь этот город можно построить. Только имело бы смысл позвать архитекторов. И потом исполнять то, что они нарисовали.

Пейзаж после банкротства

Lenta.ru, 07.03.2014

<http://lenta.ru/articles/2014/03/07/gorodsochi/>

Вместе с олимпийской инфраструктурой в Сочи возвели тысячи квадратных метров элитного жилья. Благодаря ажиотажу вокруг Игр-2014 Сочи теперь входит в тройку российских городов с самой дорогой недвижимостью — наряду с Москвой и Петербургом. Многие квартиры по-прежнему пусты, цены на новые апартаменты не падают; эксперты гадают, что с этим всем будет дальше — ответить на этот вопрос не легче, чем угадать будущее самой Олимпийской деревни

Олимпиада проходила не в Сочи, а рядом; об «официальной программе» — Олимпийском парке — я уже писал. Теперь о том, что случилось в самом городе.

В первые дни Олимпиады это был фантастический город. Приехавшие — молодые, преуспевающие, оживленные люди, все в удивительных одеяниях, гуляли по набережной, улыбались друг другу, заглядывали в дорогие магазины и отличные рестораны: это была богатая, счастливая толпа в ожидании праздника. Довольно редкое в России явление. Местные жители тоже несколько растерянно улыбались и неуверенно прогуливались.

Олимпийский Сочи был умыт, расчищен и зачищен — вообще, говорят, в искусстве зачистки мы не имеем себе равных. В «Трудно быть богом» есть такой второстепенный персонаж, дон Тамео, он восклицает (у Стругацких, не у Германа) после арканарской резни: «Дон Рэба всегда восхищал меня! <...> Мы, молодая аристократия, всегда будем с доном Рэбой! Наступило, наконец, желанное послабление. <...> Я ви-

дел: некоторые дворяне уже открыто прогуливаются перед своими домами». Восхищенное прогуливание в духовном единении с доном Рэбой и было этим сочинским настроением: жители — открыто, но поближе к своим домам, гости — беспечно, где попало. Зрители на Олимпиаде — довольно уникальный социум: приветливы, любопытны, оживленны и симпатичны. С прагматической точки зрения это массовка для грандиозного телешоу «Олимпийские игры», но это такая массовка, которая приехала сама, платит за это деньги, играет искренне, самозабвенно и поголовно восхищена орлом нашим, режиссером.

И декорации были другими — позитивными.

Главной декорацией был восстановленный Морвокзал. Десять лет назад я видел его в руинах, а теперь он просто сиял всеми красками сталинского Рая: с процветшими цветами и фруктами, колоннами, с фресками, изображающими немислимое пищевое изобилие (каким когда-то его построил Каро Алабян) — и с дорогими магазинами и ресторанами (какими наполнила его к Олимпиаде фирма Bosco).

Были реконструированы и находились в отличном состоянии также сталинские санатории (кроме тех, что снесли): «Ривьера», «Юность», «Родина», «Солнечный» ФСБ, имени Дзержинского, «Радуга» ФНС, «Русь», «Беларусь» — все белело и сияло.

Набережная от Морвокзала до «Жемчужины» напоминала Канны — не слишком красивый, но ухоженный и богатый европейский курорт. Мне, запомнившему эту набережную как пристанище шаромыжников и мелких кидал, преобразование показалось фантастическим. В Москве те, кого тогда было принято называть «врагами Олимпиады» (а теперь, видимо, «пособниками бандеровцев»), придерживались мысли, что Сочи никогда не сможет конкурировать с курортами Турции. И я так думал, но тогда, на набережной, я решил, что ошибаюсь. Со средиземноморскими — Бодрумом, Мармарисом, Кемером — действительно трудно, другое море; зато черноморские, вокруг Трабзона, теперь существенно проигрывают Сочи по классу. Насколько я понимаю, крымские курорты на некоторое время выключились из конкуренции, так что остался только Батуми, отстроенный Михаилом Саакашвили со всей нервной и несолько безвкусовой понтовостью, которая была свойственна этому романтическому персонажу.

Ах, глупые сны мои, какая ошибка, в каких облаках я по глупости летал! Это ведь была только центральная, прибрежная часть Сочи. Дальше произошла фантастическая история. Вдоль Приморского шоссе, от Сочи до Адлера, построены десятки жилых комплексов, которые на языке московских риелторов принято называть «элиткой» и «бизнесом». «Солнечный город», «Актер Гэлакси», «Москва», «Парк Горького», «Аврора», «Остров Мечты», «Сияние Сочи», «Фальконэ», «Rose del Mare», «Королевский Парк», «Премьер», «Карат», «Красная площадь», «Морс-

кой Дворец», «Парус», «Уайтхолл», «Миллениум Тауэр», «Триумф», «Идеал», «Бригантина», «Южный берег», «Лазурный Берег», «Столичный», «Океан» — им нет числа, это несколько миллионов квадратных метров мечты, триумфа и сияния. Их названия прекрасны в том смысле, что, прочитав их — и тем более произнеся вслух, — ты уже получаешь некоторую картину того, как они выглядят. Если не вкус, то идею вкуса, которую я бы определил как чебурек в сахарной пудре. Жирно, наваристо, крупно, сладко, хрустит и течет. Формы то есть текучие, хотя и не везде; иногда общая идея — коробка, а, скажем, в области крыши у нее стекает какая-то кривизна или случается излом. При этом каждый дом окружен охраняемым периметром с КПП — особая примета сочинского стиля. Это не город — катастрофа.

Бессмысленно спрашивать, кто построил эту недвижимость. Уж в этом наше государство с частным бизнесом совпадает — имен архитекторов не знают ни те, ни другие. Но здесь, пожалуй, и смысла нет их выяснять. Проекты бесконечно переделывались, изменялись, архитекторов выкидывали, нанимали новых, опять выкидывали; суды завалены исками от опозоренных и разоренных. В городе нет Генплана, нет принятой концепции развития, сотни многоэтажных домов возведены вообще самостроем — по степени управляемости это кажется какой-то Нахаловкой, где каждый строит, что хочет.

Есть такой интернет-журнал, архитектура Сочи (arch-sochi.ru) — гремучая смесь жалобной книги, мартиролога и рекламы недвижимости. 23 мая 2013 года архитектор Ованес Мнацаканович Задикян разместил там следующее обращение: «Мэр объявил войну всем архитекторам. Самой профессии, которую понять не смог, да и поддерживать не пожелал. Его же собственного уровня образования, культуры и морали оказалось категорически недостаточно для понимания проблем города-курорта. Город-курорт, задавленный строительным бумом, распроданный и поделенный Москвой и Краснодаром, да еще и обремененный Олимпийскими играми — это не его уровень. Думаю, что он должен был уже давно это понять и, признав свою неспособность организовать или невозможность остановить градостроительную волну, объявить Чрезвычайное Положение или подать в отставку». Кажется, это слова радикала, чуть не сторонника Навального, который всю жизнь только борется и ничего никогда не построил. Да нет, это автор жилых комплексов «Парк Горького», «Королевский парк» и «Александрийский маяк», вся архитектура которых просто кричит о способностях этого человека со всеми договариваться, соглашаться на любые компромиссы и прекрасно понимать логику и властей, и инвесторов, и строителей. Черт знает, что там у них творилось.

Слушайте, так нельзя строить, город — это же сложный организм, как вы не понимаете — эти выкрики в Сочи превратились в трюизмы,

которые даже было стыдно произносить, поскольку совершенно бессмысленно. Вот, рассказывают, некоторые христианские проповедники отправлялись рассказывать о любви к ближнему к канныбалам, и те их понимали, хотя по-своему — кушали с любовью. Тем не менее, полагаю, урбанистам в России надо внимательно изучать их опыт.

Но в конечном итоге все это интересно совсем не архитектурой, скандалами и дикостью, а другим. Я поехал на открытие Олимпиады утром, полюбовался этим невероятным девелопментом, а потом возвращался вечером — и вдруг выяснилось, что все эти «Атаманы» и «Флаги-маны», «Барселоны» и «Светланы» стоят с темными окнами. В них никто не живет! Это оболочки без квартир внутри, пустые квадратные метры, квадратные километры бетона без тепла, света, коммуникаций, интерьеров и людей. Что-то невероятное: целый город, выстроенный к Олимпиаде, и — брошенный.

11 февраля (меньше месяца назад!) сам Владимир Владимирович посетил заседание градостроительного совета города Сочи и мягко раскритиковал этот девелопмент в пух и прах. Он сказал, что есть официальная архитектурная программа Олимпиады, и там все прекрасно, а вот тут понастроили не пойми чего без цели и смысла, и он просит мэра Сочи и градостроительный совет обратить самое серьезное внимание на городскую среду. Это было исключительно своевременное и мудрое выступление (оставшееся почти незамеченным — благодаря тому, что в освещении Олимпиады был выбран только самый солнечный тон, а тут все же намечались некоторые тучки); без него можно было подумать, что это самый масштабный провал российского девелопмента за всю постсоветскую историю. Начать строить несколько миллионов квадратных метров и не суметь их достроить к Олимпиаде — надо было исхитриться.

До исторического выступления Владимира Владимировича все эти здания рассматривались как часть олимпийской программы — квартиры в них на время Олимпиады должны были поступить в распоряжение Олимпийского комитета для расселения гостей и волонтеров, и под это вроде как и разрешали все это строить в таком количестве, переселять людей, сносить и так далее. Но выяснилось, что связи девелоперов с Олимпийским комитетом — нелепые слухи, а строили жилье какие-то неизвестные — сами поналяпали, сами и обмишурились.

Конечно, когда все это выплыло наружу, стало гораздо легче — в том смысле, что президент-то не виноват. Но с другой стороны, Сочи оказался новой путинской столицей в буквальном смысле — на переднем плане официальная программа, есть парадный пятачок, где все как в Каннах и даже лучше, а дальше — дальше вовсе неуправляемый процесс беспредельной глупости и жадности. Он там ничем не управлял — оно само сложилось. Господи, а как же вышло, что он там ничем не управлял?

Сочи — мечта элиты, мечта преуспевающих людей России, бизнесменов, чиновников, чиновников-бизнесменов, которые принимали всякие регуляции проектов застройки, брали деньги за их нарушения, вкладывали деньги в новые проекты, нарушающие регуляции, конкурировали, снимали, сажали друг друга — и в итоге выстроили огромный, никому не нужный город. Конечно, они поддерживают власть, только власть ни черта ими не управляет. Сочинский девелопмент — мечта о том, чтобы в России появилось такое, такое... Что ни в сказке сказать, ни на калькуляторе просчитать. Где квадратный метр, как в Москве в начале нулевых, растет на 100 процентов в год; Клондайк, подкрепленный законом о принудительном выкупе земель под олимпийские стройки. Территория, где сейчас, под нужды Олимпиады, построят дороги, водопровод, канализацию, электричество, а мы тут подсуедемся, возведем дома, на три недели сдадим их под волонтеров, а дальше, дальше...

Дальше — тишина. Не знаю, что у них случилось. То ли возможности региона — пропускная способность дорог, порта, железной дороги — просто не позволяли вести все эти стройки одновременно, то ли меры безопасности не позволяли завозить сюда бесконечных гастарбайтеров, то ли просто за два месяца до открытия стало ясно, что не будет столько гостей, волонтеров и все это и впрямь никому не нужно. Так или иначе, стройки встали.

Допускаю, что это внешнее обманчивое впечатление. Но со стороны город Сочи выглядит как пейзаж после банкротства. Думали — поле чудес, а вышла страна дураков. Одна надежда на Владимира Владимировича. Он может официально перенести в Сочи столицу, выкупить всю эту недвижимость под нужды государственного управления и списать все долги. Тогда Клондайк заработает вновь.

Напрасно в годы хаоса искать конца благого

Echo.msk.ru, 14.03.2014

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/1278816-echo/>

Благородное негодование, которое льется со всех сторон по поводу подписей деятелей культуры в поддержку Путина, как-то нервнует, тем более, если сам это негодование и почувствовал, и даже расплескал. Тут есть вопрос об основаниях негодования, о том, на что мы опираемся в своем безусловном неприятии людей, подписавших этот документ.

Формально, разумеется, это — поддержка вторжения в Крым. Однако в нашем кругу принято, что люди по разному могут отвечать на разные вопросы. Военное вторжение не относится к числу таковых — это

преступление. Но вторжение бескровное, а то, что украинцы никак не сопротивляются, может заставить подозревать, что дело не так однозначно. Я говорю — может заставить, я так не считаю. Но я допускаю, что люди вполне порядочные могут считать, что вторжение оправдано, и если бы туда не вошли русские войска, туда бы приехали автобусы с пассажирами с Запада, и начали вершить революционное правосудие, далекое от того, чему можно было бы порадоваться.

Мне кажется, что дело не совсем в этом. Скорее в том, что мы помним, когда и как наше государство прибегало к идее коллективных писем в поддержку своего насилия — письма в поддержку травли Бориса Пастернака, письма в поддержку репрессий против Андрея Синявского и Юлия Даниэля — у нас тут длинная и глубоко отвратительная история, начинающаяся со сталинских процессов 30-х гг. Подписание коллективного письма, созданного властью в поддержку своего насилия над невинными — это в нашей памяти один из важных грехов, существенно превосходящий по значимости какое-нибудь чревоугодие или прелюбодеяние, хотя, конечно, не дотягивающий до убийства.

Однако стоит сказать, что грех этот носит символический характер, и потому на самом деле производит страшное впечатление в момент грехопадения, но потом забывается. «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку», - клялся Александр Галич в песне, посвященной травле и смерти Бориса Пастернака. Среди голосовавших «за», и даже выступавших на заседании по исключению Пастернака из Союза писателей 31 октября 1958 года были Александр Безыменский, Лев Ошанин, Борис Слуцкий, Леонид Мартынов, Владимир Солоухин — это все помнят? Там было много всякой откровенной сволочи, но вот эти тоже были — вы полагаете они исключили себя из истории русской культуры и состава русской интеллигенции? Вообще-то, честно сказать, так вышло, что нет. Где были, там и остались.

А вот мне интересно — было бы лучше вообще вычеркнуть их к чертовой матери, проклясть и забыть. Они совершили откровенную подлость. Так это — надо сделать? Вы готовы?

Ладно, я про другое хотел сказать. Вот Борис Акунин написал на «Эхе»:

«Знаете, а мне, пожалуй, нравится вся эта история с «твердой поддержкой деятелей культуры».

/.../ Они сами запустили процесс размежевания на два лагеря. Теперь каждому известному человеку придется выбирать, с кем он и на какой стороне. И вся страна будет смотреть, и все потом будут помнить. Да, Россия становится черно-белой. «Серая зона» сжимается, скоро ее не будет совсем.

Быть знаменитым красиво. Посмотрим, кого это поднимает ввысь, а кого опускает вниз. Интересно».

Хотя это немного наивно, так откровенно проговариваться, но с художниками бывает. Борис Акунин — успешный коммерческий автор, его возращение Пастернаку («быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь») очень понятно, в коммерческой логике быть знаменитым (известность определяет тиражи, они определяют доходы) действительно красиво. Например, две тысячи рублей в два раза красивее, чем одна, не правда ли? Пастернак, однако, мыслил в несколько иной логике.

У нас вообще-то понятная повестка дня на будущее. Нам не нравится власть Владимира Путина, а мы не нравимся ей. Как человек он нам тоже не нравится, мы считаем его лживым, циничным и отчасти безумным. Мы ему не нравимся по тем же причинам, дополнительно он считает нас жадными дармоедами, ржой, духовные скрепы точащей. Кроме нас, он так же не нравится лидерам большинства цивилизованных стран, а после вторжения на Украину, и народам этих стран тоже. Причем он настолько сильно нам и им не нравится, что в ближайшее время предстоит борьба за то, чтобы его не было. Вообще не было. И его борьба за то, чтобы, напротив, быть.

Однако же он — законно избранный президент России, которого в настоящий момент поддерживает под 70% населения нашей страны. Ясно, что для того, чтобы его не было, нужно каким-то образом изменить это, что требует радикальных мер. Нужно, чтобы люди обнищали, чтобы перестать его поддерживать, озверели, чтобы начать уничтожать себе подобных, чтобы им было нечего терять, чтобы они могли жертвовать собой. Какой бы конкретный сценарий этой пьесы не вырисовывался, ясно, что время ее действия — годы хаоса, которые нам предстоят в ближайшее время. И вот в этих годах хаоса будет на редкость неважно, кто когда какое письмо подписал. Важно будет, кто еще остался. Годы хаоса тем более зверские, чем меньше остается людей.

Я должен честно сказать, что в силу чисто личных причин мне всегда была омерзительна борьба за власть, мне кажется, это неприемлемое для приличного человека занятие. Приличное занятие — это борьба против насилия власти над невинными, но это в годы хаоса выхолащивается, там любые чувства солидарности и гуманизма, желание справедливости используется оппонентами исключительно как ступенька для собственного возвышения. Это все будет, и будет глубоко отвратительно. Вопрос в том, что сохранится после этих прекрасных лет.

Пастернак, вот, писал:

*Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду,*

и это как раз и есть «серая зона», эта среда. В ней есть разные люди, порядочные, и так себе, сильные и слабые, знаменитые и не очень, искренне любящие деньги, и нестяжатели — это социум. В социальных науках, в отличие от других гуманитарных, важны не только ценности, но и мощь сообщества, которое их разделяет. Я понимаю, что это сообщество будет истоншаться по мере развития сценария, но не совсем понимаю радости по этому поводу.

Некоторые, сидя на диване, зовут нас на Киев, некоторые, сидя на другом диване, зовут Русь к топору — мне не очень близки ни те, ни другие, и даже, время от времени, я впадаю в ярость по поводу каждого из них. Что ж вы, Павел Семенович, поддерживаете президента — он и без вас ведет окружающий пейзаж к тому, который вы изобразили в финале своего «Царя». Что ж вы, Григорий Шалвович, зовете Русь к топору — его и без вас наточат. Тем не менее и те, и другие составляют тело сегодняшней русской культуры, зачем же рвать его на части? Они принадлежат к одному сообществу, и больше того, и еще раз — мощь этого сообщества будет определять границу грядущего зверства.

Письмо деятелей культуры в поддержку действий президента Путина в Крыму сейчас подписало больше сотни человек — умных, образованных, талантливых, ярких людей. Да, теперь это люди с подмоченной репутацией. Ну бывает. Вы правда думаете, что лучше их теперь как-то вычеркнуть? Что без них мы теплее перезимуем?

Вот Пастернак еще написал, и правильно:

*«Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого»*

Можете хранить в себе ту порядочность, которую вам завещал Александр Галич, — ну храните, прекрасное наследие. Но впереди у нас не 20 лет брежневского застоя, когда главное было — сохранить память, и ту бесконечно разъедал склероз, а совсем другие времена. Вы хорошо помните, кто и за что голосовал в IV Государственной Думе? Бросьте, у нас нет благого конца, и благого пути тоже нет. У нас начался распад.

Ужас обмана

Echo.msk.ru, 08.03.2014

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/1275052-echo/>

Украины — нет.

Правительство там не легитимное, черт знает кто, мы их знать не знаем и в упор не видим. Есть единственный легитимный президент Янукович, но его тоже нет.

Да что там президент, и государства такого тоже нет. Было государство, но произошла революция, старое государство отменилось, а новое мы пока не видим. Как там говорят — lost state. Было, да затерялось куда-то.

И народа такого — украинцы — нет. Украинцы — это русские, только маленькие, малороссы. Они как дети, играют чего-то, кушать хотят, Путина очень любят. О них надо заботиться. Учить их надо.

Если есть какие-то украинцы, которые чего-то хотят — то это бандеровцы. Бандеровцы — это фашисты. Они выпрыгнули из Великой Отечественной войны и захватили маленьких, незлобивых и симпатичных, но неразумных русских детей. С фашистами мы воюем.

Это для широких масс. Люди, по-настоящему искушенные в мировой политике, понимают, конечно, это не настоящие фашисты. Настоящих фашистов товарищ Сталин победил в 1945 году. А это недобитки. Которых, конечно, не было бы, если бы их не прикармливали печеньками. Так что по сути это американцы. Американцы, которые устроили Майдан и отвоевали у нас Украину, которой теперь нет. Что-то есть, но это не Украина. Это вообще, если так вдуматься, страна, оккупированная бандеровцами, то есть фашистами, то есть американцами. Мы ее освобождаем. Частями. Вот Крым уже освободили. От американцев. Ну то есть от фашистов. От бандеровцев.

Еще раз — украинцев нет, а есть бандеровцы, которые фашисты, которые на самом деле американцы. С ними мы и воюем.

Очень хорошо причем воюем. Мы у них оккупировали Крым, хитро так, как будто и не мы, переоделись и оккупировали. Они в ответ чего? А ничего. Санкции, фиганции — кишка у них тонка, и опять же это им же боком выйдет, вот. Скушают, куда денутся. Да это, кстати, вообще даже и не война. Какая война, где убитые? Нет никакой войны. Так, мирная оккупация, чтобы показать американцам фигу в процессе победы над фашизмом.

Они сами как? Ирак, опять же вот Косово. Помните Косово? Не помните? Очень хорошо, что не помните, мы вам сейчас расскажем, там, значит, было вот точно то же самое, что у нас, и американцы были как мы. А теперь мы точно как американцы. Им можно, а нам нельзя? Они у нас оккупировали нашу Украину, Малороссию, страну, где живут маленькие россияне, нашу, в сущности, страну, а мы должны в ответ что же, сидеть в углу? Да они же нас же после этого уважать не будут.

Ужас в том, что вся эта хе*ня заполняет постепенно все головы. Не только энтузиастов оккупации, а и тех, кому все это поперек горла. Вот мне, например. Я уже который день, как идиот, думаю, что нет, санкции, они со временем-то ох как больно ударят. Запад, он долго запрягает, да быстро едет, а вот как разом границы закроют, вклады заморозят, так мало же не покажется. Да не сможет цивилизованный мир так просто взять и смириться с этим безобразием.

Цивилизованный мир, он подумает, и скажет свое нецивилизованному.

Слушайте, это все фантомы. Дело совершенно в другом.

Дело в том, что мы, Россия, воюем с Украиной. Не с цивилизованным миром, не с Америкой, не с фашистами, а именно с Украиной. Это именно у нее, а не у Америки, мы отхапали кусок территории. Мы с ней воюем за то, что она восстала против жулика и вора, и скинула его к чертовой матери. Мы с ней воюем за то, что Путин ей предложил 15 миллиардов долларов, а она ему в морду плюнула. Мы с ней воюем за то, что она захотела в Европу.

Можно сколько угодно делать вид, что все думающие украинцы — это бандеровцы, фашисты, антисемиты и русофобы, но это же чушь, и мы знаем, что это чушь. Миллион человек, который выходил в Киеве против путинских законов Януковича — это что, бандеровцы? Ну вы чего хотите обмануть? Себя?

Себя. Вы надеетесь, что это чудовищное преступление — война России против Украины — как то вас минует. Как-то так окажется, что в историю это дело войдет не тем, что Путин в 2014 году оккупировал часть Украины за ее попытку стать европейской страной, а что он исправил историческую несправедливость, и вернуть нам Крым, Севастополь, Одессу, а лучше еще Донецк, Харьков, далее везде. Но это никак не получится.

В исторической перспективе это не получится, поскольку украинцы теперь будут консолидироваться исключительно на противостоянии внешнему агрессору, и этот агрессор — Россия. Мы оккупировали Венгрию и Чехословакию, мы принудили Польшу высечь саму себя — и что они сделали потом? Они рванули от нас к чертовой матери, и нет у нас теперь более стойких противников в Европе, чем эти наши братские когда-то народы. Но черт с ней, с исторической перспективой.

Гораздо хуже будет прямо сейчас, когда украинцы начнут сопротивляться. Или вы думаете, они никогда не начнут? Мы будем переть и переть, а они в ответ песни петь? Это о чем?

Вы каждого убитого будете представлять бандеровцем, то есть фашистом, то есть американцем? Надолго хватит?

Главный ужас России вовсе не в санкциях, счетах, и визах, не в международной изоляции, не в милитаристской истерии, не том, что нам как-то там ответят в Сирии или черт знает где еще. Это все фигня, это вообще не о чем. Главный ужас России в том, что УКРАИНА — ЕСТЬ. И Россия оккупировала ее территорию.

О либералах и националистах

Echo.msk.ru, 23.02.2014

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/1264688-echo/>

При том, что мои предки с одной стороны — из Одессы, а с другой — из села Пархомовка около Белополя, а в Киеве у меня и сейчас живут двоюродные сестра и брат и их дети, украинское государство для меня — не свое. Там нет политических сил, которым я мог бы сочувствовать. Как человек либеральных и прозападных взглядов, я не испытываю ни малейшей симпатии к постсоветским уголовникам Януковичу и Со, как москвич и еврей не могу сочувствовать людям, для которых «Бей жидов!» и «Бей москалей!» -- позитивные лозунги, манифестирующие их путь к свободе.

Я хотел сказать о другом.

Множество постсоветских революций оказывались успешными при условии соединения двух сил — либералов и националистов. Так происходило в Литве, Латвии и Эстонии, Грузии, ровно то же происходит на Украине. Это важное условие успеха бунта против существующей власти. Либералы обеспечивают восстающих относительной легитимностью для части местных элит (прежде всего культурной и бизнесовой) и для международного сообщества. Националисты — бойцами для сражений, готовыми грабить, убивать, ну и умирать тоже.

Множество постсоветских режимов оказываются успешными при условии соединения двух сил — силовой номенклатуры и уголовников. Так происходит в России, Белоруссии, государствах Средней Азии. Номенклатура обеспечивает этот союз навыками государственного строительства и цивилизованного управления, обеспечивающего режим относительной легитимностью для части местных элит (прежде всего, политической и бизнесовой) и для международного сообщества. Уголовники — бойцами для сражений, готовыми грабить, убивать, ну и умирать тоже.

И у того, и у другого союза — давние корни.

Уголовники считались советскими коммунистами классово близкими людьми, корпоративная культура советской номенклатуры была близкородственной блатной культуре, в позднесоветское время два эти слоя находились в состоянии активного обмена, а в некоторых анклавах (Грузия, Северный Кавказ) едва не симбиоза — это долгая история. Классический герой советского криминального детектива — героический милиционер с криминальным прошлым и блатными понятиями о чести и достоинстве — олицетворение этого союза. Нынешние уголовные истерики, которые устраивают представители власти по поводу событий Второй мировой войны или Олимпиады — яркая демонстрация того, что две группы слились до одного психотипа.

Националисты соединены с диссидентами опытом противостояния советской власти, совместным пребыванием в лагерях по политическим статьям, в эмиграции, работой в самиздате и тамиздате — это долгая история. В республиках они были практически неразличимы, само понятие национально-освободительного движения предполагает, что либералы и националисты — это два лица одного и того же, где одни отвечают за свободу (*liberty*), а другие — за национальное чувство. Фигура Александра Исаевича Солженицына, долгое время бывшего знаменем российского прозападного либерального движения, а в итоге оказавшегося одним из столпов русского национализма, олицетворяет этот союз на русской почве. Успехи Алексея Навального, показавшегося либеральной общественности свежим ветром перемен в либеральном лагере — яркая демонстрация того, что тандем возрождается.

Это все более или менее азбучные истины. И черт с ними, номенклатурой и уголовниками, тут все ясно, конструкция предполагает, что наверху Путин, а внизу — Цапки. Но случай Украины как-то очень остро ставит вопрос о соединении либералов с националистами. Все же события, начавшиеся как движение страны в Евросоюз, а продолжившееся как героическая борьба, смерть и победа со святым именем Бандеры на устах — это такой потрясающий извив политической логики, что над ним как-то трудно не задуматься. И в Прибалтике вхождение в Евросоюз как-то парадоксально соединилось с парадами ветеранов *Waffen-SS*, но все же там эти соединения не являлись боевым отрядом евроинтеграции. Сегодня же в Украине совершенно очевидно, что Майдан не добился бы никаких успехов без преемников УНА-УНСО. Я знаю, что все прогрессивные люди в едином порыве отрицают националистическую природу победоносной украинской революции, утверждая, что все обвинения в фашизме — это не более чем гнусная пропаганда путинского агипропа, а эти люди просто уважают Степана Андреевича как личность, чья история более чем неоднозначна. Оно конечно так, но по-моему, это попытка спрятаться, засунув голову в песок — эти ребята не фашисты в том смысле, что у них нет газовых камер и идей всемирного господства, но в националистической природе их политических идеалов сомневаться странно.

Для России это более или менее острый вопрос. Миссия Алексея Навального — соединение белоленточников с русским маршем, и тут не так важно, соответствует ли это его внутренним убеждениям, или перед нами политтехнология. Опыт Украины нам ясно показывает — без такого соединения победить правящий режим невозможно, а если оно удастся, то шансы резко возрастают. Успех вдохновляет — раскол в РПР-Парнас и уход Владимира Рыжкова связан именно с тем, что лидеры либерального движения, во всяком случае Борис Немцов и Михаил Касьянов, сочли стратегию объединения с националистами единственно

эффективной. Владимир Рыжков — фигура какая-то обидно одинокая, нет ощущения, что таких много. Я не голосовал за Навального, евреи за нациков редко голосуют где-либо кроме Израиля, но большинство моих друзей и знакомых совершенно не поняли этой позиции.

Мне кажется, тут стоит задаться вопросом о том, нет ли у Украины и других уроков, кроме победы. Будущее этой страны выглядит довольно проблематично. Вероятность того, что боевые отряды националистов после победы над Януковичем удовлетворятся достигнутым, кажется не слишком большой — они же уже победили, и принесли в жертву свои жизни. Насколько я понимаю, силы, способной теперь их, как бы так сказать, устаканить, в легальном политическом поле не просматривается. Остается надеяться на Юлию Тимошенко как на чудо, но чудо такое дело, что может и не случится. По логике вещей, они будут наступать до тех пор, пока не наткнутся на людей, готовых не говорить о единстве Украины или европейском выборе, но пострелять без комментариев. Ну то есть до восточной Украины, где нерушимый союз тигушек и беркутов, буквально уголовников и силовиков, поддержанный широкими массами не вполне европеизированного населения, даст им отпор. Не знаю, кто тут побежит, но это не суть важно. Важно, что страна расколется на несколько стран, и некоторые ее части начнут просить помощи у России. Возможно, что в порядке преемственности с лучшими страницами советской истории, мы введем танки, возможно, не введем, а в духе имитационной демократии спецслужб, оставим страну независимой, наполним ее нашей военной техникой, советниками, военными специалистами и агентами, превратив Крым в подобие Ливана или точнее Южной Осетии до вторжения. И будем жить-поживать и добра наживать — это выглядит как самое счастливое развитие событий, которое можно себе представить в предложенных обстоятельствах. Знаете, как-то это не прекрасно.

Победить без союза либералов и националистов не получается, но есть вопрос о том, что после победы. Вообще-то либералам тут трудно сохраниться, тем более, если они это и устроили. Более или менее понятно, что после победы национально-либерального союза в России эта страна тоже расколется на несколько образований — историческую Россию, мусульманскую Россию и Сибирь — поскольку жить в России для русских татарам или дагестанцам как-то неудобно, а Сибири до этих разборок дела нет. Понятно, что бескровно такой раздел тоже произойти не может.

Тут возникает вопрос, может ли либерально и прозападно настроенный человек искренне этого желать, чтобы избавиться от власти союза номенклатуры и уголовников. Отзывчивость народа на идеи свободы, конечно, изумительна и восхитительна, но тут вопрос не о том, кто отзывается, а о том, кто призывает. Нет, номенклатура и уголовники, ко-

нечно, нетерпимы. Но нужна большая степень уверенности и готовности жертвовать не то, чтобы своей жизнью, а скорее жизнями других.

Три года спустя

Echo.msk.ru, 10.02.2014

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/1255512-echo/>

Сцена с танцующими куполами на церемонии сочинского открытия Олимпиады — это развитие той темы «Древняя Русь как авангард», которую открыл Аристарх Лентулов. Это довольно изысканный и тонкий момент национальной истории искусства. Это история про то, как русский стиль, до того более или менее полностью укладывавшийся в парадигму историзирующей эклектики (да, да, парадигму историзирующей эклектики, я хочу сказать несколько слов об открытии Олимпиады именно в таких терминах), то есть архаизирующий и довольно-таки провинциальный, вдруг подпрыгнул, перевернулся, ударился головой об пол, и стал впереди планеты всей. Точно также, как Гоген находил истоки авангарда на Таити, а Пикассо в наскальной живописи, русский авангард нашел его в древней иконе и русской архитектурной традиции — и именно в этих формах вдруг обнаружилась надежда на обновление художественного языка всей европейской традиции. Русский авангард — это такой русский стиль, который стал всемирным.

Именно эту традицию и вытянул Георгий Цыпин. Я понимаю, насколько важную роль во всей постановке олимпийского действия сыграл Константин Эрнст, но про Георгия Цыпина могу с уверенностью сказать, что эта сцена была у него в голове задолго до Олимпиады. Этот танец куполов он показывал в павильоне России на Венецианской биеннале в 2002 году, и тогда это было так же чудесно — купола были стеклянные и казались миражами в темном зале, и их танец фантастикой, изысканным сном о граде Китеже. Разница в том, что тогда это было очень камерно и довольно минорно. Но и тогда это тоже было прямо из Лентулова.

Кстати уж, добавлю еще одну чисто цыпинскую сцену из церемонии открытия — бал Наташи Ростовской. Именно он с Андроном Кончаловским в 2000 году делал балет «Война и Мир», и весь язык сцены был там найден.

Сцена закладки Петербурга из церемонии сочинского открытия прямо взята из рисунка Валентина Серова «Петр Первый на строительстве Петербурга». Это одно из самых изысканных и тонких произведений русской графики, да и вообще русского искусства. Совершенная свобода, даже случайность этого рисунка соединяются с отточенной закру-

чивающейся композицией, вдохновленной модерном, так что кажется, фигуры сами собой закручиваются в виньетку, и при этом с ощущением витальной силы, победы в этом шествии дылды-царя со свитой по бескрайней хляби всемирного простора. Острее восхититься и нелепостью, и изысканностью, и героичностью петровского шествия России в Европу никто не смог, Петр Алексея Толстого, не говоря уж о Петре Мережковского — это излишне многословные подписи к рисунку Семенова. И его взяли для этой сцены!

В русском конструктивизме много разного, и, несомненно, его всемирное значение сильно обусловлено всемирным резонансом от русской революции. А революция — дело такое, к ней можно относиться по-разному. Но там был действительно завораживающий художественный момент, и в том числе там был конструктивистский театр начала 20-х. «Человек, который был Четвергом» в постановке Александра Таирова и декорациями Александра Веснина, и дальше — конструктивистский балет, живший до конца 20-х. Это потрясающее художественное произведение, это одно из самых острых свидетельств того, как человечество вообще, все человечество восприняло приход машинной цивилизации, потому что там танец людей и танец машин становится одним танцем. По непосредственному воздействию это гораздо сильнее, скажем, замятинского «Мы» с его несколько излишним для повествования сюжетом. Это лучшее, что у нас есть, но это искусство, про которое знают в России 20 тысяч человек, остальные не видели, не слышали, не помнят. Его взяли для репрезентации всей темы революции.

Я не думаю, что тут надо разбирать все сцены, хотя, на мой взгляд, это была гениальная постановка — сочинское открытие Олимпиады. Я не хотел о нем писать, поскольку ... ну, в общем, тут были причины несколько специфической позиции журналиста в сегодняшней российской ситуации. И критика, и восторг воспринимаются сугубо политически, диковато, откровенно говоря, воспринимаются. И хотя я считаю, что станцевать послевоенную Москву, а именно это они и сделали, — это фантастическое достижение, и тут можно только изумляться, но боюсь, что никто не увидит в этом изумлении ничего, кроме искреннего прославления Владимира Путина.

Но я о другом хочу сказать.

Понимаете, Олимпийское открытие так устроено, что его надо очень задолго придумывать. Это надо согласовывать в куче инстанций, массу народу убеждать, потом придумывать как это делать, учить сотни людей — это большая история. Иначе говоря, либретто этого грандиозного действия надо было написать, я думаю, года три назад. Ну три — не три, а я лично видел его два года назад, и надо честно признаться, ни черта не понял, просто потому, что не представлял себе, как такое можно сделать.

Так вот, это версия национальной истории в ее главных картинах трехлетней давности. И я думаю, нам бы стоило оценить, что с нами произошло с тех пор.

Во-первых, сам выбор картин. Если бы этот сценарий писался сегодня, туда, вероятно, попал бы один Петр Великий. Во-первых, где вдохновляющая и направляющая роль РПЦ МП? Во-вторых, где тема побед русского оружия? Сегодня центральные эпизоды русской истории — это точно Сталин, точно Иван Грозный, точно Александр Невский, вероятно, Владимир Святой, возможно Дмитрий Донской и основание Москвы без упоминания Юрия Долгорукого как лужковской креатуры. Их никого не было.

Во-вторых художественное решение. Где церковный хор? Где казачий скок? Где хороводы? Хлеб-соль, матрешки, самовары-чайнички? Сегодняшняя стилистика такого действия могла и должна была быть только одной — это танец с саблями в рясах. Где?

Вместо этого Лентулов? Серов? Таиров? Как?! Как могло случиться, что вовсе не советская концепция русской истории соединилась с глупо-боко элитарной парадигмой понимания истории русского искусства и из этого удалось создать главный парад путинской России?

А очень просто. Три года назад у нас было так, что можно было думать следующим образом. Давайте выберем из русской истории те моменты, когда русская цивилизация не то, чтобы сама едва держась на ногах все ж таки надавала по морде врагам, но когда она расцветала, и делала что-то такое, что восхищает и нас, и весь мир не героизмом смерти, но триумфом жизни. Давайте найдем художников, которые могут это представить, и давайте позволим им взять из русской истории искусства те способы осмысления этих эпизодов, которые им самим представляются ключевыми — не важно, что это будут самые элитарные произведения русского гения. Не важно, что у Георгия Цыпина американский паспорт, и неважно, что быть может ни «Мир искусства», ни «Бубновый валет» не знакомы с детства ни Владимиру Владимировичу, ни депутатам Государственной Думы. Давайте дадим себе самим возможность восхититься лучшим, что у нас есть — это и будет праздник открытия себя самих.

Попробуйте оценить дистанцию. Русская история теперь — это две разных истории, одна для них, вторая для нас, и мы их разоблачаем, а они нас берут в блокаду. Серов, Таиров, Лентулов — это обратно стало нашим элитарным искусством, которое разве им можно показывать? Это же профанация! Все, что умные и неангажированные публицисты находят в этом замечательном спектакле — это нераскрывшееся олимпийское кольцо и иностранный паспорт Георгия Цыпина. Даже как-то теряешься от стыда.

У меня такое чувство, что сегодня как никогда актуален лозунг Вла-

димира Ильича Ленина о поражении своего правительства в олимпийском зачете. Я так не хочу. Мне нравится то, что было возможно еще три года назад. Это гениальные художники и я не хочу соглашаться с тем, что они устарели.

Ответ Виктору Шендеровичу

Echo.msk.ru, 15.01.2013

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/990342-echo/>

Дорогой Виктор!

Очень расстроился, прочитав Ваше открытое письмо мне.

Никогда не мог бы назвать Вас «либеральным быдлом».

Под этим словом я имею в виду только тех, кто выражает свое мнение в сети безымянно, под никами, и они выражают глубоко отвратительные мысли в мерзейших выражениях, упиваются возможностью оскорбить. В том числе и Владимира Познера, и по поводу этой истории. Вы выступили совершенно открыто, под своим именем, Вы никого не оскорбляли — я просто не могу понять, почему Вы отнесли это определение к себе. В своем тексте я ваше мнение приводил отдельно, с глубоко уважительными эпитетами. Я восхищаюсь вашим талантом, и Вы это прекрасно знаете. Что Вы вдруг решили оскорбиться? Вас мало оскорбляют?

Что касается Кати Му-Му, то на мой взгляд, если имеет место гэбешная разводка, нормальные люди ее не принимают.

У Вас, я так понял, другая точка зрения, Вы пытаетесь объяснить, что разводки были разные, и если в вашем случае не имело места быть ничего общественно предосудительного, то у Познера ситуация иная. Чисто риторически, заметьте, у Вас получается какая-то гордость за то, что ГБ Вас проверял и не нашел ничего, кроме того, что вы нравитесь женщинам, а Познер — он вот загорает с Абрамовичем.

Мне кажется настолько отвратительным сам факт, что Вас проверяют и за Вами подсматривают, что я не хочу знакомиться с результатами этой проверки.

То, что Вы безукоризненны в общественном смысле и нравитесь женщинам, я и без них знаю, мне для этого не нужны их доказательства, они не дают ничего, кроме того, что бросают тень на женщин. И мне кажется настолько омерзительным, что они пытаются подставлять Познера, что я не считаю возможным реагировать на это.

Если честно, извините, но по-моему у Вас ошибочная позиция.

Если мы какие-то их разводки принимаем всерьез, а какие-то нет, то они идут туда, где их принимают всерьез. Это как в советские времена не верить ничему, кроме слухов, что такой-то — стукач. Количество

стукачей в этом случае мгновенно оказывается равно количеству инакомыслящих.

На мой взгляд, есть то, что человек делает, и то, что про него запускают те, кто хочет его скомпрометировать.

Познер такой человек, что само его присутствие в нашей повестке дня является скандальным вызовом для людей типа Андрея Лугового. Это иной уровень человека. Совершенно неважно, насколько скептически он относится к идее изменить власть сегодня и сейчас — знаете, в 77 лет люди как-то неестественно смотрятся среди революционеров — одного его наличия достаточно, чтобы понять, что надо быть каким-то другим человеком, чем вот госдуры и госдураки тоже.

Мне идея, что он присутствует по поручению Романа Абрамовича, представляется какой-то неубедительной — увольте.

Я слабо себе представляю, как Роман Аркадьевич может повлиять на Владимира Познера, пусть даже и на пляже. Скорее, возможен какой-то обратный процесс, да и Роман Аркадьевич скорее приглашает Познера не для инструктажа, а для повышения уровня своего Нового года.

Боюсь, мы с Вами расходимся в этом смысле.

Мне кажется, Вы настолько искренне верите в то, что защищаете, что Вам кажется, если человек не согласен с Вами, то это какой-то изъяз, вызванный внешним воздействием на него — вот на пляже с Абрамовичем постоял или еще где-то подцепил какой-то недостойный вирус. Я так не думаю. Я думаю, что люди, которых я уважаю, в достаточной степени интеллектуально состоятельны, чтобы допустить, что к своим взглядам они пришли сами, а не по просьбе других. Я, скажем, считаю, что Леонид Радзиховский может общаться с Владиславом Сурковым сколько ему нравится, важно, что он говорит, а не что про него сливают. И меня почти также огорчает ваша с ним переписка, как ваше письмо мне.

Впрочем, это все малосущественные детали.

Единственная цель моего письма заключается в том, чтобы засвидетельствовать свое уважение к Вам. Хотя Вы не согласны со мной, я не думаю, что на Вас кто-то так повлиял. Я просто понимаю, что Вы можете быть со мной не согласны.

Клуб на сотню тысяч человек

Echo.msk.ru, 09.06.2012

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/897269-echo/>

Еще два слова про Филиппа Дзядко и его увольнение. Хочу сказать не про политику, тут все ясно. Три дня подряд слышу, что жаль, конечно, но с точки зрения медиастратегии концепция журнала не верна. Так вот я хочу сказать о медиастратегии.

Один дурак в роли главреда, я помню, все поучал, что мы должны писать свои заметки не для себя, а для менеджера среднего звена. И мы все время должны иметь его ввиду, этого менеджера, чтоб его уже повысили или уволили. Что он думает, чем интересуется, каковы его вкусы, образование, что ему интересно, что нет. Почему-то это казалось очень мудрым. Мне было неинтересно, что думает менеджер среднего звена, я его не знал, а он не знал меня. Мне было неинтересно для него писать. Это очень ощущается в изготовленной мною для него продукции. Случайно наткнешься на собственный текст, и сразу видно — это унылое говно я изготовил для менеджера среднего звена. За версту пахнет. Этот дурак в роли главреда уже несколько журналов ухайдакал.

Я помню, как мы запускали, а потом закрывали журнал «Столица». Прекрасный был журнал, великолепные журналисты, восхитительный замысел. С одним изъяном. Он был для кого-то другого. Там все споры велись относительно сорта той target group, на которую он рассчитан, но никто не сомневался, что есть какая-то target group, другие какие-то люди, на нас не похожие, для которых это все пишется. Этот журнал тоже загнулся.

Раз в два-три года выпрыгивает кто-нибудь, и говорит: «Слушайте, в Москве 10 миллионов человек! У них есть свои интересы, у них хороший уровень доходов, они покупают прессу. Давайте сделаем для них журнал и процветем!» И этих попыток на моей памяти было уже с десяток. И все время меня куда-то зовут, и говорят, мы делаем журнал для москвичей, давайте вы напишите что-нибудь про московские дома, улицы, интересные места, это же все ваши темы. И они, эти журналы, дохнут, дохнут и дохнут. Потому что нет никаких москвичей. То есть люди есть, но у них нет московских интересов. Им совершенно неинтересно про сорта анютиных глазок на московских клумбах. Им интересно про голливудское кино, немецкие машины, российскую политику, отдых за границей, катастрофы в Туве и как Познер потерял паспорт в Америке.

Про target group и про менеджера среднего звена написано в любом учебнике. Уникальность Филиппа Дзядко в том, что он то ли об этом не знал, то ли совершенно справедливо выкинул эту хрень из головы. Он придумал журнал нового поколения. Мне кажется, список ньюсмейкеров этого журнала исчерпывается даже не записными книжками знакомых, а своей собственной. Это был журнал, где все, кто в нем писал, и кто в нем упоминался, были знакомы друг с другом. Если не непосредственно, то через одно рукопожатие. Казалось, это безумие — так делать журнал. А оказалось — это гениально.

Потому что меня делает москвичом не то, что я много знаю про московскую архитектуру. Я много знаю еще про архитектуру Лондона, Пскова, Рима, Вышнего Волочка, Стамбула, Парижа, Иерусалима — да мало ли чего. Москвичом меня делает то, что я знаком с Филиппом

Дядко или Асей Чачко или Степой Ванеяном или Львом Рубинштейном или Кириллом Ассом или Юрой Сапрыкиным или Натальей Синдеевой. Москвич — это узел, в котором пересекаются ребра человеческих связей между людьми, живущими в графе «Москва». И именно это создает специфическую московскую повестку дня, а вовсе не то, что есть московские газоны, сезоны или промзоны. И именно это открыл Филипп Дядко и на этом сделал журнал.

Он придумал журнал не для кого-то, а для нас. Это гениально, потому что никто так до него не делал. Это гениально, потому что это против всех законов пиара. Это гениально, потому что это даже не было заявлено как программа. И это гениально, потому что это получилось. Сотня тысяч тиража — это же сдуреть можно. Их же расхватывали за три дня. Филипп Дядко сделал клуб на сотню тысяч человек!

И я вам скажу, уважаемые господа медиаменеджеры, которые мне три дня объясняют, что у Филиппа Дядко нет представления о медиастратегии. Вы слепые. Он придумал медиастратегию на пересечении принципа сарафанного радио и последних идей про социальные сети. Только до него через эти каналы умели продвигать исключительно информацию о том, что у нас сегодня кошка родила вчера котят. А он пустил через них переписку Акунина с Рубинштейном. Теперь, когда начнут реформировать этот журнал, придумывать его аудиторию, искать target group, вы может быть поймете, что он сделал. Это унылое говно вы уже и видели, и сами делали.

Ей-богу, я правда советую, искренне, лучше все объяснять политической. А то ведь видно, до какой степени мы глупы. Мы в упор не видим офигенного изобретения, которое в нос суют.

Принуждение к компромиссу

Echo.msk.ru, 02.04.2012

<http://www.echo.msk.ru/blog/revzin/874545-echo/>

В постсоветское время мы вышли в ситуации сравнительного единения между церковью и интеллигенцией. Родилось оно в атмосфере сравнительно разнонаправленных духовных исканий, прекрасно показанных чудеснейшим Александром Архангельским в фильме «Жара». Оставляю всю долгую предысторию вопроса — нынешние отношения церкви и интеллигенции родились именно в 70-80-е гг., когда 20-30-летние интеллигенты во втором-третьем поколении массово пошли креститься. Хотя это единение в последние 20 лет неоднократно подвергалось испытаниям, но до сего момента оно все же не вызывало сомнений — церковь была одной из немногих институций, которые вызывали всеобщее уважение. Похоже, это больше не так.

Есть несколько позиций РПЦ, с которыми трудно смириться.

1. Это церковь, полагающая высшей мирской ценностью государство. В истории Pussy Riot это проявилось с плакатной ясностью — просьбу к Богоматери об уходе Владимира Путина с поста президента РФ патриарх Кирилл публично расценил как святотатство, что даже несколько экзотично. Ценности справедливости, милосердия, сострадания РПЦ полагает менее существенными, ценности свободы практически не признает. Это разрушает уважение к РПЦ, тем более что все эти ценности являются христианскими и непризнание их кажется продиктованным не духовной позицией, а политической конъюнктурой.

2. Это церковь, борющаяся с интеллигенцией. Уничтожение провинциальных музеев или изъятие из коллекций тех музеев, которые не удастся уничтожить, произведений древнерусского искусства, еще можно было понять как попытку преодолеть травмы революции, хотя объектами борьбы являлись вовсе не пламенные революционеры, грабившие храмы в 20-е и 60-е, а искусствоведы и реставраторы, жизнь положившие на сохранение православных святынь. Это обстоятельство в борьбе за имущество РПЦ учесть не смогла, но люди редко ценят душевные качества тех, с кем надо бороться за наследство. Ладно, тут было хотя бы наследство. Но заявления типа призывов запретить книги Борхеса или Набокова, введение дресс-кодов и т.п. трудно воспринять иначе, чем наглое воинственное мракобесие, не спровоцированное никакими обидами, когда-то нанесенными РПЦ. Причем стоит заметить в скобках, что отец Чаплин, который озвучивает эти инициативы, вполне сознательно провоцирует оппонентов — либо вы промолчите из нежелания оскорблять чувства верующих, либо открыто выскажитесь против церкви.

3. Это церковь националистическая. По слову апостола Павла, «нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины, ибо все вы — одно во Христе Иисусе». Слова эти являются предметом довольно жарких толкований со стороны представителей РПЦ, так или иначе пытающихся доказать, что понимать их надо как-то в том смысле, что эллины и в особенности иудеи, конечно же есть, и апостол имел в виду не то, что сказал. Глядя на дело несколько со стороны, классифицировать эти толкования иначе, как доказательство, что РПЦ страдает ересью национализма, достаточно трудно. Дело, однако, не в отношении к национальностям. Дело в том, что РПЦ с одной стороны искренне полагает, что является носителем откровения, а с другой — что все ее за это преследуют, обижают и борются с ней. Она борется в ответ. Сочетание чувства собственного превосходства с ощущением собственной униженности — классическая формула национализма. Национализм РПЦ при этом приобретает политические черты — она антизападна и антилиберальна. Вопрос о том, нужно ли церкви занимать политическую позицию,

довольно спорный — с христианской точки зрения спастись можно и в лагере, а возлюбить ближнего своего должно независимо от политического режима. Но уж если она ее занимает, то как-то трудно, что она основывается на ненависти к другим.

Эти три позиции — обожение государства, националистическая ересь и борьба с культурой — в принципе сравнительно ничтожны по сравнению с тем, что дает церковь верующему христианину. Тем не менее, они создают достаточно серьезную драму во внутренней жизни, когда люди, не готовые их принять, должны идти в храм вопреки этому. То есть их принуждают к нравственному компромиссу, что в случае с христианской церковью особенно мучительно. Очевидно, что долго это продолжаться не может. Разумеется, речь идет только о либеральной интеллектуальной элите, для других, насколько я понимаю, коллизии не возникает. Вопрос не в том, что будет с РПЦ. Если ее пути и пути интеллектуальной элиты разойдутся, она рано или поздно пожнет плоды дай Бог не столь горькие, как в 20-е, когда вчерашние прихожане невесть с чего громили храмы, но так или иначе не хорошие. Возможно, она считает эти издержки приемлемыми по сравнению с теми благами, которые дает ей союз с государством — сегодня это выгодно, завтра будет завтра; вопрос, повторю, не в ней. Вопрос в том, что будет с интеллектуальной элитой.

Тут есть два обстоятельства.

Во-первых, либерализм сам по себе не имеет развитой этической позиции. Границы моей свободы пролегают там, где начинается свобода другого — это все, но это означает, что мы вынуждены признавать свободу творить зло — право на самоубийство, право на саморазрушение, право на человеконенавистнические взгляды и т.д. В истории Европы либерализм сочетался с христианской этикой, которая, однако, не являлась его частью, она гораздо старше, укоренена совсем в иных институтах, чем парламент, свободные выборы, независимые суды и свободная пресса. Иногда он сочетался с европейскими производными христианства типа гуманизма или веры в прогресс. Но если все это отсечь, мы получаем интеллектуальную элиту без нравственной позиции. Это противоестественно и отвратительно.

Во-вторых, это только кажется, что элиты без нравственной позиции не может быть. На самом деле расхождение российской интеллектуальной элиты с церковью имеет долгую трехвековую историю и заканчивается отвратительно. У Максимилиана Волошина есть строки:

*Ныне ль, даве ль? - все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,*

*Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров –*

это как раз про людей, веривших, что ведут страну куда-то, и при этом не имевших нравственной позиции, то есть про нас.

Вопрос о том, может ли быть христианская этика вне церкви, более или менее ясен, множество людей уже несколько столетий являются носителями этой этики, но при это не воцерковлены. Однако в России вопрос звучит несколько иначе — не вне, а рядом с церковью, которая обожествляет государство, не справедлива, не милосердна и позволяет себе ненавидеть. История России показывает, что в результате такого сосуществования этика подвергается чудовищной коррозии и не выдерживает соблазна «замыслов неистовых хирургов».

Михаил Гельфанд

Зараза

Dissernet.org, 07.05.2013 («Троицкий вариант», № 128)

<http://trv-science.ru/2013/05/07/zaraza/>

В обсуждениях диссертационного скандала часто попадают высказывания о том, что зараза плагиата и фальшивых статей поразила общественные науки, а вот в науках естественных такого не бывает. Еще как бывает.

Тут необходимо предупредить: дальше читать будет скучно. Будут сливаться в один неразличимый ком имена и названия, институты и журналы. Но ничего не поделаешь, только так и можно показать, что происходит в нашей науке. С деталями и без пафоса, как и полагается в нормальном исследовании. Только предметом его будут не жуки и бактерии, а диссертанты, руководители и председатели диссоветов; не природные экосистемы, а сообщества фальшиводиссертатчиков. А в конце последуют выводы, пока, к сожалению, не административные. Итак, приступим.

Жужелики

Вот, скажем, диссертационный совет по экологии и зоологии Д 212.053.03 при Дагестанском государственном университете. В последние годы там прошло много интересных защит. Например, экспертным советом ВАК в 2010 году были выявлены заимствования в докторской диссертации С.С. Гаджиевой [1], однако, вопреки «Положению о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций», ей было позволено снять диссертацию с защиты. При этом ни она, ни председатель диссертационного совета профессор Гайирбег Магомедович Абдурахманов (по совместительству — один из научных консультантов работы) на экспертный совет вызваны не были. Примечательно, что критические замечания в отзывах двух оппонентов (А.А. Атаев, Дагестанский педагогический университет, и О.А. Калачева, МИИТ, Москва) дословно совпали — с точностью до порядка пунктов; почему-то при защите это никого не смутило. А на сайте ВАК присутствует автореферат той же работы, но датированной 2008 годом [2], видимо, тогда тоже обнаружили какие-то проблемы.

Простодушный способ переписывания был использован в кандидатской диссертации Х.С. Яндарханова [3], целая глава которой списана с книги [4] (NB: не путать авторов: научный руководитель диссертанта Гайирбег Магомедович Абдурахманов, автор книги — Магомед Гаджимагомедович Абдурахманов). При описании вскрытий «Махачкалинск-

кий комбинат» заменялся на «Грозненский комбинат», но все количественные результаты вскрытий (гельминтофауна, в просторечии глисты) остались прежними.

Совершенно чудесная картинка нарисована на рис. 3 автореферата докторской диссертации А.Р. Астарханова, защищенной все в том же совете [5]. На одной круговой диаграмме (Excel piechart) приведены следующие величины: процент выживших (тлей, но сейчас это не важно), процент погибших, количество дней с отрицательными температурами, количество дней со среднесуточной температурой -5°C и ниже, минимальная температура воздуха, в $^{\circ}\text{C}$. В результате круг пропорционально разделен на пять сегментов, из которых два — проценты, два дни и еще один — градусы.

Хотя в личном деле диссертанта было указано, что он является старшим преподавателем Дагестанской государственной сельскохозяйственной академии, человек с тем же именем — Ибрагим Рустамханович Астарханов — работает начальником отдела внутреннего карантина растений Управления Россельхознадзора по Республике Дагестан. Обычно начальники такого уровня вызываются в ВАК для подтверждения личного вклада, но в данном случае этого сделано не было. И еще одно странное совпадение: человек с той же фамилией, Тамара Саржановна Астарханова, заведует кафедрой экологии и защиты растений все той же ДГСХА, и тема ее работы, вредители винограда, совпадает с темой диссертации И.Р. Астарханова. Заметим еще, что в автореферате указан научный консультант — «академик Г.М. Абдурахманов»; правда, не сказано, что академик РЭА, а не РАН.

А вот, пожалуй, самое серьезное. Диссертация Э.М. Гаджиевой [6] написана по материалам монографии [7] (научный руководитель диссертации и соавтор монографии — все тот же профессор Абдурахманов). Но эта монография, посвященная жуужелицам Дагестана, содержит заимствования из статьи про жуужелиц Молдовы [8]: рисунки и текст воспроизведены без изменений и без ссылки на первоисточник.

В апреле 2011 года А.В. Маталин, случайно обнаруживший эти заимствования, сообщил о них ВАК. Вскоре он получил ответ о том, что обращение будет рассмотрено на экспертном совете по биологии, но дальше дело не пошло. В феврале этого года, на волне диссертационных разоблачений, Андрей Владимирович (кстати, сотрудник того самого МПГУ) повторил свое обращение и получил ответ: предоставленные им материалы направлены для рассмотрения — куда? — в диссертационный совет Д 212.053.03.

Ну и последний анекдот; точнее, даже не анекдот, а иллюстрация. Значительная часть «ВАКовских» публикаций работ, защищаемых в этом совете, обеспечивается за счет журнала «Юг России: экология, развитие», главным редактором которого является все тот же Г.М. Абду-

рахманов. Там творится странное: скажем, две статьи могут частично отличаться по составу авторов, отличаться по месту исследования, указанному в названии (совпадая в остальном), и практически полностью совпадать по тексту, рисункам и таблицам со всеми численными данными [9, 10].

Казалось бы, этих историй достаточно, чтобы пристальнее присмотреться к деятельности диссертационного совета. Но этого сделано не было. Не потому ли, что научный руководитель и консультант этих диссертаций, председатель диссертационного совета, заслуженный деятель науки Республики Дагестан и Российской Федерации профессор Г.М. Абдурахманов с 2011 года — уже после вскрытых нарушений — является еще и членом экспертного совета ВАК по биологии?

Нанонавоз

А вот еще один подобный клубок. Александр Аркадьевич Иванов, кандидат экономических наук, полгода назад защитил докторскую по биологии [11]. Человек он заслуженный в буквальном смысле слова: заслуженный экономист Республики Татарстан, награжден почетными грамотами Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства по делам молодежи, спорту и туризму РТ [12], генеральный директор НИИ «Био-и нанотехнологий» (точнее, ООО «Научно-исследовательский институт био-и нанотехнологий» [13]), заместитель директора казанского ФГБУ «Федеральный центр токсикологической, радиационной и биологической безопасности», директор которого — член-корр.РАСХН Аркадий Васильевич Иванов, отец Александра Аркадьевича. В этом центре и была выполнена работа. Защита, правда, состоялась не в Казани, а в Ульяновске — в государственной сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина. Если внимательно почитать автореферат [14], можно предположить, что эту работу как-то неловко было защищать в родном городе.

Автореферат содержит многочисленные заимствования из автореферата кандидатской диссертации еще одной сотрудницы казанского центра — Л.Е. Матросовой, выполненной и защищенной в 2005 году во Всероссийском научно-исследовательском ветеринарном институте [15] (это та же самая организация). У Иванова и Матросовой есть общие статьи, но более поздние: они не могли послужить источником совпадений. Общий у них и научный руководитель — профессор Михаил Яковлевич Тремасов; кстати, у Матросовой в автореферате обозначен не только руководитель, но и научный консультант — профессор Аркадий Васильевич Иванов.

И дальше — весь тот же спектр. Большинство публикаций — в журнале «Ветеринарный врач» (из списка ВАК, главный редактор — А.В. Иванов, члены редакционно-экспертного совета — М.Я. Тремасов и А.А. Иванов), и почти все содержат многочисленные заимствования

из чужих работ, интернет-сайтов и даже студенческих рефератов. В списке публикаций приведена и несуществующая статья из ученых записок другого вуза.

Впрочем, возможно, причина переноса защиты в другой город проще: профессор Иванов — еще и председатель обоих диссертационных советов ФЦТРБ-ВНИВИ [16].

В любом случае, похоже, это не один изолированный случай, а целый пучок. Например, точно так же содержат обширные совпадения авторефераты еще одной пары учеников профессора Тремасова, защищавшихся в совете Д 220.012.01: И.М. Еремеева (защита в январе 2013 года) [17] и В.И. Егорова (2007 год; второй руководитель — опять профессор Иванов) [18]. Наводят на нехорошие мысли сохранившиеся местами абсолютные совпадения в результатах при использовании различных препаратов: скажем, в обеих работах «гибель крыс началась на 15 сут с момента поступления токсинов, а на 19 сут погибло 50% животных». А ведь эти результаты послужили основанием для конкретных практических рекомендаций...

* * *

Итак — у биологов все ровно так же, как у историков. Ученики одного профессора переписывают диссертации друг у друга, слегка разбавляя кусками из других текстов; несуществующие публикации; путаница в авторстве статей, когда никто уже не помнит, кому что нарисовали; у учреждения, при котором создан совет, имеется свой «домашний» журнал из списка ВАК, и председатель совета — главный редактор этого журнала; председатель диссертационного совета входит в экспертный совет ВАК...

Так что если мы, биологи, будем дразнить представителей «неестественных» наук, они скажут, что мы занимаемся науками «антиобщественными», и будут правы. Потому что плагиат в исторической работе — это просто плагиат, а плагиат в биологической диссертации неминуемо сопровождается фальсификацией результатов.

- 1 Гаджиева С.С. Фауна, биология и экология рода *Anopheles* Mg (сем. Culicidae) в прибрежных экосистемах Каспийского моря, автореф. дисс. докт. биол. наук. Махачкала, 2010.
- 2 <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/biolog/22-09-2008/GadzhievaSS.doc>
- 3 Яндарханов Х.С. Видовой состав, эколого-биологическая характеристика и биоценологические связи гельминтофауны горных районов чеченской республики, автореф. дисс. канд. биол. наук. Махачкала, 2011.
- 4 Абдурахманов М.Г. Кавказский тур. редкие животные СССР: Копытные звери. // М.: лесная промышленность, 1977.

- 5 Астарханов И.Р. Биоэкологические особенности фитофагов и фитопатогенов винограда (*Vitis vinifera* L.) и оптимизация их численности биологическими методами в условиях Западного Прикаспия, автореф. дисс. докт. биол. наук. Махачкала, 2010.
- 6 Гаджиева Э.М. Эколого-фаунистическая характеристика жуужелиц (Coleoptera, Carabidae) Дагестана, летящих на свет, автореф. дисс. канд. биол. наук. Махачкала, 2009.
- 7 Абдурахманов Г.М., Халилова Э.А., Сайпулаева Б.Н., Гаджиева Э.М. Эколого-фаунистическая характеристика жуужелиц (Coleoptera, Carabidae) Дагестана, летящих на свет. Махачкала: «Алеф», 2009.
- 8 Карпова В.Е., Маталин А.А., Сезонная динамика лета жуужелиц на свет на юге Молдавии / «Структура и динамика популяций почвенных и наземных беспозвоночных животных», ч. I, стр. 43-51 // М.: МГПУ им. В,И. Ленина, 1990.
- 9 Нахибашева Г.М., Багомаев А.А., Мусаева Р.А. Состав, структура доминирования и динамика активности жуужелиц в агроэкосистемах Дербентского района. // Юг России: экология, развитие, 2008, № 3, с. 50-55.
- 10 Нахибашева Г.М., Абдурахманов Г.М. Состав, структура доминирования и динамика активности жуужелиц в агроэкосистемах южного Дагестана. // Юг России: экология, развитие, 2007, № 1, с. 57-63.
- 11 <http://vak2.ed.gov.ru/catalogue/details/87765>
- 12 www.tatcenter.ru/whoiswho/8/1855
- 13 www.tatcenter.ru/enterprises/95/13007
- 14 Иванов А.А. Создание и использование новых биопрепаратов для деструкции органических отходов и повышения сохранности животных, автореф. дисс. докт. биол. наук. ФГБОУ ВПО «Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П.А. Столыпина», Ульяновск, 2012.
- 15 Матросова Л.Е. Фармако-токсикологическая и биологическая оценка ускорителя ферментации УФ-1 для переработки органических отходов животноводства, автореф. дисс. канд. биол. наук. Всероссийский научно-исследовательский ветеринарный институт, Казань, 2005.
- 16 www.vnivi.ru/dissert
- 17 Еремеев И.М. Разработка метода обезвреживания кормов, загрязненных сочетанно децисом и афлатоксином Вt, с изучением их влияния на организм животных, автореф. дисс. канд. биол. наук. ФГБУ «Федеральный центр токсикологической, радиационной и биологической безопасности», Казань, 2012.
- 18 Егоров В.И. Токсикологическая оценка сочетанного воздействия дециса и Т-2 токсина на организм животных и изыскание профилактических средств, автореф. дисс. канд. биол. наук. ФГУ «Федеральный центр токсикологической и радиационной безопасности животных», Казань, 2007.

С другой стороны

Dissernet.org, 02.07.2013 («Троицкий вариант», № 132)

<http://trv-science.ru/2013/07/02/s-drugojj-storony/>

Это интервью состоялось в середине июня. Оно не требует ввода, потому что предмет его ясен с первых вопросов, а про собеседника мы обещали ничего не сообщать.

— **Вы работали в фирме, которая производила разные тексты?**

— Это была неформальная индивидуальная трудовая деятельность.

— **Команды не было?**

— Нет. Была группа товарищей, которые иногда перекидывали друг другу то, на что не хватало времени, но это формально никак не было организовано.

— **В какие годы это было?**

— С девяносто пятого по две тысячи пятый.

— **А прекратилось, потому что нашлись более интересные занятия или что-то изменилось в мире?**

— Потому что трудно писать работы, когда ты находишься далеко от клиентов. И к тому же я не могла вывезти целиком свою библиотеку.

— **Видимо, дело в библиотеке? Кажется, для такой деятельности общение с клиентом не очень нужно.**

— Не совсем так. То, что я делала, было сложнее, чем то, что делают стандартные писатели, поэтому мне надо было встречаться с людьми, получать их задания, что-то обсуждать. Это не очень удобно делать, когда ты сидишь по другую сторону Земли.

Ну и потом, появились другие интересы и задачи.

— **А эти тексты — это были диссертации или что-то еще?**

— Ближе к концу это были в основном дипломы, немного курсовые. Курсовые уже было менее интересно писать, рефераты совсем не интересно. Диссертаций было две или три.

— **По каким наукам?**

— Экономические дисциплины — банковское дело и общий менеджмент.

— **Какие институты?**

— Какие-то из современных свежеобразованных.

— **Плехановского или РЭШ не было?**

— Давайте не будем про конкретные детали.

— **Хорошо. Тогда так — диссертации были написаны для людей какого социального строя?**

— Был чиновник и был менеджер.

— **А зачем ему?**

— Видимо, для карьерного продвижения — понтов сразу много ста-

новится. Кандидат экономических наук— звучит же. Видимо, он хотел продвинуться, и ему нужны были какие-то основания, карьерные преимущества по сравнению с другими топ-менеджерами.

— **Как клиенты Вас находили, если это была индивидуальная деятельность?**

— Сарафанное радио или объявления в газете. Диссертанты — одно-го я вела долго, еще с курсовых, а второму кто-то порекомендовал.

— **Бывали случаи, что Вы отказывали клиенту?**

— Бывали.

— **Почему?**

— Основная причина — финансовая, недостаточное уважение моего труда. Человек не понимает, что значит нормально решенная задача и оформленная работа, а не просто содранная с Интернета; не понимает, что это стоит денег.

Еще был диплом по философии, который должен был быть основан на работах Щедровицкого. Там звучало слово «мыследеятельность», от которого мне стало не по себе. Я немного почитала и поняла, что я не могу и не хочу в этом разбираться.

— **То есть Вы писали работы не только по экономике?**

Экономика, философия, право, политика, история, художественная часть, психология, социология — это основные.

— **При таком разнообразии тем, какая получалась производительность? Ясно, что это зависит от потока клиентов, но, скажем, если взять за год?**

— В каких единицах Вам сказать?

— **В штуках дипломов.**

— Так не скажу. Могу в штуках баксов. Максимум был перед кризисом 1998 года — три-четыре тысячи в преддипломные месяцы: апрель, май, июнь, — в остальные полторы-две. Но у меня были высокие цены.

— **Какие?**

— Дипломы — десять-пятнадцать баксов за страницу в зависимости от срочности. Доходило до двадцати, если надо было сделать за три дня. Диссертации — от двадцати до тридцати. Но после 98-го все упало в разы.

— **А характерный объем?**

— Диплом — страниц 50-70. Диссертация — 100-120.

— **Это не мало для диссертации в общественных науках?**

— Там была такая степень растерянности у всех и такая малая доля людей, выходящих на защиту, что руководители были рады хоть чему-нибудь. Соискателям говорили, что если они хоть что-то напишут, то их протолкнут. Ситуация была настолько плоха, что нужна была хотя бы видимость происходящей научной работы.

— **Руководители знали, что они не сами пишут диссертации и дипломы?**

— Видимо, не предполагали. Я старалась не допускать чрезмерной зауми, а в процессе разговора с клиентами пыталась им что-то объяснить. Диссертанты понимали, и большинство дипломников — тоже.

— **Вы не просто писали текст, но и готовили их к защите?**

— Я им писала текст выступления, и с теми, кто был готов, я проговаривала основные моменты. Конечно, были и такие, кто говорил «напишите мне — все, до свиданья, спасибо». У меня было мало обратной связи, в 90% случаев они защищались и больше никогда не звонили, им больше ничего не нужно. Иногда присылали других клиентов, видимо, это означало, что они довольны.

— **Если теперь посчитать, получается, что средний диплом — это пятьсот баксов, в горячие месяцы дороже. Стало быть, это где-то диплом в неделю.**

— Да, весной 98-го было так. Бывало дольше, некоторые руководители хотели, чтобы им все сдавалось поэтапно, с правкой и так далее, — в таких случаях приходилось начинать заранее. Если есть адекватная тема, пишешь им план, они относят его на утверждение руководителю, он что-то правит, предлагает включить параграф про то-то и про то-то, хорошо, включаешь этот параграф, потом «первую главу надо сдать тогда-то», хорошо, сдаем первую главу, получаем обратно с правкой, делаем правку, пишем вторую главу, и так далее. Это нормальный способ работы. Студент, кстати, с большей вероятностью прочитает свой диплом в этом случае. Но есть экстремальный вариант, приносят тему и говорят: «Через неделю — срок». Бывало и через три дня.

— **Вы упомянули, что был человек, с которым Вы работали с курсовых. И вот так Вы ему всю жизнь писали курсовые, потом диплом, потом диссертацию?**

— Ну, да.

— **Это уже получается какая-то дружба домами.**

— Почему же? Это нормальные товарно-денежные отношения. Но да, я уже готова была с ним что-то обсуждать, мы немножечко трендели. Но совсем немного. Он такой всегда был усталый, замученный политикой, вечно грустный в своей душистой Ауди...

— **Неделя на диплом и очень разнообразные темы — у Вас был какой-то особый навык генерации текстов?**

— В основном это все-таки была экономика. Потому что экономику, судя по всему, хорошо писали немногие — надо было что-то в ней понимать. Я понимала.

— **Какое у Вас образование?**

— Естественнонаучное. Но потом я в девяносто четвертом пошла работать в бухгалтерию, потом засела дома с ребенком и стала писать, сначала, конечно, рефераты. Постепенно это стало укладываться в голове, и более или менее я разобралась в этом настолько, что потом я три

года работала финансовым журналистом, писала макроэкономические отчеты и анализы.

— **Навык писания текстов сказался?**

— Не просто навык писания текстов, это понимание того, что происходит в экономике. В чем мне, конечно, очень помогала моя курсовая и дипломная деятельность. У меня была очень хорошая экономическая библиотека, в ней были практически все западные переводные книги, которые издавались во второй половине девяностых. Я легко инвестировала в эту литературу, я ее читала и анализировала.

— **А непереведенные?**

— У меня английский язык в хозяйстве появился только сейчас, поэтому я их не читала, было бы неэффективно сидеть со словарем. Потом, на том этапе мне не понадобилось ничего глубже. Конкретные ситуации надо было разбирать уже в журналистской деятельности, а для работы со студентами была нужна в основном экономическая теория, — вполне нормально переведенная. Но прессу, в том числе специальную, иногда шерстить приходилось.

— **Разбора конкретных кейсов не было, только общая теория?**

— В некоторых дипломах я строила бизнес-планы предприятий. Это уже ближе к практике. Анализировала финотчетность реальных бизнесов, когда студентам удавалось добыть данные. Как-то студент показал своей начальнице-главбуху результат моего анализа и прогноза. Неблагоприятный. Та погрустила, но сказала что все правда.

— **Из контекста ясно, но я все-таки спрошу: до какой степени все эти тексты были самостоятельные?**

— Естественно, я читала литературу, я ее цитировала с указанием источника, часто с точностью до страницы, но тексты были самостоятельные. Это не то, что делают многие, скачивая из Интернета или просто переирая учебники. Конечно, мои тексты, особенно рефераты, до какой-то степени повторяли сами себя, потому что невозможно написать без самоповторений двадцать пять разных рефератов на тему про Петра I или про переход России к рыночной экономике. Но самая засада была — два диплома на одну и ту же тему в один и тот же институт в один месяц.

— **Вы сейчас свои тексты не встречаете в Интернете?**

— Я не искала. Неинтересно. Правда, перед нашей встречей я подумала, что, пожалуй, не буду выкидывать свои трехдюймовые дискеты.

— **Это может оказаться хорошим активом.**

— Я бы, конечно, легко продала, только не знаю, куда. Но это уже отчасти устарело, я восемь лет как ничего не пишу.

— **Водяных знаков Вы не вставляли? Есть профессор, который во всех диссертациях использует термин, который ничего не значит, но показывает авторство.**

— Нет.

— **Демпинг со стороны халтурщиков ощущался?**

— Конечно, особенно после девяносто восьмого года. Люди были очень голодные, увидели, что есть такая ниша, и бросились туда. Писали чуть не по три рубля за страницу и, конечно, таскали все из Интернета. Тогда появилось множество сайтов с готовыми рефератами. Мои цены тоже упали, а потом и объемы сократились.

Когда я начинала, был небольшой столбик в газете «Из рук в руки», человек шесть, потом полколонки, потом целая, потом три колонки. Потом каждый второй стал спрашивать: «А Вы не из Интернета берете?» Приходилось объяснять, что нет.

— **Верили?**

— Как правило, да.

— **Губернаторы и прочие уважаемые люди, которые сейчас были пойманы на списывании, — они не задали вовремя этого вопроса? Как они могли так проколоться?**

— Трудно сказать. Очень многие из тех дипломников, которые ко мне приходили, — это были нормальные люди, у которых были семьи, они работали, и им не хватало сил и времени еще и диплом писать. Это же не в институте, где человек пишет в рабочее время, тут он работает, занимается, например, логистикой, принимает решения, а потом приходит домой — и что, он должен садиться какой-нибудь никому не нужный литобзор писать?

— **Вопрос не в том, почему они это делали, а почему так поймались.**

— У них нет времени, они не могут сесть и проверить. К тому же и программ этих не было.

— **Это любой поисковик делает.**

— Не все, наверно, додумались. Губернатор вообще не должен сам этого делать, он должен говорить помощнику: «Мне тут написали диссер, пойдешь, прогугли», — вот так должны решаться вопросы. А то, что он этого не сделал, говорит о его низком интеллектуальном уровне, неспособности распределять обязанности, делегировать полномочия и подбирать команду одновременно, что в совокупности дает портрет абсолютно неэффективного руководителя.

— **Почему диссертаций было всего две?**

— Так получилось. Кого-то цены отпугивали. Была еще одна диссертация, мы бросили, потому что человек устал. У него была злокозненная руководительница, которая сама не знала, чего хочет.

— **По какой науке?**

— Тоже в каком-то менеджменте. Надо сказать, что тот feedback, который я получала через дипломников от их руководителей, — это был ужас. Руководители сами ничего не понимали. Вроде уже рыночная экономика, мы пишем про банковскую деятельность в двадцать пер-

вом веке на основе нормальных принципов работы банковских структур, мультипликатор там, японская система баланса обязательств и ликвидности активов, риски деривативов, а они разговаривают на языке — ну не девятнадцатого века, конечно, но близко.

— **Тогда я еще раз спрошу про институты...**

— Была Высшая школа экономики, но мало. Зато один раз сам Ясин хвалил. ГФА — Финакадемия. Заочный финансово-экономический, который на Филях. Плешка, естественно. Юридическая академия, Современный гуманитарный университет, Государственный университет управления, Нестеровка (Университет Натальи Нестеровой. — ТрВ), ИМПЭ. Еще Университет сервиса, Университет потребкооперации — оттуда очень много было. Адски много работ было из адского колледжа «Тантал». Я бы его закрыла за преступную профанацию идеи высшего образования.

— **Экономфак МГУ?**

— Нет. Я удивлялась, кстати.

— **РЭШ?**

— Не было.

— **Вы сначала бросили этим заниматься, а потом уехали, или перестали из-за отъезда?**

— Я сдала последние работы и уехала.

— **Чем Вы сейчас занимаетесь?**

— Бухгалтерским учетом.

— **На русском языке?**

— На английском.

— **Когда Вы кого-то отправляли к другим авторам, почему это случилось?**

— Из-за цейтнота. Я была почти всеядна и принималась за все, что представляло хоть какой-то интерес. Психологов часто передавала, мне это было менее интересно.

Хотя вот, медиков у меня не было вообще. Я думала и решила, что вот медикам я ничего не буду писать. Но они и не приходили.

— **Математикам, наверно, тоже не писали?**

— Нет. Финанализ писала. Экономические задачи для Университета потребкооперации решала, наверно, я одна. Тексты экономических задач там были совершенно сумасшедшие, «на заготовительной базе номер один межрайонной потребительской заготконторы...». Это были задачи на цепные подстановки. Их давали, чтобы у студентов развивалось экономическое мышление, чтобы студенты понимали, как смена факторов меняет себестоимость, объемы продаж. Но сквозь те формулировки продаться можно было только с советской закалкой.

— **А Вы за них решали, и мышление не развивалось.**

— Иногда приходилось что-то объяснять, это было самое приятное,

когда они что-то хотели понять. Не все, конечно.

— **Мы опять возвращаемся к тому же — как они отличают качественную работу от некачественной.**

— Не знаю. У меня почти не было обратной связи. Получил пять, все в порядке. Это часто разовые запросы, у таких клиентов нет никакого представления о том, каким оно должно быть.

Я спрашивала у мальчика, который пришел за диссертацией, что ему нужно, что он хочет сказать. Он смотрел... с тоской. Ему просто нужны были корочки для карьерного движения.

— **Это менеджер?**

— Нет, это госчиновник.

— **Кто был самый противный клиент?**

— Некий мальчик долго мне рассказывал про «Харе Кришна, харе Рама», а потом сказал: «Ну, Вы там смотрите, напишите все хорошо, Ваш номер у меня определился, я, если что, могу и ...» чего-то там такое. Я ему сказала: «Вы даже себе не представляете, что я могу». И он потом уже вежливо со мной разговаривал. Мерзкий был тип.

— **А чего Вы можете?**

— Ничего не могла тогда. Поблефовать могла. Очень разозлил.

— **А самый симпатичный?**

— Девочка, я ей много писала, защитила диплом, в тридцатиградусную жару привезла бутылку шампанского. Муж ее немедленно открыл, и вся клиентка была в шампанском, но она не обиделась. Хорошая была девочка. Мы долго тогда болтали — просто про жизнь.

Еще была девочка, очень домашняя. Молодая мама. В какой-то очередной раз она сказала: «Мне руководительница говорит, что надо в академическом стиле написать». Я подумала, что же такое «академический стиль», написала: «Мы считаем. Наши исследования показали.», — классика жанра. Она читает внимательно, тщательный такой человек, потом звонит: «Вы пишете «мы» — это кто? Мы с Вами?». Объяснила, что эта фигура речи такая. Она меня потом еще с Первым мая поздравляла, записала в бабушки.

— **Родители знали?**

— Иногда знали, давали деньги. Дитятку-то надо выучиться, особенно если это одинокая мама с ребенком. Вспомнила, кто был самый противный. Это был молоденький альфонс с внешностью исхудавшего Бори Моисеева, только Боря милый, а тот нечистый какой-то, суетливый и прыщавый. И с «мамкой» — застрелись просто. Бабища примерно пятидесяти лет, золото, белые травленные волосы, краска на морде осыпается, стразики повсюду. Вот этот был мерзкий до тошноты: тот меня разозлил, а этот был действительно мерзее некуда.

— **Те, у кого родители не знали, откуда брали деньги?**

— Работали. Была еще одна категория — «девочки»: жены, содержанки. Они приходили, томные, деньги не считали, ни черта не по-

нимали, как правило. Это было неинтересно.

— **Девочки приходили одни?**

— По-разному. Самое смешное было, когда заказывать они приходили одни, а забирать — с back-up-ом. И начиналось: «А Вы уверены? — Да, я уверена. — Ну, смотрите. — Я смотрю, деньги давайте и валите». То есть она заплатила, а он потом говорит: «Ты что, сдурела такие бабки платить за какой-то реферат», и вот она в ужасе приезжает с этим своим мужем, боится, то ли что я им не то что-то дам, то ли муж взгреет за неправильную работу. Но поскольку мои работы не заворачивали, то все обходилось.

— **А что они потом с этими дипломами делали?**

— Не знаю. Меня это не волновало.

— **Напрямую с научными руководителями Вы не контактировали?**

— Нет. Сразу бы стало видно, что человек пишет не сам.

— **Конечно. То есть до такого не доходило...**

— Не доходило. Иногда было видно по замечаниям руководителя, что он совершенно не в теме.

— **Это опасно, если ребенок оказывается слишком умным.**

— Нет, может, руководители не всегда сами понимали какие-то новые вещи, но они радовались, когда видели нормально сделанную работу.

— **Проколы были, когда принесли диплом, а за него четверку поставили?**

— Не жаловались. Потом, в большинстве случаев дипломы — работа постепенная. Я их выводила на это, предлагала по главам сдавать, чтобы не было проблем. В большинстве случаев они на это шли, сдавали работы поэтапно. Преподаватели видели, что человек работает, я видела замечания, понимала, какие у преподавов глюки, писала соответственно.

Такого чтобы заворачивали, точно не было. А четверки. Это же еще от защиты зависит, от ответов на вопросы.

— **Вот на ответах на вопросы и можно обнаружить, что он в своем дипломе ничего не понимает.**

— Не знаю, как они с этим обходились. Я их просила прочитать работу, а дальше это были их проблемы. Если работу преподаватель принимает, по главам, какие ко мне вопросы? Конфликтов не было.

— **Бывало, что не платили денег?**

— Редко. На больших работах я аванс брала. Потом, это же из рук в руки передается: текст на деньги.

— **Это никак не оформлялось? Фирмы иногда это как НИР оформляют.**

— Нет. В начале двухтысячных кто-то из моих знакомых получил звонок из налоговой, мол, мы о вас все знаем.

— **Но это другое: делиться надо.**

— Возможно. Налоговая пыталась ситуацию отслеживать, но не приставали: видимо, было такое количество физических лиц, которые получали куда бóльшие доходы, и их было легко стрясти, причем легко доказать. Потом, ловить надо в момент передачи денег, а потом что — «это мои, я их заработала на службе».

— **Вы еще успевали работать?**

— Да. Я десять лет этим занималась, меня это настолько интеллектуально обогатило, я столько всего прочитала за это время, чего я бы никогда не прочитала за бесплатно. У меня не было бы всех тех знаний, которые мне потом позволили сходу писать ежедневные репортажи или аналитические материалы И потом, мне практически всегда было интересно.

— **Темы дипломов формулировали руководители или сами студенты?**

— Когда как. Иногда им давали темы. Иногда приходилось немножечко переформулировать, потому что, во-первых, бред, а во-вторых, скучно. Несильно: было ясно, чего примерно хотят. Если тема нормально сформулирована, то под нее уже легко закладывается структура.

Если человек хотя бы прочитает то, что я написала, — это уже хорошо, он хотя бы увидит, как делается качественная работа. Если какой-нибудь халтурщик напишет, этого не будет.

Вот девочка, диплом которой Ясин похвалил, — она могла бы все сама сделать, она приносила какие-то расчеты, я только занималась сведением этого, обработкой, литобзором. Это была осмысленная работа, которая просто помогала вымотанному напрочь человеку. Такие варианты, конечно, идеальные с точки зрения самооправдания.

— **А нужно самооправдание?**

— Мне оно не было нужно. Иногда, конечно, задаешься вопросом, то ли я делаю.

Вопрос был в том, что будет, если я не напишу. Ну, кто-то другой напишет, так или иначе его защитят. По большому счету, ничего не изменится.

— **Это известный довод: «лучше я, чем какой-нибудь подлец».**

— Не в этом смысле.

— **Мы уже долго разговариваем, и я эти вопросы не задаю в силу их бессмысленности. А Вы все время на них выходите.**

— В принципе, конечно, спрашиваешь себя. Я решила, что не хочу писать врачам и педагогам, то есть таким ключевым людям, от которых потом что-то серьезное зависит.

А если человек ничего не понимает в банковском деле или в трудовом праве, даже с моим дипломом, то его уволят в три пинка. Это моя проблема.

Те, кто покупает дипломы — а есть и те, кто, вообще не учась, поку-

пает сразу корочки, — если они не способны работать, они все равно будут отфильтрованы.

— Они будут отфильтрованы, но на это уйдет какое-то время. Хочется считать, что диплом — это показатель некоторой квалификации. Репутационные механизмы в банковском деле работают, там смотрят, откуда диплом?

— Конечно, должны работать. Но сейчас появилось такое количество вузов, что работодателю, через которого не проходят сотни людей, трудно самостоятельно это понять. Я думаю, где-то существуют рейтинги вузов по качеству, во всяком случае, они должны быть. Если бы я была HR-ом (специалист по human relations.- ТрВ) в реально сильной компании, я бы брала на должности, подразумевающие развитие, выпускников ВШЭ, экономфака и ГФА. Но на всех не напасешься, и людям приходится брать абых кого из Университета Нестеровой.

— Тогда Вы затрудняете задачу работодателю.

— Видимо, да. Но работодатель — банки, инвесткомпания, и особенно государство, начали осложнять мою жизнь гораздо раньше, чем я — его. Ну и если студент нашел и выбрал меня, и умудрился заработать деньги, чтобы оплатить мои самые дорогие тексты, значит он, вероятнее всего, чего-то стоит, а я просто помогаю вывести в верхний сектор рынка труда самый качественный продукт — человека, который может. Мы же не о будущих ученых-филологах или там палеонтологах говорим, там другой стиль учебы и работы, другой строй мышления, другие приоритеты, другое отношение к словам «агрессивный», «амбициозный» и другие деньги. Система резюме и рекомендательных писем — это более эффективно, чем диплом. И она, кстати, в науке работает, потому что наука интернационализируется. А диплом может получить каждый, СРА у нас не считают, а выпуску, не знаю, часто ли требуют, — много ли в дипломе, как в критерии отбора, толку?

— Может быть, изначально задумывалось все-таки не так? Любая сложная система беззащитна перед ее сознательным разрушением.

— Может быть. Все равно, если вуз уважаемый, конечно, проще устроиться. Но письма показывают, как человек может работать, как он с людьми обращается.

— Откуда у выпускника рекомендательные письма?

— У большинства вполне могут быть, потому что очень многие и учатся, и работают.

— Есть ли в России культура рекомендательных писем? В научной среде часто ситуация, когда письмо пишет сам соискатель, а рекомендатель лишь подписывает, причем обоим это устраивает. В бизнесе не так? Почему бывший работодатель заинтересован дать честную характеристику человеку, который от него уходит? Тем более, если расставание произошло не очень гладко.

— Когда я собиралась отсюда уезжать, то на всякий случай спросила своего руководителя сектора в газете насчет письма. Он сказал — не проблема, звони как понадобится. Это было восемь лет назад. До этого момента мне даже в голову не приходило озаботиться письмами. Возможно, все сильно изменилось с тех пор. Думаю, лучше бизнесменов спросить, особенно тех, у кого крупные компании. В маленьких-то сначала смотрят по знакомым, а в больших поток больше, соответственно отбор сложнее.

Почему заинтересован? Потому что честным быть для большинства все же проще и спокойнее. Потом, если, например, нормального человека увольняют по сокращению, то почему бы его справедливо не охарактеризовать, чтобы он нашел себе нормальную работу? Кому от этого хуже? А недовольный сотрудник тоже может разного наговорить про фирму, так что без особых веских причин волчью характеристику вообще-то никто давать не будет. Ну и можно же просто сказать — нет, я тебе никакого письма не дам. И человек на следующем интервью может придумывать любые причины, почему у него письма нет. К тому же — я не знаю, работает ли это уже в России, — фирма-наниматель может же просто позвонить на предыдущее место работы? Опять же, не знаю, как это все сейчас здесь построено, но штатовские ребята умеют все, что хотят, сказать между строк, и хороший HR это прочтет.

А если человек сам пишет, а руководитель подписывает, — значит, со всем согласен, я так понимаю.

Сергей Пархоменко

Министр Ливанов никак не относится

Dissernet.org, 11.02.2014 (Colta.ru, 11.02.2014)

<http://www.colta.ru/articles/specials/2006>

Вчерашняя вполне умопомрачительная история с Олегом Митволем — в двух его диссертациях экспертизы «Диссернета» обнаружили огромные куски невесть как всосавшегося туда чужого текста, да еще выяснилось, что он девять раз оказывался то научным руководителем, то оппонентом у других «клиентов» знаменитой «Диссерорезной фабрики» в МПГУ, — несколько отвлекла нас всех от другого замечательного события в истории борьбы с мошенничеством и аферами на почве научной аттестации.

В «Коммерсанте» вышло большое интервью министра образования и науки России Дмитрия Ливанова. Значительная часть его посвящена работе нашего сообщества и тому, почему министр считает эту работу вредной, ненужной. На вопрос о том, как он относится к деятельности «Диссернета», министр решительно отвечает: «Никак не отношусь. Но

я могу вам высказать свое мнение по поводу всей этой истории». И высказывает очень решительно.

Конечно, мы очень благодарны коммерсантовскому журналисту (жаль, подписи под интервью почему-то нет) за то, что в ходе дальнейшей беседы он рассказал интервьюируемому министру множество интересных и важных вещей о нашей работе, которые, судя по ответам, до тех пор были тому совершенно неизвестны. Но все-таки нам тоже хотелось бы принять участие в обсуждении проблем, с которыми уже как-то даже сроднились: мы ими интенсивно занимаемся уже более года. А вдруг хоть что-нибудь из нашей деятельности все-таки как-нибудь за чем-нибудь когда-нибудь пригодится Дмитрию Ливанову. Ну, или следующему министру, пришедшему на его место. Или следующему за ним. Или следующему дальше...

Министр Ливанов и душевные муки

Прежде всего давайте отметим одну тему, которая во всем интервью нынешнего министра нам представляется самой главной. Причем для Дмитрия Ливанова она явно тоже очень важна, поскольку именно на ее почве у него отчетливо просматривается КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС. Явление это определяется психологической наукой как «состояние психического дискомфорта, вызванное одновременным наличием в психике субъекта противоречивых, логически несовместимых представлений, взглядов, взаимоисключающих потребностей, мотивов деятельности, которые приводят порой к внутреннему конфликту».

Ну так вот. «Мы по закону можем сейчас проверять те диссертации, которые защищены в течение последних трех лет. Если раньше, то мы даже не имеем права рассматривать апелляции», — описывает министр Ливанов свою позицию, когда отвечает на вопрос о том, почему «Диссернет», по словам журналиста, «отправляет все данные на экспертизу в Высшую аттестационную комиссию и в Минобрнауки, но получает одни отписки».

Однако далее тот же министр Ливанов сообщает: «А морально, конечно, никакого срока давности нет. Как человек, который лучшие 10 лет своей жизни занимался наукой, я никогда не пойму этих людей с поддельными диссертациями. Это либо полное непонимание того, что такое научная работа, либо просто прямой обман. И то и другое у меня, кроме презрения, никаких чувств не вызывает. Но как чиновник я могу действовать только в определенных рамках».

Таким образом, министру Ливанову приходится признать одно из двух: или его законная позиция аморальна, или его же моральная позиция незаконна.

Казалось бы, это внутреннее противоречие не может быть преодолено без чьего-то решительного вмешательства извне. Между тем самому

министру Ливанову было бы совсем нетрудно избавиться от жестокого диссонанса в душе, просто добившись отмены инструкции, приносящей ему такие муки. Той самой, которую он почему-то никак не решается преодолеть. Да, это потребует некоторой процедурной настойчивости и даже определенной аппаратной храбрости: как-никак, предстоит сообщить начальству свое собственное мнение и аргументировать его. Но зато в результате — свободен, наконец свободен, никакого больше раздвоения личности.

Дело в том, что документ, заповедующий министру образования и науки вместе со всеми его подчиненными аморальную (по признанию самого Дмитрия Ливанова) норму с трехлетним сроком давности на аннулирование фальшивых диссертаций, навязан вовсе не Конституцией Российской Федерации и даже восходит не к Евангелию и тем более не к законам, оставленным нам дедами и прадедами. Он всего-навсего является постановлением правительства — документом одного из самых «слабых» разрядов в иерархии государственного нормотворчества, разработанным в недрах того же самого министерства. Конечно, на финальном этапе выпуска в свет он был обогащен некоторыми идеями чиновников из центрального аппарата правительства РФ и подписан премьер-министром. В частности, похоже, что именно на этом этапе в нем образовалась знаменитая норма об «амнистии» всем фальшивым диссертациям, защищенным больше трех лет назад.

Потерпите, господин министр, ничего страшного: рано или поздно вам надо было посмотреть на это своими глазами.

Ссылка на загадочных неназванных «юристов», которые запретили министру «нормативным актом ухудшать положение человека», выглядит странно. В результате их усилий, наоборот, сложилась поразительная по своей нелепости коллизия сроков, дважды изменившихся туда и обратно: из-за того, что «срок давности» имел сначала десятилетнюю продолжительность, потом трехлетнюю, а затем опять десятилетнюю, оказалось, что диссертанты, защитившиеся, скажем, в 2008 году (когда действовала 10-летняя норма), теперь радуются трехлетнему сроку давности, а бедолаги, чья защита пришлась, к примеру, на 2012 год (когда срок был 3-летний), теперь будут «мучиться» полные десять лет. Такие нелепости случаются, когда норма вставляется в готовый текст впопыхах, в последнюю секунду. Но именно затем и нужна министерская воля, чтобы эту торопливую глупость отрегулировать в соответствии со здравым смыслом и законом.

Короче говоря, трудно себе представить, чтобы отраслевое постановление, которое, как выяснилось за несколько лет его применения, помогает мошенникам и аферистам уйти от ответственности и позволяет тысячам самозванцев разгуливать с фальшивыми дипломами об их «ученых степенях», нельзя было отменить. Мало ли на свете случилось

неудачных инструкций, распоряжений, регламентов и уложений, которые как появились на свет, так и канули в небытие без следа?

Именно такого решения — простого и справедливого — требуют от министра и правительства в целом тысячи (ТЫСЯЧИ!) ученых, подписавших заявление о необходимости отмены абсурдного «срока давности». Чуть позже эти же ученые выпустили и второе заявление — о нелепой ситуации вокруг фальсифицированных диссертаций Павла Астахова: ВАК вроде согласилась эти диссертации рассмотреть, но в то же время заранее сообщила, что не вправе будет принимать во внимание результаты этого своего же рассмотрения.

Министр Ливанов и знающие люди

На вопрос корреспондента о том, не считает ли министр, что деятельность «Диссернета» положительна, поскольку он вскрывает проблему фальсификации ученых званий в России, Дмитрий Ливанов решительно отрезает: «Они не вскрыли ее, для знающих людей она была очевидна».

И потом продолжает: «Мы считаем правильным вести проверку того массива диссертаций, который у нас сейчас накопился в электронном виде. Проверить все диссертации просто технически невозможно, потому что затраты времени колоссальные — я говорю не про машинную проверку, ценность которой очень низкая, а про содержательную экспертную работу. И 50—60 тысяч диссертаций, защищенных после 2000 года, проверить сплошным способом невозможно за разумное время. Наша задача — найти и закрыть те диссоветы, где работают ученые, нарушившие научную этику...»

К сожалению, действительность не позволяет нам отнестись к словам министра с полным доверием. И вот один немаловажный, на дилетантский, наивный взгляд наших экспертов, пример.

31 декабря 2013 года (именно тридцать первого декабря, совершенно непонятно, почему в этот странный день, но хорошо, предположим, что он ничуть не хуже остальных 364 дней в году) Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации опубликовала свои решения о формировании в новом составе экспертных советов по различным отраслям науки. Эти экспертные советы по существу являются высшими арбитражными инстанциями в соответствующих научных областях. Именно им предоставлено право разбираться с разного рода спорными и конфликтными ситуациями в процессе научной аттестации, рассматривать апелляции, устранять сомнения, определять правых и виноватых и т. п.

Казалось бы, в условиях, когда «для знающих людей очевидна» катастрофическая ситуация в диссертационной сфере, да еще и имеются грандиозные планы «вести проверку того массива диссертаций, который у нас сейчас накопился», именно на экспертные советы ложится

особая ответственность, а к составам их должны быть применены особенно строгие требования, чтобы авторитет их оказался непререкаем, а решения — безусловно уважаемы научным сообществом. Однако в новых — именно в НОВЫХ, только что сформированных — составах экспертных советов обнаруживаются поразительные чудеса.

В новейшем составе экспертного совета ВАК по отраслевой и региональной экономике присутствуют:

— Валерий Владимирович Минаев — председатель Диссовета 212.198.01 при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), одной из самых грязных диссероделательных мастерских, известной также как «фабрика профессора Стерликова», где количество защищенных фальсифицированных работ измеряется десятками. Да и сам профессор Минаев время от времени оказывается научным руководителем на работах, выглядящих как нелепый гербарий из кусков чужого текста;

— Евгений Борисович Смирнов из Диссовета 212.219.01 при Санкт-Петербургском инженерно-экономическом госуниверситете, отмеченный в качестве научного руководителя и оппонента на множестве вполне душераздирающих случаев;

— Анатолий Юрьевич Егоров, которому в Диссовете 212.043.01 при замечательном учебном заведении с витиеватым названием Государственная академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов инвестиционной сферы (ГАСИС) тоже удалось добиться неплохих результатов на уровне научного руководства. Причем ему доверяли не каких-нибудь там случайных клиентов, а целых ректоров солидных образовательных учреждений, вроде ректора СИБАДИ, одного из крупнейших технических университетов Сибири, или, скажем, ректора Института экономики, управления и права при Нижегородском архитектурно-строительном университете;

— Татьяна Львовна Безрукова, с одинаковым успехом руководившая защитой нафаршированных заимствованиями работ, занявших почетные места в коллекциях «Диссернета», — то в Орле (Диссовет 212.182.02 при ОГТУ), а то в Воронеже (Диссовет 212.037.09 при ВГТУ);

— Александр Александрович Чурсин, опытный специалист по официальному оппонированию на фальсифицированных диссертациях;

— ну и совсем уж до кучи — не менее успешные в деле прикрытия фальшивок Н.В. Сироткина, М.И. Ломакин, В.З. Мазлоев.

И еще по крайней мере пять экспертов, фигурирующих в базе данных «Диссернета» в качестве «сопровождающих» фальсифицированные защиты, кстати, включая самого председателя экспертного совета — Бориса Николаевича Порфирьева.

Ровно под тем же углом зрения можно рассмотреть и второй новона-

значенный экономический экспертный совет ВАК — на сей раз по экономической теории, финансам и мировой экономике.

Там немедленно обнаружится Надежда Ивановна Архипова, заместитель председателя все того же рекордно грязного («стерликовского») Диссовета 212.198.01 при РГГУ.

Или Басир Хабибович Алиев из Дагестанского госуниверситета.

Или Татьяна Николаевна Агапова.

Или Владимир Семенович Балабанов.

Или Владимир Александрович Галанов.

Или Ирина Николаевна Мысляева.

Или Николай Васильевич Тумаланов.

Или Кайсын Азретович Хубиев.

Хватит? Или еще?

Нет уж, давайте дальше. Потерпите, господин министр, ничего страшного: рано или поздно вам надо было посмотреть на это своими глазами.

От экономики перейдем, ну, например, к только что сформированному экспертному совету ВАК по праву.

И в нем при первом же беглом осмотре тут же обнаружатся старые знакомые «Диссернета» — все те же мастера научного руководства и оппонирования на защитах фальсификаторов:

— Юрий Ефремович Аврутин, обычно обслуживающий клиентуру Московского университета МВД;

— Алик Галимзянович Хабибулин, оказывающий научноруководительские или оппонентские услуги там же;

— Владимир Евгеньевич Сафонов из Российской академии правосудия;

— Леонард Михайлович Колодкин, тоже из академии, но уже управления МВД РФ;

— Иван Николаевич Сенякин, опять правовая академия, однако теперь Саратовская;

— Александр Филиппович Ноздрачев, столичный Институт законодательства и сравнительного правоведения.

А теперь мы всем «Диссернетом» хотели бы спросить у вас, г-н Ливанов: вы действительно уверены, что ситуация «для знающих людей очевидна»? Может быть, все же не так очевидно? Или, может быть, люди вокруг вас недостаточно знающие?

Потому что если люди «знающие», ситуация «очевидная», а назначения в экспертные советы делаются вот такие — то это может означать только то, что катастрофическая ситуация в руководстве российской научной аттестацией поддерживается ими намеренно. И при этом важнейшая контрольная инстанция осознанно наводняется кадрами, дискредитировавшими себя участием в криминальной индустрии

фальшивых диссертаций. И это делает заведомо безнадежными всякие попытки хотя бы замедлить развитие этой индустрии, не говоря уж о том, чтобы искоренить ее.

«По нашим оценкам, — говорит министр Ливанов о фальсификациях, — 250—300 советов этим занимались на систематической основе. И цель — найти эти фабрики фальшивок, а людей, которые там выступали в качестве оппонентов или научных консультантов, внести в черный список и запретить им впредь этой деятельностью заниматься. Исправить ситуацию можно только так — добиться, чтобы в будущем такие нарушения были невозможны...»

Ну и? Это вы таким удивительным способом «добиваетесь»? Рассовывая этих самых людей теперь еще и по экспертным советам? Или вы все-таки просто не в курсе?

При этом хорошо бы обратить внимание, что вновь сформированные экспертные советы, к которым мы только что бегло присмотрелись, будут работать не в тех отраслях науки, которые министр пренебрежительно (и во многом справедливо, наверное) называет пережитками процесса, в результате коего «высвободилось огромное количество преподавателей и ученых в области марксизма, политэкономии и научного коммунизма». Это не какое-нибудь тухлое «управление народным хозяйством», не безграмотная «политология» на российский манер, не примитивная профанация «социальной антропологии» или бессмысленные «теории коммуникаций». Это ключевые для развития российского общества и государства области права и экономики.

Дмитрий Ливанов отзывается о деятельности «Диссернета» как об «акции», которая «не имеет никакого отношения к естественному желанию научного сообщества очистить свои ряды от фальсификаторов и халтурщиков». При этом для доказательства своей позиции он вынужден опускаться до довольно примитивной демагогии: он негодует, что эксперты сообщества «на своем сайте размещают только негативные результаты» и поэтому, дескать, «человеку, который вообще в эту проблематику не погружен, кажется, что все ученые — жулики и обманщики». Тут хотелось бы порекомендовать г-ну министру просто заглянуть на досуге в ближайшее отделение полиции и поинтересоваться там у дежурного офицера, отчего это на доске «Внимание, розыск!» совершенно не заметно портретов честных людей, а вывешены одни только жулики да убийцы.

Проблема в том, что как раз в деятельности самого же министерства не видно того самого «естественного желания очистить». И нам для того, чтобы утверждать это, достаточно просто присмотреться к конкретным действиям — а чаще всего бездействиям — подчиненных г-на Ливанова. Вот таким, например, как триумфально заверченный ими только что процесс: вузовских торговцев фальшивыми дипломами они

умудрились наделить функциями верховных арбитров и контролеров в ваковских экспертных советах.

Министр Ливанов и нарушители этики

А теперь последнее.

Министр образования и науки России неожиданно делится с читателями своего интервью удивительным откровением: «По большому счету, если бизнесмен купил диссертацию, потом пришел с ней в диссовет, заплатил деньги, зачитал что-то по бумажке и получил ученую степень — он в данном случае научную этику не нарушил, потому что не является ученым». Эта потрясающая фраза сказана им все для того же, чтобы объяснить собеседнику, что «Диссернет» занят не тем, не так, не там и не в то время.

Но нам хотелось бы напомнить о принципе, который эксперты и репортеры сетевого сообщества снова и снова подчеркивают в своих публикациях. «Диссернет» занят борьбой не с нарушениями научной этики, а с нарушениями этики как таковой. В конечном итоге нас интересует не проблема фальшивых диссертаций и даже не проблема диссертаций вообще. Нас интересует проблема фальшивых репутаций. Если хотите, проблема лжи. Просто метод анализа диссертаций оказался удивительно продуктивным и эффективным для изучения той эпидемии тотального вранья, лицемерия и подлога, которой сегодня охвачена российская, с позволения сказать, элита.

Министр Ливанов не может этого не понимать. Но, судя по его словам, министр Ливанов не может этого и не бояться. Хотел бы, но не может. Вот просто не может — и все.

При подготовке текста использованы аналитические материалы ведущего эксперта «Диссернета» Андрея afrikanbo Ростовцева.

Сергей Пархоменко

«Диссернет» еще раз попробует поверить в чудо...

Echo.msk.ru, 03.02.2014

http://echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1251236-echo/

Очень странная встреча предстоит мне завтра днем, в одном заведении в Камергерском переулке. Пожалуй, не припомню случая, чтобы пришлось идти на деловой разговор с таким противоречивым чувством.

Ланч этот мне надо будет съесть в компании человека с сильным замахом полити... ну, хорошо, не совсем политического, а скорее обще-

ственного деятеля. Впрочем, раньше он занимал некоторые более или менее ответственные посты и на региональном, и на федеральном уровне. Имени его я тут не назову, сейчас сами поймете, почему.

Если вы меня спросите, зачем Диссернет следит за этим деятелем давно и пристально, я отвечу, что дело даже не в том, что он последовательно фальсифицировал две свои диссертации — сначала натаскал всякого чужого хлама в кандидатскую, а всего два года спустя запихнул эту кандидатскую целиком себе в докторскую, добавив еще несколько здоровенных ломтей чужого текста. Знакомая ситуация, правда? Нет, я на сей раз не про Астахова, но этот — тоже хорош...

Гораздо интереснее, что вышенеупомянутый деятель числится у нас в качестве одного из самых активных и плодовитых «организаторов диссероделательного производства». Он работал в знаменитом «Даниловском совете» в МПГУ и множество раз был там и научным руководителем, и оппонентом на диссертациях, которые, по итогам экспертиз Диссернета, оказались мошенническими. В нашем рейтинге рекорсменов диссерорезного производства, составленном по итогам целого года работы Диссернета, он занимает одно из лидирующих мест. То есть он не только сам воровал — но и другим активно, деятельно.

Мы давно уже подготовили по его поводу подробную, обстоятельную публикацию, но вот теперь к нам обратились коллеги самого героя по политической организации, в которой он занимает важную руководящую позицию, с заверениями, что тут не все потеряно. Дескать, есть еще шанс уговорить этого деятеля публично покаяться в содеянном, отказаться от своих незаконно полученных степеней и признаться в том, что он принимал участие в чужих фальсификациях. Дескать, персонаж так заинтересован теперь в исправлении своего политического реноме, что способен пойти и на такую болезненную процедуру.

Исключительно из уважения к усилиям этих политиков, чудом сохранивших веру в способность их коллег к отважным душевным порывам, Диссернет согласился на встречу. На самом деле мы в успех этих переговоров совершенно не верим, но считаем, что этот скорбный путь должны пройти до конца и исчерпать тут все, пусть даже призрачные, шансы на «спасение заблудшей души».

Тем временем, встреча завтрашняя мне представляется мероприятием достаточно рискованным. Персонаж этот — человек жестокий, циничный и лживый, так что с него станется и какую-нибудь провокацию устроить. Например, попытаться представить дело так, будто его кто-то шантажирует, кто-то у него что-то вымогает, пугая перспективой разоблачительной публикации. Так что я на встречу завтра пойду не один. Разговаривать будем при свидетелях. Так оно надежнее.

Все-таки риск мне представляется тут оправданным, даже если вероятность успеха совсем призрачная. В минувшую пятницу Диссернет

публично — в том числе через мою программу на «Эхе Москвы» обращался к министру транспорта РФ Максиму Соколову с аналогичным призывом. Ответа так пока никакого и не последовало. Но надежды мы все равно не теряем.

Отношение к тем, кто совершил преступление не во сне, не под наркозом, а в здравом уме и доброй памяти, осознанно и цинично, должно быть бескомпромиссным и решительным, конечно. Но за каждым должно сохраняться право признать ошибку, одуматься и искупить свою вину, пусть ценой болезненного саморазоблачения.

Льщу себя надеждой, что Диссернет и впредь будет оставаться организацией, которая не отказывает никому в этом праве на мужественный и отважный поступок.

Сергей Пархоменко

Операция губер-диссер. В поисках абсолюта

Echo.msk.ru, 11.06.2013

http://echo.msk.ru/blog/serguei_parkhomenko/1092920-echo/

И кто бы мог подумать, что ближе всего к Абсолюту мы сможем подобраться именно на этом, таком скучном, как казалось, направлении: в ходе могуче развернувшегося нашего «**Проекта ГУБЕР-ДИССЕР**».

Ну да, не стану скрывать, эксперты Диссернета давно уже мечтают отыскать ЕГО. Своего Идеального Клиента, безупречного, сверкающего в своем совершенстве и чистоте. Словно трудолюбивые шахтеры Голкондских копей, мы мечтаем однажды ударить кайлом по глыбе алмазонной породы и увидеть, как к нашим ногам выкатывается Божественный Карбункул: прозрачный как слеза идеально отполированный природный бриллиант.

Мы мечтаем однажды найти персонажа, чья диссертация будет выточена словно бы не человеком, а самой природой: из цельного, незамутненного посторонними примесями, неуязвимого, отшлифованного руками мастера единого куска дерьма. Так чтоб без малейшей царапинки, без изъяна, без единой странички постороннего, и уж тем более своего собственного текста. Эх! Мечты... Мечты...

Идеального Клиента на нашем экспертном пути не встретилось пока. Но мы продвигаемся к идеалу. И вот оказалось, что самый большой успех сулит нам затеянная Диссернетом тотальная, поточно-конвейерная проверка научного наследия российских губернаторов. Пару недель назад я опубликовал тут нечто вроде «официального коммюнике» о том, что вольное экспертное сообщество всерьез взялось за эту систе-

матическую работу. Тогда речь шла о самом начале составления полной таблицы ГУБЕР-ДИССЕРов, а вот к сегодняшнему дню та информация уже безнадежно устарела. Ныне вся таблица более или менее заполнена результатами экспертиз.

И вот смотрите, что мы там нашли:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180
181	182																		

Как вы думаете, что это? Ну, не стесняйтесь... Смелей, смелей, товарищи...

Правильно. Это схема диссертации. Кандидатской. По юриспруденции. На тему «Правовой статус государственных служащих Российской Федерации и организационно-правовые основы функционирования системы подготовки, переподготовки и повышения их квалификации». Защищена в 2003 году в Московском Университете МВД РФ (да, вы правильно вспомнили, это именно то самое место, где и Павел Астахов защищал свои бессмертные труды...).

В этой диссертации — 182 страницы. Из них 168 (прописью: *сто шестьдесят восемь*) выдраны одним куском из одной чужой работы. Остальные 14 распределяются так: титульный лист — 1 шт., оглавление — 1 шт., а дальше «Введение», то ли написанное каким-то неизвестным энтузиастом, к нашему величайшему сожалению, специально для этой работы, то ли попертое из какого-то постороннего, третьего источника, который пока обнаружить не удалось. Ужасная жалость! Вот на кой черт надо было писать отдельно эти 12 страниц? А?! Нельзя было их там же взять, что ли?

Вот всегда так. Дашь дураку в руки хрен стеклянный, так он и хрен разобьет, и руки порежет. Испортили хорошую вещь! Зачем?

Ну, а теперь самое интересное. Автора! Автора! Ну, то есть не того, кто это реально написал (это имя, скорее всего, навсегда останется нам неизвестно), а того, кто подписал. Кто тут «защитант»? Как вы думаете? На чье имя диплом о степени «кандидата юридического наук» был выписан? Ну, догадайтесь... Хотите, в «тарантинки» (как в фильме «Бесславные ублюдки», где на лоб бумажку с загаданным именем наклеи-

вали) сыграем? Я загадал, а вы отгадывайте. Только чур в Гугле не подсматривать, по названию диссера. Поехали...

Мужчина...

Губернатор...

Действующий...

Молодой довольно...

Нет, не с Кавказа.

Ну, не этот. Я ж сказал, не с Кавказа.

И не с Дальнего Востока.

Не Ткачев, нет. У Ткачева там тоже все дико интересно, но об этом как-нибудь позже.

И не Собянин. Собяниным мы отдельно занимаемся, не сомневайтесь уж. Потерпите.

И не Турчак — у того вовсе нет диссера. У него, наоборот, имущество на Лазурке. Так что он по «Пехтингу» проходит, а не по «Лебедингу».

Ну, думайте, думайте...

Недалеко от Москвы. Совсем недалеко.

Недавно относительно назначен, да.

Богатый. Они там все не бедные.

Ну, очень богатый, да.

ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ богатый, верно.

САААААМЫЙ богатый из них всех...

Ну...

Ну же!..

БИНГО!!!

Правильно: это **Груздев Владимир Сергеевич**, губернатор Тульской области.

Аплодисменты!..

А текст в его диссертации цельнокоп***зжен из одного источника: диссертации Вострикова П.П. «Организационно-правовые проблемы подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих». Диссер этот защищен давно — в 1998 году. Так что никаких шансов перепутать, что откуда тащили, нету. Хотелось бы оставить Владимиру Сергеевичу хоть маленькую лазеечку, но не можем. Лажа вышла. Полная. Увы. А впрочем, все равно — еще аплодисменты!..

Не знаю, как вы, а я когда впервые увидел этот трагический натюрморт с препарированным трупом диссертации несчастного Вострикова, — как-то не смог сдержать эмоций. Вот сами подумайте: речь идет о деятеле, носящем сертифицированный, официально подтвержденный титул САМОГО БОГАТОГО ЧИНОВНИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Причем человек явно старается жить полной, насыщенной жизнью, а не просто погрузил лицо в огромную кучу кредитных билетов и там со-

пит, медитирует. Как алчущий острых впечатлений, Груздев сделался участником (а главное, как подозревают некоторые особо въедливые эксперты, финансовым спонсором) грандиозной экспедиции летом 2007 года к Северному полюсу на судне «Академик Федоров». Это именно тогда глубоководный аппарат «Мир» утвердил на дне Ледовитого океана российский флаг, чем, с точки зрения наиболее патриотично настроенных политологов, зафиксировал приоритет Российской Федерации в разработке приполярных нефтяных месторождений. То есть фигура яркая, сочная, размашистая. Оно и не удивительно: начинал-то человек с работы в военной разведке, откуда естественным образом перебрался к управлению магазинами «Олби» в начале 90-х. Значит, и силовые единоборства, и бег с препятствиями, и стрелковый спорт ему не чужды... Не исключено, что и молот метать пришлось, из положения лежа, мало ли, что в жизни случается при такой боевой биографии...

И вдруг — какая-то какий-то какиевщина просто. Это ж надо так уныло лопухнуться. Это ж человек самой дешевой, самой тухлой, самой мусорной конторе заказал себе диссер. Хуже обошлись только с Владимиром Абдуалиевичем Васильевым: ему вообще Абельцева подсунули. А тут хоть Востриков. Но зато — одним куском прямо затолкали. Вот же подлые ленивые твари...

Конечно, в 2003 году, когда в муках рождалась диссертация Владимира Груздева, он еще не был ни миллардером, ни номером первым в списке «Форбса». Да и не то что губернаторского удостоверения, в кармане у него не было, а даже и Государственная дума у него была еще впереди. Как лох какой-нибудь, обходился креслом Мосгордумы.

Но все-таки. Нельзя ж себя так попускать. Ясно, что все — живая копейка, а десять ограбленных бабушек — вообще рубль. Но надо все же запрещать себе уж так жмотничать. В общем, не понимаю я, как так можно со своей собственной репутацией обходиться, честное слово не понимаю.

Единственное, что Владимира Груздева оправдывает — это почти идеальная красота получившегося у него произведения. Вот только найти бы ему людей, которые туда 12 чертовых посторонних страниц всунули, да руки им, неумехам, оторвать. Эх!.. Но тут уж ничего не смеем советовать...

Впрочем, о вкусах не спорят ни в каком искусстве, а уж в интересующем нас деле — там, где работают мастера ворованных репутаций и фальсифицированных реноме, организаторы индустрии Большой Лжи, обслуживающей всю российскую околоставную элиту, — и по-давно. Некоторым нравится мастерство литейщиков, способных выдать цельную, как шар для боулинга, диссертацию а-ля Груздев. А некоторые восхищаются трудолюбием, выдумкой и смекалкой тончайших мастеров-диссеропорезов, умудрившихся практически без зазоров

подогнать друг к другу фрагменты ДВЕНАДЦАТИ разных источников, лишь бы порадовать дорогого, уважаемого клиента.

Такова была, как известно, исполненная редкого диссерорезного изящества работа, защищенная губернатором Санкт-Петербурга **Георгием Полтавченко**.

Таблица заимствований в диссертации к.э.н. Полтавченко Г.С.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194						

Источники заимствования:

- Павленко Юрий Григорьевич. Развитие корпоративной экономики в условиях институциональных реформ. (Диссертация, 2002)
- Калужный Николай Николаевич. Конституционно-правовое регулирование контрольных функций в деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации. (Диссертация, 2003)
- Материал, подготовленный Экспертным институтом к съезду РСПП 14 ноября 2003 года. Авторы: к.с.н. Н.И. Горин, к.с.н. А.А. Нещадин, д.ф.н. Г.Л. Тульчинский. При участии Л.В. Трубиной, А.Д. Хавиной.
- Оканова Татьяна Николаевна. Экономический механизм повышения конкурентоспособности организаций на рынке транспортных услуг. (Диссертация, 2004).
- Бауман Зигмунд. Индивидуализированное общество. (Текст книги, 2011).
- Вольский Аркадий. Журнал «Безопасность Евразии». 2003, № 2 (12). http://kuznetsovvn.ru/files/2003_2.pdf (2003)
- Кидрина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. <http://viperson.ru/data/200604/2/soderganie.doc> (2001)
- Доклад Совета по национальной стратегии, посвященный внутренней обстановке в России. <http://utro.ru/articles/2003/05/26/201631.shtml> (2003).
- Деловая пресса. 01.04.2003, № 12 (390). http://businesspress.ru/newspaper/article/mld_3_ald_257758.html
- Партнерство власти и бизнеса в развитии экономики: опыт Центральной России. http://vorka.narod.ru/part_rev01.doc (2003)/
- Паппэ Я.Ш. Государство и крупный бизнес: что осталось старого в их отно-

шениях (2000 – начало 2001)? <http://ecsocman.hse.ru/data/242/679/1219/026/PAPPE.pdf> (2001)

- Делягин Михаил. Глобальная неустойчивость. М., 2000. http://www.patriotica.ru/actual/delagin_unsteady.html
- Масштабные заимствования пока не обнаружены

Широкий резонанс получила публикация на эту тему наших отважных и в высшей степени добросовестных коллег из питерской газеты «Мой район» Они скрупулезнейшим образом изучили каждую из 152 краденых страниц, вошедших в 190-страничную диссертацию губернатора, принявшего на себя тяжкое, но почетное бремя защиты народной нравственности и духовной самобытности, общинности и соборности, практически официально числящегося не просто влиятельным политиком, особо приближенным к Государю, но и одним из столпов православной добродетели нашей земли. И воды.

Теперь благородный суровый облик Георгия Сергеевича займет достойное его место в красочной портретной галерее лжецов и аферистов.

Кстати, я тут сначала написал — «галерее диссертационных лжецов». А потом лишнее слово вычеркнул. Потому что диссертации тут уже ни при чем. Мы же с вами не раз говорили, что эти проклятые научно-квалификационные сюжеты нас интересуют не сами по себе, а только потому, что являются хорошо заметной, насквозь просматриваемой частью той Цивилизации Лжи, которую выстроили в сегодняшней России ее правители. И лжец, проявивший себя таковым в истории со своей диссертацией, интересует нас потому, что он — **ВООБЩЕ ЛЖЕЦ**. Как говорится, по жизни. В целом. Во всей совокупности своей натуры. И мы просто именно за этот тоненький кончик лживости и готовности к обману, к подлогу, к фальши его поймали. Он нам эту свою диссертацию неосторожно высунул, а мы — хватать...

Но вернемся к губернаторскому сообществу как таковому.

Самое время напомнить, что честь первопубликации истории о незадавшемся диссере Владимира Сергеевича Груздева принадлежит человеку, о котором мы вообще должны как-нибудь поговорить поподробнее. Это известный в экспертных кругах и весьма уважаемый блогер **kommentator2013**. Очень рекомендую его Живой Журнал всем, кому тема борьбы с мошенничеством и ложью в сфере защиты диссертаций интересна. Заслуги этого пытливого ЖЖ-юзера перед прогрессивным человечеством, борющимся с индустрией воровства и перепродажи чужих репутаций, совершенно неопценимы.

Именно **kommentator2013** подготовил и опубликовал у себя увлекательный аналитический очерк, посвященный губернатору Тульской области и происхождению его ученой степени.

kommentator2013 вообще знаменит своим давним интересом к особенностям диссероделательной промышленности в российской провинции. Именно он в свое время очень обстоятельно, скрупулезно и с нескрываемым теплым чувством разобрал и обнародовал случай губернатора Рязанской области **Олега Ковалева**.

Этот анализ к тому же произвел сильное впечатление на несколько изданий Рязанской областной прессы, которые не побоялись сообщить своим читателям об упорных попытках главы региона добыть себе фальшивую репутацию ученого-правоведа: Олег Иванович, как известно, заказал себе работу по юриспруденции «Регламент Государственной думы как нормативно-правовая основа деятельности парламента России». Так что нам остается только порадовать читателя веселенькой картинкой ковалевских забав:

Таблица заимствований в диссертации Ковалева О.И. (2006 г.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	
101	102	103	104	105	106	107	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190											

Источники заимствования:

- Регламент Государственной Думы. (2008).
- Комментарий к отдельным статьям Регламента Государственной Думы (2003).
- Под. ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. Парламентское право России. (1999).
- Кокотов А.Н. Федеральный законодательный процесс: понятие и культура. Правоведение. 2001, № 1.
- Законодательное регулирование статуса Федерального Собрания и статуса Президента Российской Федерации.
- Масштабные заимствования пока не обнаружены.

Тот же неутомимый губернаторолюбивый диссерокопатель **kommentator2013** буквально на днях опубликовал и еще одно свое исследование, — на сей раз посвященное пензенскому губернатору **Василию Бочкареву**.

Василий Кузьмич, когда ему приспичило обзавестись дипломом настоящего ученого, не захотел быть ни ядерным физиком, ни кибернетиком, ни даже врачом-сексопатологом, а потребовал себе диссертацию почему-то по социологической специальности. Ну, бывают у людей, обремененных властью и несвоевременными мыслями, разные фантазии и перверсии. Социологом так социологом. Написали ему добрые люди диссер на тему «Уровень и качество жизни населения как объект управления». Примерно на середине работы, правда, утомились, и просто утащили из двух чужих работ 64 страницы текста. Получилось вот так — живенько:

Таблица заимствований в диссертации Бочкарева В.К. (2002 г.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200
201	202	203	204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218	219	220
221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233	234	235	236	237	238	239	240
241	242	243	244	245	246	247	248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260
261	262	263																	

Источники заимствования:

- Степанов Спартак Аркадьевич. Закономерности формирования уровня жизни населения в условиях трансформации экономики : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.01. Количество страниц: 149 с. Саратов : 2000.
- Пронина Ольга Владиславовна. Нормативный механизм обеспечения социальных гарантий в регионе: Социологический аспект : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04. Количество страниц: 221 с., илл. Пенза : 2001.
- Масштабные заимствования пока не обнаружены.

На фоне тяжелых, болезненных appetites других губернаторов Василий Кузьмич выглядит даже каким-то редким скромником (местные пензенские газеты, кстати, иногда позволяют себе по его поводу заголовки «Редкий Кузьмич»). Но это впечатление обманчиво: дело в том, что последние сто страниц его диссертации представляют собою не

текст, а табличные приложения. Так что можно считать, что Бочкареву нечего стесняться перед коллегами: в его диссертации тоже украдена добрая треть, не хуже, чем у других.

А мы тем временем будем с нетерпением ждать все новых исследований **kommentator2013**'а и все большего и большего числа присоединяющихся к нему в сети других Комментаторов, участников вольного сообщества Диссернет. Между прочим, открылось на днях официальное представительство Диссернета в фейсбуке — www.facebook.com/Dissernet. Так что если хотите предложить свою помощь в поисковой и исследовательской работе или просто поделиться своими соображениями, — самое удобное место, чтоб написать.

Операция ГУБЕР-ДИССЕР тем временем продолжается, и вся красота и уникальность ее — в систематичности подхода. Составлен ПОЛНЫЙ список ВСЕХ диссертаций, при помощи которых действующие ныне губернаторы российских регионов получали свои кандидатские и докторские дипломы. И по ВСЕМ этим диссертациям проведена первичная проверка.

Предварительные итоги таковы:

- **всего когда-либо защищались 44 сегодняшних губернатора,**
- **из них 8 получили потом еще и докторскую степень,**
- **таким образом, общими усилиями они защитили 52 диссертации.**

Эксперты Диссернета теми или иными путями раздобыли 41 из них. И убедились, что **11 оставшихся — бесследно исчезли.**

Их нет в фондах Ленинской библиотеки и нет ни на одном из бесчисленных коммерческих сайтов в интернете, хотя защищены все они относительно недавно: самая ранняя — 1992 года (одна штука), еще есть одна 1994-го и две — 1995-го, а все остальные — более поздние. То есть по всем правилам, вроде, должны быть уже оцифрованы и вывешены на всеобщее обозрение. Так вот пожалте — нету их.

Пропажа вот этих 11 диссеров — очень интересный, конечно, феномен. Процент их ненормально высок: каждый пятый текст из общего числа. И это очень, очень подозрительно. Что это, интересно, за такая научная работа, которую нигде невозможно найти, и в которой содержатся такие открытия, с которыми никто не вправе ознакомиться? Особенно если иметь в виду, что из этих 10 работ только ОДНА — по физической химии (да и то — что-то такое связанное с утилизацией отработанных литиевых батареек), а все остальные — сплошь по экономике, социологии и политологии. То есть никакого «для служебного пользования» там быть в принципе не может.

С некоторыми из этих пропавших диссертаций на самом деле все совершенно ясно. Они никуда не пропадали. Их просто очень аккуратно вынули из всех хранилищ, библиотек, архивов, баз данных, где их раньше можно было найти. И тщательнейшим образом потеряли все

сведения о защите, все следы упоминавшихся там научных публикаций, все ссылки и цитаты, — вообще все, что только можно.

Вот например, леденящая душу история с **губернатором Калининградской области Николаем Цукановым**. Он некоторое время организовал аж «государственный визит» представительной делегации руководства своей администрации в Республику Татарстан — и сам во главе этой делегации поехал, чтобы там, в Казанском университете, «вычистить» все следы своей странной во всех отношениях защиты, состоявшейся в 2002 году. Перипетии этого академического детектива подробно описывали журналисты калининградского портала «Руград». В какой-то момент им даже удалось связаться с руководством Казанского университета. Но только для того, чтобы убедиться: чистка проведена хорошо, качественно.

В настоящий момент в Казани работают аж две независимые друг от друга группы поисковиков Диссернета. Понятно, что рано или поздно какие-нибудь следы цукановского опуса отыщутся. И на то, чтобы понять, зачем он так тщательно его прятал, потребуется вряд ли больше получаса: «диссерорубка профессора Ростовцева» выдает первые ориентировочные результаты, позволяющие установить перечень источников массовых заимствований, очень быстро.

Так что мы настоятельно рекомендуем сотрудникам и советникам Николая Николаевича Цуканова как можно скорее выйти с нами (а можно и с журналистами «Руграда») на связь по собственной инициативе. Как известно, чистосердечное признание смягчает вину. Ну, в данном случае, может, и не сильно смягчит. Но позора все-таки будет меньше. Найти нас не трудно. Время пошло...

В точности то же самое можно сказать и о других губернаторах, разными способами закопавших свои диссеры. **К добровольной выдаче попрытанного приглашаются (кроме вышепоименованного Цуканова, Николая Николаевича) distinguished губернаторы:**

Борисов, Егор Афанасьевич (Якутия);

Гордеев, Алексей Васильевич (Воронеж) — кандидатская 1992 г.;

Жилкин, Александр Александрович (Астрахань) — кандидатская 1995 г.;

Зернков, Валерий Георгиевич (Ставрополье);

Маркелов, Леонид Игоревич (Марий Эл);

Миклушевский, Владимир Владимирович (Приморье);

Минниханов, Рустам Нургалиевич (Татарстан);

Хорошавин, Александр Вадимович (Сахалин);

Тулеев, Аман-гельды Молдагазыевич (Кемерово) — кандидатская 1999 г.

В противном случае — губернаторам предлагается **ПРИГОТОВИТЬСЯ**. Прямо все в том же алфавитном порядке. И большая просьба к со-

трудникам означенных глав регионов: если вы сейчас читаете это (а вы читаете, куда ж вам деваться, донесли уже, чего там) — сообщите начальнику, что надо с этим срочно что-то делать. Потому что ведь все спрятанное найдем — несомненно.

Опыт теперь большой, и совершенно точно известно, что диссертация — это такая штука, которая бесследно не пропадает, хоть зубами ее из всех каталогов выгрызай. Потому что ложь в этом деле ничем не отличается от лжи вообще, как таковой. Она недолговечна.

Андрей Заякин

Игра в «диссер»: итоги года

Новая газета, 27.12.2013

<http://www.novayagazeta.ru/politics/61662.html>

Под Новый год мы вручаем нашим «клиентам» виртуальные премии в разных номинациях. Самое выдающееся государственное учреждение года по версии «Диссернета» — Государственная дума. Никакой другой государственный институт, орган власти или частная корпорация, не представлены в таком объеме. Список думцев — клиентов «Диссернета» внушительен, вот некоторые из них: Абубакиров Р.Ф., Алексеева Т.О., Афанасьева Е.В., Афонский В.И., Балыхин Г.А., Баталина (Елесина) О.Ю., Бифов А.Ж., Булаев Н.И., Бурматов В.В., Васильев В.А., Вороненков Д.Н., Дроздов И.Ю., Жигарев С.А., Иванов Н.Н., Игошин И.Н., Кумин В.В., Курбанов Р.Д., Лебедев И.В., Мурга А.Ю., Напсо Ю.А., Николаева Е.Л., Оганян О.А., Панков Н.В., Пономарев А.Н., Ремезков А.А., Русских А.Ю., Собко С.В., Скоч А.В., Фокин А.И., Хайруллин А.Н., Хамчиев Б.Б., Школкина Н.В.

В номинации **«Самый честный депутат года»** побеждает единоросс Игошин, который честно заменял «шоколад» на «мясо» в своей выдающейся диссертационной работе.

Звание **«Любимый губернатор Диссернета»** получает руководитель Подмосковья Андрей Юрьевич Воробьев. Его диссертация своей красотой и изяществом вполне под стать результатам его деятельности во вверенном ему регионе.

Звание **«Самый умный сенатор»** получает Бату Сергеевич Хасиков. Он догадался, что исследование, изначально проведенное по Карачаево-Черкесии, вдруг оказалось в точности применимым к его родной Калмыкии — не понадобилось даже менять цифры.

В номинации **«Защитник окружающей среды»** за выдающийся вклад во вторичную переработку ресурсов побеждает В.А. Васильев, сумевший найти достойное применение продуктам интеллектуальной деятельности экс-депутата Абельцева.

«Самый красивый диссер» получает депутат парламента Кабардино-Балкарской Республики от «Единой России» Хасан Ауледович Дешев. Его работа удивляет цельностью и чистотой раскраски, источниковедческим единством и монолитностью.

«Самый пестрый диссер» достается Шушариной Ольге Петровне, декану факультета социологии, экономики и права МПГУ.

Премия **«Лучшая иностранная диссертация»** достается вице-мэру из г. Майами-Дейд, штат Флорида, Бирману Дмитрию Петровичу.

Титул **«Самый скромный, аккуратный и кропотливый клиент Диссернета»** заработал Сергей Собянин. Его виртуозно исполненная книга нам напоминает московскую тротуарную плитку: камешки так же хорошо подогнаны друг к другу, лежат плотно, сработаны, одним словом, на славу.

Премия **«Самая выдающаяся научная школа»**, по версии Диссернета, присуждается профессору Геннадию Арташесовичу Аванесову. Его ученики, как в генеральских званиях, так и штатские, ни в чем не отступают от слов и мыслей своего учителя.

Титул **«Лучший научный руководитель»** заработал профессор Стерликов из МИЭМ. Его ученики достойны своего учителя.

В номинации **«Самый плодovitый научный совет»** Диссернет объявляет трех победителей. Первое место и специальную Золотую Медаль Диссернета получает «Даниловский» совет — 26 защит, абсолютный рекорд среди ученых советов. Второе место получает «Девяносто восьмой» совет при МГУ с 12 защитами, а третье место — совет 212.219.01 при ИНЖЭКОНе.

«Лучшие вузы Диссернета». На первом месте — МПГУ (Москва), на втором — РГГУ (Москва), на третьем — ИНЖЭКОН (Санкт-Петербург).

Приз **«Ректор года»** достается бывшему ректору Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ) Сергею Ситникову.

Специальный приз **«За лучшую книгу»** получает руководитель СК РФ Бастрыкин.

За призами, почетными грамотами и поздравлениями клиенты Диссернета могут обратиться к нам напрямую — контакты ищите на нашем сайте.

Желаем всем много веселых разноцветных диссеров в Новом году!

МГУ и диссергейт: опасные связи

Dissernet.org, 25.02.2014 (Троицкий вариант, № 148)

<http://trv-science.ru/2014/02/25/mgu-i-dissergejt-opasnye-svyazi/>

Из наших предыдущих публикаций уважаемые читатели должно быть поняли, что в центре внимания Диссернета находятся сейчас уже не столько отдельные махинаторы, какими бы выдающимися и знаменитыми они ни были и какими бы яркими цветами ни играли их диссернет-раскраски, сколько разного рода комбинаты по производству фейков и сети взаимодействия, обеспечивающие бесперебойную работу таких комбинатов. К сожалению, по данным Диссернета одной из крупнейших в стране диссергейтных корпораций является «ведущий вуз страны» — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Мы уже касались темы МГУ, теперь же проведем специальный анализ — как говорится, по именам, по пунктам, по разделам, с чувством, с толком, с расстановкой.

Можно выделить несколько аспектов вовлеченности МГУ и его подразделений в диссергейт. Мы рассмотрим их последовательно.

Аспект № 1. «Дело об отзывах ведущей организации»

Эта история за давностью событий успела уже немного подзабыться, а ведь по драматизму она не уступает многим другим диссергейтным случаям.

Когда комиссия Минобрнауки под руководством тогдашнего зам. министра **Игоря Федюкина** в декабре 2012 года приступила к работе, выяснилось, что из 25 диссертаций первой очереди в восьми случаях функции ведущей организации (по данным авторефератов) выполнял МГУ. На имя ректора **В.А. Садовниченко** был направлен соответствующий запрос, ответ на который пришел в комиссию уже ближе к концу января 2013 года. В этом ответе сообщалось, что МГУ не имеет отношения к этим диссертациям, указанных функций он не выполнял и, стало быть, отзывы ведущей организации, представленные диссертантами, являются подложными. Однако здесь не обошлось без интересных казусов. Во-первых, опровержений по неизвестным причинам было представлено всего шесть [1]. Следует ли отсюда, что отзывы МГУ на две оставшиеся работы — диссертации **А.М. Васильева** и **И.Б. Шилиной** [2] — настоящие? А дальше развернулся самый настоящий детектив. Один из этих шестерых, **С.А. Федоренко**, лишенный ученой степени доктора наук исключительно из-за якобы подложного отзыва ИППК МГУ, подал в суд на Министерство образования и науки. Разбирательство длилось несколько месяцев. И хотя экспертиза подтвердила подлинность отзыва [3], свое дело Федоренко проиграл по формальным основаниям. Отметим приме-

чательное обстоятельство: на специальное заседание по делу Федоренко, организованное ВАК еще в феврале 2013 года (накануне решающего заседания Президиума), представители МГУ не явились [4].

Но эти восемь имен отнюдь не исчерпывают список интересных диссертантов распущенного в результате работы комиссии «Даниловского совета» МПГУ. Среди тех, у кого в авторефератах в качестве ведущей организации указан МГУ, и лишенный в мае 2013 года степени кандидата наук **А.Р. Акопян**, и **Р.Т. Бикбаева** с **И.Н. Матвеевым**, чьи диссертации также признала подложными комиссия Федюкина, и другие яркие фигуры Диссернета [5-7].

Но эта драма с отзывами не ограничивается Даниловским советом. Именно МГУ (опять же, судя по автореферату) числился ведущей организацией на защите феерической диссертации **С.Л. Данильченко** в Астрахани, в которой вообще трудно найти самостоятельное место [8]. А ведь были еще защиты в Саратове [9] и РАГС [10-12]. И это далеко не полный подобный список.

Встает закономерный вопрос: если эти отзывы на самом деле подлинные, получается, что МГУ в течение многих лет выступал в качестве мощной крыши для массы откровенно поддельных работ. А если эти отзывы действительно фальшивые, то совершенно неясно, почему МГУ не подает в суд на фальсификаторов за масштабный подрыв его научной репутации. Вспомним в этой связи пункт 9 предложений комиссии Федюкина из «Итогового доклада» [1]: «рекомендовать организациям... от имени которых были выданы подложные заключения по диссертациям, направлять соответствующие материалы в правоохранительные органы для рассмотрения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовных дел».

Аспект № 2. Сотрудники МГУ — фигуранты диссергейта

Многие авторы, научные руководители и оппоненты парадиссертаций являются сотрудниками МГУ. В этом списке, в частности, ставшие уже легендарными бывший директор СУНЦ МГУ **А.В. Андриянов** и и.о. директора ИСАА при МГУ и научный руководитель факультета глобальных процессов **И.И. Абылгазиев**, а также бывшие профессор ИППК МГУ **В.А. Змеев** (между прочим, член Даниловского совета) и **А.И. Уткин** [13], профессор факультета государственного управления (ФГУ) **И.Н. Мысляева** (см. предыдущий выпуск нашей рубрики [14], а также [15]), бывший профессор того же факультета ФГУ **М.П. Аракелова** (научный руководитель Андриянова) — кажется, единственная, кто был уволен из МГУ вследствие диссертационных скандалов.

Несмотря на масштабный скандал, продолжает числиться профессором ФГУ МГУ [16] и **Александр Львович Кобринский**. О его собственной диссертации [17] уже достаточно сказано и написано (вплоть до

«Википедии»). Впрочем, на самом ФГУ провели проверку и пришли к выводу, что эта диссертация самостоятельная. Именно это, в частности, сообщил ТрВ-Наука в своем письме декан факультета **Вячеслав Никонов**, добавив: «...Более того, с нее списано еще 4 диссертации». Это, кстати, правда [18], вот только как минимум по одной из таких списанных работ — актера и модели **В.В. Северинко** [19] — сам Кобринский был оппонентом.

Подчеркнем, что уже минимум двое из воспитанников А.Л. Кобринского лишены ученых степеней. Весьма вероятно, что в числе летних лишенцев (имена которых ВАК и Минобрнауки не предадут гласности) значится еще одна ученица Кобринского, депутат Госдумы от «Справедливой России» **О.К. Красильникова** [20]. Отметим также, что еще одна подопечная нашего героя, тоже депутат Думы, но уже от ЛДПР, **Е.В. Афанасьева**, также является автором списанной диссертации [21]. А сколько еще раз профессор Кобринский был оппонентом однозначно фальшивых работ? В архивах Диссернета находятся минимум пять таких случаев, от уже упомянутого Северинко и лишенной кандидатской степени **А.М. Бодровой** до доцента МГПУ **А.А. Маринюка** [22] и профессора МГПУ **Л.Г. Орчаковой** [23], также разоблаченной комиссией Федюкина.

Однако и это еще не все.

На той самой кафедре политической истории факультета государственного управления МГУ, где много лет трудился проф. Кобринский, работает профессор **Инна Юрьевна Костюченко** [24], защищавшаяся, судя по всему, в том же Даниловском совете (о существовании автореферата ее докторской диссертации не знает даже Российская книжная палата) [25]. Отметим, что у Костюченко и Кобринского был один и тот же научный консультант, профессор МГПУ **Борис Васильевич Леванов**.

Костюченко Инна Юрьевна (2004). Таблица заимствований

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	
121	122	123	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200	
201	202	203	204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218	219	220	
221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233	234	235	236	237	238	239	240	
241	242	243	244	245	246	247	248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260	
261	262	263	264	265	266	267	268	269	270	271	272	273	274	275	276	277	278	279	280	
281	282	283	284	285	286	287	288	289	290	291	292	293	294	295	296	297	298	299	300	
301	302	303	304	305	306	307	308	309	310	311	312	313	314	315	316	317	318	319	320	
321	322	323	324	325	326	327	328	329	330	331	332	333	334	335	336	337	338	339	340	
341	342	343	344	345	346	347	348	349	350	351	352	353	354	355	356	357	358	359	360	
361	362	363	364	365	366	367	368	369	370	371	372	373								

К слову сказать, именно И.Ю. Костюченко была оппонентом на защите тоже, мягко говоря, не вполне самостоятельной докторской диссертации соавтора проф. Кобринского **И.В. Лебедева** [26] — заместителя председателя Госдумы, более известного в качестве сына В.В. Жириновского. Более подробно о казусе Костюченко см. в [27]. А вот пример ее научного руководства [28], см. также [29]:

Невзоров Денис Алексеевич (2012). Таблица заимствований

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20						
21	22	23	24	25	26	26	27	28	29	30	31	32	32	33	34	35	36	37	38	39	40				
41	42	43	44	45	45	46	46	47	47	48	49	50	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60		
61	62	63	63	64	65	66	67	68	69	69	70	71	72	72	73	74	75	76	77	78	78	79	80		
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	97	98	99	100					
101	102	102	103	104	105	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120				
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140					
141	142	142	143	144	145	146	147	148	149	149	150	151	152	153	154	155	155	156	157	157	158	158	158	159	160
161	162	162	163	164	165	166	167	167	168	169	170	171	172	173	174	174	175	176	176	177	178				

Весьма символично, что эта диссертация была на тему «государственного управления научными исследованиями». Показательно также, что защита **Д.А. Невзорова** проходила не в МПГУ, а в самом МГУ, в уже известном совете Д 501.001.98. Таким образом, мы плавно подошли к третьему аспекту нашей темы — «МГУ как фабрика фальшивых диссертаций». Но это тема уже следующей нашей публикации, а пока можно поразмышлять на досуге, почему вышеупомянутый декан Никонов уже в качестве председателя комитета по образованию Госдумы в апреле 2013 года призывал «попытаться начать прекращать эту вакханалию по обвинению всех и вся в наличии фиктивных диссертаций, ученых степеней» [30]. Впрочем, «начать прекращать» пока не вышло, хотя попытки действительно были. Оставайтесь с Диссернетом!

- 1 <http://минобрнауки.рф/новости/3029>
- 2 <http://wiki.dissernet.org/w/ShilinaIB2008.html>
- 3 <https://www.facebook.com/pages/Федоренко-Сергей-Александрович/541805705850989?ref=stream>
- 4 <http://rbcdaily.ru/society/562949985748262>
- 5 <http://wiki.dissernet.org/w7BelanovichDM2007.html>
- 6 <http://wiki.dissernet.Org/w/Emanuilov2009.html>
- 7 <http://wiki.dissemet.org/wZKovalevaEV2006.html>
- 8 <http://www.dissernet.org/expertise/danilchenkosl2009.htm>
- 9 <http://wiki.dissernet.org/w/TokarevIA2007.html>
- 10 <http://wiki.dissernet.org/w/KhloptsevAN2005.html>
- 11 <http://wiki.dissernet.org/w/RozentulBA2007.html>
- 12 <http://wiki.dissernet.org/w/FeysbaMYa2007.html>
- 13 http://trv-science.ru/uploads/volikhamov_all.pdf
- 14 <http://trv-science.ru/2014/02/11/ehffekt-chernikovojj-chast-iii/>
- 15 <http://www.dissernet.org/expertise/articles742.htm>

- 16 http://www.spa.msu.ru/prepod_104.html
- 17 <http://wiki.dissernet.org/w/KobrinskyAL2004.html>
- 18 <http://disser-graf.livejournal.com/14198.html>
- 19 <http://wiki.dissernet.org/w/SeverinkoVV2010.html>
- 20 <http://www.dissernet.org/expertise/rasilnikovaok2010.htm>
- 21 <http://wiki.dissernet.org/w/AfanasyevaEV2007.html>
- 22 <http://wiki.dissernet.org/w/MarinyukAA2007.html>
- 23 <http://www.mgpu.ru/persons.php?person=3563>
- 24 http://www.spa.msu.ru/prepod_106.html
- 25 <http://www.dissernet.org/expertise/kostuchenkoiuz2004.htm>
- 26 <http://wiki.dissernet.org/w/LebedevIV2007.html>
- 27 <http://disser-graf.livejournal.com/8689.html>
- 28 <http://wiki.dissernet.org/w/NezvorovDA2012.html>
- 29 <http://wiki.dissernet.org/w/KuzminIE2006.html>
- 30 http://rus.ruvr.ru/2013_04_10/exvideo-Vjacheslav-Nikonov-Pora-zakanchivat-vakhanaliju-s-dissertacijami/

Мефодий Волихамов

Диссерграф: сказание о королеве фальсификаций

Dissernet.org, 03.12.2013 (Троицкий вариант, № 143)

<http://trv-science.ru/2013/12/03/dissergraf-skazanie-o-koroleve-falsifikacij/>

Московский педагогический госуниверситет — тот самый вуз, с разоблачения безобразий в котором ровно год назад начался масштабный «диссергейт», — продолжает оставаться едва ли не главным ньюсмейкером Диссернета. В самом деле, из многих и многих десятков (если не сказать — сотен) фальшивых диссертаций, защищенных в даниловском совете¹ в XXI веке, публично разоблачена очень малая часть. А авторы их, как правило, люди далеко не маленькие: ректоры, деканы, профессора, политические «ферзи», финансовые воротилы, олимпийские чемпионы и т.д. К сожалению, пока не начата систематическая проверка диссертаций в других диссоветах МПГУ, например на факультете социологии, экономики и права (СЭП). Это действительно «слепое пятно», и «титанам» с этого факультета пока еще удавалось ускользать от справедливого возмездия по-диссернетовски. Но сколько веревочке не

1 Зав. кафедрой истории МПГУ Александр Данилов, занимавший также пост председателя диссертационного совета, был уволен из вуза после скандала с липовыми диссертациями (<http://ria.ru/society/20130202/920913222.html>).

виться. Итак, знакомьтесь: наша первая «клиентка» из сильных мира СЭП — Ольга Петровна Шушарина, ректор Московского социально-психологического института (МОСПИ), декан факультета СЭП.

Шушарина Ольга Петровна (2004). Таблица заимствований

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200	
201	202	203	204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218	219	220	
221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233	234	235	236	237	238	239	240	
241	242	243	244	245	246	247	248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260	
261	262	263	264	265	266	267	268	269	270	271	272	273	274	275	276	277	278	279	280	
281	282	283	284	285	286	287	288	289	290	291	292	293	294	295	296	297	298	299	300	
301	302	303	304	305	306	307	308	309	310	311	312	313	314	315	316	317	318	319	320	
321	322	323	324	325	326	327	328	329	330	331	332	333	334	335	336	337	338	339	340	
341	342	343	344	345	346	347	348	349	350	351	352	353	354	355	356	357	358	359	360	
361	362	363	364	365	366	367	368	369	370	371	372	373	374	375	376	377	378	379	380	
381	382	383	384	385	386	387	388	389	390	391	392	393	394	395	396	397	398	399	400	
401	402	403	404	405	406	407	408	409	410	411	412	413	414	415	416	417				

Сомнительная медийная популярность нашей героини за последний год пережила два взлета. Ее имя было у всех (кто следил за событиями) на устах, когда разворачивался Андрияновгейт². Еще бы — ведь именно она числилась первым оппонентом А.В. Андриянова! Кроме того, быстро выяснилось, что «у ряда других подшефных Шушариной обнаружилось несуществующие публикации» [1]. Когда же в феврале был опубликован итоговый доклад министерской комиссии, обнаружилось, что имя Шушариной фигурировало аж в четырех аттестационных делах из числа тех, что привлекли внимание комиссии (подробнее см. [2]). Двое из этих четырех фигурантов (А.В. Андриянов и А.Р. Ако-

2 Молодого активиста «Единой России», выпускника химфака, председателя студенческого совета МГУ Андрея Андриянова назначили директором СУНЦ МГУ (школы им. А.Н. Колмогорова), но сняли с этой должности вскоре после скандала с лишением его степени кандидата исторических наук. С Андриянова, собственно, и начался «диссергейт» (<http://megabook.ru/article/Диссергейт>).

пьян) были благополучно лишены своих степеней.

Далее почти на год о нашей героине как-то позабыли. И вот только-только начался новый учебный год, как в программе «Вести недели» и на «Ленте.ру» появились сведения о возможных махинациях и нарушениях в аффилированных с МПГУ вузах: то при организации учебного процесса в МОСПИ, то при проблемах с продолжением обучения студентов ликвидированного филиала в Люберцах. Самое непосредственное отношение к этим проблемам имела Ольга Петровна [3], [4]. А 27 ноября и 1 декабря в «Вестях» вышло продолжение этого цикла.

Увенчать эту историю, на наш взгляд, должно разоблачение самой Шушариной как «лжедоктора наук». И нашими усилиями была подготовлена, возможно, одна из самых интересных экспертиз Диссернета [5]. Глядя на эту завораживающую картину «декахромной» раскраски, понимаешь, что диссертация О.П. Шушариной может считаться образцом «диссертационного тетриса». Один к одному, как каменные блоки в египетских пирамидах, подогнаны куски чужих работ, чтобы составить собственный «многосекционный текст».

География источников вызывает священный трепет — это даже не «от Одессы до Херсона». Это аж от Астрахани до Хабаровска. Особый интерес представляют стр. 120-181 работы Шушариной. Этот текст дословно совпадает с текстом, тождественным диссертации Е.Г. Тимофеевой, защищенной примерно в то же время в Астрахани. Здесь можно вспомнить о том, что именно там функционирует де-факто «филиал» даниловского совета — совет «виноградовский»: экспертам Диссернета известно уже несколько фальшивых работ, защищенных там; кроме того, в этих защитах участвовали многие из тех, кто знаком нам по «даниловскому делу». Можно добавить, что председатель этого совета С.В. Виноградов был научным консультантом Е.Г. Тимофеевой. Программа «Антиплагиат» дает практически нулевую оценку связанных некорректных заимствований из более ранних источников у Е.Г. Тимофеевой, и это сильный аргумент в пользу того, что именно она является «честным диссертантом» и истинным автором данного фрагмента текста.

При этом практически полностью списан (у Е.А. Киселевой, 2002, и А.Ю. Гайрабекова, 2003) раздел «Заключение» («Выводы») диссертации О.П. Шушариной — тот самый раздел, который заведомо должен включать авторский и только авторский текст.

Стоит упомянуть и о том, что автореферат О.П. Шушариной отсутствует как в Интернете, так и в фондах РГБ. То есть упоминание о нем в каталоге РГБ есть, а вот самого реферата нет. Зато из каталога можно узнать тему кандидатской диссертации О.П. Шушариной 1974 года — «Общественное сознание советского человека (теоретико-методологические аспекты)».

Подопечные профессора Шушариной — это вообще отдельная песня.

Нам на данный момент известны имена семи из них — двух докторов (одна разоблачена комиссией Минобрнауки [1], [2], у второй статьи не находятся в e-library) и пяти кандидатов (А.Р. Акопян уже лишен ученой степени, в диссертациях троих обнаружены массовые некорректные заимствования вплоть до 100% [6], [7], [8], и только одна работа содержит лишь 15% чужого текста [9]). Наиболее выделяется среди них, конечно же, Светлана Евгеньевна Цыганаш, зам. директора по воспитательной (sic!) работе Салаватского филиала УГНТУ [10]. «Должен ли человек быть лишен звания профессора, если его ученики оказались фальшивыми диссертантами?» [11].

Наш диссертационный детектив вскоре будет продолжен рассказом о коллегах и верных соратницах Шушариной. Читайте блог «Диссерграфа»!

- 1 <http://lenta.ru/news/2012/11/23/mpgudisser>
- 2 http://trv-science.ru/uploads/volikhmov_all.pdf, стр. 4
- 3 <http://m.lenta.ru/news/2013/09/23/mpgu/>
- 4 <http://m.lenta.ru/news/2013/10/30/mpgu/>
- 5 <http://www.dissernet.org/expertise/schuscharinaop2004.htm>
- 6 <http://wiki.dissernet.org/w/KulinichMV2006.html>
- 7 <http://wiki.dissernet.org/w/DeryuginaMV2005.html>
- 8 <http://wiki.dissernet.org/w/ZygasaschES2004.html>
- 9 <http://wiki.dissernet.org/w/ArtemovNN2005.html>
- 10 <http://sfugntu.ru/modx/index.php?id=47>
- 11 <http://disser-graf.livejournal.com/5966.html>
- 12 <http://gorynych-007.livejournal.com/16886.html>
- 13 <http://disser-graf.livejournal.com/8331.html>

Стрелки:

- ▶ «научный руководитель»,
- ▶ «оппонент»,
-▶ «даритель текста»,
- ▶ «ведущая организация»,
- ▶ «имеет сотрудника»,
- ▶ коллеги по работе в пределах факультета (один конец — «начальник»).
Данные на период Андрияновгейта. Аракелова и Данилов в настоящий момент уже не работают в МГУ и МПГУ соответственно. Построение графа продолжается.

Фамилии:

- лишены степени
- с доказанным экспертами Диссернета некорректным заимствованием или ненайденными публикациями;
- члены «списка 25» комиссии Минобрнауки («первая очередь» рассмотренных подложных диссертаций);
- диссертация не проверялась или в ней не найдены масштабные некорректные заимствования.

Мефодий Волихамов

Сага о бывших ректорах

Dissernet.org, 24.12.2013 (Троицкий вариант, № 144)

<http://trv-science.ru/2013/12/24/saga-o-byvshikh-ректорakh/>

Бытует мнение, что сообществу Диссернет за все время его существования так и не удалось достичь серьезных, «осязаемых» результатов. Мол, все разоблаченные остались при своих степенях и на своих постах, вопросы репутации у нас все равно никого не волнуют, успешную работу комиссии Федюкина (которая активно использовала наработки будущих диссернетчиков) уже все успели подзабыть и т.п. Однако, не все здесь однозначно. И сегодня мы поговорим о так или иначе засветившихся в диссергейте ректорах, лишившихся своих постов (формально по разным причинам), тем более что все предыдущие выпуски нашей рубрики были посвящены кейсам именно ректорского корпуса.

Пожалуй, не вызывает сомнений тот факт, что главным достижением активистов Диссернета и по сей день является показательное снятие со своей должности ректора Московского педагогического госуниверситета (МПГУ) **В.Л. Матросова** (подробный анализ этого казуса см. [1]). Но совсем немногие осознают, что количество ректоров, лишившихся в процессе разворачивания диссергейта своих постов, существенно больше. Еще в начале лета покинул ректорское кресло — официально по собственному желанию [2] — **В.А. Динес** (Саратовский государственный социально-экономический университет, серьезно увязший в фальшивых диссертациях [3]).

Получение ВАКом и Минобрнауки составленной по всем юридическим канонам жалобы Диссернета на работу **М.Л. Догадаевой** [4] (спивавшей почти 100% текста) примерно совпало по времени с моментом ее ухода с поста ректора Московского института современного академического образования. По уточненным данным, еще осенью лишилась поста ректора Московского социально-педагогического института (МОСПИ) героиня нашей прошлой публикации **О.П. Шушарина**. Буквально месяц назад утвердили нового ректора в Московском городском педагогическом университете (МГПУ), регулярно поставляющем Диссернету клиентов и их покровителей. Стоит упомянуть и одиозного **С.Г. Ситникова**, покинувшего пост ректора СибГУТИ не в последнюю очередь из-за скандала со списанной диссертацией [5-7]. Правда, это было еще в додиссергейтные времена. А сейчас мы расскажем еще об одном ярком случае из того же ряда бывших ректоров.

Логинава Людмила Федоровна (2005). Таблица заимствований

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40		
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60		
61	62	63	64	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100		
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120		
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140		
141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160		
161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180		
181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200		
201	202	203	204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218	219	220		
221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233	234	235	236	237	238	239	240		
241	242	243	244	245	246	247	248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260		
261	262	263	264	265	266	267	268	269	270	271	272	273	274	275	276	277	278	279	280		
281	282	283	284	285	286	287	288	289	290	291	292	293	294	295	296	297	298	299	300		
301	302	303	304	305	306	306	307	308	309	310	311	312	313	314	315	316	317	318	319	320	
321	322	322	323	324	325	326	327	328	329	330	331	332	333	334	335	336	337	338	339	340	
341	342	343	344	345	345	346	347	348	349	350	351	352	353	354	355	356	357	358	359	360	360
361	362	363	364																		

Наша сегодняшняя героиня — Людмила Федоровна Логинава — этой осенью стала видной медийной фигурой. Еще бы, ведь до самого последнего времени она занимала пост ректора Гуманитарно-социального института (ГСИ) — того самого института, который фигурировал в качестве примера так называемого вуза-прокладки в ряде сюжетов для «Вестей недели» известного разоблачителя коррупции в образовании Бориса Соболева. Так, «говорилось, что в ряде платных вузов студенты, в том числе и не посещающие занятия, получают дипломы МПГУ... На сайте ГСИ говорится, что ректор Людмила Логинава училась в педагогическом университете (главный педвуз страны — МПГУ, филологический факультет. — Прим. М.В.)» [8].

Сейчас же ректором уже является муж Л.Ф. Логиновой — Андрей Вячеславович [9]. По сведениям «Вестей недели», «на протяжении минимум пяти лет через эту контору (ГСИ. — Прим. М.В.) ежегодно реализовывалось до тысячи дипломов МПГУ. При этом в самом госвузе его как бы выпускники ни разу даже не бывали... Переживший после наших сюжетов череду проверок институт формально не закрыт. Однако лишение доступа к чужим дипломам для «вуза-прокладки» (у вуза отозвана лицензия. — Прим. М.В.) равносильно закрытию... До последнего времени в этом заведении числилось около четырех тысяч студентов. С каждого за сезон брали по 70-80 тыс. руб. Итого... 300 млн ежегодно проплывали мимо педуниверситетского бюджета» [10].

Однако не только студенческое прошлое и «история с прокачкой дипломов и денег» связывают Л.Ф. Логинову с МПГУ. Ее родная сест-

ра — Т.Ф. Кузнецова — в настоящий момент возглавляет на факультете социологии, экономики и права (СЭП) диссертационный совет по теории и истории культуры [11]. Сама же Логинова, по всей видимости, защищала свою докторскую в том самом даниловском совете на том же факультете — и, как уже много раз случалось в нашей поисковой практике, автореферат диссертации героини отсутствует в РГБ. Таким образом, по иронии судьбы рассказ о Л.Ф. Логиновой не только укладывается в ректорский сюжет, но и является логичным продолжением нашей предыдущей публикации о «королеве фальсификаций» Ольге Шушариной, декане факультета СЭП.

Интересно, что на ряде интернет-ресурсов (например, [12]) утверждается, что в 1999 году Л.Ф. Логинова защитила докторскую диссертацию по философии. Однако в базе данных РГБ такой работы не значится. Не удастся найти и кандидатскую нашей героини. Зато, конечно, есть докторская по истории 2005 года. Вот так выглядит фирменная диссертационная раскраска данной работы. Не так ярко, как мы уже привыкли, но обратите внимание на практически полностью списанное заключение [13].

А еще Людмила Федоровна пишет книги. Разумные, добрые, вечные. Вполне по-кантовски ставя вопрос: «Легко ли быть человеком» (название сборника ее «сказок для взрослых»). «Вернуться в детство, когда близко к сердцу принимаешь любую несправедливость и от всей души радуешься победе добра над злом сможет каждый, кто прочитает эту замечательную книгу» [14]. Поразительно! Цинизм ситуации зашкаливает.

Отдельного упоминания заслуживают наследники Л.Ф. Логиновой (не путать с учениками) — люди, которые, так сказать, позаимствовали часть текста ее диссертации, чтобы остепениться самим. Так, некая С.В. Коряковцева таким образом «слепила» 100% содержания своей диссертации [15]; М.В. Котляр (доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей уже хорошо знакомого нам Астраханского госуниверситета), — 2/3, оставшуюся треть взяв из другого источника [16].

Но наиболее интересна среди этих наследников, видимо, Полина Петровна Епифанова, член совета директоров судостроительного завода «Слип» и начальник Волго-Каспийского морского рыбопромышленного колледжа, а еще заслуженный учитель РФ, почетный работник рыбного хозяйства, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и прочая и прочая (подробнее см. [17]).

Обещанный нами в прошлый раз рассказ о диссертационных историях других соратниц и коллег О.П. Шушариной — В.И. Барановой (зам. декана по учебной работе факультета СЭП) и И.А. Куриновой (зав. кафедрой права там же) — [18].

Такие исследования, вытаскивающие на поверхность десятки липовых ректоров, деканов, доцентов, директоров и т.д., наглядно показывают всю глубину пропасти, в которой находится отечественная высшая школа и отечественная гуманитарная наука. Начать чистку еще не поздно, главное — осознать ее неизбежность и необходимость для оздоровления всего нашего общества.

- 1 <http://disser-graf.livejournal.com/4579.html>
- 2 www.4vsar.ru/news/37113.html
- 3 <http://lenta.ru/articles/2013/03/20/sgseu>
- 4 www.dissernet.org/expertise/22/dogadaevaml2010.htm
- 5 www.ej.ru/?a=note&id=23888
- 6 Б. Попантонопуло, А. Рогаткин. Готовый замкнуться круг. ТрВ-Наука № 122, 12.02.2013. <http://trv-science.ru/2013/02/12/gotovyyj-zamknutsya-krug/>
- 7 Б. Попантонопуло. Неоконченный роман с ВАК. ТрВ-Наука № 137. 10.09.2013. <http://trv-science.ru/2013/09/10/neokonchennyj-roman-s-vak/>
- 8 <http://m.lenta.ru/news/2013/09/23/mpgu>
- 9 www.vuz-gsi.ru/pages/rektor_instituta
- 10 <http://vesti7.ru/news?id=41783>
- 11 www.mpgu.edu/science/dissertatsionnye_sovety/sovet14.php
- 12 <http://lyubertsy.academica.ru/university/17692-Gumanitarno-socialnyj-institut>
- 13 <http://wiki.dissernet.org/w/LoginovaLF2005.html>
- 14 <http://my-shop.ru/shop/books/662642.html>
- 15 <http://wiki.dissernet.org/w/KoryakovtsevaSV2007.html>
- 16 <http://wiki.dissernet.org/w/KotlyarMV2006.html>
- 17 <http://disser-graf.livejournal.com/9201.html>
- 18 <http://disser-graf.livejournal.com/9490.html>

Андрей Ростовцев

Без права быть «другим»

Ежедневный журнал, 12.06.2013

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:keusctMMYUo:ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D13019...%25Do%25BC%25Do%25BE%25Do%25B6%25Do%25B5%25D1%2582+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

«Агрессивные гомофобные заявления и действия против инаколюбящих, которых назначили ответственными за все мировые проблемы, вплоть до снижения рождаемости, несовместимы с представлениями современной науки, нормами морали, Конституцией и международ-

ным правом. Эта демагогическая компания, направленная на разжигание ксенофобии и изоляцию России от Запада, уже сделала нашу страну посмешищем в глазах цивилизованного мира. Люди, требующие ее прекращения, защищают не только свои собственные гражданские права и человеческое достоинство, но и национальную репутацию России».

С этими словами еще в 2007 году российский социолог и сексолог Игорь Кон выступил в поддержку ЛГБТ-сообщества, после того как в Рязанской области в 2006 году приняли статью 3.13. о «публичных действиях, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних» в дополнение к местному закону об административных правонарушениях. Вчера аналогичный, но «усовершенствованный» закон приняли на федеральном уровне.

За пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди детей для граждан устанавливается штраф в размере от 4 до 5 тысяч рублей, для должностных лиц — от 40 до 50 тысяч рублей, для юридических лиц — от 800 тысяч до одного миллиона рублей.

За пропаганду с применением СМИ или интернета штрафы будут больше: для граждан они составят от 50 до 100 тысяч рублей, для должностных лиц — от 100 до 200 тысяч рублей. Для юридических лиц — один миллион рублей либо приостановление деятельности до 90 суток.

Право на автономию личности сознательно подавлялось государством на протяжении десятилетий. Результатом этой политики стала тотальная неспособность россиян понять «другого», поставить себя на его место, вообще признать право человека быть «другим», признав тем самым значимость его субъективной индивидуальности. В ситуации слабого, фрустрированного «я» людям необходима инстанция, задающая образец поведения. В советские времена это было государство, в последние годы, в связи с усиливающимся влиянием церкви, такой «инстанцией» становится она, а Россия постепенно возвращается к традиционным предписаниям и установкам. Подавляющее большинство респондентов относит себя к «православным» и считает это определяющей характеристикой для «истинного россиянина», слабо понимая, что такое вера в религиозном смысле. В очередной раз это отнюдь не продуманная мировоззренческая позиция, а удобная поза, стремление быть «как все». Гомосексуальность в этой ситуации является концентрированным, маргинализированным выражением инаковости. Признание себя гомосексуалистом означает риск быть выброшенным на «обочину», исключенным из общества, согласие надеть на себя этот яркий вызывает непонимание, непринятие и раздражение.

Согласно опросам Левада-Центра, с 2005 года доля тех, кто считает гомосексуализм распущенностью, выросла на 7%, а число считающих

его сексуальной ориентацией, имеющей равное с обычной право на существование, снизилось на 8%. Процент таких людей в Москве практически в 3 раза выше, чем в среднем по стране. Среди жителей столицы также существенно выше доля тех, кто считает, что гомосексуалов надо оставить в покое и обеспечить им возможность «жить в соответствии с их складом и убеждениями». Более толерантны по отношению к представителям секс-меньшинств молодые респонденты и респонденты с высшим образованием. Большинство — 45% опрошенных — считает, что гомосексуалами становятся в результате совращения или собственной распущенности, причем среди 18-24-летних таких 35%, а в подгруппе от 55 лет и старше — уже 52%. Ни размер населенного пункта, ни уровень образования существенного влияния на эту дифференциацию не оказывают. Среди тех, кто считает, что гомосексуалы являются такими от природы (21%), 39% выступают за то, чтобы их лечить (хочу отметить, что речь не идет о принудительном лечении), 46% предлагают оставить в покое, а среди считающих гомосексуализм результатом совращения 20% предлагают преследовать представителей ЛГБТ-сообщества по закону, 42% лечить, 24% оставить в покое.

Понятие любви, стоящей за гомосексуальностью, как и за любой другой сексуальностью, слабо артикулировано — большинство видит в таких отношениях только секс, но не чувства, близость и открытость. Утрированный страх по отношению к секс-меньшинствам является следствием неспособности поставить себя на место другого, защитной реакцией на собственную неспособность понять, любить — вообще видеть «другого».

Если говорить о правах, то процент согласных с тем, что геи и лесбиянки должны пользоваться теми же правами, что и другие граждане, упал за последние годы на 12 пунктов (с 51% до 39%). В России очень низкий уровень правового сознания, в ответах на вопрос о том, какие из прав человека наиболее важны, на первое место вылезают социальные права (гарантированная работа, выплата социальных пособий, обеспечение прожиточного минимума и т.д.). Гражданские права, такие как, например, свобода слова и самовыражения, остаются на периферии как нечто абстрактное и не имеющее отношения к повседневной жизни. Гражданские права воспринимаются не как права, а как ценности отдельных групп, борьба за них требует другого типа личности, свободной и независимой. Общественная дискуссия относительно природы гомосексуализма, проблемы гомофобии и публичные «каминг-ауты» очень важны, они показывают, что это реальные такие же люди. Ограничивать права и свободы реальных людей сложнее, чем мифического меньшинства, которое никто никогда толком не видел. По данным наших опросов, только 7-8% имеют среди знакомых гомосексуалов. Статистически это очень маленькая группа, ввиду чего мы не можем пол-

ноценно ее анализировать, однако тенденция по большинству вопросов прослеживается: знакомство, личное общение положительно влияет на отношение к гомосексуалам, люди, лично знакомые, в целом более толерантно и спокойно относятся к ЛГБТ-сообществу. Запрет на обсуждение этой темы только способствует усилению непонимания и агрессии. Если верить гомофобам, в Иране, с его почти тысячелетней историей гомосексуального эротизма в культуре, давно должны были перевестись гетеросексуалы. Однако мы видим, что это не так.

В России гомофобные настроения растут под влиянием государственной кампании в подконтрольных СМИ, особенно по телевидению, которое является основным источником информации для большинства россиян. В ситуации нарастающего напряжения в обществе новый гомофобный закон, как и закон об иностранных агентах, — варианты поиска врага, с целью найти козла отпущения и канализировать недовольство. Государство потакает насилию, и мы уже пожинаем плоды, как, например, в случае убийства в Волгограде, где обвиняемые аргументировали свой поступок «борьбой за нравственность».

Принятый вчера Госдумой в двух чтениях закон противоречит принципам международного права и Конституции и является популистским ходом, ведущим к расколу общества. Одних науськивают, а других принуждают смириться с варварством, отбрасывая страну как минимум на 20 лет назад, когда в России был отменен закон об уголовном преследовании за мужеложство.

Андрей Ростовцев

Воровство высшей степени

Ежедневный журнал, 20.11.2013

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:kBpduFoNdzAJ:www.ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D23763+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

Я — Андрей Ростовцев, один из основателей вольного сетевого сообщества Диссернет. Постараюсь здесь объяснить, что это за общество такое. Итак, вольное — потому что участвовать в работе сообщества никто и ничто (кроме собственного внутреннего побуждения) не заставляет. Сетевое — потому что это сообщество единомышленников устроено горизонтальным образом, в противоположность властной вертикали, когда ни один из узлов сети не является ее центром. Примерно так же устроена наша Вселенная: в любой ее точке мы увидим одинаково разбегающиеся от нас во все стороны звезды, галактики, скопления галактик. Хотя ни одна из этих точек центром Вселенной не является. И наконец, само название, Диссернет, говорит о том, что активисты нашего сообщества имеют дело с диссертациями. Но в отличие от множеств

ва фирм, предлагающих свои услуги по написанию и защите липовых трудов, Диссернет — это тест на их липовость.

Зачем все это нужно? Было бы ошибкой полагать, что сообщество Диссернет занимается выяснением научной истины или восстановлением репутации настоящих ученых. Этим когда-то должно заняться экспертное научное сообщество. Диссернет больше похож на рентгеновский аппарат, который позволяет разглядеть жулика под благопристойной маской разнообразных модных аксессуаров: дорогие часы и автомобиль, секретарша блондинка и хлебная государственная служба, отдых в Кот д'Азур и нравоучительные речи, обращенные к народу. За последние лет десять к этим аксессуарам стало принято добавлять ученую степень кандидата или даже доктора каких-нибудь наук. Не так важно каких. Но так же неважно, что в этой диссертации написано. Видимо, срабатывает стереотип «все равно их никто не читает». Как выразился один мой коллега, «сегодня, как и раньше, торгуют под прилавком. Только никто не заметил, что прилавок стал прозрачным». Так вот, как только с прилавка соскоблили непрозрачную тонировку, сразу же выяснилось, что жулика выдает объем некорректных заимствований, которыми его диссертационный труд набит, как колбаса. Многим это может показаться удивительным, но это действительно так. Существует строгая корреляция между некомпетентностью чиновника и тем объемом лажи, который ему смогли втюхать умельцы под видом самостоятельной научной работы.

Кто-то спросит: ну а вам какое дело, за какой-то там чиновник купил некачественный товар? Дело в том, что если его компетенции (или компетенции его помощников) не хватило на то, чтобы проверить этот товар на качественность, то понятно, какие решения он будет принимать, находясь на госслужбе, чем он будет мотивировать свои решения. Более того, однажды сознательно нарушив академическую этику, такой чиновник со временем бессознательно начинает ненавидеть все, что связано со здравым смыслом. Это какой-то непреложный парадокс природы. Будь то «антисиротский закон» или ликвидация Академии наук. Если посмотреть в корень проблемы, то всегда в начале каждой такой дикой, по цивилизованным меркам, истории отыщется своя липовая диссертация. Так что в каком-то смысле проект Диссернет — это еще и возможность предупредить нежелательное с точки зрения здравого смысла развитие событий.

Так мы в Диссернете плагиат ищем? Здесь надо уточнить, что мы старательно избегаем термина «плагиат». Дело в том, что единственное имеющееся в юридической практике определение «плагиата» заметно отличается от его расхожего обывательского понимания. Ст. 146 УК связывает понятие «плагиат» с нанесением крупного ущерба автору или иному правообладателю. А поскольку доказать крупный ущерб в нашем случае практически не представляется возможным, то в на-

ступление переходит сам «плагиатор», обвиняя вас в клевете, и с точки зрения Уголовного кодекса, в котором и зашита эта правовая ловушка, он абсолютно прав. Между тем, понятие «некорректное заимствование» юридически не определено, и мы вправе пользоваться им, как нам подсказывают жизненный опыт и здравый смысл.

Не стоит думать, что волонтеры сообщества Диссернет день и ночь напролет вчитываются в мутное содержание чьих-то ученых трудов. Вовсе нет. Они препарируют эти труды с помощью специально разработанных для этой надобности компьютерных программ. Вы спросите: почему именно сейчас? Ведь мы знаем, что липовые диссертации изготавливались с незапамятных времен. В ответ на этот вопрос я всегда рассказываю историю про то, как во второй половине XIX века эпидемия филлоксеры уничтожила практически все виноградники в Европе. Виной тому стало изобретение парового двигателя и замена парусного флота на пароходы. Жизнь этой заразы оказалась длиннее, чем время, которое требовалось, чтобы проделать путь от Америки до Европы на пароходе. Ровно так же с развитием компьютерной техники до того уровня, когда одним нажатием клавиши ты можешь за несколько минут сравнить любой текст с миллиардом других, появилась реальная возможность проверять диссертации на предмет заимствований за разумное время. Правда, насколько эти заимствования некорректны, в конце концов, решает человек. Машина ему только подсказывает, из каких источников эти заимствования могли быть сделаны.

Теперь самый главный вопрос. Зачем чиновникам эти ученые степени нужны вообще?

Есть в Подмоскowie страусиная ферма. Разводят там страусов, на продажу. Когда я спросил владельца фермы, кто и зачем покупает маленьких страусят и вполне взрослых особей, то ответ меня сначала шокировал: покупают в основном на подарки. И только потом до меня дошло, что, когда, как говорится, у человека все уже есть, то ничего не остается, как подарить ему, например, страуса. «Ну, Семеныч, поздравляем тебя! Угадай, что мы тебе дарим?» Очень прикольно смотреть, как «Семеныч» щурится, напрягает извилины... «А вот и не угадал! Страуса мы тебе, Семеныч, дарили в прошлом году. В этом будешь ты у нас доктором наук. А то непорядок, уже который год в кандидатах ходишь». Картина вполне близкая к действительности, если учитывать, что у иных персонажей счет в ресторане может в десятки раз превышать стоимость диссертации «под ключ».

Есть и просто желание прибавить к своим регалиям на визитной карточке ученую степень. Но мы не будем сейчас останавливаться на всяких экзотических примерах приобретения ученых степеней, а обратим внимание на вполне конкретную и понятную аргументацию. Дело в том, что карьера госчиновника не бесконечна. Зато в сфере науки

и образования возрастные ограничения не такие строгие, а возможностей значительно больше. Устроиться ректором в какой-нибудь университет — потаенная мечта многих чиновников. Ну, если не ректором, то проректором или, на худой конец, деканом какого-нибудь факультета. Место хлебное, да и ответственности при нынешней системе высшего образования почти никакой. Жизнь заставляет молодежь оплачивать свое образование. И если честно, большинству студентов не так важно качество этого образования, как сам факт его наличия. Ровно так же, как чиновнику, ставшему ректором, не так важно содержание его диссертации, как наличие ученой степени. В этом смысле руководство университета и студенты быстро находят друг друга. Система приходит в равновесное состояние. Как это происходит, мы разберем в следующий раз на конкретных примерах, а пока заметим, что при такой практике никакая реформа образования в стране ни к чему не приведет.

На что же мы надеемся? Сегодня существует срок давности по диссертационным делам, равный трем годам. Прошло три года с момента твоей защиты, и уже никто не сможет доказать, что ты жулик, даже если диссертация списана до последней запятой. Об этом недавно заявил Дмитрий Медведев, сказав, что не надо «взрывать ландшафт». Но ничто не мешает сообществу Диссернет постоянно пополнять свою коллекцию в надежде на то, что ландшафт неизбежно изменится и все липовые кандидаты, доктора и целые фабрики по их производству сами разбегутся от позора. И общественного давления. Мы будем внимательно следить за пополнениями в своей коллекции и по возможности делать выводы о том, что мы увидели сквозь прозрачный прилавок.

Андрей Ростовцев

Институт липовой учености

Ежедневный журнал, 27.11.2013

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:KV4cle6WNUgJ:ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D23820+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

В последнее время я стал обращать внимание на странности в своем восприятии окружающей действительности. Читаю я, положим, «ЕЖ» или просто сводки новостей про что-то, что не поддается объяснению с точки зрения Здравого Смысла и «рука сама тянется...». Нет-нет, не как у Геббельса к пистолету, а приоткрыть богатейший архив липовых диссертаций, накопленный в сообществе Диссернет. Ну, например, вчера зашел разговор про планы возведения нового фешенебельного торгово-развлекательного центра на месте недавно разоренного Московского горного университета. Тут же вспоминаю, что с диссертацией заместителя мэра Москвы по градостроительной политике кандидата

экономических наук Марата Шакирзяновича Хуснуллина далеко не все в порядке. Одновременно разглядываю играющую всеми цветами замесствований из чужих научных трудов табличку-экспертизу диссертации доктора экономических наук Алевтины Анатольевны Черниковой, ректора МИСиС, того самого, который недавно под благовидным предлогом присоединил к себе этот несчастный горный университет и навел в нем «порядок». О, ужас-ужас! Они, наверное, все безнадежно больны? И это только один, далеко не самый вопиющий пример. А таких примеров на дню... нет, не хватает пальцев руки, не могу сосчитать.

Постойте, а, может быть, это не они, а я безнадежно больной, видящий в каждой абсурдной ситуации ключевых фигурантов с липовыми диссертациями и присвоенными научными степенями? Может быть, мне пора показаться психологу? Ведь нельзя же во всех них видеть жуликов, которым за чем-то (причем всем вместе и сразу) потребовались купленные репутации ученых. Так думал я до тех пор, пока на адрес сообщества Диссернет не пришло одно очень важное для меня письмо. Пишет ученый (действительный ученый!) социолог. Вот, короткая выдержка из этого письма: *«...просто со временем (довольно быстро) стало понятно, что суть развернувшегося поточного производства диссертаций — это не коррупция в чистом виде. Не злоупотребление положением или взятки. Не только это. Главное — это строительство сетей, в которые вовлечены «свои люди», зависимые, связанные, обязанные генераторам этого производства своим положением, благополучием и т.д. Через эти сети можно довольно эффективно контролировать многие процессы в науке, образовании и политике. Они разрослись до гигантских масштабов, их гнилая кровь забивает тромбами все проводящие пути, не дает бежать по ним свежей крови. Такая сеть — это возможность держать на привязи социальные лифты и не пускать на ключевые посты новых людей. Может быть, самое опасное — не пускать новых людей в студенческие аудитории. А значит, там живет и еще долго будет жить мутная, безжизненная, антинаучная и развращающая мысль. А плагиат — это только удобное и быстрое средство «сделать» нужный демонстративный продукт определенного формата, чтобы встроить в сеть своих человечков. Не удивлюсь, если узнаю, что таким образом фактически создан замедлитель процессов социального развития, угнетающий все живое на местах и вытесняющий за пределы Родины все, что еще может и хочет создавать новое, нормально работать и делать нормальную карьеру».*

Да, черт возьми! Прав социолог. Мы как-то привыкли к мысли о том, что виноваты многочисленные конторы, предоставляющие услуги по написанию научных трудов, отдельные университеты и академии, из которых такие липовые ученые выходят стройными шеренгами. Эта подспудная мысль придает проблеме признак рыночной случайности: ну был грешок молодости — купил себе ученую степень. Так, шалость, кто их тогда не покупал? На самом же деле все оказалось гораздо серьезнее. В России сложился институт липовых ученых репутаций. Именно институт, а не рынок. Именно поэтому само государство на самом высоком уровне встало на

защиту этого института. Именно поэтому, в отличие от европейских стран, где уличенный в списывании политик незамедлительно теряет не только свою научную репутацию, но и карьеру, у нас, несмотря на сотни вопиющих разоблачений, ни один чиновник пока не лишился своих титулов. Да, в Германии, например, это — рынок. У нас — институт общества.

Не знаю, озвучивал ли кто-то раньше эту простую мысль, но она витает в воздухе. По этому поводу расскажу еще об одном удивительном социологическом эксперименте, который проводит сообщество Диссернет. Как вы, возможно, знаете, на сайте dissernet.org проходит сбор денежной помощи проекту, в которой сообщество Диссернет остро нуждается. От государства, интегрировавшего институт липовых ученых репутаций, сообщество разоблачителей ничего, кроме заявлений в прокуратуру и повесток в суд, не получает. Поэтому мы надеемся на то, что сегодня называется модным словом «краудфандрайзинг», и мы очень благодарны всем, кто в нем участвует. Но сейчас речь идет не о привлечении дополнительных новых пожертвований, хотя и от этого мы не отказываемся. В сообществе Диссернет давно уже обратили внимание на такой чудесный феномен. Наш народ бурно и возмущенно реагирует на громкие, резонансные разоблачения российских плагиаторов. На такие, как опубликованные совсем недавно истории про диссертацию молодой докторессы наук Галины Жуковой или про книгу главы СК Александра Бастрыкина. И в том, и в другом случае налицо массовые некорректные заимствования чужих текстов. Но это бурное народное возмущение выражается в этих случаях очень по-разному. В одном случае — это всеобщее хихиканье и веселый троллинг, а в другом... никакого хихиканья, зато Яндекс-кошелек буквально взрывается. Люди делятся всем, кто сколько может. Очень много переводов от 20 до 50 рублей. Для нас такие пожертвования наиболее ценны. Они говорят о том, что народ понимает, насколько глубоко институт липовой учености интегрирован во власть и насколько он идентичен коррупции. Поскреби коррупционера — обязательно отыщется липовая купленная диссертация, и наоборот. Поройся в биографии малограмотного менеджера, некомпетентного директора предприятия, партийного чиновника, лживого законника — обязательно отыщется какой-нибудь липовый диплом. Вот о них мы и будем рассказывать на страничке «ЕЖа». Раз в неделю — о тех, кто «держит на привязи социальные лифты». Будем рассказывать, как функционируют сети «своих человечков» и почему эти сеть не так-то просто порвать. Не пропускайте!

Дело Ситникова

Ежедневный журнал, 04.12.2013

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=23888>

События последних дней заставляют снова задумываться о том, что у нас у русских не так. Не так, как у жителей цивилизованной Европы, Прибалтики да и той же соседней Украины. Что нас отличает от них? Возможно, ответить на этот вопрос, хотя бы частично, поможет следующая история.

В далекие 80-е годы новосибирский ученый Георгий Захарович Винокуров разработал автоматизированную систему управления для предприятий легкой промышленности на примере кожевенно-обувной фабрики Новосибирска. Имели место тогда и внедрение разработок ученого, и защита кандидатской, а позднее и докторской диссертаций, и выход в 1997 г. в свет монографии «Системы оперативного и упреждающего управления предприятием». С этой монографии и началась та цепочка удивительных событий, о которых пойдет речь ниже.

Спустя почти десять лет, в 2005 году, выходит другая монография «Системы оперативного менеджмента», во многом повторяющая первую, но уже за авторством сына Георгия Захаровича — Станислава. Затем эта же книга, но с измененным названием, издается в 2006-м, и еще раз в 2007 году. Она же становится основой докторской диссертации С.Г. Винокурова. Надо сказать, что старший Винокуров в это время трудится профессором-консультантом в Сибирском государственном университете телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ), ректором которого на тот момент был еще пока не доктор наук Сергей Георгиевич Ситников. И вот, о чудо, за авторством ректора университета в 2008 году выходит монография «Системы оперативного менеджмента диверсифицированных предприятий». Согласно заключению лингвистической экспертизы, эта монография «представляет собой один и тот же текст с монографией Винокурова С.Г., незначительно сокращенный, стилистически обработанный и композиционно модифицированный». Зачем все эти фокусы?

Разгадать эту тайну удалось лишь через пару лет, сразу после защиты докторской диссертации С.Г. Ситникова. Как оказалось, текст диссертации во многом повторяет текст монографии, вышедшей теперь под его именем. Кроме монографии в диссертационном арсенале Ситникова оказались 17 научных статей в различных журналах, текст которых повторяет вариант монографии С.Г. Винокурова образца 2005 года, а еще девять работ, указанных в автореферате диссертации, вообще никогда, нигде и никем не издавались. К таким неутешительным выво-

дам пришла независимая комиссия, созданная в СибГУТИ для объективного рассмотрения открывшихся фактов. На основании заключения этой комиссии новый ректор СибГУТИ профессор Б.Я. Рябко издал приказ об изъятии монографии Ситникова за 2008 г. из библиотечного фонда университета и сдаче ее в макулатуру. Добавлю, что в 2011 году членами «научной группы» было издано еще одно, 5-е по счету издание монографии, теперь уже в виде учебного пособия с коротким и ясным названием «Оперативный менеджмент» за авторством Г.З. и С.Г. Винокуровых и С.Г. Ситникова. Надо ли говорить, что это пособие почти полностью идентично докторской диссертации Ситникова С.Г. Но вершиной этой пирамиды стало следующее, 6-е издание монографии под названием *Das operative Management*, уже в Германии, автором которой на сей раз снова стал доктор С.Г. Винокуров. Тот факт, что эта монография является абсолютной копией диссертации С.Г. Ситникова (даже композиционно), уже ни у кого не вызывает удивления.

Вот, казалось бы, близок конец истории. Есть результаты экспертизы, есть заключение независимой комиссии, есть, наконец, официальное письмо нынешнего ректора СибГУТИ, адресованное министру образования и науки и председателю Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в компетенции которых лишать жуликов от науки незаконно присвоенной ученой степени. Но тут-то и происходит вторая часть Марлезонского балета — самое интересное.

То, что диссертационный совет при Уфимском государственном авиационном техническом университете, где защищалась диссертация С.Г. Ситникова, не отказался от своего решения, прикрываясь таким образом от репутационных потерь, теперь кажется вполне естественным поведением. Но и ВАК неожиданно встает на защиту бывшего ректора университета... Экспертный совет ВАКа отказывается рассматривать представленные экспертные заключения на основании того, что авторы трудов, из которых С.Г. Ситниковым заимствованы тексты и результаты, претензий к нему не предъявляли. Мало того, эксперты раз за разом, отвечая на формальные обращения заявителей, повторно обнаруживают присутствие в работе автора научной новизны и «не видят оснований для лишения заслуженно присужденной научной степени доктора технических наук». Не рассматривая дело С.Г. Ситникова по существу, департамент министерства по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических работников ограничивается формальными отписками. Председатель ВАКа Владимир Филиппов в интервью журналистам не стесняясь дает заведомо ложные сведения о процессе рассмотрении дела Ситникова. Какая такая могучая сила заставляет его это делать? Что заставляет это сообщество (по крайней мере, в данном конкретном случае) упорно возводить фальсификацию в ранг научной школы?

Эта история — одна из многих, с которыми постоянно сталкивается

сообщество Диссернет. История весьма типичная для России нашего времени. Какие из нее можно сделать выводы? Во-первых, россияне сегодня толерантны ко всякого рода фальсификациям. Постепенно выработался иммунитет ко лжи и имитации реальности. Во-вторых, как мы видим на примере дела Ситникова, эта болезнь со временем прогрессирует. Уровень допустимого в обществе обмана постоянно повышается, превращая порой нашу жизнь в театр абсурда. И наконец, в-третьих, сегодняшняя Россия активно экспортирует свои метастазы на цивилизованный Запад. Вместе с идеей «за деньги можно купить все» мы постепенно приучаем Старый Свет к мысли, что нет ничего дурного, когда обман становится нормой жизни. Мне кажется, что именно эта прогрессирующая азиатчина и выделяет нас сегодня на фоне цивилизованного Запада.

А что же с «делом Ситникова»? Точка в этом деле пока не поставлена. В ближайшее время предстоит его судебное рассмотрение.

Андрей Ростовцев

Винно-диссертационная история

Ежедневный журнал, 11.12.2013

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=23942>

В 1985 г. в Европе разразился грандиозный скандал, связанный с тем, что в австрийских винах неожиданно обнаружилось высокое содержание ядовитых, чрезвычайно вредных для здоровья веществ. Как потом выяснилось, еще задолго до этого австрийские виноделы научились превращать низкокачественное столовое вино в сладкое, насыщенное вино с плотным телом и незабываемым характером. Делали они это посредством добавления в простое дешевое вино простого недорогого антифриза. Да-да, того самого, которым пользуются автолюбители. Разливали антифриз в промышленных масштабах. Такое вино-«незамерзайка» поступало в широкую продажу в европейские супермаркеты. Сколько бургеров, пристрастившихся к австрийскому чуду виноделия, сократили себе отпущенный им земной срок, осталось неизвестным. Известно только, что уничтожить десятки миллионов бутылок этой чудесной жидкости, просто вылив их содержимое в канализацию, оказалось невозможно из-за угрозы масштабной экологической катастрофы. Это вино, однако, нашло свое конечное применение в цементном производстве.

Я каждый раз вспоминаю эту поучительную историю в связи с диссертационным скандалом, разразившимся в последнее время в нашей стране. На первый взгляд, что может быть общего между липовыми диссертациями и винным фальсификатом? Однако в этих двух историях есть масса забавнейших параллелей. Например, заслуживает вни-

мание тот факт, что обнаруживают плагиат в научных трудах вовсе не те, кому по статусу это положено делать и кто за это получает зарплату. Или тот факт, что искрой, запалившей «свечной заводик» липовых российских ученых, стали банальные наглость и алчность никому до той поры неизвестного университетского чиновника. Ровно также в один прекрасный день простого австрийского служащего налоговой инспекции заинтересовало небольшое винохозяйство, в котором числился лишь один старенький трактор, но которое ежегодно списывало в налоговой декларации тонны антифриза. Но, что наиболее важно, купившие свою научную репутацию специалисты, как винный фальсификат, распространившийся по торговым сетям, постепенно заполняют все без исключения жизненно важные отрасли большой страны. Они уже проникли в медицину, фармакологию, атомную промышленность, космическую отрасль, законодательные органы, суды и даже в тот орган, который сам призван следить за чистотой науки и образования. Неслучайно нам говорят: «не взрывайте ландшафт», кушайте ваше ядовитое вино. Не страшно, что ракеты больше не летают и падают спутники. А чтобы ни у кого не возникло желание усомниться в липовой учености какого-нибудь медицинского светила или ракетостроителя, пробравшиеся на государственную службу жулики законодательно запретили подвергать сомнению ученость, коли стаж этой учености превышает три года. Я представил себе, что было бы, если б в Европе с винным фальсификатом поступили бы точно так же, то есть законодательно признали, что трехлетние вина и старше все без исключения полезны для здоровья, и сомневаться в этом запрещено. К слову сказать, в истории винного скандала максимальная, смертельная доза антифриза была как раз обнаружена в австрийских винах урожая 1981 года, проданных в Германии. По прямой аналогии с российским законодательством простой немецкий бургер должен был бы, ни сколько не усомнившись, это вино купить и выпить.

Конечно, трудно себе представить, чтобы кто-то в здравом уме и твердой памяти принялся бы копировать российское право. Но, в качестве мысленного эксперимента, давайте себе представим ситуацию, в которой винному фальсификату выдана трехлетняя амнистия. Что в таком случае произойдет, не так сложно догадаться: на рынке появится целое море выдержанных трехлетних вин, а рекламодатели утвердят в сознании обывателя старую максиму «чем вино старше, тем оно лучше». Вы догадались, к чему я клоню? Да-да, вы правы, именно так теперь поступают российские ученые. Вознося благодарственные молитвы Высшей аттестационной комиссии, от которой они получили долгожданную индульгенцию, столичные чиновники срочно пакуют чемоданы и отправляются на периферию, чтобы приобрести в каком-нибудь небольшом университете свою липовую ученую степень и спрятать ее до поры до

времени. Только не подумайте, что удаленность от столиц помогает сэкономить на этой акции. Здесь важнее совсем другое...

Дабы наша вино-диссертационная аналогия приобрела осязаемые формы, рассмотрим один живой пример. На сайте сообщества Диссернет недавно появилась экспертиза диссертации доктора экономических наук г-на Макарова Юрия Николаевича. Тот факт, что она списана методом копипаста с более ранних трудов, и качество самого Ю.Н. Макарова как ученого-экономиста здесь не обсуждаются. Давайте обратим внимание на другое. Во-первых, наш фигурант — крупный столичный чиновник. На минуточку, начальник управления стратегического планирования и целевых программ Федерального космического агентства (Роскосмос). Вчитайтесь в каждое из этих слов. Волосы дыбом не встают? Ну, тогда продолжаю: академик Российской академии космонавтики им К.Э. Циолковского, член-корреспондент Академии инженерных наук им. А.М. Прохорова и прочая, и прочая, и прочая. Во-вторых, защита диссертации г-на Макарова проходила в Удмуртии в Ижевском государственном техническом университете. Несмотря на то, что защита докторской диссертации прошла два с половиной года назад, скромный г-н Макаров по-прежнему указывает среди своих многочисленных титулов, что он кандидат технических наук, возможно, вполне заслуженно получивший это звание много лет тому назад. Ну, естественно, осталось еще полгода до амнистии.

Это только один из множества удивительных примеров того, как мы все дружно пьем выдержанные вина и продолжаем только жаловаться на здоровье. На сайте Вольного сообщества Диссернет уже собралась целая винная коллекция. Заходите, знакомьтесь.

Андрей Ростовцев

Диссернет и правосудие

Ежедневный журнал, 18.12.2013

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:5fdBrnG2vsYJ:ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D24007+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

Когда-то это должно было начаться. Рано или поздно, но по логике вещей не случиться этого не могло. Уличенные в обширных некорректных заимствованиях авторы научных трудов пошли в контратаку. И начало этому новому в нашем социуме феномену положило судебное общество.

Судья в отставке Юрий Беспалов и судья Мосгорсуда Дмитрий Гордеюк подали в суд на «Новую газету» и журнал The New Times, которые опубликовали материал об удивительных совпадениях, обнаруженных сообществом Диссернет в текстах диссертаций Гордеюка и его научного

руководителя Беспалова. То есть судьи сами обратились за помощью к своим же коллегам в районных судах города Москвы (Басманном и Пресненском) с исками о «защите чести, достоинства и иных нематериальных благ» и требованием возместить причиненный им моральный ущерб в размере немногим более полутора миллионов рублей. Надо заметить, что подобные суммы в последнее время выплачиваются семьям погибших в авиакатастрофах людей, но никак не за статью в газете о диссертационной работе. Попутно замечу, поскольку эта сумма не была никак истцами обоснована, что меня удивляет скромность писавших судебные иски. Почему бы не попросить десять или, допустим, сто миллионов? Есть еще одно странное обстоятельство: сумма иска к журналу The New Times, назначенная истцами, почти втрое выше, чем к «Новой газете». Исходя из какой логики определялись все эти размеры «оскорбленных» достоинства и чести?

Решения обоих судов не заставили себя долго ждать, и они, как и процесс рассмотрения дела, были настолько похожи друг на друга, что невольно напрашивается конспирологическая версия судейского заговора. Действительно, сами истцы в суд явиться не желали, не было видно там и их представителей. На самом деле, судьи, «непредвзято» рассматривавшие дело, представляли собой сторону пострадавшую. Для вынесения приговора не потребовались ни свидетели, ни заключения экспертов. В Пресненском суде не потребовались даже сами диссертации, которые судья отказалась приобщить к делу. Выступления адвокатов «Новой газеты» и журнала The New Times, их красноречие и неопровержимые доводы также не сыграли в процессе никакой роли. Приговор был один: иски удовлетворить в полном объеме.

Теперь представьте себе сцену из зала суда: перед судьей лежат два одинаковых многостраничных текста — главы диссертаций Гордеюка и его научного руководителя Беспалова. При этом авторы текстов в своем исковом заявлении настаивают на том, что утверждение «Изучив его (Д.В. Гордеюка) кандидатскую диссертацию, юристы Диссернета обнаружили в ней серьезные заимствования из работы его научного руководителя, судьи в отставке Юрия Беспалова» ложно и оскорбляет их чувство собственного достоинства. В такой странной ситуации когнитивный диссонанс кажется неизбежным. Но это смотря с какой стороны посмотреть.

Давайте поменяем позицию и на время забудем про всякие Диссернеты, плагиаты и прочие наукообразности. Нельзя не заметить, что судилища над вольнодумной прессой совпали по времени с ликвидацией государственного информационно-аналитического агентства РИА Новости. Для ликвидации своей собственности собственнику никакие суды не нужны, конечно, как не нужны суды и для ликвидации собственной Академии наук. А вот с остатками свободной прессы, как и с остатками

независимого от государства предпринимательства, сохраняя благопристойный вид, без суда справиться не просто. Если так, то сразу становится понятной полуторамиллионная сумма «компенсации» причиненного морального ущерба. Понятна и диспропорция в исковых суммах. Как раз незадолго перед этими событиями главный редактор журнала Евгения Альбац объявила, что, начиная с нового года, журнал будет существовать только на средства его подписчиков. В таком положении миллионные штрафы — самое надежное, испытанное средство утопить неугодную прессу. Внезапно становится ясно, почему суду для вынесения решений не потребовалась ни экспертиза, ни свидетели, ни даже сами диссертации, с которых и началась эта история.

Остается одна пикантная деталь. В этом деле судебная система незаметно вторглась в сферу интересов академической науки. Ведь если посмотреть на это дело со стороны, то разбираться с плагиатом в научных трудах должно само научное сообщество. Я говорю о реальном, живом научном сообществе, у которого сегодня отбирают право судить даже в тех редких случаях, когда дело касается исключительно сферы его профессиональных интересов. Вообще-то это сообщество существует еще? Господа профессиональные ученые, физики-химики, юристы-экономисты, вы так и будете продолжать со стороны наблюдать, как за вашей спиной государство уничтожает остатки здравого смысла?

Пока научное сообщество взяло паузу, сообщество Диссернет рекомендует всему здравомыслящему пишущему сообществу следующий дисклеймер, который также уместен и здесь: «Сообщество Диссернет обращает внимание читателей на то, что его эксперты и репортеры не употребляют в текстах своих экспертиз, заключений, отчетов, репортажей и комментариев слова типа «кража», «подлог», «мошенничество», «плагиат» и производные от них, в том числе «вор», «мошенник», «плагиатор» и т.п., — поскольку эти понятия упоминаются в УК РФ и эти деяния образуют состав уголовного преступления.

Просим читателей отнестись к этому обстоятельству с пониманием и, в свою очередь, сохранять бдительность при выборе слов, используемых в описаниях работ Диссернета». По-моему, слово «понимание» здесь является ключевым.

Андрей Ростовцев

Диссернет на карте страны

Ежедневный журнал, 25.12.2013

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24076>

Нельзя сказать, что первый год существования проекта Диссернет не был успешным. Только этот успех ни в каких попугаях измерить нельзя. Язык сухой статистики для таких измерений не очень подходит. Ну, что толку от того, если некое четырехзначное число n диссертаций

ученых-чиновников не прошли простейших тестов на плагиат? N-1 из них, как ни в чем не бывало, продолжают считать себя кандидатами-докторами всяческих наук. Может быть, успех Диссернета измеряется количеством судебных тяжб против его единомышленников?

Для меня успех сообщества Диссернет — это, выражаясь словами нашего премьер-министра, «взрытый ландшафт» псевдонаучного творчества, многочисленные шурфы, прорытые в отвалах научной туфты вблизи центров процветающей индустрии фальшака, большая карта, на которой постепенно вырисовываются вражеские укрепления. Как же выглядит такая карта, каков он, этот взрытый ландшафт?

Если представить себе географическую карту нашей большой страны, то можно с уверенностью утверждать, что источники научной липы распределены по ней более или менее равномерно, но есть на ней и свои горные цепи, и неприступные вершины, свои Монбланы и Эвересты. Таких выдающихся Эверестов, собственно говоря, три: обе столицы и Кавказ. Точнее, если рассматривать их в пересчете на количество копошащихся у подножия этих Эверестов ученых, то Кавказу надо отдать пальму первенства. Как ни парадоксально это звучит, но Кавказ уступает... Душанбе. Вы спросите, что за бред, где мы, а где Таджикистан? Оказывается, с Таджикистаном нас объединяет не только почти одновременная «реформа» Академий наук, но и то, что таджикские ученые предпочитают получать корочки кандидатов и докторов наук российского образца. Иными словами, своей аттестацией они не обзавелись и диссертации из Душанбе отправляются прямоком в наш ВАК.

В этом есть свой смысл: российский диплом признается во всем мире, чего не скажешь о таджикском. К тому же таджики считают что, используя свои родственные связи, многие из них незаслуженно могут получить ученую степень, если за ними не присматривает Большой брат. Наивные! Тем временем тонны бессмысленных манускриптов, переписанных от первой до последней строчки с чужих более ранних российских работ, захламляют архивные полки российских центральных библиотек. Но оставим в стороне эту странную экзотику, впрочем, как и сочинения кавказских мудрецов. Рассмотрим поподробнее, что же происходит у нас с вами под самым носом.

Бытует миф, что липовые диссертации — атрибут чиновников и бизнесменов. Может быть, так оно и было лет тридцать назад, но масштабные раскопки Диссернета вскрывают совсем иную реальность. В среднем на одного липового ученого бизнесмена или чиновника приходится около десяти сотрудников из сферы образования: от школьного учителя, доцента кафедры до профессоров и ректоров университетов. Снова парадокс: наиболее удобренная списанными научными трудами социальная почва — это отнюдь не депутатский корпус (хотя и депу-

таты далеко не сахар), а именно ректора многочисленных государственных и частных вузов.

Чем мне нравится Диссернет — это тем, что он, подобно рентгеновскому снимку, позволяет увидеть очаг болезни, истоки современной лысенковщины, отрицание здравого смысла, генезис «законов подлецов» и «окончательной реформы» Академии наук. Приглядимся к этому снимку повнимательнее и отметим на нем особо опасные очаги болезни. Перечислим только те организации, в которых количество липовых диссертаций, успешно защищенных за последние десять лет и попавших на склад Диссернета, превышает два десятка. Да, порог вхождения в элитный клуб достаточно высок.

На первом месте (около 50 липовых диссертаций) возвышаются Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации и Академия государственной службы при президенте Российской Федерации, не так давно объединенные в единую академию (РАНХиГС) под руководством доктора экономических наук и философии, профессора В.А. Мау. Чуть-чуть отстают от столичной академии два питерских вуза ИНЖЕКОН и ФИНЭК, объединенные недавно в Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов под руководством ректора, доктора экономических наук, профессора И.А. Максимцева. Примечательно, что оба этих руководителя, лидеры в своем деле, входят в состав Высшей аттестационной комиссии. То есть им отдано окончательное право судить, какие научные труды представляют собой оригинальные работы, а какие — чистый плагиат.

В спину этим гигантам дышит Московский педагогический государственный университет, про который национальный лидер однажды сказал: «Именно здесь задается высокая планка, которой придерживаются все другие педагогические вузы страны». Печально известным этот университет стал благодаря бывшему диссертационному совету по истории под председательством профессора А.А. Данилова. Бывшему — потому что решением Министерства образования и науки совет был в начале этого года закрыт, на чем, собственно говоря, силы добра по борьбе с фальшивыми учеными степенями у министерства иссякли. Отметим лишь, что на протяжении многих лет заслуженный ученый А.А. Данилов был заместителем председателя Экспертного совета ВАК по истории.

С некоторым отставанием от МПГУ следуют столичные университеты РГГУ и МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно в РГГУ заведующим кафедрой на экономическом факультете последние годы был теперь уже бывший и скандально известный председатель ВАКа Ф.И. Шамхалов. Именно в диссертационном совете по экономике в РГГУ безостановочно работал конвейер по изготовлению липовых ученых-экономистов. А стоит ли удивляться тому, что ректор университета №1 в стране тоже входит в со-

став ВАКа? Но МГУ велик и весьма неоднороден. По данным сообщества Диссернет, центр по изготовлению липовых научных степеней в МГУ, благодаря которому университет попал в этот элитный клуб, уютно устроился на факультете госуправления под руководством декана, депутата Государственной думы от партии «Единая Россия», председателя комитета ГД по образованию В.А. Никонова. Не удивительно, что призванное бороться за чистоту науки министерство быстро свернуло свою активность в этом направлении. Теперь спросим читателя: случайно ли все ведущие фабрики липовых ученых в стране возглавляют непосредственно члены Высшей аттестационной комиссии?

Вот такой ландшафт липовой науки в стране прорисовался к концу первого года работы сообщества Диссернет. Что ж, можно только пожелать сообществу в новом году множить и углублять свои шурфы, расширять охват и вскрывать более изощренные способы подлога и фальсификаций, чем прямой и беспардонный плагиат. Как любит говорить один из основателей сообщества, «ужас будет продолжаться».

Андрей Ростовцев

Взрывной ландшафт

Ежедневный журнал, 29.12.2013

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24126>

Трагедия в Волгограде — тема не новогодняя, но не говорить об этом нельзя. Думаю, что среди читателей этого журнала мало найдется сомневающихся в том, что эти трагические события стали следствием глубочайшего кризиса власти и, в частности, власти региональной. Сообщество Диссернет, со своей стороны, не устанет повторять, что если человеку, сфальсифицировавшему однажды свой социальный (пусть даже в научной сфере — это не так важно) статус, доверить управление обществом, то итоговый результат будет плачевным. Это неизбежно, как закон природы, и произойдет рано или поздно.

Конечно, вы догадались, что ниже речь пойдет о губернаторе Волгоградской области Боженове С.А., точнее, о его диссертации «Информационно-коммуникативные механизмы миграционной политики», которую он, будучи еще мэром Астрахани, с успехом защитил в Академии госслужбы в 2007 году. Сообщество Диссернет уже писало о грубых нарушениях академической этики, связанных с этой диссертационной работой. В частности, в ней присутствуют многостраничные фрагменты, по случайному стечению обстоятельств повторяющие тексты из книги «Миграционная политика России» (В.И. Мукомель, 2005), диссертации того же автора, выполненной в 2006 г. в секторе изучения ксенофобий и предупреждения экстремизма Института социологии РАН,

а также диссертации историка Мальковой В.К. «Этничность и толерантность в средствах массовой информации».

Повторяя исследования доктора исторических наук Мальковой В.К., будущий политолог-губернатор приходит к мысли, что в миграционной политике важно обеспечить соответствующую защиту информации и психологическую безопасность. Он глубокомысленно заключает, что «в общественное сознание и общественный обиход через современную прессу начинают входить такие понятия, как безопасность, экстремизм, ксенофобия, терроризм и другие, приобретающие в российской жизни своеобразную актуальность». Анализируя частоту употребления этих слов в астраханской региональной прессе, Боженов С.А. вопрошает: «Почему им (региональным СМИ) не рассказать о современной неполитической жизни в той местности, где еще живут их родственники и земляки, об образе жизни, их трудностях, заботах и радостях?». И далее: «Подобная тревожная информация в СМИ ведет к психологическому дискомфорту среди населения, вызывая чувство социальной и психологической незащищенности, а порой и униженности у одних, рождая безразличие к обездоленным и обиженным, привыкание к жестокости и ее обыденному восприятию у других, усиливая страх и агрессивное состояние в обществе, а в итоге — протест и поиск врагов». Под конец диссертант говорит «о СМИ, как об одном из «виновников» этнической конфликтности в астраханском сообществе».

Собственно говоря, все эти умозаключения, какой бы зловещей иронией они ни показались в свете последних событий, будущий губернатор Волгоградской области позаимствовал у историка Мальковой В.К., которая писала свой труд применительно к столичному региону. Боженов С.А. или тот, кто услужливо составлял для него текст диссертации, методично заменял в тексте Мальковой В.К. словосочетания «в московском сообществе» на «в астраханском сообществе», «в российской столице» на «в Астраханской области». Вот такая она, новая наука — социальная информатиология, по крайней мере, такой она видится в Российской академии госслужбы.

В итоге еще раз хочется подчеркнуть, что те полмиллиона диссертационных работ, написанных за последние пятнадцать лет, ввиду полной уверенности их авторов в том, что эту лабуду никто никогда читать не станет, представляют собой бесценный кладезь информации... нет, не о науке (научная значимость их часто равна нулю), а об их авторах. Это — драгоценная лакмусовая бумажка для нашего общества и власти. К великому сожалению, власть всеми силами отказывается обращать внимание на цветную реакцию индикаторной лакмусовой бумажки и призывает «не взрывать ландшафт». Очевидно одно: если власть отказывается «взрывать ландшафт» диссертаций, то террористы будут продолжать безнаказанно взрывать вокзалы и троллейбусы.

Чьи в лесу шишки?

Ежедневный журнал, 10.01.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24140>

Как-то один мой хороший знакомый рассказал историю про бригаду рабочих из Украины, помогавших ему строить загородный дом. Когда работы завершились и рабочие разъехались по своим домам, выяснилось, что они заодно прихватили с собой и хозяйский инструмент. «Так, ми ж їм попрацювали», — искренне возмущались пойманные на мелкой покраже. Вообще, не только для украинцев, но и в целом для восточного менталитета в силу какой-то исторической причины свойственно постепенно переводить в свою собственность все, до чего можно дотронуться. Вы понимаете, о чем я говорю.

Из современных западных примеров этого свойства человеческой натуры на память приходит нашумевший случай с докторской диссертацией бывшего федерального министра обороны Германии Гуттенберга. Изначально обнаруженные в его диссертации некорректные заимствования из различных газетных статей, хоть и вызывали недовольство бюргеров, но с грехом пополам могли быть отнесены к ошибкам цитирования. Настоящей же бомбой для германского цивилизованного сообщества стало обнаружение использования в диссертации Гуттенберга результатов работ научных референтов бундестага. Известно, что ориентироваться в сложных вопросах большим политикам часто помогает специально работающая на них команда ученых, консультантов, экспертов. Результаты этой экспертной работы и обнаружили на более чем тридцати страницах диссертации немецкого политика. Итог: аннулирование диплома, отставка с поста министра и позор навеки.

Как вы могли догадаться, российские политики также не брезгают использовать служебные документы в своих «научных» трудах. Классическим примером тому может служить диссертация депутата Государственной думы от фракции «Единая Россия» Елены Николаевой. Основой ее диссертационной работы стал доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год. Формально у этого текста нет авторов, а имеется рабочая группа из почти двадцати высокопоставленных чиновников по подготовке доклада. Это, кстати, еще одно отличие современной России от западного мира, в котором подобные документы всегда имеют своего автора. Скорее всего, мы так никогда и не узнаем имена реальных экспертов, работавших над текстом доклада, перекочевавшего в диссертацию депутата Госдумы, как не узнаем, например, авторов текста закона о «реформе российской академии наук», а также многих

других жизненно важных для нашего общества документов.

Другим ярким примером использования служебного положения в личных целях является диссертация главы Роскомнадзора Александра Жарова. Эта диссертация посвящена вопросам пропаганды здорового образа жизни, а ее фактический материал всецело состоит из Государственного доклада «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2002 году». Доклад был подготовлен Департаментом госсанэпиднадзора Минздрава России и Федеральным центром госсанэпиднадзора Минздрава России. Надо сказать, что во время работы над своей диссертацией А.А. Жаров являлся заместителем управляющего делами и помощником министра здравоохранения России по связям с общественностью. Насмешкой над научными трудами, и российскими диссертациями в частности, выглядит тот факт, что научным руководителем кандидата медицинских наук А.А. Жарова выступил сам министр здравоохранения РФ (на то время Юрий Леонидович Шевченко). Кстати, страсть приглашать «свадебных генералов» на защиту своих научных трудов — еще одна характерная отличительная особенность, нашей ментальности от западного мышления. Цинизм сложившейся в данном случае ситуации состоит еще и в том, что раздел диссертации, состоящий практически целиком из государственного доклада, над которым трудились десятки ученых двух ведомств, озаглавлен (я не шучу!) «Собственные исследования». Кто не верит, может легко в этом убедиться, заглянув на страницу 40 диссертации будущего руководителя Роскомнадзора. Все, как в известном анекдоте: «и эти люди запрещают нам ковыряться в носу!». Было бы неплохо перед тем как судить о контенте интернета или нетрадиционных отношениях, вспомнить сначала об авторском праве и о элементарных академических нормах, выполнение которых требуется для присвоения ученой степени.

Надо ли говорить, что ни депутат Госдумы Елена Николаева, ни глава надзорного ведомства Александр Жаров не собираются разделять участь немецкого министра. Более того, само общество не требует от них этого. Почему? Чем же наше общество отличается от западного? Возможно, ответ на этот вопрос лежит в рамках права собственности? Помните классику: «Все вокруг колхозное — все вокруг мое»? Действительно, что есть собственность? Ведь шишки в лесу в общем случае никому не принадлежат, а шишки из того же леса, собранные в корзину, уже претендуют быть чьей-то собственностью. Чьей? Согласно английскому философу Дж. Локку, собственностью шишки делает труд. Но дело в том, что и гастарбайтеры из Украины, и некоторые российские чиновники слишком буквально воспринимают философское учение XVII-го века: трюхи попрацював, рядом постояв — пиши свое. Ну да, где мы, а где Англия?

Диссернет. Запрос на консерватизм

Ежедневный журнал, 15.01.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24162>

На прошедшей неделе мне пришло письмо, в котором излагалась оригинальная точка зрения одного из уважаемых ученых, доктора физ.-мат. наук на «деятельность по разоблачению липовых и списанных диссертаций». Ученый считает, что эта «деятельность имеет большой отрицательный побочный эффект. В общественном сознании присуждение всех научных степеней по всем отраслям знаний начинает восприниматься как конвейер по списыванию чужих диссертаций, включая математику и физику. По его мнению, подготовленное таким образом общественное сознание благосклонно восприняло разгон Академии наук как оплот псевдонауки и продажности». Вот как! На память тут же приходит классическое «Простите, часовню тоже я... развалил?».

В действительности в этом нет ничего удивительного. Это природное явление, осознанное еще древними: на каждое действие всегда имеется противодействие. Противодействие, в том числе, и здравому смыслу. Как это ни парадоксально звучит, исключений из этого правила не бывает.

Не так давно на медицинском факультете университета Гейдельберга, одного из ведущих научных центров Германии, был организован целый научный форум, посвященный важному вопросу: лишать или не лишать ученой степени коллегу из университетской клиники доктора медицинских наук Nalan Kayhan. Дело в том, что незадолго до этого дотошное немецкое сообщество по разоблачению липовых ученых VroniPlag опубликовало исследование диссертации Nalan Kayhan, которая оказалась на три четверти плагиатом более ранних чужих работ, включая работы ее научного руководителя. Да, признало ученое собрание, есть заимствования, но, как говорится, в этом случае друг Платон нам дороже истины. Люблю немецкий язык за предельную ясность формулировок! «Die wissenschaftliche Integrität» («научное единство») — это то, что, по мнению ученого собрания университета Гейдельберга, стоит существенно выше всяких фальсификаций, научного подлога и обвинений в плагиате, будь он хоть стопроцентный.

Эта нашумевшая немецкая история вспомнилась мне в связи с недавно прошедшими выборами директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ, ведущего в стране учебного заведения в области востоковедения. Незадолго до этого события основной претендент на пост директора института, полковник запаса и бывший главный федераль-

ный инспектор по Москве профессор И.И. Абылгазиев, оказался в центре скандальной истории, связанной с обнаружением в его диссертации на степень доктора исторических наук обширных многостраничных заимствований из чужих работ. Подобно гейдельбергским коллегам профессора-востоковеда МГУ собрали Ученый совет по вопросу доверия будущему директору. Видеозапись этого ученого собрания была выложена в интернете, а затем почему-то удалена. Но я все же успел ее просмотреть. Вот сидят ведущие в стране китаисты, японисты, тюркологи и прочие «исты» и «ологи» и внимательно слушают выступление своего коллеги о том, какой он белый и пушистый, и что диссертацию он писал сам от начала до конца, и что понятия не имеет, откуда, с какой стороны к нему присосались эти чужие тексты. Единственное объяснение этому загадочному явлению он видит не больше не меньше, как в заговоре. По словам профессора, враги, распространяя информацию о плагиате в диссертации, пытаются опорочить имя ректора МГУ, доверенным лицом которого был профессор И.И. Абылгазиев. Видимо, те же враги выкрали незаконченную диссертацию профессора и быстро-быстро опубликовали главы из нее в виде собственного научного исследования, выставив безупречную научную репутацию маститого ученого в дурном свете. Нет-нет, это не мои досужие домыслы — все это звучит с высокой трибуны ученого собрания.

Результат тайного голосования по вопросу доверия будущему директору ИСАА, как рассказал участник форума историк-антиковед член-корреспондент РАН Аскольд Иванчик: 21 член совета доверяет директору, 10 не доверяют, 7 бюллетеней недействительных. Заметьте, голосование было тайным.

Логический итог этих историй очевиден: в обществе потребления, как в нашем, так и в западном, существует заметный запрос на консерватизм. При этом общество ради консерватизма готово жертвовать многим: академией наук, детьми-сиротами и самим здравым смыслом. Последним барьером на этом пути, как оказалось, становится личное материальное благосостояние, пожертвовать которым готовы немногие. На эту тему очень метко выразился один из профессоров столичного университета, когда узнал, что его коллега, на протяжении многих лет стоявший у руля раздачи списанных диссертаций и липовых ученых степеней (а организованы целые конвейеры по изготовлению этой продукции), теперь взял под контроль бюджет учебного заведения. К сожалению, привести это выражение не позволяет цензура. Так что «интегрет» интегретом, а денежки врозь.

С чего начинается Родина?

Ежедневный журнал, 22.01.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24219>

На сайте Общества научных работников (ОНР) начался сбор подписей за отмену срока давности для фальшивых диссертаций. По действующему постановлению правительства отказ от рассмотрения заявлений о лишении ученой степени легализует все фальшивые диссертации, защищенные до 1 января 2011 года. Вот ведь тоже дело государственной важности — защитить жуликов от претензий, предъявляемых к ним научным сообществом! Авторы письма, размещенного на сайте ОНР, аргументируют так: «Само по себе установление срока давности в отношении деяний фальсификаторов нарушает основополагающий принцип гражданских правоотношений, состоящий в том, что никто не может извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения». И приводят пример: «Человека, много лет назад похитившего в музее картину, в тюрьму не посадят — но картину отберут и вернут в музей». С этим трудно поспорить. И, тем не менее, я сам себе задаю вопрос, за чем?

Ну, отберут у чиновников и бизнесменов их корочки кандидатов и докторов всяческих наук. С одной стороны, вроде бы это и неплохо, а с другой — лишат нас еще одной возможности потроллить мошенников, когда-то купивших себе диссертации. Да и, как оказалось, не так много таких чиновников-ученых по сравнению с многочисленной ратью преподавателей государственных и негосударственных вузов — от доцентов, профессоров до ректоров университетов. Если в одночасье и эта рать лишится своих ученых титулов, кто же тогда будет обучать студентов? И, несмотря на это, все-таки имеется серьезное соображение в пользу того, чтобы поставить подпись под письмом на сайте ОНР. Связано это соображение с непреодолимой тягой обладателей фальшивых научных трудов к роли наставников молодежи. Взять хотя бы для примера экс-главу Студенческого союза МГУ Андрея Андриянова. Считается, что именно с него начался российский диссергейт. Или не менее яркий пример — доктор исторических наук (с четырьмя высшими образованиями) Арутюнов Эрик Каренович, в диссертациях которого по, данным сообщества Диссернет, практически нет собственного оригинального текста. Эрик Каренович является не только членом политического совета партии «Единая Россия», но и возглавляет совет молодых ученых Всероссийской политической партии «Единая Россия» (Краснодарское отделение). Это было бы более-менее терпимо, если дело не касалось бы тонкой материи — школьников, юношей и девушек,

еще не успевших утвердиться в своем мировоззрении. Заметим, что настоящий скандал с липовыми диссертациями разразился не тогда, когда А. Андриянов возглавлял студенческий союз, а последовал как реакция на назначение его директором школьного учебно-научного центра. Чему и как может научить школьников такой директор? Увидим на следующем примере.

Газета «Троицкий вариант — наука» неоднократно сообщала о «групповом плагиате» в стенах московского вуза МИРЭА. Как это часто бывает, в таких случаях выстраивается целая иерархическая цепочка, свидетельствующая об общей деградации российской образовательной системы, — от учащихся до ректората. Первичное звено данной цепочки, вызывающее особую тревогу, олицетворяет воспитанник Центра новых информационных технологий МИРЭА-МГДД(Ю)Т и учащийся лицея № 1525 «Воробьевы горы» Оганов В.В., который несколько раз публично демонстрировал в качестве своего научного открытия работу «Периодический закон Д.И. Менделеева в свете синергетической теории информации». Сначала учащийся 9-го класса занял 3 место на конференции «НТТМ-Москва 2011», затем провел презентацию на выставке «Лучшее детям» в ЦВЗ «Манеж», после чего получил 2 место в соревнованиях школьников на Всероссийском научном форуме молодежи «Шаг в будущее 2012». О значимости этих мероприятий говорят хотя бы такие факты: выставку «Лучшее детям» приветствовал сам президент России Медведев Д.А., а программа «Шаг в будущее» на Всемирном инновационном саммите по вопросам образования (Катар, 2011 г.) официально признана международным сообществом в качестве одного из двух главных российских инновационно-образовательных проектов (второй проект — фонд «Сколково»). Все было бы хорошо, но дело в том, что еще в 2004 г. в одном из научно-технических журналов была опубликована и размещена в интернете статья с точно такими же названием и содержанием, что и указанная работа школьника. При этом фамилия автора статьи в докладах школьника нигде не упоминалась.

Да, школьный доклад — не диссертация на соискание ученой степени. К тому же понятно, что винить школьника в подлоге и фальсификациях бессмысленно — за его выступлениями стоят взрослые титулованные педагоги из той самой вышеупомянутой цепочки кандидатов докторов наук, которые, по-видимому, хотели в дополнение к своим «научным» успехам продемонстрировать и свои «педагогические» достижения. Но почему-то вот этот пример школьника В.Оганова и его «учителей» и есть для меня лично серьезный повод поставить свою подпись под письмом на сайте ОНР. К чему и вас призываю, глубокоуважаемый читатель.

Организаторские способности

Ежедневный журнал, 30.01.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24290>

Главой кафедры отечественной истории XX века истфака МГУ назначен глава пресс-службы Федеральной службы охраны Сергей Девятков. По его словам, он будет совмещать службу в ФСО с преподавательской деятельностью

В последнее время стало тенденцией оценивать руководство университетов не по вкладу в науку и даже не с позиций академической этики, а в первую очередь с точки зрения организаторских способностей. При этом под «организаторскими способностями» понимается то, насколько высоко удалось вскарабкаться по иерархической лестнице вертикали власти. Совсем недавно мы были свидетелями назначения директором Института стран Азии и Африки МГУ доктора исторических наук И.И. Абылгазиева, в диссертации которого обнаружены мощные залежи чужого, опубликованного ранее материала. Чем руководствовались уважаемые члены ученого совета, выражая доверие своему будущему директору? Ведь качество его диссертационной работы для них никаким секретом не было. Какими пряниками их соблазнили? Профессор И.И. Абылгазиев — полковник внешней разведки, бывший федеральный инспектор по Москве и доверенное лицо ректора МГУ.

Вообще, чиновники, устремившиеся на руководящие должности в системе высшего образования в современной России, — тема необъятная. Даже выдавшие виды коллеги из сообщества Диссернет были потрясены тем фактом, что наиболее часто обладателями фальшивых, на скорую руку изготовленных научных диссертаций становятся не олигархи и не депутаты, а простые ректоры российских вузов, их заместители, деканы, доценты и профессора. При ближайшем рассмотрении этот, на первый взгляд, парадокс никаким биномом Ньютона не является. Просто, диссертация — необходимый атрибут университетской должности, которую многие чиновники рассматривают в качестве золотого парашюта на закате своей политической карьеры. В масштабный цинизм сложившейся ситуации трудно поверить, но это, к сожалению, так. Как бы ни старалось Министерство образования и науки замалчивать неоспоримые факты, на сайте сообщества Диссернет практически ежедневно появляются новые персонажи из сферы высшего образования, пустившиеся во все тяжкие ради корочки кандидата или доктора каких-нибудь наук. Из свежих примеров, как пирожок из горячей печи — бывший депутат Госдумы (а чего стесняться-то?) Сысоев Александр Митрофанович, пересевший из депутатского кресла в крес-

ло ректорское — Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина. При этом свою диссертацию он защитил в Воронеже (в регионе, в котором он был председателем правительства) без отрыва от своего основного законотворческого производства в Москве. И подобных примеров немало.

Возвращаясь к теме Московского государственного университета нельзя не обратить внимания на факультет государственного управления, который возглавляет также историк и также чиновник, депутат Госдумы и председатель комитета по образованию В.А. Никонов. Именно этот факультет попал в поле зрения сообщества Диссернет благодаря большому числу диссертаций по истории и экономике, сфабрикованных при помощи клавиш Ctrl-C и Ctrl-V, и, таким образом, затянул весь вуз целиком в пятерку лидеров «диссерорезательных» фабрик. Жаль, что в западных рейтингах университетов не учитываются способности по изготовлению фальшивых дипломов и выпуску липовых ученых. В этом бы нам равных не было.

Впрочем, МГУ не только госуправлением славен. Есть еще, по крайней мере, один неиссякаемый источник научной липы, устроившийся на факультете социологии. Здесь есть и свое ноу-хау: в диссертации, защищенной по экономике, на титульном листе заменяются имя диссертанта и название научного труда. Voila — получилась новая диссертация по социологическим наукам и заодно новый учОный-социолог.

Можно хоть тысячу раз произнести слово «изюм», но от этого во рту слаще не станет. Ректор МГУ В.А. Садовничий неустанно проверяет на себе эту старую восточную мудрость: «За 25 лет на диссоветы МГУ не было ни одной рекламации... Такое, что наши сотрудники, защищавшиеся в других организациях и их диссоветах, — было, вы про такие случаи, конечно, знаете. Но на наши диссоветы рекламаций не было...». Диссернет так же неустанно будет возвращаться к теме чиновников в образовании, вытаскивать их, способных организаторов, с их фабриками липовых репутаций на всеобщее обозрение.

Оставайтесь с Диссернетом.

Андрей Ростовцев

Диссернет. Трещина в Доме Пашкова

Dissernet.org, 05.02.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24349>

Кажется, что «власть» и «оппозиция» — из наиболее частых понятий, к которым апеллирует наша политизированная общественность, вполне обоснованно противопоставляя одно другому. Но сдается мне, что реальная граница между добром и злом лежит не здесь, а там, где здра-

вый смысл граничит с мракобесием, между совестью и лицемерием, между желанием познать истину и неприкрытой ложью. Удивительно, что результаты работы сообщества Диссернет как нельзя более точно показывают эту границу. Судите сами.

Можно переписать свою зарубежную собственность на супругу, тут же оформить с ней развод, и вот — вчерашний коррупционер снова белый и пушистый и снова учит нас жить. Судья с легкостью оправдывает отпетого мошенника и с той же легкостью наказывает ни в чем неповинного. В беспринципном телеке очернят и обелят любого кого-прикажете, покажут летающие тарелки, расскажут про вечный двигатель, про живую воду. Вместе с прежними ориентирами таким образом размывается граница и между добром и злом. Но если перед вами два текста, то любой умеющий читать или хотя бы просто различать буквы может самостоятельно убедиться, что автор одного из текстов, имярек, списал самым бесстыдным образом все от первой до последней буквы (или почти все) у автора второго текста, выдал чужую работу и чужие мысли за свои, да еще под этим подписался. Каждому здравомыслящему становится ясно: имярек находится по ту сторону вышеупомянутой границы.

Эта граница настолько четко обозначена, что никакие манипуляции уже не способны восстановить репутацию г-на имярек, если он сам того не захочет. Все его дальнейшие неуклюжие попытки убедить нас в том, что буквы сами в таком странном порядке засосались на страницы его научных трудов, только добавляют штрихи к с ходу набросанному портрету мошенника; все слова про волшебный ВАК, у которого не было и нет претензий к его научным титулам, выглядят смешно и нелепо, выдают очередное вранье и не оставляют ни малейшего сомнения в том, что для общества этот имярек окончательно потерян. Часто такая потеря бывает вполне ожидаема и не вызывает сожаления, но иногда весьма прискорбно наблюдать, как в результате коллизий вокруг Диссернета то колеблющееся, что, казалось, еще можно спасти, медленно, но верно сползает за черту. К сожалению, недавно мы стали свидетелями такого сползания Российской государственной библиотеки (РГБ) в лице ее генерального директора.

Эта история началась в мае прошлого года. После громких скандальных разоблачений фальшивых, изготовленных с грубым нарушением авторских прав диссертаций в адрес РГБ поступил депутатский запрос на проверку оригинальности некоторых из них. В те времена депутатский запрос еще что-то значил, и в течение месяца из Ленинки в ответ депутату пришло официальное письмо с результатами экспертизы. Результаты эти были весьма неутешительны. Тогда, как бы предчувствуя бурю, сам генеральный на время исчез и письмо с подробно задокументированными свидетельствами интеллектуального воровства чинов-

ников подписал его заместитель. Прошло около полугода, и настала пора открыть почтенной публике то, что было в этом официальном письме-ответе. Почему же сразу не открыли, спросит пытливый читатель? Тут вот в чем дело.

С самого начала работы сообщества Диссернет довольно быстро стало ясно, что ни при каких обстоятельствах нельзя выгружать в сознание общественности сразу полную тележку с многочисленными свидетельствами жульничества, подлога и просто общечеловеческой грязи. Это взорвало бы даже самый психостойчивый мозг, и далее вести диалог уже будет не с кем. Поэтому диссернетовское лекарство выдается строго по рецепту, дозировано, как доктор прописал. На полках Диссернета хранятся десятки ошеломляющих историй. И все они, одна за другой, по очереди, каждая в свой час, выйдут на свет Божий... Именно это и произошло с той злосчастной экспертизой РГБ, и с этого момента в главной государственной библиотеке страны начали происходить всяческие чудеса.

Для начала директор дал полный задний ход, мол, я не я и экспертиза не моя. Как же, возмутился народный избранник, отправлявший запрос в Ленинку: вот и официальный ответ, и исходящие-входящие номера, бланк библиотеки, подписи ответственных лиц. Директор подумал и скоро выставил вместо себя несчастную пресс-секретаршу, общившую удивленной публике, что, дескать, в документах действителен только титульный лист, а все остальное — сплошная фальсификация. От таких сентенций у наблюдавшего за этой многосерийной комедией народа тихо поехала крыша. Тут же вспомнили и про Конституцию, у которой, по логике директора РГБ, действительна одна обложка, а все содержание — сплошная подстава, и про многое другое. Видя такой разворот событий, директор метнулся в противоположную сторону. Нет, никакая это не липа, сообщил он народу. Это натуральная утечка, и крот в коллективе экспертов РГБ уже локализован. При этом, сохраняя лицо благодетеля, он добавил что-то вроде «ты не бойся — мы тебя небольно зарежем».

И снова бессонная ночь. Ведь, признав утечку, приходится признать, что та злополучная экспертиза правильная и тот мажорный имярек, которого он сам признал наглым плагиатором, на самом деле является мошенником. Нет, так тоже нехорошо. Поэтому на следующее утро официальная экспертиза полугодовой давности пережила свое третье перерождение.

Теперь она уже не «фальшивая» и не «слитая» злыми шпионами, а просто «незаконченная». Эврика! Решение наконец найдено. Эксперты работали в поте лица, но за месяц так со своим заданием и не справились. Однако если сам имярек обратится к нам с просьбой, то мы свое дело справим как нельзя более профессионально и тогда еще посмотрим

рим: результат заранее неизвестен. Тем самым директор главного книгохранилища страны посылает нам всем однозначный сигнал: мол, если потребуется, я такую экспертизу забабахая — мало не покажется. А пока не отвлекайте — мы выявляем пособников сообщества Диссернет в нашем дружном библиотечном коллективе.

Ну-ну, выявляйте на здоровье. На деле это означает, что та четкая грань между добром и злом, правдой и ложью прошла теперь и по главной российской библиотеке, которая у многих до сих пор ассоциировалась с символом национальной культуры. По крайней мере, так это видится со стороны. Весьма прискорбно, конечно.

Андрей Ростовцев

Мифология Ливанова

Ежедневный журнал, 12.02.2014

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:RAwBKftlo6oj:123.ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D24408+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

В начале этой недели в газете «Коммерсантъ» неожиданно появилось интервью министра образования и науки Дмитрия Ливанова, в котором он подробно описывает свое отношение к результатам деятельности сообщества Диссернет. Суждения г-н министр основывает на расхожих мифах о сообществе Диссернет. В последнее время все чаще приходится слышать всякую несусветную чушь о проекте по исследованию мира липовых репутаций. Вдвойне обидно, когда такую несусветную чушь несут люди с виду разумные и здравомыслящие. Поэтому, мне кажется, сегодня было бы уместно поговорить о мифах.

Миф № 1. «Факт необоснованного заимствования или тем более факт отсутствия научной новизны может устанавливать только эксперт в соответствующей области знания. И никакой компьютерный анализ, никакой контекстный поиск, который используется разными программами, не может этот факт установить. Поэтому любое заключение может быть только экспертным, должно быть выполнено квалифицированными людьми, специалистами в соответствующей области науки. Результаты, которые выдает Диссернет, этому требованию не удовлетворяют».

Перед всякими прочими экспертами эксперты-волонтеры Диссернета имеют одно очень важное преимущество — право самостоятельно выбирать себе текст для анализа на заимствования. Как любой практичный человек собирает плоды в первую очередь с нижних веток фруктового дерева, так и Диссернет выбирает для своей работы преимущественно самые зрелые для выявления заимствований тексты, в которых эти заимствования тянутся сплошной непрерывной лентой буквально от первой и до последней страницы. Таких цельнотянутых манускрип-

тов в новейшей истории ученой России хоть вагонами отгружай. Разве необходимо в таком случае разбираться досконально в каких-либо науках, разве не достаточно обладать элементарным навыком различать буквы на бумаге? Тем не менее, министр говорит о какой-то таинственной научной новизне, познать которую дано только специалисту. Вся эта демагогия хороша только в качестве бесплодной теории. На практике часто о научной новизне говорят сами за себя диссертации, авторы которых так же украли выводы «своих» научных исследований от первой и до последней буквы.

Миф № 2. «И еще очень важная вещь — на своем сайте они размещают только негативные результаты. И человеку, который вообще в эту проблематику не погружен, кажется, что все ученые — жулики и обманщики. Человек, который профессионально не занят наукой, видит эти тысячи экспертиз у них на сайте и спрашивает: у нас что, любой кандидат и доктор наук вот такой жулик?»

В данном вопросе г-н министр проявил некомпетентность. Во-первых, принципиально невозможно доказать несуществование чего-либо в открытой, незамкнутой системе. А именно этим и советует нам озаботиться г-н министр. Никогда поиск плагиата не может считаться законченным. Такая уж это эфемерная субстанция. Всегда есть возможность того, что откроются новые обстоятельства или найдется новый, ранее неизвестный источник заимствований. По этой причине ценность положительного заключения является весьма сомнительной. Ровно в таком же ключе понимают эту проблему и западные коллеги, занимающиеся разоблачениями лжеученых, например, в Германии. В России же, наоборот, в который раз изобретают свой велосипед. Во многих вузах (привет тому же министру) сегодня вводится норма предоставлять вместе с текстом своей научной работы справку программы «Антиплагиат» — что-то вроде отпущения грехов. Никакого отпущения грехов от сообщества Диссернет не предвидится. А вот создание единого реестра настоящих ученых в планах значит. Этот реестр, по сути, уже создается. Не заметили? Во-вторых, с таким же успехом можно обвинять суды в том, что они создают иллюзию «кругом одни жулики и насильники», а кампанию Алексея Навального по борьбе с коррупцией — акцией запугивания населения вездесущими коррупционерами.

Миф № 3. «Сначала срок давности составлял десять лет, потом его сократили до трех, а сейчас, в декабре 2013-го, мы снова подняли до десяти. Но юристы нам сказали, что нормативным актом нельзя ухудшать положение человека».

Речь идет об амнистии всем лжеученым, у кого с момента защиты диссертации истекли эти три года.

В действительности, эти правила изобрели лукавые чиновники министерства сами для себя. При этом они грубо «нарушили основопола-

гающий принцип гражданских правоотношений, состоящий в том, что никто не может извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения. Но именно так и обстоит дело с теми, кто получил ученую степень, представив под своим именем чужую работу. Ведь по истечении срока давности эти лица могут не только не беспокоиться о возможном лишении необоснованно полученной ученой степени, но и требовать защиты своих "авторских" прав». Так говорится в открытом письме Общества научных работников.

Миф № 4. «Они ведь проверяют не столько ученых, сколько политиков и бизнесменов».

В Диссернете так устроено, что первый этап проверки осуществляет постоянно работающая программа, которая без устали перемалывает сотни диссертаций в сутки, семь дней в неделю, выдавая на-гора те из них, в которых зафиксировано масштабное совпадение с другими работами. Все такие случаи в дальнейшем разбираются экспертами для ручной выверки и в конечном итоге попадают на один общий склад липовых диссертаций. Некоторые, наиболее впечатляющие примеры научного воровства попадают далее на сайт сообщества. Но даже и здесь политические интересы не преобладают. Кстати, последние попавшиеся мастера метода копипэйст — по профессии живописец и священник. А до этого был целый ряд ректоров крупных вузов. Политическую окраску результатам Диссернета придают средства массовой информации, отбирая его «клиентов» согласно своему разумению и сложившейся ситуации. Более того, сейчас в сообществе Диссернет идет тотальная проверка диссертаций, без разделения на чиновников или политиков. Это необходимо не для того чтобы уличить какого-нибудь Васю Пупкина в нарушении академической этики, а для того чтобы выявить закономерности в работе системы по воспроизводству Пупкиных. В основном благодаря этим Пупкиным, а не «политикам и бизнесменам», Диссернет стал обладателем уникальной базы данных, позволяющей визуализировать весь институт производства фальшака в стране.

Миф № 5. «И почему они не проверяют диссертации по физике, математике, биологии...»

Проверяем. Например, были проверены все диссертации членов Российской академии наук. Да-да, как раз той, которую ваши чиновники рьяно взялись реформировать по своему усмотрению. Среди авторов этих диссертаций преобладают как раз физики, математики и биологи. В это трудно поверить! Ни одного явного фальшака обнаружить пока не удалось.

Миф № 6. «По большому счету если бизнесмен купил диссертацию, потом пришел с ней в диссовет, заплатил деньги, зачитал что-то по бумажке и получил ученую степень — он в данном случае научную этику не нарушил, потому что не является ученым».

Здесь г-н министр, прямо скажем, слухавил. Ведь это его собственное министерство своими собственными ручками выдает такому бизнесмену справку (диплом) государственного образца, подтверждающую, что он, бизнесмен, не кто иной, как ученый. А сколько таких вот «ученых» благодаря таким вот «дипломам» заняли теплые места ректоров и деканов, стали профессорами и доцентами? Т.е. сам г-н министр сначала обеспечил им ксиву, назначил их на руководящие должности, объявил им всепрощение, а теперь журналисту газеты «Коммерсантъ» вешает на уши лапшу, дескать, они и не ученые вовсе, а так, рядом постояли. При этом министр образования жалуется на «серьезные репутационные проблемы для российской науки в целом». Это примерно так же, как кривому пенять на зеркало.

В заключение поделюсь страшной тайной, которая в последнее время стала достоянием сообщества Диссернет. В самом конце прошлого года г-н министр утвердил своим приказом состав экспертных советов ВАК. Как выяснилось, советы новоизбранных «экспертов» ВАК по принципиально важным для страны научным направлениям буквально наштапованы профессиональными диссерорезами, авторитетными представителями наиболее продуктивных фабрик фальшака. Именно этих «специалистов» имеет в виду г-н министр, утверждая, что они и только они имеют право судить о качестве диссертационных работ, их научной ценности и значимости. Об этом скандальном феномене мы еще подробно поговорим. Оставайтесь с Диссернетом. Скучно не будет.

Андрей Ростовцев

Реакция Диссернет

Ежедневный журнал, 19.02.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24475>

Неделю назад я обещал рассказать о грандиозной афере, которую устроило Министерство образования и науки, назначив экспертами по научным диссертациям тех, кто, собственно, благополучно занимался фальсификациями научных диссертаций многие годы и в будущем, по планам министра, продолжит свое дело уже в советах Высшей аттестационной комиссии. То есть в той самой комиссии, которая по идее должна являться высшим арбитром в деле разоблачения фальсификаций. Это весьма симптоматично для нашего времени — декларировать благие намерения, а на практике преследовать совсем другие, весьма нечистоплотные, цели, списывая заранее прогнозируемое фиаско на обстоятельства непреодолимой силы: хотели как лучше, а получилось как всегда. Но тут в дело вмешался так ненавистный чиновникам образования и науки Диссернет, который обнаружил среди записных экспертов ми-

нистра множество своих постоянных «клиентов». Полная картина сложившейся в экспертных советах ВАК ситуации будет в скором времени обнародована на сайте сообщества Диссернет. Поэтому, не вдаваясь в подробности, поговорим пока о том, почему эта тема так важна.

Как уже много раз говорилось, для сообщества Диссернет сами диссертации интересны не содержанием, а своим удивительным свойством рассказывать об «ученых», непосредственно к ним причастных, то, что невооруженным глазом сразу не разглядишь, а если и разглядишь, то долго и мучительно будешь сомневаться, не обмануло ли тебя твое зрение. В каком-то смысле липовая диссертация — это лакмусовая бумажка, простой, но надежный измерительный инструмент. Например, расцвела типичная для экспертиз Диссернета таблица диссертационных заимствований пышным цветом — значит, автор диссертации не проходит тест на профпригодность в качестве управленца, поскольку только лох мог допустить, чтобы ему впарили столь дешевый и негодный товар. Одновременно мы сразу много полезного узнаем о людях, оказавших автору диссертации медвежью услугу, как о людях, готовых на подлог в силу разных обстоятельств.

Судить в таких делах — большая ответственность. Поэтому, дабы избежать ошибки, Диссернет каждый раз проводит вторичный тест и дает возможность автору липовой диссертации признать ошибки прошлого, отказавшись от незаслуженно присвоенной ученой степени. В подавляющем большинстве случаев, однако, вместо признания ошибок приходится выслушивать бессмысленную демагогию, коей автор окончательно подтверждает свой социальный статус. Реакция Диссернета — результат положительный. У сопровождавших защиту липовой диссертации также имеется шанс на реабилитацию: признать защиту недействительной. Но и они обычно продолжают упорствовать, тем самым закрепляя свое незавидное положение в публичном пространстве.

На реакцию Диссернет проверяли самые разные круги чиновников, депутатов, бизнесменов. И каждый раз ее положительный результат вместо народного возмущения вызывал лишь улыбки: мы знали! Знали! Что это, как не свидетельство возвращения нашего общества к варварству? Тут мы принципиально отличаемся от направления развития западной культуры, в которой подобный результат ведет к немедленной отставке госслужащих. Но не об этом сейчас речь.

Чуть более серьезно положительная реакция Диссернета воспринимается в среде преподавателей и ректоров университетов, но и здесь часто сопровождается рефлексией типа: остановить развал системы образования уже невозможно. Как признак злокачественной опухоли воспринимают ее в среде судей и прокуроров. Но и этот психологический бастион скоро будет взят. На пути к окончательному отказу от ценнос-

тей цивилизации, созданных на протяжении многовековой истории, остается последний редут — экспертное сообщество. Сообщество тех, кому от имени науки предоставлено право давать окончательную оценку чему-либо. Понимая это, даже чиновники того же Минобра сделали вид, что обратились к сообществу Диссернет за помощью. «Председатель Высшей аттестационной комиссии Владимир Филиппов пообещал немедленно заменить всех членов экспертных советов, чья репутация по итогам проверок начнет вызывать вопросы». Посмотрим, удастся ли очистить экспертное сообщество от скверны или все уже окончательно безнадежно.

Что касается меня, то, несмотря на весь мой скептицизм, я более склоняюсь к оптимистическому прогнозу. В любом случае, результат мы увидим уже в ближайшее время. Будет интересно. Оставайтесь с Диссернетом.

Андрей Ростовцев

Диссертация с ушами

Ежедневный журнал, 26.02.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24532>

На прошедшей неделе внимание сообщества Диссернет привлек Указ президента Владимира Путина «Об утверждении членов Общественной палаты Российской Федерации». И, о ужас! Среди новых членов Общественной палаты обнаружился наш старый знакомый, председатель президиума Общероссийской общественной организации содействия развитию патриотического законопослушного общества «Офицеры России», Антон Владимирович Цветков. Экспертиза диссертации кандидата политических наук А.В. Цветкова появилась на сайте сообщества Диссернет еще несколько месяцев назад, когда ученый-политолог возглавлял Московскую общественную наблюдательную комиссию, призванную осуществлять контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и оказывать содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания. Нахождение на такой важной для общества правозащитной должности человека, вставшего на защиту замначальника московского СИЗО, где умер Сергей Магнитский, выглядело тогда, по меньшей мере, странно. Странно, если не знать, в какой стране мы живем, где политическая (да и не только) жизнь часто выглядит дешевой имитацией. Хотя это утверждение справедливо для гораздо более широкого класса явлений, чем просто липовые диссертации, разговор сегодня мы начнем именно с них.

Нет нужды говорить, что темы диссертаций, основанных на масштабных заимствованиях чужих текстов, часто не имеют ничего общего

с дальнейшей служебной карьерой авторов этих научных трудов. В случае с Антоном Цветковым это не так. Его диссертационное исследование посвящено вопросам построения правовой культуры в обществе. Однако вся последующая деятельность этого строителя правовой культуры на деле оказалась прямо противоположной смыслу и содержанию его собственного научного труда. Посудите сами. «В России необходимо, прежде всего, способствовать формированию гуманного государства, наиболее приближенного к человеку, его интересам, нуждам и запросам, действующего не в отрыве от гражданского общества, а в согласии с ним», — сообщает нам диссертант. Ссылаясь на соответствие принципам и нормам международного права, он приходит к выводу, «что основным вектором изменений является переход от верноподданнической культуры, когда человек воспринимается как «винтик» в государственной машине, к гражданской правовой культуре. В будущем в России правовая культура должна не только воспитывать законопослушного гражданина, но и формировать ответственную и грамотную в правовом отношении личность, знающую и умеющую отстаивать свои права и свободы, закрепленные в Конституции Российской Федерации». Ага! «Принципиальным решением этой задачи является установление эффективного гражданского контроля над властью с помощью расширения информационной прозрачности, открытости и доступности для граждан органов государственной власти». Ни дать ни взять истинный правозащитник. Как-то не верится, что человек, защитивший всего несколько лет назад перед ученым советом эти прописные истины, и реальный А.В. Цветков, пропагандирующий уголовное преследование по статье 19.3 за «неподчинение законным требованиям сотрудника полиции», одно и то же лицо. Как ученый политолог он должен бы знать, что криминализация данной статьи при одновременном покровительстве государством незаконных действий сотрудников полиции неизбежно делает из граждан те самые «винтики» для государственной машины, о которых печалился автор. Оборотень? Как тут не вспомнить: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». (Матф. 7:15)

Один из многократно проверенных на практике диагнозов, который ставит своим «клиентам» сообщество Диссернет — готовность на любую ложь в зависимости от обстоятельств. Причем ложь может принимать самые фантазийные формы. Например, в форме лжесвидетельства против чемпиона мира по шахматам, якобы покусавшего за ухо «прапорщика полиции, преградившего ему путь из автобуса, в который его посадили и откуда он пытался вырваться». Ярко и со вкусом. Но на этом история с ушами не оканчивается. Видимо, убедившись в том, что «Офицеры России» своих не сдают, прапорщики после такого неизбежаемого и анекдотичного случая, осознав свою безнаказанность, на-

перебой принялись строчить кляузы на зубастых мятежников. Не далее как пару дней назад в аналогичной ситуации оказался известный журналист Сергей Пархоменко. В полицейском автобусе, куда Сергея без какого-либо видимого повода вдруг силой затолкали стражи порядка, по их же свидетельству он принялся яростно грызть чьи-то полицейские уши. Мне, знающему Сергея как истинного гурмана, любителя вкусной и здоровой пищи, слабо верится, что он мог соблазниться каким-то полицейским ухом. Надеюсь, как и в случае с Гарри Каспаровым, несложная экспертиза выведет очередного ушастого фантазера на чистую воду. Но к чему это все? Если кто-то думает, что моду кусать прапоров за уши привил нам Тайсон, то это не так. Эта мода пошла с умелой подачи правозащитника, а теперь члена Общественной палаты при президенте России. Вот к каким неожиданным результатам приводит легкомысленное попустительство научного сообщества при защите сомнительных диссертаций. Диссернет предупреждает: липовые диссертации опасны для здоровья.

Андрей Ростовцев

Воинствующий пациент Диссернета

Ежедневный журнал, 05.03.2014

<http://www.buro.ej.ru/?a=note&id=24607>

«Совет Федерации единогласно поддержал предложение президента России Владимира Путина ввести Вооруженные силы на территорию Украины». Любого здравомыслящего человека, не обременившего себя аморальными обязательствами в обмен на жирный кусок государственного бюджета, эта новость приводит в шоковое состояние. Оставив на минутку в стороне рассуждения о том, чем грозит миру такая «единогласная поддержка», мы попытаемся разобраться во внутреннем механизме принятия подобных судьбоносных решений.

Подобно одобрению «закона Димы Яковлева», прозванного в народе «законом подлецов», так называемой реформы Российской академии наук и многих других антицивилизационных инициатив Кремля принятие решения о вводе войск на территорию Украины окутано едким туманом лжи. И даже дело не в том, что это решение принималось уже после того, как в насмешку над всеми международными нормами российские войска оккупировали часть Украины, и не в том, что с высокой трибуны свою античеловеческую мораль, никого не стесняясь, члены Совета Федерации оправдывали каким-то мифическим насилием над русским населением, несуществующими сотнями тысяч беженцев или просьбой весьма сомнительной личности, под дулами автоматов выбранной главой правительства автономной республики Крым.

Поражает плохо скрываемая фальсификация результатов голосования. Настораживает отсутствие поименного списка проголосовавших «за». Поражает логика политиков, оправдывающих свои решения. Давайте вместе послушаем, что говорит, например, член Совета Федерации Валентина Петренко. Сенаторша оправдывает военную оккупацию независимого государства отсутствием у нее гарантий того, «что они не станут осквернять могилы воинов, положивших свою жизнь за освобождение от немецких фашистов, где гарантии, что могилы предков, среди которых и мои родственники, не вернувшиеся с Великой Отечественной войны, останутся не тронутыми». В подкрепление своей очевидно слабой логики она сетует на то, «что разбушевавшиеся украинские нацисты могут стать угрозой и для Европы». Это при том, что вся цивилизованная Европа поддерживает «разбушевавшихся украинских националистов» и готова объявить самих прокремлевских политиков вне закона. Налицо подмена понятий, подлог. А раз так, то это пациент Диссернета.

Прикоснемся своей лакмусовой бумажкой к этому странному политику. Как и ожидалось, реакция Диссернет откровенно положительная. Научный труд сенатора, доктора педагогических наук, оказался буквально нашпигован гигантскими многостраничными кусками текста, дословно совпадающими с текстами из чужих диссертаций, преимущественно защищенных ранее в том же Институте общего образования, где была сделана диссертация самой Валентины Петренко.

Ничего удивительного. В очередной раз Диссернет как инструмент, препарирующий репутации, оправдал ожидания, основанные на здравомыслии. Не хочется утверждать, что липовые диссертации ведут, в том числе, к бессмысленной братоубийственной войне. Но связь понятий и в этом случае на удивление простая. Многолетний научный труд неизбежно формирует аналитический склад ума, не позволяющий принимать заведомо ложные решения. Напротив, готовность использовать подлог как метод решения задачи ведет к непредсказуемым последствиям. Диссернет как инструмент такую готовность на подлог безошибочно в людях фиксирует. Жаль, что *a posteriori*.

Вероятнее всего, г-же Петренко и в голову не могло прийти, что кто-то через десять лет заинтересуется ее диссертацией по педагогике, стряхнет пыль с многостраничного фолианта и посмотрит на политика сквозь своеобразное увеличительное стекло. Как видим, в этом сенатор Валентина Петренко заблуждалась. Ровно так же она и ее коллеги заблуждаются в том, что развязанная ими война их никогда не коснется. Еще как коснется. Мало не покажется. И результат мы увидим не через десять лет, а гораздо раньше.

Дорога в никуда

Ежедневный журнал, 12.03.2014

<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:8eMgeIQ53EYJ:www.ej.ru/%3Fa%3Dnote%26id%3D24655+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

Сегодня о чем бы ты ни подумал, все равно это будет немножечко про Крым. В поисках ответа на многие вопросы, связанные с крымской тематикой, появилась возможность покопаться в себе, поискать на дне своей генетической памяти участников первой Крымской кампании или хотя бы заново примерить себя к персонажам рассказов Зоценко. То есть, конечно, такая возможность существовала и раньше, но теперь она приобрела особую актуальность. Пересматривая свой рабочий альбом, Диссернет также пытается найти ответы на вопросы, которые поставила новая Крымская кампания. В чем же дело и кто во всем этом виноват?

Вот групповой портрет сенаторов, единодушно поддержавших ввод войск. Нет, все-таки не в них дело. Они, пожалуй, всего лишь продукт своего времени и не виноваты в том, что нас так легко купить на «айда, наших бьют!». Да и Диссернет — это не про их липовые диссертации, хотя неоднократно рассказывал об этом феномене. А вот сравнительно свежий, еще незаконченный портрет председателя совета общественной организации «Российский общественный институт избирательного права» Игоря Борисова, так гневно осудившего правозащитников из Совета по правам человека, позволивших себе встать на «позицию, продиктованную диктатом Запада». Нет, это снова не совсем то, хотя тема липовых репутаций уже заметно ближе Диссернету. Так в чем же дело? Почему так легко и безнаказанно нас всех можно погрузить в океан лжи, сухими из которого удастся выйти лишь немногим? Я убежден, что все это следствие глубочайшего кризиса некомпетентности, и одна из целей, стоящих перед сообществом Диссернет, — осветить этот мрачный угол на нашей коммунальной кухне.

Если коротко, кризис некомпетентности сводится к вопросу о существовании экспертного сообщества, о проблемах которого мы уже неоднократно говорили. Так сложилось, что по ключевым жизненно важным вопросам его мнение не слышно совсем. Квинтэссенцией этих проблем неожиданно, но вполне закономерно стал недавно прошедший отбор «экспертов» в так называемые экспертные советы Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ. Благодаря инструментам Диссернета выяснилось, что в это элитное сообщество вошло множество фальсификаторов — тех, кто на протяжении последних лет был непосредственным участником крупномасштабного воспроизводства липовых ученых степеней для тех же сенато-

ров и депутатов, обеспечивал ложные репутации для некоторых правозащитников и различного рода советников на самом высоком уровне. Здесь мы уже писали о той ужасной картине, которая сложилась в экспертных советах по экономике. Но нет предела совершенству на этой дороге, ведущей в никуда. Ситуация в экспертном совете по праву оказалась намного хуже. И это далеко не полная картина. Среди экспертов-юристов, замеченных в диссертационном подлоге, затесались даже работники Высшей школы экономики — известного пристанища либерализма и олицетворения свободомыслия. Надо понимать, что эти юристы-ученые в течение многих лет воспроизводили и продолжают воспроизводить (иначе, зачем они здесь) себе подобных: бесчисленных прокуроров, их замов, судей разного уровня, омбудсменов, правоведов и адвокатов — то сословие, которое на наших глазах было призвано властью в буквальном смысле расправиться с гражданами, возмущенными несправедливостью сегодняшней судебной системы. Причем, что важно, расправиться также с помощью фальсификаций, используя ложные обвинения, даже несмотря на всю их смехотворность. То самое сословие, которое в ближайшем будущем по такой же схеме будет расправляться с пацифистами, правозащитниками и просто участниками антивоенных акций. То самое сословие, которое с легкостью изменит любой закон по принципу «чегоприкажете» и в конце концов представит аннексию части чужого государства как вполне правовой, конституционный акт восстановления исторической справедливости. Эта дорога в никуда старательно прокладывается липовым экспертным сообществом. Именно так в проекции Диссернета выглядит сегодня суть новой Крымской кампании.

**Публицистическая премия
«ПолитПросвет», 2014 год**

Составитель — Вера Юдинцева

Ответственный за выпуск — Михаил Ледовский

Верстка — Мария Ратинова

Подписано в печать 22.05.2014

Тираж 800 экз.

Не для продажи

Премия ПолитПросвет учреждена фондом «Либеральная Миссия».

Миссия Премии: выбор и поощрение авторов публицистически ярко формулирующих позицию по актуальным вопросам общественной и политической жизни.

Цель Премии: привлечение внимания и поощрение публичных интеллектуалов в области современной политики и общественной жизни.

Сайт Премии: www.politprosvet.org

